

Л.В. БЕЛОВИНСКИЙ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

Л.В. Беловинский

Повседневная жизнь человека советской эпохи

Предметный мир и социальное
пространство

«Трикта»
Москва, 2017

«Академический проект»
Москва, 2017

УДК 94(47);008
ББК 63.3(2);71
Б 43

*Издано при финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Беловинский Л.В.
Б 43 Повседневная жизнь человека советской эпохи. Предметный мир и социальное пространство. — М.: Академический проект; Трикта, 2017. — 704 с.

ISBN 978-5-8291-2045-0 (Академический проект)
ISBN 978-5-904954-49-9 (Трикта)

Книга посвящена истории повседневной жизни советского человека с 1917 года до конца советской эпохи — начала 1990-х годов. В ней раскрываются основные черты частного и общественного быта советских людей, а также формировавшие его реалии политической, социальной, экономической жизни. Создатель этой книги — доктор исторических наук профессор Л.В. Беловинский, специалист по истории повседневности и истории материальной культуры, автор ряда учебных пособий и многочисленных публикаций, в т. ч. вышедшего несколькими изданиями энциклопедического словаря по истории русского дореволюционного быта.

Издание рассчитано на широкую аудиторию.

УДК 94(47);008
ББК 63.3(2);71

ISBN 978-5-8291-2045-0
ISBN 978-5-904954-49-9

© Беловинский Л.В., 2017
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2017
© «Трикта», 2017

Введение

Эта книга посвящена простому советскому человеку. Именно простому: не герою, не передовику, не «маяку», не добровольцу-романтику, ехавшему «за туманом и за запахом тайги», а такому человеку, который в полном смысле слова может быть назван (а в советской прессе нередко и назывался) обывателем.

Казалось бы, что это за герой книги... Однако именно такой человек, миллионы, десятки миллионов таких людей, а не герои, не исключительные личности пахали землю и сеяли хлеб, рубили лес и «рубали уголек», строили, варили сталь, водили автомашины и поезда... В общем, созидали. Может быть, нехотя, спустя рукава, может быть, даже пьянствуя и подворовывая по мелочам у государства, но... именно такие люди и были созидателями страны. А приходило время — и они становились защитниками этой страны. Они не бросались грудью на амбразуры, а просто месили грязь в походах, холодали и голодали в окопах и, неизвестными, ложились в землю. К ним, к их приземленной жизни, к их мелочным интересам обратим взор. Потому что они заслуживают этого.

А что требовалось такому «простому советскому человеку»? Разумеется, прежде всего, крыша над головой, жилище. А еще пища — не деликатесы, а так — лишь бы набить живот. И одежда с обувью, чтобы прикрыть тело. Ну, конечно, работа, чтобы было и жилье, и пища, и одежда. Но не все же работать — нужно и отдохнуть в соответствии с потребностями. И еще — дать детям образование, желательно такое, чтобы потом у них работа была полегче и поденжнее.

И получается, что потребности советского человека были такие же, как у всех людей во всем мире: труд, быт, отдых и будущее детей.

В основе этого текста лежит понятие «повседневность». Для начала следует определиться с ним, чтобы перейти к рассказу о культуре советской повседневности (такая формулировка принята в современной отечественной культурологии), или, точнее — о повседневной жизни людей в советскую эпоху — с 1918 года и по начало 90-х годов. Как известно, существует огромное количество дефиниций культуры и даже определилось несколько подходов к этому понятию: ценностный, деятельностный и т. д. Автор данной книги придерживается коммуникативного подхода, рассматривая культуру как совокупность норм и стандартов человеческого взаимодействия, коммуникаций. В этом случае повседневность будет выступать как совокупность разнообразных форм реализации норм и стандартов человеческого взаимодействия: нормы и стандарты хотя бы в рамках общеевропейской культуры примерно одинаковы, но в национальных, региональных, групповых и т. п. культурах (субкультурах) они могут реализовываться по-разному. Эти различия могут быть продиктованы местными (национальными, региональными и пр.) условиями жизни, традициями, национальным характером (темпераментом), укорененностью тех или иных явлений в частном быту или общественной жизни, т. е. привычкой к ним, и пр.

Повседневная жизнь, с точки зрения автора, складывается из трех основных компонентов: труд, быт и отдых. Человек начинает трудиться очень рано (учеба, начиная с 1-го класса и даже подготовительной группы детского сада — тоже труд) и трудится ежедневно практически до конца активной жизни. Этот труд требует для восстановления сил ежедневного (еженощного) активного или пассивного отдыха. И, наконец, с первых месяцев жизни человек оказывается погруженным с быт, начиная с утреннего вставания с постели, туалета, завтрака и до отхода ко сну. При этом и труд, и отдых, и даже быт может быть индивидуальным, семейным и общественным. Это касается даже таких мелочей, как формы обращения к другим людям (по имени, иногда с употреблением уменьшительно-ласкательной формы, по имени и отчеству, по фамилии, с использованием таких форм обращения, как «товарищ», «гражданин», «мужчина», «браток», «парень», «девушка», «земляк» и т. д.).

Культуру принято делить на духовную и материальную. Точно так же и в повседневной жизни духовное начало (психологические переживания и т. д. и т. п.) сочетается с окружающим человека материальным миром, природным (но окультуренным) и искусственно созданным (артефактами), бытующим в социокультурной среде.

Под социокультурной средой здесь понимается социо-пространственно-временной континуум с характерными только для него чертами. Континуум — математический термин, обозначающий некую совокупность точек (прямая или кривая линия, фигура). Социальная группа может быть представлена как совокупность точек, где каждая точка — индивид. Как для каждой «точки», так и для «фигуры» в целом характерно то или иное формальное или неформальное положение (место работы, должность, образование, воспитание и т. п.) и те или иные представления, та или иная картина мира. Представляется необходимым подчеркнуть, что еще попадающиеся в культурологической литературе понятия «другая культура», «контркультура», «антикультура», «культурные» или «некультурные» люди абсолютно несостоятельны: человек отличается тем, что он «вокультурен», непременно является носителем определенных норм и стандартов взаимодействия с другими людьми.

Как национальный характер и социальная психология, играющие важную роль в формировании повседневности, так и черты материальной культуры формируются особенностями исторического бытия нации, крупной социокультурной страты или ограниченной группы людей. Экономический, социальный, политический строй, весь характер государства, в котором живут люди, оказывают огромное влияние на их повседневную жизнь и материальную обстановку этой жизни. Социальное пространство и предметный мир человека тесно связаны и образуют его повседневность.

Повседневная жизнь человека, или хотя бы такая ее составляющая, как быт, кажутся чрезвычайно устойчивыми, неизменными. Но на самом деле они изменяются под воздействием перемен в окружающем мире, например, под влиянием технического или социального прогресса. И чем ближе к нашему времени, тем быстрее идут эти перемены: историческое время, в отличие от физического, протекает с ускорением.

Поколение активно работающих сейчас, в конце второго десятилетия XXI века, людей родилось преимущественно в 60–70-е годы прошлого столетия, а немногие, уже пожилые люди, как автор книги, принадлежат к военному и послевоенному поколению рождения конца 30–40-х годов. В сознательный же возраст, когда память фиксирует факты бытия, человек приходит к концу первого десятилетия своей жизни. Так фактически исчезает прошлое в его мелочах. Между тем именно в этих мелочах, материальных или нематериальных, и реализуется повседневная жизнь. Как говорил один из зару-

бежных исследователей «микроистории», мы изучаем не мелочи, мы изучаем целое, проявляющееся в мелочах.

Вот это исчезновение мелочей повседневной жизни, уже забытых современными поколениями, стало причиной появления этой книги.

Часть 1. Предметный мир советского человека

Советская материальная культура складывалась из трех компонентов. Во-первых, это мощный слой материальной культуры прошлой, дореволюционной эпохи. В наиболее полном виде он был представлен в деревне и в небольших старинных городах. Так, традиционная крестьянская изба сохранялась еще в 50-е годы и постепенно, но все быстрее стала исчезать в 60–70-е годы вместе с интерьером и предметами быта. В городах, особенно крупных, предметы старого быта стали исчезать раньше и быстрее, лишь изредка попадаясь в жилища немногочисленных семейств, на протяжении нескольких поколений проживавших в одном и том же месте. Разумеется, в городах новых, возникших в советскую эпоху, такие предметы исключительно редки. Это связано с огромной нестабильностью и мобильностью советского общества, пережившего войны, индустриализацию и связанную с ней урбанизацию, коллективизацию, массовые аресты, ссылки и высылки, эвакуации и реэвакуации, просто поиски более благоприятных мест для жительства и работы.

Второй слой — это предметы советской эпохи. При этом, в силу все той же нестабильности и мобильности людей, уже вещи 20–30-х годов, а в значительной степени и полутора-двух послевоенных десятилетий быстро вымывались из домашнего обихода, оставаясь в домах преимущественно очень пожилых людей, зачастую не имевших не только желания, но и финансовых возможностей заменить их новыми.

Особенности политического быта советских людей нередко приводили к тому, что бесследно исчезали даже самые компактные и в то же время самые дорогие для этих людей следы прошлого — фотографии, по которым можно было бы адекватно восстановить это прошлое. Особенности этого быта приучили людей быть крайне лаконичными в личной переписке, отказаться от ведения дневников, столь характерных для дореволюционной эпохи, и отказаться от хранения переписки и множества документов: никогда не было понятно, какой слой людей, какие явления будут признаны властью «вредными» и «враждебными» и какие следы прошлого могут оказаться смертельно опасными для тех, кто их оставил или сохранил.

Третий, сравнительно тонкий слой — предметы заграничного происхождения. Их массовый (относительно) приток в СССР пришелся на военное и послевоенное время в форме поступлений носильных вещей от союзников по антигитлеровской коалиции в виде подарков (они попадали в основном в семьи, близкие к властным структурам) и в виде трофеев из стран Центральной Европы и Германии. В конце Великой

Отечественной войны военнотружущим официально было разрешено посылать из «освобожденных» и оккупированных стран вещевые посылки, размер которых был обусловлен служебным рангом отправителей. И опять-таки основной массив трофеев оказался в семьях лиц высоко-го положения. Предметы иностранного происхождения, привезенные из служебных командировок и туристических поездок, приходится преимущественно на последние 25–30 лет советской истории, равно как и вещи, официально импортировавшиеся в страну советской внешней торговли.

Сохранению старых предметов быта способствовала такая генетическая черта советской жизни, как тотальный дефицит, т. е. отсутствие в торговле необходимых вещей, сопровождавшее советского человека на протяжении всей советской истории. Этим обусловлено то, что люди старшего поколения хранили давно вышедшие из моды, иногда донельзя изношенные и неоднократно ремонтировавшиеся вещи. Дефицит был причиной и того, что в быту большое место занимали рыночные вещи кустарного производства, особенно мебель, предметы интерьера (деревянные гардины и пр.). С 70-х годов, когда советская легкая и мебельная промышленность стала более или менее активно обеспечивать быт населения предметами фабричного изготовления, напротив, все большее место в быту стали занимать «излишества» — самодельные украшения интерьера, преимущественно чеканка по меди, выжигание и резьба по дереву. В более ранний период их место занимали предметы женского рукоделия: вышивка, вязание, плетение.

В сравнении с дореволюционной материальной культурой советская получает некоторое своеобразие. Дореволюционная материальная культура, особенно более ранняя, до конца XIX века, предстает сравнительно жестко стратифицированной в социальном плане, в соответствии со стратификацией самого общества. Советское общество в результате насильственных перемен оказалось социально аморфным, «смазанным». Интенсивно шло социальное перемешивание в результате браков, урбанизации, распространенности среднего и высшего образования и пр. Особенно это относится к послевоенному периоду, когда с середины 50-х годов началось повышение материального благосостояния людей. Советский быт последних десятилетий XX века отличался значительной долей стандартизации. Существенную роль здесь сыграл технический прогресс: практически одни и те же вещи фабричного изготовления, отличавшиеся крайним утилитаризмом и минимумом декоративности (не говоря уже о материале) приобретали люди самого разного положения, в том числе и высокооплачиваемые.

мые. Иногда говорят, что в СССР существовало «равенство людей в бедности». С гораздо большей степенью справедливости можно сказать это о бытовой обстановке.

Тем не менее определенная социальная стратификация советского общества имела место. Но это не было дореволюционное сословное деление. Трудно это назвать и классовым делением, хотя, согласно даже идеологическим постулатам, в СССР сохранялись два основных класса — крестьянство и рабочий класс, да еще и имелась «прослойка» — интеллигенция; а если взять короткий период конца 1910–1930-х годов, то имелись и остатки «эксплуататорских классов» и немногочисленная «новая» буржуазия — энпманы. В обстановке всеобщей бедности различия между людьми заключались в наличии или отсутствии возможностей приобретения «дефицита» — как финансовых (размер заработной платы или возможность украсть у государства, получить взятку и пр.), так и служебных (возможность пользоваться так называемой закрытой торговлей, спецобслуживанием и пр.). Не следует забывать и о таком специфически советском явлении, как «блат», неформальные связи, позволявшие некоторым приобретать то, что было недоступно другим. Так что можно уверенно говорить о существовании в рамках советской материальной культуры ряда субкультур — более или менее крупных сегментов целостной локальной культуры, отличающихся спецификой тех или иных черт или комплексов черт.

Бурное семидесятилетие советской истории породило в быту и материальной культуре самых широких масс ряд явлений, ранее абсолютно несвойственных русской материальной культуре. Пожалуй, прежде всего нужно отметить своеобразную «милитаризацию» во внешнем облике людей. Если до революции войны, да и военная служба в целом, затрагивали лишь очень узкий круг людей, то Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная войны отразились на многих миллионах, поскольку в них участвовали непосредственно на фронтах или призывались в армию и служили в тылу миллионы людей. А после таких глобальных войн дважды страну постигала подлинная нищета, и те, кто даже был демобилизован, годами продолжали донашивать военную форму или ее элементы. Окопный быт вкупе с военной и послевоенной бедностью отразился даже на прическе: бритье головы или очень короткая стрижка у мужчин, даже у детей и нередко у женщин — их следствие. Тотальная политизация жизни, отчасти носившая «милитаристский» характер, — причина широкого внедрения во внешний облик людей таких аксессуаров, как многочисленные нагрудные знаки — ГТО,

«Ворошиловский стрелок», ДОСААФ и т. п., комсомольский и пионерский значки. Огромное количество людей прошло через тюрьмы и лагеря, и это привело к широкому внедрению татуировки на руках, хотя бы самой минимальной. Криминализация части населения даже вызвала появление своеобразной «блатной» моды.

Либерализация жизни, начавшаяся в период «хрущевского десятилетия», вызвала «попятный ход» в быту и материальной культуре. Например, все большую роль в 50–80-е годы начинает играть мода, и в костюме довольно широких слоев населения становится заметен динамизм. Параллельно идет усиление влияния Запада, своеобразная вестернизация и даже американизация внешнего облика и поведения, разумеется, преимущественно среди молодежи. Результатом становится, например, широкое внедрение в одежду джинсов и даже целых джинсовых костюмов, батников (рубашек полувоенного покроя), блайзеров (клубных пиджаков) и т. д., спортивной одежды.

Эти перемены в материальной жизни происходили от десятилетия к десятилетию. Они имели место во всем предметном мире советской повседневной жизни, начиная от жилища и заканчивая самыми незначительными мелочами, вроде застёжек на одежде.

Поселения

В дореволюционную эпоху сложилось большое разнообразие (хотя бы в административном смысле) поселений: города (столичные, губернские, уездные, заштатные), посады, местечки, «заводы» (т. е. поселения вокруг небольших заводов), села, деревни, выселки, хутора, заимки. В советское время это разнообразие сузилось до одной столицы, Москвы, областных и районных городов, рабочих поселков, сел и деревень.

В то же время внешний облик как городов всех типов, так и сельских поселений, десятилетиями почти не менялся. Перемены главным образом выразились в разрушении или «перепрофилировании» многочисленных храмов. Только в Москве, призванной стать городом коммунистического будущего, сносились, выпрямлялись и перестраивались целые улицы, надстраивались достаточно прочные старые доходные дома и даже обширные особняки, и город быстро менял свой облик. Тем не менее даже в Москве множество даже центральных улиц почти не меняло своего облика. А второй по значению город страны, Ленинград, полностью сохранил свой центр. Перемены в крупнейших городах в основном коснулись замены прежнего булыжного покрытия асфальтом, постепенного исчезновения с улиц телеграфных столбов с их сетью проводов, убранных под землю, замены уличного газового или керосинового освещения электрическим, вытеснения прежних извозчиков и ломовиков автотранспортом, в том числе общественным, да отдельных мелочей.

Некоторые черты городского облика изменились настолько, что нуждаются в подробном описании. Например, давно исчезло с улиц торговое покрытие. Между тем в России, стране лесов, оно существовало на памяти людей старшего поколения. На песчаную «постель» ставились плотно, один к другому, «торцы», короткие (сантиметров 30) обрезки еловых или сосновых бревен; промежутки между ними засыпались песком, сверху довольно ровная поверхность заливалась смолой и посыпалась песком. В Ленинграде торцы даже гранились на 6 граней, чтобы поверхность мостовой была как монолитная. В первый год, даже два ездить по торцам было неплохо, но затем одни из них выпирали вверх, другие оседали, третьи разбивались железными шинами тележных колес, ямки сменялись бугорками, и седок телеги с не-

терпением ждал, когда окончится мостовая и начнется простая грунтовая дорога.

Деревянными нередко были и тротуары. По обочинам улиц рылись для стока уличной грязи канавы, облицовывались досками и поперек них клались средней толщины обрезки бревен, на которые прибивался тес. И здесь поначалу ходить было удобно, только босоногие мальчишки загоняли в пятки солидные занозы. Но постепенно пробитая гвоздями древесина начинала выгнивать, отшлифованные ногами шляпки гвоздей вылезали, а сами доски начинали хлябать под ногами, а то и подбрасывать концы вверх. Там, где были залежи песчаника, выламывались плоские каменные плиты, панели, из которых составлялись тротуары (тоже называвшиеся панелями). Панели были долговечнее дощатых мостков, но мягкий песчаник тысячами ног стирался посередине плиты и по кромкам, отдельные плиты проседали, так что ходить по таким тротуарам рекомендовалось тоже с осторожностью.

Но в целом городская среда изменилась в том смысле, что по всей стране стали появляться новые индустриальные города, а многие старые небольшие уездные городки превратились в промышленные гиганты. Примером может послужить Челябинск, до революции фактически большой поселок при железнодорожной станции с ее мастерскими; колоссальное промышленное строительство в 30-х годах, а затем в годы Великой Отечественной войны превратило его в огромный и территориально, и по числу населения (в 60-х годах это уже город-«миллионник») индустриальный центр. И в новых, и в старых расширившихся промышленных городах этот процесс шел за счет нового явления — возникновения целых районов с барачной застройкой. С середины 50-х годов, с внедрением индустриальных методов строительства эти барачные поселки быстро заменяются довольно безликими улицами с пяти-, девяти-, одиннадцатизэтажными панельными домами.

В небольших же городах, хотя бы вроде Каргополя, даже сегодня можно ходить по улицам без твердого покрытия, с заросшими травой обочинами, по дощатым тротуарам-мосткам, как 100 и более лет назад. И если индивидуальная застройка в городах и больших селах довольно сильно изменилась, то, например, на Русском Севере все еще живут старинные дома с крытыми дворами («дом-двор», или «двор брусом»).

Новой чертой городов, даже небольших районных, стал быстрый рост числа разнообразных партийных, советских, административных, финансовых и прочих учреждений с их строгими вывесками. Что каса-

ется торговых заведений, то они нередко оставались в тех же помещениях, как и до революции. Только прежние громоздкие, издалека бросающиеся в глаза «фамильные» вывески («Чайная торговля И. Высоцкого и К°», «Кожевенная торговля Кукарекин с сыновьями» и т. п.) сменились неброскими простыми информативными вывесками «Хлеб», «Бакалея» и даже просто «Продукты», «Промтовары» или «ГОРТ», «ОРС», «Сельмаг». Потеснились и посторонились базары. Раньше воскресные ярмарки раскидывались на центральных соборных площадях, напротив городнического, уездного полицейского, волостного правления, теперь постоянные (но пустующие по будням) базары «завдвинулись» куда-либо в глубь застройки, а то и на окраину. Такой «колхозный рынок», а в просторечии базар, представлял собой немощеную, в непогоду покрытую липкой грязью площадь, обнесенную дощатым забором; по периметру располагались небольшие дощатые же ларьки потребкооперации и вторсырья, а середину занимали несколько длинных прилавков; бывали и более благоустроенные базары, где над дощатыми прилавками были крытые толем навесы, а под прилавками — облицованные полусгнившими досками узкие неглубокие канавы для стока жидкой грязи и луж. По окраинам больших городов с многочисленным населением располагались «барахолки», вещевые рынки, отличавшиеся от полупустых колхозных рынков обилием покупателей и продавцов, носивших на руках или раскладывавших на газетах товар, от связок ключей без замков и замков без ключей до слегка поношенных или даже совершенно новых, с этикетками, костюмов, платьев и пр. К более благоустроенным барахолкам даже подводилось электричество с несколькими розетками для торговли электротоварами.

Совершенным новшеством повсеместно стали стадионы, в рабочих поселках и маленьких городах в виде поросшей травой площади, по сторонам которой располагались несколько длинных дощатых скамеек, а по торцам — примитивные футбольные ворота даже без сетки; в промежутках между редкими играми здесь мирно паслись обывательские козы. Новшеством советской эпохи стали и многочисленные сельские, заводские, районные и т. п. клубы, дома и дворцы культуры, в том числе детские (дома и дворцы пионеров). Конечно, бревенчатый сельский клуб 40–50-х годов в селе Залазна Омутнинского района Кировской области (автор многократно посещал его) в виде прируба к большому срубу («фойе», зрительный зал и крохотная библиотека с тесным читальным залом) — не бог весть, какой культурно-общественный центр, но все же вокруг него сосредотачивалась жизнь.

Что касается рабочих поселков — заводских, шахтерских, железнодорожных и т. п., то они отличались специфической неустроенностью, неприглядностью. Здесь, по большей части, собирались случайные люди «с бору по сосенке», здесь не было той традиционной основательности, обжитости, как в деревне, и не было хотя бы видимости городской воспитанности, сдержанности. Стоящие «на юру» дома и бараки, засохшая, ободранная при строительстве уличная глина, пыль, мусор... *«Сам поселок (Сырских рудников под Липецком. — Л. Б.) оставлял удручающее впечатление: пыльный, выжженный солнцем, без зелени — ряд однообразных бараков, помои, разлитые на дороге, битое стекло, грязная босоногая детвора, огромная деревянная бочка, в которой они купаются»* (Русский Г. Ребенок в войне).

Транспорт

Гужевой транспорт. Как и до революции, долгие десятилетия в СССР основным транспортным средством, и пассажирским, и грузовым, была конная повозка. Уровень автомобилизации в стране был крайне низок, особенно до введения в строй первых советских автозаводов в Горьком, Москве и Ярославле. Так что предприятия, даже большие заводы, в качестве структурного подразделения имели обширные конные дворы, где не только содержались, но и разводились лошади, и даже небольшие учреждения владели маленькими конюшнями в 6–8 голов лошадей. В степных районах страны на огромных конезаводах выводились новые породы рабочих и легковых лошадей; так, одной из самых удачных рабочих пород стал владимирский тяжеловоз — очень крупная, сильная доброезжая лошадь. Для подростков, окончивших начальную школу, достигших 12 лет и вынужденных ввиду тяжелого материального положения семьи идти на работу, такой нередко становилась работа конюхом в заводских или леспромхозовских конных дворах

Однако в конце 50-х годов на правительственном уровне было решено, что автомобилизация страны достигла такого высокого уровня, что надобность в лошадях отпала. Лозунг «Догоним США по производству мяса, молока и масла» отразился и на лошадях: огромное количество их было отправлено на мясокомбинаты, и конская колбаса одно время стала сравнительно распространенным продуктом. Советская пропаганда, разумеется, поддержала это начинание, отметив, что корма, ранее «непроизводительно» расходовавшиеся на лошадей, теперь пойдут мясомолочному скоту. Рухнуло и государственное конезаводство: много конезаводов, равно как и конные дворы предприятий и леспромхозов и даже небольшие конюшни МТС и т. п., были ликвидированы. Теперь для перевозки нескольких мешков комбикорма на колхозной или совхозной ферме или бидона с питьевой водой в поле отряжался автомобиль или трактор «Беларусь», что, конечно, было вполне современно, но крайне неэкономично.

Как и до революции, на десятилетия основным видом гужевого транспорта была лето́м — телега, а зимо́й — сани. Но если до революции их изготовлением занимались крестьяне-кустари, то теперь, преимущественно в рамках Промкооперации, этим производством стали заниматься небольшие шорно-гужевые заводы. Довольно долго сохра-

нялись старинные технологии, особенно гнутья дерева при изготовлении санных полозьев, ободьев для тележных колес и дуг. В 1960 году Промкооперация была ликвидирована, мастера постарели, ушли на покой или умерли, а потребность в гужевом транспорте резко сократилась вследствие ликвидации конского поголовья. В очень небольшом количестве гужевые транспортные средства производились и в последующие десятилетия, но качество их стало падать. Тележные колеса стали делать из «косяков», сегментов из досок, а затем все чаще на телеги стали ставить колеса от легковых автомобилей, что было и проще, и легче, и комфортабельнее: в безрессорной телеге не так трясло на пневматических шинах. А дуги делались такие, что на них было стыдно смотреть. Из косяков стали делать и «головки», т. е. загнутую вверх переднюю часть полозьев. Получалось столь ненадежное, тяжелое и громоздкое сооружение, что лошадь с трудом могла сдвинуть сами сани, без груза.

Поскольку сегодня практически невозможно увидеть гужевые транспортные средства, представляется необходимым описать их хотя бы вкратце.

Основную часть саней представляли полозья, два бруса, тесаных из прямого вязового, березового, черемухового, ясеневое или осиноего нетолстого ствола. Передняя часть полозьев круто загибалась вверх. В полозья на шип вдальбливались невысокие, сантиметров 20, бруски — копылья. На них, также в шип, накладывались прямые накопыльники, доходившие до загнутой части полозьев. Пара полозьев через копылья связывалась вязками, толстыми черемуховыми вицами (прутьями). Верхние концы полозьев также связывались вицами в несколько слоев, образуя головки, или «говенник»: лошадь отправляет естественные надобности на ходу, так что часть испражнений может попасть на вицы. Так получались простейшие крестьянские сани — дровни. Таким же способом изготавливались небольшие легкие санки для хозяйственных надобностей — дровешки (салазки), а также очень крепкие, массивные, но укороченные подсанки для перевозки длинномерных грузов, например, трелевки (вывоза) бревен из леса: лесина комлем укладывалась на одни подсанки или на сани, а вершинкой — на привязанные сзади на длинной веревке вторые подсанки. Оглобли, в которые закладывалась лошадь, толстыми веревками («завертками») привязывались к передним копыльям. Для размещения грузов и возницы на вязки дровней укладывалась пара досок.

Однако дровни и неудобны, и отличаются малой вместимостью. Для ее увеличения к головкам сверху крепились две тонкие упругие

жерди — отводы, а сзади на накопильники привязывался поперечный брусок, далеко выступавший за них. Концы отводов связывались с концами этого бруска, и получались розвальни. Промежутки между отводами и накопильниками переплетали веревкой. В результате вместимость саней резко увеличивалась. К тому же отводы на гладких, до зеркального блеска отполированных полозьями «раскатах» — поворотах дороги или понижениях ее обочины, — предохраняли и груз, и ноги седока от ударов. А чтобы предотвратить боковое скольжение саней, снизу полозья иногда подшивались узкими длинными железными полосами — подрезями. В частушке так и пелось: «Люблю сани с подрезями, / А коня за быстроту...»

Промежутки между отводами и накопильниками можно было для большего удобства зашить липовым лубом (корой) или грубой толстой тканью, дерюгой. Так получались пошевни. Нередко сзади на пошевнях крепилась невысокая спинка для удобства пассажиров, а для возницы (кучера, возчика) спереди на отводы накладывалась доска-сиденье. Когда-то такие сани обшивались ковром, отчего они получили название ковровых, но в советское время ковры из довольно обычного предмета домашнего обихода превратились в предмет роскоши. Точно так же в старину в задней части пошевней над пассажирскими местами на легких деревянных дугах устанавливался волочок, или болочок — полукруглая крыша из мочальной рогожи, дерюги, толстой валяной кошмы или кожи. Так получалась знаменитая русская зимняя кибитка.

Наиболее распространенным летним гужевым транспортным средством была крестьянская телега. Ее основу составляли два «хода» — две пары колес, соединенных осями. Тележное колесо состояло из массивной, собранной из деревянных брусков или вытесанной из цельного обрубка дерева круглой ступицы, которая и надевалась на ось, деревянных спиц и гнутого обода, обтянутого шиной из полосового железа. Задние колеса довольно большого диаметра, надевались на концы железной оси и закреплялись на ней круглой железной «гайкой» (шайбой) и проходившей через отверстия в концах оси чечкой, согнутой вдвое железной полоской с разогнутыми концами. Ось железными полосами была скреплена с толстой подушкой, собранной из брусьев. Передние колеса были значительно меньшего диаметра, а деревянная подушка была разрезная. На нижней ее части, соединенной с осью, крепилось большое плоское железное кольцо, а посередине было глубокое отверстие. Такого же диаметра кольцо было на верхней половине подушки, а из его центра торчал толстый круглый железный шкворень — вертикальная ось. Обе половинки подушки

скреплялись этим шкворнем и легко поворачивались, скользя по смазанному дегтем или специальной коломазью кольцам.

На переднюю ось с внутренней стороны колесных ступиц свободно надевались железные кольца, прибитые к оглоблям. Через них осуществлялась конская тяга и частично повороты; при этом небольшие передние колеса подворачивались под телегу. На наружные концы передней оси надевались крепкие тяжи, из толстой катаной проволоки или, в крайнем случае, крепких веревок; их передние концы петлями надевались на оглобли в их передней части, где были вбиты кованые железные гребни. Тяжи раскрепляли оглобли, которые, таким образом, не могли поворачиваться в горизонтальной плоскости. В оглобли и закладывалась лошадь в одиночной или троечной упряжке. А для парной упряжки спереди в нижнюю половину подушки вдальбывалось дышло, достаточно прочная и длинная жердь. Лошади ставились по сторонам дышла и вальками постромков (о них речь пойдет ниже) цеплялись за ось.

В верхней части обоих ходов были продолблены парные отверстия для дрожин, крепких брусьев, скреплявших оба хода. На ходах сверху крепилась слегка понижающаяся к середине платформа из тонких досок, охваченная двумя боковыми жердочками, проходившими через концы переднего и заднего брусков. Эта обвязка платформы и есть известный по стихам и песням облучок, от старого русского слова «облый» — округлый. Возница сидел боком на облучке, свесив ноги и поставив одну из них на оглоблю. А вот у саней, вопреки стихам А.С. Пушкина («...Ямщик сидит на облучке / В тулупе, в красном кушаке...»), облучка нет, да и в долгополом овчинном тулупе сидеть боком на отводе саней опасно: неровен час, широкую полу тулупа затянет под полз!.. Но поэзия — не учебник по истории материальной культуры.

Поскольку искусство изготовления деревянных тележных колес, сложное и трудоемкое, быстро падало, в послевоенный период на телеги, особенно в городах, стали ставить автомобильные колеса с пневматическими шинами. Такие телеги стали называть «автокачками».

Громоздкие и тяжелые грузы, например, паровые котлы или другие промышленные узлы, тюки хлопка и т. п. или рояли и пианино (тоже не саамы легкий и компактный груз) в городах перевозили возчики-ломовики, которые одновременно и занимались погрузочно-разгрузочными работами («ломали» грузы). Ломовые телеги, полки, были особо прочные, окованные железом, с широкими вместительными платформами, на литых железных колесах небольшого диаметра, чтобы не поднимать груз на большую высоту. Даже костюм ломовиков

соответствовал их работе: несокрушимые, подкованные гвоздями сапоги, в которые заправлялись широкие штанины (чтобы не видно было, как дрожат от натуги ноги), плотные широкие матерчатые кушаки, чтобы не было грыжи, толсто простеганные на спине и плечах жилеты, чтобы не попортить спину при переноске железа. Лошади ломовиков были сытые, рослые, сильные, под стать хозяевам. Это были так называемые битюги (конская порода, специально выведенная на реке Битюг в Воронежской губернии). На юге, например, в Одессе, Херсоне, ломовиков-грузчиков, обслуживавших порт, называли биндюжниками, а их телеги — биндюгами: не от искаженного ли «битюг» происходили эти названия? Уже послереволюционных биндюжников воспел писатель И. Бабель.

Сыпучие грузы, например, землю или песок на стройках, перевозили телегами-грабарками (грабарь — землекоп). Ведь автомобильный парк в СССР фактически до 50-х годов был незначителен, а автомашин-самосвалов вообще было немного. Платформа с телеги снималась, а на ходы устанавливался длинный дощатый ящик с узким дном, сильно расширявшийся кверху. Такой ящик с землей можно было легко опрокинуть, нажав плечом, и содержимое высыпалось в нужном месте. А для перевозки зерна с поля на ток в деревне использовали телеги-бестарки, также с ящиком на ходах, только плоским и раздвижным. Положенные на бок и снабженные сверху большими прямоугольными люками бочки водовозок и ассенизационных обозов клали прямо на дрожины; содержимое бочек выливалось через небольшое круглое отверстие в заднем днище бочки, заткнутое деревянным чопом. Для перевозки длинномерных грузов, например, жердей или бревен, ходы могли соединять удлинёнными дрожинами. Так получались роспуски, или долгуша. На роспусках перевозили и большие группы (человек по 8) людей: пассажиры сидели на дрожинах, боком к движению, поставив ноги на подвешенные по сторонам между колесами длинные подножки. На телегу в задней части платформы когда-то также устанавливались болочки, так что кибитки были и колесные.

Однако безрессорная телега — крайне некомфортабельный экипаж. Более удобны дрожки и тарантас. У дрожек легкий короткий кузов из тонких досок устанавливался на положенных на ходы тонких гибких жердях-дрожинах, пружинивших при толчках на ухабах и буграх. Дрожки снабжались жестяными крыльями над колесами для защиты от грязи и железными подножками. Это был индивидуальный транспорт, полагавшийся руководителям невысокого ранга, которые сами нередко управляли лошадью. Более солидным легковым экипа-

жем, предназначенным для длительных поездок, был тарантас. У него позади вместительного кузова на дрожинах оставалось место для багажа; мальчишки, нередко потихоньку, укрываясь от взглядов кучера за высоким кузовом, норовили «нелегально» прокатиться на тарантасе на багажном месте. Кузов представлял собой плетеную из ивового прута большую корзину («кошеву», «кошовку»), по форме несколько напоминавшую детскую ванночку: в средней части она была пониже, плавно повышаясь к задней части, где сидели пассажиры. Точнее, пассажиры обычно полулежали на охапке сена, поскольку сиденье для них, в виде неширокой доски, было очень низким и неудобным. Над пассажирским местом даже могла подниматься складная полукруглая крыша из кожи или толстого брезента на легких дугах. Спереди высота кошевы также увеличивалась и там лежала поперечная неширокая доска — сиденье для кучера. Оба сиденья были подбиты паклей и обтянуты клеенкой. Ноги кучер ставил на передние концы дрожин. Для защиты кучера от комьев грязи, слежавшегося снега или льда, выбрасываемых конскими подковами, спереди наклонно устанавливался невысокий щиток из тонких досок или даже плавно изгибающийся жестяной козырек. У тарантаса, как и у дрожек, также были жестяные крылья над колесами и узкие кованые подножки.

Иногда дрожки и тарантасы были рессорные, с двумя парами стальных рессор на осях, или полурессорными, с парой рессор только на задней оси.

С дореволюционных времен в городах пассажирскими перевозками занимались извозчики, летом на особом экипаже, пролетке, а зимой — в особых городских санях. Дрожин у пролетки, или фаэтона, не было, а сильно понижавшийся к середине кузов лежал на двух парах рессор, крепившихся к ходам. Пролетка с удобным высоким пассажирским сиденьем имела поднимающийся складной кожаный верх, прикрывавший пассажиров, крылья, подножки и высокое сиденье для кучера, козлы, прикрытые спереди металлическим козырьком. Городские сани, короткие и узкие (так что пассажир на поворотах должен был придерживать даму за талию, выставив одну ногу на полоз), были на высоко изогнутых тонких железных полозях, а кузов крепился на высоких изогнутых железных копыльях. Кучер, сидевший на козлах, спереди был прикрыт от комьев льда и снега высоким изогнутым жестяным козырьком, отчего такие сани иногда назывались козырьками.

Извозчики в больших городах перевозили пассажиров еще в начале 30-х годов, а в Москве даже в середине третьего десятилетия; гово-

рили, что последний московский извозчик катал туристов в центре города в 1940 году.

В южных, степных районах долго применялись и другие конные повозки, например, тачанки, шарабаны и т. д. Пулеметные тачанки в Красной армии состояли на вооружении еще в 1941 году.

Имелся еще один вид городского гужевого транспорта, о котором напоминает лишь, разве что, сцена из кинофильма «Веселые ребята» — погребальная колесница, или катафалк. *«...Внезапно обычные городские шумы заглушаются торжественными звуками духового оркестра. По центру медленно шествует похоронная процессия. Милиционер жезлом останавливает движение — замирают на месте трамваи, извозчики пролетки, грузовики, телеги. Шестерка лошадей, украшенных султанами из перьев, запряженная цугом, катит белую колесницу с гробом под балдахином — катафалк. По сторонам катафалка торжественно шествуют мужчины в белых хламидах и цилиндрах — факельщики. Один из них ведет под уздцы переднюю лошадь.. Позади — духовой оркестр, играющий скорбный марш. Сразу за катафалком — длинная траурная процессия. Весь длинный путь до кладбища надо проделать пешком — такова традиция. Разве только вдове и матери покойного разрешается ехать за гробом в нанятом извозничьем экипаже» (Федосюк Ю.А. Утро красит нежным светом...).*

Думается, следует сказать и о конской упряжи: подавляющее большинство наших современников видело лошадь только в кино или на картинке, и как лошадь закладывается (запрягается) в повозку, понять не просто.

Сначала на шею лошади через голову надевали хомут, овальное устройство из двух прочных деревянных «клещей», соединенных кожей обшивкой; хомут подшивался войлоком. Надевали его «вверх ногами», а затем переворачивали в нормальное положение. После этого на конскую голову надевали оголовье, или узду. Это была целая система узких ремешков, охватывавших голову: суголовный, налобный, два нащечных, переносный, или нахрапный, подбородный и соединительный ремни. В рот лошади, на заднюю беззубую часть десен, вкладывались два шарнирно соединенных кованых железных удила, надетых на кольца нащечных ремней. К этим кольцам после окончания запряжки пристегивали вожжи. Затем на спину лошади накладывали седелку, небольшую конструкцию из дерева и железа, подбитую войлоком; она была соединена с прочными ремнями с пряжкой — подпругой. Подпругу крепко затягивали под брюхом лошади, если требова-

лось, ударив по брюху кулаком: хитрые лошади надували живот, чтобы подпруга потом не давила на него, и нужно было заставить лошадь выдохнуть воздух. Затем, повесив на конскую шею дугу, лошадь ставили между двух оглобелей и конец сначала левой оглобли, а затем правой закладывали в петли, образованные гужами — очень прочными, толстыми сыромятными петлями, закрепленными по сторонам клещей хомута. Концы оглобелей закладывались особым образом вместе с концами дуги, в полукруглые вырезы на конце которой входили оглобли. Дуга, с одной стороны, закрепляла гужи на оглоблях, с другой — не позволяла оглоблям отойти к шее лошади, повиснув на гужах. Обмотав вокруг клещей хомута тонкий ремешок, супонь, крепко стягивали им клещи, засупонив хомут. Затем за левую оглоблю посередине, точно напротив седелки, завязывали длинный ремень, чересседельник, проводили его через скобку на седелке, подтянув оглоблю до нужного уровня (чтобы гужи приняли горизонтальное положение), обматывали вокруг правой оглобли и, проведя под брюхом лошади, завязывали конец на левой оглобле. После этого, проведя вожжи между конским крупом и оглоблями, под гужами и дугой, пристегивали их к удилам. К ним же пристегивались короткие поводья, чтобы водить лошадь в поводу; во время поездки поводья поднимали вверх, подвязывая к зге, колечку в верхней части дуги. Иногда к соединительному ремню оголовья пристегивали чумбур, одиночный ремень, которым лошадь на стоянке привязывалась к коновязи. Но чаще чумбур был у верховых лошадей, а у упряжных к поводьям дополнительно пришивался одиночный ремешок. Для смиренных, доброезжих рабочих крестьянских лошадей этого было достаточно. У легковых лошадей, перевозивших пассажиров, на конский круп позади седелки, пристегнув к ней верхний ремешок, накладывали шлею. Это была конструкция из нескольких ремней: два длинных боковых пристегивались к хомуту, а две-три коротких шлейки лежали поперек конской спины, поддерживая шлею на определенном уровне. Через хомут, ложившийся на плечи лошади, гужи и оглобли осуществлялась тяга. На спусках, когда повозка накатывалась сзади на лошадь, хомут перемещался под воздействием оглобелей и гужей на шею лошади и давил на голову; шлея, охватывавшая лошадь сзади, не позволяла хомуту передвигаться вперед.

Как видим, сам процесс запрягания лошади, как и его описание, довольно сложны: вряд ли читатель смог уяснить себе его и даже понять, если только он сам никогда не запрягал лошадь сам или хотя бы не наблюдал этот процесс многократно. На самом деле в деревне дети лет с десяти уже могли запрячь лошадь, а с 13–14 лет нередко работали

конюхами еще в послевоенный период, в конце 40 — первой половине 50-х годов.

В России была изобретена троечная запряжка, сегодня использующаяся только в зимние традиционные праздники для катания. В ней по бокам заложенного в оглобли коренника, хорошо обученной сильной лошади, ставились две молодые резвые пристяжные лошади. К засуспенному хомуту на их шеях, или к особой ременной конструкции, шорке, лежавшей на плечах и груди лошади, пристегивались длинные ременные постромки, соединенные на концах деревянным круглым вальком. Шлея, на спине и боках также пристегнутая к хомуту, поддерживала постромки на нужном уровне. Вальки, снабженные посередине крепким крючком, цеплялись к переднему ходу повозки. Хомут или шорка ремешком или цепочкой пристегивались к оглобле. К оголовью пристяжной пристегивался привозжек — вожжи, которыми управлялись пристяжные. Пристяжные лошади создавали дополнительную тягу, а направление движения осуществлялось коренником. Упряжка могла быть и с одной пристяжной — так называемая полутроечная.

Парная запряжка в дышло отличалась довольно сильно. Тяга осуществлялась так же, как у троечных пристяжных: через постромки со шлеями и вальки, зацепленные за передок повозки. Через дышло производились только повороты. Постромки пристегивались к шорке, как уже говорилось, конструкции из двух широких крепких ремней, один из которых охватывал грудь лошади, а другой лежал на ее плечах; оба ремня соединялись под прямым углом и для их поддержки были еще два поддерживающих ремешка. На шорке спереди крепилась цепь, которая присоединялась к дышлу для осуществления поворотов.

Верховая езда в повседневной жизни была характерна для Красной армии до 50-х годов (кавалерия, конная артиллерия, командирские лошади), в деревне — вплоть до последнего времени (пастухи при больших стадах обычно имели верховых лошадей; нередко еще в 50-х годах верхом ездили бригадиры, председатели небольших колхозов и т. п.); верховыми лошадьми до недавнего времени пользовались егеря охотхозяйств и лесники-объездчики, а в городе по сегодняшний день верховые лошади используются милицией. Естественно, что без лошадей был бы невозможен конный туризм и конный спорт.

Оголовье верховых лошадей практически не отличается от упряжных; только почти обязателен чумбур, а в углах соединения нащечных, налобных и нахрапных ремней дополнительно могут крепиться соединяющие их по диагонали ремешки, перекрещивающиеся на лбу лоша-

ди. Вместо седелки упряжных лошадей, на спину верхового коня накладывают седло с двойной подпругой. Различаются седла спортивные и драгунские, которые применялись в Красной армии. Седло представляет собой довольно сложную конструкцию из двух деревянных полок, ложившихся на конские бока, соединявших их двух изогнутых металлических дуг (передняя и задняя луки), широкого крепкого ремня-живца, пришнуровывавшегося ремешками к лукам (все это, вместе взятое, называлось ленчиком), выгнутого сиденья по форме ленчика, двух кожаных крыльев, прикрывавших конские бока, выгнутого по спине лошади толстого войлочного потника, подкладывавшегося под ленчик, и двух продетых через прорези в полках ремней-путлиц с пряжками, на которых висели железные кованые стремяна для ног всадника. Седло плотно притягивалось к конской спине подпругами. Чтобы при спуске седло не сползало вперед, на шею лошади, к задней луке был прикреплен ремень с петлей-очком на конце — пахвь; очком пахвь надевалась на репицу конского хвоста, представлявшую собой продолжение позвоночника. К передней луке крепилась паперсь, или подперсье: два ремня, соединявшиеся на груди лошади; от места их соединения вниз по груди и затем под брюхом одиночный ремень проходил в передней подпруге, крепясь за нее. Это подперсье (от слова «перси» — грудь) удерживало седло от сползания назад при крутых подъемах или если лошадь вставала на дыбы. Спортивное седло подобно драгунскому, только обе луки очень низкие. У казаков (в конце 30-х годов в составе Красной армии были сформированы казачьи кавалерийские корпуса) седло отличалось тем, что вместо ленчика основу седла составлял арчак с деревянными высокими луками, а сверху на седло накладывалась толстая кожаная подушка, притягивавшаяся к конскому брюху сквозным ремнем — троком.

Поскольку в СССР в некоторых степных районах разрешалось иметь собственных лошадей в домашнем хозяйстве, верховой конь или лошадь упряжная, с санями, телегой или иной повозкой представляли личный транспорт. Сейчас под личным транспортом понимается исключительно автомобиль. Однако многие десятилетия для советских людей словосочетание «собственный» или «личный автомобиль» было нонсенсом.

Автомобильный транспорт. До революции немногочисленные автомобили (несколько тысяч на всю страну) принадлежали только очень богатым людям, хотя, например, у родителей русского (англоязычного) писателя В. Набокова было три легковые машины. Во время Первой мировой войны все они были реквизированы для нужд армии.

И так и остались в руках государства после революции, принадлежа высшему партийному руководству, военному командованию и репрессивным органам ЧК-ГПУ-НКВД, в тех условиях обладавших правом жизни и смерти. Это, между прочим, породило особую психологию и водителей, и пешеходов. Водители и их пассажиры презирали, а точнее, не замечали пешую массу, не считая нужным соблюдать хотя бы какие-то правила и меры предосторожности, а пешеходы привыкли взирать на человека, сидящего в автомобиле, как на самовластного хозяина. Правда, в годы НЭПа некоторое количество полуразвалившихся легковых машин оказалось во владении предприимчивых частных лиц, использовавших их в качестве таксомоторов, но вместе с ликвидацией НЭПа и самих «нэпманов» понятие «частная машина» исчезло. В 30-х годах, когда в СССР начался выпуск собственных легковых машин, очень редко автомобиль оказывался в собственности крайне узкого круга людей из социальной верхушки (прославленных летчиков, полярников, народных артистов, видных писателей и ученых), нередко в качестве правительственного подарка. Начался и ввоз автомобилей иностранных марок.

Партийно-хозяйственное, военное руководство, чины карательных органов и члены их семей пользовались казенными машинами с прикрепленными водителями. При этом быстро выстроилась иерархия автомобилей и их пользователей: внизу находились те, кто ездил на «эмках» (секретари горкомов, реже обкомов и т. п.), наверху — ездившие на американских «линкольнах», и дети советских бонз хвастались «своими» машинами.

В 1932 году в стране, на Горьковском автозаводе начался выпуск легковых автомашин ГАЗ-А, прозванных в народе «газиком». С 1936 года вместо ГАЗ-А начался выпуск «эмок» — легковых машин ГАЗ-М-1. На основе модернизированной «эмки» в начале 40-х годов был создан легковой вездеход ГАЗ-64 упрощенных форм, с открытым кузовом даже без дверей и с легким тентом, который в 1943 году был сменен вездеходом ГАЗ-67Б, за свой индекс, короткий кузов и юркость прозванный в народе «бобиком», а за невероятные прыжки, которые он благодаря жесткой подвеске выделял на неровностях дороги, — «козлом», или «козликом». Вскоре он стал самой распространенной легковой машиной, во всяком случае в провинции. На ней ездили секретари райкомов и председатели райисполкомов, начальники милиции и районных отделений МГБ, директора небольших заводов, МТС и наиболее богатых колхозов и совхозов: на этой крайне неудобной, но неприхотливой машине можно было проехать даже по

тогдашним дорогам в самые отдаленные уголки. В 1952–1972 годах его сменил более тяжелый и совершенный вездеход ГАЗ-69. В 1956 году выпуск ГАЗ-69А был передан на Ульяновский автозавод. Имелось две его модификации: 2-дверная, в которой пассажиры сидели на скамьях вдоль бортов, и 4-дверная, с двумя рядами сидений. В 1961 году началась его модернизация, и с 1972 года серийно выпускались две модификации улучшенного вездехода — УАЗ-469 и УАЗ-469Б. У обеих моделей — 4-дверные кузова с двумя и тремя рядами сидений; при необходимости в задней части кузова устанавливались еще два откидывающихся сиденья. При высокой проходимости все эти машины обеспечивали самый незначительный комфорт. Автомобили ГАЗ-67Б, ГАЗ-69 и «уазики» чрезвычайно широко использовались как служебные: в армии, а также в сельской местности для председателей колхозов, директоров МТС, руководителей леспромхозов, райкомов, милиции и пр. Частным лицам они не продавались.

В 60-е годы появились легковые автомобили представительского класса ГАЗ-12 и ГАЗ-13 «Чайка». В 70-х годах в Москве можно было для новобрачных заказать белую «Чайку» из списанных правительственных машин.

Некоторое количество легковых автомашин иностранного производства, преимущественно немецких, попало в СССР в конце Великой Отечественной войны и в первые годы после нее в виде трофеев. Разумеется, принадлежали они генералитету и высшему офицерскому составу, особенно из карательных органов, которые могли вывозить трофеи в неограниченном количестве.

Выпуск советских легковых автомобилей и их продажа частным лицам начинается во второй половине 40-х годов. Наиболее распространенными машинами были в это время «Москвич-400» и особенно «Москвич-401», повторявшие немецкий «Опель-кадет»: выпускавший их с 1946 года завод АЗЛК был просто демонтированным в Германии и вывезенным в СССР заводом «Опель». Это была маломощная, тесная и некомфортабельная (отсутствовали даже указатели поворотов) машина, очень неустойчивая на дороге, отчего она часто переворачивалась, и многие машины носили следы аварий. Все они окрашивались в серый цвет. Одновременно «Москвич» был доступен по цене и стал одной из первых популярных легковушек. В 50-е годы начался выпуск более мощных, просторных и удобных машин «Москвич-402». Он имел несколько вариантов: пикап, полугрузовой, с большим фанерным закрытым кузовом-ящиком за кабиной, «универсал» с объемистым багажником в продолженном до конца салоном. Вскоре 402-й сменил

более мощный, но практически того же дизайна 407-й «Москвич». Были безуспешные попытки в целях экономии использовать «Москвичи» нового типа как такси. В 1969–1972 годах выпускался более мощный «Москвич-412».

«“Частник” — так назывался владелец автомобиля в те годы. И это мог быть только владелец автомобиля, потому что в послевоенное время других частников практически уже не было» (Андреева И. Частная жизнь при социализме: отчет советского обывателя. М., 2009).

Одним из самых массовых автомобилей 1950-х годов стала «Победа» М-20, выпускавшаяся в 1946–1958 годах Горьковским автозаводом — фактически копия немецкого «Опель-капитана». Она отличалась хорошими формами, сильным двигателем и довольно просторным и комфортабельным салоном и широко использовалась как персональный автомобиль должностных лиц — секретарей обкомов, директоров заводов и пр. «Победа» стала надолго и самым массовым такси; опознавательные «шашечки» наносились вдоль всего кузова под дверными стеклами, а зеленая лампочка, означавшая, что такси свободно, размещалась в правом верхнем углу лобового стекла. Как правило, машина окрашивалась в цвет кофе с молоком. Благодаря высокой прочности кузова и ходовой части отдельные ее экземпляры эксплуатировались еще в 70-х годах.

В 1956 году на Горьковском автозаводе начался выпуск «Волги» ГАЗ-21. Она была самым мощным, вместительным, дорогим и престижным автомобилем, находившимся в личном владении, продаваясь магазинах за 40 тысяч рублей; после проведения денежной реформы 1961 года цена поднялась до 5100 рублей (т. е. 51 тысячи в масштабе старых цен), и это при том, что рабочий средней квалификации получал в пределах 100–120 рублей в месяц. Машина была европейского класса, в 1958 году на международном автосалоне в Брюсселе получила Гран-при и в большом количестве выпускалась на экспорт, поскольку пользовалась успехом на международном рынке. Она пережила ряд косметических преобразований; так, на капоте первых моделей крепился хромированный олень (герб г. Горького). «Волги» черного цвета использовались как служебные машины руководителей разных рангов, вплоть до правительственного уровня. Имелось несколько специальных модификаций, в том числе с форсированными двигателями для оперативных подразделений КГБ и МВД, которые в народе называли «догонялками». Специальная модель выпускалась также в качестве такси.

В 1960 году появился малолитражный четырехместный 2-дверный легковой автомобиль Запорожского автозавода, «Запорожец» ЗАЗ-965 с двигателем с воздушным охлаждением, впервые в СССР размещенном в задней части кузова. В масштабах цен 1961 года машина стоила 800–900 рублей. Вслед за «горбатым», как называлась эта некрасивая и неудобная модель, в 1969 году начался выпуск более современного и совершенного «Запорожца».

Но самым массовым легковым автомобилем стал ВАЗ-2101 «Жигули», выпускавшийся в 1970–1973 годах на Волжском автозаводе в Тольятти. По внешним и техническим характеристикам он незначительно отличался от «Фиата-124», признанного «автомобилем 1966 года». В начальный период изготовления «Жигули» считались чрезвычайно престижным среди населения автомобилем. В последующие годы выпускались другие модели автомобиля ВАЗ, в том числе на экспорт («Лада»).

Однако развитие малолитражного автомобилестроения в СССР вовсе не значило, что человек мог просто пойти купить машину и пользоваться ею. Даже в Москве автосервис, где можно было отремонтировать автомобиль, появился по-настоящему лишь в 80–90-х годах. До того автолюбители, особенно в провинции, ремонтировали свои машины сами, если умели, или обращались к автослесарям и водителям из государственных гаражей. Даже на трассах общегосударственного значения и в больших городах автозаправочные станции попадались так же редко, как белые вороны. А чтобы купить автомобиль или резину к нему, требовалось отстоять растягивавшуюся на месяцы и годы очередь, регулярно отмечаясь в ней.

«Уже в течение первых лет упоения ездой за рулем нашего автомобиля даже мне стало очевидно, что приобретение новой машины — это одна из тех чудовищных проблем, которые постоянно вставали перед советским человеком, если он вдруг чего-то смел захотеть. Даже самого простого, обычного, повседневно необходимого. Даже если у него были на это деньги. Что же говорить о таком капризе, как частный автомобиль. Чтобы его получить, нужна была или особая привилегия, или большая взятка, или какой-то блат, тоже обычно не бесплатный. В общедоступном магазине, кажется на Бакунинской, существовала открытая многотысячная очередь частников, которая не только не убывала, а наоборот, прирастала с каждым днем. В нее кроме новеньких жаждающих записывались и счастливицы, уже дождавшиеся своего новенького автомобиля, — на приобретение следующего. В тот же день, не теряя времени. Потому что пройдет не-

сколько лет, пока список дойдет до тебя. А ведь надо, чтобы предыдущий автомобиль еще не развалился и его можно было бы прилично продать. Иначе где же деньги взять, ведь цены на машины растут так же быстро, как и сама очередь. Надо еще не забыть, что автомагазины были далеко не во всех городах. Поэтому в Москву стекались со всех концов страны покупатели, которые через подставных лиц — знакомых или спекулянтов — тоже протискивались в эту несусветную очередь. В такой очереди, записавшись в нее несколько лет назад, мы с мужем получили новую “Волгу”, с которой воры как раз сняли колеса. А мы, продав старую и получив новую машину, разумеется, тут же записались на следующую» (Андреева И. Частная жизнь при социализме: отчет советского обывателя. М., 2009).

Исключительно служебным правительственным автомобилем стал выпускавшийся с 1937 года на Московском автозаводе им. Сталина 6-местный ЗИС-101. Машина выпускалась также в открытом варианте, с кузовом типа «фаэтон». В 1946 году его сменил 7-местный ЗИС-110 (2 места на откидных сиденьях). И эта машина выпускалась с открытым и закрытым кузовом. Правительственным автомобилем представительского класса был и 6-местный ЗИМ ГАЗ-12 (1951–1958) Горьковского автозавода им. Молотова.

В продажу частным лицам изредка поступали только списанные машины этого класса. Эти просторные и тяжелые автомобили, окрашенные в черный цвет, с множеством хромированных деталей, были весьма долговечны и надежны. В масштабе цен до 1962 года стоил ЗИМ 40 тысяч рублей при средней зарплате в 700–800 рублей. После смерти И. Сталина некоторое количество ЗИМов после смены велюровой обшивки на дерматин использовали в качестве такси с повышенной оплатой. Проехать в таком такси считалось особым шиком.

Велосипед, мопед, мотоцикл. До середины 50-х годов верхом мальчишеского счастья было прокатиться на велосипеде. Вообще велосипеды разных конструкций, в том числе специализированные охотничьи и военные, появились задолго до революции и были довольно распространены; из велосипедистов даже формировались специальные «самокатные» роты. Но все же велосипед был дорог и доступен далеко не всем. Во время Гражданской войны, естественно, выпуск велосипедов (на московском заводе «Дукс») был прекращен и вновь возобновился уже в начале 30-х годов. И в это время велосипед был доступен не всем, и не только вследствие дороговизны, но и из-за малых серий выпуска. Он, например, служил ценным подарком для разного рода ударников и передовиков производства. Сравнительно немногочи-

сленные владельцы велосипедов гордились ими и всячески демонстрировали как показатель зажиточности и «культурности».

Во время Великой Отечественной войны велосипеды не выпускались. Поскольку их, из соображений использования в армии, полагалось регистрировать (с выдачей регистрационного номера), и с началом войны они были сданы владельцами, множество их погибло на дорогах войны. Но с конца войны эти потери с избытком были компенсированы множеством трофейных велосипедов (в пехоте вермахта также имелись велосипедные роты) разного происхождения. В небольшом количестве в СССР попали даже маленькие детские трофейные велосипеды. Вскоре после войны в СССР вновь стал налаживаться выпуск велосипедов на нескольких заводах, причем с начала 50-х годов стали появляться и детские, а также подростковые велосипеды. Тем не менее большая часть счастливых обладателей велосипеда ездил на взрослых машинах. Было два способа езды. В одном случае подросток ехал, стоя на педалях и просунув одну ногу в раму машины. В другом случае, если ездок имел подходящий рост, снималось седло, и на его место туго наворачивалось тряпье.

Выпускались велосипеды мужские и женские. Мужские имели обычную раму с горизонтальной перекладиной и довольно жесткое кожаное седло. У женских рама состояла из двух плавно изогнутых трубок, соединенных короткими перемычками, так что можно было ездить в длинной юбке или платье с длинным подолом; а чтобы подол не попадал в колесо и не зажимался между цепью и звездочкой, по бокам заднего колеса натягивались мелкие яркие сетки. Ведь брюк женщины до 70-х годов практически не носили. Седло у дамских машин было немного помягче.

Складные велосипеды появились только на рубеже 60–70-х годов.

Оборудованы тогдашние велосипеды были довольно скромно: плоская, почти треугольная сумка для ключей под седлом, насос, зажатый на вертикальной стойке, простенький не очень надежный звонок на руле и светоотражатель-катафот на заднем крыле. Багажник над задним крылом, а уж тем более ручной тормоз, попадались крайне редко. Собственно, ручные тормоза были только на немногочисленных спортивных машинах, более легких, с тонкими колесами и с круто загнутыми вниз концами руля. Мальчишки, претендовавшие на роль спортсменов, переворачивали руль, тем самым понижая ручки руля, и максимально поднимали вверх седло, так что ездил на таком «модернизированном» велосипеде, согнувшись по-спортивному. Иногда рули просто уродовали, молотком сильно сгибая их концы вниз. Ци-

ток над цепью отсутствовал, и мужчины или заправляли концы по-тогдашнему широких штанин в носки, или надевали на них специальные стальные зажимы; поскольку такие зажимы были далеко не у всех, обычно пользовались деревянными бельевыми прищепками. Большой редкостью были и электрические фонари с маленькими динамками на заднем колесе; даже специальный кронштейн для фонаря на руле был редкостью. В первые послевоенные годы можно было увидеть еще чуть ли не дореволюционные, довольно большие никелированные велосипедные карбидные фонари. Обычно велосипеды были черного цвета, даже с окрашенными черным лаком ободьями колес, но с середины 50-х годов стали все чаще попадаться и другие цвета — красный, зеленый, голубой, а количество никелированных, затем хромированных деталей стало быстро увеличиваться.

В общем, в 60-е годы уже никого нельзя было удивить велосипедом. В огромном количестве стали выпускаться и детские велосипеды разной конструкции, 3-колесные и 2-колесные, к сожалению, все менее надежные, хотя и более совершенные, а также подростковые велосипеды «Орленок» и других моделей.

Мопед, то есть велосипед с маломощным мотором внутреннего сгорания, — явление конца 50-х годов. Правда, после войны крайне редко попадались трофейные мопеды, даже еще называвшиеся «мотовело». Но, как и обычные велосипеды, в 60-е годы они стали обыденностью.

Мотоцикл в довоенный период был огромной редкостью и диковинкой. Владельцами машин, исключительно заграничного производства, были военные, инженеры, особенно военные, и т. п. Правда, в небольшом количестве выпускались и советские мотоциклы, но только для армии, в основном для механизированных и танковых частей. Мотоциклисты обычно использовали специальное снаряжение: кожаные перчатки с большими крагами, очки-консервы, а иногда и кожаные шлемы и куртки. Это была еще дореволюционная традиция, когда, в годы Первой мировой войны, Россия получала от союзников «мотоциклетки» с полным набором запасных частей и инструментов и кожного обмундирования: кожа почти не впитывает масел и бензина и безопасна в пожарном отношении.

В конце Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы в стране оказалось некоторое количество немецких трофейных мотоциклов «Цундап», а также американских мотоциклов «Харлей Дэвидсон», полученных Красной армией по ленд-лизу.

На рубеже 40–50-х годов в СССР начался выпуск не только военных (М-72 с коляской), но и гражданских моделей мотоциклов. Снача-

ла выпускались легкие одноцилиндровые «Ковровцы» и «Москвичи» (М-1-А), довольно примитивные, даже без амортизаторов (в передней штампованной вилке под рулем была пружина) и пассажирского сидла, с 6-вольтовым электрооборудованием. Были они относительно дороги, не слишком доступны и сравнительно редки. К концу 50-х годов производство «Москвичей» было перенесено в Минск, и они сменили название на «Минск».

С начала 50-х годов в продажу стали поступать более совершенные и мощные 2-цилиндровые мотоциклы «Иж» и «Урал». И в дальнейшем разные модели мотоциклов стали столь же обычным явлением, как и велосипеды.

Во второй половине 50-х годов в СССР было налажено и производство совсем необычных для страны небольших машин — мотороллеров. Поначалу имелась только одна модель — «Вятка». В небольшом количестве выпускались даже грузовые мотороллеры, с большим фанерным ящиком, для перевозки мелких партий грузов. Но, вероятно, из-за плохого состояния дорог мотороллеры не прижились в СССР и быстро исчезли с улиц к концу 60-х годов.

Популярным мальчишеским «средством передвижения», исключительно самодельным, был самокат. Но его изготовление требовало двух шарикоподшипников довольно большого диаметра. Состоял самокат из двух нешироких дощечек длиной около метра. Одна была горизонтальной, и в конце ее, в щелевой прорези, вращался на деревянной оси один подшипник; к другому концу снизу прибавалась толстая проволока, загнбавшаяся вверх и образующая крючок. Вторая дощечка имела внизу такую же прорезь со вторым подшипником на оси, а с внутренней стороны внизу к ней прибавался кусок жести с изгибом посередине, куда и вставлялся крючок, соединяя обе части самоката; сверху горизонтально прибавалась палочка, выполнявшая функции руля. Оставалось, встав одной ногой на горизонтальную дощечку и держась обеими руками за «руль», отталкиваться другой ногой. Недостатком самоката было то, что требовалась ровная и достаточно твердая дорога, лучше всего тротуар; кроме того, взрослые были недовольны как юркими «самокатчиками», шнырявшими под ногами, так и надоедливый грохот шарикоподшипников.

Вероятно, нужно сказать несколько слов и о самодельном грузовом «транспорте» — тачке. В условиях незначительного развития грузового автотранспорта в 30-х годах на многочисленных стройках тачка наряду с телегой-грабаркой была самым обычным средством перевозки грузов. А в лагерях (на всех крупных стройках широко

использовались целые армии заключенных) даже исключительным, так что среди «зэков» ей было дано ироническое название «Машина ОСО — две ручки и колесо» (ОСО — Особое совещание НКВД, через которое и проходило большинство заключенных по 58-й, политической статье УК). В отличие от современных металлических тачек заводского изготовления та старая тачка была деревянная: два переходивших в ручки длинных, располагавшихся под острым углом бруска спереди соединялись короткой железной осью, на которой сидело лубое небольшое колесо, а на них прибивался дощатый, также суживавшийся впереди ящик.

Общественный транспорт. Общественный транспорт включал автобусы, трамваи, троллейбусы, такси, а также поезда и самолеты; пассажирские морские и речные пароходы, а затем и теплоходы в СССР, особенно в послевоенный период, стали средством отдыха на воде, и появился ряд туристических маршрутов.

Трамвай в России был пущен в 1892 году в Киеве. В Москве трамвайное движение началось в 1904 году от Петровского парка до Брестского вокзала, а затем до Страстной площади. Перед революцией трамвайное движение было введено в ряде городов, в том числе небольших (например, в Богородске, ныне Егорьевске Московской губернии). Вагоны были деревянные. Окна поднимались вверх, так что пассажиры летом нередко высывались из них. Сиденья в виде сплошных лавок шли вдоль бортов вагона. Двери на площадку были раздвижные, складывающиеся, и никогда не закрывались. Вторые раздвижные двери вели с площадки в вагон. Обычно они также были открыты. В моторном вагоне кондуктор подавал сигнал вагоновожатому, дергая проходящую через весь вагон веревку к звонку. Вместо звонков бывали трещотки. Тормоз был ручной: при необходимости водитель или кондуктор прицепного вагона крутили закрепленный на торцевой стенке штурвал с винтовым приводом к тормозным колодкам. Со стороны дверей сцепка между вагонами была закрыта легкой раздвигающейся решеткой. Поскольку общественного транспорта при быстрой урбанизации катастрофически не хватало, на подножках, решетках и заднем буфере («колбасе») висли гроздьи людей, не сумевших пробраться внутрь вагона. Результатом были многочисленные несчастные случаи, особенно среди подростков, просто катавшихся снаружи вагона на решетке или «колбасе». Эти трамваи дореволюционного происхождения эксплуатировались еще в 20–30-х годах. Затем началось производство советских вагонов, настолько же примитивных, с широким использованием дерева; внутренние раздвижные

двери были убраны. Наиболее развиты были трамвайные маршруты в Москве в 30–50-е годы. В начале 1924 года в Москве было 11 маршрутов, в 1928 году — 38, в конце 1930 года — 49 маршрутов. В 1925 году в столице эксплуатировалось 740 вагонов, в 1927 году — около тысячи, а в 1933 году — 2,5 тысячи вагонов. Трамвай стал надолго самым распространенным видом городского общественного транспорта. Проезд в трамвае в 1922 году стоил 6 тысяч рублей. В 1923 году введен штраф за безбилетный проезд — тройная цена билета. Перед войной трамвай ходил с 6 часов утра до 1 часа ночи. Билет теперь стоил 10 копеек, плюс по 5 копеек за каждую следующую остановку, что требовало и от пассажиров, и от кондукторов сложных расчетов.

Во время войны ленинградские трамваи возили воинские части на фронт, подошедший к самому городу, а затем встали в связи с отсутствием в блокадном городе электроэнергии. Во многих городах вне зоны оккупации ходили грузовые трамвайные вагоны, перевозившие дрова и другие грузы.

В послевоенный период продолжилось развитие трамвайных сетей, были пущены трамваи во многих городах и даже междугородные маршруты. В 50-х годах для снижения шума и достижения плавности хода началась термитная сварка стыков рельс, а парк вагонов начал заменяться на более комфортабельные чехословацкие трамвайные поезда с пневматическими дверьми. Плата за проезд была унифицирована: 30 копеек (с 1961 года — 3 копейки) за всю поездку, в вагонах устанавливались кассы, а кондукторы исчезли. Кассы представляли собой высокий (по грудь взрослого человека) жестяной ящик с щелью сверху для опускания денег и небольшим, открывавшимся сверху ящичком с круглой ручкой сбоку для отматывания билетов. Вскоре появились кассы со штампованным из плексигласа прозрачным верхом обтекаемой формы; они уменьшились в размере и крепились на кронштейнах к борту вагона. Позже ввиду недобросовестности пассажиров, вовсе не опускавших в кассу деньги или опускавших меньшие суммы, вместо билетов были введены талоны, продававшиеся в виде книжечек водителями или в уличных киосках. Талоны требовалось «пробивать» в закрепленных на бортах вагонов компостерах. В 70-х годах в связи с развитием более удобного автобусного и троллейбусного сообщения трамвайные линии стали сокращаться.

Автобусы в СССР появились в 1920-х годах. В 1923–1924 годах автобусное сообщение существовало в Москве (24 машины), Туле (3 машины), Харькове (4 автобуса), Омске (7 автобусов); машины в основном возили пассажиров от вокзала до центра. Также было

установлено автобусное сообщение по маршрутам Анапа–Тоннельная (7 автобусов) и Симферополь–Севастополь (16 машин); всего перевозки в эти годы осуществлялись на 127 автобусах. Постепенно число машин увеличивалось — как за счет закупок за границей, так и отечественного производства. Так, в 1925–1930 годах эксплуатировались десятиместные автобусы АМО-Ф15 с открытым кузовом типа «шарабан» (т. е. дверцами к каждому ряду сидений) и подъемным тентом, с двигателем мощностью 35 лошадиных сил и скоростью до 50 километров в час. Большая часть автобусов была представлена машиной ЗИС-8 образца 1933 года на 19 сидячих мест. Эксплуатировались также ярославские Я-6 (1928–1932 годов, сидячих мест 27, всего 36) и московские ЗИС-8 и ЗИС-16, построенные на основе удлиненного шасси грузовика ЗИС-5, и даже старые импортные «Рено» и «Лейланд». С началом войны вследствие мобилизации в Москве из 1230 автобусов осталось 430, а затем еще 40 машин были взяты для организации движения по ледовой «Дороге жизни» в Ленинград.

В послевоенный период не только быстро увеличивается число автобусных городских и междугородных маршрутов и обслуживавших их машин, но и количество марок автобусов. В 1947–1950 годах основная масса перевозок осуществляется на автобусах ЗИС-154 со 110-сильным дизелем и скоростью до 65 км/час, имевших 36 сидячих, а всего 62 места. Его сменяет ЗИЛ-127 примерно такой же вместимости. В 1967 году начинается выпуск автобусов ЛИАЗ-677 с 25 сидячими местами (всего мест 80). Кроме того, СССР закупал комфортабельные венгерские автобусы «Икарус» (1970–1972), преимущественно для загородных маршрутов; они имели 40 мест для сидения. Предприятия и крупные учреждения широко использовали небольшие и менее комфортабельные автобусы различных заводов — Горьковского, Курганского, Пензенского и т. д. Как и в трамваях, сначала проезд в автобусе оплачивался кондуктору за посадку и каждую остановку, а на рубеже 50–60-х годов плата была унифицирована: проезд стоил 50 копеек, с 1961 года — 5 копеек. Кассы и компостеры устанавливались такие же, как в трамвае.

Автобусы, а именно небольшие «пазики» (Пензенского автозавода) «отметились» в нашей повседневной жизни тем, что заменили былые похоронные процессии. Описанные выше погребальные катафалки, запряженные лошадьми, исчезли перед Великой Отечественной войной. Но уже в 30-х годах их стали заменять грузовые автомобили — «полупторка» или «трехтонка» ЗИС-5. Гроб устанавливался в кузове, откинутые вниз борта которого драпировались красной тканью

с траурными черными краями. Памятник-пирамидка, вытеснявший прежние кресты, устанавливался возле самой кабины. Здесь же ставились стулья для родственников покойного, провожавших его в последний путь. Автомашина шла медленно, со скоростью пешехода, так что за ней поспевал и оркестр, и все траурное шествие. В 50-х годах борта после прощания возле дома умершего закрывались, но красная ткань с черной оторочкой все равно еще прибывалась к бортам. А затем наступило время приспособленных для перевозки гробов автобусов, и похороны проходили в темпе уличного автомобильного движения.

Троллейбус в СССР впервые был пущен в 1933 году в Москве по ул. Горького (до 1932 года и после 1990 года — Тверской). Он получил широкое развитие с 50-х годов, когда троллейбусные линии стали прокладываться в провинциальных городах. Перед войной и некоторое время после нее эксплуатировались как обычные, так и двухэтажные вагоны. Оплата проезда производилась так же, как в автобусах и трамваях: с 1961 года проезд в троллейбусе стоил 4 копейки.

Железнодорожный транспорт. Наиболее массовым видом общественного транспорта в СССР стал железнодорожный. До 50-х годов почти все пассажирские вагоны были с деревянными кузовами, смонтированными на стальных рамах, затем стали внедряться цельнометаллические вагоны. Однако еще с дореволюционных времен на важных магистралях в небольшом количестве эксплуатировались тяжелые пассажирские так называемые «пудмановские» вагоны, стальные, собранные путем клепки. До конца 50-х годов имелись как 4-осные тяжелые вагоны, утвержденные на двух тележках с парой осей каждая (т. е. с четырьмя парами колес), так и легкие 2-осные. До 50-х годов каждый вагон на торцах снабжался парой пружинных буферов, а сцепка осуществлялась вручную плотной скруткой двух коротких цепей особым винтом либо, на легких вагонах, накидыванием толстой цепи на торце одного вагона на мощный крюк на другом. Это требовало наличия на станциях штата сцепщиков. Ввиду дороговизны проезда, недостаточного количества пассажирских составов и трудностей с билетами на буферах товарных и пассажирских вагонов нередко ездили безбилетные пассажиры, что часто заканчивалось смертью под колесами. Оси закреплялись в буксах (подшипниках трения) вагонов и смазывались мазутом, наливавшимся в буксы на кусок ветоши; для этого на станциях имелись смазчики, осматривавшие буксы и подливавшие мазут в них или заменявшие ветошь. Для этого у смазчика была большая жестяная лейка с длинным носиком для мазута и проволочный крючок, которым он откидывал вверх крышку буксы. Одновременно со смазкой осмотр-

щики на станции простукивали реборды колес, чтобы узнать по тону звона, нет ли опасной трещины. В результате на узловых станциях поезда стояли подолгу: паровозы набирали воду в тендеры и загружали топливо, проходили промасленные смазчики и осмотрщики, звякая крышками букс и звеня молотками по колесам, что создавало своеобразную музыку железнодорожной станции. В 50-е годы была внедрена автосцепка, а подшипники трения были заменены подшипниками качения с герметично закрытыми буксами.

Торможение и растормаживание поезда производилось до 50-х годов паровозом и ручными тормозами на вагонах: в тамбурах пассажирских вагонов и на площадках товарных имелись большие штурвалы или рукояти, от которых при вращении винт передавал усилие на тормозные тяги и колодки; по свистку паровоза проводники затормаживали колеса или растормаживали их. Это требовало устройства на товарных вагонах большого количества крытых тормозных площадок и содержания штата кондукторов. Тормозные площадки нередко также служили для нелегального проезда безбилетных пассажиров.

Пассажирские вагоны освещались толстыми «железнодорожными» парафиновыми свечами, вставлявшимися в особые фонари над дверьми, отапливались углем при помощи установленных в середине вагона чугунных печек (для этого под вагонами находились объемистые угольные ящики) и не имели запаса воды, так что пассажирам приходилось возить с собой объемистые чайники и на узловых станциях запасаться водой; для этого рядом с вокзалами стояли небольшие постройки кубовых с выходившими на улицу кранами с холодной водой и кипятком. Сравнительно небольшие окна опускались в полые стенки вагонов вручную, с помощью толстого брезентового ремня.

Поскольку высокие перронные платформы были большой редкостью, и пассажиры поднимались в вагон по ступенькам, для удобства тамбур вагона зауживался, и двери в вагон находились как бы в неглубокой нише.

Еще до революции пассажирские вагоны делились на три класса. Вагоны 1-го класса, 24-местные, выкрашенные в синий цвет, имели мягкие сиденья, обитые синим плюшем, и делились на шесть 4-местных купе (были и 2-местные купе), причем часть вагонов имела самостоятельные выходы из купе прямо на перрон. Иногда синие вагоны делились на два или три не разделенных внутри перегородками отделения: для дам, для курящих и некурящих. Были и тяжелые «пудмановские» вагоны с 2-местными купе, мягкими пружинными спальными местами, обтянутыми синим бархатом, и роскошной отделкой.

Вагоны 2-го класса, 32-местные, разделенные на 2- и 4-местные купе, были желтыми, имели мягкие пружинные сиденья, обшитые желтой кожей, плюшем или сукном, и также иногда делились на отделения для дам, курящих и некурящих. Имелись также вагоны-микст, разделенные на отделения 1-го и 2-го классов, с отдельными входами и соответствующей отделкой и окраской. В 3-м классе вагоны были зеленые, с жесткими деревянными скамьями, на 40 мест. Для пригородного сообщения использовались вагоны 3-го класса. Разумеется, после революции, особенно в период Гражданской войны и военного коммунизма с его бесплатным проездом, классности вагонов не было, а вся отделка в них была уничтожена. В вагоны лезли через окна, иногда разбитые, ехали в тамбурах, на крышах и буферах. Из-за нехватки угля паровозы стали работать на дровах, которых также не хватало, так что иногда поезд останавливался в дороге и пассажиры высыпали из вагонов в лес на заготовку дров, либо же ожидали, чтобы паровоз набрал на сырых дровах пар для прохода затяжного подъема, горели несмазанные буксы и их приходилось остужать, поливая водой. Зимой заносы останавливали движение на несколько дней, и пассажирам либо сгоняемому силой окрестному населению приходилось вручную расчищать рельсы.

В советское время вагоны стали делиться на общие, без указания в билетах номера места, плацкартные, также жесткие, но с указанием мест, так что в отделении помещалось 4 человека на поперечных полках и два — на продольных боковых (столик на нижнем боковом мог опускаться, превращая два сидячих места в одной лежащее), и смешанные, где на верхние полки продавались места для лежания, а на нижние — для сидения. В состав включались также купейные вагоны с 4-местными купе, где были полумягкие полки, обитые дерматином. За границу ходили также спальные вагоны с 2-местными купе и мягкими пружинными спальными местами. Все вагоны окрашивались только в зеленый цвет. Но по традиции купейные вагоны изнутри оклеивались окрашенным в синий цвет линкрустом, в купе были зеркальца, сетки для мелочей и т. п. удобства. Плацкартные вагоны также нередко имели внутреннее покрытие линкрустом, окрашенным в желтый или салатовый цвет. Общие вагоны внутри были светло-коричневыми. До 50-х годов включительно по-прежнему тамбуры были немного сужеными и двери в вагон находились за ступеньками, в нише.

Но одновременно огромное количество пассажиров, особенно на местных линиях, перевозилось лишенными всяческих удобств «столыпинскими» вагонами, а войска и заключенные перевозились в товар-

ных вагонах, превращенных в теплушки. «Столыпинскими» назывались пассажирские вагоны, разработанные в период Столыпинской аграрной реформы для перевозки огромных масс крестьян-переселенцев на Южный Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Они отличались вместимостью и минимумом комфорта. Отделения имели 3-ярусные полки, причем в третьем ярусе П-образные полки могли перекрываться щитами для перевозки громоздкого багажа. Вдоль второго борта вагона шел коридор. Для перевозки заключенных отделения отгораживались от коридора решеткой с дверями в отделения, окна со стороны коридора закрашивались в нижней части белилами, а в отделениях — закрывались почти до верха, а узенькое окошко полностью закрашивалось. «Краснухи», как назывались на блатном жаргоне 2-осные, рассчитанные на 40 человек, товарные вагоны, приспособленные для перевозки людей, оборудовались сплошными 2-ярусными нарами; посередине устанавливалась на железном листе металлическая печка-буржуйка с выведенной в крышу трубой. При перевозке заключенных небольшие окна густо закрывались колючей проволокой, а в одном конце вагона в полу было обитое железом небольшое отверстие для отправления естественных надобностей, снизу перекрытое острыми железными штырями. Были и более комфортабельные теплушки, для перевозки войск и железнодорожных рабочих, размещения в них передвижных мастерских и т. п. Это были те же товарные вагоны, но с прорезанными в бортах несколькими застекленными окнами, широкими лавками вдоль бортов и столами посередине. Из таких теплушек зачастую составлялись «кукушки», небольшие рабочие составы, с регулярностью часов-ходиков (отсюда и название) перевозившие рабочих на небольшие расстояния.

Примерно с 60-х годов на ветках с небольшим пассажиропотоком стали ходить пассажирские дизель-поезда, составленные из нескольких обычных пассажирских или даже пригородных вагонов, один из которых был оборудован мощным дизельным двигателем и кабиной машиниста.

Пригородные поезда по мере электрификации дорог стали заменяться более комфортабельными и вместительными электричками с 3-местными деревянными скамьями и проходом посередине. Ввиду отсутствия высоких платформ у первых электричек тамбуры были заужены и двери отступали в глубь тамбура. Двери сначала были раздвижные, на петлях, и недисциплинированные пассажиры нередко, открыв их, сидели на подножках. Современные пневматические двери появились в 60-е годы.

Постепенно, преимущественно в 50-е годы, комфортность проезда повышалась: в вагонах появились центральное отопление и электрическое освещение, вода, титаны для кипятка (сначала угольные, затем электрические), проводники стали разносить постельное белье и чай. Даже солдат и заключенных стали перевозить в нормальных пассажирских вагонах. В 70-е годы общие вагоны практически были выведены из обращения, хотя смешанные на местных линиях остались.

Общая неустроенность жизни, эвакуация и реэвакуация, огромное число вербованных вызвали колоссальный пассажиропоток: казалось, что вся Россия куда-то едет. Нехватка подвижного состава, низкие скорости движения под маломощными паровозами, однокорейные дороги с длительными ожиданиями встречного поезда на разъездах приводили к тому, что вокзалы были забиты пассажирами, сидевшими и лежавшими на полу или на багаже в ожидании пересадки и по нескольку дней стоявшими в колоссальных очередях за билетами. Проводники пускали огромное количество безбилетников, забивавших вагоны, включая багажные полки, лежавших под сиденьями, набивавшихся в плацкартные вагоны, сидевших на откидных местах и на вещах в коридорах купейных вагонов и пр. Естественно, цены за проезд в разных вагонах резко отличались, и основная масса пассажиров стремилась попасть в дешевые общие вагоны. Поскольку места в них не нумеровались, при посадке возле них начиналась давка: используя физическую силу, пассажиры с громоздким багажом стремились прорваться первыми, чтобы успеть захватить лежащие верхние места. Все усугублялось тем, что посадка объявлялась за небольшой срок до отправления и люди боялись не успеть влезть в вагоны до третьего звонка, а на промежуточных остановках поезда стояли по нескольку минут. К тому же ехавшие в поисках лучшей жизни пассажиры везли с собой весь скарб в огромных тюках и больших фанерных чемоданах с жесткими углами, загромождая подходы к вагону, двери, тамбуры и проходы в вагонах. Густой мат, крики придавленных женщин и плач детей сливались в жуткий шум. В смешанных вагонах также иногда начинались споры: пассажиры сидячих мест претендовали на то, чтобы отдохнуть на верхних полках, а владельцы лежащих нумерованных полок отстаивали свое право на них на том основании, что они заплатили за плацкарту. Только возле немногочисленных купейных вагонов посадка осуществлялась спокойно, без толчеи и скандалов.

Постепенно, в 60–70-е годы с проведением двух колеей, электрификацией железных дорог, увеличением количества поездов и введением беспересадочных маршрутов, а также ростом благосостояния народа,

позволившим брать места в плацкартных и купейных вагонах, число которых в составах также сильно увеличилось, поездка по железной дороге из сильнейшего жизненного испытания превратилась в приятное путешествие.

Транспортный кризис, резко обострившийся во время Гражданской и Великой Отечественной войн и в послевоенный период, частично изжитый только в 60–80-е годы, но возникавший летом, в период отпусков, придавал железнодорожным вокзалам особое значение в жизни советских людей. Поездов не хватало, билеты всегда были большим дефицитом, и транзитные пассажиры на узловых станциях могли провести двое-трое суток в очереди, чтобы закомпостировать (говорилось «компасировать», не от «компостер», а от более знакомого «компас»). Поэтому вокзалы всегда были переполнены людьми, на ночь устраивавшимися на сравнительно немногочисленных жестких массивных скамьях с вырезанными на спинках буквами МПС, а в основном на своих узлах и чемоданах, а то и просто на полу в укромном уголке, подстелив под себя газету, либо спали сидя на ступенях лестниц; не боявшиеся за стоптанную обувь спали даже с комфортом, разуваясь и добавляя к обычной вокзальной духоте аромат давно нестиранных носков. Залы ожидания отличались неистребимым специфическим запахом: смесью пыли, пота, табачного дыма, винного перегара и ароматов вокзальных общественных уборных. Поскольку в вокзальной толпе укрывались и люди, бывшие не в ладах с законом, а также бродяги, дешевые проститутки, жаждавшие выпивки алкоголики и пр., милиция постоянно патрулировала вокзалы, вылавливая подозрительных лиц, пресекая многочисленные попытки воровства; поздней ночью, в связи с уборкой помещений, устраивались проверки билетов и документов: все пассажиры перегонялись из убиравшегося зала в другие помещения, а потом в убранный зал ожидания милиция пропускала людей только с билетами, остальным же приходилось коротать ночь на улице, у вокзальных дверей, в надежде как-то прорваться в помещение. На больших вокзалах крупных городов имелись специальные комнаты матери и ребенка, куда на ночь пропускались матери с маленькими детьми (но мест здесь было крайне недостаточно и обычно дети томились в общем зале ожидания с родителями), а также «депутатские комнаты» для «слуг народа». В вокзалах находились многочисленные торговые заведения, торговавшие газетами и журналами, разной мелочью, напитками, бутербродами и выпечкой; привокзальные рестораны работали до глубокой ночи и нередко были пристанищем блатной публики. Рестораны украшались пыльными пальмами

в кадках и отличались скатертями сомнительной чистоты. Поскольку МПС снабжалось продовольствием лучше, чем обычные горторги, рестораны часто привлекали и обычных горожан, надеявшихся купить что-либо из еды или просто выпить пива. Привокзальные площади маленьких городов нередко служили местом гуляния горожан, преимущественно собиравшихся к проходу курьерских поездов с их столичной публикой. Все это относится и к речным вокзалам.

На узловых станциях, где происходила заправка паровоза водой и топливом или смена паровозов и их бригад, между путями возвышались колонны водокачек с длинными поворотными хоботами. Для заправки паровозы отцеплялись, и для пассажиров резкий толчок вагонов был знаком скорого отправления: паровоз прицеплен. На границах станции стояли входные и выходные механические семафоры: высокие решетчатые мачты с одним или несколькими (до трех) поворотными рычагами. Горизонтальное положение рычага означало запрет движения, наклонное — подготовку к движению, вертикальное — разрешение движения. Сбоку от вокзала, возле перрона 1-го пути, стояла будочка для воды, с выходящими на улицу кранами с надписями «кипяток» и «холодная», а также выгребная уборная на два отделения. Ближайшая к вокзалу территория оформлялась сквериками и клумбами с неперменной скульптурой вроде знаменитой девушки с веслом или пионеров. С конца войны возле вокзалов в сквериках стали ставиться простые пирамидки с красной звездой,obelisks или скульптурные памятники (обычно солдат в плащ-палатке и каске, со склоненной головой и автоматом в опущенной руке) над могилами воинов, умерших от ран в санитарных эвакопоездах, а на территории боевых действий — и погибших при взятии станции или города. В крупных городах выход из вокзала на перрон до 50-х годов осуществлялся по специальным картонным перронным билетам.

Был особый ритуал отправления поездов. Дежурный по станции или даже сам начальник станции в фуражке с красным верхом выходил на перрон и давал звонок в висевший на кронштейне возле входа бронзовый начищенный колокол. Ему коротким свистком отвечали главный кондуктор и паровоз. Через короткий промежуток времени следовали второй удар в колокол и свистки. Третий удар был сигналом к отправлению, заливался длинный свисток кондуктора, а паровоз давал длинный гудок, и поезд трогался. Все кондукторы со свернутыми зелеными флажками стояли на ступеньках вагонов.

Авиатранспорт. Гражданская авиация в СССР в довоенный период была развита сравнительно слабо. Для нужд гражданского хозяйства

закупались германские «Юнкерсы», перевозившие почту и немногочисленных пассажиров — в основном командированных ответработников. Местные линии, санитарные перевозки, сельское и лесное хозяйство обслуживали легкие одномоторные бипланы У-2, известные как «кукурузник». Основная же часть потребностей народного хозяйства, например, метеослужба на Крайнем Севере, ледовая разведка и т. п., обслуживалась военно-транспортной авиацией — американскими самолетами «Дуглас», на производство которых была куплена лицензия, бомбардировщиками ДБ и др. В послевоенный период основным пассажирским самолетом стал поршневого двухмоторный Ил-14, в начале 60-х годов сменившийся реактивным Ту-104. Гражданская авиация специального назначения в конце 40 — начале 50-х годов преимущественно базировалась на У-2, в 60-е годы замененном более совершенными моделями Ан и др. Малокомфортабельный, переделанный из бомбардировщика Ту-104 сменили гражданские реактивные лайнеры специальной разработки: Ту-114, Ту-124, Ил-18, Ил-62, Ан-10, Ан-24 и др. В 60–80-е годы грузовые и пассажирские авиационные перевозки стали обыденным явлением советской жизни. По мере увеличения пассажиропотока и небольшие, плохо приспособленные для длительного ожидания аэровокзалы стали перестраиваться, бетонировались взлетные полосы, и появились огромные комплексные аэропорты.

Жилище

Одной из самых острых проблем в СССР было обеспечение населения жильем. Взрывной характер урбанизации в сочетании с чрезвычайной мобильностью людей, что было вызвано особенностями экономических, социальных и политических процессов, привел к тому, что буквально миллионы людей неожиданно стали нуждаться в жилье. До конца советской эпохи эта проблема не была решена, впрочем, как не решена она и в постсоветский период.

Для значительной части советских людей по-прежнему жилищем оставался индивидуальный дом — изба. В избах жило население сельской местности и маленьких провинциальных, главным образом районных (но отчасти и областных) городов. Преимущественно это были постройки дореволюционной эпохи либо поставленные в 20–30-х и даже в 40-х годах в духе местных традиций: с русской печью, полатями, просторной кухней, игравшей роль передней комнаты, даже с вделанными в стены лавками и полками-полабочниками над ними. Традиционной была и типология избы: изба-связь, изба с прирубом, изба-двойня, реже дом-пятистенок, «крестовый» дом-шестистенок. Аналогично традиционный характер имели и дворы. Например, севернее и восточнее Москвы это была изба на высоком подклете, крытая тесом, с капитальными сенями, с крытым или полукрытым, нередко мощеным плахами двором типа «параллельная связь».

На юге, а особенно на Украине, это глинобитная или турлучная (мазаная на плетневой основе) хата, крытая соломой или очеретом (тростником), с глинобитным же полом, с открытым и незамкнутым двором, где прихотливо разбрасывались хозяйственные постройки. Характер и планировка традиционного жилища и двора описаны в огромном массиве научной, справочной и популярной литературы, в том числе автором данного пособия (см.: История русской материальной культуры. М., 2003; 2-е изд. М., 2015. Изба и хоромы. М., 2002; Жизнь русского обывателя. Т. 1. Изба и хоромы. М., 2014. Культура русской повседневности. М., 2008; 2-е изд. М., 2016).

С конца 50-х, а преимущественно в 60–80-х годах характер индивидуальной застройки стал изменяться, что напрямую связано с улучшившимся материальным положением населения. Новое поколение по возможности перестраивало родительские избы на новый, городской лад, обшивая их тесом или вагонкой, перекрывая, пристраивая засте-

кленные террасы и т. д. При новом строительстве шире стали внедряться новые строительные материалы: силикатный и красный кирпич, шлакоблоки, шлакобетон, пиленный брус. Стали исчезать не только очеретянные или соломенные кровли (солома из-под комбайна не годится для покрытий), но и тесовые крыши, заменявшиеся кровельным железом или шифером. Произошли перемены в планировке жилища: стала появляться прихожая, кухня сократилась в размерах и оказывалась убранной в сторону, так что из прихожей люди сразу попадали в жилую комнату; огромная русская печь заменялась отопительным щитом с плитой или вертикальной печью-голландкой, стали увеличиваться в размерах окна; в газифицированных поселениях стали широко применяться АГВ и во внутренних помещениях появились радиаторы отопления.

Поскольку содержание скота быстро сокращалось (а в городах в конце 50-х годов было прямо запрещено) и нередко сводилось к содержанию кур, поросенка, иногда коз, то отпала необходимость в прежних обширных капитальных хозяйственных постройках. Теперь это был небольшой легкий сарайчик, где вместе содержались несколько коз и куры, дровяник и дощатая уборная. Относительно пустой двор ограничивался теперь легким штакетником, а сзади нередко переходил в огород.

Изменилась и обработка стен и потолка. Стены стали штукатуриться и белиться (иногда окрашиваться масляными красками) или, выровненные тем или иным способом, оклеиваться покупными обоями, потолки подшивались к балкам снизу и также штукатурились, белились или окрашивались. В покрытии полов, особенно на кухнях, стал широко применяться линолеум.

Так старая изба сменилась новым домом.

В городах незначительную роль в жилой застройке играли оставшиеся от дореволюционной эпохи особняки. Теперь они либо заселялись сразу несколькими семьями (в основном — руководящих работников), либо же здесь поселялась одна семья служащего высокого ранга: первого секретаря горкома, райкома партии, директора крупного завода и т. д. Разумеется, эти особняки были национализированы и принадлежали горкомхозам, числясь за важнейшими учреждениями и предприятиями. Аналогичный характер имели и вновь строящиеся особняки или малоквартирные (2- и 4-квартирные) дома, в том числе двухэтажные.

Взрывной характер урбанизации в начале 30-х годов в связи с раскулачиванием и коллективизацией деревни вызвал появление на окра-

инах промышленных, в том числе вновь строящихся (например, Магнитогорск) городов трущоб, носивших образные названия «нахаловок» и «шанхаев». Вернее, они появились еще в конце XIX века, но в указанный период стали значительно более масштабным явлением. Это были полуземлянки, выстроенные самим населением из чего попало (колья, случайные бревна и доски, ржавое железо, куски фанеры и пр.) в оврагах или на склонах возвышенностей, или жалкие лачуги из случайного материала, с земляным полом и часто с такой же кровлей. Строились они без плана, подчиняясь рельефу местности и капризу самих строителей, и не имели ни регулярной планировки, ни тем более электроосвещения и другой инфраструктуры. Нравы там царили своеобразные, и даже милиция предпочитала там не показываться, а ночью — в особенности.

Более цивилизованный характер имели барачные поселки, возводившиеся предприятиями и организациями. Барак по определению — легкая временная жилая постройка. До революции бараки строились для размещения массы больных в период эпидемий (например, холерные бараки) или — во время Первой мировой войны — для размещения масс эвакуированных из прифронтовой зоны. Огромные новостройки 30-х годов, эвакуация множества предприятий вместе с рабочими в необжитые места во время Великой Отечественной войны привели к колоссальному развитию барачного строительства. В советское время бараки из временного жилища стали постоянным, где рождались и умирали целые поколения и где сложилась особая барачная субкультура. Территория вокруг одиночных бараков или в барачных поселках представляла собой довольно грязный пустырь: случайные обитатели этих временных жилищ не были склонны украшать свой быт.

«В 1946 году отец демобилизовался, и мы вернулись в Москву... По семейному преданию, начальник московского метрополитена выделил ему “квартиру”, где после долгих скитаний и поселилась наша семья. Новое жилище представляло собой сарай с односкатной крышей, прислоненный к стене кирпичного дома, построенного в конце позапрошлого века. Пристройка помещалась в глубине двора. Двор этот вместе с ней и длинным баракom, в котором жили рабочие метростроя, был неким новообразованием в старинном Коробейниковом переулке, спускавшемся от Остоженки к набережной Москвы-реки. Барак, выходявший торцом в переулок, построили во время войны, вырубив половину старого заросшего сада, примыкавшего с одной стороны к небольшому особняку, а с другой — к четырехэтажному жилому дому, очень похожему на тот, что подписал нашу халупу.

Двор перед входом в барак, отгороженный от переулка забором, представлял собой пустырь с грудой бревен, предназначенных для отопления, и небольшим сарайчиком, где хранился уголь. Обитатели барака отдыхали на завалинке, дети играли в ножички на куче песка, а под окнами находилось нечто, призванное играть роль “озеленения”. Это были отгороженные скрещенными рейками штакетника узкие полоски сухой пыльной взрыхленной земли, на которой ничего не росло. Такого рода “озеленение” часто встречалось в московских дворах и садах тех лет... Разновидностью такого дворового благоустройства были еще клумбы, такие же голые и пыльные, обрамленные уголками битого кирпича. Хотя двор этот заметно отличался от старых зеленых двориков затейливо сплетающихся переулков Остоженки, все-таки дворы-пустыри, площади-пустыри стали приметой военных и первых послевоенных лет. Появились они и здесь, в уютных уголках старой Москвы: Молочном, Зачатьевском и Бутиковском переулках. Именно такой пустырь виден из дверного проема скандально знаменитой картины Лактионова “Письмо с фронта”» (Малинина Т.Г. Природа в автобиографическом ракурсе: Из заметок москвички // Сад: символы, метафоры, аллегории. Сб. статей. М., 2010).

Типичным баракком была легкая дощатая постройка с двойными стенами и засыпкой землей, металлургическим шлаком или опилками. Однако в леспромхозах с их обилием строительного материала строились и более капитальные бревенчатые или брусовые бараки. В степных районах это могли быть саманные постройки. Вдоль одной стены с частыми окнами проходил через всю постройку длинный коридор, заканчивавшийся небольшими входными тамбурами с обеих сторон (ввиду эвакуации населения при пожаре).

Вдоль другой стены барака во всю длину коридора шла жилая часть. В бараках для одиноких это помещение могло быть единым или разгороженным на несколько очень больших комнат, обычно оборудованных 1- или 2-ярусными нарами. Работница электроцеха Глазовского патронного (пущен в октябре 1942 года на базе недостроенного льнозавода) завода Алевтина Семеновна Ившина вспоминала: «Жила я в общежитии. В комнате, оборудованной двухъярусными нарами, размещалось 22 человека. Дровами обеспечивали себя сами. Носили с дроворазделки, топили печь, варили еду, сушили нехитрую одежду». В семейных бараках каждая семья получала отдельную комнату площадью 12–16 м². Таких комнат могло быть до 20. В комнате у двери находилась небольшая печь с плитой, типа обогревательного щита,

в противоположной стене были довольно большие, обычно сдвоенные окна.

В более благоустроенных бараках в тамбурах могли быть выгорожены выгребные уборные на две половины, мужскую и женскую, на два-три «очка» каждая. Но обычно на улице стояла общественная уборная, одна на два-три барака: сравнительно небольшая дощатая постройка, разгороженная на мужскую и женскую половины, имела входы с торцов, прикрытые открытыми выгородками от нескромных взоров; дверей же не было. Каждая такая половина имела два-три «очка» на небольшом возвышении. Сзади постройки по всей длине довольно глубокой ямы размещались как бы небольшие ящики с наклонными крышками и люками для откачки содержимого; из них вплотную к задней стенке выходили неширокие вентиляционные вытяжные трубы, возвышавшиеся над крышей уборной и прикрытые сверху от дождя маленькой двухскатной кровлей. Уборные эти в гигиенических целях густо белились известью.

Академик А.Д. Сахаров в годы войны работал инженером на патронном заводе: *«Одиноким неместным рабочим жить в общежитии. Я тоже жил в таком общежитии с сентября 1942 по июль 1943 года. Это одноэтажные домики барачного типа, в каждой комнате — трехъярусные нары, всего на 6, 9 или 12 человек. Не шумно, люди слишком устали... Уборная во дворе, шагах в тридцати от двери; ночью многие не добредают до нее, поэтому около общежития всегда замерзшие лужи мочи. Вишность — обычное явление. Холодная вода для мытья, горячая кипяченая в титане при мне была всегда...*

Такова была заводская жизнь в Ульяновске. Потом я узнал, что в некоторых других местах было лучше, но в некоторых, например, на уральских заводах, — много хуже, тяжелей и голодней».

В 60–70-х годах редкие сохранившиеся бараки разгораживали на несколько сравнительно больших квартир с отдельными входами-тамбурами с одной стороны. В квартирах могло размещаться две семьи или семья и одиночка. Здесь была уже общая кухня и туалетная комната, т. е. разгороженные умывальная и уборная.

Иногда бараками неправильно называют дома барачного типа, с коридорной системой. Если барак — легкая временная постройка, то такие дома были капитальные, двухэтажные, как минимум бревенчатые, а нередко шлакоблочные или кирпичные. Вход был посередине, наверх вела деревянная лестница. От входа в две стороны вел расположенный посередине постройки коридор, освещавшийся большими окнами с торца. По сторонам коридора в каждой половине

находилось по две-четыре небольших квартиры, 2- и даже 3-комнатных. Просторная общественная кухня и выгребная или даже снабженная сливом и канализацией уборная находились в конце коридора. В больших индустриальных городах такие дома образовывали целые улицы.

Отчасти подобием барака можно считать рабочие общежития, располагавшиеся или в старых фабрично-заводских рабочих «казармах» (с необычайно высокими потолками, так что в советское время там устраивалось подобие второго этажа, с огромными окнами, широчайшими коридорами), или в случайных помещениях, или же в специально построенных зданиях. *«В общежитии этого завода (московский «Красный факел», бывший «Густав Лист». — А. Б.) жил другой мой соученик... Я не раз бывал у него. Общежитием была огромная зала, где стояло множество коек. Отцу Фомина, как многосемейному, приехавшему из деревни, выгородили угол. Зал общежития был мрачный, всегда горела лампочка-груша, за единственным столом ели, пили, курили, растивали, играли в шашки и домино, за ним же мой товарищ готовил уроки. Когда однажды Фомин зашел к нам, в нашу убогую, но просторную комнату, он, протяжно вздыхая, говорил: “Вы живете хорошо...”, а я всегда почему-то стеснялся нашего жилья...»* (Русский Г. Ребенок в войне).

Жилищная политика большевиков изначально предусматривала переселение рабочих с окраин в центр городов в благоустроенные просторные буржуазные квартиры. Так сложился новый тип жилища — коммунальная квартира, коммуналка. Следует отметить, что далеко не всегда это было благом для самих рабочих. Обычно не слишком благоустроенные заводские поселки размещались вокруг предприятий, так что место работы было, как сейчас говорят, в пределах «шаговой доступности»; теперь в таких крупных городах, как Ленинград, Москва, Киев, Харьков, на работу приходилось ездить на общественном транспорте, сильно перегруженном в часы пик. Кроме того, в таких обжитых рабочих поселках у жителей могли быть свои садики, небольшие огороды, сараюшки для домашнего скота и хранения скарба и т. д. В большой квартире современного каменного многоэтажного дома со всеми удобствами для этого, разумеется, места не было. Наконец, ломался привычный быт с друзьями, родственниками, соседями — людьми того же круга.

Тем более болезненным было такое «уплотнение» (в квартире из восьми, 12 и более комнат столько же семей, а огромные гостиные и залы нередко даже разгораживались фанерными перегородками на

две комнаты согласно санитарным нормам) для прежних обитателей «буржуазных» квартир — интеллигенции, служащих и т. п. Частично потенциальная напряженность при уплотнении могла сниматься «самоуплотнением», когда первые квартиросъемщики и бывшие владельцы квартиры вселяли к себе родственников, друзей и знакомых — людей того же круга.

«Любимую квартиру я помню лет с трех. Сначала, конечно, комнату, которую выделили моим родителям. Потом очень длинный (так казалось в детстве) коридор. Потом, пожалуй, кухня, где все умывались, где меня купали в детской оцинкованной ванночке... И только потом смутно вырисовываются три остальные комнаты. В одной жили дедушка Антон и бабушка Саша со своими младшими дочерьми. Эта самая большая комната, находилась рядом с нашей. Они и обогревались общей печкой, топившейся из коридора. В каждой комнате эта печка имела по две стенки углом, выложенные блестящим белым кафелем со сверкающими, всегда надфранными круглыми медными отдушинами... Еще одна, третья комната, выходила в коридор. Она была поменьше нашей и бабушкиной и тоже обогревалась небольшой печкой из коридора. Четвертая же комната располагалась за кухней, откуда в нее вела простая дверь в одну створку. Была она меньше и темнее других. Обогревала ее кухонная плита, одной стороной выходившая в эту комнату... Никак не могу вспомнить, каково было в закухонной комнате летом: ведь до войны еду у нас готовили почти всегда на плите и, редко, на керосинке. Не помню, как обогревалась эта комната, когда после войны провели газ и сломали большую кирпичную плиту, над которой всегда сушилось мелкое белье... Двустворчатые двери со стеклами и блестящими медными ручками с дутыми шарфиками на концах, высокие окна, по два в каждой из трех комнат, высокие потолки...

...Впечатления от нее, конечно, постепенно менялись. Менялась и сама квартира, все больше и больше ветшая. Стекла в дверях заменяли фанерками, медные ручки — грубыми простецкими железными, рамы окон рассохлись и обросли желтовато-белой краской, постоянно шелушившейся, как кора старого дерева. В квартире никогда не было ванной комнаты. Уборная находилась в середине коридора — деревянная будочка с крючками-запорами снаружи и внутри. На бачке, унитазе и фаянсовой ручке цепочки для спуска воды красовались фирменные надписи «Мюръ и Мерилизъ». Телефона в квартире на моем веку никогда не было. Замечательной была входная дверь. Очень высокая, двустворчатая, двойная. В тамбуре висел огромный кованный

крючок, которым запирались на ночь. А днем звонко задвигалась примитивная задвижка» (Андреева И. Частная жизнь при социализме: отчет советского обывателя. М., 2009).

Жизни коммуналки посвящена хорошая монография И. Утехина. Здесь же отметим несколько нюансов, более имеющих отношение к материальной культуре. При обилии в квартире жильцов на лестничную площадку могло выводиться несколько кнопок звонков, а если кнопка была одна, то под нею указывалось, кому и сколько длинных или коротких звонков давать. Точно так же на двери могло находиться несколько почтовых ящиков с фамилиями владельцев и указанием выписанных изданий. Особенно большие споры в коммуналках возникали по поводу платы за электроэнергию в местах общего пользования: в одной комнате могли жить несколько человек, в другой — одиночка, к одним людям часто ходили гости, к другим не приходил никто и т. д. Поэтому иногда в коридоре, кухне, ванной, уборной висели электролампы, принадлежавшие каждому из жильцов, с соответствующим количеством выключателей, так что если на кухне вечером одновременно находилось несколько хозяек, то горели все принадлежащие им лампы. Сбор денег за электроэнергию, урегулирование очередности по уборке общественных помещений и прочие функции в коммуналке лежали на старшем по квартире, хотя и избравшемся жильцами, но несшим ответственность перед домоуправлением и участковым милиционером (ввиду частых скандалов, драк, и по поводу проживания незарегистрированных людей). *«Мама была ответственным съемщиком и собирала с соседей деньги за электричество... Во многом квартира поддерживалась в порядке за ее счет, и чтобы не входить в споры с соседями, она платила больше, чем нам полагалось, но соседи все-таки тоже должны были платить, а они либо не соглашались и утверждали, что с них берут лишнее, либо задерживали уплату так, чтобы мама отправляла Наталью Евтихиевну платить, потому что все сроки прошли. Тогда они, зная, что им ничего не грозит, и вовсе не спешили. Были споры и по другим поводам, и бедная мама выходила из себя, кричала и, в редких случаях, начинала заикаться. А мне было больно за нее, и я ненавидела соседей и желала им всяческого зла» (Шор Е.Н. Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей).* На самой кухне стояли принадлежавшие каждому из жильцов (каждой из семей) кухонные столы, висели шкафчики или полки для посуды и продуктов (впрочем, продукты во избежание воровства обычно хранили в жилой комнате, где и ели), а на занимавшей центр кухни огромной

плите (которую не топили, т. к. возникали споры по поводу расхода дров) стояли индивидуальные примусы или керосинки.

«...Мать отвела меня на кухню и приказала стоять возле тети Верфиной керосинки (своей мы еще не приобрели), ждать, когда закипит чайник, и убавлять фитиль, ежели керосинка начнет коптить ни с того ни с сего, — она была с норовом... Теперь я не без интереса разглядывал мрачно-коричневые стены и темный от копоти, со следами многочисленных протечек потолок. Много места занимала здесь длинная и широкая, облицованная белыми плитками плита; готовили на ней теперь лишь по самым большим праздникам. На двух кухонных столах, устланных потертыми зеленоватыми клеенками, стояли керосинки. Одна из них отличалась от прочих формой бака, а в ее колесики, которыми регулируются фитили, были вставлены фарфоровые кружочки с изображением трилистника... В дальнейшем я узнал, что это керосинка фирмы “Гретиц”...» (Шефнер В. Имя для птицы).

Поскольку горячее водоснабжение — явление позднего времени, то в крупных городах, включая столицу, на кухнях ставились газовые водонагревательные колонки, а в ваннах дровяные нагревательные колонки. Впрочем, массовая газификация городов приходится преимущественно на поздний период, начиная с конца 40–50-х годов и позже.

С коммунальными квартирами обычно путают квартиры с соседями. Если коммуналки находились в многоэтажных домах дореволюционной постройки, когда квартира в пять комнат считалась маленькой, то квартиры с соседями находились в домах, построенных в советское время, когда огромные многокомнатные квартиры не строились. Это были обычно квартиры 2-, 3-комнатные и максимум жило там три семьи, а чаще две. В таком случае, конечно, было намного больше возможностей мирно разрешить все споры об оплате электроэнергии, звонках в дверь, звонках по телефону, уборке мест общего пользования и пр. Такие квартиры постепенно расселялись по мере развития жилого строительства.

В периоды кризисов, например, войн, в целях экономии топлива прямо в жилых помещениях устанавливались легкие металлические переносные печки-буржуйки, трубы которых выводились в форточки. Топились они любым мусором, мебелью, книгами и т. д.

Ввиду перманентного жилищного кризиса в крупных старых городах, таких как Москва или Ленинград, в домах дореволюционной постройки нередко заселены были и обширные полуподвалы (в домах новой постройки в подвалах обычно устраивались бомбоубежища).

Планировка и заселение жилого подвала практически не отличались от планировки и характера заселения коммунальной квартиры, разве что под кухню, одновременно служившую и умывальной, отводилась часть подвала и там находилось несколько раковин и кранов, так что очереди на умывание по утрам были минимальными или даже отсутствовали. Да и вообще подвалы лучше подвергались разгораживанию, и население каждой «квартиры» было не столь уж многочисленным (три-четыре семьи). Следует отметить довольно высокую влажность в помещениях, а в «кухнях», служивших и умывальной, — и холод. Если же через подвал проходили стояки и трубы канализации вышележащих этажей, то здесь имел место и специфический запах.

С середины 50-х годов в стране начинается массовое жилое строительство на индустриальной основе. Практически единственным материалом становится сборный железобетон. Архитектурные мастерские разрабатывают проекты упрощенных жилых домов, школ и т. д., а появившиеся многочисленные заводы ЖБИиК (железобетонных изделий и конструкций) в огромном количестве выпускают готовые узлы для строительства по этим проектам. Первоначально, очень недолго, многоэтажные жилые дома собирались из крупных железобетонных блоков (так называемые блочные дома) с большим количеством стыков и швов, выделявшихся на серо-белой глади стены. А затем совершился переход к панельному домостроению, с минимальным количеством швов, и более быстрому. Это позволило почти ликвидировать проблему коммуналок (до сих пор только в Петербурге и Москве остается небольшое количество их, да и то это в основном квартиры с соседями), бараков и подвалов. Миллионы людей получили отдельные квартиры.

Однако стремление, удешевив и упростив строительство, в кратчайшие сроки расселить коммуналки, бараки и подвалы, имело оборотную сторону. Квартиры строились настолько экономно, что вскоре стали вызывать недовольство жильцов, уже забывших (а в следующем поколении и не знавших) «прелести» прежней жизни, и получили уничижительное название «хрущоб». Входные (и внутриквартирные) двери собирались из брусков и облицовывались крашеным картоном, закрепляясь в рамах из тонкой доски, которая со временем не выдерживала их веса, и шурупы петель начинали вырываться. Прихожие были настолько тесными, что превратились в узкие коридорчики или даже подобия шкафов, где трудно было развернуться одновременно двум человекам и не помещалась верхняя одежда (особенно если семья была большая или приходили гости). Огромное недовольство вызывали крохотные (от 6 кв. м, а если 8, то это уже много) кухоньки, особенно если

учесть роль кухни в жизни советских людей (здесь не только готовили пищу, но и ели всей семьей и даже принимали близких гостей). Коридоры, если они имелись, были максимально узкими, так что в них не могли свободно разойтись два человека. Тесными были ваннные комнаты (иногда устанавливались даже короткие сидячие ванны) и уборные, и многие дома имели совмещенные ваннные и уборные, так что унитаз стоял рядом с ванной, и непросто было подойти к раковине умывальника. Такие совмещенные санузлы в Ленинграде получили даже ироническое название «гаванна» (контаминация слов «гальюн», уборная по-морскому, и «ванна»: в ту пору популярным был роман Грэма Грина «Наш человек в Гаване»). В 2-, а особенно в 3-комнатных квартирах одна из комнат была проходной. Перегородки между комнатами нередко были из гипсокартона, и слышимость, а то и видимость, была великолепной. Да и вообще плотные и не слишком толстые панели хорошо проводили звук, так что вечером было слышно, как у соседей щелкает электровыключатель на стене. Полы настилались на хлипких лагах фактически из «вагонки», и такой же узкой и тонкой была половая доска, так что полы быстро рассыхались и немилосердно скрипели; уже через полгода-год полы приходилось перестилать и стягивать, либо их заменяли паркетом (паркетной досочкой). Потолки были очень низкими (максимум — 2 м 50 см). Оконные рамы с двойными стеклами делались из сырого материала, быстро рассыхались и коробились, запоры на створках были неудобны и плохо подогнаны, так что утепление окон и даже простое открывание и закрывание створок и форточек составляло проблему. Конструкция электровыключателей и розеток была несовершенна, и они быстро вываливались из своих гнезд в панелях.

В конце 60 — начале 70-х годов стали внедряться проекты более комфортабельных квартир — с увеличенной площадью кухонь, прихожих, ваннных комнат и уборных, с просторными лоджиями или балконами и пр. Одновременно произошел возврат к строительству из кирпича, но с использованием готовых санблоков, панельными перегородками и т. д. Прежние «пятиэтажки» (их массовое строительство было связано с тем, что по нормативам в домах выше пяти этажей полагалось устанавливать лифты) стали заменяться 7-, 9-этажными зданиями, и жилое строительство вошло в определенные общеевропейские современные нормы.

В целом особенностью советского жилища в связи с долговременным острым дефицитом жилья стала универсализация жилого пространства. В дореволюционный период не только в квартирах город-

ских верхов, но и средних слоев, в многоквартирных доходных домах, не говоря уж об особняках, имела место дифференциация, выделение отдельных помещений с разными функциями (столовые, гостиные, кабинеты, спальни, детские и пр.). Теперь, ввиду суженности жилого пространства, занимаемого целой семьей, одна-две, редко три комнаты выполняли все функции. Ярче всего это выразилось в популярном анекдоте 60-х годов: «Приехала американская делегация рабочих на советский завод, и после официальной части стали обсуждать проблемы. Американский рабочий говорит: я занимаю восемь комнат: гостиная, столовая, кабинет, спальня моя, спальня жены, ванная моя, ванная жены, детская... А советский рабочий отвечает: и у меня тоже гостиная, столовая, кабинет, спальня моя, спальня жены, ванная моя, ванная жены, детские у каждого ребенка. Только ты ходишь из одной комнаты в другую, а у меня все устроено гораздо удобнее, в одной комнате: и ходить не нужно». В периоды экстремальной жизни, например, в результате эвакуации во время войны, теснота достигала невероятных размеров. *«Наше положение эвакуированных было неопределенным. Саратов... был переполнен... Всем требовалось жилье, а жилья не было. Какие-то дяденьки в кожаных пальто ходили по квартирам, зашли и к нам, но увидев наш детсад (двое по два года, третий — четыре, четвертый — девять лет, пятый, я — одиннадцать)»* (фраза в книге незакончена. — Л. Б.). Эвакуированных, приехавших сами по себе, а не с учреждениями, как правило, не прописывали. Их отправляли в район, определяя на жительство в деревне.

Мать с первых же дней начала хлопоты о прописке, особенно важно это было и потому, что без прописки не давали продуктовых карточек. Шансов было немного — и площадь меньше всяких санитарных норм и приказ был никого не прописывать...

Жизнь наша понемногу устраивалась. Кое-как разместились восьмером на двадцати метрах. Мать с младшим спала на железной пружинной кровати, среднего братца устроили с мальшиами в чулане, я спал на стульях, пока дядя не принес мне самодельную раскладушку. Мы сходили в баню, вымылись, но от вшей не избавились, часто чесалась голова, а потом стало чесаться все тело, как вскоре обнаружилось, я заболел чесоткой» (Русский Г. Ребенок в войне).

Эта универсализация, среди прочего, привела к особой функции кухни в советской квартире. Из места приготовления пищи она превратилась в повседневную столовую (только при большом сборе гостей стол накрывали в жилой комнате) и гостиную для близких друзей, а иногда и кабинет. Здесь не только принимали пищу, но и выпивали,

беседовали, слушали музыку, а те, кому приходилось много заниматься чтением и письменной работой (студенты, преподаватели, научная и творческая интеллигенция), и работали по ночам, когда остальные члены семейства спали в жилой комнате (комнатах).

Следует кратко сказать об отоплении жилищ. В деревне, естественно, десятилетиями средством отопления служила огромная русская печь, то есть печь с открытым огнем на поду под сводом и с расположенной над сводом лежанкой. Она же использовалась и для выпечки хлеба (в деревнях до войны хлебом не торговали), приготовления пищи и поила скоту, «бучения» (кипячения) белья и даже для мытья — при отсутствии бани. Как уже говорилось, в конце советского периода, с распространением в деревне электричества, а затем и газа, русские печи стали перестраиваться. Теперь для обогрева помещения служил или отопительный щит с варочной плитой, или вертикальная печь-голландка. Топливом служили дрова, а в южных безлесных районах — кизяк (высушенный навоз, перемешанный с соломой) или солома.

В городах в многоквартирных многоэтажных домах центральное отопление от автономных домовых котельных или от центральных теплоэлектростанций было далеко не везде, и для приготовления пищи использовались плиты, а для обогрева — компактные высокие печи-голландки. Топливом служили дрова, для чего у каждой семьи был сарай либо на дворе стояли поленицы дров; использовались также уголь и торф. Топливо приобреталось на складах особых учреждений — гортопов. В кризисные периоды (Гражданская, Великая Отечественная войны), когда подвоз топлива в города прекращался или сокращался до незначительного минимума, в квартирах для обогрева и приготовления пищи устанавливались печки-буржуйки, самодельные или даже изготавливавшиеся централизованным путем и продававшиеся населению. Они были двух типов: вертикальные круглые или горизонтальные прямоугольные, те и другие на ножках. Дымовая жестяная труба выводилась либо в окно, либо в дымоход кухонной или комнатной печи. Топились буржуйки щепками и всяким хламом, в том числе мебелью и книгами. Они быстро нагревались, но и столь же быстро остывали.

За время советской власти изменился и характер городских дворов. До революции и в первые десятилетия после нее замкнутый двор был своеобразным мирком, и «ребята с нашего двора» нередко враждовали с соседними дворами. Здесь были свои уважаемые люди и свои чудачки, здесь нередко совместно праздновали свадьбы и провожали соседей в последний путь и т. д. *«В нынешние дни лестница стала про-*

должением улицы, а во времена, которые я здесь описываю, она была продолжением квартиры. Посторонним околачиваться там не полагалось, шуметь никому не разрешалось, а в двенадцать часов вечера дворник запирает парадный подъезд, так же как и ворота во двор, на ключ — до утра...

Дворы в те времена имели в жизни ленинградцев, а в особенности в жизни детей и подростков, куда большее значение, нежели теперь. Каждый двор принадлежал как бы только тем, кто живет в данном доме или флигеле; ко всем пришельцам относились настороженно, а дворник имел право прогнать со двора любого чужака, если тот покажется ему подозрительным...

Во дворе существовали свои законы, не похожие ни на семейные, ни на школьные, ни на уличные; как ни странно, скорее всего они подходили на детдомовские... Здесь тоже чтили силу, но уважали и справедливость, и старшие, как правило, младших не обижали...

Передний двор наш представлял прямоугольник, мощный мелким булыжником и ограниченный по длинной стороне стенами двух пятиэтажных домов, а по короткой — двумя высокими серыми брандмауэрами. Часть его площади занимали поленницы дров, но для беготни, игры в лапту и для киканья ("кикать" — гонять ногами тряпичный мяч) места вполне хватало. Двор имел две подворотни, одна вела на улицу, другая — на задний двор. Задний двор, зажатый между первым и вторым флигелями, был куда меньше и невзрачнее переднего; здесь, кроме всего прочего, находилась домовая прачечная и помойка — бетонное сооружение с двумя горизонтальными дверцами на блоках, — в ней было интересно рыться, если поблизости не торчал кто-нибудь из взрослых: они всегда гнали ребят от помойки. Девочки на задний двор почти не заглядывали, зато мальчики обретались там частенько: притягательную силу имела не только выгребная яма, а и подвалы второго флигеля; большинство из них пустовало, и мы играли в них в казаков-разбойников. В подвалах таилась загадочная полутьма — маленькие окошечки, вровень с землей, почти не давали света; пахло сыростью, местами под ногами хлюпала вода; на полу валялись черепки от цветочных горшков, старые консервные банки с рваными краями, какие-то железные, насквозь проржавевшие детали. Однажды в дальнем конце подвала мы нашли старинный велосипед — с огромным передним колесом и малюсеньким задним; ржавчина изрядно пообглодала его, и все же он оказался таким тяжеленным, что вытащить его наружу мы не смогли. В одном сравнительно сухом отсеке подвала ребята соорудили разбойничью пещеру — сложили

там из кирпичей скамейки и подобие стола, а бетонные стены разма- левали углем: изображены были гробы, черепа, кости, наганы и иг- ральные карты. Здесь валялись старые журналы, натасканные из дому, мы жгли лист за листом, скручивая их в жгуты» (Шефнер В. Имя для птицы).

Такой же характер, как в Ленинграде в начале 20-х годов, имели дворы многоквартирных домов в Москве в конце 30-х. «За арочным проходом под нашим домом открывался первый двор. Слева тянулось пятиэтажное здание, занятое различными учреждениями и технику- мом пищевой промышленности, справа — более низкие здания, при- надлежащие заводу «Дисковый фрез», причем имела даже кузница, где горел горн. Двор был узкий, но длинный. Далее, под второй ар- кой — проход в средний двор, где были здания служебного назначения, в том числе котельная с высокой кирпичной трубой, а также пожар- ная команда...

Но самое интересное было на заднем дворе, это был отдаленный, таинственный, даже пугающий мир... Когда-то находились там склады, но теперь ими не пользовались, жильцы завели здесь сарайчи- ки для дров, да еще, как на всех задних дворах, были помойки. Но для человека пяти-шести лет это была страна поисков и находок. Там возвышалась огромная куча, казавшаяся горой. Если покопаться в этой золотой горе, то можно было обрести сразу же богатства — болтики, гаечки, сплюснутую алюминиевую миску и даже эмалиро- ванный круг на лампочку — сверху зеленый, снизу белый. Немало лю- бопытного содержал мусорный ящик дискофрезерного завода, доверху наполненный голубой колючей стружкой, среди которой находились поломанные зубчатые диски. Были еще две помойки, одна невероятно зловонная, с тучами зеленобрюхих мух, другая — ящик для макулату- ры, в нем, среди бумаг, выброшенных учреждениями, можно было най- ти конверт с маркой.

...Вечерами и в выходные... можно было бегать и лазать по всему двору, а закоулков в нем хватало, даже играть в футбол, причем го- товыми воротами служили проездные арки — очень это было удобно, под ними можно было играть и в дождь. Чаще всего играли «в одни во- рота», потому что ребят моего возраста и поменьше во дворе было немного. С девочками мы мало водились, лишь когда играли в «две- надцать палочек», в ленту или в «штандер», тогда принимали и их. Любимым занятием была игра в «отмерного» (или «отмерного коз- ла» — род чехарды), а также в «ножички» (втыкать ножик в землю разными способами — с руки, с пальцев, с колен, с плеча), бывали

и менее невинные забавы, как стрельба из ключа (в ключ набивалась сера от спичек, вкладывался гвоздь, все это связывалось веревочкой и с размаху ударялось о стену)» (Русский Г. Ребенок в войне).

В 50-х годах старые дворы были разгорожены, а в районах новой массовой застройки дворов вообще не было, а имелось «междомовое пространство», служившее для прохода и проезда и в лучшем случае оборудованное простейшими детскими площадками с песочницами, грибками, качелями и каруселями. Распалась прежняя дворовая субкультура, и даже живущие в одном подъезде люди в лучшем случае лишь здоровались с соседями.

Интерьеры

Стал меняться не только внешний облик сельской или городской застройки. Начали меняться и интерьеры. Даже в старых деревенских избах ликвидировались вделанные в стены лавки и полки-полавочники, уничтожались или превращались в тесные антресоли бывшие полати. Особенностью советской эпохи стало то, что бревенчатые стены, ранее голые, иногда стали оклеиваться белой бумагой и даже газетами, реже — дешевыми фабричными обоями, иконы и лубочные картинки стали заменяться яркими плакатами и стала появляться передвижная мебель (кровати, шкафы). В одной из изб большого владимирского села Головино *«к потолку горницы подвешены елочные игрушки, на стене бумажная тарелка репродуктора, в переднем углу иконы, на комодѣ патефон и пластинки. Рядом швейная машинка. Во весь пол постелены мягкие коврики, сшитые из разноцветных тряпочных лоскутков. На застекленной дверце посудного шкафа с обратной стороны приделаны картинки: породы кур. На стенах — для красоты — плакаты: жеребец-битюг Сатир, огромный розовый хряк, плакат с призывом вступить в общество Красного Креста, плакат, где три пионера держат в руках книжки и улыбаются, и, наконец, плакат-лозунг “Играйте в волейбол!”»*.

Специфические, смешанные деревенско-городские вкусы старого мещанства (социальной категории) стали распространяться и на ново-явленных горожан, и на молодую советскую интеллигенцию, вышедшую или из крестьянства, или из того же мещанства. Интерьеры украшаются ковриками, нередко самодельными лоскутными, вышивками, открытками, а в лучшем случае типографскими репродукциями картин популярных художников, случайными безделушками, флаконами и коробочками из-под парфюмерии, яркими цветами, живыми в случайных горшках, а то и бумажными. *«Думаю, тетя Нуля или отроду жила в Старой Руссе, или очень давно и прочно обосновалась в этом городке, потому что когда я впервые попал к ней, то увидел, что наше жилье ни в какое сравнение не идет с ее большой и уютной комнатой. Перед кроватью на полу лежал коврик; у стены, справа от входа, стоял буфет, на дверцах которого были вырезаны лебеди. Обеденный стол был накрыт яркой скатертью. На туалетном столике поблескивали фигурные флаконы и какие-то баночки с красивыми на-*

клеяками. Правда, вскоре я убедился, что баночки пусты и во флаконах духов нет...

На стенах комнаты висело много открыток и фотографий. Среди них выделялся фотографический портрет молодого человека в военной фуражке... Недалеко от портрета висела открытка с изображением толстого пушистого глянцево-черного котенка. Зрачки у котенка были не нарисованные, нет! Их заменяли две зеленые пуговички, пришитые к картинке...

Много места занимал диван-оттоманка, обитый мягкой ковровой тканью. Он был огромен. Я спал на нем, занимая ничтожную долю его поверхности» (Шефнер В. Имя для птицы).

Однако огромная масса советских людей вследствие бесконечных переездов просто не успевала обжить свое случайное жилище, которое оставалось неуютным, а из-за перенаселенности и тесным. «Одно из ранних детских впечатлений: мы недавно въехали в нашу московскую квартиру, купили диван с высокой спинкой... Мы живем в двух комнатах, вернее, одной большой комнате, разделенной фанерной стенкой, обстановка самая простая — стол, стулья, шкаф, диван, койки <...>

Убогость обстановки была крайняя (хотя по тогдашним стандартам никому этого не казалось). Были фанерный шкаф для одежды и белья, книжный шкаф, буфет с зеркалом, обеденный стол со стульями, железная никелированная кровать родителей, наши детские железные кровати. Письменного стола нет, его заменяет простой стол. Есть диван. Есть два хороших, обитых цветной жестью сундука — при повороте ключа в замке раздается мелодичный звон. Часы на стене, уже испорченные, и тикающие “ходики”. Есть ламповый радиоприемник. Наконец, самая большая ценность — пианино “Музфрест”. И еще считалось, что мы живем лучше других! Тогда перед войной шел американский фильм “Сто мужчин и одна девушка”, где показывалась убогая комнатка безработного, и наша дворня была потрясена, отец Матюхиных, истопник, удивлялся: “Безработные, а живут лучше нас!” Еще бы, там у безработного была никелированная кровать» (Русский Г. Ребенок в войне).

Убогий характер обычно имели и интерьеры общественных зданий — учреждений и даже клубов, особенно сельских. «Почти против окон бабки Акулины, в одноэтажном, продолговатом кирпичном доме помещался сельский клуб. Чтобы занять время, побежали туда.

Женщина подметала веником вчерашние окурки, бумажки, семечковую шелуху. Скамейки, расставляемые рядами по вечерам, те-

перь были сдвинуты к стенкам, и клуб представлял одно пустое помещение, длинное и скучное, как ящик. В дальнем конце — подобие сцены, на сцене стол, на столе рассыпаны костяшки домино. На грязные с потеками и в трещинах стены повешены лозунги, настолько обыкновенные, что, конечно, их никто не читает, а если и читают, когда невольно упадет взгляд, то бессознательно, не придавая им никакого значения. Вот, например, лозунг: “Включимся в соцсоревнование, закончим весеннюю посевную кампанию в лучшие агротехнические сроки!” Во-первых, лозунг этот висит и весной, и летом, и осенью, и зимой, дожидаясь следующей посевной кампании. Редко-редко, перед большими праздниками, обновляют лозунги, а во-вторых, трудно представить себе, чтобы колхозный парень, прочитав такой лозунг, схватил шапку и побежал включаться в соревнование» (Солоухин В. Владимирские проселки).

Значительно приличнее, цивилизованнее выглядели интерьеры городских общественных зданий — школ, клубов, кинотеатров, домов и дворцов культуры. Конечно, и здесь видное место занимали лозунги типа «Учиться, учиться и учиться... В.И. Ленин» (лозунг вырван из контекста, поскольку Ленин в данном случае призывал учиться коммунизму). Непременными были портреты и бюсты «вождей» — того же Ленина, Сталина. Иногда даже висели масляные, более или менее качественные копии картин русских и советских художников. Например, в Доме металлургов г. Омутнинска Кировской области в 40–50-х годах в обширном фойе стояла огромная скульптура — Ленин в кресле, с блокнотом в руках, а на торцовых стенах две случайные диорамы: гибель парохода «Челюскин» и «расстрел 26 бакинских комиссаров». В зрительном зале хорошие шерстяные шторы и обитые велюром стулья, в коридорах паркет, покрытый шерстяными дорожками, по которым уже неловко было ходить босиком, так что автор этих строк, идя сюда в кино, в библиотеку или на занятия в авиа- а затем в судомодельный кружок, вынужден был обуваться. А в кинотеатре «Спартак» в этом же городе, представлявшем огромный бревенчатый лабаз с прирубами, в фойе висела большая масляная копия картины В.М. Васнецова «Три богатыря» и за стеклом коллекция открыток — портретов советских киноактеров.

Мебель. Долгие десятилетия после революции в ходу была старая дореволюционная мебель. И не только у «бывших», когда-то более или менее зажиточных людей. При «уплотнении», т. е. подселении в их большие квартиры новых жильцов из рабочих, прежние владельцы могли взять с собой лишь ограниченное число предметов, остальное же переходило во владение новых жильцов. Поскольку, как уже говори-

лось, допускалось «самоуплотнение», т. е. подселение по выбору старых хозяев квартир их родственников, знакомых или просто близких по культуре людей, в превращавшихся в коммуналки квартирах доминировала старая мебель с огромным количеством мелких предметов и безделушек.

«Мы втроем поселились в большой комнате окнами на улицу, рядом с тети Верой...

Время печек-буржук, которые можно было топить дощечками и щепками, уже миновало, за них теперь налагались штрафы пожарной инспекцией. Правда, в той комнате, куда мы въехали, такая печурка — память недавних голодных и холодных лет — еще стояла, но мать велела Толе и мне вынести ее во двор. После выноса буржуйки комната сразу стала наряднее. Мебели в ней хватало: шкаф, две кровати, диван, стол овальный, стол ломберный, этажерка, туалет (то есть туалетный стол; сейчас это жеманное наименование с чьей-то легкой руки присвоено сортирам, ватерклозетам, уборным, нужникам). <...> Мать уже успела привести в порядок и туалетный стол: выбрала тряпкой всю пыль, что за долгое время осела на его витиеватых резных украшениях, протерла зеркало. Зеркало это было “с реверансом”: льстивое стекло имело чуть-чуть розоватый оттенок, и потому каждый смотрящийся в него, мгновенно приобретал хороший цвет лица... На темно-коричневую столешницу туалета мать постелила блестяще-серую материю с вытканными на ней таинственными японскими письменами и длиннохвостыми и длинноклювыми красно-зелеными птицами; на эту скатертку поставила и положила всевозможные предметы и безделушки: фарфоровую севрскую пудреницу, вазочку из богемского стекла, статуэтку пастушки с козленком, щетки в черепаховой оправе, длинную лакированную китайскую коробку. Вообще всякой японщины и китайщины в доме хватало: лаковые черные ширмы с вышитыми на шелку аистами и тростниками, чайные сервизы, вазы, кимоно, альбомы с инкрустированными крышками, множество всяких безделушек» (Шефнер В. Имя для птицы).

Поскольку в СССР практически все работали, учились или воспитывались в детских учреждениях, постольку жилище служило лишь временным пристанищем — преимущественно для сна. Так что мебель для сна занимала видное место в жилище советского человека. В то же время перманентный жилищный кризис не позволял выделить особую комнату (комнаты) для сна, т. е. спальню, и мебель для сна занимала это видное место уже хотя бы в силу своей громоздкости, соседствуя с другой мебелью и тесня ее.

Здесь используется термин «мебель для сна», поскольку, опять же вследствие универсальности советского жилища, использовалось большое количество разновидностей этой мебели: нары, топчан, раскладушка, кресло-кровать, диван-кровать, тахта и собственно кровать.

Долгие десятилетия, до 60-х годов по меньшей мере, наиболее характерной была складная железная кровать. К двум сварным спинкам шарнирно крепились две взаимосвязанные шарнирами половинки лежака; под средними шарнирами, подпирая обе половины лежака, находились дополнительные ножки. В разложенном состоянии все узлы кровати раскреплялись раскосами из двух собранных на шарнирах полос железа. При небольшом усилии раскосы складывались пополам, спинки ложились вдоль обеих половин лежака, также складывавшегося пополам вдоль средних ножек. Собственно лежак составляли образующие две рамки продольные железные уголки, скрепленные на заклепках промежуточными железными полосами. В разложенном состоянии на эти полосы между уголками укладывались обыкновенные доски, а на них клали тюфяк. Такие кровати окрашивались масляной краской неяркого цвета, серо-зеленой, серовато-синей. В быту их нередко называли солдатскими, поскольку это была типичная казарменно-гостинично-больничная мебель. Мужчины нередко на ночь аккуратно укладывали на доски под ватный тюфяк брюки, так что наутро на них оказывались довольно четко заглаженные «стрелки». Большое количество шарнирных соединений служило приютом для клопов — обычных спутников тесных и не всегда чистых жилищ со скученным населением; так что периодически все шарнирные соединения поливали крутым кипятком.

Более комфортабельной была складная железная кровать с сеткой. Две сварные или клепанные спинки на шарнирах с раскосами крепились к раме, в которой растягивалась довольно жесткая сетка с крупными ячейками из кусков толстой проволоки. Между собой ячейки скреплялись через плоские железные шайбы. Иногда эта сетка по концам кровати крепилась к поперечинам с помощью ряда крупных пружин. На сетку укладывался тюфяк. Эти кровати, характерные для казарм, общежитий, дешевых гостиниц, больниц еще в 50-х годах, также окрашивались в темные цвета масляной краской.

Значительно более удобными были разборные кровати с панцирной сеткой. Продольные уголки по концам с помощью сварки скреплялись выгнутыми в виде невысокой длинной скобы железными полосами или уголками же. В невысоких стойках рамы были узкие парные прорези, а на ножках спинок — соответствующие им парные плоские

крючки. В сложенном виде крючки входили в прорези. Был и другой тип крепления разборных кроватей с панцирной сеткой: по углам рамы приваривались массивные кубические объемы с конусовидными углублениями и прорезями в них, а к спинкам — соответствующие углублениям металлические конусы на низких кронштейнах. Спинки таких кроватей делались частично или полностью из никелированных труб, в местах скреплений нередко украшались никелированными металлическими шариками. При тогдашней бедности такая весьма мягкая кровать с ее сверкающими никелем деталями служила украшением жилища, ею гордились.

В казармах и общежитиях эти кровати поверх простыней застилались черными, серыми или мутно-синими шерстяными, полушерстяными или байковыми «солдатскими» одеялами, иногда со второй простыней, по концам выпущенной поверх одеяла, или с белыми пододеяльниками. В 20–30-е годы на одеялах нередко была сделанная на швейной машинке надпись «Ноги», особенно если пододеяльник или вторая простыня отсутствовали. В конце 40–50-х годов поверх одеял кровати накрывались пикейными покрывалами, белыми, бежевыми, голубоватыми. В частных жилищах такие кровати посылно стремились украсить. На окрашенные железные спинки нередко надевались «застенки» — чехлы из ткани, часто украшенные вышивкой. К простыням пришивались кружевные подзоры, выпускавшиеся из-под покрывала, сами покрывала нередко были самодельные, яркие, сшитые из лоскутков красной, синей, черной ткани (лоскуты нашивались на основание из хлопчатобумажной ткани). Поверх покрывала устанавливалась пирамида из двух или трех последовательно уменьшавшихся подушек в наволочках с кружевными прошвами, а у наиболее рачительных хозяек эта пирамидка сверху накрывалась кружевной накидкой. Кружева, разумеется, были исключительно ручной, нередко собственной работы, вывязанные крючком. В 60-е годы их заменил тюль машинной выделки.

Бытовали и массивные деревянные кровати. В 20–30-х годах это были остатки дореволюционной роскоши — из ореха или даже красного дерева, лакированные, украшенные токарными деталями, калевками. Были они жесткие, нуждались в перинах, закрывавших доски лежака. Нередко это было пристанище сонма клопов. Разумеется, эти кровати украшались так же, как и железные: кружевными подзорами, наволочками с прошвами и пр. В 50-е годы стали все чаще входить в обиход деревянные, обычно полутора- или двуспальные деревянные кровати с пружинными матрацами на них, как правило, с относитель-

но невысокими гладкими спинками. В этот период в мебельной промышленности начинают широко внедряться прессованные древесностружечные плиты (ДСП), покрытые фанеровкой или даже пленкой, имитирующей ценные породы древесины, и новые деревянные кровати собираются из ДСП в сочетании с сосновыми брусьями.

Однако отдельные кровати, даже примитивные, с досками вместо сеток, были для многих горожан роскошью. Индустриализация, коллективизация с ее раскулачиванием или с бегством массы крестьян от раскулачивания и ссылки в города, массовая ссылка и т. д. привели к урбанизации страны, развивавшейся буквально методом взрыва. В итоге появились обширные новые городские районы и даже целые города, состоявшие из бараков. В бараках для одиночек, как правило, устанавливались одно- или даже двухъярусные нары, получившие характерное название «вагонка». Устанавливалась прочная высокая стенка шириной, равной длине нар и обычно не доходившая до потолка. К ней на стойках крепились с обеих сторон настилы на одного, иногда на двух человек; иной раз обитатели нар спали «валетом». Такие нары были типичны и для лагерных бараков, получив там жаргонное название «шконка».

Заменой нар были дощатые топчаны. На двух парах перекрещивавшихся наклонных брусьев или толстых узких досок, имевших Х-образную форму и скрепленных раскосами, настился дощатый настил, и на одном конце устанавливалось изголовье из наклонной доски, опиравшейся на вертикальную, поставленную на ребро узкую доску.

В дореволюционных рабочих общежитиях (казармах) с их непомерной высоты, в соответствии с санитарными требованиями фабрично-заводской инспекции, потолками (до четырех метров) для повышения вместимости стали устанавливать наверху, на прочных брусьях, настилы — подобие привычных деревенских полатей.

Нары, полати и топчаны играли заметную роль в «меблировке» общежитий и бараков еще в период Великой Отечественной войны с ее колоссальной эвакуацией миллионов человек и мобилизацией таких же миллионов на «трудовой фронт».

В то же время в 20–50-е годы в жилищах более состоятельной (высокопоставленной) части населения либо у «бывших» или их потомков сохранялась старая массивная мебель. Такая мебель изготавливалась и в СССР. Нередки были огромные пружинные диваны с высокой мягкой спинкой и боковыми валиками, покрытые если и не кожей, то черным дерматином (имитацией кожи). Нередко такие диваны завершались узкой длинной лакированной полкой, на которой выстраивались

по ранжиру 12 маленьких белых слоников — символ домашнего счастья и уюта. Такими же массивными, обтянутыми кожей или дерматином были пружинные кресла с высокой спинкой и боковыми валиками. Для сбережения мебели кресла, а иногда и диваны покрывались матерчатыми чехлами из сурового полотна. На спинках диванов иногда прикалывались булавками небольшие дорожки, вышитые в технике «ришелье».

Однако в большинстве семей жилища обставлялись «пёстро», случайной мебелью «с бора по сосенке».

«Ясно, что семья была бедной... Самодельные табуретки, шкафчики и полочки на кухне, разношерстные стулья и кровати в комнатах, дешёвая, грубая посуда как-то не задерживали моего внимания. А вот резная, с витыми колонками и хрустальными стеклами верхняя половинка большого буфета из красного дерева восхищала меня своей красотой. И не беда, что она стояла на каком-то самодельном шкафчике, грубо выкрашенном морилкой... В другой комнате стояла другая, нижняя половинка, но совсем от другого буфета: строгая, черная, с бронзовыми накладками... <...> В комнате стоит большой круглый стол с полотняной скатертью, прямые жесткие стулья, небольшой диван с сероватой обивкой, высокой спинкой, с цепочкой моих любимых, убывающих до самого маленького мраморных слоников на полочке над этой спинкой и с жесткими валиками-подлокотниками. Есть еще безликий платяной шкаф с двумя створками и двумя ящиками внизу. Над столом низко висит абажур бледного оранжевого шелка с бахромой. Этажерка с книгами стоит в углу, а на стене над ней висит черная тарелка репродуктора. <...> ...летом 1940 года мои родители купили «обстановку». Во-первых, круглый раздвижной стол из светлого дуба. Во-вторых, шифоньер с двумя дверцами, с зеркалом на одной из них и двумя выдвигаемыми ящиками внизу... Поперек угла возле окон поставили буфет. Он был темнее стола и шкафа. Впрочем, цвет стола роли не играл — его всегда покрывала накрахмаленная скатерть. У буфета в верхней части были небольшие застекленные дверцы и два маленьких ящичка. В нижней части — тоже два ящичка, но уже больших, и две дверцы, скрывающие длинную полку. Между верхней и нижней его частью было свободное пространство, как грот. Там всегда что-нибудь стояло: сахарница, вазочки для конфет и варенья, псевдосеребряная полоскательница. Этот предмет уже совсем забыт в нынешнем быту. Но в то время чайную посуду мыли на столе сразу после чая, пока в чайнике или самоваре еще оставалась горячая вода. У бабушки с дедушкой тоже была полоскатель-

ница. Они пили чай из довольно большого медного самовара. А в моей семье уже был электрический никелированный чайник и, кстати, электрический утюг. У бабушки же было множество по размеру и весу утюгов на углях и всяких, вплоть до самого маленького, просто чугунных, разогревавшихся на плите... Постельное белье бабушка не гладила утюгом, а “катала” с помощью рубеля и скалки. До появления электрического утюга мама тоже пользовалась тяжелым чугунным на углях. Чтобы он не затухал и не остывал, им время от времени махали в воздухе» (Андреева И. Частная жизнь при социализме: отчет советского обывателя. М., 2009).

1950-е годы характеризуются внедрением в быт нового стиля, своеобразного «второго издания» конструктивизма и функционализма в связи с переходом к массовому жилищному крупноблочному или панельному домостроению. В новых экономических жилых апартаментах было очень тесно, и для прежней громоздкой мебели места не было. В дело включилась пресса, высмеивавшая огромные старые платяные шифоньеры «гей, славяне», пузатые бабушкины комоды, старые просторные пружинные диваны и кресла с валиками, громоздкие кровати. Пропагандировалась мебель легкая, компактная и многофункциональная. В первую очередь это коснулось мебели для сна. Появился совершенно новый вид мебели — раскладной диван, или диван-кровать. Днем, в сложенном состоянии, это был обычный пружинный диван на невысоких ножках, входивших в конструкцию сплошных узких подлокотников, а постельные принадлежности укладывались в мелкий ящик под сиденьем; на ночь путем несложной манипуляции спинка укладывалась горизонтально, а подлокотники играли роль спинок полутораспальной кровати. Другим видом многофункциональной мебели стала раздвижная тахта: на сплошном ящике с узкой спинкой и низкими подлокотниками настилался поролоновый матрас, две узкие поролоновые подушки устанавливались на ребро вдоль спинки. На ночь с двух сторон на маленьких колесиках выдвигались два ящика, в которых на день прятались постельные принадлежности. В выдвинутом положении ящики накрывались крышками из толстой фанеры, на которые укладывались подушки. Были и другие типы раздвижной или раскладывающейся тахты. Употреблялись также простейшие кушетки: разборные на болтах, с невысокими плоскими спинками и такими же ножками, с поролоновым матрасом.

Популярны были и различные типы кресел-кроватей. Оси, на которых поворачивались и ходили подвижные части (складывающееся

вдвое сиденье, трансформировавшееся в лежак, и спинка), имели гнезда в боковинах-поручнях; под петлями, соединявшими обе половины лежака, находились поворотные промежуточные ножки. Некоторые кресла-кровати имели под сиденьем ящик для постельных принадлежностей, спинка была съемной и укладывалась в разложенном положении на пластину из толстой фанеры, прикрывавшую ящик. Спинки и сиденья делались из толстого поролона и иногда снизу подкреплялись полосами из толстой резины.

Вся эта трансформировавшаяся мебель, изготовленная из древесно-стружечных плит и фанеры, была недолговечна, а поролон сидений и подушек через несколько лет начинал разлагаться и крошиться.

Пестрым был состав так называемой корпусной мебели — разнообразные шкафы. Из дореволюционных времен пришли массивные, из березы или сосны, покрытой фанеровкой ценных пород и цветными лаками, платяные шкафы (шифоньеры). Иногда они украшались резьбой на карнизах, латунными накладками, вставками из толстого оконного стекла с фасетками или из зеркал и пр. Чаще всего такие шкафы изготавливались в каком-либо «историческом» стиле, а иногда — в стиле модерн 1900-х годов. Они стояли на низеньких точеных ножках. Изготовление крупной корпусной мебели в СССР как в до-, так и в послевоенный период было незначительным и в более упрощенных формах. С середины 50-х годов стало расширяться производство фабричной мебели, и появились трехстворчатые платяные шкафы с большим зеркалом в средней створке, с полками в одной из секций и с выдвижными ящиками. Они также покрывались буковой или березовой фанеровкой и лакировались светлым лаком. В 60-е годы появилась новая модификация платяных шкафов, двухстворчатых, лаконичных по формам, изготовленных из древесно-стружечных плит, покрытых березовой или буковой фанеровкой под светлым лаком (одна половина под полки, другая с вешалками-плечиками для длинного платья), и трехстворчатых, покрытых пленкой под ценные породы дерева, например, орех, и темным лаком. Иногда такие шкафы были двухуровневыми, со съемным верхом с полками. Нередко такие шкафы входили в комплект со «стенками» или составляли гарнитур со спальней мебелью.

Но одновременно в 50–60-е годы широко применялись разнообразные по форме «базарные» платяные шкафы кустарного производства, с фанерными стенками и дверцами на каркасе, покрытые светлым лаком.

Из дореволюционного времени пришли комоды: невысокие массивные шкафы с выдвижными ящиками, на низеньких ножках. В дово-

енный период продолжалось их изготовление, в том числе кустарным способом. Обычно комоды покрывались скатертями, нередко кружевными, или салфетками, на верхней доске складывались стопкой многочисленные книги, семейные альбомы, ставились граммофон, патефон, в том числе открытые, для демонстрации зажиточности и «культурности», баян или аккордеон без чехла, какие-нибудь безделушки, вплоть до красивых детских кукол и даже пузырьков из-под духов. Посередине зачастую стояло настольное зеркало. В 50-х годах комоды быстро исчезают из обихода, ненадолго задержавшись в деревенских домах и в глубокой провинции с ее частной застройкой.

Аналогичный характер имели и шкафы для посуды — буфеты. Либо они пришли из дореволюционного времени и были относительно массивные, на низеньких ножках, усложненной формы (низ — с выдвижными ящиками или с дверцами, верх — с полками за застекленными дверцами), украшенные резьбой, либо были кустарного изготовления, упрощенные, покрытые масляным лаком или даже масляной краской. В жилищах людей невысокого материального достатка и социального положения, особенно в индивидуальной застройке, характерны были подблюдники, или посудники, в виде настенного неглубокого шкафчика с двумя-тремя полками и рейками, позволяющими ставить мытую посуду наклонно.

Секретеры как вид шкафа с выдвигающейся или откидной столешницей появились еще до революции. В сравнительно небольшом количестве они производились на мебельных фабриках и в советский период. Иногда это были дорогие изделия «чистой» работы из ценных пород дерева (дуб, бук, орех), большей же частью дешевые сосновые, с фанеровкой или просто с протравой бейцем и покрытием темным лаком. В 50-х годах производились и невысокие секретеры-буфеты, окрашенные белой масляной краской. В нижней части за дверцами были полки, в верхней — полки за стеклом. С 60-х годов такие комбинированные невысокие шкафы, получившие в быту название горки, были более чистой работы, с фанеровкой или пленочным покрытием под темным лаком.

Быстро исчезающим видом мебели стали дореволюционные бюро: рабочие столы с невысокой стенкой из ящичков перед столешницей и закрывавшей ее полукруглой выдвигающейся крышкой.

Сравнительно редким видом домашней мебели были двухстворчатые застекленные книжные шкафы: книги в достаточно большом количестве имелись далеко не во всех семьях. Выпускались также довольно высокие (для квартир с высокими потолками), но мелкие (на один ряд

книг) шкафы с застекленными поднимающимися и задвигающимися внутрь створками. Делались они из хорошего дерева (дуб, орех) или под темным лаком, с калевками и латунными накладками. Примерно в 60-е годы на смену довольно громоздким и емким шкафам пришли более компактные шкафы из ДСП, покрытых березовой или буковой фанеровкой под светлым лаком: немного выступавшая вперед тумба с полкой за дверцами (на два ряда книг) и на ней неглубокий (на один ряд книг) открытый шкаф с задвигающимися стеклами на три полки. Более популярными стали подвесные книжные полки с задвигающимися стеклами, использовавшиеся не только как книжные, но и для размещения хрусталя, безделушек и т. д.

Всю эту разномастную мебель с 60-х годов начинают вытеснять емкие, и в то же время занимавшие относительно небольшую площадь стенки — комбинации из шкафов разного размера и застекленных полок. В комплект нередко входили даже платяные шкафы, хотя обычно это была комбинация из тумб и закрытых или открытых полок, где могли быть и книги, в основном красочные издания, украшавшие интерьер, фарфор и хрусталь и разного рода безделушки.

Ввиду нехватки полезной площади с 20-х годов широко употреблялся такой вид многофункциональной мебели, как тумбочки, заменявшие небольшой столик и шкафчик для мелочей. Это была так называемая корпусная мебель: каркас из брусков заполнялся филёнками из фанеры или тонких досок. В верхней части тумбочки, высотой до пояса человека, обычно находился неглубокий выдвижной ящик для мелочей, под ним, за дверцей на петлях, — полка, делившая объем на две половины. Тумбочки окрашивались масляной краской в неяркие цвета: серый, синий, разные оттенки охры. Такие прикроватные тумбочки употреблялись не только в больницах, казармах и общежитиях, но и в частных жилищах, особенно в бараках с их теснотой. Здесь их по мере сил старались украсить вышитыми салфетками, скатертями или хотя бы вырезанной фестонами бумагой вплоть до газет.

В 50-е годы появились невысокие прикроватные тумбочки из ДСП, отделанные пленкой под ценные породы древесины с четкой фактурой слоев. Из домашнего обихода в это время тумбочки начинают выходить, и новый тип тумбочки, чаще всего без верхнего выдвижного ящика, находит место в гостиницах, общежитиях и больницах.

Еще одним видом компактной мебели были этажерки. В обиход этажерка вошла еще до революции, вытеснив более громоздкую горку, так что в быту до второй половины XX века этажерки нередко назывались горками. Это было несколько ярусов (обычно четыре) небольших

квадратных полок на высоких тонких точеных или брусковых ножках; иногда верхняя полка была зауженной. Этажерки были в силу конструктивных особенностей довольно шаткими, и их старались разместить в углах комнат. Ножки дореволюционных этажерок часто делались из бамбука. В СССР в конструкции обычно употреблялись деревянные бруски и рейки, но нередко для красоты ножки были точеными, в виде фигурных тонких балясин, полки по периметру могли облицовываться калевками. Употреблялся и своеобразный симбиоз невысокой тумбочки и этажерки на ней. Этажерки лакировались или просто окрашивались масляной краской.

Одним из самых популярных видов мебели до революции, особенно в социальных низах, были сундуки. В России был чрезвычайно развит кустарный сундучный промысел, и его продукция даже вывозилась в Турцию и Иран. Естественно, что сундук плавно перешел в советский быт, и не только в деревенский, но и в городской, особенно в быт рабочих, мелких и средних служащих — выходцев из крестьянства и старого мещанства. Это были сундуки, крашенные масляными красками, иногда даже с упрощенной росписью, или диагонально обитые полосками черной жести, с плоскими или выгнутыми крышками, иногда с внутренними отделениями-ящичками для мелочей, с коваными откидывающимися ручками по бокам. Шло их производство и в советский период — как кустарное, так и заводское. Так, в Нижнем Тагиле традиционно изготавливались обитые жостью сундуки с «морозом»: серебристым орнаментом по черному фону, напоминавшим морозные узоры на стекле. Правда, теперь они стали довольно компактными: узкими и низкими. Однако в 50-е годы сундуки быстро перекочевали в чуланы или просто исчезли. В домах индивидуальной застройки и бараках в сенях и коридорах нередко стояли громоздкие дощатые лари, вделанные в пол и стену.

«У всех семей в нашей квартире были сундуки. В коридоре с одной стороны были три двери в три комнаты: комнату тети Эммы и дяди Ю и наши две, а с другой стороны, вплоть до двери в ванную, стояли сундуки. За левой створкой двери из передней (эта створка никогда не открывалась) в углу стояли вещи Вишневских, они занимали малую площадь, но вверх поднимались высоко: ящик на ящике и бог знает, что еще, все это было прикрыто пыльными тряпками — остатками одежды, штор, половиков. У Вишневских сундук стоял в передней, у двери их комнаты, но если образовывалось свободное место, они его тут же занимали. Дальше по стене коридора стоял, напротив их двери, сундук тети Эммы, потом наш сундук, на котором стояла боль-

шая плетеная корзина с грязным бельем, потом наш буфет, в котором не было никакой посуды, он был набит книгами. В передней был еще один наш сундук, а у входной двери стоял наш шкафчик со стеклянными верхом. В нем тоже стояли книги...

В сундуки складывали в конце весны зимнюю и демисезонную одежду и вынимали летние пальто и плащи, а осенью вынимали из сундуков то, что было положено туда летом. Сундуки были тяжелые, окочеванные железом, внутри их было чисто — у них была вторая, легкая крышка, и они были обиты белым. Все там пахло нафталином. Кроме вещей, вынимаемых и снова укладываемых в сундуки, там лежали вещи, которыми больше не пользовались: отдельные предметы изношенной и устаревшей одежды, истертая кожаная сумочка какой-то прабабушки и лоскуты старых тканей» (Шор Е.Н. Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей).

Из дореволюционной эпохи в советский быт пришло множество разнообразных столов. Разумеется, для огромных обеденных столов «сороконожек», стоявших в столовых особняков и огромных буржуазных квартир, места уже не было: они исчезли вместе со столовыми, разгороженными под коммунальное жилье. Постепенно стали исчезать небольшие квадратные или круглые столики для гостиных: на точеной ножке, крепившейся на трех-четыре фигурных резных горизонтальных опорах; их можно было увидеть еще в начале 50-х годов в избежавших социальных потрясений семьях. Затем их заменили в основном небольшие, упрощенной формы, столики на четырех ножках, например, под радиоприемники, зеркала и т. д. Сравнительно массивные, устойчивые обеденные столы на четырех ножках также получили упрощенную форму. В 50-е годы получили распространение фанерованные круглые раздвижные обеденные столы с складывавшимися складными досками: в тесных малометражках они были удобнее. В 70-е годы их вытесняют более удобные раздвижные столы прямоугольной формы с пленочным покрытием под твердым темным лаком.

Специальные письменные столы долгое время были малоупотребимы: в основном в квартирах научной и творческой интеллигенции и руководителей высокого уровня; в большинстве семей письменными работами занимались школьники и студенты, обходившиеся обычными обеденными и даже кухонными столами. Нередко письменные столы дореволюционного производства или повторявшие их в 30-е годы советские изделия были большие, массивные, двухтумбовые, с затянутыми зеленым или синим сукном столешницами. Значительно чаще встречались недорогие и более компактные одно- и двухтумбовые сто-

лы с ящиком в средней части, с обвязкой столешницы из рейки, с покрытием сукном или дерматином. С конца 50-х годов мебельная промышленность стала производить упрощенные фанерованные, под лаком, однотумбовые столы с дверцей тумбы или просто с выдвижными ящиками; вторая половина столешницы опиралась на сплошную панель, иногда имевшую форму неглубокого ящика на ножках, с полочкой; для упрочнения конструкции сзади также могла быть сплошная панель с полкой.

Кухонные столы долгое время были кустарного производства, с подстольем в виде ящика с дверками и полками, для хранения посуды и продуктов. С конца 50-х годов их вытесняют компактные легкие столы упрощенной формы, даже без проножек, с покрытой пластиком столешницей и окрашенной белой эмалью подстольем. Иногда такие столы делались раздвижными, с вкладными досками.

Абсолютно новым видом мебели с конца 50-х годов стали журнальные столики, невысокие, с прямоугольной, треугольной или овальной столешницей, на трех-четырех тонких ножках, без царг и проножек. Их ставили возле диванов и кресел, водружая на них пепельницу.

Дореволюционное разнообразие мебели для сидения сильно сократилось. На протяжении десятилетий самым массовым видом такой мебели стали табуреты — деревянное жесткое сиденье без спинки, на четырех ножках. До второй половины 50-х годов табуреты («табуретки» или «тубаретки») были почти исключительно рыночной работы, из сосны, окрашенной масляной краской, с царгами, на которых лежало сиденье, и с проножками. С середины 50-х годов в продаже появились табуреты фабричного изготовления, более изящные, из покрытой бейцем лакированной березы и даже бука, с полумягкими сиденьями, обтянутыми дерматином либо барканом. В состав кухонной мебели входят легкие табуреты на слегка раздвигавшихся книзу круглых точечных буковых ножках либо на ножках из толстой гнутой фанеры; царги и проножки отсутствуют. Ножки разными способами крепятся к небольшим квадратным или круглым сиденьям из толстой фанеры, покрытой пластиком. В употребление входят также и напоминавшие табуреты мягкие пуфы («пуфики») для гостиных комнат и спален. Эта фабричная мебель в силу как облегченности конструкции, так, нередко, и небрежности при изготовлении, оказывается непрочной (быстро отваливались ножки) и недолговечной.

Наблюдается большое разнообразие в стульях. Из дореволюционных времен приходят так называемые «венские» стулья — гнутые из

получавших круглое сечение буковых брусков, с плетеными ротанговыми, бамбуковыми или камышовыми либо со сплошными фанерными сиденьями, собранные на болтах. Их производство, с некоторыми упрощениями, идет и в советское время, примерно до конца 50-х годов. До революции по своему основному назначению это была дачная мебель; постоянные перевозки требовали от нее, с одной стороны, легкости и компактности, с другой — прочности. Слегка изгибавшиеся ножки книзу немного раздвигались, пара задних ножек переходила в закругленную спинку, сиденья были круглые или трапецевидные, с закругленными углами. Роль царг играла обвязка сидений, проножки также были круглые гнутые. В спинки вставлялись дополнительные изогнутые буковые дуги. Упрощения советского времени заключались не только в замене плетеных сидений фанерой, гладкой или тисненой, но и в изменении рисунка спинки: задние ножки, переходившие в спинку, сверху обрезались, и к ним шурупами приворачивались выгнутые фанерные спинки; передние ножки также перестали изгибаться в месте крепления к сиденью, а просто вставлялись в круглые гнезда в обвязке сиденья. Иногда в спинки вставлялись тонкие точеные бруски. В местах скрепления ножек с сиденьем для упрочения конструкции ставились на шурупах изогнутые короткие раскосы. Стулья протравливались морилками или бейцами и покрывались коричневым или черным лаком. В то же время в домах более зажиточной части населения отчасти сохранялись старинные резные стулья под лаком, иногда пружинные, с обивкой сидений и спинок шелковым гобеленом; чаще же это были более простые стулья из березы, с протравой и лакировкой под «черное» и «красное» дерево, полумягкие, с обивкой сидений и спинок дерматином. Такие стулья также иногда покрывались чехлами. Разумеется, соблюдение единства стиля оказывалось практически невозможным, и в жилых помещениях зачастую оказывалась разномастная мебель разного происхождения.

Выше уже говорилось о громоздких пружинных креслах 20–30-х годов с валиками, покрытых черным дерматином. Когда совершился переход к компактной облегченной мебели для малогабаритного жилья, изменился и тип кресел. Они стали сравнительно небольшими, пружины были заменены поролоном, обивка — специальной обивочной тканью, барканом, светлых тонов, иногда с орнаментом. Узкие лакированные подлокотники накладывались на сплошные боковины, также обтянутые тканью, или на парные ножки, выпиленные из толстой фанеры.

Зеркала, когда-то бывшие предметом роскоши, прочно завоевали место в жилище советского человека. В основной массе населения до

50-х годов использовались сравнительно большие настенные зеркала в больших лакированных рамах с фигурными накладками в виде точеных и разрезанных вдоль балясинок, с резными завитками в завершениях рамы. В деревне такие зеркала продержались до 70–80-х годов. Столь же популярны были небольшие настольные зеркала без рамки, закрепленные на фанерном заднике и опиравшиеся на заднюю проводочную подпорку.

В более зажиточных семействах нередко были большие трюмо в широких рамах, опиравшиеся на легкие подзеркальные столики, иногда угловые, на трех фигурных ножках, с двумя-тремя небольшими ящичками для парфюмерии, гребней и т. п. мелочей. Они делались лакированными, иногда с фанеровкой ценными породами древесины или с протравами. В более широких масштабах употреблялись трельяжи — трехстворчатые зеркала. Обычно они закреплялись на туалетных столах в виде двух тумб с дверцами и столешницей между ними либо, с 70-х годов, на одной сплошной невысокой тумбе, покрытой пленкой и лаком под темные породы ценной древесины, на тонких ножках, с дверками и ящичками. Наконец, употреблялись и небольшие трельяжи, вешавшиеся на стену, а перед ними устанавливался небольшой туалетный столик с ящичками.

В прихожих с 50-х годов стали вешать прямоугольные или овальные зеркала без рам, закрепленные на основе из толстой фанеры.

Относительно редким видом мебели были жардиньерки, легкие подставки под цветы. Они были двух типов: на одной точеной ножке, опиравшейся на три-четыре фигурные резные горизонтальные ножки, и в виде узкой высокой тумбы из реек. С 60-х годов стали широко внедряться покрытые черной краской сварные жардиньерки из стального прутка, с кольцевыми гнездами под цветочные горшки. Одновременно появились фигурные, сваренные из толстой проволоки настенные жардиньерки.

Особо нужно сказать о «меблировке», так сказать, санитарной: умывальниках и пр. Канализация очень медленно внедрялась в быт, даже сегодня отсутствуя не только в деревне, но и в небольших провинциальных городах с их массовой индивидуальной застройкой. Здесь обычным явлением был жестяной, оцинкованный или окрашенный масляной краской рукомойник в виде полуцилиндра с крышкой; снизу в него входил «гвоздь», толстый стержень, на верхнем конце которого была приклепана шайба, закрывавшая отверстие, а нижний конец был расклепан и закруглен. С 60-х годов в быт стали внедряться заводского производства литые из алюминия рукомойники, ци-

линдрические, слегка сужающиеся и закругленные снизу, со скобкой сбоку для подвешивания и с круглой выпуклой литой же крышкой. Под раковину подставлялось обычное помойное ведро. Вешались раковины прямо в кухнях, обычно возле печи. В жилищах, претендовавших на больший комфорт, раковины крепились на спинках больших умывальников из листового железа, также окрашенных масляной краской. Спинка с полочкой для мыла и прочих мелочей возвышалась над широким пологим опрокинутым конусом с бортниками, а к отверстию в центре конуса прилепывалась короткая жестяная трубка. Конус (раковина) покоился на круглой железной же тумбе на низеньких ножках, с дверцей со щеколдой; в тумбу ставилось помойное ведро. До войны (изредка в незатронутых войной местах — и после нее) кое-где в более дорогих жилищах стояли пришедшие из дореволюционных времен механические умывальники, с мраморной доской, скрывавшей емкий плоский ящик для воды; сквозь доску выходил кран. Ниже была жестяная квадратная раковина и квадратная же тумба с дверкой для ведра. В нижней части тумбы была педаль. При нажатии на педаль ногой порция воды выливалась из крана. Подобный умывальник, разумеется, в утрированном виде, можно увидеть на довоенных иллюстрациях к сказке К. Чуковского «Мойдодыр» («Вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой, выбегает умывальник и качает головой»). Эти умывальники были очень несовершенны, а нередко и испорчены, так что вода лилась на пол, а не в раковину.

В 60-е годы обычно под умывальник подвешивалась фабричного производства эмалированная прямоугольная, с закругленными углами раковина с сеткой, а иногда над нею прибавалась и эмалированная пластина с отверстием (или двумя отверстиями) для крана. Такое оборудование устанавливалось в многоквартирных домах с водопроводом и канализацией еще в довоенный период, а после войны — в благоустроенных общественных уборных, в частных же домах долго оказывалось «частным» образом: в результате воровства или при переоборудовании домов новой сантехникой. Они были заменены более удобными и гигиеничными фаянсовыми раковинами, а на кухнях стали устанавливаться мойки из нержавеющей стали.

В школах до 60-х годов в качестве основной мебели использовались деревянные парты на двух человек. На двух параллельных толстых брусках монтировались на шипах скамья со спинкой на стойках и собственно парта: на двух широких вертикальных досках с круглым вырезом монтировалась наклонная широкая столешница, в пе-

редней оконечности переходившая в узкую доску с двумя желобками для ручек и отверстием в центре для чернильницы. В нижнем конце столешницы были две откидные, на петлях, крышки, позволявшие вставать и садиться, не выходя из-за парты. Под столешницей находился разделенный надвое ящик для вещей, закрытый спереди доской. Внизу между стойками была узкая наклонная доска для ног. Столешница красилась в черный цвет, остальные части парты были коричневыми, окрашенными охрой. Ввиду длительного употребления очень прочных парт (на переменах по ним нередко бегали) крышки столешниц изнутри были изрезаны перочинными ножами и испишаны чернилами.

В специализированных классах (кабинеты химии, физики и др.) стояли длинные, на трех человек (помещалось и четыре человека) лабораторные столы с горизонтальными столешницами, окрашенными в черный цвет или даже закрытыми линолеумом. Учащиеся сидели на стульях.

Парты дополнялись классной доской. Было два типа досок. Более старые, применявшиеся еще до революции, были передвижными. В два толстых параллельных бруса на шипах врезались высокие стойки, на которых в раме монтировалась собственно доска, окрашенная в черный цвет. Под ней крепилась узкая доска с широким желобом — для мела и тряпки. На таких досках часто находилась полустертая от времени разливка белой краской, как в тетрадах. Второй тип доски — подвесная: собственно доска, черная, иногда покрытая линолеумом, с узкой дощечкой под ней для мела и тряпки.

Для преподавателя стояли обычный конторский стол и стул.

В каждом классе над доской, в центре стены, висел застекленный, выполненный типографски на бумаге портрет вождя — Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева. Иногда в углу стоял шкаф с какими-нибудь наглядными пособиями. В каждом классе непременно находилась также стенгазета на большом бумажном листе — с передовой статьей, обычно написанной классным руководителем, заметками классных активистов, вырезанными из журналов и наклеенными цветными картинками (портрет маленького Ленина, пионеры и пр.), карикатурами на двоечников и нарушителей дисциплины. Мог быть и небольшой «ленинский уголок» с цветными картинками и подписями, а в старших классах — плакат с портретами членов Политбюро: на агитационно-воспитательную работу обращалось особое внимание, и чем больше было таких материалов, тем большего одобрения руководства заслуживал классный руководитель.

Так называемая конторская мебель, стоявшая в многочисленных учреждениях, сводилась к простейшим столам, стульям и шкафам для бумаг. Стол мог быть сосновый, рыночной работы, покрытый масляным лаком или крашенный: широкая столешница, узкие царги с одним выдвижным ящиком, проножки из реек, соединявшие внизу квадратные в сечении ножки. Чаще же это были однотумбовые, или более громоздкие двухтумбовые письменные столы с ящиками в тумбах. Столешницы с узкой обвязкой из реек обтягивались клеенкой, дерматином или сукном, зеленым, синим или черным. Между тумбами или тумбой и проножкой двух ножек обычно шла узкая наклонная доска, скреплявшая стол и служившая подножкой. Материалом служила сосна, покрытая бесцветным масляным лаком. В 60-е годы эти столы стали вытесняться письменными столами из древесно-стружечных плит с фанеровкой березовой фанерой, покрытой бесцветным лаком. Тумбы стали ниже, с тремя ящиками глубокими и одним очень мелким, с пластиковой вкладкой с гнездами для канцелярских мелочей. Между тумбой и столешницей было пустое пространство для разных громоздких мелочей, например, дырокола, арифмометра.

Точно таким же образом изменялся и характер шкафов для бумаг. Сначала это были двухстворчатые дешевые фанерные шкафы брусковой конструкции, протравленные морилками, покрытые бесцветным лаком или окрашенные масляной краской. На рубеже 50–60-х годов они стали заменяться двухстворчатыми же шкафами из ДСП с фанеровкой, под бесцветным лаком. Старые шкафы нередко переключивали в коридоры, куда-либо подальше, на верхние этажи, для хранения архива.

Особо нужно отметить меблировку мест для курения: поскольку тотального запрета на таковое не было, а в 50–60-е годы интенсивно стали курить и женщины, особенно молодые, то администрация выделяла какой-либо дальний закоулок помещения под место для курения. Чтобы сотрудники не уносили сюда стулья из кабинетов, здесь обычно ставили какую-либо отслужившую свой срок мебель вплоть до старых, обтянутых дерматином пружинных диванов из директорской приемной, таких же кресел, или даже более современную, но уже потершуюся и загрохавшуюся мебель. Здесь же на каком-либо ободранном журнальном столике все из той же директорской приемной или кабинета стояла случайная пепельница, а то и просто полная окурков стеклянная банка, а могла находиться и никелированная круглая плевательница на ножке.

Осветительные приборы и электроарматура. Хотя электрические лампы накаливания довольно широко вошли в быт (почти исключи-

тельно в городской, и в основном в крупных городах, где были электростанции) еще до революции, керосиновая лампа еще несколько десятилетий занимала прочное место в быту. Остатками «прежней роскоши» были художественно выполненные лампы с резервуарами молочного стекла, украшенного цветочным орнаментом, с зелеными стеклянными абажурами над горелкой, сквозь которые проходило обычное прозрачное ламповое стекло. Широко употреблялись как настольные и настенные (на кронштейнах), так и висячие керосиновые лампы; подвеска проходила через блок под потолком и имела на противоположном конце противовес, уравнивавший лампу: довольно большой металлический шар, наполненный свинцовой дробью. Во время Гражданской войны и в первые годы после нее эти шары были вожаденной добычей охотников, извлекавших из них дробь. Советская промышленность выпускала простые керосиновые лампы с жестяными резервуарами, как и прежде — настольные, настенные и подвесные, с простейшими жестяными абажурами, слегка коническими, окрашенными снизу в белый, а сверху — в зеленый или синий цвет. В резервуар вворачивалась выпуклая жестяная горелка со щелевидной прорезью; через прорезь проходил плоский фитиль, который можно было выдвигать вверх или опускать вниз с помощью зубчатого колесика. На горелку насаживалась ажурная коронка, в которую и вставлялось ламповое стекло. Стекло, покрывавшееся налетом копоти, приходилось чистить с помощью специального ершика, набранного на свитой вдвое проволоке из свиной щетины или конского волоса. Поскольку ламповые ершики обычно были в дефиците, пользовались ершиком для мытья бутылок. Хрупкие ламповые стекла также не всегда имелись в продаже и хозяйки нередко пользовались стеклами с отколотыми концами.

Керосиновые лампы различались силой света, которая зависела от ширины фитиля. Эта ширина измерялась старинной русской мерой длины — линией (2,5 мм), так что лампы были пяти-, семи-, четырнадцатилинейными и пр.

На улице при необходимости использовался керосиновый фонарь «летучая мышь».

Поскольку В.И. Ленин выступал в качестве горячего сторонника электрификации народного хозяйства и при нем был принят план электрификации (план ГОЭЛРО), постольку в пропагандистских целях электроламп нередко называли «лампочкой Ильича». Разумеется, никакой особой лампы Ильича не было: это была обычная, уже хорошо знакомая электролампа.

Электрические лампы накаливания 20–30-х годов формой отличались от современных: их стеклянная колба была цилиндрической, а закругление цилиндра внизу оканчивалось небольшим «соском» — результат работы стеклодува. Нить накаливания представляла узкий вертикальный зигзаг. Патроны, в которые вворачивались лампы, очень долго были металлическими; такие патроны можно было увидеть еще после войны.

Абажуры для электроламп входили в быт очень медленно: еще в 50-х годах в жилищах советских людей как в городе, так и в деревне, особенно на кухнях, с потолка свисали голые лампочки. Чтобы свет не мешал спящим, их нередко оборачивали газетой, делая, таким образом, примитивный временный абажур в форме опрокинутого конуса. Газеты эти при неумелом обращении (слишком маленький конус) нередко загорались или, по крайней мере, были с подпалинами. В учреждениях в 20–30-х годах в качестве абажуров (не повсеместных) употреблялись почти плоские конусовидные металлические тарелки, сверху окрашенные в зеленый или синий цвет, а изнутри белые. Такие же абажуры еще в 40–50-х годах использовались на довольно редких столбах уличного освещения; здесь они укреплялись на фигурных кронштейнах из тонкого узкого полосового железа. Обычно такие столбы ставились возле учреждений и всегда возле магазинов.

В 30–40-е годы в общественных помещениях в качестве абажуров на потолочных электролампах стали применяться большие закрытые шары и двойные конусы (нижний был коротко обрезан, образуя как бы загиб на верхнем конусе) молочного стекла. Крепились они не непосредственно на электрошнуре, а на тонкой металлической полой штанге, закреплявшейся на потолке. Изменилась и форма уличных фонарей, ставших более частыми: здесь также применялось молочное стекло. А с 60-х годов началась эра ртутных, с 80-х годов — галогеновых ламп «дневного света», закрывавшихся легкими плексигласовыми колпаками.

Во второй половине 30-х годов одновременно с некоторым (небольшим) повышением благосостояния советских людей и появлением более высокооплачиваемой группы служащих произошел и поворот от прежнего революционного аскетизма к комфорту. И в жилищах этой более состоятельной части советских людей появились довольно большие матерчатые абажуры оранжевого цвета с множеством складочек (конструктивная необходимость) и бахромой по нижней кромке. Такие абажуры были весьма популярны (хотя не всем доступны) и в послевоенный период.

Но во второй половине 50-х годов в связи с массовым «малометражным» жилым строительством изменилась эстетическая составляющая советской пропаганды: появились в продаже и вошли в моду легкие стеклянные, почти плоские плафоны-тарелки, иногда украшенные скромной росписью абстрактного характера.

Одновременно произошло повышение благосостояния советских людей, и по мере возможности в жилых помещениях, прежде всего в комнатах, где принимали гостей, стали вешать люстры. Хрустальная люстра, чаще всего привезенная из туристической поездки в страны «народной демократии» (в основном в Чехословакию), была показателем зажиточности и «культурности». У людей, не стремившихся к такой показной роскоши, люстры были отечественного производства, попроще, в виде нескольких колпаков матового или молочного стекла на металлическом каркасе. В 80-х годах производство люстр разной конструкции и размера освоила и вечно отстающая от запросов населения советская промышленность. В том числе появились легкие и простые по конструкции люстры под одну лампу, выполненные в форме «каскада» из плексигласа. В продаже были и люстры с легкими колпаками из нестORAемых стеклотканей или пластика. Но параллельно продолжался выпуск различной формы и размера плафонов, в том числе не только из стекла, но и из двухслойного пластика. Электролампы на открытых люстрах нередко стали стилизоваться: небольшая лампочка-«миньон» в форме пламени свечи вворачивалась в патрон, закрытый высокой металлической белой трубкой, имитировавшей свечу.

В 50-е годы расширился ассортимент применяемой в быту электроосветительной арматуры. Широко стали применяться настенные бра, а также напольные торшеры, по форме и материалу повторявшие люстры и плафоны.

Настольные электролампы изначально были двух типов. Один, зачастую применявшийся в учреждениях, а дома — социальной верхушкой, подчеркивавшей свой советско-партийный патриотизм, представлял следующее. На «бронзовом» (латунном) поддоне с легким штампованным орнаментом была полая внутри деревянная стойка, на которой с помощью проволочного каркаса помещался неглубокий абажур. Его верхняя, слегка выпуклая часть, также была латунная, а по кромке шла невысокая, затянутая оранжевой шелковой тканью в складку обечайка на латунном каркасе с штампованными латунными вставками в виде серпа и молота в обрамлении листьев. Другой тип был попроще, с металлическими, чаще никелированными поддоном и стойкой и с большим колпаком из зеленого (двухслойного, с белым внут-

ренным слоем) или молочно-белого стекла. Перед войной появились и оригинальные черные эбонитовые настольные лампы. На вытянутом и выпуклом полукруглом поддоне с выключателем шарнирно крепилась изогнутая стойка, а на ней, на шарнире — небольшой эбонитовый колпак, выкрашенный изнутри светоотражающей «серебрянкой». Такие лампы поступали в продажу и в 40–60-х годах.

С половины 50-х годов в быт широко стали внедряться разного типа небольшие настольные лампы-ночники, с маленькими металлическими корпусами и закреплявшимися с помощью стальной пружины непосредственно на лампе металлическими поворачивавшимися колпаками; нередко эти ночники имели стилизованную форму гриба. В 80-х годах формы ночников стали чрезвычайно разнообразными благодаря использованию пластика.

Электропредохранители на вводе в дом («пробки») были фаянсовые, с металлической накладкой на цоколе. Они попарно вворачивались в белые фарфоровые «патроны» в форме коробочки, в которой имелись клеммы для проводов. При перегорании пробок (плавилась легкоплавкая вставка внутри самой пробки) на резьбу цоколя наматывали тоненькую медную проволочку, конец которой охватывал стержневой контакт. По правилам противопожарной безопасности такие «жучки» строжайше запрещались и преследовались электроконтролерами, поскольку многие «мастера» норовили использовать проволоку потолще, что при скачке напряжения приводило к нагреванию и горению электропроводки. Но... не покупать же новые пробки, да в СССР не всегда и не везде можно было их купить. Так что такие «жучки» использовались повсеместно.

С рубежа 60–70-х годов все в большее употребление стали входить автоматические предохранители, черные эбонитовые, с двумя кнопками; при скачке напряжения или перегрузке сети их «вышибало». Старые фаянсовые «пробки» быстро вышли из употребления.

Розетки, а изредка даже вилки для электропроводки до 50-х годов были преимущественно фаянсовые, белого цвета, весьма надежные и не горевшие, как эбонит. Но широко применялся и карболит коричневого цвета, быстро вытесненный черным эбонитом, а с конца 50-х годов при изготовлении электроарматуры широко стала использоваться белая и черная пластмасса, при искрении контактов нагревающаяся и плавящаяся. В старых домах розетки были только наружные, крепившиеся на стене; в новых панельных домах стали употребляться розетки, скрытые в специальных гнездах в железобетонных панелях. Патроны для электроламп долго были металличе-

ские, штампованные из тонкой сероватой жести, с накатанной резбой; внутри была керамическая вставка для контактов и клемм. Производились и белые фаянсовые патроны. В середине столетия все они были повсеместно заменены эбонитовыми. Выключатели довольно долго (до 40-х годов) были кнопочными, с металлическими корпусами, либо же на корпусе поворачивался небольшой рычажок с шариком на конце, или, наконец, поворачивали расположенную на кнопке двустороннюю ручку. Затем в широкое употребление вошли наружные (крепившиеся на стене) выключатели с эбонитовыми крышками, а с появлением панельного домостроения — и скрытые в стене, с пластмассовыми крышками. Вся электропроводка в старых домах была открытая, на фаянсовых («фарфоровых») роликах, из скрученного вдвое электропровода с белой нитяной наружной изоляцией (изнутри проходила резина, быстро приходявшая в негодность, особенно при нагревании, и трескавшаяся).

Драпировки, ковры и дорожки. Стремление украсить свой, довольно бедный, быт, было характерно для советских людей на всем протяжении истории. В том числе широко использовались разные, как фабричного производства, так и самодельные салфетки, дорожки, скатерти, гардины, коврики, ковры напольные и настенные и напольные дорожки. Поскольку возможности были нередко весьма ограниченными (были периоды почти полного отсутствия тканей в продаже), постольку использовались разнообразные материалы. Так, часто изготавливались салфетки из газет. В сложенной в два-четыре раза газетной полосе делались ножницами вырезы разной формы, по возможности симметричные, так что в развернутом виде получали подобие небольшой ажурной скатерти с фестонами по кромкам, чтобы застелить посудные полки и т. д.

Среди массы людей с низкими доходами и традиционными крестьянско-мещанскими вкусами, особенно в провинции, огромной популярностью пользовались лоскутные коврики и покрывала на кровати, а иногда и скатерки, например, на комод. Они были двух типов. В одном случае на какую-то случайную, даже составленную из кусков тканевую основу нашивали в беспорядке или в определенном симметричном порядке (кайма, простейший орнамент) небольшие лоскуты, обрывки тканей, по возможности ярких цветов. Лоскут пришивался одной стороной, чаще узким концом, так что получался «ковер» с сильно выраженной «ворсистостью». В другом случае лоскутками плотно обшивали небольшие квадратики, например, картонные. Сшивая их в определенном порядке углами, получали яркий ковер или

накомодник. Такого рода «ковры» нередко можно было увидеть еще в 50-е годы, особенно у людей старшего поколения.

В этот же период, а в деревне и в 60-е годы, часто встречались клеенчатые коврики, украшенные масляной самодеятельной живописью. Яркими, с ядовитым оттенком красками изображались синие озера в окружении кипарисов или деревьев неопределенных пород, с помпезными дворцами на берегу, с плавающими лебедями и с какой-нибудь полуобнаженной пышнотелой красавицей, возлежащей среди белоснежных лилий. Масштабы изображения обычно соблюдались довольно приблизительно, а сама живопись была безвкусной, хотя иногда самодеятельные художники и добивались определенного художественного эффекта. Любопытно, что в 60–70-е годы среди интеллигенции, в основном столичной, получило некоторое распространение коллекционирование таких ковриков.

Более высоким художественным качеством отличались в послевоенные годы коврики, выполненные способом набойки по трафаретам. Эти картонные трафареты, вероятно, привозились из Германии или стран Центральной Европы дальновидными солдатами в качестве трофеев. В технике раппорта изображались на каком-нибудь подходящем куске ткани, лучше всего на простыне, конные охотники с валторнами, в сопровождении собак, влюбленные парочки, дети с корзинками ягод или цветов либо просто орнамент. Обычно такие коврики были одноцветными ввиду ограниченного выбора красок, иногда выполнялись просто густо разведенной синькой.

Широчайшее распространение, особенно в 30–50-е годы, получили вышивка и кружевоплетение. Вышивали гладью, «болгарским крестом» и в технике мережки и ришелье, используя бывшие в большом дефиците цветные нитки мулине и ирис. В ришелье и мережке использовались обычно белые катушечные нитки, а обе техники применялись для украшения оконных занавесок, драпировок на окна и двери, скатертей, салфеток и фигурных дорожек, а в деревне и полотенец; техники мережки и ришелье на дорожках нередко дополнялись вышивкой, цветной или белой гладью. Дорожки использовались как самостоятельное покрытие на мебели (исключительно для украшения, поскольку они были узкими) или даже как настенное украшение; например, их могли прикалывать на настенный ковер. Мережка и ришелье часто использовались как вставки на наволочках для подушек, так же, как и самодельное кружево, которое подшивали в виде подзоров к краям простыней; в этом случае край покрывала был выше, и подзор был на виду. Делались также кружевные накидки на довольно популярные

пирамиды подушек на парадно убранной кровати. Небольшие подушки-думки на диваны чаще всего сплошь расшиты крестом, чаще сравнительно толстыми нитками ирис: мулине обычно использовали в технике глади.

Довольно красивой, но сложной в исполнении и встречавшейся реже была техника филе, использовавшаяся в салфетках и скатертях. На крупной сетке выпукло, иногда толстыми шерстяными нитками, изображались цветы и фрукты.

Узоры для вышивки, чаще всего цветочный орнамент, иногда сюжетные, приходилось «доставать». Их копировали из дореволюционных дамских журналов, из советских журналов «Работница» и «Крестьянка», из привезенных из Германии, Венгрии, Чехословакии и т. д. трофейных изданий, перерисовывали друг у друга. До середины 50-х годов существовала подлинная эпидемия вышивки. Кружевоплетение крючком распространено было гораздо меньше, а плетение на коклюшках почти не было известно.

В деревне и в провинции, даже в довольно больших городах, в высшей степени были популярны самотканые напольные половики и круглые коврики. И это притом, что их изготовление требовало использования старинного крестьянского ткацкого стана, «кросна», довольно громоздкого. Большой спрос на такие половики вызвал даже торговлю ими на рынке. В быту, особенно в деревне, они сохранялись до 70-х годов, особенно у пожилых людей. Ими нередко застилали полностью весь пол. Основа их была из толстых суровых ниток, уток — из «ремков», разорванных на узкие длинные полоски цветных тканей. Подавляющее большинство половиков было с чередующимися цветными неширокими полосками. Однако попадались и более интересные половики с усложненным орнаментом. Иногда по подбору цветов и орнаменту такие половики представляли собой произведение искусства, и в 70–80-е годы они стали объектом коллекционирования.

В 50-х годах в быт стали быстро проникать дорожки-половики фабричной работы, хлопчатобумажные, из очень толстых ниток, точнее, некрученых или слабокрученых жгутов, и из «морской травы». Последние были довольно жесткими и быстро выходили из строя вследствие ломкости материала, первые же довольно быстро линяли, теряя яркость красок. Они были одноцветными, с несколькими узкими продольными каемками разных цветов. В учреждениях, особенно в послевоенный период, стали употребляться красные, с узкими продольными каймами, ковровые дорожки машинной выделки. Разумеется, они устилали коридоры и кабинеты только в наименее посещаемых учреж-

дениях достаточно высокого уровня и в больших домах и дворцах культуры, принадлежавших крупным богатым предприятиям.

Ворсовые ковры ручной выделки вследствие своей долговечности в большом количестве сохранялись еще с дореволюционных времен. Производство их шло и в советское время. В самом конце Великой Отечественной войны и в первое время после нее в СССР попало много ковров из Германии и стран Центральной Европы в качестве трофеев; разумеется, их доставка была доступна лишь высшему офицерскому составу и генералитету, особенно из службы Смерш и т. п., а также работникам транспорта. Во второй половине XX века все шире становится машинное производство ворсовых ковров на специальных фабриках. Однако в это время, вследствие повышения материального благосостояния населения, а также развития жилищного строительства, ковры оказываются в острейшем дефиците. Потребность же в них как очень престижном показателе благополучия была острой. Так, нередко советские туристы, выезжавшие в страны «народной демократии» (особенно Болгарию), экономя на всем, старались привезти ковер. При наличии возможности коврами завешивали все стены. Реже ворсовые ковры, как слишком дорогая вещь, покрывали полы. Здесь их заменяли безворсовые паласы, сначала шерстяные, а затем и синтетические, на резиновой основе. Их производство началось в 60-е годы.

Большим спросом пользовались небольшие настенные коротковорсовые гобелены зарубежного производства, обычно с сюжетным узором (олени в лесу и т. п.). Они и начали заменять самодельные клеенчатые коврики. В странах «народной демократии», особенно в ГДР, было расширено производство таких гобеленов в расчете на советского потребителя. В том числе началось изготовление довольно нелепых копий картин наиболее популярных русских художников («Утро в сосновом лесу» Шишкина, «Охотники на привале» Перова и т. п.). Но по мере насыщения быта более ценными и «солидными» ворсовыми коврами мода на такие гобелены прошла довольно быстро, в 80-е годы.

После войны стало разворачиваться производство машинного тюля, использовавшегося в быту в качестве больших оконных штор. Однако довольно долго тюль был дефицитным; например, в деревне его в 50-х годах продавали только пайщикам потребкооперации. К концу 60-х годов тюль прочно вошел в советский быт, перестав числиться среди дефицитных товаров.

Одновременно во все большем количестве стали выпускаться фабричные обойные и драпировочные ткани, так что самодельные шторы на окна и драпировки на двери стали исчезать из быта.

В то же время «узким местом» были карнизы для подвешивания штор: мебельная промышленность не поспевала за текстильной. Так, еще в 60-х годах, особенно в провинции, обычным предметом кустарного производства (или «подпольно» в деревообделочных цехах на предприятиях) и рыночного товара стали длинные деревянные карнизы в виде палки, вставлявшейся в точеные фигурные кронштейны; они покрывались бесцветным или слабоокрашенным лаком. На рубеже 50–60-х годов металлообрабатывающая промышленность стала выпускать узкие карнизы в виде опрокинутого желобка с «бегавшими» внутри крючками для подвески штор. А затем в большом количестве начали появляться в продаже карнизы в виде натягивавшейся между двумя кронштейнами с винтами стальной струны или сравнительно широкие комбинированные, металло-пластиковые. В очередной раз дефицит был побежден, хотя и, как всегда, с опозданием.

Комнатные часы. Из дореволюционной поры в советский быт перешли часы старых модификаций. В наименее обеспеченных широких слоях населения это были простейшие «ходики», обычно с жестяным циферблатом, с маятником; механизм приводился в действие двумя гириями (для часовой и минутной стрелок).

Нередко покрытый масляной или эмалированной краской циферблат украшался декоративной росписью — от простейшего растительного орнамента до пейзажей. Были и более затейливые «ходики»; например, на циферблате изображался котенок, глазки которого двигались направо и налево в соответствии с качанием маятника. Нередко «ходики» делались с «кукушкой»: через получасовые и часовые промежутки в верхней части открывалась дверца и из нее выскакивала деревянная птичка, издававшая соответствующее количество звуков, напоминавших кукование. Висевшие на длинных цепочках продолговатые гири (иногда они отливались в виде еловой шишки) требовалось регулярно подтягивать вверх, а стрелки подводить, поскольку простейший механизм постепенно изнашивался и не отличался точностью хода.

Такие «ходики с кукушкой», чаще уже в деревянных корпусах, выпускались и в советское время, вплоть до 60–70-х годов, но уже как чисто декоративные.

В более состоятельных слоях, особенно в семьях бывших таковыми и до революции, обычно имелись большие настенные часы в резных деревянных корпусах, также с маятником, регулировавшим ход; механизм приводился в действие пружиной, требовавшей регулярной подзаводки ключом. Циферблаты у них были покрыты белой эмалью,

чаще с римскими цифрами. Очень часто такие часы были с «боем», звучавшим через получасовые и часовые перерывы. Такие старинные часы, отличавшиеся долговечностью и точностью хода, можно было увидеть еще в 50-е годы. Но в послевоенный период развернулось и советское производство настенных часов, также в деревянных, но довольно простых корпусах со светлой фанеровкой, покрытых бесцветным лаком. Циферблаты у них покрывались «серебрянкой», черные цифры были арабскими.

Довольно распространенные до революции напольные маятниковые часы с гирями и «боем» в высоких резных деревянных корпусах под темным лаком к середине XX века практически исчезли из обихода.

Сравнительно распространенными до войны были так называемые каретные часы, употреблявшиеся как настольные: в небольших металлических прямоугольных корпусах, чаще золоченые, с остеклением передней дверки, с небольшим круглым циферблатом белой эмали с черными римскими цифрами. Они были механические, работавшие от пружины, требовавшей подзаводки, с «боем». В послевоенный период они превратились в предмет антиквариата, иногда выставляясь в качестве рекламы в старых часовых мастерских. С 50-х годов в широкое употребление стали входить настольные часы в затейливых плексигласовых цветных корпусах.

Старинные, XVIII — начала XIX века настольные часы в фигурных фарфоровых или бронзовых корпусах, с корпусом в виде античных богов или героев, галантных или пастушеских сцен, превратились в предмет антиквариата и в быту попадались крайне редко.

В качестве настольных часов в советский период широко использовались механические будильники, выпуск которых был налажен в СССР в 30-е годы. Делались они в довольно большом круглом жестяном корпусе на маленьких ножках, сверху находился один, реже два никелированных звонка. С 50-х годов это был довольно обычный предмет домашнего обихода. В это время стали появляться и будильники в фигурных карболитовых корпусах. Постепенно, в 60–70-х годах, размер будильников стал уменьшаться. Звонки перемещались внутрь корпуса.

Уже на исходе советской истории стали появляться различной формы (чаще — простейшей, прямоугольной) электронные настольные часы и будильники, работавшие на батарейках, часто со сменяющимися друг друга светящимися цифрами.

Можно также отметить уличные часы, до войны крайне редко попадавшиеся только на улицах наиболее крупных городов, например, Москвы. Были они сначала с квадратным циферблатом. В послевоен-

ный период, с 50-х годов, электрические уличные часы круглой формы на улицах больших городов и железнодорожных станциях стали обычным явлением.

Календари. К предметам, отмечавшим время, можно отнести также календари. В широких и малообеспеченных слоях населения обычно употреблялся настенный календарь — большой лист плотной глянцевой бумаги с какой-либо картинкой в верхней или левой части и столбиками дат, расположенными понедельно и помесечно; воскресные и праздничные дни отмечены красной краской. Внизу мелким шрифтом давались объяснения наиболее важных праздников («7 ноября — день Великой Октябрьской социалистической революции» и т. п.). Стоили они очень недорого и были распространены шире отрывных календарей.

Отрывные календари выпускались с 1921 года ГИЗом, затем Госполитиздатом в виде толстой (364–365 листов) книжки небольшого формата, с листами, скрепленными сверху металлической накладкой и скобкой. На лицевой стороне листков печатались месяц, число и день недели и очередной день шестидневки (до 1941 года); сверху указывалась очередная дата Великой Октябрьской социалистической революции, а сбоку — время восхода и захода Солнца, фаза Луны и продолжительность дня. Воскресные и праздничные дни отмечались красной краской, причем листки 1 мая и 7 ноября красочно украшались изображениями знамен («красный день календаря»). Мелким шрифтом указывалась очередная дата какого-либо исторического события, сражения, рождения видного советского политического деятеля, ученого, художника, композитора и пр. В нижней части мог быть портрет юбиляра, репродукция его картины или изображение события и т. д.; иногда помещались карикатуры, шахматные задачи и пр. На оборотной стороне печатался небольшой текст, чаще всего пропагандистского содержания; также могли помещаться какие-либо шутки, полезные советы и даже кулинарные рецепты и выкройки. Содержание календарей со временем менялось. В 20-е годы, в период НЭПа, когда имел место своеобразный идеологический «люфт», выпускались календари разнообразной адресации: детские, женские и т. д. С рубежа 20–30-х годов идет идеологизация содержания и совершается переход к единому типу календаря. С 60-х годов вновь происходит возврат к многообразию календарей и снижению идеологического накала. Сами листочки из рыхлой и тонкой газетной бумаги были прекрасным материалом для изготовления самокруток и козых ножек, а также в уборных, так что их собирали и берегли. В 50-х годах под прибававшиеся к стене от-

рывные календари стали подкладываться печатавшиеся на тонком картоне яркие продолговатые картинки нейтрального содержания, ставшие украшением бедных интерьеров.

В небольших масштабах употреблялись также настольные календари — большого формата справочная книга, каждая страница или лист которой посвящался определенному дню и содержал большое количество текстов с историческими сведениями, полезными советами и т. д. В советский период они содержали преимущественно тексты пропагандистского характера. Издавались и настольные календари для детей — «Круглый год». К настольным принадлежат также перекидные календари, употреблявшиеся чаще в канцелярском обиходе. Они получили распространение преимущественно в послевоенный период. 365 листов среднего формата закреплялись с помощью двух стальных дужек на металлической или деревянной пластине с ножками. В 70-х годах стала использоваться пластмассовая основа для перекидных календарей, с небольшими емкостями для карандашей, ручек и т. п. На листках помещались дата, день недели, месяц, краткие сведения о событиях, а половина листа оставалась чистой, для записей.

В незначительном употреблении, преимущественно в послевоенный период, употреблялись своеобразные «вечные» календари: в никелированный корпус-коробочку, закрепленный на подставке и переворачивавшийся на осях, помещались сменявшиеся пластиковые пластинки с датой, днем недели и названием месяца. На коробочке часто было какое-либо выпуклое изображение, например, профиль В.И. Ленина. Для смены даты требовалось перевернуть коробочку.

Письменные принадлежности. Поскольку грамотность стала если и не всеобщей, то проникла почти в каждую семью, постольку в каждом доме определенное место занимали письменные принадлежности, хотя бы в простейшем виде. Широкое распространение получили карандаши. Так называемый «простой» карандаш преимущественно был представлен маркой «Пионер» с деревянной частью, окрашенной в красный цвет. Качество таких карандашей было не слишком высоким (грифель оставлял мутно-серый след), и для черчения или рисования приходилось покупать (иногда после долгих поисков) специальные карандаши. Для нужд конструкторов выпускались карандаши так и называвшиеся — «Конструктор», имевшие разную степень твердости; их деревянная часть окрашивалась в желтый цвет. Они были довольно качественными. Однако специалисты все же предпочитали чехословацкие карандаши «Кохинор», наиболее качественные, дававшие чет-

кую черную линию. Те, кому приходилось много рисовать, нередко пользовались мягким карандашом «Орион», с хорошо выраженной черной линией, дававшей отличные возможности для растушевки. Все эти карандаши имели деревянную часть, ограниченную на шесть граней. Наконец, в учреждениях, а нередко и в быту до 60-х годов широко использовались так называемые «химические» (чернильные) карандаши. При смачивании грифель давал цвет фиолетовых чернил. Учащиеся за неимением чернил иногда разводили в воде пылевидные соскобы с такого грифеля или просто ломали его на мелкие кусочки и дробили. Среди химических карандашей наиболее часто встречался карандаш «Копиручет» с круглой в сечении деревянной частью, окрашенной в голубовато-зеленый цвет. Ластиком написанное химическим карандашом не стиралось, и его использовали для работы с документами. Те, кому «на ходу» приходилось заполнять различные документы — накладные, чеки и пр. (кладовщики, заведующие магазинами («завмаги») и др.) — нередко слюнявили эти карандаши, и на губах оставался чернильный след.

До войны в обиход стали входить цанговые карандаши: в механизм, скрытый в довольно толстой граненой пластмассовой трубочке, вставлялся грифель, извлеченный из обычного карандаша. На конце карандаша был металлический зажим для закрепления в кармане, обычно нагрудном: такой необычный карандаш мог быть предметом гордости владельца. В конце 50-х годов в широкой продаже, обычно в наборе с перьевой авторучкой, появились более изящные цанговые карандаши со специальными очень тонкими грифелями, продававшимися в магазинах в маленьких эбонитовых пенальчиках. Во избежание поломки грифеля вращением колпачка (верхней части карандаша, повторявшем по форме колпачок авторучки) грифель убирался внутрь или выдвигался для работы.

Помимо простых и химических карандашей в продаже находились наборы цветных карандашей, рассчитанные в основном на детей. Едва ли не самым популярным был набор из шести цветов, в плоской картонной желтой коробочке, под названием «Спартак»: на коробочке был штриховой рисунок Спартака (не футбольной команды, а вождя восставших древнеримских рабов) в доспехах, скачущего на коне, с вонзившимся в ногу копьем. Большие наборы цветов были редки и появились в основном в 60-е годы; они также помещались в картонные коробки. Был и небольшой набор из трех двухцветных карандашей, с двумя половинами разных цветов. Деревянные части всех этих, рассчитанных на детей, карандашей были круглые и окрашивались

в соответствующие грифелю цвета. Качество карандашей было невысоким: цвет был мутный, а грифели ломкими. Кроме того, в быту были довольно распространены ориентированные на взрослого потребителя толстые граненые цветные карандаши, обычно двухцветные, красно-синие.

В 60–70-е годы женщины начинают все шире употреблять косметику. А поскольку собственно косметические средства оказывались в дефиците, то модницы нередко чернили брови черными цветными карандашами, так что в женских косметичках можно было встретить жалкие огрызки сильно сточенных черных карандашей.

Для очинки карандашей с 50-х годов все чаще стали употребляться «точилки»: маленькие круглые пластмассовые коробочки с коническим отверстием и щелью над ним; над щелью винтиком крепилось маленькое стальное лезвие.

Точилки эти были крайне несовершенны: лезвие быстро тупилось и не столько резало, сколько рвало деревянный стержень, а грифель ломался. Ранее в канцелярских отделах магазинов продавались для очинки карандашей специальные жестяные станки под лезвия безопасной бритвы: широкая или узкая обойма, в которую вставлялось целое или переломленное пополам вдоль лезвие. В учреждениях в 80-е годы широко употреблялись механические точилки, крепившиеся к столу и работавшие при вращении ручки.

До 70-х годов использовались при письме исключительно перьевые ручки.

Самая распространенная школьная ручка имела сравнительно длинный цилиндрический деревянный стержень, чаще всего окрашенный в красный цвет, и жестяной наконечник-трубочку, в который вставлялось стальное перо. Школьники, во всяком случае «примерные», носили карандаш и ручку в деревянных пеналах, реже круглых, составных, чаще прямоугольных, с задвигающейся крышкой, внутри разделенных на две продольные части (для ручек и карандашей), с небольшим круглым гнездом для запасных перьев. Старательные ученицы в дополнение имели перочистку из нескольких сшитых в центре матерчатых (лучше всего байковых) кружочков. В продаже также были небольшие жестяные конические наконечники, которые надевались на очиненный кончик карандаша, чтобы не сломать грифель, и жестяные же наконечники с зажимом на противоположный конец карандаша. Люди, которым приходилось носить карандаши в кармане пиджака, спецовки или рабочего халата (кладовщики, бригадиры, мастера и инженеры на производстве и пр.), обычно пользовались обои-

ми наконечниками, закрепляя карандаш в нагрудном кармане при посредстве такого зажима. Грамотность долго была престижной, и карандаши с зажимами иногда носили в нагрудных карманах и те, кому они, в общем-то, были не нужны: для демонстрации своего статуса образованного, грамотного человека. Это вышло из моды только к началу 60-х годов, когда карандаши сменились авторучками.

В быту, в том числе школьном, употреблялись и жестяные ручки-вставочки. В короткую жестяную трубочку с обоих концов вставлялись два наконечника, один для короткого обрезка карандаша, другой — для пера.

В учреждениях и домашних кабинетах часто использовались так называемые канцелярские ручки. До 50-х годов это были обычно деревянные цилиндрические, довольно толстые, утоньшавшиеся к концу стержни; в толстый конец вставлялось перо. С 50-х годов в обиход стали проникать канцелярские ручки из плексигласа, возле пера нетолстые и круглые в сечении, а к концу расширявшиеся и образующие четыре грани со срезанным накосом концом. Очень редко попадались черные эбонитовые канцелярские ручки разной формы.

Перья для ручек были разной формы и различались по номерам. В канцеляриях чаще пользовались перьями «рондо» с небольшим округлым изгибом на конце, не царапавшими бумагу; школьникам пользоваться такими перьями не разрешалось, поскольку они давали линию почти одинаковой толщины, тогда как правила «чистописания» (каллиграфии) требовали тонких «волосяных» линий, постепенно утолщавшихся при нажиме. Большая часть перьев была никелированная, но некоторые номера были бронзированные (например, 86-й).

Обычно люди привыкали к определенному типу пера (номер выштамповывался на самом пере) в зависимости от характера почерка.

Среди школьников популярной была игра «в перышки» (чаще во время скучных уроков): на конец лежащего на ровной поверхности пера нужно было нажать своим пером так, чтобы перо соперника подскочило и перевернулось. Поскольку перья представляли определенную материальную ценность (при в общем-то копеечной их цене), постольку проигрыш был неприятен. При длительной работе перья теряли свою эластичность, начинали царапать и рвать бумагу, защемляя ее волокна и пачкая текст, а при неосторожном обращении и ломались, так что небольшой запас перьев был необходим.

Перьевые авторучки в СССР появились сравнительно рано, в 20-е годы — исключительно заграничные. Назывались они тогда —

«вечное перо»; много позже, в 50-е годы, в обиходе их нередко называли «самописка». Очень долго это была большая редкость, демонстрировавшаяся владельцами: их непременно носили в нагрудном кармане. В 50-е годы авторучки отечественного производства стали широко входить в быт; в то же время можно отметить, что эти авторучки входили в число выигрышей первой после войны денежно-вещевой лотереи 1957 года, т. е. были не столь уж обычной вещью. Авторучки эти были не особенно удачны: с одной стороны, они быстро начинали течь (механизм набора чернил был несовершенен), с другой — уже вскоре после покупки их требовалось встряхивать, чтобы чернила поступили на перо. Некачественными были и перья. Так что в различных кабинетах, конторах и школьных классах (школьникам разрешалось употребление авторучек только в старших классах: считалось, что они портят почерк) на полу нередко были чернильные кляксы. Но эти «детские болезни» отечественных авторучек через какое-то время были изжиты, хотя все же любители каллиграфии предпочитали «доставать» заграничные авторучки «Паркер», хотя бы китайского производства.

Чернила для перьевых и автоматических ручек с конца XIX века употреблялись анилиновые («химические»). В школах требовалось писать только фиолетовыми чернилами, хотя в продаже были и синие, красные, черные и даже зеленые чернила. Учителя правили школьные тетради и выставляли оценки в дневниках, как правило, красными чернилами. Авторучки обычно заправлялись синими чернилами. Важные документы нередко выполнялись черными чернилами или даже тушью. С начала 50-х годов чернила были вполне доступны, хотя после войны приходилось изощряться, изготавливая самодельные фиолетовые чернила из химических карандашей. В продажу поступали и небольшие пакетики с порошком для разведения «химических» чернил. Кстати, само слово «химические» отразило технический процесс. Когда-то применялись железистые, черно-бурые чернила, изготавливавшиеся кустарным способом из «чернильных орешков» — наростов на листьях дуба. «Химические» чернила появились с развитием химии, в начале XX века, и открытием химиками производства анилина.

При письме пользовались чернильницами, макая в налитые в них чернила перо ручки. Чернильницы были разнообразных форм.

С дореволюционных времен школьники пользовались чернильницами-«непроливайками»: небольшой цилиндрический сосуд сверху перекрывался опрокинутым конусом с отверстием в центре. Употреблялись фарфоровые (точнее, фаянсовые) непроливайки, белые, с каким-нибудь незамысловатым рисунком (цветком, зайчиком и т. п.),

и стеклянные, зеленоватого бутылочного стекла. В 50-е годы появились черные и коричневые карболитовые непроливайки с наворачивавшейся на резьбе верхней частью с конусом. Это было очень удобно. Дело в том, что на дне чернильниц постепенно накапливалась грязь, попадавшая на перо и портившая написанное. За лето чернила в учебных чернильницах, естественно, высыхали, так что осенью слой грязи под вновь налитыми чернилами становился толще. А разборные карболитовые чернильницы можно было мыть изнутри. Нужно отметить, что характеристика «непроливашка» очень условна. Если чернил в чернильнице было много, то при резком ударе о стол чернила просто выплескивались через отверстие вверх. К тому же школьники обычно носили чернильницы с собой в портфелях и сумках, и при использовании оных не по назначению, особенно в драках с их сильными размахами и резкими ударами, чернила также выплескивались, так что сумки и их содержимое обычно были испачканы.

В школах казенные чернильницы имели форму стеклянных, из толстого бутылочного стекла, конических стаканчиков с заплечиками. Они опускались в круглое отверстие в верхней части парты или стола. Канцелярские чернильницы в учреждениях обычно были массивные, в виде стеклянного куба, иногда с рифлеными или украшенными крупными желобками боковыми поверхностями и скошенными фасками: в середине было коническое или цилиндрическое углубление для чернил. Нередко такие чернильницы имели медные или никелированные крышечки, чтобы чернила не сохли. Такие чернильницы входили и в состав письменных приборов.

Обычным мелким несчастьем при работе перьевой ручкой были кляксы: падение капли чернил, набранных на перо из переполненной чернильницы. Небольшие кляксы (за неряшливость в тетради снижалась оценка) стирались ластиком или выскребались лезвием бритвы или перочинного ножа, а особо старательные ученики даже слизывали свежие кляксы. Большие кляксы удалить было трудно, и нерадивые ученики иногда, отчаявшись, дополняли их, превращая в замысловатые рожицы.

Чернила сохли медленно, и чтобы не размазать текст, в XX веке широко употреблялась рыхлая промокательная бумага; до революции и в 20-е годы ее называли «клякс-папир», а в школьном обиходе — просто промокашкой. Листки такой бумаги непременно вкладывались в школьные тетради на фабриках. Школьниками промокашки использовались также для математических вычислений вместо черновика, а также исполнения различных рисунков (шаржи на товарищей, учи-

телей) или каких-либо надписей. В канцелярском быту промокательная бумага в несколько слоев закреплялась на пресс-папье.

До революции пресс-папье называлась какая-либо небольшая, но тяжелая вещица (бронзовый бюстик Наполеона, чугунная собака, медведь и пр.), служившая для прижимания на письменном столе бумаг, чтобы их не сдуло случайным сквозняком. В СССР термин перешел на другой предмет. Это был небольшой деревянный брусок, закругленный снизу. На эту округлость и накладывались слои промокательной бумаги, загибаясь на верхнюю плоскую часть, где их прижимала плоская пластина, закреплявшаяся при посредстве небольшой ручки с резьбой. Чернила просушивали, прокатывая округлой нижней частью пресс-папье по листу исписанной бумаги. В 50-е годы деревянные пресс-папье стали заменяться более изящными изделиями той же формы из прозрачного плексигласа. С широким внедрением авторучек нужда в пресс-папье отпала, поскольку их синие чернила делались быстросохнущими.

В учрежденческих и домашних кабинетах руководителей обычно на письменных столах стояли довольно массивные письменные приборы. Выполнялись они из толстого стекла, мрамора, яшмы и т. д., комбинируясь с другими материалами. В состав письменного прибора входили смонтированные на толстой доске две чернильницы с крышечками, медная или латунная подставка для ручки (либо в доске делался желобок) и высокий стаканчик для карандашей и ручек.

Прибор дополнялся пресс-папье. Изредка, и в основном в довоенный период, употреблялись старинные письменные приборы, комбинировавшиеся с двумя подсвечниками и имевшие гнезда для перочинного ножа, палочки сургуча, печатки, песочницы (в старину чернила промокали специально приготовленным мелким песком из баночки со множеством мелких отверстий). Разумеется, все эти мелочи уже не употреблялись и были утеряны.

У высокого начальства письменные приборы нередко дополнялись бюварями — небольшими кожаными папками (иногда верхняя крышка выполнялась из пластины поделочного камня, например, малахита) с пачкой писчей бумаги небольшого формата, промокательной бумагой и т. д.

В 60-е годы в советский быт постепенно стали входить шариковые ручки и фломастеры. Первоначально их привозили из-за границы лица, находившиеся там в длительных служебных командировках (например, дипломаты), а также иностранцы (нередко — в виде подарка советским друзьям и знакомым). Затем, в 70-х годах, шариковые ручки

и фломастеры, сначала заграничного производства, стали попадать и в отечественную торговлю. Довольно долго простейшие шариковые ручки в виде граненой плексигласовой трубочки с латунным наконечником были со сменным стержнем. В 80-х годах в продажу стали поступать и более «солидные» эбонитовые шариковые ручки с пружинным механизмом, позволявшие выдвигать стержень и прятать его обратно в корпус. Нередко такие ручки в картонном футляре выступали в качестве подарка.

Впрочем, шариковые ручки в СССР были известны (хотя и очень редко) с 50-х годов: довольно массивные пластмассовые, заправлявшиеся из эластичного тюбика с тоненькой трубочкой на конце. Однако они были весьма несовершенны и не столько писали, сколько пачкали, особенно при заправке, руки и все окружающее трудно смываемой пастой.

У учащихся письменные принадлежности дополнялись тетрадями. Следует подчеркнуть, что тетради часто оказывались в дефиците, особенно во время войны и в первые годы после нее, так что иногда школьники писали на чем попало, например, сшивая в тетрадь куски обоев или рыхлой серой оберточной бумаги, а сами тетради распределялись поштучно школами. Только с середины 50-х годов школьные тетради стали обще- и широкодоступными. Школьные тетради были только в 12 листов (другие запрещались). Белая бумага была линованной: в крупную косую линейку для 1–2-го классов, в мелкую косую линейку в 3–4-х классах, в простую линейку — для работ по русскому языку, в клетку — для математики. Типографским же способом отчеркивались и поля. Обложки были тонкие, голубовато-зеленоватые. На лицевой стороне был типографский текст со свободными строчками для указания учебного предмета, фамилии и имени ученика, класса и номера школы. На задней стороне обложки тетрадей по математике печаталась таблица умножения. На прочих тетрадях сзади печатались различные тексты: заповеди пионеров («Пионер — всем ребятам пример. Пионер не пьет, не курит, не ругается...» и т. п.), торжественное пионерское обещание («Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...» и т. д.), или какие-либо пропагандистские тексты; например, в начале 50-х годов это было изображение колорадского жука и его личинки, и излагались способы борьбы с ним: это бедствие впервые обрушилось на наше картофелеводство. В годы юбилеев выдающихся русских писателей на лицевой стороне обложки в углу печатался портрет юбиляра с датами жизни. В 1937 году в связи с торжественно отмечавшимся в государственном масштабе 100-летием со дня

гибели А.С. Пушкина на лицевой стороне был отпечатан рисунок В.М. Васнецова к «Песни о вещем Олеге». Это было время интенсивной борьбы с «врагами народа», и проявлявшие бдительность пионеры старательно отыскивали на этом рисунке следы деятельности врагов — изображение фашистской свастики на шпорах Олега.

В послевоенный период в старших классах учителя уже сквозь пальцы смотрели на использование более толстых тетрадей: в 24 и 48 листов (с обложкой из тонкого серого картона) и даже в 96 листов, в клеенчатой обложке. Студенты, как правило, пользовались толстыми тетрадями.

Дефицит бумаги привел к широкому использованию в школьном обиходе грифельных тетрадей. Это была пластина черного или белого сланца, заключенная в узкую деревянную рамку и закрывавшаяся обычной бумажной тетрадной обложкой. На ней писали мелом или же обычным карандашом, затем стирая записи. Грифельные тетради можно было еще увидеть в первые послевоенные годы.

Принадлежностью школьного и студенческого обихода были чертежные приборы. Это были простейшие деревянные линейки и треугольники и жестяные транспортиры. В 60-е годы в широкий обиход входят и пластмассовые (бежевого или зеленовато-голубого цвета) или прозрачные плексигласовые линейки и треугольники. Для проведения окружностей обычно использовался школьный циркуль: жестяная вставочка для карандаша, к которой шарнирно крепилась ножка с зажатой на ее конце иглой; ножка могла зажиматься винтиком в прорези жестяного же сектора, отштампованного заодно с вставочкой. Готовальни с полным набором чертежных принадлежностей, сначала заграничного происхождения, были предметом обихода профессионалов: инженеров, конструкторов и пр. В 50-е годы начался выпуск и отечественных готовален, в том числе школьных, небольших, с ограниченным набором предметов. Для нужд школьников с конца 50-х годов начался также выпуск специальных чертежных наборов: в довольно большой плоской деревянной коробке (по размеру «форматки», на которой выполнялись школьные чертежи) с задвигающейся крышкой находились небольшая деревянная рейшина, такие же треугольники и линейка. Профессионалы, работавшие на большой чертежной доске с полноформатными листами ватманской бумаги, пользовались большими деревянными рейшинами. В 50-е годы стали появляться чертежные доски, на которых с помощью роликов и капроновой лески закреплялась ходившая вверх и вниз большая линейка, и тогда же в конструкторских бюро и на

дому у лиц, много чертивших по долгу службы, появились сложной формы механические приборы — кульманы.

Поскольку в число школьных предметов входило не только черчение, но и (в младших классах) рисование, да и вообще для нужд детей, в продаже находились акварельные краски. В продаже имелись различные наборы красок. Наиболее простые, с восьмью-двенадцатью красками, состояли из картонной узкой коробочки с отделением для кисточки. Сами краски представляли собой небольшие брусочки, укладывавшиеся в выклеенные из картона гнезда. Были также наборы из восьми красок в небольшой плоской жестяной коробке с отделением для кисточки; краски заполняли маленькие круглые тарелочки, вставлявшиеся в гнезда в коробке. Для тех, кто рисовал акварелью более профессионально, в продаже были так называемые медовые краски, с большим количеством цветов в небольших пластмассовых корытцах, плотно вкладывавшихся в деревянную коробку с задвигающейся крышкой.

К письменным принадлежностям в известной степени примыкает конторское оборудование. Советские люди постоянно сталкивались с обстановкой в разного рода учреждениях, учитывая забюрократизированность жизни, постоянный и неуклонный рост бюрократического аппарата и огромное количество учреждений.

Едва ли не символом государственного учреждения была печать. Печати и прямоугольные штампы разного рода, до гербовых включительно, делались на пластине плотной резины, приклеенной к деревянной основе с округлой ручкой. Перед оттиском печать накладывали на смоченную специальной фиолетовой мастикой мягкую фланелевую подушечку в прямоугольной жестяной коробке. Такая мастика (чернила) и подушки продавались в магазинах и отделах канцелярских принадлежностей. Там, где требовалось ставить огромное количество печатей (например, на почте), а качество оттиска не имело существенного значения, широко использовались металлические печати, заключенные в стальную рамку с пружиной (компостеры).

При перелистывании бумаг некоторые служащие пользовались специальной подушечкой для смачивания пальцев: в круглой коробочке лежала насыщенная водой подушечка из пористой резины, позже — поролоновая.

Повсюду имелись также приспособления для счета. До войны это были исключительно счеты.

В большой деревянной рамке закреплены концами слегка изогнутые проволоки, по которым скользило по 10 круглых «косточек»; две

средних были окрашены в черный цвет, крайние были светлыми, чаще — естественного цвета древесины. Откладывая нужное количество косточек, получали единицы, десятки, сотни, тысячи и пр. Счеты позволяли производить операции только на сложение и вычитание. Еще в XIX веке в России было изобретено несколько моделей механических счетных машин — арифмометров; например, в 1890 году был предложен компактный и удобный арифмометр Однера. Однако эти довольно сложные в производстве и металлоемкие машины медленно входили в конторский быт, из высших учреждений (наркоматы и т. п.) «спускаясь» в низшие, вроде правлений колхозов. Общепринятым был арифмометр «Феликс». В 60-е годы повсеместно это был уже обычный аппарат, который начал вытесняться более удобной и компактной электрической (с питанием от сети) счетной машинкой, в 80-х годах, в свою очередь, вытесненной электронным вычислителем.

Еще одной принадлежностью конторского быта уже с 20-х годов были дыроколы: металлические приспособления для пробивания парных отверстий в кромке бумажного листа. Между двумя фигурными штампованными пластинами шарнирно закреплялся механизм: два цилиндрических стальных пробивателя с пружинами возврата. Дыроколы окрашивались черным лаком или специальной серой краской для металлоизделий. Привычные сегодня степлеры стали появляться в 70-е годы, первоначально заграничного производства.

Папки для бумаг были двух типов. Одни, из тонкого серого или толстого, с цветным бумажным покрытием картона, были с тремя узкими клапанами и завязками из шнурка или ленточки. Другие, без клапанов, первоначально имели изнутри у сгиба вклеенный под картонную накладку шнурок или ленточку. Это был прообраз более поздних скоросшивателей, в которых изнутри возле сгиба вклеивался под картонную накладку металлический механизм для сшивания бумаг: два плоских отгибавшихся усика, на которые накладывалась узкая фигурная пластинка с двумя бегунками, прижимавшими усики.

Из дореволюционных времен в советский период перекочевали разнообразные пишущие машинки: «Ундервуд», «Олимпия», «Ремингтон» (машинисток даже называли ремингтонистками) и другие. Это были массивные, тяжелые сооружения в литых чугунных рамах, чрезвычайно долговечные: автор этой книги работал на старых пишущих машинках с 1963 года до середины 80-х годов. Были и компактные складные машинки в чемоданчиках — те же «Олимпия» и «Ремингтон». В советское время после войны начался выпуск собственных ма-

шинок — «Москва», «Украина». Однако те, кому по роду деятельности приходилось много печатать, предпочитали машинки зарубежного производства, например, немецкую (ГДР) «Оптиму». В 70-х годах стали внедряться электрические пишущие машинки, легкие в работе, но очень тяжелые и громоздкие. «Уязвимым местом» для тех советских людей, которые работали на машинках, был характерный для СССР дефицит красящей ленты и бумаги нужного формата: в провинции купить все это было очень непросто. Была в СССР еще одна «тонкость»: во избежание массового распространения антисоветского «самиздата» при покупке в магазине машинку полагалось регистрировать, оставляя образец шрифта. Разумеется, на машинки, купленные «левым» образом, прежде всего реставрированные старые «Ундервуды» и «Олимпии», это не распространялось, и «самиздат» свободно циркулировал по стране, особенно в больших городах, где на него был потребитель.

Фотография, картины и скульптура. Украшение интерьеров произведениями искусства — скульптурой, живописью, графикой, предметами декоративно-прикладного искусства — известно с древности. В России это явление известно с XVIII века и было свойственно преимущественно социальной верхушке. Однако и в народных низах, как городских, так и сельских, всегда имело место стремление украсить бедный быт. Главным средством для этого был лубок: примитивно выполненная раскрашенная ксилография.

Во второй половине XIX века в быт прочно начинает входить фотография. Фотопортреты родственников, друзей, знакомых и знаменитых людей двух форматов — «визитного» и «кабинетного» начинают заполнять стены кабинетов и гостиных.

Аналогичная ситуация имела место и в советский период. В социальной верхушке по-прежнему предпочитают картины маслом. Но теперь, за редкими исключениями (коллекционеры, немногочисленные и хорошо оплачиваемые писатели, артисты, ученые и т. п.), это не подлинники, а более или менее (что чаще) удачные копии картин наиболее популярных русских художников-реалистов: И. Шишкина, И. Левитана, В. Поленова и др. Иногда такие копии воспроизводились самими владельцами-любителями, чаще — полупрофессиональными художниками, работавшими на предприятиях и в учреждениях, выполняя там наглядную агитацию, а также такими же любителями или профессионалами, продававшими свою продукцию на рынках.

Значительно чаще встречались крупноформатные типографские цветные репродукции картин наиболее популярных художников, встав-

ленные в самодельные или изготовленные профессиональными столярными застекленные рамы. В некоторых семействах в сталинскую эпоху считалось необходимым иметь на стенах такие же типографские копии портретов Ленина и Сталина, но при этом портретов менее официальных: Ленин читает «Правду», Сталин работает за письменным столом и т. п. Такие репродукции можно было приобрести в книжных магазинах. В магазинах культтоваров, во всяком случае, с 50-х годов, можно было купить также хорошо выполненные типографские копии на картоне картин и наиболее известных зарубежных художников (Рубенса, Рембрандта, Пуссена); они печатались заодно с «золочеными» картонными рамками в стиле барокко. В послевоенный период и далее изредка в квартирах встречались типично сентиментальные немецкие «картины», тисненные на картоне, с выпуклыми деталями: олени в дубовом лесу среди скал, заснеженные (снег блестящий, из напыленной «серебрянки») шале пастухов и охотников и пр. В 80-е годы их сменяют китайские или вьетнамские тисненные рельефные пейзажи с зарослями бамбука, причудливыми мостиками над бурными горными ручьями, тиграми и т. п.; они в большом количестве предлагались магазинами, торговавшими сувенирной продукцией, культтоварами и галантереей.

С 50-х годов в связи с массовым строительством экономичного малогабаритного жилья в быт вторгается графика — эстампы в легких, окрашенных светлыми красками рамках. Обычно это натюрморты или пейзажи. В более ранний период графика была представлена типографски выполненными копиями акварелей — букетами цветов. Но в широких слоях населения — в избах колхозников, рабочих бараках и пр. графика оказывалась главным средством украшения интерьеров. Она сменила дореволюционный лубок. Теперь в красном углу нередко красовались многокрасочные плакаты, призывавшие голосовать за кандидатов единого блока коммунистов и беспартийных, добиваться высоких уродов, выращивать породистых свиней или овец и т. д. Плакаты часто дополнялись цветными открытками — поздравительными или художественными. Своеобразным украшением служили и яркие календари. В послевоенный период отрывные календари также стали использоваться как яркое пятно, украшающее интерьер; точнее, это были картонные подложки под календарь с каким-либо изображением; едва ли не первой такой подложкой, появившейся в середине 50-х годов, стало изображение пухленькой девочки, лакомящейся ягодами. Это была своеобразная эстетика бедности.

Фотография в советский период занимала место преимущественно в жилищах социальных низов, реже — средних слоев. Во-первых, это

были сильно увеличенные и нередко подретушированные и подцвеченные портреты хозяев дома и их родителей. Такие портреты выполнялись бродячими фотографами-«пушкарями» за небольшую плату. Во-вторых, это были небольшие, обычного альбомного формата семейные фотографии, в большом количестве вставлявшиеся в застекленные рамки. Среди них были и портреты членов семьи и родственников, и фотографии застолья, свадеб, и нередко — похорон: родственники вокруг гроба. Такого рода «фотогалереи» можно было увидеть еще в 70-е годы. Нужно отметить, что в количественном отношении рост здесь идет за счет любительских фотосъемок с конца 50-х годов, когда в быт в массовом количестве проникают компактные, простые по устройству и недорогие фотоаппараты ФЭД, «Зенит», «Смена» и др. Ранее владение фотоаппаратурой было уделом довольно узкого круга более обеспеченных людей, а профессиональная фотосъемка производилась почти исключительно в городских «Фотографиях» (фотоателье) громоздкими аппаратами на штативах, если, конечно, не считать профессиональных фотокорреспондентов газет и журналов.

С середины 50-х годов в интерьерах все чаще можно было увидеть совершенно новый вид изобразительного искусства — чеканку по металлу. Изготавливалась она не только самими хозяевами или их друзьями — любителями входящего в моду искусства: такие вещи поступали и в продажу. Это были нередко кавказские мотивы (гибкая грузинка в покрывале, несущая кувшин, горянка с козленком и пр.) или отличавшиеся плохим сходством портреты ставших чрезвычайно популярными Сергея Есенина или Эрнеста Хемингуэя. Несколько реже те же сюжеты можно было увидеть выполненными методом выжигания на толстой фанере.

Скульптура, разумеется, малых форм попадалась в жилых интерьерах значительно реже. В 30 — начале 50-х годов в квартирах «начальства», особенно партийного, нередко были свидетельствовавшие о политической зрелости хозяев небольшие бюстики Ленина, а чаще — Сталина. В домах интеллигенции еще в 70-е годы изредка попадалась чудом сохранившаяся бронза — маленькие бюстики Наполеона, до революции использовавшиеся как пресс-папье. С дореволюционных времен дошли уже редкие в послевоенный период гипсовые раскрашенные статуэтки, изображавшие народности Российской империи и небольшие фарфоровые раскрашенные фигурки «народных типов» производства фабрики Попова. Сравнительно редко присутствовало покрытое черным лаком каслинское чугунное художественное литье: лежащий медведь, сделавшая стойку охотничья собака, олень, чертик,

показывающий «нос», Дон Кихот, читающий толстую книгу. Сначала привозились из-за границы, а с 60-х годов производились и в СССР небольшие фарфоровые или выполненные в технике бисквита изящные статуэтки балерин, пастушков и т. п. С конца 50-х годов в домашний обиход прочно начинают входить выполненные в современной обобщенной манере пластмассовые и деревянные фигурки собак, лисичек и пр. Пробудившийся в это время большой интерес к национальному художественному наследию привел к появлению в интерьерах, преимущественно у интеллигенции, народной глиняной игрушки (в основном дымковской, так что люди, не слишком осведомленные, стали всю глиняную игрушку называть «дымкой»), жостовских расписных подносов, вешавшихся на стены, керамических поливных плакеток, имитирующих старинные изразцы, федоскинских и палехских панно, преимущественно с мчащимися тройками, и т. д. Тогда же в кругах рафинированной интеллигенции стало модным вешать в комнатах русские иконы, преимущественно яркие, XIX века, поскольку более ранние и интересные иконы и в ту пору были относительно редкими и имелись в домах только собирателей. Часто можно было увидеть большие морские раковины (в основном рапаны), а также причудливые ветки отбеленных кораллов.

Напротив, в домах и квартирах широких масс, деревенских и городских, до 60–70-х годов в качестве украшения интерьеров часто употреблялись детские игрушки: целлулоидные куклы-«неваляшки», леды и т. п., а также изредка и стеклянные елочные игрушки. Довольно обычным украшением интерьеров в этих кругах были большие дорогие куклы в пышных нарядах, например, производства ГДР. Хотя это специфически детская игрушка, как раз детям их в руки не давали из опасения, что они сломают или испачкают дорогую красивую вещь. Широко были распространены копилки в виде кошек и свинок, довольно примитивно выполненные из гипса или папье-маше и раскрашенные.

Интерьеры общественных помещений также украшались, чаще вынужденно — живописными, выполненными типографским способом или скульптурными портретами основоположников марксизма-ленинизма, очередного генсека или главы ведомства, а иногда — по собственному разумению постоянных обитателей или администрации. Так, в кинотеатрах и клубах, помимо вездесущих портретов и скульптурных изображений (чаще — гипсовых бюстов) «вождей», плакатов («Великий преобразователь природы» и т. п.) и лозунгов («Искусство принадлежит народу», «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» и пр.), нередко висели более или менее неудачные копии наибо-

лее популярных картин русских и советских художников: «Три богатыря» В. Васнецова, «Утро в сосновом лесу» И. Шишкина (в народе называлась «Мишки на лесоповале»), «Березовая роща» И. Левитана, «Ленин, выступающий с трибуны» И. Бродского и т. п., а также увеличенные фотопортреты советских актеров театра и кино, иногда кадры из наиболее популярных советских кинофильмов или просто их афиши. Копии картин могли висеть в общественных столовых, в столовых и холлах домов отдыха и санаториев, в буфетах и залах ожидания при больших вокзалах узловых станций, много реже — в обычных районных больницах.

До известной степени к этой части изобразительного искусства примыкает советская реклама. Она была крайне невелика по объему и очень лапидарна. Так, в сберегательных кассах висели плакаты с призывом «Храните деньги в сберегательной кассе!», в 60–70-х годах также: «Накопил — и машину купил!» (изображалась счастливая семья советского рабочего). На улицах предлагали «Пейте “Советское шампанское!”», рекомендовали также пить свежие соки и закусывать крабами «Чатка» («Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы!»: на рубеже 40–50-х годов всюду в торговых заведениях ржавели пирамиды банок с крабами). С 60-х годов рекомендовалось также: «Летайте самолетами Аэрофлота!», хотя других авиакомпаний в стране не было.

Домашняя утварь и посуда. Быстрый технический прогресс и обогнавшееся с середины 50-х годов внимание правящих верхов к нуждам населения привели к решительным переменам в домашней утвари, сменившейся бытовой техникой. Это было принципиальное изменение.

До этого времени бытовое обслуживание горожан (не говоря уж о деревне) было развито незначительно, и такое учреждение, как прачечная, отсутствовало не только в маленьких районных городах, но и в больших областных. Точнее, прачечные были, но они занимались стиркой больших партий белья солдатского, больничного, детских учреждений и т. п. Домашнее постельное, носильное и столовое белье, носильное платье подавляющее большинство хозяек стирало самостоятельно, руками, в корыте или тазу. Это были оцинкованные жестяные изделия, результат работы заводских цехов «ширпотреба» (правительственным распоряжением все заводы, в меру своей специализации, были обязаны изготавливать товары широкого потребления: металлургические заводы производили корыта, детские ванночки, тазы, ведра, умывальники, причем оцинковка быстро сходилась, а также крашенные складные кровати из полосового железа и прутка, трубопро-

катные заводы — кровати из труб малого диаметра и пр.). Единственным «средством малой механизации» при стирке была стиральная доска, наклонно устанавливавшаяся в корыте; на ней намыливалась ткань и затем простирывалась. Очень долго стиральные доски были только деревянными: в деревянной рамке была заключена тонкая деревянная пластина, на которой вплотную друг к другу набивались узкие полукруглые рейки; о них и терлась намыленная ткань. Примерно в начале 60-х годов появились металлические стиральные доски. Они были двух типов. В одном из них в деревянную рамку заключалась пластина из оцинкованного железа с волнистым рифлением. В другом варианте пластина заключалась в рамку из такого же, довольно толстого оцинкованного железа.

Для стирки в домашнем хозяйстве широко использовались как жестяные тазы с двумя ручками, иногда оцинкованные (но оцинковка при длительном использовании быстро сходила с железа), так и жестяные же оцинкованные корыта со слегка скругленными либо скошенными боками, так что дно оказывалось сравнительно узким; по концам корыта заканчивались узкими жесткими плоскостями с отверстием, чтобы корыто можно было повесить на гвоздь. В корытах же купали детей, но иногда у хозяек были специальные детские ванночки из оцинкованного железа, со скругленными концами, на которых были отгибавшиеся круглые ручки из толстой проволоки. Одна половина ванночки была выше другой, так что ребенок мог опираться спиной. В 70-е годы металлические ванночки быстро были заменены пластиковыми, более легкими и удобными, которые в ходу и по сей час.

Бытовые, т. е. домашние стиральные машины появились к середине 50-х годов. Это была довольно высокая (чуть выше пояса человека среднего роста), окрашенная белой эмалью цилиндрическая емкость на роликах, с двумя жестяными ручками вверх. Емкость закрывалась разрезной железной крышкой. Внутри находился откидывающийся аппарат выжимания стираемых тканей из двух обрезиненных валиков, один из которых проворачивался никелированной изогнутой ручкой, и сам стиральный аппарат: наклонно поставленный барабан с выступами. В средней части емкости находилось сливное отверстие с рифленным резиновым шлангом. Машина подключалась к сети электрокабелем и запускалась и останавливалась двумя кнопками в средней части цилиндра, немного утопленными в него. Поскольку хозяйственные помещения в квартирах, как правило, были очень тесными, а квартиры — коммунальными, постольку эти довольно «цивильно» выглядевшие стиральные машины нередко ставились в жилых комнатах и на-

крывались салфетками, так что их можно было использовать в качестве тумбочки.

До 50-х годов почти исключительно население пользовалось угольными утюгами. Это была довольно массивная литая чугунная коробка с высокими вертикальными стенками, плавно суживающаяся вперед. В нижней части с каждой стороны были по два щелевидных отверстия для доступа воздуха, прикрытые как бы вдавленными внутрь полукруглыми выступами. Сверху коробка закрывалась невысокой литой крышкой такой же формы, но с волнистыми частыми выступами краев. На крышке монтировалась деревянная ручка, и спереди был небольшой запор с ручкой, чтобы крышка не открывалась при поднимании утюга. На некоторых типах утюгов спереди сбоку монтировалась невысокая, но широкая изогнутая трубка для выхода дыма. В коробку примерно на треть насыпались горячие угли. Помахивая тяжелым утюгом, раздували угли: воздух поступал через щелевидные отверстия в корпусе. При длительном энергичном помахивании утюг разогревался очень интенсивно.

Употреблялись и небольшие монолитные чугунные утюги обтекаемой формы. Иногда даже с простеньким орнаментом в верхней части. Они разогревались на открытом пламени на тагане, на плите топящейся печи или на горячей газовой конфорке. Благодаря теплоемкости чугуна утюг долго сохранял тепло.

Первые электрические утюги были массивными и тяжелыми, долго сохраняя тепло даже при отключенном электропитании. Это достигалось благодаря толщине стальной подошвы с двумя вделанными в нее нарезными шпильками и толстому чугунному вкладышу, надевавшемуся на шпильки. Во вкладыше снизу проходил довольно длинный изгибающийся желобок для спирали, одетой в небольшие керамические, слегка конические изоляторы. Сверху надевалась никелированная жестяная отштампованная крышка; шпильки проходили через основание ручки и вся конструкция закреплялась двумя гайками. Первоначально ручка была деревянной. В задней части крышки был вделан штепсель в керамической изоляции, к «ножкам» которого крепились с помощью гаек концы спирали.

Постепенно, от модели к модели, электроутюги становились все легче и изящнее, хотя все хуже сохраняли тепло, ручки делались из эбонита и приобрели обтекаемую форму. И наконец в 70-е годы появились неразборные электроутюги с тонким нагревательным элементом вместо часто перегоравшей спирали.

В провинции, особенно на севере и в деревне, еще в конце 40 — начале 50-х годов вместо утюга «выкатывали» ткани, прежде всего льня-

ные (они от горячего утюга теряют подлинный вид матового льна), старинным рубелём. Это был довольно длинный (70 и более см) деревянный брусок с ручкой на конце, часто слегка изогнутый, особенно на конце. Толщина его была 25–30 мм, ширина — 12–15 см. Нижняя рабочая подошва бруска имела невысокие рубчики. Ткань плотно наматывалась на круглую скалку, и рубелем, с силой нажимая на него обеими руками, катали скалку по столу, еще плотнее наматывая на нее ткань. Под действием рубчиков жесткий пересохший лен размягчался, а морщинки на ткани разглаживались благодаря тугой намотке. Отбеленный или серый, натурального цвета лен при этом приобретал благородный матовый оттенок, поскольку мельчайшие ворсинки под рубелём вставали дыбом.

Довольно распространенными были швейные машинки. До 50-х годов это были почти исключительно ручные и ножные машинки немецкой фирмы «Зингер», имевшей филиалы в России и даже торговавшей в рассрочку, так что ее продукция была весьма доступна. Сами машинки, имевшие округлые формы, покрывались прочным черным лаком и обильно украшались золотистым орнаментом и надписями; ряд деталей был никелирован. Ручные машинки монтировались на низких прочных ящиках с фанеровкой под светлым лаком и покрывались фанерными глубокими чехлами с округлым верхом и ручкой вверху. Ножные машинки монтировались на ажурном литом столике под черным лаком, с большим маховым колесом и кривошипным механизмом с ажурной подножкой. Они также накрывались чехлами. С 50-х годов стали внедряться отечественные швейные машинки Подольского завода, ручные и с электроприводом, убиравшиеся в обтянутые дерматином чемоданчики. Одновременно в СССР появились импортные электромашинки, например, польская «Лада», лаконичных форм, также в чемоданчиках.

Поскольку водопровод существовал только в крупных городах, и то не повсеместно, городское население очень долго (кое-где и до сих пор) пользовалось водой из колодцев или родников, в лучшем случае — из городских водокачек (за плату, приобретая талончики наподобие билетов на транспорт) или водоразборных колодцев. Для переноски воды ведрами служили давно исчезнувшие коромысла: длинные, плоские в средней части и утоньшавшиеся к концам, плавно изогнутые деревянные бруски с прибитыми на концах железными крючками. У более старых коромысел брусок, в средней части имевший горизонтальную плоскость (ею он ложился на плечи), плавно переходил на концах в вертикальные плоскости, в которых были глубокие вырезы

для дужек ведер. До известной степени пользование коромыслом требовало умения, так как ведро на ходу могли раскачиваться и вода — расплескиваться, так что требовалось идти очень плавно, чтобы ведро не качалось. Иногда, если человек не умел носить воду и расплескивал ее, в ведро с водой бросали крестовину из двух лучинок либо фанерный кружок: они гасили колебания воды.

Расходный запас воды в доме в этих случаях держали в тех же ведрах либо сливали воду в объемистые (до четырех ведер) глиняные корчаги. В деревне в таких корчагах ставили брагу (смесь солода и муки, вода и закваска из куса черного кислого хлеба (дрожжи были труднодоступны)) и даже варили домашнее пиво в русских печах.

Новым для России, появившимся в советский период предметом домашнего обихода были бидоны разного размера. В них покупали и хранили керосин, растительное масло, молоко и т. п. Делались они и кустарным, и фабричным способом из кровельного железа, иногда оцинкованного, перед войной появились фабричные цельнотянутые эмалированные бидоны, после войны — алюминиевые, от огромных 20-литровых до маленьких, на два-три литра. В 70-е годы металлические домашние бидоны стали заменяться пластиковыми.

Наряду с бидонами в быту широко употреблялись кувшины разной емкости, от небольших глиняных, белых фарфоровых и фаянсовых, украшенных каким-нибудь голубым или зеленым цветочком на тулове, до больших, емкостью до одного ведра, железных и даже эмалированных. Но большие кувшины в 60-е годы исчезли с прилавков.

В 50-х годах в домашний быт вторглись термосы со стеклянными колбами в железных, окрашенных эмалью корпусах и со штампованным алюминиевым верхом и такой же крышкой-стаканом, разных размеров, от одного до трех литров; к корпусу больших термосов была приклепана никелированная ручка. В продаже поначалу имелись только китайские термосы, с яркими цветами на корпусе. Они были столь популярны, что в продаже даже имелись быстро портившиеся большие пробки для затыкания горловины и колбы. Затем стали производиться и отечественные термосы, хотя и не столь яркие: отношения с Китаем сильно испортились, и на рынке стал ощущаться вакуум. В 80-х годах появились и термосы для супов, невысокие, широкогорлые, уже в пластиковых корпусах, с такими же пробками и крышками.

Домашние холодильники, как и иная бытовая электротехника, стали распространяться в быту с 50-х годов. До того в многоквартирных домах, а для экономии электроэнергии и в 60–80-х годах, широко пользовались законными «холодильниками»: снаружи на подокон-

нике устраивался невысокий дощатый или жестяной ящик, в который и укладывались скоропортящиеся продукты. Разумеется, этим устройством можно было пользоваться только в холодное время года. Поскольку в домах старой постройки (включая послевоенный период) окна были с двойными рамами, иногда зимой через широкие форточки продукты опускались прямо между рамами.

В сельской местности и небольших городах с индивидуальной застройкой еще в досоветское время широко использовались уличные погреба: во дворе или за ним в земле выкапывалась большая прямоугольная яма глубиной до полутора метров, зимой плотно забивавшаяся снегом или заполнявшаяся большими глыбами льда; снег или лед толсто устилались соломой либо засыпались опилками, на которых и хранили продукты. Над ямой устраивалась невысокая двухскатная крыша, толсто обсыпанная землей. Иногда эта яма имела дощатый или даже забетонированный на арматуре пол, под которым и находились лед или снег и на котором помещались продукты. Лед в городах во второй половине зимы продавали окрестные колхозники, занимавшиеся выпиливанием и выкалыванием его на реках, прудах и озерах. До революции более состоятельные люди могли пользоваться холодильными шкафами, куда укладывались куски льда. Однако в советский период продажа льда была повсеместной.

Первые холодильники были невелики. Например, весьма популярный «Саратов» высотой по пояс имел крохотную открытую морозильную камеру, часть которой была занята изогнутой трубкой с фреоном; пластиковые емкости для бутылок, яиц и т. п. на дверцах у «Саратова» появились на более поздних моделях: первоначально их не было. Были модели и без морозильной камеры. Более удобным и вместительным был холодильник «Север», который, однако, купить было непросто. Эта модель была довольно высокой (около полутора метров), со скругленными формами. Использовались также небольшие навесные или настенные холодильные шкафы без морозильной камеры, типа «Морозко». В коммунальных квартирах, а нередко и в квартирах с соседями, учитывая тесноту на кухне, холодильники нередко ставили прямо в жилой комнате, накрывая салфеткой или скатертью, как тумбочку.

Для приготовления пищи до 50-х годов включительно, и не только в деревне (здесь и до 80-х годов), но и в небольших провинциальных городах с индивидуальной застройкой старыми домами широко пользовались обыкновенной русской печью с открытым огнем на поду.

Поскольку топить большую печь, особенно летом, чтобы подогреть пищу, поджарить яичницу, вскипятить воду, не имело смысла и даже было накладно, постольку широко использовался таган. Это было кольцо из полосового железа диаметром 20–25 см; к нему были прикреплены три невысокие, чуть расходящиеся книзу и закругленные ножки. В таган ставился чугунок или глиняный горшок с пищей, на таган ставилась сковорода или латка (глиняная сковорода с высокими вертикальными стенками и глиняной же крышкой) и под ним разводился на поду или шестке русской печи небольшой огонь из лучинок. Особенно широко употреблялись таганы летом, когда требовалась длительная варка на небольшом огне, например, варенья. Таган ставился прямо на землю, а под ним, иногда в небольшой ямке, разводился огонь. Разумеется, все это было возможно при индивидуальной застройке и достаточно просторных подворьях или больших огородах.

Уже в 50-е годы русские печи активно модернизируются и в них врезаются или к ним пристраиваются обычные плиты (подтопки, камельки) и духовки. Либо же эти архаичные, хотя и теплоемкие печи заменяются отопительными щитами с плитой или вертикальными печами-голландками.

В конце 50-х годов у некоторых хозяек появляются электрические «чудо-печки» — жарочные шкафы, точнее, духовки; сравнительно небольшая печка из жести, с дверкой, на ножках, имела внутри теплоэлектронагревательное устройство — тэн. Это был прообраз современных домашних электроволновых печей.

Еще в довоенный период в широкое употребление начинают входить электроплитки (конечно, там, где было электричество). Это были довольно примитивные сооружения: в невысокий жестяной цилиндрический корпус на ножках вкладывалась круглая керамическая плитка с глубокими, огибающими всю поверхность бороздками для открытой спирали. Поскольку электросчетчики до 60-х годов были труднодоступны, плату за пользование электричеством контролеры брали «с точки», эмпирически определяя месячный расход от электролампы или розетки. Поэтому в домах розетки старались не ставить (максимум — одну-две), а остальные скрывали, делая потайную проводку, либо же широко использовали «жулик». Это были кустарно или даже фабричным способом сделанные из эбонита или карболита (почти единственные, кроме целлулоида, пластмассы) удлиненные изделия, один конец которых вворачивался на резьбе в патрон электролампы, как обычная лампочка, а другой имел отверстия для включения вилки электропровода. Таким образом, вместо маломощной лампы в патрон

включалась электроплитка, потреблявшая довольно много энергии, а после использования «жулик» выворачивался и вновь в патрон вворачивалась электролампа.

Еще с довоенных времен для обогрева помещений пользовались самодельными электрообогревателями разной конструкции. Например, на кусок асбоцементной трубы, имевшей по верху неглубокую винтовую нарезку, наматывалась нихромовая проволока; труба подвешивалась на какой-либо конструкции. Разумеется, такими обогревателями пользовались подпольно, тщательно пряча их при появлении посторонних. Современные электрообогреватели, сначала довольно примитивные, появляются после войны, в 50-х годах. Это был, например, небольшой жестяной, окрашенный сверху краской, ящичек на ножках, с открытыми зарешеченными боками, в котором проходило несколько (обычно два) изгибов тэна или толстой спирали. Широко стали использоваться простейшие электрорефлекторы: на низкой стойке с поддоном шарнирно закреплялся круглый никелированный пологий рефлектор диаметром около 30 см, в середину которого в электропатрон вворачивался нагревательный элемент: на коническую керамическую конусообразную трубку была накручена спираль. Вся конструкция на некоторых моделях закрывалась выпуклой проволочной решеткой. С конца 60-х годов быстро стали распространяться масляные радиаторы: на низеньких ножках вертикально закреплялась довольно большая прямоугольная, окрашенная специальной серой краской, железная панель, внутри которой циркулировало нагревавшееся закрытым электронагревателем трансформаторное масло. Эти нагреватели, в отличие от предыдущих самоделок и электрорефлекторов, были и безопасны в пожарном отношении, и долговечны. Степень нагревания автоматически регулировалась в зависимости от температуры в помещении.

С 50-х годов обитатели негазифицированных квартир и индивидуальных домов для нагревания воды широко использовали тэны фабричного производства. Спираль проходила внутри согнутой вдвое и имеющей небольшой виток на конце этого изгиба трубки, концы которой входили в большую эбонитовую ручку. С другой стороны из ручки выходил электрошнур с вилкой. Эти тэны были разного размера вплоть до маленьких дорожных, изящных, с никелированной трубкой, в которых можно было вскипятить воду в обычном стакане.

Для приготовления пищи в квартирах, не имевших кухонных печей, или в коммуналках, где огромная печь на кухне обычно не топилась, широко пользовались примусами. Этот прибор появился в конце

XIX века, и в 20–30-е годы еще широко использовались дореволюционные примусы «Грец». Но производились примусы и в советское время. Невысокий круглый медный резервуар для керосина помещался в каркас из толстой проволоки, так что он стоял на низеньких ножках, а посуда для готовки устанавливалась на верхней части каркаса. Из резервуара вверх шла короткая трубка с горелкой на конце. В резервуаре было закрывавшееся пробкой на резьбе отверстие для наливания керосина, и выходила ручка для накачивания в резервуар воздуха; керосин под давлением поднимался вверх, так что периодически приходилось подкачивать воздух. Горелка окружалась небольшой чашечкой, в которую перед началом работы подливали спирт-денатурат. Его поджигали спичкой, и от пламени денатурата загорался поступающий через тонкое отверстие горелки керосин. Поскольку керосин — сравнительно тяжелое топливо, при сгорании он давал нагар, и время от времени требовалось чистить отверстие специальной иглой — тонкой стальной проволокой, зажатой в пластинку из тонкой жести.

Примусы вышли из употребления в 50-е годы, когда были заменены более эффективными керогазами. Здесь в резервуар также накачивался воздух, но в горелку поступала керосиново-воздушная смесь, дававшая более жаркое пламя. Однако большого распространения керогазы не получили, поскольку при неосторожном обращении были взрывоопасны. До конца советского периода дожили более простые и безопасные керосинки.

В литом алюминиевом корпусе устанавливался плоский круглый резервуар с отверстием для наливания керосина. В верхней части резервуара была щелевидная прорезь, куда вставлялась плоская жестяная обойма с широким плоским фитилем; конец его проходил в резервуар, и керосин естественным путем поднимался наверх. С помощью зубчатого колесика, сидевшего на оси и находившегося в обойме, можно было регулировать высоту фитиля и интенсивность горения.

Многие предметы домашнего обихода давно вышли из употребления, иные же изменили форму. Так, капусту для засолки еще в 50-е годы в провинции рубили сечками в небольшом деревянном корыте с округлым дном. Сечка представляла собой стальную, с полулунным лезвием и закругленными углами пластину, напоминающую старинную секиру; но в отличие от секиры, она насаживалась на деревянную (длинной около 70 см) точеную рукоять вертикально. Некоторые обыватели шинковали капустные кочаны длинными тонкими ножами, иные же изобретали собственные приборы, вроде короткой доски с косой щелевидной прорезью и закрепленным над ней стальным лезвием. Сове-

менные комбинированные пластиковые терки для овощей со сменными насадками и лезвиями различной формы — явление очень позднее, выходящее за рамки избранного нами периода.

Собственно терки были известны давно. Это была почти плоская, чуть выгнутая пластина из жести с примитивно пробитыми обычным гвоздем неглубокими отверстиями. Для жесткости пластина окантовывалась полутора-двухмиллиметровой стальной проволокой, сверху образующей округлую ручку-дужку. В 60-е годы появились более совершенные терки все из такой же луженой жести. Но в виде коробки, в которой со всех сторон пробивались или прорезались отверстия различной формы.

Мясорубки до самого конца советского периода были ручные, с литым корпусом, с помощью винта крепившимся к кухонному столу. Внутри проходил шнек, большого диаметра червячный винт. С одного конца на него крепилась винтовым зажимом литая ручка с деревянной накладкой, с другой надевался крестообразный нож, стальная сетка со множеством круглых отверстий, и все это закреплялось на корпусе гайкой большого диаметра. Такие мясорубки еще во множестве сохраняются в современных семьях, хотя все чаще заменяются электромясорубками.

Почти неперменной принадлежностью хорошо оборудованной кухни были едва ли не дореволюционного происхождения небольшие чугунные или медные ступки с чугунным же или медным тяжелым пестом. Старинные большие деревянные долбленные ступы с деревянным длинным пестом, в которых толкли горох на кисель или поджаренный овес на толокно (тоже разновидность киселя), вышли из употребления еще до войны, хотя в деревенских избах уже без употребления встречались и позже.

Столовые приборы (ложки, вилки, ножи) отличались от современных только по материалу. Нержавеющая сталь была дорогим и редким материалом, и на такие пустяки ее на заводах не тратили. Алюминий появился также довольно поздно и в основном вошел в употребление в домашнем обиходе после войны. Вилки были стальные, никелированные, четырехзубые, довольно узкие, но острые. Узкие ручки были металлические, с простеньким орнаментом либо (на более старых вилках) с костяными накладками из уже пожелтевшей кости, приклепанными к плоскому хвостовику вилок; были и вилки с цельными костяными ручками, надетыми на хвостовик, подобно нынешнему пластику. Такими же были и столовые ножи, а более крупные кухонные ножи для готовки были с литыми алюминиевыми или с приклепанными дере-

вянными рукоятками. Ложки в большинстве своем употреблялись литые оловянные, нередко деревянные, довольно редко алюминиевые и в наиболее зажиточных семействах мельхиоровые или даже серебряные (особенно наборы чайных ложечек, даже с позолотой). Половники (поварешки), медные луженые, железные эмалированные и алюминиевые изготавливались фабричным способом на всем протяжении советской истории. Такая простая вещь, как лопаточка, употребляющаяся при жарке мяса и котлет, была неизвестна большинству населения, пользовавшегося кухонными ножами. По существу, в широкое употребление лопатки стали входить в 50–60-е годы. Разделочные доски хотя и были широко известны еще до революции, их фабричного производства не было, так что еще в 60-х годах хозяйки или покупали их на рынке у кустарей, или «левым способом» заказывали в деревообделочных цехах на предприятиях. В широкой продаже они стали появляться лишь в конце 60-х годов. Зато точеные из дерева скалки и толкушки для приготовления пюре в продаже, кажется, были всегда. А вот проволочные венчики для взбивания в продажу стали поступать в основном в 60-х годах, и хозяйки широко пользовались обычными ложками.

Посуда, особенно металлическая, как предмет длительного пользования, в большом количестве дошла из дореволюционных времен, постепенно перемешиваясь с новой посудой советского производства, а затем и вытесняясь ею. *«Ожидая, когда закипит на керосинке вода, я разглядывал ряды полок, с которых свисала пожелтевшая бумага, нарезанная — для красоты — в виде кружев. Там теснились кухонная утварь: запыленные продолговатые бачки для варки рыбы, латунные ступки, кофейная мельница, мороженица, деревянные формы для паштетов, тазики для варки варенья. Поражало обилие медных кастрюль; большие потускнели, покрылись зеленоватыми пятнами ярь-медянки, — ими давно не пользовались; те, что поменьше, отливали красноватым блеском, у верхних их краев серебрился слой свежей полуды. Варить пищу в нелуженой медной посуде не рекомендовалось: можно в два счета отравиться»* (Шефнер В. Имя для птицы).

В провинции даже после войны еще широко использовались точеные деревянные тарелки и большие миски. В большом ходу была посуда фаянсовая, реже фарфоровая, из довольно толстого фарфора с простеньким рисунком. Такой же характер имели десертные тарелки и чайные блюдца, чайные чашки и толстые фарфоровые и фаянсовые кружки («бокалы»). Только как островки давно затонувшего в социальных катаклизмах мира, попадались отдельные, нередко треснувшие

вещи из тонкого фарфора с яркой обильной росписью или позолотой. В провинции дети рылись в старых, заброшенных помойных ямах, выкапывая осколки такой посуды: их собственный мир был довольно ту-склым.

Кружки разной емкости сначала делались медные луженые, но немало было и железных кружек. Перед войной появились эмалированные кружки, а затем — и алюминиевые солдатские, на 0,5 л.

Сравнительно редкой и довольно ценимой была эмалированная посуда: штампованные из железа тарелки, миски, а чаще — кастрюли разного размера и ковши. Ценились они не только за прочность (на небольшие сколы эмали обычно внимания не обращали), но и за красоту: нередко они украшались росписью по эмали в виде каких-либо ярких цветов. Попадались и эмалированные изнутри чугуны. Но еще в 50-х годах, особенно в глубокой провинции (а в деревне и позже) широко употреблялись обычные чугуны разного размера; их использовали при приготовлении щей и каш, которые должны хорошо упреть, а также корма скоту. Глиняные обливные горшки, крынки и миски кустарного изготовления, стали быстро исчезать в 60-е годы, когда была огосударствлена прежняя промкооперация (в 1960-е годы), превратившаяся в местную промышленность, а колхозники, получившие пенсии (весьма небольшие) и денежные выплаты за трудодни, прекратили занятия ремеслами. Уже с конца 50-х годов фарфоровая и фаянсовая посуда заняла прочное место в домашнем быту и общественном питании.

Стеклопосуда была с дореволюционных времен представлена только стаканами и рюмками разного размера. Чаще в быту употреблялось толстое стекло: граненые рюмки на низеньких ножках («лафитники»), стаканчики и большие (емкостью 200 мл) граненые «девятиглотковые» стаканы.

Реже в ходу были тонкостенные чайные стаканы той же емкости, производство которых в нынешнем веке прекращено. Подстаканники для них, мельхиоровые, иногда с позолотой, ажурные, употреблялись в редких семьях. Чаще их можно было встретить в ресторанах и поездах дальнего следования (там и тогда, где и когда проводники стали подавать пассажирам чай). В 70-х годах появились блестящие, но безвкусные подстаканники, штампованные из тонкого алюминия. Крайне редко, преимущественно в 60-е годы, появлялась в продаже стеклянная посуда из жаропрочного стекла: своеобразные миски-кастрюли с крышками, в которых можно было готовить, а также стаканы.

До революции для приготовления чая использовались исключительно угольные самовары, в огромном количестве поставлявшиеся на рынок многочисленными фабриками и кустарями; Россия даже экспортировала самовары на Восток и в Персию.

Даже в многоэтажных многоквартирных домах кухарки ставили (разжигали) самовары на черных лестницах, а по городским дворам во множестве бродили лудильщики, предлагавшие паять и лудить обветшавшие самовары. Для заварки чая пользовались фарфоровыми чайниками. Однако еще в период Гражданской войны самовар стал постепенно вытесняться жестяным чайником, который стал непременным спутником пассажиров пассажирских поездов. На узловых станциях рядом со зданиями вокзалов стояли небольшие постройки с надписью «Кипяток»; из стены на перрон выступали два крана, с холодной водой и кипятком. Ведь тогдашние вагоны даже первого класса не имели многих современных удобств, в том числе и титана для кипятка. Ходили упорные слухи о том, что состоятельные беглецы из Советской России в носиках чайников вывозили бриллианты, и при проверке поездов чекисты (и бандиты всех мастей) отламывали носики. Такой чайник обычно был медным, луженым изнутри, цилиндрической формы, с прямым носиком, с жестяной ручкой на шарнирах. Ввиду мобильности населения в нестабильной стране (войны, эвакуации и реэвакуации, ссылка, поиски лучшей жизни, вербовка на работу и пр.) громоздкий самовар был неудобен, отчего и был вытеснен чайником. Только в той части населения, которая стабильно оставалась на одном месте из поколения в поколение, сохранялись самовары. Перед войной уже широко использовались более качественные эмалированные чайники (изнутри белые, снаружи синие или иного темного цвета), изготовленные машинным способом, с округлым туловом и изогнутым носиком. В конце 50–60-х годов в моду стали входить более современные эмалированные чайники изощренных форм (шар, полушарие и пр.), с никелированными крышками и даже со свистком, колпачком с прорезями, надевавшимся на носик. Заварочные фарфоровые чайники сохраняли традиционные формы, но в 60-е годы стали появляться небольшие металлические никелированные чайники.

Употребление кофе в России издавна сильно уступало чаепитию. К тому же настоящий кофе после революции купить здесь было очень не просто: в провинции даже в 50–60-е годы в продажу поступали разные суррогаты, вроде желудевого, ячменного кофе, или так называемый кофейный напиток непонятно из чего. Разумеется, в Москве или Ленинграде можно было купить и настоящий кофе в зернах или моло-

тый (его даже мололи в магазине на глазах у покупателя). Поэтому и кофейные мельницы (кофемолки) на кухнях были большой редкостью. До 60-х годов это были исключительно ручные кофемолки в виде ящичка с горловиной для засыпки поджаренных зерен и ручкой, которую приходилось довольно долго крутить, чтобы получить хорошо смолотый кофе. Затем в продаже стали появляться электрические кофемолки, сначала заграничного производства, но не особенно долговечные. Широко употреблялись старые кофейники, высокие, сужающиеся кверху, с ручкой, с носиком и с крышкой на шарнире; они были медными, лужеными или даже никелированными. Выпускались также эмалированные кофейники со сливом. Во время и после Отечественной войны в страну попало много трофейных кофейников из стран Центральной Европы и Германии, где было чрезвычайно широко распространено употребление кофе. В СССР в послевоенный период все больше стали внедряться турки (джезвы) для варки кофе, довольно емкие алюминиевые, с длинной ручкой, или маленькие медные, с деревянной ручкой.

Еще в предвоенный период на рынок стали поступать электрические чайники, получившие широкое распространение в 50–70-х годах. В 60–70-е годы на кухнях появились и никелированные электрические «самовары» маленького и среднего размера, а немногочисленные настоящие самовары если и имелись, то использовались в качестве украшения: огромные массы горожан жили уже в многоквартирных домах, где не было черных лестниц, да и «парадные» были не слишком удобны для разжигания на них самоваров.

Популярным предметом домашнего обихода были ночные горшки, прежде называвшиеся урьльниками. Еще из дореволюционных времен дошли довольно массивные фаянсовые «ночные вазы» с двумя толстыми ручками и с фигурными крышками, белые, украшенные каким-либо рисунком, например, голубым цветком. Горшками, постоянно находившимися под кроватью, пользовались не только дети, но нередко и взрослые, особенно женщины, жившие в домах с уборными на улице или в коммунальных квартирах; разумеется, это были преимущественно «бывшие», то есть люди из старой интеллигенции и состоятельных кругов, привычные к удобствам. Уже в 30-х годах такие старинные урьльники быстро заменяются более удобными и легкими эмалированными ночными горшками с ручкой, почему-то чаще всего голубого цвета снаружи и белыми изнутри. В 70-е годы их вытесняют пластмассовые детские горшки новой формы, более устойчивые и даже с подблем спинки, заменявшей ручку.

В хозяйственных целях, прежде всего в индивидуальных жилых домах, сельских и городских, по традиции широко использовалась бондарная посуда, собранная из клепки на обручах.

Однако ее ассортимент в сравнении с дореволюционным периодом быстро сократился: вышли из обихода барила, лагуны, пересеки, почти не встречались жбаны, старинные деревянные ведра сменились железными. Банные шайки также быстро исчезли, передав свое имя обычным жестяным тазам.

Для хранения воды и засолки капусты, огурцов, помидоров использовались кадки разных размеров, для помоев и кормления домашнего скота — ушаты и лохани, а воду из колодцев доставали бадьями. Пользовались и случайными деревянными бочками, в которых в торговлю поступала соленая рыба. Довольно широко использовалась берестяная посуда — туеса (бураки), лукошки, кузовки, также разной формы корзины. В домашнем хозяйстве при наличии коров пользовались подойниками — жестяными ведрами с выгнутым вверх сливом.

Следует отметить оригинальное устройство в магазинах и предприятиях общественного питания: хлеборезку. В прилавке была щелевидная прорезь, обрамленная алюминием, и в ней на шарнире ходило большое лезвие с ручкой.

Так было до 70-х годов. Но постепенно старая бондарная, берестяная, прутяная посуда приходила в негодность, а новая, с ликвидацией в 1960 году промкооперации и исчезновением с рынка кустарей, практически не изготавливалась. Практически исчез крупный рогатый скот в домашнем хозяйстве, а хлеб стал выпекаться стандартного веса, не нуждавшийся во взвешивании.

Механические и электромузыкальные инструменты. К началу XX века технический прогресс привел к появлению в быту механических средств воспроизведения звука. От примитивного фонографа, бывшего скорее забавной игрушкой, воспроизводящей голос, совершился переход к граммофону. Он представлял собой небольшой, изящно выполненный деревянный ящик, лакированный, нередко украшенный росписью с цветочными мотивами, а изредка — металлическими (серебряными или мельхиоровыми) накладками и насечкой. В верхней части размещался диск для грампластинок и звукосниматель (адаптер) с огромным металлическим раструбом, который также нередко раскрашивался и покрывался лаком. В селе Апрелевка под Москвой появился и первый завод граммофонных пластинок, поначалу довольно хрупких, изготавливавшихся из эбонита. Наклейка на пла-

стинке была красная, с золотыми надписями. Конверт из дешевой серой или слабоокрашенной в какой-либо цвет бумаги (например, голубоватый), иногда с очень простым рисунком; например, через угол шло несколько голубоватых полос, напоминающих дорожки на грампластинке. Набор мелодий был очень широким, начиная от популярных оперных арий в исполнении знаменитых певцов (например, Ф. Шаляпина) до народной и цыганской песни (например, в исполнении Надежды Плевицкой, Вари Паниной). Для пластинок продавались специальные чемоданчики со множеством отделений. Однако граммофон был вещью дорогой и доступной более или менее зажиточным людям.

В советское время громоздкий граммофон быстро вышел из употребления и был вытеснен портативным патефоном. Это был сравнительно небольшой, оклеенный дерматином чемоданчик. Под крышкой находился диск для пластинок и небольшой адаптер с мембраной. Вращавшая диск стальная пружина заводилась складной ручкой, вставленной в бок чемоданчика. Воспроизведение звука осуществлялось при посредстве особых стальных патефонных иголок. Хранились иголки в маленьком ящичке, выдвигавшемся из переднего угла чемоданчика на шарнире. Все металлические детали были никелированными. Патефон был довольно дорог, доступен далеко не всем, и в семьях среднего достатка составлял предмет гордости, так что его нередко выставляли напоказ, иногда даже с поднятой крышкой, помещая на комод, тумбочку или этажерку. Обращаться с патефоном приходилось осторожно, поскольку при заводке пружины она иногда лопалась. Но главную проблему для владельцев составляли патефонные иголки, всегда бывшие в большом дефиците, так что их нередко затачивали вручную на оселке и даже просто на кирпиче, что ухудшало качество звука. Выпуск пластинок был поставлен под строгий идеологический надзор, и основную массу их составляли пластинки с советскими песнями. Впрочем, во времена НЭПа частными предпринимателями было выпущено множество пластинок с так называемыми жестокими романсами и даже блатными песенками, вроде «Гоп со смыком». Немало пластинок перешло на патефоны с граммофонов, еще дореволюционного выпуска.

В 50-х годах начался выпуск электропроигрывателей разных марок. Так, одним из первых проигрывателей была «Тайга» — в металлическом лакированном чемоданчике, немногим меньше патефона. Если патефон имел только одну скорость вращения диска — 78 оборотов в минуту, и на пластинке помещалась только одна небольшая пьеса, то электропроигрыватель, или электрофон, имел уже две скорости. По-

являлись все новые модели проигрывателей, более компактные, в легких чемоданчиках. Исчезла и проблема иголок, поскольку на звукоснимателях стояли долговечные корундовые иглы.

Параллельно начался выпуск пластинок-гигантов, теперь небьющихся, из винила, на которых помещались большие пьесы. Это было время хрущевской «оттепели», когда идеологический диктат несколько ослаб, и репертуар разнообразился: выпускались пластинки с модными шлягерами (по-нынешнему — хитами) советских и зарубежных (разумеется, «прогрессивных») певцов, с симфонической музыкой (на обеих сторонах пластинки как раз помещалась симфония), наборы из нескольких пластинок с целыми операми, но более популярными, вроде опер Бизе «Кармен» или «Искатели жемчуга», с литературными записями. Это расширение репертуара шло и в дальнейшем, так что выпускались пластинки-гиганты с концертами популярных в ту пору вокально-музыкальных групп и певцов. Наклейки на пластинках были разных цветов вплоть до черного, а чаще — голубые; надписи были черного цвета. Конверты стали делаться из плотного тонкого картона, с лощением, белые, с разнообразными рисунками и надписями о содержании пластинки. Иногда выпускались конверты с большими, во всю их площадь, клапанами с красочными изображениями ансамблей, исполнителей и т. д. Кроме того, стали выпускаться небольшие гибкие виниловые пластинки с наиболее популярными исполнителями (В. Высоцкий, Б. Окуджава и др.). Такие пластинки вшивались также в малоформатный красочный молодежный журнал «Кругозор», посвященный разнообразным общественным проблемам молодежи, в особенности современному песенно-музыкальному искусству. Особо нужно остановиться на самодельных грампластинках «на костях». Это подпольное производство грамзаписей современной популярной музыки на использованных рентгеновских пленках началось в 50-е годы, когда страна еще не опомнилась от суровых реалий сталинской эпохи, и общество оставалось «зашоренным». Московская и ленинградская молодежь, более свободная от страхов и увлеченная хотя бы внешними проявлениями западного образа жизни (так называемые стиляги), интересовалась уже не песнями о колхозном счастье и трудовых буднях рабочего класса, а рок-н-роллом и буги-вуги, фактически запрещенными в стране.

Нужно отметить также «звучащие письма»: в Москве, Ленинграде, некоторых курортных городах в специальных студиях можно было «наговорить» небольшую гибкую пластинку с приветами родным и близким и послать в конверте по почте.

Одновременно с электропроигрывателями появились и радиолы: довольно громоздкий комплекс, включавший ламповый радиоприемник и проигрыватель. В нижней части помещался приемник, наверху, под крышкой — диск и звукоусилитель. Популярная песенка Булата Окуджавы о Лёнке Королеве, в которой радиолы играют перед войной — анахронизм: до войны во дворе мог играть только патефон.

Магнитофон как явление известен (не слишком) был еще в предвоенный период. В нацистской Германии его использовала тайная политическая полиция (гестапо) при прослушивании телефонных разговоров; в этом же качестве он применялся в советской тайной политической полиции (НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ). Рядовые граждане слышали о существовании такого аппарата на рубеже 50–60-х годов, а с начала 60-х годов началось триумфальное шествие магнитофона по стране. Изначально это был катушечный магнитофон, довольно громоздкий, в чемоданчике с ручкой для переноса («Яуза», рижский «Аидас») либо настольный («Днепр», соединявший магнитофонный аппарат с радиоприемником — некое модернизированное подобие радиолы). Из-за рубежа изредка в страну проникали более компактные магнитофоны «Филипс», работавшие на батарейках, первоначально катушечные, а затем кассетные. В катушечном магнитофоне довольно широкая пленка перематывалась с одной плексигласовой катушки большого диаметра на другую; пленка часто рвалась и примитивно склеивалась, иногда просто с помощью ацетона, что ухудшало качество звучания. Выпуск советских кассетных магнитофонов разных моделей одновременно с кассетами записей приходится преимущественно на конец 70-х и 80-е годы. Далее, уже в постсоветский период, выходящий за рамки данной книги, началась эра других аппаратов для прослушивания: CD-плееров и т. д.

Радио, телевизор, телефон. Еще в конце 20-х годов в стране распространилось массовое радиолубительство в виде сборки так называемых детекторных приемников. Детектор — небольшой кристалл, по которому водили кончиком электроконтакта, нащупывая наилучший прием; работать контактом приходилось постоянно, поскольку волна «плыла». Принималась только Москва, радиостанция «Коминтерн». Вскоре радиопромышленность начала выпускать фабричные детекторные радиоприемники разной конструкции: система монтировалась в небольшом деревянном ящике, на котором были верньеры для наводки. Полноценные радиоприемники получили распространение только в послевоенный период, когда начался массовый выпуск двухволновых (средние и длинные волны) недорогих и довольно компакт-

ных приемников «Москва». Там, где электроэнергия не была доведена до поселений, широко пользовались батарейными радиоприемниками. *«Радиолобительская деятельность моего брата Николая... не приблизила к Олешину эпохи современных радиоприемников и телевизоров... но, несомненно, Николай сыграл в деле радиофикации села и его окрестностей огромную роль.*

Ему тогда было, по всей вероятности, пятнадцать или шестнадцать лет, потому что он успел уже окончить семь классов. В школе он учился во Владимире... там и стал по вечерам ходить в кружок радиолобителей... После седьмого класса у него получился перерыв в учебе. На эти осень и зиму и падает начало его бурной радиодетельности. <...>

О, эти детекторы, эти кристаллы, то с темными, то со светлыми блестками и точечками, по которым надо терпеливо шарить кончиком тонкой, чуткой пружинки, нащупывая наиболее удачную «точку»!..

Сейчас невозможно вспомнить, в каком доме поставил Николай первый детекторный приемник, но пример оказался заразительным... Первое время, когда сбивалась настройка, бежали к Николаю, чтобы он пошарил по кристаллику, и я в этом деле был его первый заместитель. Но вскоре олепинцы сами научились тяжелыми крестьянскими руками, заскорузлыми от жары и мороза, обращаться с хрупкой стеклянной трубочкой детектора <...>

Слава Николая распространилась по окрестностям. Длинные шесты радиомачт стали подниматься на Броду, в Курияниках, в Борисове и других деревнях <...>

Радиоприемники, установленные Николаем, существовали во всех деревнях довольно долго, пока после войны их не вытеснили батарейные ламповые приемники «Родина», которые (не скажу про другие деревни) в нашем селе стоят почти в каждом доме.

Но жизнь продолжает свое движение. Батарейные приемники, просуществовавшие более короткое время, скоро тоже уйдут из деревенских домов, уступив место обыкновенным приемникам, действующим от обыкновенного электричества» (Солоухин В. Владимирские проселки).

До этого немногочисленные счастливчики пользовались довольно большими, но качественными немецкими трофейными радиоприемниками «Телефункен»; в микроскопических количествах такие радиоприемники поступали в СССР и до войны. Но с началом войны все приемники (они должны были регистрироваться) у населения были изъ-

яты милицией, очевидно, чтобы шпионы не могли принимать передачи своего руководства. Хотя было обещано после войны приемники вернуть, никто, разумеется, этого не сделал.

В конце 40-х годов в страну стали поступать из советизированной Латвии прекрасные радиоприемники «Балтика» рижского завода ВЭФ. Их особенностью было не просто наличие коротковолнового диапазона, но продление его шкалы до 16 метров, тогда как повсеместные советские «глушилки» начинали работу с 21 метра. Это позволяло слушать без больших помех (они все равно были) вражеские «голоса», вещавшие на разных языках, в том числе на русском: «Голос Америки» и «Би-би-си»; позднее к ним присоединились «Немецкая волна» и «Свобода». Вскоре власти спохватились, и ВЭФ начал выпуск «Балтики» с «нормальным» коротковолновым диапазоном, полностью бывшим в зоне действия «глушилок». А в конце 50-х годов уже вернулся выпуск нормальных больших советских радиоприемников. Разумеется, все эти приемники были ламповые.

Не слишком-то совершенные ламповые приемники требовали хороших антенн, особенно если предполагалось слушать не только московские передачи. Поэтому радиолюбители устанавливали на крышах не только частных, но и многоквартирных домов уличные антенны. Самым распространенным типом антенны был напоминающий метлу пучок медной проволоки, концы которой были залиты свинцом в опрокинутом фаянсовом ролике от уличных электролиний, закрепленный на достаточно высоком шесте.

Большинство же советского населения с 30-х годов пользовалось радиорепродукторами, работавшими от специальной радиосети. Репродуктор представлял собой заключенный в легкий железный обруч пологий конус из плотной черной бумаги; к обручу крепилась скоба для закрепления репродуктора на стене или специальной стойке с поддоном (в настольных репродукторах). С лицевой стороны на обруч крепилась железная планка, на которой посередине был, в свою очередь, закреплен цилиндрический принимающий электромагнитный узел; другим концом он был соединен с бумажной «тарелкой» репродуктора. Вследствие колебаний слабых электромагнитных волн «тарелка» вибрировала, издавая звук. Для приема передач репродуктор включался в сеть. Звучание репродуктора было некачественным, а коробление «тарелки» при намокании или разрывы бумаги (которые заклеивались самими владельцами любым клочком бумаги на любом клее) превращало передачу в нечто плохоразбираемое. Впрочем, претензий к звучанию не было. Во-первых, первона-

чально сам факт радиопередачи воспринимался как чудо; в конце концов, детекторный приемник звучал еще хуже. Во-вторых, при постоянно включенном репродукторе (а во время войны в зоне досягаемости вражеской авиации и артиллерии репродукторы вообще запрещалось выключать) прослушивалось все подряд, и его приглушенную работу воспринимали просто как шумовой фон, не вслушиваясь в содержание. При невысоком качестве более доступных жестяных часов-ходиков и отсутствии хороших часов у подавляющего большинства населения репродуктор обычно использовался лишь как источник информации о точном времени. Ведь, например, до 1956 года опоздание на работу свыше 20 минут грозило судом и в лучшем случае принудительными работами до шести месяцев с изъятием 25 % и без того небольшой зарплаты, а в худшем, при нескольких опозданиях — заключением в лагерь до пяти лет.

С конца 50-х годов эти примитивные радиорепродукторы стали заменяться компактными пластиковыми коробочками с высококачественным звучанием. В то же время получили широкое распространение новые транзисторные приемники, и репродукторы преимущественно сохранялись в общежитиях, гостиницах и т. п., в индивидуальных же квартирах их держали довольно редко.

Радиорепродуктор до конца 50-х годов широко использовался и для уличного вещания. В маленьких районных городах на крыше радиоузла устанавливались один, два или даже четыре больших раструба, сначала жестяных, квадратных в сечении, после войны — слегка уменьшившихся в размерах, круглых алюминиевых, с выступавшим в центре округлым передающим узлом. Вещание велось во всю громкость, весь день, с 6 часов утра до 12 ночи. Это был своеобразный принудительный политико-литературно-музыкальный ликбез советского обывателя, принудительное внедрение культуры. В селах такие репродукторы устанавливались над сельсоветами, правлениями колхозов или над клубами.

«Чудо современной техники, огромный, окрашенный в серебристую краску, поднятый над самыми высокими зданиями, вещал репродуктор. Трансляция велась на таком усилении, что никакие стены не в силах были остановить напор, лавину, стихию звуков. Каждое словечко, каждый оттенок в интонации диктора различался в помещении так же четко, как если бы репродуктор висел рядом в комнате.
<...>

Сначала мы думали, что радио будет орать часов до восьми. Потом скрепя сердце перенесли этот срок на десять, но оно орало ровно

до полночи, заставив нас слушать и передачу для работников сельского хозяйства, и передачу для шахтеров... и письма родных на Северный полюс, и хор Пятницкого, и оперетту.

Наконец наступила тишина. Было ощущение, будто вас несколько часов трясли, кидали то вверх, то об землю, мяти, тискали, а теперь вот оставили в покое.

Блаженство продолжалось недолго. В шесть часов утра юрьевчанам предложили бодро вставать и заниматься зарядкой. Я даже посмотрел из окна на площадь, может, и правда бежит народ, выстраиваясь в ровные ряды для выполнения положенных гимнастических упражнений.

Потом всех взрослых горожан (какая нелепость!) заставили слушать “Пионерскую зорьку” — и пошло, пошло до новой полночи. <...>

Мы вышли на улицу под звуки марша, метавшегося по городу со скоростью трехсот тридцати метров в секунду. Звуки наталкивались на дома, меняли направление, дробились о крыши и, отскакивая, терялись в зеленых просторах колокшанской поймы...» (Солоухин В. Владимирские проселки).

В конце 50-х годов стали появляться, а с начала 60-х годов прочно входить в быт компактные транзисторные радиоприемники, работавшие на батарейках (в ряде моделей одновременно возможно было питание и от электросети). Застрельщиком опять выступил рижский радиозавод ВЭФ, выпустивший первые транзисторы «Спидола». Маленьким этот приемник назвать трудно, но все же он был переносной, со специальной ручкой, в обтекаемом металлическом корпусе, с большим верньером и разметкой шкалы; он даже принимал короткие волны. Поток «транзисторов» стал быстро нарастать, разных моделей, вплоть до крохотного, помещавшегося на ладони «Альпиниста». Прием на выдвижную телескопическую антенну был вполне приличным, хотя диапазон принимаемых волн был ограничен. В первые годы «транзистор», особенно имевший кожаный чехол с ремешком для ношения через плечо, был предметом щегольства, и «пижоны» вечерами прогуливались с работающим приемником по улицам. Наиболее солидным из транзисторных приемников был довольно массивный и тяжелый «Океан» в эбонитовом корпусе, с никелированными деталями, который хорошо брал волны всего диапазона, в том числе по нему слушали и «забугорное радио», приобретшее большую популярность среди советских людей эпохи «застоя» («Есть обычай на Руси ночью слушать Би-би-си»).

Телевидение вторгается в советский быт во второй половине 50-х годов. Первая модель советского телевизора, еще лампового, представляла собой довольно громоздкий ящик с крохотным экраном; для просматривания передач пока единственной программы приходилось пользоваться большой выпуклой пустотелой плексигласовой линзой, которая заполнялась дистиллированной водой и устанавливалась на ножках перед экраном, увеличивая (и искажая) изображение. Но уже к концу 50-х годов появились более совершенные модели телеаппаратов с относительно большим экраном, уже не предусматривавшим применения линзы: «Старт» и др., а также громоздкий цветной телевизор «Рубин». В этот ранний период телеаппарат хотя и был доступен, но стоил дорого, имелся не во всех семьях, и в первые годы собирал у голубого экрана не только всю семью, но и соседей и друзей, смотревших буквально все подряд: кино на дому было диковинкой. Наружные телеантенны сначала устанавливались только знатоками-любителями, и обычно использовали разной конструкции комнатные раздвижные телескопические антенны, которые приходилось для улучшения изображения поворачивать на мачту телепередатчика. В 70–80-е годы телеаппараты советского производства стали более совершенными, на транзисторных платах вместо ламп, более компактными, а на домах стали устанавливаться уличные коллективные телеантенны.

Такое популярное средство связи, как телефон, также появилось до революции. В советскую эпоху пришли аппараты старой конструкции, настенные и настольные, довольно громоздкие, в деревянных корпусах, с никелированными звонками. Автоматические телефонные станции (АТС) внедрялись очень медленно, и на телефонных станциях для соединения телефонистки втыкали штекер шнура от звонившего телефона в соответствующее вызываемому номеру гнездо. Так что сначала требовалось вызвать телефонистку на станции. Для этого нужно было несколько раз прокрутить небольшую ручку сбоку телефонного аппарата и на ответ телефонистки назвать требуемый номер. После окончания разговора снова крутили ручку, чтобы дать отбой, после чего телефонистка выдергивала штекер из гнезда. Кое-где такие аппараты причудливой формы сохранялись еще после войны. Но их стали вытеснять довольно тяжелые, хотя и небольшие аппараты в эбонитовых корпусах, а телефонистка на коммутаторе откликалась после снятия трубки, после чего нужно было назвать нужный номер телефона. В Москве накануне войны, а в провинции в 50-е годы стали вводиться АТС, а на аппаратах появились диски с буквенными и цифровыми

обозначениями номеров (первые телефонные номера имели буквенные индексы). Это позволило установить на улицах больших городов таксофоны в еще редких пока громоздких телефонных будках, деревянных, окрашенных охрой, с минимальным остеклением. В 60-е годы стали вводиться как новые будки таксофонов, с металлическим каркасом и широким остеклением, так и новые аппараты таксофонов. Буквенные индексы номеров с аппаратов исчезли, а сами аппараты стали делаться из белого пластика, легкие, небольшие, изящные, обтекаемой формы.

Домашние музыкальные инструменты. Музыкальные инструменты были чрезвычайно широко распространены в быту с дореволюционных времен, и в стране имелось развитое их производство, как кустарное, так и фабричное. В СССР имело место только фабричное производство инструментов. На первом месте стояла весьма популярная гармонь, некогда пришедшая в Россию с немецкими мастеровыми и здесь переработанная, так что имелось большое количество местных разновидностей гармошки: ливенка, тальянка и т. д. Гармони были сравнительно недороги и доступны, так что в каждой деревне имелся хотя бы один гармонист. Более редким и дорогим, также созданным в России инструментом, был баян. И уж совсем редким в довоенный период музыкальным инструментом был аккордеон. Однако в конце войны и сразу после нее в страну попало огромное количество трофейных немецких аккордеонов, а в 50-е годы развернулось и их производство. После войны многочисленные инвалиды, прежде всего потерявшие зрение, зарабатывали себе игрой на баянах и аккордеонах по поездкам, вокзалам, на рынках и т. д. Тем не менее при всей распространенности эти инструменты имели особый статус, так что в квартирах, разумеется, в социальных низах, их нередко выставляли без чехлов напоказ, например, на комод, в качестве своеобразного украшения интерьера.

Зато такой широко распространенный в прошлом русский народный инструмент, как балалайка, быстро терял свою популярность как инструмент деревенский. В послевоенный период, особенно в 60–70-е годы, балалайка превратилась в инструмент профессиональных музыкантов из оркестров народных инструментов. В еще большей степени это относится к мандолине, хотя и не народному, но и в прошлом малораспространенному инструменту.

Все большее место в квартирах советских людей, особенно с 50-х годов, занимало пианино. Учить детей музыке стало хорошим тоном, это было престижно, и в то же время не слишком накладно, поскольку повсюду в городах открывались музыкальные школы. Старые,

дореволюционные инструменты, преимущественно заграничного производства, не выдерживая давления сложного советского времени, постепенно уходили в небытие. Зато довольно много качественных немецких пианино оказалось в СССР в результате Великой Отечественной войны, хотя перевозка такого «трофея» была доступна, конечно, не солдатам и даже не младшим офицерам. С 50-х годов началось поступление в СССР пианино немецкого производства из «братской» ГДР. А кроме того, и советская промышленность освоила производство недорогих, хотя и не слишком качественных инструментов фабрики «Красный Октябрь». Пианино можно было увидеть в квартирах самых «простых советских людей», где имелись дети. Обучение игре на скрипке, а тем более на виолончели особого распространения не получило.

Одним из самых распространенных музыкальных инструментов в СССР, поначалу только в городской среде, стала гитара. Этот инструмент был популярен в России и в дореволюционный период, особенно среди горожан невысокого разбора: мещанства, мелкого и среднего купечества, мелких чиновников, небогатых помещиков, офицеров и пр. Недаром этот некогда итальянский инструмент был переработан в России, получив седьмую струну. Гитара сохранила свое место среди горожан среднего положения и в советский период. Но судьба ее была неоднозначна: периодически она подвергалась гонениям. Сначала на нее обрушилась «комсомолия» в 20 — начале 30-х годов как на инструмент мещанский, мешающий советским людям изживать пережитки прошлого и отвлекающий от общественной работы и строительства социализма. Потом на нее обрушилась советская сатирическая и молодежная (и не только) печать во второй половине 50-х годов: вновь невинная гитара с пышным бантом на грифе стала символом мещанства наряду с канарейкой и фикусом: ведь теперь она мешала молодежи отправляться в необжитые места по призыву партии и комсомола и строить коммунизм. Но... по иронии судьбы эти инвективы не только не погубили гитару, но, напротив, она неожиданно приобрела бешеную популярность среди молодежи. Правда, она потеряла и бант, и почетное место в квартире, где висела на стене. Теперь она скромно стояла в уголке или лежала на диване. С конца 50-х годов необычайное распространение получил самостоятельный туризм, и гитару можно было увидеть в любой молодежной компании с рюкзаками и в штормовках. В это же время массы молодежи отправлялись в студенческие строительные отряды на огромные стройки в Сибирь или на целину, и опять гитара становилась их неизменным спутником. Наконец,

с конца 50-х, а особенно в 60-х годах чрезвычайно популярными стали самодельные «бардовские» песни Ю. Кукина, Ю. Кима, Б. Окуджавы, а подлинным королем такой песни под гитару стал В. Высоцкий. Стали возникать многочисленные клубы самодельной песни (КСП), и в 70–80-е годы полунеофициально проводились грандиозные фестивали КСП. Наконец, существенную роль в популяризации гитары, но уже не простой, а электрогитары, сыграло появление многочисленных ВИА, вокально-инструментальных ансамблей, а особенно колоссальная популярность ансамбля «Битлз». Самоучители игры на гитаре стали одним из массовых видов изданий и печатались в самых массовых журналах типа «Наука и жизнь».

Бытовая тара. Самым распространенным хозяйственным предметом, бывшим в каждой семье, и даже не в единственном экземпляре, была «авоська». Это чисто советское явление, порожденное постоянным тотальным дефицитом, а его название чисто русское, от характерного российского «авось». Авоська — это компактная, но сильно растягивавшаяся сетка из толстых эластичных нитей, связанная кустарным способом в форме мешка с двумя ручками, плетеными из тех же нитей. Пустая авоська собиралась в небольшой жгутик и укладывалась в карман — на авось: авось по дороге встретится магазин, в котором «выкинут» («выбросят» — характерные советские выражения) какой-либо «дефицит»: свежие огурцы или белый хлеб, апельсины или морковь, соленую треску или сливочное масло — для каждого периода советской истории и для разных местностей страны был «свой» дефицит. Со временем эти авоськи от употребления растягивались, пачкались, линяли от стирки и заменялись новыми: стоили они очень недорого. В 60-е годы появились более изящные и компактные авоськи: с мелкой ячейкой, вязанные из синтетических тонких, но прочных нитей; нередко они крепились нижней частью к широкой и неглубокой голубой пластиковой чашечке и, укладываясь в нее, закрывались такой же крышечкой. Такая авоська, занимая немного места, клалась в карман пиджака или в дамскую сумочку и не портила вида хозяина.

Антиподом авоськи служила большая хозяйственная сумка, или **кошелка**. Шились сумки на фабриках из кирзы, клеенки, а более щеголеватые — из кусочков разноцветной кожи, имели прочные ручки — кожаные, клеенчатые или из брезентового ремня. Внутри вшивался небольшой карман для мелочей: ключей, кошелька, той же авоськи. Сверху они закрывались пришитым клапаном или были открыты: напращивающиеся сюда замки «молния» были еще редки и ненадежны.

Дорожной тарой были чемоданы. Простейший народный «чумадан» был самодельный: фанерный, на прочном каркасе из брусков, с ручкой из толстой сталистой проволоки или прибитого гвоздями куска ремня, кожаного или брезентового. Закрывались они, на пробой с накидывающейся петлей, обычным замком. Иногда эти чемоданы, обычно покрашенные черной краской, обивались для прочности по углам железными пластинками. А для надежности в дороге иной раз обвязывались простой веревкой: ручки могли не выдержать тяжести чемодана. Такие чемоданы в провинции можно было встретить еще в 50-е годы.

Более щеголеватым был фибровый чемодан фабричного производства. Их изготовление началось еще до революции на специальных чемоданных фабриках. Фибра в данном случае — очень плотный прессованный картон. Наружная поверхность могла быть гладкой либо же на ней был тисненый орнамент в виде неправильной формы частых мелких желобков. Сверху такие чемоданы покрывались крепким лаком, черным или коричневым. Были и фибровые чемоданы, обтягивавшиеся клеенкой. Изнутри чемодан оклеивался цветной, чаще всего зеленой бумагой. Петли были никелированные, по углам чемодан обивался никелированными штампованными наугольниками. Ручка на никелированных петлях была жесткая, округлой формы, покрытая клеенкой. Закрывались эти чемоданы на два (маленькие — на один) никелированных наружных замка с язычками, сдвигавшимися в стороны запорами и простенькими внутренними запорными механизмами с маленькими ключиками.

Поскольку ключики часто терялись, такой замок при небольшом умении можно было открыть и закрыть кусочком изогнутой проволоки или гвоздиком. Для сбережения лака почти до конца 50-х годов фибровые чемоданы, как правило, возили в чехлах из плотного неотбеленного серого льняного холста; чехлы застегивались на пуговицы.

Примерно с конца 50-х годов в связи с появлением и развитием зарубежного туризма и заграничными командировками в страну проникают изящные чемоданы иностранного производства, из дерматина либо синтетических материалов, имитировавших толстую кожу, с внутренней матерчатой подкладкой и подшитыми к ней карманами, с двумя внутренними ремнями, прижимавшими вещи, застегивавшиеся на молнии. В 20–30-е годы, как остатки прежней роскоши или принадлежность быта немногих счастливых, имевших возможность выезжать за границу, в основном из социальной верхушки, употреблялись и настоящие кожаные чемоданы.

Говоря о чемоданах, нужно упомянуть и вошедшие в молодежную моду в 50 — начале 60-х годов небольшие картонные, обтянутые клеенкой чемоданчики, с которыми ходили старшеклассники и студенты, а спортсмены носили тренировочные принадлежности.

Дамы (то есть женщины, принадлежавшие к социальной верхушке или претендовавшие на это) носили довольно большие ридикюли — мягкие клеенчатые сумки, закрывавшиеся на простой никелированный замочек в виде двух стерженьков с шариками на конце. С конца 50–60-х годов в женский быт входят косметички — небольшие клеенчатые сумочки на молнии, укладывавшиеся в дамскую сумку.

Советские служащие широко пользовались портфелями, в зависимости от статуса — клеенчатыми, дерматиновыми или даже кожаными. Они имели два-три отделения и жесткую ручку на никелированных петлях и закрывались на небольшие никелированные замки, как на фибровых чемоданах. Параллельно с портфелями с 50-х годов все чаще употреблялись папки, закрывавшиеся на молнию или с помощью жесткого язычка, продевавшегося в хомутик. В первом случае они имели также два-три отделения, во втором — бумаги прижимались тремя откидывавшимися клапанами.

Учащиеся (школьники и студенты) также пользовались портфелями, а с 60-х годов все чаще — папками. Поскольку для школьников младших классов портфель служил не только по прямому назначению, но на них скатывались зимой с ледяных горок, ими дрались, постольку эти портфели, особенно клеенчатые, редко выдерживали срок эксплуатации более года, превращаясь в тряпку.

В 30-е годы в связи с милитаризацией страны, а особенно в послевоенный период учащаяся молодежь, начиная от школьников, а также и взрослые служащие невысокого статуса (фининспекторы, заготовители и пр.) нередко пользовались офицерскими планшетами и полевыми сумками — кожаными, чаще же — кирзовыми или комбинированными (кирза и свиная кожа; такие сумки продавались и в магазинах) на длинных кожаных ремешках. Сумки имели два отделения, а под большим клапаном, закрывавшимся на кожаный язычок, были нашиты гнезда для ручек и карандашей и прочих мелочей.

Хотя школьные ранцы (кожаные, а чаще жесткие картонные, обтянутые клеенкой) были известны с дореволюционного времени (тогда их ношение было обязательным), большой популярностью среди советских школьников они не пользовались — из-за дороговизны, частого отсутствия в торговле и неудобства пользования, особенно

в драках и катании с горок. Кажется, их ношение, особенно в больших городах (Москва, Ленинград) приветствовалось школьной администрацией, но без настойчивости. В широкое употребление школьные ранцы вошли уже в последний период существования советской власти — в 70–80-х годах, причем стали появляться яркие ранцы из комбинированных материалов, со множеством отделений и кармашков, на молниях.

Антиподом ранцев и портфелей до середины 50-х годов, особенно в глубокой провинции и в сельских школах, были самодельные сумки-торбы в виде плоского мешка на большой лямке для ношения через плечо, с клапаном, застегивавшимся на пуговицу. Шили их дома, из обычных домашних тканей, например, из сатина темных цветов (черного, синего).

Домашние цветы. Домашние цветы издавна занимали видное место в жилых интерьерах в домах разных слоев общества — от домишек городского мещанства и ремесленников до аристократических особняков. В деревне ввиду особого образа жизни крестьянства, постоянно занятого в хозяйстве, домашние цветы были редкостью.

Эта традиция сохранилась и в советское время. При этом до конца 50-х годов, а отчасти и десятилетиями позднее, в основном сохранялся и набор домашних цветов, свойственный тем или иным слоям общества. В основной массе городского населения (рабочие, мелкие служащие и т. п.), соответствовавшей по своему статусу прежнему мещанству, наиболее популярными оставались герани различных оттенков — от белой и слабо-розовой до ярко-красной. За геранью по популярности следовал «ванька мокрый» — народное название бальзамина. Популярность этих цветов можно объяснить как их неприхотливостью и выносливостью, так и ярким цветом пышных цветов герани, что характерно для народной эстетики вообще. Из цветов, выставлявшихся на подоконниках, некоторую роль играла одна из разновидностей фиалки. Наряду с ней шла «невеста» — цветок со свисающими мелколистными стеблями, в пору цветения густо усыпанный крупными белыми «звездочками». Часто можно было встретить и «столетник» — алоэ, который, правда, не цвел, но зато широко использовался в домашней медицине.

В домах социальной верхушки, имевшей более или менее просторное жилье, намного чаще встречались крупные растения, высаживавшиеся в большие ящики и бочонки, стоявшие на полу на подставках или просто на табуретах. Пожалуй, наиболее популярным был фикус с его большими кожистыми листьями. Огромные фикусы нередко были гор-

достью хозяек, хотя фикус и не цветет. Значительно реже встречались монстеры с огромными фигурными листьями — в некотором роде признак аристократизма (в советском смысле слова) семейства. Довольно часты были домашние розы, «розаны», с крупными красными цветами; они попадались даже в жилищах людей невысокого положения. Значительно более редкими были домашние клены: с небольшими лапчатыми листьями, напоминающими кленовые, и с желтыми цветами в форме колокольчика. Наконец, сравнительно часто попадались, в основном в верхних социальных слоях, аспарагус — дающее пышные плети растение с мелкими, напоминающими еловые иглы, частыми листочками, традиция с ее длинными свисающими побегами, украшенными небольшими листьями, и, на окнах, бегония. Остальные цветы, особенно требовавшие тщательного ухода, встречались реже.

В 50-е годы в связи с радикальными переменами в быту, вызванными массовым жилым крупноблочным и панельным домостроением, а также изменением идеологического климата в стране (так называемая хрущевская «оттепель»), герани и фикусы были объявлены наряду с громоздкой мебелью, салфетками, вышитыми дорожками и канарейками пережитком мещанства и пали жертвой идеологической пропаганды. На подоконниках герань и «ваньку мокрого» сменили кактусы и суккуленты. При этом любители обзаводились целыми коллекциями кактусов и даже добивались их цветения. Правда, это поветрие охватило в основном крупные города и тот слой общества, который именовался интеллигенцией. В городских низах, особенно в провинции, сохранились домашние фиалки, «невеста», а отчасти и герань.

Говоря о цветах в интерьерах жилищ, нельзя не упомянуть о таком чисто советском явлении, как цветы искусственные. Переходными к ним были засушенные цветы бессмертника. На протяжении десятилетий искусственные цветы были исключительно бумажными, из папиросной бумаги, окрашенной в разные цвета. Их букетики ставили в вазочки, совали за портреты членов семьи или, у кого они сохранялись, за иконы. Уже на излете советской истории стали появляться (и в больших количествах) пластмассовые искусственные цветы, обычно с длинными побегами-плетями. Их развешивали по стенам в таких же ярких пластмассовых кашпо.

Наряду с искусственными цветами чуть ли не до 80-х годов в домах можно было увидеть засушенные снопики ковыля с окрашенными в разные цвета (голубой, розовый, зеленый) пышными колосками.

Бедность быта, связанная с пренебрежением властью нуждами народа, особенно ярко проявилась в цветочной посуде. В городских ни-

зах цветы обычно высаживались в большие жестяные банки из-под сгущенного молока (его огромное количество поставлялось в СССР из США в порядке ленд-лиза); эти банки обвязывались бумагой, нередко газетной, вырезанной ножницами в виде простейшего орнамента. Широко употреблялись и обычные прохудившиеся чугунки и кастрюли, причем предпочитались все же эмалированные, с каким-либо простеньким рисунком в виде цветочка. В употреблении были и глиняные горшки. В 50-е годы в продаже стали появляться кустарно выполненные кашпо на ножках, с поддоном, а в 60-е годы все чаще стали употребляться пластмассовые и керамические горшки и кашпо разного размера.

Живые цветы могли находиться не только в жилых квартирах, но и в некоторых учреждениях, особенно небольших и где работали в основном женщины, например, в сберегательных кассах, на почте и т. п. Обычно это были крупные и неприхотливые формы: фикусы, изредка олеандры, розаны и т. д. К концу советского периода популярность приобрели папирус и пальмы. Такие цветы нередко были в школах, прежде всего в учительских комнатах, в вузах — даже в холлах и коридорах, особенно в тех их частях, где находились ректорат и деканаты, в научных учреждениях — в приемных дирекции.

Детские игрушки. Детские игрушки советской эпохи, как и положено в стране тотальной идеологии, преимущественно несли сильную идеологическую нагрузку. На это направление наложили сильнейший отпечаток военные события 1939–1945 годов, когда мальчишки стали играть почти исключительно «военными» игрушками. Собственно, это была старая традиция, поскольку для мальчиков и в дореволюционный период продавались наборы оловянных и деревянных раскрашенных солдатиков, картонные или жестяные латы и шлемы, деревянные или жестяные мечи и сабли, стрелявшие сухим горохом деревянные пушки, маленькие деревянные ружья и пр.

Уже в послевоенный период довольно распространенными стали заводные механические игрушки из жести: автомобили («полуторка» и ЗИС-5), броневики, танки, мотоциклы с военным мотоциклистом и с коляской. У танков и броневиков в башне под пушкой или пулеметом располагался механизм с «камешком», как в зажигалке, так что на ходу из-под этого «оружия» вылетали искры. Пружинный механизм, приводивший игрушку в движение, заводился небольшим, штампованным из жести ключом. Ключи быстро терялись либо лопалась пружина, так что игрушки передвигались самим владельцем, испускавшим урчание. Изредка попадались и жестяные самолеты, например У-2,

разумеется, не летавшие. Сравнительно многочисленными были жестяные пушки с пружинным механизмом, которые могли стрелять сухим горохом. Особенностью всех этих игрушек было почти точное воспроизведение подлинных машин и их окраска в защитный цвет.

Еще в довоенный период выпускались литые из олова, блестящие револьверы, воспроизводившие форму нагана и стрелявшие пробками. Однако это была дорогая и довольно редкая игрушка, имевшаяся лишь у немногих счастливых. Изредка они встречались и после войны. Широко распространены были штампованные жестяные пистолеты. Они были двух типов. Один, довольно примитивный и не похожий ни на один вид подлинного оружия, небольшой, имел простейший механизм в виде отводившегося назад на пружинке курка со спуском. В рукоять закладывалась скрученная в рулончик склеенная вдвое лента из оберточной бумаги, в которую периодически вклеивалась лепешечка, смесь серы и селитры. При спуске курка эта смесь от удара взрывалась. Другой тип пистолетов, довольно точно воспроизводивший формы и размеры пистолетов ТТ или «Вальтер», имел в стволе пружину и при спуске «стрелял» короткой палочкой с резиновой присоской на конце. В конце 40 — начале 50-х годов в продаже были деревянные «автоматы», более или менее точно воспроизводившие формы и окраску пистолетов-пулеметов ППД или ППШ с круглым диском. Они снабжались трещёткой, которая при вращении небольшой рукоятки с правой стороны замка издавала звук, напоминавший очередь выстрелов. Тогда же продавались шашки и кинжалы в ножнах из папье-маше. Клинок был из тонкой деревянной пластины, окрашенной «серебрянкой», рукоять гипсовая с тиснением и окраской, имитировавшей желобки на рукояти и «драгоценные камни»; так же раскрашивались и ножны. Но это были сравнительно дорогие игрушки, особенно шашки.

Традиционные оловянные солдатики, воспроизводившие форму солдат и офицеров Красной армии, имелись далеко не у всех детей, поскольку для игры требовался большой набор солдатиков, а это было уже дорого. Все фигурки изображались в движении: бросающими гранату, стреляющими, идущими в атаку. Изредка попадались и пулеметчики, лежавшие за пулеметом «Максим». В конце 70 — в 80-х годах в продаже появились дешевые солдатики из зеленой пластмассы, довольно низкого качества и неустойчивые.

В 60–70-х годах многочисленными стали игрушечные ружья, преимущественно охотничьи двустволки с деревянным ложем и жестяными стволами, со взводящимися курками. Тогда же в производство дет-

ских игрушек, в том числе ружей и пистолетов, начинают вторгаться пластмассы с блестящим металлизированным покрытием.

«Мирные» детские игрушки были такими же, как до революции. Это были продававшиеся с 20-х годов раскрашенные кони-качалки из папье-маше, довольно дорогие и редкие, а также раскрашенные и помещенные на деревянной подставке с деревянными же колесиками лошади, козлики, собаки; утки с деревянными колесиками в брюхе, выклеенные из папье-маше и одуряюще пахнувшие клеем. Промкооперация, а затем местная промышленность выпускала огромное количество разных деревянных игрушек-каталок, ярко окрашенных, с растительным орнаментом: ветряных мельниц с вращающимися крыльями, колесных пароходов с вращающимися колесами и т. д.; обычно они снабжались длинными ручками-палочками, позволявшими ребенку катить их. Для детей самого младшего возраста изготовлялись деревянные и целлулоидные погремушки, точеные деревянные пирамидки в виде колец разного размера, надевавшихся на стержень с подставкой, а также деревянные кубики, оклеенные бумагой с крупными буквами и изображением предметов, названия которых начинались на эту букву, а также с фрагментами небольшой картинки на темы русских сказок. Многочисленны были ярко раскрашенные деревянные, с 50-х годов целлулоидные «Ваньки-встаньки», или «неваляшки»; последние изготовлялись с небольшим колокольчиком внутри. Делались ярко раскрашенные, с орнаментом, довольно условные пневматические «пистолеты», стрелявшие деревянным шариком на шнурке. В продаже были и маленькие детские лопатки и совки — жестяные, с ярко окрашенными деревянными ручками. Жестяными были и формочки для игры в песке. Многочисленными были музыкальные игрушки, а именно фанерные шарманки в виде ярко раскрашенного цилиндра с ручкой, при вращении которой шарманка издавала дребезжаще-звонящие звуки разной тональности, фанерные барабаны, деревянные дудочки. Из дореволюционных времен пришли бумажные «тещины языки» и шарики «уйди-уйди» с деревянными пищалками. *«Возле входа в Зоосад стояли продавцы самодельных игрушек. У одного из них на длинных витых проволочках вздрагивали и приплясывали красноголовые обезьянки с туловищами из кроличьего меха и с конечностями из пружинки. Продающий выкрикивал:*

— А вот балерина Фока, танцует без отдыха, без срока!

Другой предлагал прохожим приобрести “тещин язык” — яркую бумажную трубочку, совсем небольшую; стоило приложить ее к губам и подуть в нее — трубочка вырастала, удлинялась, раздваивалась

на конце, как змеиный язык, и начинала верещать довольно противно. Еще интереснее был “морской черт, или подводный американский житель”: в стеклянной, запаянной наглухо пробирке плавал черный круглоголовый рогатый чертик с зелеными глазами; когда вы чуть наклоняли склянку, он тотчас же всплывал вверх, — в этом и заключался весь фокус. Помню и такую забавную штучку — “уйди-уйди”, ее всегда продавали на вербных базарах: к короткому деревянному мундштуку прикреплена сморщенная резина; дуешь в мундштучок — и на конце его возникает шар; перестаешь дуть, то закрываешь, то открываешь отверстие в мундштуке, и воздух, выбиваясь из шара, издает тихий, гнусавый, ноющий звук, в котором действительно слышится “уйди, уйди”. Случались дни, когда, едва выйдешь на улицу, — сразу со всех сторон доносится это прерывистое, пронзительное нытье. Мы, мальчишки, пицалку эту обожали, девчонки ее презирали, а взрослые прямо-таки терпеть ее не могли» (Шефнер В. Имя для птицы).

Более дорогими и редкими даже в послевоенные годы были целлулоидные игрушки, например, довольно большие лодки, маленькие макеты легковых автомобилей и пр. И, разумеется, в большом количестве изготавливались мячи, маленькие, литые и клееные, и довольно большие, клееные, все ярко раскрашенные. Большие мячи обычно продавались в длинных шелковых сетках. Чрезвычайно популярны были дешевые калейдоскопы в картонных трубочках, с мелкими осколками цветного стекла.

Особо можно отметить домашние театры — наборы типографски отпечатанных листов, из которых вырезались фигурки персонажей детских сказок на картонных подставках, кулисы, задники и занавесы.

Не вполне ясно происхождение больших наборов деревянных, окрашенных анилином кубиков, цилиндров, пирамидок, брусочков, из которых можно было строить целые крепости. Не исключено, что их адресно делали на предприятиях, шефствовавших над детскими учреждениями (например, у заводов были «свои» детские сады, снабжавшиеся из ОРСов).

В 60-е годы довольно трудоемкие и непрочные кони-качалки и каталки из папье-маше сменились деревянными, точнее, вырезанными из толстой фанеры и раскрашенными, в том числе «под хохлому». В большом количестве производились довольно большие деревянные грузовые автомобили из планок, ярко раскрашенные анилиновыми и эмалевыми красками. Тогда же стали продаваться большие штампованные жестяные автомашины разных марок, легковые и грузовые, в том числе само-

свалы с поднимающимся кузовом, экскаваторы, бульдозеры. В целом игрушки второй половины XX века стали сложнее и дороже (впрочем, повысился и уровень материальной жизни народа), но представляется, что с огосударствлением в 1960 году Промкооперации номенклатура игрушек, во всяком случае для младших возрастов, стала беднее, а широкое внедрение пластмасс привело к снижению их качества.

Что касается игрушек для девочек, то это на всем протяжении советской эпохи были почти исключительно куклы. Были куклы гуттаперчевые, фаянсовые, из папье-маше, целлулоидные, тряпичные с пластмассовыми головками, ручками и ножками и т. д. Были куклы одетые и куклы-голыши, большие, чуть не в половину роста ребенка, и крохотные «пупсики». Помимо традиционных кукол в виде мальчиков и девочек изготавливались куклы-пионеры, пограничники, полярники и пр. В 20–30-х годах *«больших целлулоидных младенцев-голышей не было в магазинах, они были недостижимой роскошью. Наши пупсы были глиняные и очень тяжелые. У них была большая круглая голова с нарисованными волосами, нос представлял некоторую выпуклость, так же как и уши, голубые глаза находились в маленьких впадинах, ручки и ножки — согнутые. Ноги соединялись проходящей сквозь внутренность тела резинкой с головой, руки — друг с другом. Пупсы продавались голые. Тане и Золе купили по пупсу, мне захотелось такого же. Пупсы быстро ломались: у них отскакивали голова и ноги, и приходилось нести их чинить в Столешников переулочек. Можно было самим связывать голову с ногами, но мы не умели затянуть резинку, и голова пупса свешивалась набок, а ноги болтались на веревочках, отделенные от туловища. Пупсы разбивались при неудачном падении, так что состав пупсов обновился в нашей квартире два или три раза»* (Шор Е.Н. *Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей*).

Кроме того, в большом количестве изготавливалась кукольная посуда: фарфоровая, металлическая, деревянная, позже — пластмассовая, а также деревянная кукольная мебель, в основном кровати, столы и стулья.

С 70-х годов в СССР в огромном количестве ввозилась детская игрушка из ГДР. И здесь необходимо отметить большие «строительные» наборы из миниатюрных пластмассовых деталей, позволявшие возводить довольно большие панельные дома.

Хотя следующий материал лишь с большой долей условности можно отнести к игрушкам, упомянуть о нем необходимо. Большое внимание как до, так и после войны уделялось детскому техническому твор-

честву. И в продаже находились наборы деталей и материалов для простейшего судомоделизма (бронекатеров и т. п.) и авиамоделизма (планеры и простейшие резиномоторные модели) с чертежами, а также наборы юного радиолюбителя. Стоило все это недорого, поскольку в основном производилось из отходов.

И, разумеется, в огромном количестве изготавливались самими детьми и их родителями разнообразные самодельные игрушки: лодки и корабли, самолеты и автомашины, различное «оружие», в том числе луки со стрелами и пр. В ту пору, когда большая часть населения проживала в собственных домах с печным отоплением и с огородами, в материале для таких игрушек недостатка не было, а дети с ранних лет приучались к самостоятельности и владению простейшими инструментами. Правда, и играть они прекращали довольно рано.

Елочные игрушки. В последние годы в обществе пробудился интерес к старой советской елочной игрушке, ставшей популярным предметом коллекционирования. Она хорошо отражает характер советского быта. Следует иметь в виду, что в 20-е, отчасти в 30-е годы в советской стране шла ожесточенная борьба за новый, социалистический быт и, соответственно, ликвидацию пережитков и следов старого быта, особенно имевших религиозный оттенок. Елка же была явлением не новогоднего праздника (Новый год как праздник имел до революции второстепенное значение), а празднования Рождества Христова. И, естественно, вскоре после революции она была запрещена. Мемуаристы отмечают, что в немногих семьях, осмеливавшихся ставить елку, делалось это втайне от соседей и случайных или неслучайных соглядатаев (комсомольцы в рождественские дни заглядывали в окна домов), тщательно занавешивались окна, а деревце устанавливалось маленькое, чтобы не бросалось в глаза и его можно было спрятать.

Однако с середины 30-х годов, когда наметился идеологический поворот, елка получила права гражданства. В 1935 году в «Правде» появилась статья П. Постышева, возглавлявшего тогда компартию Украины, призывавшая подарить детям хороший новогодний праздник. Так елка стала символом уже не Рождества, а Нового года. При этом она стала получать все более широкое распространение: до революции елку устанавливали преимущественно в достаточно зажиточных и образованных семействах, теперь же она вошла в дома не слишком богатые, в том числе и в крестьянские избы.

Естественно, советская промышленность начала изготовление елочных игрушек. Несмотря на уже отмеченный идеологический поворот, а именно постепенное обращение к истории страны и историче-

ским традициям, эти игрушки несли значительную идеологическую нагрузку. Нейтральные шары и золоченые орехи стали вытесняться более «содержательными» сюжетами: появились дирижабли и стратостаты (в прессе бурно отмечался полет первого советского стратостата в стратосферу) с надписью «СССР» и красной звездой, палатка папанинцев на льдине, краснозвездные самолеты, трактора, фигурки пионеров в красных галстуках и т. д. Макушку елки украшала теперь не Вифлеемская серебряная звезда, отмечавшая место рождения Христа, а Красная звезда. Но в послевоенный период эта советская символика постепенно стала вытесняться более нейтральными сюжетами (фигурки сказочных зверушек, фрукты, золоченые орехи, грибочки, желуди, сосульки и пр.) и даже совершенно бессодержательными «фонариками», шарами, бусами, «дождем» и т. д. А для украшения маков елок все чаще стал употребляться стеклянный шпиль.

Елочные игрушки советского периода по материалу разделялись на несколько групп. Во-первых, стеклянные объемные игрушки, изнутри покрытые серебристой или золотистой краской, а иногда и матовые, с бежевой и т. п. окраской. Количество их было сравнительно невелико как ввиду слабости промышленности, так и вследствие их относительно дороговизны. В небогатых семействах стеклянных игрушек было всего лишь по несколько штук, и они накапливались постепенно (чему препятствовала их хрупкость). Во-вторых, это были скрученные из ваты, проклеенные и окрашенные, а иногда и присыпанные блестками игрушки. Особенно часто они изображали фрукты и овощи (яблоки, груши, морковку и пр.), причем снабжались зеленым листиком из клеенки или иного эластичного материала. В-третьих, штампованные, слегка выпуклые картонные игрушки. Они бывали как односторонние, так и клеенные двухсторонние. Картон покрывался серебряной или золотой краской и иногда по этому фону слегка прописывался яркими цветными красками. Это могли быть цапли, петухи, лисички, собачки, зайчики, головы клоунов в колпаках, автомобили и т. д. В-четвертых, уже в послевоенный период появились объемные игрушки, штампованные из тонкой фольги, иногда склеенные в сложные композиции (так называемые фонарики) и покрытые яркими красками. В начале 50-х годов стала все шире употребляться канитель, изображавшая «дождик» или крепившаяся к какой-либо композиции из других материалов, например, в виде кометы. Сначала канитель была металлическая, «золотого» цвета, довольно жесткая, быстро тускневшая, и лишь в 70-е годы в употребление вошла канитель из синтетических окрашенных материалов. Необходимо также отметить бумажные (из плотной

бумаги или тонкого картона) гирлянды разноцветных флажков и такие же цепи. Наконец, распространены были новогодние хлопушки, выбрасывавшие конфетти. Это были короткие толстые картонные трубочки, ярко окрашенные, с вклеенной в доньшко петелькой из нитки; при выдергивании нитки раздавался хлопок, из трубочки вылетал фонтан ярких цветных конфетти и выползал сернистый дымок. Бывали и более затейливые хлопушки в виде большой конфеты. Бенгальские огни, сопровождавшие праздник Нового года, появились довольно поздно — в 70-е годы.

Гирлянды фонариков были довольно редки и довольно примитивны: к проводам просто крепились миниатюрные патроны, в которые вворачивались бесцветные или окрашенные в разные цвета миниатюрные лампочки для карманных фонариков. В 60-е, а преимущественно в 70-е годы они получили яркие фигурные крохотные «абажуры» в форме пламени свечи или маленького уличного фонаря. До того на кончиках ветвей устанавливались обычные небольшие свечки, под которые продавались металлические подсвечники с зажимами на пружинах. Однако ввиду протестов служб противопожарной безопасности эта практика быстро вывелась и в послевоенный период такие свечедержатели и свечи в продажу не поступали.

Новогодний Дед Мороз из плотно скрученной проклеенной ваты, осыпанный блестками, был довольно дорогим украшением и имелся не во всех семьях. Но в 60-е годы появились небольшие окрашенные Деда Морозы, Снегурочки и снеговики из пенопласта. Правда, предназначались они для развешивания на ветках, для чего в маковку вдевалась петелька из нитки.

Поскольку игрушки, хотя и сравнительно недорогие, были не всем по карману, постольку елки нередко украшались самодельными игрушками: клееными из цветной или раскрашенной акварельными красками или чернилами бумаги и такими же флажками, домиками и паровозиками, склеенными из пустых спичечных коробков и раскрашенных, самостоятельно окрашенными «серебрянкой» (алюминиевая пудра) или «золотянкой» настоящими грецкими орехами, настоящими конфетами или их имитацией, склеенной из плотной бумаги на основе из картонной трубочки. А на ветви набрасывались клочки ваты, имитировавшей снег.

Внешний облик советского человека

Одежда и костюм. Различаются собственно одежда и костюм как строго определенный комплект одежды, характерный для данной социальной, культурно-образовательной, профессиональной и пр. группы. В дореволюционной России имело место четкое разделение так называемого народного костюма и городского «немецкого» костюма социальных верхов, граница между которыми «смазывалась» в промежуточных социальных группах, например, в купечестве, отчасти зажиточном мещанстве. К началу XX века в связи с разрушением сословных ограничений, ростом городского населения, повышением мобильности крестьянства и т. п. происходила и нивелировка внешнего облика людей, так что на дореволюционных фотографиях богатого крестьянина или высокооплачиваемого рабочего невозможно отличить от служащего или интеллигента. В нивелировке внешнего облика людей важную роль играла и социальная мимикрия.

Советское общество в социальном плане быстро стало аморфным, чему способствовала не только политика правительства, направленная на ликвидацию классов, особенно эксплуататорских (их уничтожали и физически), но и всеобщая бедность населения, заставлявшая носить не то, что хочется, а то, что есть, вплоть до того, что можно было увидеть одежду, сшитую из портьерных и обивочных тканей. Особенно это характерно для периода военного коммунизма. Носили традиционные русские рубахи-косоворотки, уже не из домашнего холста, а из ситца или сатина, вышитые украинские рубахи, толстовки, пиджаки, в том числе удлиненные, стеганные на вате, пальто, полушубки и бекеши, картузы, кепи, меховые треухи и шапки-финки, ушанки и пр. Видное место занимала старая военная форменная одежда, разумеется, со споротыми знаками различия: гимнастерки, френчи, кители, галифе, часто сочетавшиеся с предметами гражданской одежды. Женщины продолжали носить длинные юбки с блузками и кофтами, платки, меховые шапочки. Уцелевшие «бывшие», преимущественно женщины, обычно носили привычные одежды с длинным подолом, но мужчины нередко прибегали к социальной мимикрии, стремясь не отличаться от пролетариев. *«По одежде люди тогда делились на “бывших”, дорево-*

люционных, и новых, советских. Бабушка принадлежала к “бывшим”: ее седые волосы были зачесаны со всех сторон наверх, свернуты приплюснутым клубком и заколоты шпильками, она надевала пенсне, носила длинные юбки и блузки с длинными рукавами, ходила всегда в чулках и ставила ноги носками наружу. Но она была менее “бывшей”, чем Мария Федоровна, несмотря на одинаковую с ней прическу, — ее юбки были чуть короче и уже» (Шор Е.Н. Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей).

«Клифты» многочисленных беспризорников представляли собой отрепья взрослой одежды вплоть до женских кофт. «Вряд ли проводники медведей или холодные сапожники и прочие труженики бульваров отличались чистотой, но беспризорников нельзя было сравнить в этом отношении даже с нищими: на них были однородно коричневые лохмотья — о первоначальном их цвете нельзя было даже догадаться — и серой, в коричневых пятнах от грязи была кожа лица, рук, груди, ног. Беспризорников боялись: они бросались на тех, кто к ним приближался, а сидя на скамейке, рылись в своем тряпье и разбрасывали вокруг себя вшей» (Шор Е.Н. Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей).

Переход к НЭПу с его развитой торговлей и зачатками возрождения легкой промышленности и бытового обслуживания населения ненадолго вызвал изменения в облике толпы, во всяком случае, в крупных городах. «Характерная особенность нэповской Москвы — чрезвычайная разнородность населения. В уличной толпе почти без труда можно было определить сословную и профессиональную принадлежность людей... Роскошно одетые по последней моде нэпманы: женщины — в коротких и узких юбках, с низкой прямой талией, с челками на лбу и завитками на висках, мужчины — в шляпах, с проборами посреди темени, в узких костюмах с непременным платочком в нагрудном кармане, в гетрах поверх лакированной обуви; старые интеллигентки в батистовых шляпках, кружевных наколках на груди, в высоких шнурованных ботинках; рабочие в серых блузах и брюках, заправленных в сапоги, кто постарше — в картузах, помоложе — в кепках с большим козырьком; скромные “совслужа” в толстовках и мешковатых брюках, летом — в сандалиях; солидные старорежимные инженеры — седая борода клинышком, форменная фуражка с эмблемой — молоток и гаечный ключ крест-накрест... Партийные работники носили полувоенные формы — френчи или гимнастерки, кожаные фуражки, брюки, заправленные в сапоги... Комсомольцу появиться в шляпе или галстуке было гибели подобно — ходили в са-

мых простых одеяниях, летом — с расстегнутым воротом. Женщины-активистки — в красных косынках (противовес буржуазным шляпкам), простых ситцевых блузках или платьях, нередко набитых рисунком серпа и молота либо трактора... Некоторые комсомольцы по праздникам надевали серую полубоевую форму — юнгиштурмовку, заимствованную у немецкого комсомола. Выглядела юнгиштурмовка не очень красиво, но при бедности тогдашней обычной одежды выгодно выделяла человека в толпе. Тем более что были в ней ремни и портупеи. Помню статью в “Комсомольской правде”: девушка призналась подруге, что вступила в комсомол ради того, чтобы получить юнгиштурмовку, подруга донесла, и девушку с треском исключили из комсомола...

Мой отец — совслужащий — носил скромный костюм-тройку, но непременно с галстуком, модным в то время, — узким, в поперечную разноцветную полоску, с маленьким узлом... К белой рубашке полагалась смена воротничков, которые прикреплялись к ней с помощью особых запонок. Это мудрое устройство, ныне начисто забытое, позволяло не менять или не стирать рубашку... ежедневно. Самым страшным для меня был непременный отцовский галстук. В то время любой галстук, кроме красного, пионерского, считался признаком зажиточности и буржуазности. Парней за ношение галстуков, как и девушек за употребление косметики, безжалостно исключали из комсомола. Дворовые ребята изводили меня отцовским галстуком: “Твой отец — буржуй”...

Галстуки, шляпы, шляпки — все это считалось интеллигентщиной, а интеллигенция тогда была не в чести, ведь прослойка эта совсем недавно верой и правдой служила буржуазии... Старую интеллигенцию терпели, откуда вырастала своя рабоче-крестьянская, но не любили и не доверяли. Как-то в кино передо мной сидела пара — рабочий с женой работницей. Я подслушал, как женщина, оглядев зал перед началом сеанса, сказала мужу: “Ну и народ здесь! Сплошь гнилая интеллигенция!”. В ее тоне слышалась откровенная брезгливость» (Федосюк Ю.А. Утро красит нежным светом... Воспоминания о Москве 1920–1930-х годов).

Косоворотка с низеньким воротником-стойкой была с разрезом (пазухой) на левой стороне груди и застегивалась налево. Носили ее на выпуск, подпоясываясь ремешком или витым шнуром с кистями. Она бытовала до начала 40-х годов, а в глубокой провинции ее изредка можно было увидеть и после войны. У украинской рубашки короткий разрез был спереди. Толстовка, также употреблявшаяся до начала 40-х годов

преимущественно среди интеллигенции, представляла собой просторную длинную однобортную блузу со сплошным разрезом на пуговицах, на кокетке, с накладными боковыми карманами, иногда с бантом-складкой; носили ее с поясом из той же суровой хлопчатобумажной ткани.

Пиджаки, напоминающие современные, были как удлиненные двубортные, так и укороченные однобортные, застегивавшиеся на верхнюю пуговицу; лацканы тогдашних пиджаков были очень маленькие. Бекеша представляла собой пальто ниже колен, на барашковом меху, с таким же отложным воротником и отороченными барашком обшлагами и прорезными карманами. Традиционный русский полушубок, нагольный или крытый тканью, был довольно короткий, двубортный, на крючках, с плотно прилежавшей выкройной спинкой и отрезной юбкой со складками (борами), низким меховым воротником-стойкой и меховой оторочкой борта, подола, обшлагов и прорезных карманов. Картуз представлял собой суконную или хлопчатобумажную фуражку со сравнительно высоким околышем, небольшой тульей и козырьком: или почти горизонтальным, широким, из ткани, простеганным для жесткости, или маленьким эбонитовым, круто спускавшимся вниз. Кепи того времени отличались наушниками из той же ткани, застегивавшимися на макушке на пуговицу. Финка представляла собой меховую шапку с вертикальным передним и отгибающимся вниз задним неширокими козырями и с пуговкой на кожаном колпаке. Треух практически был той же конструкции, но задний козырь был значительно шире. Употреблялись и шапки-ушанки, не отличавшиеся от современных.

Некоторый рост материального благосостояния населения в период НЭПа привел не только к улучшению качества одежды, но и к появлению модных тенденций, разумеется, в большей степени проявившихся в женской одежде. Так, довольно сильно укоротился подол платьев, почти до колен, а сами они приобрели прямой покрой, без выделения талии (так называемый стиль чарльстон). Такие платья носили с маленькими фетровыми шлемовидными шапочками, иногда украшенными фетровыми же бантами, цветами и т. п. Разумеется, стильно могли одеться только жены и дочери более обеспеченной части населения: нэпманов, высокопоставленных советских служащих, партийно-советского руководства. Эта часть населения одевалась у собственных портных, иногда с громкими именами, как знаменитый дореволюционный и советский модельер Ламанова. Недоедая, отказывая себе во всем, молодые девушки-служащие могли позволить что-нибудь модное, например, пару контрабандных французских шелковых чулок.

Некоторая часть «стильных» молодых людей увлекается американской «гангстерской» модой на тупоносые башмаки на толстой подошве («джимми», или «шимми»), узкими, длиной до щиколоток брюками «оксфорд» (в популярной песенке пелось: «Я Колю встретила на клубной вечериночке: картину ставили “Багдадский вор”»). Оксфорд сиреневый и желтые ботиночки зажгли в душе моей пылающий костер»), клетчатыми светлыми пиджаками с подложенными ватой грудью и плечами. Нэпманы и дети хорошо оплачиваемых специалистов («гогочки») даже иногда носили шерстяные светлые клетчатые штаны-гольф до колен с чулками.

Но основная масса населения одевалась по-прежнему в то, что было: все те же пиджаки, толстовки, бекеши, кепи, юбки с кофтами или бесформенные платья без претензий. Среди мужчин-«совслужей» в моду стали входить кавказские рубахи с разрезом на множестве мелких пуговиц; их подпоясывали узким кавказским наборным ремешком с металлическими накладками и свисавшими короткими ремешками, с галифе и легкими, нередко парусиновыми сапогами. Нередко они сочетались с начавшими входить в моду среднеазиатскими тюбетейками.

Вообще до 50-х годов у мужчин по традиции не принято было ходить без головных уборов даже летом. У женщин на смену «буржуазным» шляпкам приходят береты, иногда кокетливо сдвинутые набок, иногда по-простецки натянутые на голову. Среди комсомольской молодежи и студенчества (пролетарского по происхождению: «бывших» не допускали в вузы или выбрасывали оттуда) даже проходили бурные дискуссии: может ли комсомолец носить галстук или шляпу, может ли комсомолка красить губы, украшать одежду бантиками и т. п. Советские художники-конструктивисты разрабатывали новые, созвучные эпохе, рисунки тканей: «мелкобуржуазный горошек», «мещанские цветочки» и «интеллигентскую клеточку» стали заменять ситцы с рисунками «Комсомол за работой», «Коллективизация», «Военно-морской флот», ткани украшались изображениями тракторов, заводов, аэропланов, гаечных ключей, шестеренок и т. п. И, разумеется, по-прежнему во множестве встречалась военная форма, в том числе в сочетании с гражданской одеждой. В это время советская пропаганда выдвинула идею страны-«осажденной крепости», которой якобы угрожает гибель в капиталистическом окружении. И партийное, советское и хозяйственное руководство за малыми исключениями одевалось по-военному: в галифе с сапогами, гимнастерки под широким ремнем, фуражки или картузы.

Особенностью советской одежды, преимущественно в 20–50-е годы, было появление комплектов, характерных для различных групп населения. Так, чекисты и отчасти комиссары и партийно-комсомольские работники периода Гражданской войны и последующих за нею лет носили кожаные куртки, картузы, а иногда и галифе. Их появление связано с событиями Первой мировой войны: союзники через порт Романов на Мурмане (будущий Мурманск) и Архангельск поставляли России боевую технику: самолеты, броневики, автомобили. Поставки были комплексные: вместе с запчастями, инструментами и обмундированием для летчиков и водителей — кожаным, поскольку кожа плохо впитывает масла и бензин и менее пожароопасна. К началу Гражданской войны скопились огромные массы невывезенных в центр страны запасов, которые попали в руки новой власти. Так чекисты и комиссары обзавелись добротными кожанками, а солдаты-водители обошлись обычным обмундированием.

Активистки и комсомолки повязывали красные косынки, так что в быту их нередко так и называли: «красная косынка». С возникновением пионерской организации пионеры должны были носить треугольные красные галстуки, завязывающиеся специальным узлом. Поскольку завязывать умели не все, то до конца 40-х годов использовался специальный зажим. В связи с Гражданской войной в Испании среди пионеров распространилось ношение «испанки» — легкой пилотки с кисточкой. В 70-х годах ношение «испанки» возобновилось, но не было распространено.

В конце 20 — начале 30-х годов политически активная молодежь предпочитала юнгштурмовки: перенесенную из Австрии и Германии форму молодых эмигрантов-«спартаковцев», противостоявших крепнувшему движению нацистских штурмовиков. Это была полувоенная форма: защитного цвета рубаха с накладными нагрудными карманами, галифе, сапоги, широкий кожаный ремень с портупеей.

Разного рода «ответственные работники», начиная с председателей колхозов и пр., одевались в сталинки — в полувоенный белый, защитного цвета, темно-синий или черный диагональный костюм с кителем, шаровары или галифе с сапогами и фуражкой-картузом.

Своеобразную форму приобрела и одежда довольно многочисленных криминальных и полукриминальных «элементов»: «блатных» и полублатной шпаны. Довольно сильное влияние на ее облик оказывали «буревестники революции», анархически настроенные матросы времен Гражданской войны, «клевашники» и «жоржики» с их многочисленными татуировками, широкими клешами, глубокими вырезами

форменок и длинными, до талии, лентами бескозырок. Брюки-клеш («шкары») и тельняшка («рябчик») были мечтой шпаны. Обычно широкие брюки напускались на собранные в гармошку голенища хромовых сапог («прохаря»). Матросскую форменку заменила «бобочка», носившаяся с напуском блуза на кокетке, в расстегнутый разрез которой видна была тельняшка. Головным убором стала кепка-восьмиклинка с картонным ободком в тулье, крохотным козырьком и пуговкой на макушке.

Зимой предпочитались полупальто и «москвички», короткие полупальто с шалевым меховым воротником и прорезными боковыми верхними карманами. Этот шик дополнялся «фиксой», стальной коронкой на одном из передних зубов. Такой облик приבלатненная шпана и бла-тари сохраняли еще в 50-е годы.

В конце 20–30-х годов, когда понемногу стал стихать накал стихийной классовой непримиримости, научная и творческая интеллигенция, специалисты с высшим образованием начали возвращаться к ношению ранее почти запретных галстуков и шляп, приобретая «стильный» вид. Появились даже костюмы-тройки с жилетом. Мужские сорочки нередко шились с пристяжными, на запонках, воротничками и манжетами: стирка рубашек, да еще с крахмалом, пока составляла проблему. Новая советская аристократия, особенно жены партийного и советского руководства, советских писателей, артистов, научных работников стала увлекаться модой. Правительственные постановления потребовали отказа от вульгаризации коммунистических идей в быту, и дизайнеры стали отказываться от экстравагантных рисунков, возвращаясь к классическому горошку, цветочкам, клетке и полоске в оформлении тканей, а укоротившиеся до середины икр женские платья стали украшаться легкомысленными рюшками, оборками и бантиками. Наиболее модными и дорогими тканями были крепдешин, креп-жоржет, файдешин, зефир, более доступными — поплин, пике, вельвет, солидные шевиот, бостон, габардин, диагональ, а наиболее распространенными — ситец, сатин, очень прочная и ноская «чертова кожа» и грубый, но теплый драп и бобрик. С 30-х годов начинается и проходит через всю советскую историю одежды употребление шерстяных, полушерстяных и даже хлопчатобумажных свитеров, джемперов, пуловеров, как мужских, так и женских, вначале скромных расцветок или однотонных, а с 60-х годов все более ярких, с орнаментом. Роскошью стали длинные, прямого покроя мужские светлые летние пальто-макинтош и такие же женские пыльники из габардина. Хотя среди женских головных уборов по-прежнему ведущую роль играл бе-

рет, постепенно права гражданства получили шляпки. В редких случаях на шляпках крепились короткие вуалетки, прикрывавшие верхнюю часть лица.

В 50-е годы в моду вошли дамские фетровые шляпки-«менингитки», открывавшие темя. Возможно, они появились под влиянием кинофильма «Римские каникулы».

На всем протяжении истории до 60-х годов дамы и дети из более обеспеченных слоев зимой пользуются меховыми муфтами.

Пропагандировавшаяся подготовка к будущим революционно-освободительным войнам вела к культу спорта, тренированного тела, что повлияло на одежду. Так, среди молодежи, особенно учащейся, модными стали полосатые футболки со шнуровкой на груди.

Широко внедряются парусиновые тапочки. Молодые девушки нередко носят стилизованные матроски с юбками. Спорт повлиял даже на носильное белье: мужские бязевые и трикотажные подштанники стали заменяться трусами, довольно длинными и широкими, дотоле бывшими только спортивной одеждой, а нижние рубашки — майками. Упростились женские закрытые купальники, превратившиеся в простые трико. Даже женские жакеты и укоротившиеся до середины икр легкомысленные платья получают угловатые формы от подложенных плечиков.

На одежде носят множество спортивных значков — «Ворошиловский стрелок», ГТО и т. д. Крестьянство практически полностью утратило традиционный костюм, до конца 40-х годов только среди стариков сохранялись некоторые его элементы (рубаха-косоворотка навыпуск, подпоясанная ремешком или толстым шнуром с кистями, женские плисовые саки и т. п.).

Великая Отечественная война вновь ввергла советское население в бедность: доншивалось то, что осталось от мирного времени. Для массы гражданского мужского населения стало характерно ношение военной формы или отдельных ее элементов, в том числе и как средства социальной мимикрии: население, особенно женщины, неодобрительно относились к здоровым мужчинам призывного возраста, находившимся в тылу и одетым в штатское платье. Такое положение сохранялось и в первые годы после войны. Люди в форменной одежде стали заметным элементом в толпе: с 1943–1944 годов множество гражданских ведомств (горняки, железнодорожники, почтальоны, служащие морского и речного пароходств, гражданского воздушного флота, учащиеся и преподаватели ремесленных школ и т. д., вплоть до дипломатов) получили форменную одежду. В целом в связи с бедностью

и своеобразным аскетизмом, едва ли не пропагандировавшимся режимом, уличная толпа отличалась однообразием и мрачностью облика из-за стандартной, выпускавшейся швейными фабриками в незначительном ассортименте одежды немарких темных тонов. Изредка, в основном в больших городах с их обилием «начальства», которому из спецраспределителей доставалось то, что не было доступно массе, мелькала добротная яркая одежда из американских «подарков»: во время войны в США широко практиковался сбор одежды и обуви для советских людей.

Подавляющее большинство советских людей: колхозников, рабочих, бесчисленных заключенных как на работе, так и в быту — широко пользовалось простеганными на вате сатиновыми или бязевыми «футайками», без воротника или с узким воротничком. Инженерно-технические работники точно так же пользовались однобортными сатиновыми спецовками с нагрудным и боковыми карманами.

В женской одежде изменения наступают в конце 40 — начале 50-х годов. Происходит возврат к светлым пыльникам, шляпкам, иногда с вуалетками (береты начинают быстро исчезать), ярким тканям летних платьев, костюмам с юбкой и жакетом и пр. Знакомство с модами поверженной нацистской Германии (в том числе и в виде многочисленных трофеев) в то же время придает женщинам более строгий вид, а плечи по-военному становятся гипертрофированно прямоугольными. Солидные дамы (жены старших офицеров и генералитета, министерских работников, директоров крупных универмагов, гастрономов и складов и пр.) в торжественной обстановке блистают черными декольтированными платьями из панбархата и бриллиантами. В мужском костюме преобладают темные тона стандартизированных костюмов: с очень широкими брюками, мешковатыми двубортными пиджаками, белыми сорочками с однотонными или в косую полоску темными галстуками. Галстуки носит еще ограниченный круг людей, и значительная часть мужчин, преимущественно молодежи, по появившейся еще в 30-е годы моде выпускает распахнутые воротники рубашек поверх воротника пиджака. Имел место нарочитый аскетизм, не допускавший выявления в одежде форм женского тела: подолы, как правило, были довольно длинными, а если женщинам приходилось надевать штаны, то это были длинные и широкие шаровары, нередко надевавшиеся под юбку. Так одевались даже школьницы на уроки физкультуры, особенно зимой, и женщины-чернорабочие, работавшие на улице. Даже женские спортивные трусы с резинками и широкие глубокие бюстгалтеры, поверх которых надевались майки, хорошо закрывают тело.

Женское белье представлено синими, зелеными, розовыми трикотажными панталонами, довольно длинными (почти до колен), с резинками, зимой теплыми, с начесом, и комбинациями, нижними трикотажными длинными рубашками на бретелях. Вискозное или шелковое нижнее белье заграничного происхождения было роскошью, доступной немногим счастливицам, и молва даже упорно твердила, что жены служивших в Германии советских офицеров надевали длинные ночные рубашки с вырезом, вышивкой и кружевами вместо вечерних платьев.

Чулки хлопчатобумажные, или «простые», «в резиночку», или более тонкие, фильдекосовые и фильдеперсовы. Носят их с круглыми резинками либо с поясом: широким, на пуговицах, надевавшимся под панталоны, с четырьмя свисавшими вниз короткими резинками с металлическими зажимами. У мужчин хлопчатобумажные носки также носятся с резинками: голень охватывает широкая резинка, застегивавшаяся на металлический крючок, от нее свисает короткая резинка с проволочным зажимом. У женщин и детей в широком употреблении были хлопчатобумажные рейтузы «в резиночку».

Как реакция на это мрачноватое однообразие, во второй половине 50-х годов появляются ярко одетые «стиляги», вызывавшие неодобрение и даже преследование. Для этой городской, преимущественно московской и ленинградской молодежи характерны узкие, длиной до щиколоток, брюки-дудочки, светлой кожи туфли на очень толстой подошве, яркие клетчатые пиджаки с подложенными ватой грудью и плечами, длинные и широкие галстуки с каким-либо ярким экстравагантным рисунком (их называли «пожар в джунглях»), ярко орнаментированные рубашки-распашонки, тонкие подбритые усики, довольно длинные волосы с коком. Девушки также одеваются и стригутся вызывающе ярко.

К началу 60-х годов относительный рост материального благосостояния населения и либерализация режима (в связи с «оттепелью») приводят к значительно большему разнообразию и яркости в одежде, прежде всего среди молодежи и преимущественно в крупных городах, и сводят движение «стиляг» на нет. С середины 50-х годов в молодежную женскую моду под влиянием появившихся на экранах итальянских и французских кинофильмов входит яркий стиль с колоколообразной юбкой на нижней накрахмаленной юбке, тонкой талией и довольно открытым лифом блузки (стиль «ню-лук»). Под стать юбкам кроются и яркие расклешенные пальто с тонкой талией. В 60-е годы появляются мини-юбки, открывавшие колени (это вызвало довольно бурную реакцию пожилых людей), затем резко сменившиеся длинны-

ми, до щиколотки, подолами-макси, а в 70-х годах начинают появляться и открывавшие ноги подолы с разрезом. В 60-е годы молодые девушки начинают, правда, только в особых случаях (турпоход и т. п.) носить короткие обтягивающие штаны-гольф, а на рубеже 70-х годов появились женские брючные костюмы, также поначалу не одобрявшиеся общественностью. Точно так же либерализуется мужской костюм: даже пожилые мужчины начинают носить легкомысленные рубашки-распашонки, иногда кричаще-ярких расцветок; стандартно широкие брюки (не менее 32–35 см) также сужаются, вплоть до «дудочек» у молодежи; начинают носить техасы, отечественного производства простроченные штаны из грубой ткани, а счастливицы — и джинсы заграничного производства; широкие двубортные пиджаки сменяются облегчающими элегантными однобортными, а затем в обиход входит ношение разнообразных курток, включая легкие летние ветровки. Модными стали батники: военного покроя рубашки со сквозной застежкой на планке, накладными карманчиками с клапанами на груди и погончиками. Верхом роскоши становятся блайзеры — однобортные клубные пиджаки, однотонные синие, с металлическими пуговицами и ярким вышитым гербом на нагрудном кармане. Сравнительно часто летом носят мужские костюмы и женские платья-сафари, полотняные, со множеством карманов и карманчиков с клапанами, с погончиками. Мужские трусы становятся короче и уже, облегчающими, на пляже мужчины носят плавки; женские закрытые купальники с начала 50-х годов заменяются сначала сравнительно широкими трусами с резинкой в штанинах и глубокими широкими бюстгальтерами, а в 60-е годы — узкими купальными костюмами бикини.

Разнообразным становится и покррой пальто и плащей, с 60-х годов в большой моде были дождевики-болонья. Вождеденными становятся дубленки, мужские и женские полушубки и шубы из стриженной овчины, у женщин иногда даже с вышивкой на подолах. Довольно обычными становятся женские шубы — кроликовые, цигейковые, каракулевые, из нутрии, ондатры и дорогие норковые. Прежние суконные, с цигейковыми козырем, назатыльником и ушами шапки-ушанки сменяются меховыми кроличьими, пыжиковыми и ондатровыми. Стандартные мужские кепки, вошедшие в широкое употребление еще в 20-х годах, постепенно заменяются беретами, а шляпы разных фасонов, в том числе легкие летние, становятся обычным головным убором. В 60–70-е годы среди молодежи, а затем и людей среднего возраста входит в моду отсутствие головных уборов даже зимой; при этом носят пальто и плащи с поднятым воротником. Характерные для преды-

дущих десятилетий групповые пристрастия к одежде практически исчезают, и только партийно-советское руководство, преимущественно на высоких должностях, выглядит строго-однообразным из-за снабжения его одеждой из закрытых ателье. В 80-е годы внешний вид людей на улице, иногда довольно экстравагантный, практически перестает привлекать пристальное внимание прохожих и вызывать неодобрительные замечания: общество демократизировалось.

С 50-х годов идет активное вторжение в быт синтетических материалов. Сначала это были вискозные рубашки и женское белье, штапельные, сильно мявшиеся и плохо державшие стрелку мужские брюки и женские платья, а также прозрачные капроновые чулки. Правда, чулки были шитые, со швом сзади, и женщинам приходилось постоянно оглядываться на свои ноги: не сбился ли на сторону шов. Капроновый трикотаж постоянно «полз»: спускались порванные петли, и женщинам приходилось тратить много времени на их подъем специальным крючком. К концу 50-х годов капрон сменяется более носким нейлоном, а чулки становятся бесшовными. Популярным становится пикантное полупрозрачное капроновое и нейлоновое женское белье, украшенное такими же кружевами, а также откровенные белые, голубые и розовые блузки. Нейлон входит и в мужской быт: хорошо сидящие трусы, носки, не требовавшие резинок, а главное — белоснежные рубашки «стирай-носи», не требовавшие глажения. В 60-е годы женские чулки вытесняют нейлоновые колготки, сделавшие ненужным пояс. Модными становятся колготки в сеточку. В это же время появляются синтетические меха, прежде всего пушистый, хотя и не особенно практичный (он быстро сваливался, а в тепле издавал неприятный запах) орлон. В 70-е годы чрезвычайно популярной тканью стал практически немнущийся и ноский кримплен, из которого шили мужские брюки, женские платья и костюмы. С кримпленом соперничает шерстяной трикотаж джерси, также шедший на платья, костюмы и даже легкие пальто. К 80-м годам наступает разочарование в негигиеничной синтетике и происходит возврат к тканям из натурального волокна.

В дореволюционной России обувью для подавляющего большинства крестьянства служили легкие эластичные самодельные лапти из липового или вязового («вязни») лыка и их варианты: чуни, или шептуны, сплетенные из старых, разбитых молотком веревок, и ступни из бересты, низкие и открытые, как лапти, или с короткими широкими берцами. Лапти надевались с онучами, холщовыми летом, суконными зимой, которыми оборачивали ногу от ступни почти до колена. Лапти закреплялись на ноге веревками-оборами, которыми крест-накрест охваты-

вали голень ноги. Лапти широко употреблялись и в советской деревне, и не только в довоенный период или во время Великой Отечественной войны, когда с фабричной обувью дело обстояло крайне плохо, но еще в середине 50-х годов, хотя уже сравнительно редко. Еще до революции лапти начали вытесняться кожаными башмаками-котами, сапогами и валенками. Городское население пользовалось кожаной обувью, мужская часть — почти исключительно сапогами разного типа, а в начале XX века мужчины стали носить ботинки и полуботинки с кожаными гетрами (штиблетами); женщины носили высокие шнурованные ботинки и открытые туфли, в социальных верхах — из тонкого материала (прюнели, сафьяна и т. п.), в низах — коты, открытые туфли на низком каблуке, закреплявшиеся на голени ремешком, как лапти — оборами.

В 20–40-е годы в городах у мужчин преобладали так называемые русские сапоги с высокими, под колено, цельными голенищами, на кожаной подошве, пришитой деревянными гвоздями, — грубые юфтевые, более легкие и тонкие хромовые, мягкие опойковые, даже брезентовые, а также появившиеся в 30-е годы кирзовые и с 50-х годов — резиновые, клееные и литые. Хромовые сапоги с обычными городскими костюмами нередко носили еще в конце 50 — начале 60-х годов. Люди, претендовавшие на моду, особенно в послевоенный период, иногда носили сапоги с отогнутыми концами голенищ, а в 60–80-х годах в глухой провинции и деревне так сплошь и рядом носили резиновые сапоги, иногда отгибая голенища очень низко. Выпускались и женские хромовые сапоги и полусапожки, а с рубежа 50–60-х годов и низкие резиновые сапожки. Горожане с 20-х годов все больше начали носить низкую обувь — ботинки, полуботинки, открытые туфли (в том числе лакированные, «лакиши»), сандалеты (сандалии). Женская обувь, отойдя от крайностей дореволюционной эпохи (тоненькие туфельки и грубые коты), получила «усредненный» характер в виде туфель из тонкой кожи. Большая часть женских туфель повторяла покрой прежних котов, только ремешки для закрепления их на голени были заменены узкой, застегивавшейся на подъеме перемычкой. Выше стал каблук, пока еще сравнительно толстый. Более модными и менее распространенными стали открытые туфли, «лодочки», на довольно высоком каблуке. Преимущественно в послевоенный период широко употреблялись танкетки, туфли на толстой сплошной подошве с почти не выделенным каблуком.

Однако как в предвоенный, так и в послевоенный период можно было встретить женщин, носивших легкие хромовые сапоги. Рабочей

обувью для обоих полов служили «гады», ботинки из грубой толстой яловой кожи на заклепках в ответственных углах, а также кирзовые сапоги. Рабочая обувь, сапоги и ботинки, носилась с портянками.

Но на протяжении длительного времени имел место постоянный дефицит кожаной обуви, преодолевавшийся различными средствами. В 20–50-е годы, например, широко использовались парусиновые тапки и туфли на резиновой подошве, перед выходом белившиеся зубным порошком. Кустарно изготавливались даже парусиновые туфли на деревянной подошве. А в лагерях, трудовых поселениях и во время Великой Отечественной войны повсеместно стали изготавливаться «чэтэзэ», галоши из автомобильных покрышек, оставлявшие рубчатый след, как тракторные гусеницы. Широко употреблялись, преимущественно в 50-е годы, спортивные кожаные тапки на кожаной или резиновой подошве, причем мужчины в это время нередко носили их, заправляя низ штангин в носки: эластичных носков с резиночкой еще не было. В провинции до 60-х годов в большом ходу, особенно у женщин, были самодельные простроченные бурки из ткани на вате, носившиеся с галошами.

Галоши, появившиеся до революции, в деревне, да и в небольших провинциальных городах, считались признаком зажиточности. Хотя изготавливались они в огромном количестве, покупка их была сопряжена с большими трудностями; в 30-х годах их даже продавали только членам профсоюза. Естественно, даже в послевоенный период они были объектом посягательства воров. Только в 50-е годы галоши стали выходить из моды и их производство сократилось, но пожилые люди носили их до начала 60-х годов.

Зимней обувью почти повсеместно стали русские валяные сапоги — валенки (пимы). Производились они в огромном количестве местными небольшими артелями промкооперации и валеночными фабриками: серые, из неотбеленной и неокрашенной шерсти, черные, белые и даже белые орнаментированные, с простеньким узором в виде красно-бурых пятнышек. В весеннюю слякоть их носили с галошами. Быстро снашивавшиеся валенки подшивали снизу толстыми войлочными подошвами на дратве, сверху на проношенные носки и пятки нашивали кожаные союзки. Разновидностью теплой зимней обуви были бурки, накануне войны вошедшие даже в состав форменного обмундирования генералитета. Это были высокие, под колено, фетровые сапоги на толстой кожаной подошве, обшитые по ступне снизу кожаными союзками, а также с нашитой по заднему шву полоской кожи. Стоили они довольно дорого и имелись у редких счастливых. Преимущественно это была «фирменная» обувь руководителей среднего ранга. Еще бо-

лее редкой обувью были укороченные и более изящные женские фетровые бурки.

Поскольку в больших городах употребление валенок было не всегда удобным, на тонкую кожаную обувь в слякоть и морозы надевались галоши (они делались на мягкой теплой байковой красной подкладке) и боты, в том числе так называемые «прощай молодость».

Это были довольно высокие мужские боты из прорезиненной ткани, на резиновой подошве, с регулировавшейся металлической застегжкой на подъеме. Из употребления они вышли только в начале 60-х годов. Выпускались и женские резиновые боты («ботики»), с клапаном, застегивавшимся на подъеме на кнопки; были даже попытки изготовления ботинок на туфли на высоком каблуке. Как и мужские боты, они выходят из употребления в конце 50-х годов.

До известной степени до середины, а в провинции даже до конца 50-х годов как в одежде, так и в обуви сохранялась определенная социальная дифференциация. Колхозницы или женщины-рабочие носили более грубую обувь, нежели служащие и интеллигенция. Затем эти различия быстро стерлись ввиду как активизации советской обувной и в целом легкой промышленности, так и повышения благосостояния населения. В конце 50 — начале 60-х годов в моду стала входить женская обувь на высоком тонком каблуке (гвоздиках, шпильках), в том числе тонкие или утепленные сапоги на шнуровке или застегжке-молнии. В 60–80-е годы это была уже обыкновенная зимняя и весенне-осенняя обувь. Одновременно во второй половине 60-х годов появляются довольно неуклюжие «луноходы» — короткие женские сапоги на резиновой подошве, с застегжками или без них, с поролоновым утеплителем и покрытием из синтетической ткани, в том числе «серебрянки». В это же время модной стала обувь на «манке» — толстой синтетической подошве белого цвета, с «пупырчатой» поверхностью, напоминавшей застывшую манную кашу.

Возможно, в связи с популярностью в низкооплачиваемом населении, особенно среди пожилых женщин, самодельных стеганых бурок и ввиду особенностей русского климата в продаже появились теплые суконные сапожки на толстой, из микропористой резины, подошве без каблука. Изготавливались и суконные ботинки на молнии. В 60-е годы появились и мужские кожаные утепленные ботинки и невысокие сапоги с застегжкой на молнии. А в молодежной среде модной стала носившаяся повседневно спортивная обувь, кеды из толстой грубой ткани, с резиновой подошвой и резиновым покрытием носка, пятки и низа стопы; на щиколотках наклеивались круглые резиновые накладки.

Особенно ценились кеды китайского производства — «три кольца»: в ту пору изделия китайской легкой промышленности отличались высоким качеством. С конца 70-х годов постепенно кеды вытесняются кроссовками.

В целом с 50-х годов проблема обуви была решена, но отечественные изделия были некрасивыми, грубыми и очень непрочными, хотя и недорогими, так что возник ажиотажный спрос на импортную, пусть и очень дорогую обувь.

Аксессуары и украшения. Привычные нам механические наручные часы — явление советского времени. Появились они только в период Первой мировой войны, как офицерские, довольно массивные, со стеклом, закрывавшимся стальной решеткой. В 30-е годы молодая советская часовая промышленность стала выпускать сравнительно небольшие мужские и женские часы разных марок. Однако они были сравнительно редки и дороги и рассматривались населением как предмет роскоши и свидетельство благополучия. На фотографиях того времени можно заметить, как их владельцы нарочито демонстрируют наличие часов. Во время Великой Отечественной войны наручные часы были самым желанным трофеем советских солдат, и современники отмечают, что уже в Германии их надевали сразу по нескольку штук на руки. В послевоенный период довольно быстро наручные часы, и мужские, на ремешке (наиболее распространенными марками были «Победа» и «Звезда»), и женские, часто на браслетах («Чайка»), быстро стали обычным предметом обихода, и их уже в конце 50-х годов стали носить подростки. А в 70-е годы быстро стали внедряться в обиход электронные наручные часы на металлическом браслете.

Более распространенными, нежели наручные, были карманные часы: довольно массивные, на небольшой цепочке, закрывавшиеся металлической крышкой. Старые, дореволюционного происхождения часы, например, фирмы Бурэ, носили в жилетном кармане, распуская сравнительно массивную и длинную цепочку по жилету. О распространенности карманных часов говорит то, что до 80-х годов мужские брюки непременно шились с маленьким потайным часовым кармашком у вшивного пояса. Женские часы до революции носились на длинной цепочке на шее, закладываясь за корсаж юбки. Однако такие часы исчезли из употребления в 30-е годы, появившись вновь как сравнительно редкий предмет украшения в 60-х годах.

Отметим, что до 50-х годов карманные, наручные, настольные и настенные часы нередко делались со светящимися фосфоресцирую-

щими стрелками и цифрами. Но затем фосфор был признан вредным для здоровья, и такое производство прекратилось.

Курение было чрезвычайно широко распространено среди советских мужчин и вызвало появление некоторых предметов для него. Поскольку мягкие пачки папирос в кармане мялись, а табак из них высыпался, очень часто для их ношения употреблялись разнообразные портсигары. В 20-е годы еще оставались в сравнительно широком употреблении массивные серебряные портсигары, часто с выпуклыми или гравированными изображениями, надписями, инкрустацией и пр. Поскольку такие дорогие портсигары обычно изымались при обысках и арестах «бывших», они переходили к новым хозяевам, чекистам, милиционерам, красноармейцам. Разумеется, были и более дешевые и простые металлические и деревянные портсигары. Во время Великой Отечественной войны широко изготовлялись бойцами Красной армии самодельные портсигары из алюминиевых и дюралюминиевых листов или плексигласового остекления кабин сбитых самолетов. Они нередко имели выцарапанные рисунки и надписи. Такие портсигары, а также дешевые металлические фабричные изделия широко употреблялись и в послевоенный период, иногда заменяясь удобными плоскими жестяными коробочками из-под конфет монпансье и т. д.

Точно так же широко распространены были зажигалки, преимущественно кустарного изготовления. В Гражданскую войну, в период разрухи в промышленности, когда спички стали редкостью, рабочие на заводах нередко занимались изготовлением именно зажигалок, широко вошедших в домашний обиход. Вновь их изготовление возродилось во время Великой Отечественной войны, продолжившись до 50-х годов. Форма этих изделий, изготовлявшихся из тонкой листовой меди или латуни, была разнообразной, вплоть до того, что использовались винтовочные гильзы. Острой проблемой была покупка «камешков» для зажигалок, долго бывших предметом спекуляции. Современные газовые зажигалки в пластмассовых корпусах появились только на излете советской истории.

Самокрутки, папиросы и сигареты часто курили в мундштуках — как самодельных, так и фабричного производства, деревянных, плексигласовых, эбонитовых, янтарных (из дешевой прессованной янтарной крошки) и металлических.

Еще до революции появились затейливые настольные деревянные папиросницы, обычно в форме домика: при поднятии крышки сверху через прорезь выскакивала папироса. Такие самодельные папиросни-

цы более простой формы изредка попадались в квартирах и в послевоенный период.

Общая бедность населения сказалась и на ювелирных украшениях. Разумеется, в стране были люди, у которых не только уцелели от прежней дореволюционной жизни драгоценности, но которые даже ухитрились не сдать их в «Торгсин» в 20–30-е годы. Были и такие, к которым эти драгоценности перешли во время бесконечных обысков и экспроприаций у «бывших»: чекисты нередко злоупотребляли своими неограниченными правами, и на сей счет был даже приказ товарища председателя ВЧК Лациса. Десятилетиями позже высокопоставленные модницы гордились этими «бабушкиными» серьгами, браслетами и перстнями с бриллиантами, изумрудами и сапфирами.

Большинство же советских женщин (мужчины даже обручальные кольца начались носить лишь с 60-х годов) пользовались преимущественно дешевой бижутерией, и лишь изредка (чаще — в национальных районах) — довольно простыми изделиями из дутого золота (серьги в форме полумесяца, кольца). Чрезвычайно популярные когда-то и особенно широко распространенные в социальных низах бусы из цветного коралла быстро исчезают. Подлинные жемчуга быстро заменяются стеклянными бусами серебристого цвета, имитирующими жемчуг, а нередко были крупные бусы из граненого хрусталя и даже просто стекла. Нередки были и деревянные бусы. То, что когда-то было ювелирными изделиями, перешло в разряд дешевой галантереи.

После длительного периода нарочитого аскетизма (комсомолок в 20-е годы даже «прорабатывали» на собраниях за попытку как-то украсить себя) вкусы и производителей ювелирных изделий, и потребителей оказались на очень низком уровне. Так, в качестве брошей можно было увидеть пауков из красного стекла с анодированными под «золото» лапками; иногда их прицепляли к шляпкам. Вообще дешевое яркое стекло стало широко употребляться в украшениях вместе с анодированным алюминием «под золото». Распространены стали анодированные броши-ящерицы. Нередки были небольшие анодированные броши в виде букетиков цветов, с покрытыми эмалью лепестками и цветными стеклышками. Вообще броши были наиболее распространенным женским украшением. Кольца и перстни до 60-х годов употреблялись довольно редко, простейшей формы и с цветными гранеными стеклышками или самыми дешевыми полудрагоценными камешками. Немногим чаще встречались такие же простые сережки. И уж совсем редкими были женские браслеты, хотя с 50-х годов все чаще стали встречаться тонкие серебряные браслеты с чернью. В 60-е годы жен-

ские украшения становятся более разнообразными, изящными, иногда сложными по конфигурации, с более дорогими камнями (александрит, гранат, сапфир и даже мелкие бриллианты; стекло вообще исчезает). В широкое употребление входит золото, чаще невысокой пробы, «белое золото», серебро.

Что касается мужчин, то единственным украшением их еще со времен НЭПа были недорогие, иногда чисто металлические, реже с эмалью запонки на манжеты и воротнички сорочек, а также, в 20–30-е годы, булавки-заколки для галстуков, прокалывавшие концы воротничка и узел галстука. В 60-х годах запонки становятся более дорогими, с янтарем, яшмой, горным хрусталем и т. п. недорогими камнями. В 50-е годы стали появляться булавки-зажимы для галстуков, анодированные, с эмалью, янтарем, яшмой. Ношение мужчинами перстней, очень скромных, начинается с 70-х годов, и было это большой редкостью.

На рубеже 50–60-х годов быстро получает распространение оригинальная бижутерия из материалов, ранее никогда не использовавшихся в качестве украшений: кожи, дерева. Началось это в прибалтийских республиках.

На рубеже 60–70-х годов в стране началась подлинная эпидемия совершенно особых металлических украшений. Охватила она почти исключительно молодежь: учащихся ПТУ, студентов, молодых рабочих. Причем эти украшения начинают носить и юноши. Речь идет о кулонах в виде серебристого лезвия бритвы на такой же цепочке, и о так называемой «недельке»: наборе из тоненьких, слегка рифленых серебристых колечек. В «классическом» виде их носили на одном пальце от одного до семи, по дням недели, тесно сдвигая. Стоили они очень недорого и продавались даже в киосках Союзпечати, которые наряду с газетами и журналами стали торговать различной галантереей.

Зонты до 50-х годов употреблялись исключительно городским населением и в сравнительно небольшом количестве: это была своего рода роскошь, на которую не стоило тратить деньги. Это были простые и довольно громоздкие изделия с деревянными гнутыми ручками. Яркие небольшие дамские зонтики от солнца являлись большой редкостью и подавляющему большинству населения просто не были известны. В 60-е годы зонты стали облегчаться, получив тонкие металлические ручки и более тонкие спицы; помимо черного покрытия, появилось и цветное, тонкое, из синтетических тканей. Одновременно зонты стали употребляться все чаще, превращаясь в обычный предмет улич-

ного обихода. Тогда же стали появляться компактные складывающиеся зонты, сначала привозившиеся из-за границы, а затем и отечественного производства.

Трости, в отличие от дореволюционной эпохи, когда они были неременным спутником мужчины из социальных верхов, в СССР употреблялись крайне мало. Разумеется, многочисленные инвалиды трех широкомасштабных войн (Первой мировой, Гражданской и Отечественной) пользовались разнообразными, обычно весьма непрезентабельными тростями, деревянными и металлическими (например, в виде изогнутой трубки), хотя по возможности все же предпочитали обходиться без них. Разумеется, различными тростями вплоть до обычных палок (батоков) пользовались старики, особенно в деревне. Тем не менее практически до конца советского периода человек с тростью на улице попадался нечасто, а с красивой, оформленной под черное дерево, с металлическими накладками под серебро, с красивыми ручками, напоминающими дореволюционную эпоху, — почти никогда и только в самых больших городах.

Прическа и ее аксессуары. Бритье. Мужские прически разнообразием не отличались. В деревне во время Гражданской войны, в 20-е, отчасти 30-е годы мужчины, особенно в солидном возрасте, стриглись, как и прежде, весьма незамысловато, подрезая слишком длинные волосы на шее, так что обычно они распадались на прямой пробор. Молодежь стриглась покороче, а с 30-х годов обычно использовала городские прически. Обычно же мужчины стриглись довольно коротко, особенно на затылке и висках, и короткую прическу, нередко на прямой пробор, плотно приглаживали бриллиантином. В связи с вшивостью, бывшей бичом населения в годы Гражданской войны и после нее, в городе чрезвычайно было распространено бритье головы. Детей же стригли наголо, под машинку («под ноль»), еще в конце 40 — начале 50-х годов, опять же во избежание вшивости; в ту пору в школах медицины даже регулярно устраивали «проверки на вшивость», тщательно осматривая волосы и воротники рубашек с внутренней стороны. Вшей можно было увидеть даже в конце 50-х годов на внешне вполне благополучных школьниках. Поэтому в каждом семействе непременно имелся частый гребешок, роговой или пластмассовый, в виде прямоугольной пластины с короткими частыми мелкими зубьями с одной стороны и зубьями покрупнее и пореже — с другой.

Вероятно, по той же причине первоначально мужская стрижка с 30-х годов была очень короткой. Широко распространен был «бокс»: почти вся голова стриглась наголо (а шея подбривалась), очень корот-

ко, и только спереди оставялась очень короткая челка. Более модным был «полубокс», когда волосы очень коротко стриглись на затылке и висках, но на темени оставялись чуть длиннее, переходя в более длинную челку, которую можно было уже зачесывать набок, что зачастую и делали. Еще моднее была «полька»: с чуть более длинными волосами на затылке, темени, висках и с более длинной челкой, зачесывавшейся обычно назад. Других типов прически прейскуранты в парикмахерских просто не предусматривали. Разумеется, были люди, носившие и довольно длинные волосы, но это была почти исключительно творческая интеллигенция (писатели, музыканты, художники и пр.), которой «законы» не были писаны. Обычный же человек даже мог получить замечание на улице за слишком (по тем временам) длинные волосы даже в начале 60-х годов. С середины 60-х годов под влиянием облика чрезвычайно модного ансамбля «Битлз» среди молодежи многие стали носить сравнительно длинные волосы, закрывавшие уши. И только в 70–80-е годы с распространением относительной толерантности длинные волосы перестали привлекать внимание.

С конца 40 — середины 50-х годов среди рядовой публики длинные волосы (до шеи) рисковали носить только молодые люди с претензией на моду, в 50-е годы получившие уничижительное прозвище «стиляги». Мало того что волосы на шее были длинными и даже слегка закручивались, но надо лбом еще и зачесывался высокий кок, закреплявшийся бриллиантином. Юноши с длинными волосами, чтобы они не рассыпались, иногда носили на голове тонкие сеточки, обычно бывшие принадлежностью женских причесок. Иной раз даже закрепляли длинные волосы на затылке женской пластмассовой гребенкой.

Ношение бороды и усов, распространенное с дореволюционных времен еще во время Гражданской войны и у старшего поколения еще в 20 — начале 30-х годов, с уходом этого поколения (не всегда добровольным и естественным) постепенно сошло на нет; только в деревне мужчины старшего возраста иногда носили бороды. В городе же уже с конца 30-х годов увидеть бороду практически было невозможно, а с конца 40-х годов борода вызывала настоящий ажиотаж в общественных местах, на улице или в общественном транспорте: все смотрели и громко обсуждали такую «диковинку». В 60-е годы все еще довольно редко встречавшаяся борода под влиянием кинофильмов считалась принадлежностью геологов. Усы встречались немного чаще, но только у мужчин старшего возраста. «Стиляги» 50-х годов нередко носили подбритые баки и тоненькие пробритые усики. Но в принципе усы на улице удивления или порицания не встречали. Борода же перестала

вызывать удивление только в 70–80-е годы, когда советское общество стало более терпимым к чужому внешнему облику.

Здесь представляется уместным сказать несколько слов о парикмахерских, где люди и приобретали стандартный облик, а также об инструментах для стрижки и бритья. Советские парикмахерские, относительно немногочисленные, представляли довольно жалкое зрелище. Это были случайные небольшие помещения, где работали два-три, реже четыре мастера. Перед обычным деревянным потертым креслом висело довольно большое зеркало, иногда мутноватое, и находился узкий столик, на который парикмахер клал инструменты. Специальные кресла с регулируемой высотой сиденья появились в массовых парикмахерских очень поздно, не ранее 60-х годов. Поэтому в парикмахерских одно из кресел, считавшееся «детским», иногда стояло на довольно высоком деревянном ящике. Вдоль одной из стен у входа стоял ряд простых стульев для ожидавших своей очереди к мастеру. Унылый интерьер могли украшать лишь несколько цветов в ящиках или бочках либо на окнах: фикусы или монстеры. На стенах висел преискурант, иногда портрет очередного руководителя страны, реже — олеография с популярной картины в рамке или даже плохая копия маслом. Если парикмахерская была побольше и размещалась в двух или даже трех комнатах, то первая из них служила для ожидания (при трех комнатах выделялись мужской и женский залы), и в ней, кроме стульев, находился стол с несколькими растрепанными и замусоленными тонкими журналами — «Крокодил», «Огоньком» с полуразгаданным кроссвордом, «Советским воином», «Работницей» и т. п.

Мужчин брили исключительно опасной бритвой, представлявшей лезвие, вкладывавшееся в ручку с деревянными или пластмассовыми щечками. Клинок длиной около 20 см и равной по всей длине шириной около 15 мм, без острия, на заднем конце имел узкий, слегка закругленный отросток, за который и придерживали клинок пальцами. Этими бритвами при стрижке парикмахеры также подправляли короткие волосы на шее и висках. Бритвы правили на широком кожаном ремне, обычно натирившемся зеленой пастой ГОИ (окисью хрома). Такие бритвы использовались и в домашних условиях. Безопасные бритвы со сменными лезвиями появились перед войной. Использовались они только в домашних условиях. Однако лезвия советского производства, например, «Нева», «Ленинград», затем «Восход» и др., были низкого качества, плохо бравшие жесткую щетину, и выдерживали только одно бритье. Качественные заграничные лезвия были практически недоступны. Мыльная пена и в домашних условиях, и в парикмахерских

взбивалась помазком в бритвенных тазиках — небольших штампованных круглых алюминиевых чашечках. По окончании бритья остатки пены просто снимались полотенцем. Волосяные помазки имели круглую деревянную, с 50-х годов пластмассовую ручку; бывали и четырехгранные, со снятыми ребрами, наборные ручки из цветного плексигласа, чередовавшегося иногда с эбонитом.

Для стрижки использовалась ручная машинка с двумя рычагами, а также ножницы с длинными узкими лезвиями и обычные длинные пластмассовые или алюминиевые расчески. При стрижке и бритье клиента в парикмахерских укутывали простыней, не всегда свежей. Обеззараживание инструмента в парикмахерских практически не проводилось, да ввиду отсутствия СПИДа, никто на него и не претендовал: нравы были довольно простыми.

После стрижки и бритья парикмахеры довольно настойчиво предлагали «освежить» клиента из пульверизатора одеколоном — «Тройным» или «Шипром»: это резко увеличивало стоимость услуги, что было выгодно мастерам. После бритья эта процедура была практически обязательна из санитарных соображений, особенно при наличии мелких порезов.

Других услуг тогдашние мужские парикмахерские практически не оказывали.

В середине 50-х годов в СССР появились первые электробритвы, пока довольно тяжелые и несовершенные; они быстро приобрели огромную популярность. Вдобавок к ним появились механические бритвы, работавшие от пружины, а также электробритвы на батарейках. Домашнее бритье опасной бритвой столь же быстро сошло на нет.

В 60-е годы начались перемены в этой области. Обычные неприятательные парикмахерские стали заменяться «салонами» с повышенными расценками и расширением услуг, например, мытьем головы. Шире стал и ассортимент причесок, причем стали вывешивать цветные фотографии парикмахерского искусства. Иногда такие увеличенные фотографии украшали и витрины салонов.

Женские прически долгое время также не отличались разнообразием. С периода Гражданской войны во избежание вшивости и постоянно испытывая затруднения с мытьем головы (мыло до второй половины 20-х годов было в большом дефиците) очень многие горожанки, особенно молодые, предпочитали сравнительно короткую стрижку (максимум до плеч, нередко до мочек ушей). Часто короткие волосы зачесывались на косой пробор, иногда придерживались заколками. В 30-е годы в моду стал входить перманент — завивка коротких волос

в мелкие кудри. Девочек также зачастую стригли коротко, а иногда — очень коротко, почти наголо. Только женщины средних лет, а особенно пожилые, сохраняли длинные волосы, заплетая их в косы и укладывая вокруг головы, завязывая сзади большим узлом или укладывая иным образом. Такое положение сохранялось до рубежа 40–50-х годов, поскольку короткий период относительного благополучия 30-х годов вновь сменился суровыми условиями войны и послевоенной разрухи с их вшивостью и дефицитом мыла.

С конца 40-х годов в официальной культурной политике наметилось своеобразное движение назад, в прошлое, к восстановлению до-революционной морали и быта (раздельное обучение мальчиков и девочек в школе, укрепление семьи с непризнанием так называемых «свободных браков» и затруднением разводов и пр.). Любопытным образом это стало своеобразной параллелью с побежденным нацистским режимом: СССР в культурном отношении стал как бы наследником гитлеровской Германии. Это нашло отражение и в женских прическах: короткая стрижка быстро исчезла или стала интенсивно скрываться под перманентом, получившим своеобразное название «шестимесячная завивка». Длинные волосы стали обычным явлением. Они гладко причесывались и укладывались в «валик» над плечами, а надо лбом образовывали невысокую «волну»; заплетались в косы и укладывались вокруг головы либо одна толстая и неплотная коса складывалась вдвое и прикалывалась под затылком (так называемая «хала»); гладко зачесывались назад и завязывались в большой узел на затылке. Девочки поголовно заплетали две косы с лентами и бантами, нередко на шее связывая их вместе.

«Либерализация» в быту вместе с медленным ростом материального благополучия населения наметилась во второй половине 50-х годов: вновь появилась сравнительно короткая женская стрижка, причем поначалу широкими массами она воспринималась как отклонение от нормы. По всеобщему мнению, коротко могли стричь волосы, никак не укладывая их, только девушки-«стиляги». Впоследствии даже появилась очень короткая стрижка «под мальчика». Реакция на коротко остриженные женские волосы была в некоторых случаях чрезвычайно болезненной. Так, после нескольких самоубийств женщин, попавших в вытрезвитель и коротко остриженных там (в виде наказания и в гигиенических целях), стрижка клиентов в вытрезвителях была запрещена приказом.

Либерализация режима проявилась и в кинопрокате: выходившие в относительно большом количестве зарубежные кинофильмы стали своеобразным «окном в мир», и советские женщины познакомились

с зарубежными модами. Так, появление на экранах кинофильма «Бабетта идет на войну» вызвало моду на «начес», высокую башню на голове из легко уложенных волос; эта прическа так и называлась — «бабетта». Поскольку изготовление такой прически требовало длительного труда, модницам приходилось спать, подкладывая под шею валик и мыть голову и даже шею как можно реже, чтобы не погубить с таким трудом выстроенную «башню». Это вызвало даже ироническое название такой прически «вошкин дом» (по аналогии с детской сказкой «Кошкин дом»). Под влиянием кинофильма «Колдунья» с Мариной Влади в главной роли появилась одноименная прическа — длинные волосы, распущенные по плечам. Кинематографу обязана своим появлением и прическа «конский хвост» — длинные волосы, собранные вместе на затылке заколкой, ленточкой или просто резинкой и свисающие на спину. Сравнительно короткие волосы стали укладываться разными способами в парикмахерских или дома, с помощью щипцов, сначала нагревавшихся на открытом огне, а с 60-х годов и электрических, либо на ночь завивались на бигуди, которые скоро стали обычным галантерейным товаром. Все это разнообразие, получившее иронические названия «взрыв на макаронной фабрике» и «я у мамы дурочка», в 70-е годы перестало привлекать внимание посторонних: общество стало более терпимым.

Довольно разнообразным был набор мелких аксессуаров, использовавшихся в женских прическах. Это были малозаметные металлические заколки двух типов: одна — в виде застегивавшейся небольшой «английской булавки», другая — в форме узкой короткой или длинной и более широкой двузубой вилки со слегка волнистыми концами. С 60-х годов на первом типе заколок стали появляться миниатюрные цветные пластмассовые накладки, а в 70-е годы — и яркие фигурные накладки в виде цветочка или бабочки. С довоенных времен нередко использовались довольно большие, овальные, слегка изогнутые приколочки из черепахового панциря (дорогие и редкие), роговые, а затем и пластмассовые, под черепаху, часто ажурные и украшенные мелкими ограненными стеклышками, имитировавшими бриллианты. Такой аксессуар, как маленький кокетливый яркий бантик, применялся очень редко. Женщины с короткой стрижкой, чтобы волосы не рассыпались, часто пользовались маленькой, собранной на тонкой резинке черной сеточкой; на сплетение нитей иногда наносили маленькие белые «мушки». Такие сеточки носили и те, кто, например, собирал длинные волосы на затылке в большой узел, или подбирал длинные волосы на шее в валик: узел и валик также закреплялись такой сеточкой. Следует от-

метить, что короткое время, примерно с самого конца 40-х и до середины 50-х годов, сеточки (но без «мушек») на голове иногда носили и молодые мужчины, точнее, юноши, в угоду моде носившие сравнительно длинные волосы.

Часто употреблявшиеся для закрепления прически женские гребни, довольно большие, с редкими зубьями, изогнутые полукругом, сначала были черепаховыми или роговыми (из коровьего рога), затем — пластмассовыми, черными, коричневыми или охристого цвета. Нередко они также украшались мелкими гранеными стеклышками. Женские расчески, черепаховые или роговые, затем, в 50-е годы алюминиевые или пластмассовые, были довольно большими, с ручкой. Мужские расчески из тех же материалов были, как и сейчас, значительно меньше. В 50-е годы, более дорогие мужские пластмассовые расчески заключались в анодированный под золото алюминиевый чехольчик, а на спинке расчески зажималась такая же накладка. Мужчины часто носили расчески на виду, в нагрудном кармане пиджака. Волосяные щетки, довольно распространенные в 20–30-е годы, в 40-е практически исчезли и вновь появляются в 60–70-х годах, теперь с металлическими зубцами на резиновой основе, закрепленной на пластиковом корпусе с ручкой. Эти щетки оказались некачественными: зубцы быстро гнулись и даже выпадали.

Парфюмерия и косметика. Набор парфюмерии и косметики в советской торговле долго был довольно ограниченным. В 20-е годы ее применение было ограничено даже идеологически: употребление косметики в первые десятилетия советской истории подвергалось осуждению, так как считалось, что работница, комсомолка вообще не должна прибегать к этому «буржуазному» способу украшения, недостойной форме саморекламы для «продажи» себя нэпманам. Однако в ограниченных размерах пудра, губная помада, лак для ногтей, реже румяна, употреблялись не только обеспеченными слоями: нэпманшами, женами ИТР, артистками и т. д., но и мелкими служащими. Газеты 20-х годов содержали рекламу средства для уничтожения угрей и пудры «Адон», крема, мыла и пудры «Имша» и пр. В 1922 году была восстановлена парфюмерная фабрика Брокера, получившая название «Новая Заря». В 30-х годах была реконструирована ленинградская фабрика «Северное сияние». Резко расширилось производство косметики и парфюмерии. Вся эта продукция отмечалась аббревиатурой ТЭЖЭ — треста «Жиркость», в который в 1936 году входило уже 36 предприятий: в стране родилась парфюмерная индустрия. Примечательно, что в конце 30-х годов возглавляла ее П. Жемчужина — жена главы правительства В. Молотова. Широко упо-

треблялись одеколоны («Тройной», «Шипр», цветочные) и духи, преимущественно цветочные — «Сирень», «Ландыш», а также «Кармен» с очень резким запахом и др.

Разливались они в простейшие и довольно большие флаконы, которые в малообеспеченных слоях населения из-за яркой этикетки даже служили украшением интерьера. Точно так же использовались большие коробки пудры «Красный мак», маленькие круглые коробки пудры «Лебедь». Самыми престижными и дорогими, недоступными массе населения, были духи «Красная Москва» — бывший дореволюционный «Любимый букет Императрицы», представленные на Всероссийской хозяйственной выставке уже в 1925 году. В меньшей степени известны были лосьоны (в основном с конца 50-х годов), туалетные воды и туалетный уксус. Выпускались в фигурных коробках детские наборы «Мойдодыр» с туалетным мылом, зубным порошком и зубной щеткой. Дезодоранты были совершенно неизвестны. В годы войны все это свелось к ограниченному производству простого мыла: промышленность была ориентирована на производство военной продукции, так что население прибегало даже к употреблению печной золы вместо щелока и кустарному мыловарению. Однако в послевоенный период выпуск косметическо-парфюмерной продукции возродился, хотя в обстановке общего сурового аскетизма только узкий круг женщин в первые послевоенные годы пользовался яркой губной помадой, пудрой, очень редко румянами. С середины 50-х годов применение косметики женщинами стало повсеместным: даже совсем юные девушки стали ярко красить губы и ногти, интенсивно стали употребляться тушь для ресниц и бровей и тени для век, иногда с убийственным эффектом ввиду довольно низкой общей культуры и отсутствия вкуса. Сложные прически потребовали широкого употребления лака для волос. Парфюмерная промышленность перестала справляться с обеспечением резко возросшего спроса, что вызвало появление низкокачественной, кустарно изготовленной косметики; так, на вокзалах и в других местах массового скопления людей цыганки активно торговали тенями для век и тушью, иногда с вредными для здоровья включениями.

Военная форменная одежда и снаряжение. В 1918 году создается Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА), а с января 1919 года устанавливается ее форменная одежда. Она состояла из шинели, рубахи и шаровар, летней фуражки с козырьком и зимнего суконного шлема, в быту называвшегося богатыркой, поскольку напоминал старинный шлем-шишак. Шлем, в 20-е годы в быту полу-

чивший название фрунзевки (по имени наркома обороны М. Фрунзе), а в 30-е годы — буденовки (по имени одного из сподвижников И. Сталина, С. Буденного), состоял из суконного колпака в виде шишака из шести суживающихся сверху клиньев, пришитого к колпаку простеганного козырька, и назатыльника, который мог сворачиваться вдвое и отгибаться вверх; в сложенном виде назатыльник кожаными петлями пристегивался на две обтянутые сукном пуговицы к колпаку. Спереди на колпак пришивалась суконная звезда цвета родов войск.

Шинель, называвшаяся кафтаном, из серого шинельного сукна, была с двумя нагрудными вертикальными прорезными карманами и двумя такими же боковыми карманами. Застегивалась она на крючки. Снаружи к борту пришивались три клапана цветного сукна: малинового (стрелковые войска), синего (кавалерия), оранжевого (артиллерия), черного (инженерные войска), голубого (авиация), зеленого (пограничные части). В военном быту эти клапаны назывались «разговорами». Свободные концы клапанов стреловидной формы пристегивались прорезными петлями на пуговицы. Воротник был отложной, с нашитыми на углы цветными петлицами. Обшлага кавалерийской шинели были фигурные, мысиком. Обшлага, воротник и планки на карманах кроились из более темной ткани, нежели сама шинель. По шву обшлагов и краю воротника был кант приборного сукна. Кавалерийская шинель была длиннее пехотной. Сзади во встречной складке был разрез (шлиц).

Темно-серая рубаша была со стоячим воротником и двумя прорезными вертикальными боковыми карманами. Рукава с манжетами, застегивавшимися на пуговицы защитного цвета. Спереди был несквозной разрез, прикрытый планкой и застегивавшийся налево на две пуговицы. На воротник и грудь по обе стороны застежки попарно нашивались цветные клапаны: одна пара на воротнике и три на груди. На левом рукаве рубашки и шинели, выше манжеты, нашивались суконные знаки различия.

Обувью служили кожаные лапти, состоявшие из кожаного верха, подошвы с набойками, сыромятных ремешков и двух медных колец. Носились они с обмотками. Верх лаптей выкраивался из одного цельного куска мягкой кожи и сшивался по заднику. Ремешками лапти стягивались вверху по ноге через кольца и завязывались на ноге. Допускалось ношение ботинок с обмотками и сапог. Обмотки представляли собой неширокую длинную суконную ленту, которой обматывалась нога от ступни до колен.

В снаряжение входил кожаный поясной ремень коричневой кожи с простой пряжкой, портупья для шашки, кому она была положена, и спереди справа кожаный коробчатый патронташ для винтовочных патронов у тех, кому была положена винтовка. Револьвер, кому он был положен, носился в кожаной кобуре на поясном ремне на правом боку, придерживаясь портупеей. Нередко использовались маузеры, деревянная кобура-колодка которых висела на узком плечевом ремне. У командиров походные ремни спереди вертикально надевались на поясной ремень, сзади на уровне лопаток соединялись в один, который надевался на поясной ремень посередине спины.

Тяжелое материальное положение страны препятствовало полному и правильному снабжению армии предметами обмундирования. Поэтому значительная часть военнослужащих пользовалась предметами, оставшимися от старой русской армии, взятыми в качестве трофеев и т. п. Так, широко использовались френчи, пришедшие в русскую армию от союзников, гимнастерки, кители, шинели, крытые сукном полушубки и т. д. Мало того, материальное снабжение армии вообще было крайне неудовлетворительным. Летом 1921 года Военная инспекция РККА докладывала о проверке Харьковского военного округа: *«75 % войсковых частей ХВО размещено по бытовых квартирам и только 25 % размещены по казармам. Казармы оборудованы лишь топчанами и нарами, и другой казарменной обстановки не имеется. Постельной принадлежности никакой, и только в одной дивизии имеются матрацы из камыша. Войска, расположенные по бытовым группам по 2–5 человек, плохо обставлены с довольствием, не получая такового на руки, т. к. разбросанность и отсутствие котлов, недостаток походных кухонь, довольствование из общего котла не допускают этого.*

Производству летних занятий мешал недостаток обмундирования (50–80 %) и обуви от 50 до 90 %».

В августе 1921 года Военморинспекция обследовала Западный фронт. Выводы инспекторов были таковы: *«Обмундирования и обуви... недостаточно, а имеющиеся находятся в неудовлетворительном виде. Особенно это заметно на шинелях и обуви. Можно нередко встретить красноармейца, идущего в баню в ненастную погоду босиком... Постельной принадлежности почти никакой. Главных предметов обмундирования недостает... Винтовок, штыков некомплект. Ружейной принадлежности мало: один комплект на 4–5 винтовок. Смазки мало. Винтовки содержатся удовлетворительно... Мыла для мытья рук достаточно. Умывальников недостаточно».*

Даже в Московском военном округе положение с форменной одеждой в 1921 году, по замечанию Председателя Реввоенсовета Республики А.Д. Троцкого, было... смешным: *«Пестрота в обмундировании частей, даже Московского гарнизона, наблюдается чрезвычайная. Шинели всех цветов радуги, богатырки чередуются в рядах с папахами. На зимних головных уборах сплошь да рядом отсутствует красноармейская звезда. Нужно принять меры к упорядочению обмундирования путем подбора в одних частях папах, в других — богатырок с соответственным подбором шинелей по цвету и пр. »*.

Не лучше обстояло дело и в военно-учебных заведениях, хотя красные курсанты всю Гражданскую войну были преданной опорой советской власти. Акт комиссии Военморинспекции о проверке в декабре 1921 года 88-х пехотных Гомельских командных курсов гласил: *«Около половины курсантов не имеют совершенно никакой обуви, а у многих курсантов она до того плоха, что выходить из казармы в ней не представляется возможным. У большинства курсантов нет даже брюк, гимнастеров, шинелей. Поэтому приходится наблюдать такие факты: курсанты собираются в караул, один раздобывает себе брюки, другой — шинель, третий — сапоги. Среди остающихся попадают такие, которые имеют на себе только нижнее белье, на них нет даже рваных сапог. На курсах нет одеял, простынь и другого белья »* (Веселая Г. По бездорожью XX века. М., 2017).

В 1922 году, после окончания Гражданской войны, совершился переход к новой, строго регламентированной единой форме. Покрой шинели изменился незначительно: вместо двух складок по бокам с хлястиками одна встречная складка делалась теперь посередине спины, стягиваясь на пояснице съемным хлястиком на пуговицах. Для прочности в местах пришивания пуговиц настрачивались фигурные столбики шинельного сукна. Остальные элементы шинели не изменились. На левый рукав нашивались цветные суконные знаки различия нового типа, а выше локтя нашивался знак рода войск. На петлицах воротника наносилась шифровка и эмблемы рода войск. Не изменился и зимний суконный шлем; только его заострение вверху немного изменило конфигурацию. Был введен летний шлем из серого хлопчатобумажного полотна; его колпак сшивался из четырех клиньев, а вместо отдельных козыря и отворачивающегося складного назатыльника задний неширокий козырь составлял единое целое с передним, прострачиваясь для жесткости. Суконная зимняя темно-серая рубаха также изменилась незначительно, получив вместо стоячего стояче-отложной воротник с нашивавшимися на него пет-

лицами. Рубаха красноармейцев имела подкладку до талии, а комсостава — до низа, с внутренним, на подкладке, карманом. Летняя рубаха была светло-серая, без подкладки. В комплект к зимней и летней рубашам шились шаровары. У комсостава в боковых швах были цветные канты. Кавалерийские шаровары были более расширены в бедрах, по типу галифе, и иногда имели кожаные леи в области сидения и на внутренней стороне ног выше колен. Лапти были упразднены. Обувью у командиров и в кавалерии служили сапоги, а у красноармейцев в пехоте — ботинки с обмотками.

В 1923 году на обмундировании введены металлические (латунные) пуговицы, сначала только у курсантов военно-учебных заведений. На лицевой поверхности было выдавлено изображение пятиконечной звезды с серпом и молотом в середине; на флоте на пуговицах изображался якорь. В июле 1924 года появились металлические пуговицы разных размеров, для разных элементов одежды.

В 1924 году вместо летнего шлема введена фуражка из льняного палаточного полотна или хлопчатобумажной палаточной ткани. Козырек был также тканевый, простроченный для жесткости. Над ним на околыше был подбородный ремень, пристегивавшийся на пуговицы защитного цвета. Новая летняя рубаха с отложным воротником и петлицами на нем получила нагрудные накладные карманы с фигурными, мыском, клапанами. Шилась она из хлопчатобумажной ткани защитного цвета и носилась под широкий кожаный ремень с простой пряжкой. Летние хлопчатобумажные шаровары защитного цвета отличались от прежних пришивными манжетами с разрезами и пуговицами внизу штанин. У зимней рубашки воротник был стояче-отложной, с петлицами, рукава с манжетами, на груди большие накладные карманы с фигурными клапанами, боковые — прорезные, в рамку. У рубах-френчей командного, административно-хозяйственного и политического состава вместо прорезных карманов были накладные, с фигурными клапанами, а сзади по талии был хлястик, пристегивавшийся на две пуговицы. Носилась рубаха под ремень с простой пряжкой. Фактически это был френч. Зимние суконные шаровары в пехоте были защитного цвета, в кавалерии синие. Шинель образца 1924 года — из серого шинельного сукна, с отложным воротником и ромбовидными петлицами в его углах, двубортная, застегивавшаяся на четыре пары крючков с петлями. Кавалерийская шинель была немного длиннее пехотной. Обшлага с мыском, у кавалеристов более выраженным; обшлаг левого рукава в кавалерии не пристрачивался с нижней стороны к рукаву, образуя карман. Карманы боковые, вертикальные, прорез-

ные. Спинка цельная, с двойной встречной складкой, скрепленной вверху, со съёмным хлястиком на пуговицах, пришитых на накладные фигурные столбики. Внизу складки — разрез, застегивавшийся на две пуговицы, в кавалерии более длинный, с четырьмя пуговицами. Воротник, обшлага и листочки карманов темно-серого сукна.

Снаряжение составляли, при караульной и походной форме, у командиров портупья через правое плечо, у красноармейцев надевавшийся справа на поясной ремень кожаный коробчатый патронташ.

В ВВС все обмундирование армейского покроя было темно-синее, в военное время защитного цвета. Зимним и летним головным убором служила синяя фуражка с черным козырьком. Также в ВВС было введено темно-синее однобортное пальто покроя реглан. Обшлага фигурные, мысиком, воротник отложной, с ромбическими петлицами в углах. Боковые карманы прорезные, чуть наклонные. Пальто носилось с суконным поясом (кушаком). На все виды одежды летчиков на левый рукав выше локтя нашивался нарукавный знак. В 1925 году для комсостава ВВС введена новая форма, покроя армейской, цвета хаки. Френч получил английский покрой: застегивавшийся на три пуговицы, с открытыми лацканами, на спине была встречная складка, закреплённая по линии талии; рукава с хлястиком на пуговице; накладные карманы с клапанами на груди и боках имели посередине широкую складку. Френч носили с легкой рубашкой цвета хаки и галстуком того же цвета.

В Рабоче-крестьянском Красном флоте (РККФ) в 1924 году для комсостава было установлено пальто цвета маренго, двубортное, с отложным воротником, с боковыми прорезными карманами с клапанами. На спине встречная складка с разрезом, застегивавшимся на три пуговицы. На рукавах выше прямых обшлагов нашивались знаки различия. Комсоставу также дана черная суконная двубортная тужурка на шести пуговицах. Воротник ее отложной с лацканами, с двумя боковыми прорезными карманами с клапанами и одним прорезным нагрудным карманом слева. Ее носили с суконным однобортным жилетом, белым воротничком и черным галстуком. Имелся также синий однобортный китель со стоячим воротником, с двумя боковыми прорезными и двумя нагрудными накладными карманами с фигурными клапанами. Летом носили белый китель того же покроя, но без боковых карманов. Брюки навыпуск, зимние черные, летом белые. Ботинки гражданского типа на шнуровке. Фуражка черная, с кожаным или фибровым козырьком; летом на нее надевался белый чехол. Зимняя шапка-ушанка черного сукна, с меховым козырьком и назатыльником с наушниками.

У краснофлотцев пальто цвета маренго однобортное, с отложным воротником, боковыми прорезными наклонными карманами. Пальто застегивалось на крючки. На спине встречная складка с разрезом и съемный хлястик на пуговицах. Употреблялся также бушлат черного сукна, двубортный, с отложным воротником и боковыми прорезными карманами. В состав формы входили также рубахи: темно-синяя фланелевая рубаха (фланелевка) с глубоким вырезом, с широким откидным воротником, на который надевался съемный форменный воротник, и форменная рубаха (форменка) из белого полотна, с глубоким вырезом с широким прямоугольным откидным воротником. Воротник и манжеты синие, с тремя белыми полосками. Рубаха носилась заправленной в брюки, зимние черные суконные, летние белые полотняные. Поясной ремень широкий черный, с латунной бляхой с отштампованным якорем. Головным убором была бескозырка черного сукна, по околышу шла узкая черная репсовая лента с длинными концами, свисавшими на спину. Спереди на ленте золотом вытеснено название корабля или части, на концах — золотые якоря. Зимняя шапка такая же, как у комсостава.

На Северном Кавказе появились национальные части и соединения. В 1926 году им дано обмундирование, до революции существовавшее в кавказских казачьих войсках. Черкеска темно-серого сукна застегивалась изнутри на крючки, а снаружи на пять пуговиц и шнуровых петель. Внизу боковых швов были разрезы. На груди глубокий вырез без лацканов и воротника. По сторонам его размещались по 12 гнезд-напатронников для газырей. Края пол, разрезы и напатронники обшивались тонким черным шнурком. Черкеска подпоясывалась узким черным кавказским ремешком с серебристыми металлическими накладками. Черкеска надевалась на черный сатиновый бешмет с разрезом посередине, с высоким прямым стоячим воротником, длиной до колен. Края воротника и разреза обшивались черным шнуром. Бешмет застегивался на шнуровые петли и пуговицы. Шаровары темно-серые, типа галифе. Верхнюю одежду составляла бурка из черного сукна с начесом, на подкладке. Плечи бурки были жесткие прямоугольные, ворот округлый, без воротника. Ворот и борта обшивались черной кожей и черной тесьмой. Изнутри пришивался кожаный ремешок с крючком и петля для удержания бурки при быстрой верховой езде.

Головным убором служила папах-кубанка с барашковой черной тульей. Тулья прикрывала суконный колпак с округлым цветным верхом, на который крестообразно нашивалась белая тесьма. Кубанка до-

полнялась башлыком того же сукна, что и черкеска, с двумя длинными концами, обшитыми черным шнуром. На верхушке пришивалась черная кисточка. Мягкие сапоги-чувыки черной козловой кожи, с низкими каблуками, в верхней части голенища стягивались ремешками с пряжками.

С 1926 года воротники и обшлага шинелей шьются из обычного серого шинельного сукна. Для начальствующего состава сухопутных сил вводятся темно-синие шаровары, в кавалерии и конной артиллерии — синие. В ВВС у начсостава в конце 1926 года вновь вводится темно-синее обмундирование, с белой рубашкой и черным галстуком. В 1927 году в кавалерии вводятся цветные фуражки, с тульей по дивизиям, а околышем — по полкам: в 1-м полку красные околыши, во 2-м — бирюзовые, в 3-м — желтые, в 4-м — белые, в 5-м — голубые, в 6-м — оранжевые. В эскадронах связи и саперных эскадронах околыши синие, в конной артиллерии — черные. Общекавалерийская фуражка имела синюю тулью, красный околыш и белые канты. В 1929 году цветные фуражки отменены, введена единая кавалерийская фуражка с тульей цвета хаки, синим околышем и черными кантами. Таким образом, несмотря на материальные трудности и острый дефицит «мануфактуры» у гражданского населения, в армии, как и до революции, идет игра в солдатики в виде бесконечных перемен в форменной одежде.

В 1927 году сначала в южных, а затем во всех военных округах введено ношение летом вне строя белых рубаш. В качестве летнего головного убора во всех войсках, кроме кавалерии и конной артиллерии, вводится суконная фуражка цвета хаки, с черным лакированным козырьком. В 1931 году в кавалерии и конной артиллерии, кроме Сибири и Дальнего Востока, вместо полушубков введены короткие ватные куртки: двубортные, на крючках, со стоячим воротником, с косыми прорезными боковыми карманами, отрезные по талии, с выкройной спинкой, т. е. покроя прежних полушубков. На юбке разрез до талии. Среднему, старшему и высшему начсоставу РККА разрешено носить зимой шапки-финки, плащ-пальто и бекеши. Двубортный плащ-пальто на четырех пуговицах шился из прорезиненной ткани стального цвета, с отложным воротником с петлицами; в нижней части рукавов — фигурные хлястики с пуговицами, карманы боковые прорезные, с клапанами, на спинке двойная встречная складка с разрезом, по талии хлястик из трех частей: средняя пристегивалась на пуговицы к пристроченным боковым. К подворотнику на пуговицы пристегивался капюшон. Бекеша защитного цвета, на ватной или меховой под-

кладке, двубортная, по талии отрезная, с потайной застежкой, с отложным меховым воротником, с вертикальными прорезными карманами, с длинным разрезом сзади.

Шапка-финка состояла из суконного колпака с пуговицей наверху и меховых козыря спереди и отгибающегося назатыльника с боков и сзади.

Для танкистов в 1931 году введен кожаный шлем. Округлый твердый колпак охватывался по нижней кромке и, крестообразно, сверху, выпуклым валиком; спереди был небольшой жесткий козырек, сзади мягкий отворачивающийся козырь, по бокам — длинные уши со слуховыми отверстиями.

В 1932 году было принято новое походное снаряжение для командного и начальствующего состава из коричневой кожи. Это был широкий кожаный поясной ремень с двухшпильковой пряжкой, с передвижными муфтами с полукольцами, к которым крепились передние и задний плечевые ремни. При повседневной форме носился один плечевой ремень (портупья) через левое плечо, грудь и спину, и кобура. При походной форме носили два плечевых ремня, кобуру, полевую сумку, бинокль, флагу и противогаз. В ВВС при любой форме одежды носили только одну портупью, поддерживающую кобуру с пистолетом (револьвером).

В 1935 году проведено очередное изменение знаков различия и форменной одежды военнослужащих. Для комсостава введена новая фуражка с околышем и кантами из приборного сукна, а для ношения со стальным шлемом (каскай) и полевой формы введена пилотка. Тулья фуражки и пилотка цвета хаки, в бронетанковых войсках — стального цвета. В ВВС вместо фуражки введена темно-синяя пилотка с голубой окантовкой. На пилотку спереди нашивалась суконная красная звезда, на которую прикалывалась красноармейская металлическая звездочка. Комсостав получил двубортную, на четырех пуговицах, шинель, в автобронетанковых войсках стального цвета, в ВВС — темно-синюю, в остальных войсках — темно-серую. Воротник отложной, рукава с прямыми обшлагами, боковые прорезные карманы с клапанами, спинка со встречной складкой и разрезом, на талии хлястик на пуговицах. У высшего комсостава по краю воротника и верху обшлагов проходил кант установленного для рода войск цвета, а у маршалов Советского Союза и командармов 1-го и 2-го рангов он был еще и по бортам. Вне строя с брюками навывпуск шинель носили с открытыми лацканами. В кавалерии и конной артиллерии шинель осталась прежняя.

В ВВС и автобронетанковых войсках комсоставу дан однобортный френч с открытыми лацканами, темно-синий или стального цвета, однобортный, на четырех пуговицах. На груди накладные карманы с бантовой складкой и клапанами с тремя мысиками, на боках — прорезные, с такими же клапанами. Носили его с белой рубашкой и черным галстуком. В других войсках, тыловых учреждениях и штабах френч цвета хаки, такого же покроя, но закрытый. Его надевали с брюками навыпуск того же цвета, с цветными кантами по боковому шву, или с галифе, в автобронетанковых войсках стального цвета, в кавалерии и конной артиллерии синими, в остальных войсках — темно-синими, также с кантами по боковому шву.

Для повседневного ношения в строю была утверждена гимнастерка цвета хаки, со стояче-отложным воротником; разрез почти до пояса застегивался на три мелкие пуговицы. На груди были накладные карманы с фигурными, с тремя мысиками, клапанами. Манжеты застегивались на две пуговицы. По краю воротника и верху манжет пролегал кант. Гимнастерку можно было носить с пилоткой.

Для младшего комсостава и рядовых, кроме ВВС, также введена фуражка с цветным околышем и верхом цвета хаки, но хлопчатобумажным, а также пилотка без кантов и с суконной звездочкой. В ВВС вместо фуражки была пилотка с голубыми кантами. Остальное обмундирование осталось прежним. Для комсостава введено новое снаряжение. Поясной ремень с бесшпильковой пряжкой с пятиконечной звездой, поясной муфтой и шлевкой, длинный плечевой ремень и короткий плечевой ремень с пряжкой и муфтой для пристегивания. Портупея стала надеваться через правое плечо.

Были сформированы казачьи терские, кубанские и донские части. В 1936 году для них установлена выходная (парадная) форма одежды. Кубанка из черной мерлушки с цветным суконным верхом: светло-синим для терцев, красным для кубанцев нашитым крестообразно сутажем, желтым у командиров, черным у рядовых. Бешмет — однобортная, с застежкой на крючки рубаха из сатина, светло-синего у терцев, красного у кубанцев, с отрезным лифом и стоячим воротником с петлицами. По краю воротника и бортов бешмета у комсостава проходил синий кант и узкий золотистый галун. Черкеска у терцев светло-серая, у кубанцев — темно-синяя, с отрезным, плотно прилегающим в талии лифом, с открытым, без воротника и лацканов воротом и длинной широкой юбкой с разрезом сзади от талии до низа. Борта прилегали встык и застегивались на крючки. Рукава без обшлагов имели по заднему шву разрез. На груди по девять напатронников-

газырей, края которых, а также ворот и борта, обшивались черным шнуром. Бурка с начесом, с прямоугольными плечами; горловина и края бортов обшивались полоской черной кожи. Бурка застегивалась у горла на пуговицу или завязывалась на тесьму. Башлык из приборного сукна, светло-синего у терцев, красного у кубанцев, светло-серого у донцов. Шаровары общеармейского покроя из темно-синего сукна с кантами приборного сукна по полкам, а у донских казаков — с красными лампасами. У донцов — папаха черной мерлушки, с красным суконным верхом, также с сутажем желтым или черным. Верхней одеждой донцов был казакин темно-синего сукна со стоячим воротником и отрезной юбкой, однобортный, застегивавшийся на крючки, плотно прилежавший в талии. Рукава с обшлагами мысиком на передней половине. По краю воротника и шву притачивания обшлагов шел красный кант.

В кавбригаде горских национальностей парадный головной убор представлен коричневой мерлушковой кубанкой, слегка расширяющейся кверху; верх у комсостава из красного сукна, с крестообразным золотым галуном в два ряда, у рядовых — из красной хлопчатобумажной замши, с черным сутажем на донышке. Повседневная хлопчатобумажная рубаша цвета хаки, парадная из красного сатина, со стоячим воротником, нагрудными накладными карманами с прямоугольными клапанами. Разрез спереди застегивался встык на черные петли. Низки рукавов могли собираться в складки и застегиваться на шнуровые петли и пуговицы. По краям воротника, разреза, клапанов и низков рукавов шла черная шнуровая окантовка. У комсостава дополнительно по краю воротника и разреза рубаша нашивался узкий золотой галун. Повседневную рубашу носили с общекавалерийским снаряжением, парадную — под черкеской. Черкеска черная, суконная, на красной сатиновой подкладке. Газыри у рядовых никелированные, у комсостава серебряные. Башлык из красной хлопчатобумажной замши закреплялся черным шнуром и носился со свисающими на спину концами. Сапоги кавказского образца, с отложным козырьком, из темно-коричневой кожи. В повседневной форме рубаша хаки, шаровары синие, фуражка хаки с синим околышем.

В 1936 году получили специальную форму слушатели Академии Генштаба, с черным бархатным воротником, малиновыми петлицами и белыми кантами.

В 1938 году комсоставу разрешено носить френч цвета хаки с темно-синими брюками навыпуск. Личному составу Среднеазиатского, Северо-Кавказского и Закавказского округов и частям, расположен-

ным в Крыму, в качестве летнего головного убора дана хлопчатобумажная панама цвета хаки (в автобронетанковых войсках — стального цвета) с широкими полужесткими простроченными полями, с округлым козырьком из четырех клиньев. Спереди нашивалась красная суконая звезда, на нее прикалывалась металлическая звездочка.

Несмотря на кажущуюся заботу о материальном снабжении армии, ситуация оставалась неблагоприятной. Прежде всего отсутствовала теплая одежда и обувь: некоторое ее количество имелось только для часовых. Все обмундирование красноармейцев, кроме шинели и зимнего шлема, было хлопчатобумажным, обувью служили ботинки с обмотками; у командиров брюки-галифе (бриджи) и гимнастерка были из тонкой шерстяной диагонали, обувью были хромовые сапоги. В результате во время советско-финской войны зимой 1939–1940 годов Красная армия замерзшими насмерть и обмороженными потеряла почти столько же, сколько убитыми и ранеными. По итогам войны командованию пришлось принимать срочные меры по обеспечению войск зимним обмундированием. В 1940 году зимний суконный шлем в армии заменен шапкой-ушанкой, у комсостава из серой цигейки, у рядовых из искусственного меха. Появились овчинные полушубки и валенки.

Тем не менее реально материальное снабжение красноармейцев оставалось очень плохим. *«Мобилизованные в финскую войну не демобилизовались. Наоборот, армия получала пополнения. А условия содержания армии ухудшились. Был урезан рацион хлеба. Вместо килограмма в сутки стало семьсот граммов. Тимошенко ввел еженедельно дни, когда кухни не работали, и бойцы получали сухой паек. В обед получали концентрат горохового супа и пшенной каши. Варить бойцы должны были сами. В условиях, приближенных к боевым. Варили в котелках на костерках <...>*

Обмундирование наше было таким, что в увольнительную в город не пускали, дабы не смущать нашим видом жителей. Демобилизованных старшего возраста бойцов, участников финской войны, при демобилизации одевали в х/б третьей категории, то есть буквально в лохмотья. <...>

Но была еще одна причина, почему мы не ходили по увольнительной в город: нас просто в город не пускали. Наше обмундирование — х/б третьей категории, то есть то, в котором мы ползали по земле на занятиях и работали, имело такой вид, что показываться в нем в городе было просто невозможно. А у меня вообще получилась неприятность. Мне поручили подзаряжать аккумуляторы для наших радистов, и я

как-то тащил бутылъ со щелочью и облил себе гимнастерку. Облитые места тут же выпали, будто их вырезали. Я отправился к каптенармусу с просьбой заменить гимнастерку. Каптенармус сказал: “Не положено”. Новое обмундирование выдается только раз в год перед Первым мая. Тогда я нитками стянул дыры на гимнастерке и в таком виде ходил. Чтобы пойти по увольнительной в город, взаймы брал гимнастерку у старшины» (Деревенец А. Сквозь две войны).

В связи с введением новых званий высшего комсостава вводится новая форма для генералов и маршалов. Папаха высокая, серой мерлушки; цвет колюка с крестообразно нашитым золотистым галуном соответствовал цвету лампасов. Шинель стального цвета двубортная, с боковыми прорезными карманами с клапанами, с красным кантом по борту, обшлагам мыском, воротнику, хлястику и столбикам для его пристегивания. Мундир однобортный, стального цвета с отложным воротником, обшитым желтым сутажем, также с кантом; сзади на юбке в боковых швах ниже талии треугольные клапаны с пуговицами. Брюки в сапоги или навывуток, цвета мундира, с двойными лампасами. Летнюю повседневную форму составляли фуражка, китель цвета хаки или белый, с прорезными нагрудными карманами с клапанами, с отложным воротником, брюки в сапоги для строя, светло-синие, с двойными лампасами. Вне строя брюки навывуток, стального цвета, также с лампасами, в том числе и при белом кителе. Фуражка с красным околышем, цвета хаки или белая; в авиации околыш голубой. Повседневная и парадная фуражка была с двойным золотистым шнуром вместо подбородного ремня, походная — с черным лакированным ремнем. У маршалов и общевоисковых генералов цвет петлиц, кантов и лампасов красный, в артиллерии и танковых войсках петлицы черные, канты и лампасы красные, в авиации петлицы, канты и лампасы голубые, в войсках связи, инженерных, технических войсках и интендантской службе — малиновые. Ремень коричневой кожи, отделанный строчкой, с золоченой пряжкой с изображением пятиконечной звезды и серпом и молотом внутри. Портупея для шашки надевалась под мундир и состояла из узкого поясного ремня и двух пасиков, короткого и длинного, с золоченой фурнитурой.

Генеральская одежда делилась на походную, повседневную и парадную; повседневная и парадная форма подразделялась на форму для ношения в строй и вне строя. Походная форма состояла из фуражки цвета хаки с цветным околышем (зимой — папахой), темно-серой двубортной шинели, кителя и бриджей цвета хаки, сапог, перчаток, шпор, кому положены, и походного снаряжения, надеваемого поверх

кителя или шинели. Повседневная форма для строя отличалась от походной темно-синими бриджами, и вместо походного носили строевое снаряжение. При повседневной форме вне строя носили шинель стального цвета, фуражку цвета хаки при кителе цвета хаки или фуражку стального цвета при шинели, летом разрешалось носить фуражку с белым чехлом при белом кителе, зимой — папаху; светло-синие бриджи или темно-синие брюки навыпуск, сапоги или ботинки, перчатки и шпоры, кому положено. Парадная форма для строя включала парадную цветную фуражку, зимой — папаху, парадную шинель, мундир, светло-синие бриджи, сапоги, перчатки, шпоры и, если положено, — кожаный пояс и шашку. Вне строя при ней носились брюки стального цвета навыпуск с ботинками и шашка.

Форма одежды моряков с 1940 года делилась на парадно-выходную и повседневную, подразделявшуюся на летнюю и зимнюю; кроме того, имелась нумерация формы. Зимняя форма командного и начальствующего состава включала черную шапку-ушанку с кожаным колпаком, шинель цвета маренго, суконную тужурку с белой рубашкой и галстуком, брюки навыпуск и ботинки. В строю поверх шинели надевали снаряжение. При летней форме употреблялась фуражка с белым чехлом, суконная черная двубортная тужурка с отложным воротником и лацканами или суконный темно-синий или хлопчатобумажный белый китель со стоячим воротником и накладными нагрудными карманами, суконные черные или хлопчатобумажные белые брюки и черные ботинки. Вне строя можно было носить двубортный, цвета хаки прорезиненный плащ, а на Северном флоте еще и кожаное пальто цвета хаки, двубортное, с коричневым цигейковым воротником и меховой подстежкой, с прорезными вертикальными нагрудными карманами с планкой и прорезными боковыми карманами с клапанами.

Рядовые краснофлотцы и старшины носили зимой черную шапку-ушанку, шинель цвета маренго двубортную, на крючках, с пятью декоративными пуговицами посередине; суконную темно-синюю фланелевую рубашу (фланелевку) с форменным хлопчатобумажным светло-синим воротником с тремя белыми полосками, суконный черный галстук и брюки навыпуск. В качестве демисезонной формы носили черный суконный бушлат, двубортный, с отложным воротником и прорезными боковыми карманами. Фланелевку носили с бескозыркой, тельняшкой, форменкой и брюками навыпуск. При летней форме носили светло-синюю форменку с тельняшкой, черными брюками навыпуск и бескозыркой или белую форменку со светло-синим воротником и такими же манжетами с тремя узкими белыми полоска-

ми, тельняшку, белые брюки и бескозырку в белом чехле. Рабочей формой была серая парусиновая «роба» из рубахи с нагрудным карманом и просторных штанов.

В январе 1941 года для бойцов пехоты введено полное походное снаряжение: поясной ремень из тесьмы или кожи; плечевая лямка из тесьмы; двухгнездная кожаная патронная сумка (патронташ); поясная тканевая запасная патронная сумка; тканевая сумка для ручных гранат; чехол для малой лопатки; сумка продуктовая с поясными носильными петлями; продовольственный мешочек; суконный чехол для фляги; тканевый ранец с наплечными и шинельными ремнями и приспособлением для приторочивания каски; чехол для палаточной принадлежности; сухарный мешочек; мешочек для ружейных принадлежностей. Через плечо на тканевой лямке надевалась сумка с противогазом. Шинель в скатанном виде приторачивалась поверх ранца. У командиров походное снаряжение включало поясной ремень с двумя плечевыми ремнями, кобуру для пистолета или револьвера, к рукояти которых пристегивался узкий ремешок; кожаный футляр для бинокля, надевавшийся справа спереди на поясной ремень, и противогаз в тканевой сумке на лямке чрез правое плечо.

В условиях начавшейся войны это сложное, неудобное и тяжелое снаряжение было изменено. Ранец и сухарный мешок были заменены брезентовым вещевым мешком, шинельную скатку стали носить через левое плечо, плащ-палатку укладывали в специальный чехол и носили, как скатку, через плечо. В холодное время под шинель надевали ватную стеганую телогрейку с отложным воротником; ее носили с ватными стегаными шароварами и вместо шинели. В холодных районах вместо шинели употреблялся дубленый полушубок, а вместо ботинок и сапог носили валенки. Все демаскирующие детали (цветные знаки различия, звезды на головных уборах, пуговицы) стали защитного цвета, а генералам для повседневного ношения даны гимнастерки и брюки защитного цвета без лампасов.

В связи с призывом на военную службу большого количества женщин введена была женская военная форма. Она состояла из берета (зимой — шапки), пальто и платья, а также обычных шинели и гимнастерки. Суконный берет защитного цвета состоял из донышка и тульи, сшитой из четырех частей. Спереди крепилась красноармейская звезда. Пальто двубортное, с лацканами, с прорезными боковыми карманами с клапанами, шилось из серого шинельного сукна с застежкой направо. Оно носилось с тканевым поясом. Платье защитного цвета было с отложным воротником, с манжетами на пуговицах и поясом.

На груди прорезные карманы. Передняя часть юбки была фигурная, с двумя складками и подрезами сверху, образующими карманы.

В 1942 году введены гвардейские воинские звания. Рядовой состав экипажей гвардейских кораблей носил на бескозырках гвардейские ленты с тремя черными и двумя оранжевыми полосками и названием корабля золотыми буквами..

6 января 1943 года введены новые знаки различия — погоны. Одновременно изменилась форма петлиц на воротниках шинелей и мундиров и было введено шитье на мундирах и парадных фуражках маршалов и генералов. Петлицы получили форму продолговатого параллелограмма; на конце нашивалась большая пуговица. Полевые петлицы и пуговица были защитного цвета, с кантами по родам войск; повседневные петлицы и канты — цвета, установленного для родов войск. У маршалов и генералов канты петлиц вышивались золотой мишурой. Шитье на воротниках и обшлагах мундиров у маршалов представляло собой двойной золотой кант и золотые дубовые листья. На воротнике генеральских мундиров в двойном золотом канте помещалась золотая лавровая ветвь, а на обшлагах — три вышитые золотом петлицы («столбики»). У старшего комсостава на петлицах были две шитых золотом или серебром и перевитых нитью противоположного цвета полоски и два «столбика», у среднего комсостава — одна полоска и один «столбик». У инженерно-технического, военно-юридического, интендантского, медицинского и ветеринарного состава шитье серебряное, у остальных — золотое. У сержантского состава на петлицы нашивалась полоска из шелкового галуна золотистого цвета. На парадных фуражках маршалов на передней части околыша было золотое шитье в виде дубовых листьев и золотой шнур; у генералов на парадных фуражках — золотое шитье в виде лавровой ветви и золотой шнур.

Мундиры, кители и гимнастерки в связи с введением погон получили стоячие воротники, на мундирах и кителях жесткие. У комсостава гимнастерки с прорезными нагрудными карманами с клапанами, у рядовых — без карманов. Полковникам с января 1943 года даны серые каракулевые папахи. В апреле 1943 года для высшего, старшего и среднего комсостава введены плащ-накидка и летнее пальто. Плащ-накидка из палаточной ткани защитного цвета имела отложной воротник и капюшон; на полах спереди были прорезы для рук, прикрытые листочками. Летнее двубортное пальто из сукна стального цвета застегивалось на три пуговицы при открытых лацканах и на четыре при закрытых. Воротник отложной, с петлицами, рукава без обшлагов, боковые прорезные карманы с клапанами.

В 1943 году для многочисленных подростков-сирот, прежде всего сыновей погибших на фронте или воевавших офицеров, были созданы военные суворовские и нахимовские училища, дававшие общее среднее и начальное военное образование. Их воспитанники с сентября 1943 года получают парадную (зимнюю и летнюю) и повседневную (зимнюю и летнюю) форму одежды. Форма суворовцев была черная. Ее составляли однобортная шинель с косыми прорезными карманами; брюки навывпуск с красными лампасами по швам; однобортный мундир со стоячим красным воротником и галунной продольной петлицей золотистого цвета, с красной выпушкой по обшлагам; гимнастерка со стоячим воротником и обшлагами, без карманов; шапка-ушанка, фуражка с красным околышем; белые перчатки; черный лакированный поясной ремень с латунной бляхой; летом вне строя можно было носить белую полотняную гимнастерку и фуражку с белым чехлом. Форма нахимовцев повторяла форменную одежду матросов.

В марте 1944 года введена форма одежды морской пехоты. Полевую форму офицеров составляли: летняя пилотка цвета хаки или зимняя серая шапка-ушанка; серая двубортная шинель; китель цвета хаки со стоячим воротником и накладными нагрудными карманами с клапанами; брюки-бриджи цвета хаки; юфтевые сапоги; снаряжение коричневой кожи в виде поясного ремня, двух плечевых ремней, пистолетной кобуры и полевой сумки. У рядового и сержантского состава в полевую форму входили пилотка или бескозырка, зимой — шапка-ушанка, серая шинель, тельняшка, рубаша цвета хаки с накладным нагрудным карманом слева, с вырезом на груди и выпущенным из него голубым откидным воротником с тремя белыми полосками по краям, брюки цвета хаки, заправленные в низкие сапоги. Офицеры летом вне строя носили обычные черные брюки навывпуск с ботинками, синий китель со стоячим воротником и накладными нагрудными карманами с клапанами, черную фуражку, зимой надевали черную двубортную шинель. Рядовой и сержантский состав летом вне строя носил обычную матросскую форму. Зимой вне строя брюки заправляли в короткие сапоги, надевали двубортный бушлат и бескозырку. В строю зимой надевалась матросская шинель под черный поясной ремень. Брюки заправлялись в сапоги.

Весной 1945 года для маршалов и генералов введен новый парадный мундир: цвета морской волны, двубортный, со стоячим жестким воротником, с выкройной спинкой с двумя фалдами, на которых помещались треугольные клапаны с пуговицами. Воротник с закругленны-

ми уголками, с цветным кантом и золотым или серебряным шитьем в виде канта и ветки из дубовых листьев у маршалов Советского Союза или лавровой ветки у прочих маршалов и генералов. На обшлагах было такое же шитье. На пуговицах изображался Герб СССР. По краю борта и обшлагам шел кант установленного для родов войск цвета. Мундир носился под парадный пояс, тканый из шелковых нитей и золотой мишуры с тремя рядами просновок из красных, зеленых и черных нитей; сначала он застегивался на крючок и петлю под муфтой из поясной тесьмы, а позже муфта была заменена овальной позолоченной латунной пряжкой с рельефным изображением лаврового венка и Герба СССР. Парадные брюки-бриджи в сапоги или брюки навывпуск также из сукна цвета морской волны, с двойными лампасами. Парадная фуражка цвета морской волны с цветным, по родам войск, околышем и маршальским или генеральским шитьем.

В 1949 году для маршалов, генералов и офицеров ВВС и офицеров бронетанковых войск вместо мундира и кителя введена парадная и повседневная тужурка: защитного цвета, двубортная, с открытыми лацканами и отложным воротником, с прорезным карманом на левой стороне груди и прорезными карманами с клапанами по бокам. На углах воротника было золотое шитье в форме лавровых веточек. Погоны на тужурке были нашивные. Тужурку носили с хлопчатобумажной рубашкой защитного цвета и черным галстуком. При парадной форме маршалы и генералы носили парадный пояс образца 1945 года. На поясе с помощью двух лент из такой же тесьмы крепился кортик. При летней парадной форме брюки навывпуск, с ботинками с голубыми кантами и двойными лампасами, при повседневной форме — брюки в сапоги. Генеральская парадная фуражка защитного цвета, с голубым околышем, кокардой в виде звезды, обрамленной золотыми колосьями, с золотым шитьем на околыше в виде лавровых листьев, с дубовыми золочеными листочками на козырьке и золотым шнуром вместо ремешка. На повседневной генеральской фуражке шитья на околыше не было. На тулье эмблема ВВС. Шинель, папаха, обувь и снаряжение остались без изменения.

У офицеров ВВС введена такая же тужурка с петлицами на воротнике, парадная — с петлицами («столбиками») на обшлагах, одной у младших офицеров, двумя — у старших. При парадной форме носился кортик. Парадная фуражка была с накладными лавровыми веточками на козырьке. Брюки при парадной форме навывпуск, с ботинками, при повседневной — бриджи в сапоги. При повседневной форме носилось снаряжение в виде широкого кожаного коричневого

поясного ремня и портупей через правое плечо. В бронетанковых войсках такая же парадная тужурка имела черный бархатный воротник. При парадной форме также носили кортик. Петлицы и околыш фуражки были черные бархатные. В остальном у танкистов отличий от офицеров ВВС не было. В остальных сухопутных войсках продолжалось ношение при повседневно-полевой форме гимнастерки, а при повседневной — однобортного закрытого кителя со стоячим воротником и прорезными нагрудными карманами с клапанами, защитного цвета или белого.

С 1954 года офицерская плащ-накидка стала изготавливаться из прорезиненной ткани; застегивалась она на пуговицы с потайной застежкой. Маршалам и генералам взамен двубортного парадного мундира со стоячим воротником был дан новый, цвета морской волны, повторяющий покрой тужурки образца 1949 года. На воротнике и обшлагах было золотое или серебряное шитье прежнего образца. Носили новый парадный мундир с белой рубашкой и черным галстуком, с брюками-бриджами с лампасами и сапогами, с парадной фуражкой. Парадно-выходной мундир носили с брюками навыпуск. У маршалов и генералов авиации парадные и парадно-выходные брюки были синие. Повседневный китель маршалов и генералов был защитного цвета и имел такой же покрой, как парадный мундир: менялись в течение 1954 года только детали. Первоначально на концы воротника нашивались цветные петлицы с золотистыми или серебряными кантами, затем они были заменены шитьем в виде дубовых листьев у маршалов, лавровых ветвей у генералов. Кроме того, маршалам был дан летний светло-серый китель, а генералам — светло-защитного цвета. Затем для маршалов и генералов введен летний белый китель, и, наконец, летний светло-серый китель, светло-серые летние брюки и светло-серая фуражка; светло-серый китель носили и с синими брюками навыпуск.

Все это напоминает военную «реформу» рубежа 1850–1860-х годов, когда, по словам современника, на улицах Петербурга нельзя было встретить двух генералов в одинаковой форме: один был еще в старой, другой — в новой, а третий — уже в новейшей; правда, это было при царе из династии Романовых, которые так любили играть в солдатики.

В 1954 году на изменивший форму козырек офицерской парадной фуражки (он был трапецевидным, со скругленными углами, а стал овальным) был дан металлический орнамент в виде двух лавровых веток. Для всего офицерского состава введена двубортная парадно-вы-

ходная шинель стального цвета. Для военнослужащих, проходящих службу в районах с жарким климатом, введено ношение хлопчатобумажной панамы защитного цвета образца 1938 года, а также хлопчатобумажной гимнастерки защитного цвета с отложным воротником и прорезными нагрудными карманами с клапанами, которую можно было носить с расстегнутой верхней пуговицей.

В 1954 году было отменено ношение маршалами и генералами шапок и шпоров, кому они полагались.

В 1955 году произошли дальнейшие перемены, преимущественно в парадной форме. Для всего офицерского состава дана парадно-выходная фуражка, парадно-выходной мундир, верхняя рубашка с галстуком, брюки в сапоги и навыпуск, парадный пояс и кортик. Фуражка с тульей стального цвета (в ВВС — синего) имела цветной околыш, кокарду с эмблемой, подбородный золотистый шнур и фибровый лакированный козырек с золотистым орнаментом в виде лавровых листьев. Мундир стального цвета отличался от тужурки образца 1949 года отсутствием нагрудного кармана и металлическим орнаментом (лавровые листья) на концах воротника и обшлагах. В ВВС мундир был синего цвета. Его носили с брюками-бриджами в сапоги или с брюками навыпуск (в ВВС — только навыпуск), с парадным поясом и кортиком в строю, без пояса — вне строя. Верхняя рубашка была белая, носилась с черным галстуком.

Для женщин-офицеров, проходивших службу вне СССР, а также в частях Московского гарнизона, авиации и бронетанковых войсках, введено однобортное парадно-выходное пальто стального цвета, застегивавшееся налево на потайную застежку, с отложным воротником и лацканами, прорезными вертикальными карманами и клапанами на обшлагах; его носили с матерчатым поясом. В остальных гарнизонах и родах войск пальто было темно-серое. Зимой можно было носить пальто с меховым воротником. Для повседневной носки вместо хлопчатобумажного платья было введено такого же покроя шерстяное защитного цвета. Повседневный закрытый китель со стоячим воротником, а в авиации и бронетанковых войсках двубортная тужурка заменены защитного цвета двубортным кителем с отложным воротником и открытыми лацканами. Летом можно было носить белый закрытый китель с отложным воротником.

Маршалам и генералам было дано летнее пальто из серого габардина, однобортное, с закрытой застежкой, отложным воротником и открытыми лацканами, с вертикальными прорезными карманами, с хлястиками внизу рукавов. Пальто маршалов Советского Союза но-

силось без пояса, а остальных маршалов и генералов — с поясом из той же ткани, что и пальто. К шинелям и пальто маршалов и генералов были даны новые петлицы: укороченные, цветные, с металлической золотистой или серебристой окантовкой и соответствующим шитьем в виде дубового листа у маршалов Советского Союза, лавровых веточек у остальных маршалов и генералов. Вслед за тем аналогичным образом изменены петлицы офицерского состава: отменены канты и пуговицы и оставлены только эмблемы родов войск.

В декабре 1956 года были внесены изменения в построй папахи для полковников. Маршалам и генералам вместо повседневно-полевого закрытого кителя был дан двубортный открытый китель с отложным воротником и лацканами. Для солдат и сержантов срочной службы и курсантов военных училищ установлен парадно-выходной мундир нового образца: защитного цвета, однобортный, закрытый, со стоячим воротником с цветными петлицами. Офицеры в 1957 году получили новую повседневную рубашку защитного цвета, с отложным воротником, с разрезом спереди до низа, с манжетами и поясом по низу. Ее носили с галстуком защитного цвета, с открытым кителем или без него, с брюками в сапоги или навыпуск. Такая же рубашка, но светло-серого цвета, была дана маршалам и генералам.

В 1958 году для офицеров и военнослужащих-сверхсрочников сухопутных войск и ВВС введено единое парадно-выходное, повседневное и полевое обмундирование. Парадно-выходная фуражка, мундир стального цвета, гимнастерка и закрытый китель в сухопутных войсках отменены. Упразднены парадно-выходной мундир и фуражка синего цвета в ВВС, открытый двубортный китель офицеров ВВС и танковых войск. Теперь парадно-выходная фуражка была защитного цвета с цветным околышем, золотистым подбородным шнуром и эмблемой, повседневная фуражка имеет черный подбородный ремешок, а полевая — вся защитного цвета, включая козырек и кокарду; сверхсрочники вместо полевой фуражки носили пилотку. Парадно-выходной мундир и повседневный китель защитного цвета одного покроя: однобортный открытый; разница только в петлицах, которые у парадно-выходного мундира имеют золотистый металлический кант. При парадно-выходной форме мундир носят с синими брюками навыпуск, при повседневной — с синими бриджами в сапоги. Зимняя повседневная форма включает серую шапку-ушанку и двубортную шинель прежнего покроя. Для офицеров и сверхсрочников, служащих в районах с жарким климатом, в 1961 году установлена летняя облегченная форма из фетровой панамы прежнего образца, хлопчатобумажной рубашки за-

щитного цвета с разрезом до низу, с короткими рукавами, заправлявшейся в брюки; носившихся с черными ботинками брюк прямого покроя с манжетами. У сержантов и рядовых панам хлопчатобумажная, и наряду с брюками можно было носить шорты.

С 1962 года на добровольных началах на военную службу на должности рядовых и сержантов стали принимать женщин, для которых была установлена новая форма одежды. Парадно-выходная форма включала синий берет, открытую однобортную тужурку защитного цвета, защитного цвета рубашку с серо-зеленым галстуком, синюю юбку, светло-коричневые чулки, черные туфли и коричневые перчатки. Зимой берет заменялся серой шапкой-ушанкой, туфли — сапогами, а поверх тужурки надевалось темно-серое пальто со скрытой застежкой налево и открытыми лацканами. Полевая форма состояла из берета защитного цвета, платья защитного цвета прежней конструкции, чулок, сапог, кожаного снаряжения (поясной ремень и портупея через правое плечо), плащ-накидки и перчаток. В ВМФ форма женщин, принятых на должности матросов и старшин, практически повторяла одежду женщин-офицеров.

В 1963 году военно-воздушным войскам вернули их традиционную авиационную форму, отличавшуюся лишь эмблемой и ношением в парадном строю брюк в сапоги. Кроме того, в качестве головного убора был принят голубой берет, а для ношения с десантной курткой и мундиром — тельняшка с голубыми полосками. Полевая форма ВДВ включала куртку, брюки, сапоги и снаряжение. Летняя хлопчатобумажная куртка защитного цвета была с отложным воротником, потайной застежкой, рукавами с манжетами, нагрудными накладными карманами, накладными карманами на рукавах. Носили ее с отвернутыми в виде лацканов бортами и тельняшкой. Зимняя куртка имела меховой воротник, накладные карманы на груди, рукавах и на боках. Десантные брюки прямого покроя защитного цвета были с накладными боковыми карманами с клапанами. Военнослужащим ВДВ в районах с жарким климатом разрешалось носить при повседневной форме верхнюю рубашку без галстука и кителя.

Внесены изменения и в форму одежды морской пехоты. Офицерскую летнюю полевую форму составляли носившаяся с тельняшкой хлопчатобумажная куртка с потайной застежкой, отложным воротником и отвернутыми в виде лацканов бортами, рукавами с манжетами и нагрудными прорезными карманами, черные брюки прямого покроя в короткие сапоги, черный берет. Зимняя полевая куртка также черная, однобортная, с потайной застежкой, меховым воротником и бо-

ковыми косыми прорезными карманами. Она носилась с черной шапкой-ушанкой, черными шерстяными брюками и короткими сапогами. Летнюю повседневную форму офицеров составляли фуражка с белым чехлом, черная двубортная тужурка с лацканами, белая рубашка с черным галстуком, черные брюки в сапоги. Полевая форма матросов и сержантов практически не отличалась от офицерской, а парадно-выходная и повседневная форма включала бескозырку, форменку и черные брюки, заправленные в сапоги.

Для службы в районах с жарким климатом в ВМФ была принята облегченная форма одежды офицеров и матросов. У офицеров и сверхсрочников она включала фуражку с белым чехлом, а в береговых частях — панаму, принятую в сухопутных войсках, но кремового цвета; рубашку кремового цвета с короткими рукавами, с разрезом до низа, отложным воротником и отвернутыми в виде лацканов бортами и с поясом; брюки навыпуск из легкой хлопчатобумажной ткани кремового или синего цвета; черные кожаные сандалии. Матросы и старшины на кораблях носили берет из хлопчатобумажной отбеленной ткани, а в береговых частях — хлопчатобумажную панаму кремового цвета; синюю хлопчатобумажную однобортную куртку с короткими рукавами, отложным воротником и отвернутыми в виде лацканов бортами, с настроенным карманом на левой стороне груди, короткие синие хлопчатобумажные шорты. При повседневной форме на кораблях носили берет, в береговых частях — кремовую панаму, белую форменку с короткими рукавами, хлопчатобумажные белые брюки навыпуск с черными кожаными сандалиями.

Военные строители, хотя и призывались в армию в общем порядке, военнослужащими не считались и носили тужурку и ватную куртку гражданского образца из серой хлопчатобумажной ткани и шапку-ушанку, на которой даже не было красноармейской звезды. В 1958 году для них введена форма, сходная с форменной одеждой военнослужащих срочной службы, но со знаками различия в виде ромбовидных черных петлиц на воротнике. В 1966 году военным строителям дана форма и знаки различия, принятые в сухопутных войсках. Вместо шерстяной гимнастерки был введен шерстяной мундир защитного цвета с погонами, принятый в Советской армии.

В 1966 году внесены изменения в покрой верхней рубашки военнослужащих. Рубашка с отложным воротником, разрезом до низа, поясом с резинками по бокам и накладными карманами с клапанами на груди для сухопутных войск изготовлялась из ткани защитного цвета, для ВМФ — кремового. Для всех офицеров введен однобортный плащ

на кокетке, с поясом, съёмным капюшоном, отложным воротником и открытыми лацканами, с потайной застежкой, прорезными вертикальными карманами, хлястиками внизу рукавов. Он изготовлялся из хлопчатобумажной или синтетической прорезиненной ткани, защитного цвета для сухопутных войск, черного — для ВМФ. Для офицеров и военнослужащих-сверхсрочников в качестве полевого обмундирования также введены утепленные куртка и штаны. Куртка хлопчатобумажная, защитного цвета, однобортная, с кокеткой, потайной застежкой, с отложным воротником, боковыми прорезными горизонтальными карманами с клапанами, рукава с хлястиками, с хлястиком на спине. Для районов с холодным климатом куртка была с меховым цигейковым воротником. Утепленные хлопчатобумажные брюки защитного цвета были прямого покроя, с поясом, потайной застежкой, с карманами в боковых швах и с завязками в низках штанин.

В 1967 году для районов с холодным климатом введен жилет из овчины, крытый хлопчатобумажной тканью защитного цвета. Одновременно маршалам, генералам и полковникам разрешено ношение серой каракулевой шапки-ушанки. Для военнослужащих ВМФ, служащих в районах с жарким климатом, вместо берета и панамы введена хлопчатобумажная синяя пилотка с пристегивающимся козырьком и подбородным ремешком. Офицерам и сверхсрочникам разрешено носить шорты. В 1967 году также установлена особая форма для военных регулировщиков движения: черные куртка и брюки, белое снаряжение и перчатки с крагами и стальной шлем с красной полосой по низу, обведенной белой полоской.

В 1969 году произошли очередные перемены в форменной одежде. Парадная форма маршалов и генералов оставалась прежней, но шитье на обшлагах мундиров стало менее массивным, облегченным, занимая только середину передней части обшлага. Облегчилось и шитье на околышах фуражек, а с козырьков оно было убрано. У всех генералов шитье стало только золотистым. Парадный и парадно-выходной цвета морской волны (в авиации — синий) мундир был двубортный, с отложным воротником и открытыми лацканами и прорезными боковыми карманами с клапанами. По краям воротника и обшлагов вшивались канты соответственно родам войск. Парадно-выходные брюки цвета морской волны или синие у авиаторов остались прежними — с лампасами и кантами. К парадно-выходной форме полагались белая рубашка и черный галстук. Повседневные кители маршалов и генералов остались прежними, но для повседневных брюк навыпуск или в сапоги установлен защитный цвет, а на воротнике кителя защитное шитье за-

менено золотым. Рубашка и галстук употреблялись защитного цвета. Было введено летнее шерстяное пальто защитного цвета, однобортное, с потайной застежкой, с отложным воротником и открытыми лацканами и с боковыми косыми прорезными карманами. В низках рукавов были хлястики с пуговицей защитного цвета, пальто носились с поясом из той же ткани. Для повседневного ношения с пальто были введены трикотажные кашне защитного цвета; при парадно-выходной форме носились белые шелковые кашне. Изменена была пряжка поясного ремня на повседневном строевом снаряжении: в центре пятиконечной звезды помещалось накладное изображение Герба СССР. В полевой форме вместо гимнастерки был введен китель, такой же, как и повседневный. Брюки в сапоги; рубашка и галстук также соответствовали повседневным. Повседневно-полевая шинель из сукна стального цвета.

Для офицеров и сверхсрочнослужащих парадное и парадно-выходное обмундирование было цвета морской волны, а в авиации и ВДВ — синего. Покрой парадно-выходного мундира остался прежний: однобортный, с открытыми лацканами и прорезными боковыми карманами с клапанами. На левом рукаве выше локтя сверхсрочники сталишивать нарукавный знак в соответствии с родом войск (службы), а ниже локтя — нашивки (шевроны) в соответствии с годами сверхсрочной службы. Рубашка к мундиру была белая с черным, а в ВВС и ВДВ синим галстуком. Низ рубашки по бокам имел разрезы с закругленными углами. Повседневное обмундирование оставалось прежним, за исключением брюк в сапоги или навыпуск, для которых введен защитный цвет. Двубортное летнее пальто стального цвета было заменено летним пальто защитного цвета, таким же, как у маршалов и генералов. Его носили с кашне защитного цвета при летней повседневной форме вне строя и с белым кашне при летней парадно-выходной форме. Гимнастерки были заменены полевыми шерстяными или хлопчатобумажными кителями защитного цвета: однобортными, закрытыми, с отложным воротником и боковыми прорезными карманами с клапанами. Рукава шерстяных кителей заканчивались обшлагами, а хлопчатобумажных — манжетами. Брюки в сапоги при полевой форме остались прежними. В ВДВ был введен хлопчатобумажный китель защитного цвета, с открытыми лацканами, а также шерстяной голубой берет. В районах с жарким климатом был введен летний хлопчатобумажный китель, такой же, как у десантников. Он заменил рубашку с короткими рукавами. Его носили с полевой фуражкой или панамой, с брюками защитного цвета в сапоги или навыпуск с ботинками.

Женское парадно-выходное обмундирование осталось прежним, но для него установлен цвет морской волны, а в ВВС и ВДВ — синий. К нему полагалась белая рубашка с черным, в ВВС и ВДВ синим галстуком. Повседневное обмундирование также осталось прежним, но для повседневных беретов и юбок установлен защитный цвет вместо синего. У женщин, находившихся на должностях сержантов и солдат, взамен гимнастерки введен полевой хлопчатобумажный китель, закрытый, с отложным воротником.

Для сержантов и рядовых срочной службы, курсантов и военных строителей в 1969 году вместо парадного закрытого шерстяного мундира был введен парадно-выходной шерстяной открытый однобортный мундир с боковыми прорезными карманами с клапанами. Его носили с защитного цвета рубашкой и галстуком и брюками защитного цвета в сапоги при парадной форме, на выпуск — при парадно-выходной. На левом рукаве выше локтя нашивался нарукавный знак в соответствии с родом войск, а у курсантов под ним были нашивки, в зависимости от курса. Фуражка была защитного цвета с цветным околышем. На околыше помещалась новая эмблема золотистого цвета в виде венка из колосьев, перевязанного книзу лентой; в центре — красная пятиконечная звезда. Для повседневного ношения солдатам-срочникам и курсантам дан шерстяной или хлопчатобумажный китель защитного цвета, однобортный, закрытый (в ВДВ — открытый), с отложным воротником, с боковыми прорезными карманами с клапанами, с манжетами на рукавах. Шерстяные кители с шерстяными брюками в сапоги полагались только для курсантов, военнослужащих в районах с холодным климатом и Московского гарнизона. Сержантам, рядовым и курсантам ВДВ дан голубой берет, открытый китель и тельняшка с голубыми узкими полосками. Военнослужащим-срочникам вместо гимнастерки дан полевой хлопчатобумажный китель такого же покроя, как повседневный, но с погонами, петлицами и эмблемами защитного цвета. В районах с жарким климатом вместо рубашки с короткими рукавами введен открытый хлопчатобумажный китель. Введено также летнее рабочее обмундирование из хлопчатобумажной куртки и брюк в сапоги. Куртка однобортная, с потайной застежкой, закрытая, с отложным воротником, с двумя прорезными нагрудными карманами с клапанами; рукава без манжет. Позже куртка получила такой же покрой, как китель. В зимнее рабочее обмундирование вошла ватная однобортная закрытая куртка с потайной застежкой, отложным воротником, с боковыми прорезными карманами с клапанами и рукавами с хлястиками.

Суворовцам в 1969 году дан черный однобортный закрытый мундир на пяти пуговицах, с отложным воротником, на котором были красные петлицы с белым кантом, с боковыми прорезными карманами с клапанами; на левый рукав нашивался нарукавный знак с эмблемой мотострелковых войск. По обшлагам шел красный кант. Для повседневного ношения введен черный китель, по покрою идентичный мундиру, но без нарукавного знака. Летний повседневный китель такого же покроя был белый хлопчатобумажный, без петлиц и кантов. Брюки при всех видах одежды черные, с красными лампасами, навывпуск. Черная шинель осталась прежнего покроя. Погоны на всех видах одежды красные, с белыми кантами.

В ВМФ форма оставалась прежней. Только адмиралам, генералам, офицерам и сверхсрочникам для ношения с парадной формой в строю поверх тужурок и шинелей введены парадные пояса, как в армии, но с изображением якоря и пятиконечной звездочкой над ним на пряжке. У женского состава вместо закрытого хлопчатобумажного белого кителя введена двубортная открытая тужурка с отложным воротником, боковыми прорезными карманами с клапанами и левым прорезным нагрудным карманом. Вместо закрытого синего хлопчатобумажного кителя офицерам и сверхсрочникам дана синяя куртка с отложным воротником, с двумя нагрудными прорезными карманами с клапанами и с манжетами на рукавах. Внизу куртка заканчивалась поясом с застежками спереди и по бокам. Рубашка кремового цвета с черным галстуком. В 1971 году офицерам ВМФ даны черные прорезиненные плащ-накидки. В морской пехоте гимнастерка заменена шерстяным или хлопчатобумажным черным кителем с отложным воротником, с потайной застежкой, с двумя нагрудными прорезными карманами с клапанами, с манжетами на рукавах. Кроме того, матросам и сержантам дан черный берет, как у офицеров.

В ноябре 1972 году впервые на параде на Красной площади офицеры всех родов войск появились с кортиками и аксельбантами золотистого цвета, а сержантский и рядовой состав — с серебристыми аксельбантами.

В 1972 году введена новая специальная форма одежды танкистов. Куртка черная хлопчатобумажная, однобортная, с потайной застежкой и отложным воротником, с манжетами на рукавах, с нагрудными прорезными карманами с клапанами; левый карман предназначался для пистолета. Куртка заправлялась в брюки прямого покроя со штрипками внизу; спереди настрачивались наколенники и четыре прорезных кармана (нижние — с клапанами). Пояс тканевый. Брюки

носились в сапоги. Зимний костюм состоял из черных хлопчатобумажных брюк и куртки — однобортной, на вате, с воротником искусственного меха и пристежным капюшоном, с потайной застежкой, с трикотажными напульсниками на рукавах; спереди прорезные вертикальные карманы, а также внутренний карман слева для пистолета. Куртка заканчивалась внизу тканевым поясом с пряжкой. Брюки прямого покроя со штрипками и двумя прорезными карманами с клапанами спереди. Головным убором служили черный берет и шлемофон.

Военные строители получили однобортную хлопчатобумажную куртку защитного цвета, закрытую, с потайной застежкой и отложным воротником, с манжетами на рукавах. Низ куртки с поясом с застежкой на пуговицы. Над поясом два скошенных накладных кармана и слева накладной нагрудный карман. Брюки прямого покроя, с бретелями, пристегивающимися сзади к поясу на пуговицы и со штрипками; спереди накладные карманы и настрочены наколенники.

В 1973 году адмиралам, генералам, полковникам и капитанам 1-го ранга ВМФ даны зимние шапки нового образца. У адмиралов и генералов они были с цилиндрическим колпаком из черного каракуля, каракулевыми налобной и затылочной частями, застегивавшимися на крючки, с кожаным козырьком с золотым шитьем и черным подбородным ремнем. У капитанов 1-го ранга и полковников колпак был кожаный, козырек без шитья.

Высшему комсоставу, офицерам, прапорщикам и сверхсрочникам сухопутных войск для зимней полевой формы даны ватные куртки и утепленные брюки, а у срочников для зимы введены ватные куртки: однобортные, с потайной застежкой, закрытые, с отложным воротником, с боковыми прорезными карманами с клапанами. Офицерские куртки были с меховым воротником. Сержанты и солдаты срочной службы и военные строители при повседневной летней форме вместо парадно-выходной фуражки стали носить пилотки.

Военнослужащим ряда инженерных частей в 1974 году была дана специальная рабочая одежда, куртка и брюки-полукомбинезон. Куртка защитного цвета из хлопчатобумажной водоупорной плащевой ткани однобортная, с потайной застежкой, закрытая, с отложным воротником, с прорезиненными напульсниками рукавов, заканчивающаяся поясом. Брюки из такой же ткани, с удлиненным лифом и регулируемые плечевыми лямками, с наколенниками. К брюкам притачены резиновые сапоги. Все швы изнутри герметизировались специальной лентой. На снабжение сержантов и солдат срочной службы и военных

строителей были введены хлопчатобумажные, защитного цвета телогрейки и ватные шаровары без сквозной простежки. Телогрейка однобортная, с потайной застежкой, закрытая, с отложным воротником и боковыми накладными карманами. Шаровары с высоким стеганым поясом и утеплительным клапаном, настроенными наколенниками, накладным карманом на правой половине и вертикальными карманами в боковых швах; низки — со шлицами и завязками.

С октября 1974 года солдаты, матросы, сержанты и старшины срочной службы, курсанты и военные строители для парадной и парадно-выходной формы получили белые поясные ремни из искусственной кожи.

В 1984 году для военнослужащих Советской армии и ВМФ введена новая полевая форма и десантное обмундирование. Летнюю полевую форму составляли хлопчатобумажная фуражка с матерчатым козырьком и назатыльником с наушниками, введенная взамен пилотки; куртка (взамен кителя) однобортная, с потайной застежкой, отложным воротником, накладными карманами с клапанами на груди и боках, с манжетами и накладными карманами с клапанами на рукавах, с продернутыми шнурками для стягивания куртки на талии и внизу; брюки прямого покроя с настроенными наколенниками и накладными карманами с клапанами спереди, со штрипками, застегивающимися на пуговицу и продетым шнуром для стягивания низков, носившиеся в сапоги. Зимняя форма включала шапку-ушанку, утепленную куртку с меховым воротником и утепленные брюки, такого же покроя, как летняя форма, вводившиеся взамен телогреек и ватных шаровар. У зимней куртки на застежке был ветрозащитный клапан, на спине под воротником карман для капюшона, рукава с напульсниками, по талии и внизу продет шнурок для стягивания. Зимние брюки имели высокий стеганный пояс и пристегивающиеся бретели. Все предметы первоначально изготавливались из хлопчатобумажной ткани защитного цвета и камуфлированной, а впоследствии — только камуфлированной. Полевая форма морской пехоты из камуфлированной ткани носилась с тельняшкой.

Для воздушно-десантных и десантно-штурмовых частей введено новое десантное обмундирование, летнее и зимнее, из камуфлированной ткани. На летней куртке не было накладных карманов и она заправлялась в брюки, для чего в ней выше талии были прорезы для бретелей. В зимнем обмундировании использовался утеплитель из ворсового сукна вместо полушерстяного ватина, воротник был не из искусственного, а из натурального меха. Сапоги у десантников были

с регулирующей шириной голенищ, в состав обмундирования входил шлемофон.

Маршалам, генералам и адмиралам был дан однобортный плащ из водоупорной ткани защитного или черного цвета, на кокетке, с потайной застежкой, отложным воротником, хлястиками на рукавах, тканевым поясом, съёмными капюшоном и шерстяным утеплителем. Сверхсрочнослужащие в 1988 году получили вместо плаща летнее шерстяное пальто, а адмиралы и генералы ВМФ — черную хлопчатобумажную куртку на меху с меховым воротником, такие же брюки на шерстяном ватине и меховые сапоги. Всем адмиралам, генералам, офицерам, прапорщикам и мичманам вместо шерстяного полевого кителя была дана шерстяная куртка, а вместо полевой фуражки — пилотка. Куртка по покрою напоминала рубашку: с поясом, манжетами на рукавах и прорезными карманами с клапанами на груди.

Как и до революции, военные, по возможности, подчинялись моде. Так, в конце войны и в первые годы после нее были модными очень широкие крылья галифе. Напротив, в 60–80-х годах молодые офицеры и солдаты ушивали бриджи так, что они превращались в узкие, почти обтягивавшие штаны. Солдаты коротко подрезали полы кителей и курток, заканчивавшиеся почти под низко оттянутым вниз ремнем. Особенно «форсили» «дембели», весь последний период службы готовившие «дембельскую» форму: ушивали, укорачивали, подкладывали пластик под значки и т. д.

Воинские знаки различия. При формировании Красной гвардии введены были нарукавные повязки и особый красногвардейский нагрудный знак. Повязка имела вид широкой красной ленты с надписью крупными буквами «КРАСНАЯ ГВАРДИЯ», над нею мелким шрифтом — дата создания («27 февраля 1917 года»), а внизу — места формирования («Васильевский остров» и т. п.). При создании Красной армии 29 июля 1918 году были введены нагрудный знак и кокарда в виде красной пятиконечной звезды на головной убор, ставшая эмблемой Красной армии. В январе 1919 года был окончательно утвержден вид пятиконечной красной звезды на головные уборы военнослужащих; кромок лучей слегка выгибались, а в звезде находились золотистые скрещенные молот и плуг — символ рабоче-крестьянского государства. В 1922 году была введена новая звезда с прямыми линиями лучей и с золотистыми серпом и молотом в центре. У командного состава флота на головном уборе крепилась кокарда в виде обрамленного золотистыми колосьями якоря с красной звездочкой наверху.

С 16 января 1919 года вводятся единообразная форменная одежда и знаки различия. На концах воротника рубахи нашивались суконные петлицы в форме параллелепипеда, на шинели в углах воротника нашивались ромбические петлицы. В стрелковых частях их цвет был малиновый, в кавалерии — синий, в артиллерии — оранжевый, в саперных войсках — черный, в авиации — голубой, в пограничных частях — зеленый. В стрелковых полках на петлицах черной краской арабскими цифрами наносилась шифровка (цифровка) — номер полка.

Знаки различия устанавливались по должностям и размещались на левом рукаве одежды. Это были вырезанные из красного сукна пятиконечная звезда и, ниже ее, расположенные по горизонтали, обведенные черным кантом треугольники, квадраты или ромбы, в зависимости от группы званий. У рядовых красноармейцев была только звезда. Звания устанавливались по должности (отделенный, помкомвзвода, комроты, комбриг и т. д.). На головном уборе (суконном шлеме) нашивалась суконная звезда соответствующего роду войск цвета, а на ней крепилась металлическая звезда.

В начале 1920 года были введены суконные нарукавные знаки различия родов войск в виде нашитого по вертикали ромба вышитыми эмблемой и красной звездой. В частях, награжденных орденом Красного Знамени, знаки вышивались не шелком, а золотой мишурой. Военнослужащие, имевшие ранения либо прослужившие не менее года и участвовавшие в боях, носили знаки с вышивкой серебряной мишурой.

31 января 1922 года при введении новой форменной одежды вводятся и новые знаки различия. У комсостава на левый рукав нашивался идущий вверх от кромки обшлага шинели или манжеты рубахи стреловидный суконный клапан цвета родов войск, окантованный красным сукном; при этом в артиллерии цвет изменился на черный. В расширяющейся верхней части клапана размещалась суконная красная звезда, а ниже, по вертикали, располагались суконные же треугольники, квадраты и ромбы; у комсостава они были красные, у должностных лиц административно-хозяйственного состава — синие. Количество треугольников, квадратов и ромбов практически не изменилось, только у командующего отдельной армией и фронтом вместо ромбов был золотой треугольник, а звезда — с золотой окантовкой. Над клапаном располагался нарукавный знак родов войск. С введением новых эмблем родов войск их стали размещать на суконных петлицах на воротниках рубах и шинелей. Шифровка на петлицах и сочетания цветов поля и кантов петлиц, кантов шаровар и краски, которой наносились эмблемы и шифровки, были довольно сложны.

В 1924 году одновременно с проведением реформы форменной одежды произошли перемены во внешнем виде знаков различия. Суконные знаки различия были заменены металлическими знаками с красной эмалью, уменьшенного размера. Крепились новые знаки в петлицах на воротниках. Петлицы на рубашках и шинелях остались суконные: в стрелковых войсках — малиновые с черной выпушкой, в артиллерии — черные с красной выпушкой, в кавалерии — синие с черной выпушкой, в авиации — голубые с красной выпушкой, в технических войсках — черные с синей выпушкой, у административно-хозяйственного состава — зеленые с красной выпушкой. Изменился и состав знаков различия по должностям.

В Рабоче-крестьянском Красном флоте (РККФ) сначала знаков различия не было. В 1921 году было установлено ношение на левом рукаве выше обшлага узких, средней ширины или широких нашивок красного сукна с золотистым кантом, выше которой находилась небольшая суконная красная звезда в золотистой окантовке. У рядовых была только звезда, у старшины — одна узкая нашивка, у главного старшины — две нашивки. У командира РККФ нашивка одна узкая, у командира корабля 1-го ранга — одна широкая нашивка, у флагмана — одна широкая и одна средняя, у начальника морских сил (наморси) — одна широкая и две средних, и пр. В 1924 году во флоте были введены знаки различия по должностям (категориям) в виде галунов в нижней части обоих рукавов. Флотский комсостав, как и в армии, делился на четыре группы (младший, средний, старший и высший), и, соответственно, галуны были разной ширины: старшины и соответствующие им специалисты носили один узкий галун, боцманы — два, главные старшины — три и т. д. Выше галунов нашивалась пятиконечная звезда из красного сукна, у плавсостава в золотистой окантовке, у прочих — в серебристой. У рядовых краснофлотцев была только звезда без окантовки. Выше локтя у рядовых и младшего комсостава были так называемые штаты, знаки специальности, вышитые красными нитками в таком же кругу: штурвал у рулевых, скрещенные флажки у сигнальщиков, скрещенные пушечные стволы у комендоров, скрещенные торпеды у минеров, скрещенные молнии у радиотелеграфистов, корабельный винт у механиков, морской узел в боцманской команде и пр.

В 1935 году была проведена очередная реформа форменной одежды и знаков различия в связи с введением персональных званий. Знаки различия в виде металлических квадратов («кубиков»), прямоугольников («шпал») и ромбов по-прежнему размещались на суконных петли-

цах с золотой окантовкой на воротниках, но дополнительно были введены шевроны углом вниз на рукава.

У лейтенанта были два кубика в петлицах и два узких шеврона красного сукна; у старшего лейтенанта — три кубика и три шеврона. У капитана — одна шпала и один красный шеврон средней ширины, у майора — две шпалы и два шеврона, у полковника — три шпалы и один красный шеврон в узкой золотой окантовке. У комбрига — один ромб и один средний золотой шеврон, у комдива — два ромба и два шеврона, у комкора — три ромба и три шеврона, у командарма 2-го ранга — четыре ромба и четыре средних золотых шеврона. В петлицах также находились эмблемы родов войск (кроме пехоты). У командарма 1-го ранга в петлицах была вышитая золотая звезда и четыре ромба, а на рукавах — широкий золотой шеврон. У маршала Советского Союза в петлицах большая шитая золотая звезда, на рукавах — также вышитая большая золотая звезда, один широкий золотой шеврон и примыкающий к нему один красный шеврон. У военно-политического состава петлицы были без золотой окантовки и эмблем родов войск, а на рукавах на уровне локтя помещалась суконная красная звезда с вышитыми золотыми серпом и молотом. У политрука было 3 кубика, у старшего политрука — одна шпала, у батальонного комиссара — две шпалы, у полкового комиссара — три шпалы, у бригадного комиссара — один ромб, у дивизионного комиссара — два ромба, у корпусного комиссара — три ромба, у армейского комиссара — четыре ромба. Армейский комиссар 1-го ранга носил малиновые петлицы с черным кантом, с вышитой золотой звездой и четыре ромба, а на рукаве — вышитую золотую звезду. У военно-технического и военно-юридического состава знаки различия, соответственно званиям (воентехник, военинженер, военюрист, военврач, бригврач, дивинженер, коринтендант и т. д.) были в темно-зеленых петлицах с красной окантовкой и с эмблемой рода войск или службы.

У младшего (сержантского) комсостава знаки различия (треугольники) размещались в цветных суконных петлицах с окантовкой, по родам войск, с соответствующей эмблемой: отделенный командир — два треугольника, младший комвзвода — три треугольника, старшина — четыре треугольника.

На флоте комсостав при новых персональных званиях по-прежнему носил на рукавах узкие, средние и широкие галуны. Выше галунов нашивалась звезда одного цвета с галунами, у военно-политического состава красная, с золотой окантовкой. Командному, военно-техническому и политсоставу были присвоены золотые галуны, всем прочим — серебряные.

В 1937 году были введены новые воинские звания младшего лейтенанта, младшего воентехника и младшего политрука. В сухопутных войсках и ВВС у младших лейтенантов был один кубик в петлицах и один узкий красный шеврон на рукавах, у младшего воентехника — один кубик в петлице; на флоте у них был один средний галун. У младшего политрука сухопутных войск и ВВС в петлицах были два кубика, а на флоте — один средний и один узкий галуны. Как в прочих званиях, у младших лейтенантов и политруков были соответствующие звезды. Курсантам военных училищ были даны петлицы нового образца: суконные, присвоенных родам войск цветов, но с продольной красной полоской шириной 10 мм, с узким золотым галуном под нею; на петлицы наносились прописные начальные буквы названия училища. Курсанты, исполнявшие обязанности младших командиров, на петлицах носили соответствующие знаки различия (треугольники). У учащихся полковых школ в верхнем углу петлиц был красный треугольник, а посередине — красный просвет.

В мае 1940 года были введены новые воинские звания высшего состава. Генерал-майор в петлицах с золотым кантом носил две золоченые металлические звездочки, а на рукавах — широкий золотой шеврон с кантом, соответствующим роду войск, под ним и с небольшой шитой золотой звездой, имевшей окантовку шириной 3 мм, соответствующую роду войск. У генерал-лейтенанта было три звездочки в петлицах и такой же шеврон, у генерал-полковника — четыре звездочки и шеврон. У генералов армии петлицы с золотым кантом были красные, на них пять звездочек, широкий золотой шеврон снизу имел красный кант шириной 3 мм, сверху — 10 мм, и над ним — большая золотая звезда в красной окантовке. У маршалов Советского Союза на красных петлицах были большая шитая золотая звезда и под нею две скрещенные золотые лавровые ветви, а шеврон на рукавах очень широкий, красного сукна, с двумя узкими золотыми шевронами вверху и внизу и скрещенными золотыми лавровыми ветвями посередине, а над шевроном — большая шитая золотая звезда в красной окантовке. Одновременно в ВМС были введены звания контр-адмирала, вице-адмирала, адмирала и адмирала флота, соответствовавшие прежним званиям флагмана 2-го ранга, флагмана 1-го ранга, флагмана флота 2-го ранга и флагмана флота 1-го ранга. Наружные знаки различия остались прежние.

Кроме того, маршалам для ношения при парадной форме на шее, на красной ленте, была дана маршальская звезда: золотая, с выпуклыми двугранными лучами и бриллиантами между ними; в середине была вмонтирована платиновая звездочка с бриллиантами.

В июне 1940 года были введены новые звания подполковника и старшего батальонного комиссара. В связи с этим изменились знаки различия старшего комсостава: подполковник имел в петлицах три шпалы, а полковник получил четыре шпалы. У всех изменился вид на-рукавных шевронов. В ноябре 1940 года для младшего начальствующе-го состава были введены новые звания и, соответственно, знаки разли-чия. В верхней части петлиц крепились золотистые металлические тре-угольники, а посередине петлицы проходил красный просвет.

6 января 1943 года в Красной армии введены совершенно новые знаки различия — погоны. Различались полевые погоны, с полем за-щитного цвета, и повседневные, с галунным золотым или серебряным полем. По верхним и боковым кромкам погона шла суконная окантов-ка цвета рода войск. На офицерских погонах вдоль по полю проходили одна или две узкие полоски приборного, а на полевых погонах красно-го цвета — просветы; у генералов и маршалов поле было защитным или галунным, с зигзагообразным узором, без просветов. У адмиралов па-радно-выходные погоны — галунные, повседневные — черные. Длина погон по росту. Ширина погон менялась в зависимости от группы званий (генералы, офицеры) и рода службы, от 6,5 сантиметра до 4 санти-метров. Верхним углом погон пристегивался на пуговицу. Ниже раз-мещалась эмблема рода службы (кроме генералов и пехотных офице-ров), основная часть поля была занята металлическими у офицеров, шитыми у маршалов, генералов и адмиралов звездами в соответствии со званиями; у адмиральских звезд было вышито черным шелком сия-ние между лучами, а в центре вышивались маленький красный пяти-угольник и черный якорь. У среднего командного и начальствующего состава звездочки были маленькие, у старшего — крупнее, у генералов еще крупнее. Звезды на полевых и галунных погонах были противопо-ложного галуну цвета. Погоны в званиях от младшего лейтенанта до капитана (капитан-лейтенанта на флоте) были с одним просветом, от майора (капитана 3-го ранга) до полковника (капитана 1-го ранга) с двумя просветами. В обеих группах звезды размещались поперек поля или треугольником, на генеральских погонах звезды размеща-лись вдоль поля. У морских офицеров и адмиралов сохранились пре-жние галуны на рукавах.

У младшего комсостава поперек суконных полевых погон нашива-лись красные или желтые басонные нашивки (лычки), узкие или широ-кие; у старшины были одна широкая поперечная и одна узкая продоль-ная нашивки в форме литеры Т. На повседневных погонах краской набивались номер и первая литера наименования части. Погоны кур-

сантов военных училищ по верхним и боковым кромкам обшивались басонами и также имели эмблему и набитые краской номер и литеру названия училища. В ВМФ погоны были черные суконные, на форменке и фланелевке вместо погон были короткие черные погончики. На погоны и погончики нашивались поперечные желтые басонные нашивки. На погонах набивалась желтой краской литера Ф. У курсантов сверху крепился большой металлический якорь, обвитый канатом.

В феврале 1943 года были введены звания маршалов и главных маршалов родов войск. Маршалы родов войск имели на погонах с соответствующими эмблемами одну большую шитую звезду, у главных маршалов она была немного крупнее, в окружении лавровых ветвей, а на погонах маршалов Советского Союза была большая шитая звезда и над нею вышитый цветным шелком Герб СССР. Маршалам и главным маршалам родов войск была присвоена маршальская звезда, такая же, как ранее маршалам Советского Союза, но без бриллиантов между лучами; лента для звезды в артиллерии была золотистая, в авиации — голубая, в бронетанковых войсках — бордовая, в инженерных войсках — малиновая, в войсках связи — синяя.

В сентябре 1943 года введена форменная одежда воспитанников суворовских училищ. На ней носились красные суконные погоны солдатского образца, с набитыми краской первыми литерами названия училища. Воспитанники нахимовских училищ носили форму матросов и имели такие же погоны, но с набитыми краской буквами НВМУ.

В ноябре 1945 года для военнослужащих сверхсрочной службы было введено ношение серебристых и золотистых шевронов на левом рукаве, узких или широких, в зависимости от срока службы. В 1952 году количество шевронов изменилось. А в 1957 году они были заменены наградным знаком.

С января 1947 года генералы и офицеры, уволенные в запас или в отставку, поперек поля в нижней части нашивали широкий галун противоположного полю погона цвета; у уволенных в отставку вдоль этого галуна проходил широкий у генералов, узкий у офицеров зигзаг противоположного галуна цвета.

В 1955 году на солдатских погонах нашивки переместились ближе к середине поля; погоны были съёмные, двусторонние: одна сторона приборного, другая — защитного цвета. В 1956 году немного изменилась форма офицерских, генеральских и маршальских погон. Для ношения на парадно-выходном мундире с отложным воротником, кителе и шинели введены пришивные мягкие погоны. На полевых погонах защитного цвета не стало цветных кантов, звездочки и эмблемы получи-

ли защитный цвет. На маршальских погонах шитая звезда приобрела цвет поля (золотой на золотом) и получила красную выпушку, кроме авиации, где выпушка была голубая, и инженерных войск с малиновой выпушкой. В 1958 году вновь произошли незначительные перемены в офицерских погонах в связи с разделением формы на парадно-выходную, повседневную и полевую. Это повторилось и в 1969 году. Так, звездочки на галунных погонах стали цвета галуна, у генералов окантовывались шелком, соответствующим цвету кантов. Погоны для повседневного обмундирования стали цветными, для парадно-выходных шинелей офицеров и генералов введены погоны стального цвета, а у моряков — черного. Канты и просветы на всех погонах офицеров и генералов общевойсковых и инженерных званий стали красные, в ВВС и ВДВ — голубые, у прочих — малиновые. Появилось звание адмирала Флота Советского Союза и погоны для него: с одной большой адмиральской (золотой, с черным сиянием между лучами, красным пятиугольником в центре и черным якорем на нем) звездой и большим цветным вышитым Гербом СССР. На рукавах нашивались один широкий и четыре средних галуна, а шитая большая звезда над ними была обрамлена золотыми лавровыми ветвями.

Старшины, сержанты, рядовые и курсанты на всех видах обмундирования стали носить пришивные погоны, кроме закрытых кителей и синих курток в ВМФ. Сержанты и солдаты мотострелковых войск и курсанты общевойсковых училищ вместо малиновых получили красные погоны. У старшин вместо прежней Т-образной нашивки на погоны нашивался продольный широкий галун. На погоны курсантов вдоль длинных кромок нашивались узкие золотистые галуны. На погонах матросов и старшин ВМФ желтой краской набивались первые литеры названия флота: ЧФ, БФ, ТФ, СФ.

Для военнослужащих сверхсрочной и срочной службы и курсантов в 1969 году введены нарукавные знаки родов войск (службы). Желтой краской набивалось изображение фигурного остроконечного щита, в котором на соответствующем поле размещались красная звезда с желтыми серпом и молотом в ней, а под нею — желтая эмблема. На погоны (кроме полевой формы) сержантов и солдат срочной службы стали набиваться желтой краской буквы СА. Курсанты получили нарукавные нашивки золотого галуна, от одной до шести, в зависимости от курса обучения. Галуны нашивались на красный или голубой (в училищах ВВС и ВДВ) суконный клапан, расположенный ниже нарукавного знака специальности.

В 1971 году вместо военнослужащих сверхсрочной службы в Советской армии введены звания прапорщики и мичманы. Для них были установлены погоны из шелкового галуна особого переплетения, с двумя расположенными в нижней половине погона, вдоль него, звездочками золотистого цвета (на полевых погонах — защитного). Парадные погоны были установленного для рода войск (службы) цвета, во внутренних войсках — красные, у пограничников — светло-зеленые, в авиации — голубые, в ВМФ — черные с белыми кантами. Повседневные погоны в Советской армии и внутренних войсках — защитного цвета, у пограничников — светло-зеленые, для остальных прапорщиков и мичманов — как парадные. Для прапорщиков и мичманов были введены и нарукавные знаки (на левый рукав) по годам службы, в виде пологого узкого или широкого галунного шеврона. В 1973 году был вновь введен институт сверхсрочнослужащих. Они получили погоны из шелкового галуна, как прапорщики и мичманы, но без звездочек, а с соответствующими нашивками. В ВМФ для белых тужурок и рубашек введены белые погоны шелкового галуна. Для курсантов военных училищ и слушателей военно-учебных заведений установлено ношение буквы К золотистого цвета на цветных погонах.

В 1974 году для солдат и сержантов срочной службы были введены нашивки на правый рукав шинели (на флоте — и на бушлате): золотистого цвета, нашивавшиеся на клапан приборного сукна. Позднее они были отменены.

Генералы армии в 1974 году получили новые погоны на золотые парадные и парадно-выходные мундиры: в нижней части вышивалась окантованная красным шелком звезда, а в верхней части вышивалась общевойсковая эмблема (звезда в венке, окруженном красным кантом). В 1975 году им даны новые погоны на повседневную (кроме шинели) форму: шелкового галуна, с эмблемой в верхней части в виде красной звездочки, окруженной золотистым лавровым венком.

С 1980 года поле парадных погон для всех офицеров стало золотистым (серебристые погоны отменены). Просветы на всех офицерских погонах установлены цвета кантов. У курсантов медицинских, ветеринарных и финансовых учебных заведений погоны вместо малиновых стали красными. Аналогично был заменен малиновый на красный цвет в кантах погон и окантовке звезд у маршалов, генералов и офицеров соответствующих служб. Нашивки на погонах и погончиках сержантов и старшин ВМФ, галуны и якоря курсантов военно-морских учебных заведений стали только золотыми. В ВМФ вместо начальных букв

названий флотов на погонах и погончиках матросов и старшин желтой краской стала набиваться литера Ф.

В 1985 году были упразднены воинские звания и погоны главного маршала и маршала бронетанковых войск, главных маршалов войск связи и инженерных войск, воинские звания и погоны интендантской, административной, технической и ветеринарной служб. Унифицированы воинские звания генералов родов войск, а также командного и инженерного состава; для них установлены общевойсковые звания и погоны. На полевой форме всех военнослужащих, кроме генералов, появились унифицированные вшивные погоны той же ткани, что и куртки (защитного цвета или камуфлированные), без просветов, со звездочками и нашивками защитного цвета. На полевую форму маршалов и генералов даны съёмные погоны типа муфты с полем из шелкового галуна защитного цвета, без кантов. Звезды, эмблемы и изображения на них сохранились прежние. Для ношения на белых летних рубашках офицерам, прапорщикам, мичманам и сверхсрочникам даны съёмные погоны белого шелкового галуна. Военнослужащим-срочникам и курсантам для ношения на летних рубашках даны съёмные погоны из шелкового галуна защитного (у пограничников — светло-зеленого) цвета, без кантов, с эмблемами и нашивками золотистого цвета. На погонах сержантов и солдат Советской армии набивались желтые буквы СА, внутренних войск — ВВ, пограничных войск — ПВ. На обшитых по длинным кромкам золотистым галуном погонах курсантов набивалась литера К.

Воинские эмблемы. Составной частью военной формы одежды являются эмблемы родов войск. Эмблемой государства является кокарда на головном уборе. В Красной армии это была Красная звезда. В 1955 году офицерам для парадных фуражек введена новая эмблема: красная звезда в овальном золотистом сиянии в обрамлении дубовых листьев.

В 1969 году была введена новая эмблема на фуражки военнослужащих срочной службы, курсантов, суворовцев и нахимовцев: красная звезда в окружении золотистых лавровых ветвей. В 1971 году она дана и на зимние шапки. На беретах морской пехоты звезда была в слегка выпуклом черном эллипсе с рифленным золотистым ободком.

Для обозначения рода службы на знаках различия военнослужащих крепятся небольшие металлические эмблемы (арматура, арматурки). Ряд эмблем просуществовал с 1922 года и даже с дореволюционной эпохи, несколько десятилетий, а некоторые и до наших дней. Так, скрепленные пушечные стволы всегда были эмблемой ар-

тиллерии. В советское время в конной артиллерии, сопровождавшей кавалерию, были введены скрещенные пушечные стволы, наложенные на подкову. В авиации с самого ее возникновения эмблемой служил пропеллер с распростертыми крыльями. Автомобильная ось с колесами, рулевой колонкой и крылышками с дореволюционных времен и до сих пор служит эмблемой автомобильных частей. Скрещенные топоры сначала были эмблемой военно-инженерных управлений, а в 1936–1955 годах — инженерных войск. Скрещенные кирка и лопата принадлежали с 1922 года саперным, а с 1955 года — военно-строительным частям. Скрещенные якорь и топор до 1955 года были эмблемой железнодорожных войск. Якорь со скрещенными топориками до 1955 года обозначали понтонные части. Скрещенные топор, лопата и две молнии до 1955 года принадлежали сначала электроосветительным (прожекторным), а с 1964 года электротехническим частям.

Другие же эмблемы образца 1922 года просуществовали лишь до 1924, реже до 1936 года. Количество их было огромным, и иногда они имели необычайный вид. Общеармейская эмблема стрелковых частей имела вид лаврового венка со скрещенными винтовками. Для инженерных частей было установлено 12 видов эмблем. Например, военно-маскировочным частям принадлежали скрещенные меч и лавровая ветвь с маской на них; у военно-почтовых станций были почтовый конверт с двумя скрещенными почтовыми рожками под ним; свиток с подвешенной печатью принадлежал фельдъегерской службе. В военно-учебном ведомстве была введена раскрытая книга с мечом и лавровой и дубовой ветвями на ней для управлений и высших школ; в управлениях автобронетанковых сил использовалась рука с мечом, наложенная на шлем. Для личного состава бронепоездов был дан бронепоезд в круге; броневик в круге был у автобронепоездов; танк в круге — в танковых отрядах; скрещенные винтовка и автомат, наложенные на подкову — у десантных отрядов; бронедрезина в круге — у личного состава бронедрезин. В военно-санитарном ведомстве была традиционная эмблема в виде чаши, обвитой змеей, а в военно-ветеринарном — чаша со скрещенными факелами. В конвойной страже эмблема была в виде скрещенных винтовки и шашки в лавровом венке.

В 1924 году система эмблем была немного изменена, а количество их сокращено; некоторые эмблемы были упразднены или заменены. В 1936 году вновь произошло изменение и дальнейшее сокращение числа эмблем и их унификация. В автобронетанковых войсках эмблемой стало изображение танка в профиль. В военно-техническом составе

всех родов войск введены скрещенные молоток и ключ. У военно-медицинского и военно-ветеринарного состава осталась только чаша со змеей, золотистая или серебристая. У военных юристов введен щит и скрещенные мечи за ним. С этими эмблемами Красная армия вступила в Великую Отечественную войну.

После войны вновь начались перемены в эмблемах родов и видов войск. В 1947 году воздушно-десантные части получили нарукавные ромбические нашивки защитного цвета в красной окантовке; в них были золотистый парашют и распростертые крылья. В службе военных сообщений и железнодорожных войсках в 1951 году введены металлическая эмблема и ромбическая нарукавная нашивка черного цвета в зеленой окантовке с изображением якоря, скрещенных ключа и молотка с распростертыми крыльями и наложенной на них красной звездочкой. В 1955 году система металлических эмблем по родам войск (службы) частично была вновь изменена. В мотострелковых войсках введена золотистая звезда в обрамлении листьев, в воздушно-десантных войсках — раскрытый парашют и разлетающиеся в стороны самолеты, в инженерных, зенитно-прожекторных, строительных, инженерно-аэродромных, ремонтно-эксплуатационных, монтажно-технических и рабочих частях — наложенная на якорь со скрещенными молниями дисковая пила с изображением бульдозера в ней. В танковых войсках танк стал изображаться в ракурсе. В 1969 году были введены новые эмблемы инженерных войск и трубопроводных частей. И, наконец, в 1988 году были введены единые эмблемы, все золотистого цвета. В основном эмблемы остались прежнего рисунка, лишь небольшие перемены были в технических войсках.

Форма и знаки различия милиции, ВОХР и госбезопасности. Уже в феврале 1917 года старая полиция была упразднена и общественный порядок в городах поддерживался добровольной милицией, преимущественно из молодежи. В октябре 1917 года народной милиции были даны белые повязки с красной надписью «МИЛИЦИЯ Комитета общественной безопасности» и с личным номером. Одежда была собственная, от военной формы царской армии до гражданского платья.

В августе 1918 года на территории коммун Северной области, а в ноябре для всей советской милиции утверждена форма одежды. Головными уборами были черные фуражка и папаха. У фуражки по верху околыша нашивалась красная лента, а на околыше крепилась бляха с личным номером. Папаха была обычного армейского покроя. В состав формы входила защитного цвета рубаша (френч) с четырьмя карманами, с красной тесьмой по верху воротника и обшлагов. На левом

рукаве выше локтя пришивалась желтая повязка с нашитыми черными буквами Н.О. (наружная охрана), с личным номером и печатью. Конным милиционерам вместо красной тесьмы полагалась зеленая. Шаровары были черные. Шинель флотского образца цвета маренго, на левом рукаве повязка, как на рубаше. Зимой полагался короткий полубухоб или ватная стеганая куртка, для ненастной погоды непромокаемый плащ с капюшоном. Обувью служили сапоги или ботинки с крагами либо с обмотками, зимой валенки с кожаными головками. Ремень был черный, широкий, с двумя гнездами для красной и белой сигнальных палок, которыми регулировалось движение. На поясе висели револьверная кобура и патронная сумка с винтовочными патронами. На шее затягивался револьверный шнур и висел свисток. Вооружение милиционеров состояло из винтовки со штыком или револьвера, у пешей милиции — длинного изогнутого кинжала-бебута, у конной — шашки. С 1 октября 1918 года на левом рукаве появилась овальная синяя нашивка с красным ободком, на ней белые буквы ГОР. ОХР.

В ноябре была утверждена новая форма милиции. Летний головной убор представлял собой темно-синюю фуражку бельгийского образца (каскатку) с черным лакированным козырьком и подбородным ремнем. Зимний головной убор — каскетка из сукна цвета маренго, с крытым сукном козырьком; нижняя часть тульи закрыта серым барашком, из которого также делались наушники, за ненадобностью заворачивавшиеся внутрь. Мундир (китель) был темно-синий летом, цвета маренго зимой, однобортный, закрытый, с накладными нагрудными карманами с клапанами. Настроченные обшлага были с мыском. Брюки типа полукалфе, летние темно-синие, зимние цвета маренго. Полагались черные высокие ботинки на шнуровке с черными обмотками. Пальто цвета маренго, двубортное, с отложным воротником; рукава были без обшлагов, с клапанами для застегивания. Зимой к пальто пристегивался воротник из искусственного барашка. Перчатки черные кожаные, на меху. Снаряжение и вооружение было прежнее. Канцелярским служащим, агентам угрозыска, должностным лицам некомандного состава форма не полагалась. Вероятнее всего, и милиционеры нечасто носили предписанную форму в полном составе или хотя бы часть ее: в 1918 году все вынуждены были одеваться в то, что имелось.

Для милиционеров был установлен нагрудный знак в виде обрамленного белым лавровым венком красного остроконечного щита с золотыми серпом и молотом, надписью «РСФСР» и личным номером. У комсостава номера не было. На головные уборы полагался такой же значок меньшего размера, без номера. Поставым милиционерам выда-

вался нагрудный белый металлический щит с постовым номером и обозначением участка или волости.

В мае 1919 года был введен нарукавный знак в виде синего суконного овала с красной окантовкой и красными прописными буквами ГМ (городская милиция). Знак нашивался на левый рукав выше локтя. С декабря 1920 года в милиции введены нарукавные отличительные знаки по должностям. На суконных шлемах-шишаках крепился знак образца 1918 года на суконной подложке крапового цвета. На левом рукаве шинели, френча и гимнастерки ниже локтя нашивался щит крапового цвета, окаймленный желтыми колосьями. На щит желтой краской наносились серп и молот, а ниже, на банте, скреплявшем колосья, была белая надпись «РСФСР». Имелся и другой тип щита: с набитым желтой краской контуром пятиконечной звезды, в которой располагались серп и молот в венке из колосьев. У железнодорожной милиции в нижней части щита изображались белые скрещенные топор и якорь. Под щитом нашивались по должностям суконные, крапового цвета ромбы, диски и полудиски. Так, заведующему подотделом управления полагалось три диска, начальнику уездной милиции — три полудиска. В 1935 году в милиции были введены персональные звания. На воротнике помещались петлицы бирюзового цвета с красным кантом, а в них, как и в военных знаках различия, — металлические красные треугольники, квадраты («кубики»), прямоугольники («шпалы») и ромбы.

В 1924 году пальто было заменено шинелью, а вместо френча полагалась гимнастерка. В 1928 году введена черная каракулевая папаха типа кубанки, но с разрезным меховым околышем, черные шаровары, черная и темно-синяя хлопчатобумажные гимнастерки. В 1931 году даны темно-серые пальто и плащ реглан, гимнастерка зимняя суконная темно-синяя, летняя хлопчатобумажная белая, галифе. Введен также летний шлем с передним и задним козырями.

В 1940 году последовало изменение милицейской формы: фуражка темно-синяя с бирюзового цвета околышем, шапка-финка темно-синяя, с коричневым мехом; шаровары темно-синие с бирюзовым кантом; гимнастерка синяя, защитного цвета или летом белая, с отложным воротником с петлицами, с накладными карманами с клапанами; шинель двубортная, темно-синяя, с петлицами бирюзового цвета; металлический прибор золотистый у старшего комсостава, белый у младшего и рядовых. На околыше фуражки крепилась красноармейская звезда, но с золотистым Гербом СССР в центре. У среднего, старшего и высшего начсостава на левом рукаве выше локтя нашивался нарукав-

ный знак — Герб СССР; у политсостава это была звезда бирюзового цвета с серебристым серпом и молотом на ней.

В 1942 году милиции было разрешено ношение армейского защитного обмундирования. В 1943 году в милиции введены погоны, уже армейские, серебристого галуна у начсостава, а у рядовых темно-синие с бирюзовой каймой и с галунными нашивками не в верхней, а в нижней части погона; на поле погона наносилась желтая цифровка. Были введены однобортные кители со стоячим воротником, с клапанами на грудных карманах, темно-синие или белые, гимнастерки со стоячим воротником, также темно-синие или белые. Шапка-финка была заменена черной кубанкой с темно-синим верхом; у высшего начсостава была каракулевая папаха с верхом бирюзового цвета. Кокарда начсостава была круглая, золотистого цвета, с красной звездой и Гербом СССР в ней.

В 1956 году вводится единая форма для всех категорий милиции. Цвет остался темно-синий, но прикладное сукно стало красным.

В 1968 году — милиция получила форму темно-серого цвета «асфальт».

В 1927 году появилось Положение о ВОХР — Внутренней охране. До того охрану предприятий по договорам несла милиция либо наемные сторожа. В штаты ВОХР входили стрелки, помощники командиров взводов, старшины, ротные, батальонные командиры и т. д. Форменная одежда составом и цветом повторяла милицейскую, но петлицы были оранжевые с синим кантом. У стрелков на петлицах были серебряные литеры ВО, у помкомвзвода к ним добавлялись две узкие серебристые нашивки углом. У командира роты петлицы без литер, с тремя узкими серебристыми нашивками углом, у батальонного нашивка одна, золотистая, средней ширины, у инспектора охраны треста — одна широкая золотистая нашивка, у инспектора охраны ведомства — широкая и узкая нашивки. На околыше головного убора служащие ВОХР носили красноармейскую звезду, за которой были скрещенные золотистые винтовки. Такая же звезда изображалась на пуговицах.

В 1935 году форма одежды в ВОХР была изменена. До 1954 года она была защитного цвета, затем темно-синяя: кители, гимнастерки с отложным воротником, с прорезными нагрудными карманами с клапанами, женские платья с нагрудными клапанами прорезных карманов, двубортные шинели — все с зелеными петлицами, фуражки синие со светло-зелеными околышами. С 1967 года китель и двубортная шинель принадлежали только начальствующему составу, у рядового состава были гимнастерка и однобортная шинель. Единой системы ВОХР

не существовало: формирования входили в состав различных ведомств, охрану объектов которых и осуществляли. Это вносило небольшие различия в форме одежды.

В 1918 году были созданы Внутренние войска для охраны порядка. Охрану мест заключения осуществляла конвойная стража республики. Служащие ЧК особой формы одежды и знаков различия не имели, используя военную форму или произвольную одежду. Наиболее популярной была кожаная одежда: куртки, шаровары, фуражки. Изначально это была одежда водителей автомобилей, броневиков и рабочая форма летчиков: кожа плохо впитывает масло и бензин, и такая одежда была пожаробезопасной. Эта форма в комплекте с военной техникой, вооружением и боеприпасами присылалась в Россию ее союзниками — Англией и Францией, оседая в Мурманском и Архангельском портах. После революции она оказалась на комиссарах и чекистах, а водители автомобилей и бронемашин остались в обычной солдатской форме.

В 1922 году с реорганизацией ВЧК в ГПУ (ОГПУ) создаются особые формирования ГПУ и вводится форма одежды. Она была обычно для Красной армии покроя, но клапаны на рубашках-френчах и шинелях («разговоры») и петлицы на воротниках были зеленые. В 1924 году вводятся красные петлицы и металлические знаки в виде треугольников, «кубиков» и ромбов по особым званиям-разрядам и должностям: агент 1-го разряда — один треугольник, агент 2-го разряда — два треугольника, начальник следственной части — четыре кубика, начальник отделения ГПУ — два ромба и т. д.

В 1935 году в органах госбезопасности были введены персональные звания и, соответственно им, знаки различия на рукавах и в петлицах, заметно отличавшиеся от армейских. У сержанта ГБ были два красных треугольника, у младшего лейтенанта — три треугольника, у лейтенанта ГБ — одна серебристая звезда, у старшего лейтенанта — две звезды, у капитана ГБ — три серебристые звезды; у майора ГБ — одна золотистая звезда, у старшего майора — две звезды, у комиссара ГБ 3-го ранга — три звезды, у комиссаров ГБ 2-го и 1-го рангов — четыре звезды, у Генерального комиссара ГБ — одна большая золотая звезда на обшлаге. Нарукавные звезды были шитые. Треугольники и звезды на рукавах и петлицах располагались в ряд или образуя треугольник. Вдоль петлиц проходил узкий жгут, серебристый в званиях от сержанта ГБ до капитана, золотистый — от майора до Генерального комиссара. На левом рукаве выше локтя находился нарукавный знак: овал, в нем вертикально расположен меч, на который наложены

серп и молот, также по званиям. Петлицы и поле знаков были светло-синие. Светло-синим был и верх фуражки с красным околышем (Анна Ахматова писала в «Реквиеме»: «...чтоб я увидела верх шапки голубой / И бледного от страха оправдома»).

В 1943 году в войсках госбезопасности были введены погоны, серебряные со светло-синим кантом у офицеров, светло-синие суконные у сержантского и рядового состава. Просветы, золотистые звезды и галунные нашивки на погонах были как в Красной армии, в соответствии с общеармейскими званиями. Верх фуражек стал защитного цвета, а околыш — светло-синий. С 1958 года на погонах рядового и сержантского состава набивались золотистые литеры ГБ. Офицеры госбезопасности обычно носили штатскую одежду.

Форменная одежда гражданских ведомств. На излете сталинского периода, когда в политике и идеологии явственно проступили претензии на имперское величие, страна стала одеваться в мундир. Это не значит, что ранее форменной одежды, кроме военной, не было. Так, еще в 1926 году была введена форма у железнодорожников, в 1932 году — в лесной охране. До того служащие ряда ведомств, имевших до революции форменную одежду, донашивали старую, дореволюционную форму, но без знаков различия и эмблем. Инженеры дореволюционной школы донашивали свои форменные фуражки, и даже с техническими эмблемами, расставшись с ними только на рубеже 20–30-х годов, когда началась ликвидация старой русской интеллигенции. То же относится к капитанам речного и морского флота.

В массовом порядке форма гражданских служащих стала вводиться с 1943 года, и это продолжалось до конца 40-х годов. Форменную одежду получили наркоматы иностранных дел и финансов, Госбанк, ведомства Госконтроля, заготовок, геологии, угольной, металлургической, химической, лесной и бумажной промышленности, электростанций, Главное управление геодезии и картографии. В 1954 года в ряде ведомств форма была отменена.

Новая, 1926 года, форма железнодорожников темно-синего цвета, практически повторяла старую. Знаки различия были в виде галунных нашивок на рукавах. Более серьезные перемены произошли в 1932 году. Знаки различия, размещавшиеся в петлицах на воротнике, были металлические, красной эмали, и представляли собой у старшего комсостава звездочки, у среднего — шестигранники, у младшего — углы, сужающиеся к концам. В 1943 году параллельно с Красной армией на железных дорогах введены персональные звания и пого-

ны, уже, чем в армии. У высшего, среднего и старшего комсостава погоны были из серебряного галуна со светло-зеленой окантовкой, у младшего и рядового состава — из черного сукна. На погоне в верхней части, а также на фуражке находилась металлическая оксидированная эмблема службы железных дорог. Мундир у младшего и рядового состава был однобортный закрытый, со стоячим воротником с суконными петлицами, у среднего, старшего и высшего состава двубортный, также закрытый, со стоячим воротником с галунными петлицами. Верх фуражки начальников станций и дежурных — красный, на околыше эмблема МПС. В 1955 году форма военного покроя была заменена новой, гражданского образца. Знаки различия были перенесены на черные петлицы воротника, у высшего начсостава в золотой окантовке; в службах присвоенных им цветов. В верхней части петлиц находилась эмблема, у министра и его первого заместителя в золотистом лавро-дубовом венке. В петлицах министра был вышитый золотой канителью Герб СССР, у первого заместителя министра шитая звезда с сиянием, у заместителей министра в чистом поле петлицы четыре звезды меньшего размера, у членов коллегии министерства и остального высшего состава — от трех до одной шитых золотых звезд. В старшем начсоставе в петлицах два серебристых просвета и одна-три белые звезды, у среднего начсостава один просвет и одна-три меньших звезды, у младшего и рядового состава одна-три серебристые продольные полосы или один-три серебристых угла, причем у машинистов над концами полосок миниатюрное изображение паровоза, а у тех, кому знаки не положены, — чистое поле петлиц с техническим знаком на конце. В 1963 году на тулье фуражки появилась эмблема МПС — колесо с крыльями; скрещенные ключ и молоток остались на околыше. В 1973 году введен нарукавный знак на левом рукаве одежды младшего и рядового состава: суконный черный пятиугольник, в нем в зеленой окантовке находился желтый венок и скрещенные ключ и молоток, а внизу надпись «МПС» или «Метро». В 1979 году цвет формы стал темно-синий зимой, светло-серый летом. Для начальствующего состава введены знаки различия в виде галунных нашивок золотистого цвета. В 1985 году вводится новый комплект форменной одежды. У высшего и старшего состава это двубортный пиджак с отложным воротником и открытыми лацканами, с прорезными боковыми и левым нагрудным карманами, у среднего, младшего и рядового состава — однобортный, такого же покроя. Брюки (у женщин — юбка) — в цвет пиджака. Рубашка голубая, с черным или серым галстуком. Младшему женскому составу также

полагалось платье. Пальто темно-синее, однобортное, с отложным воротником и открытыми лацканами. Фуражка цвета костюма, с черным околышем, у женщин — берет. Зимний головной убор — шапка-ушанка, у высшего состава — из серого каракуля, у старшего и среднего состава — из черного каракуля, у младшего и рядового состава — черная цигейковая; верх шапки — черного сукна. Знаки различия были образца 1979 года.

В 1929 году вместе с организацией Гражданского воздушного флота была введена и форменная одежда его служащих: темно-синие однобортное пальто штатского покроя, китель с прорезными боковыми и нагрудным карманами, брюки навыпуск и фуражка с черной лентой на околыше; летом можно было носить белую фуражку. На околыше крепилась эмблема в виде развернутых серебряных крылышек с Гербом СССР в центре, на который накладывался золотистый пропеллер. На левый рукав выше локтя нашивался синий ромбический нарукавный знак, в котором на фоне восходящего солнца находилась такая же эмблема, как на фуражке. Ниже, над обшлагом, нашивались шевроны с галунами, в соответствии с 12 категориями состава. У летного состава галуны были золотистые, у инженерного — серебристые. 1 июня 1936 года вместо нарукавных шевронов введены светло-синие петлицы на воротники кителей и установлено 13 категорий состава. Петлицы окантовывались канителью и имели шитые просветы; вдоль петлиц, на просветах крепились одна-три миниатюрные эмблемы ГВФ. Учащиеся ГВФ носили петлицы с узким серебристым просветом без эмблем. В 1943 году составу ГВФ даны галунные золотистые (у летного состава) или серебристые (у инженерно-технического состава) погоны с одним или двумя, как у военных, голубыми просветами и располагавшимися вдоль погона звездами противоположного цвета.

В 1973 году в ГВФ вводится новая форма: двубортное темно-синее пальто, однобортный плащ со скрытой застежкой, косыми прорезными карманами и матерчатым поясом, двубортный открытый китель, однобортный серый китель, куртка-сорочка. Введены погоны по 11 категориям, темно-синие суконные, с закругленным верхним концом, с узкой золотистой окантовкой. В нижней части погона по категориям состава находятся золотистые, серебристые или голубые шевроны углом вверх. У курсантов на чистом поле погона литера К, у рядового состава поле погона чистое.

В Речном флоте в 1947 году вводится форменная одежда с погонами военного образца, в соответствии с персональными званиями. Но в 1954 году отменены персональные звания, погоны, звезды на кокар-

дах, и знаками различия с 1956 года стали служить нарукавные галунные нашивки с эмблемами внутри петель нашивок, как в Морфлоте. С 1969 года форма была черная, суконная, летняя хлопчатобумажная светло-серая, с нарукавными нашивками.

18 февраля 1925 года введены нагрудные знаки для комсостава Гражданского морского флота: якорь, окруженный цепью, с наложенным на него серпом и молотом и секстан у капитанов дальнего плавания, картушкой компаса с изображением румбов у штурманов и трехлопастным винтом у механиков. В 1948 году в Морфлоте, Главсевморпути и техническом флоте введена форменная одежда в виде черной двубортной шинели, демисезонного черного двубортного пальто, парадной двубортной открытой тужурки с белой сорочкой и черным галстуком, повседневного однобортного кителя со стоячим воротником, двумя накладными нагрудными и двумя боковыми прорезными карманами с клапанами, черной зимней шапки-ушанки и черной, летом с белым чехлом, фуражки. У высшего начальствующего состава на околыше фуражки было золотистое шитье, как в ВМФ, и на козырьке дубовые металлические веточки. На обоих рукавах от шва до шва были нашивки золотистого галуна. Наружные галуны были широкие, средние и узкие. Верхний галун образовывал петлю в форме квадрата. В эксплуатационно-судовой и инженерно-технической службах галун золотистый, в административной службе — серебристый.

В 70-х годах морская форма была немного изменена. Введено черное двубортное открытое пальто и летнее черное однобортное пальто с тканевым поясом, а также черный или темно-синий открытый плащ, двубортные черный и белый пиджаки. Все носилось с черными брюками. Также появились пиджак темно-синий, открытый, однобортный, с четырьмя накладными карманами с клапанами, такого же покроя бежевый пиджак с бежевыми брюками и белый пиджак с черными брюками. Кроме того, введены верхняя сорочка-куртка с поясом, манжетами и накладными нагрудными карманами с клапанами, и тропическая форма: белая сорочка с короткими рукавами и накладными нагрудными карманами с клапанами и белые шорты. Появилась и женская форма: черное двубортное пальто с прорезными косыми карманами, летнее темно-синее однобортное пальто и однобортный темно-синий плащ, однобортные жакеты, черный, темно-синий и белый, и бежевые юбка и блузка с поясом.

В Наркомате, позже Министерстве связи, форменная одежда черного цвета (шинель, китель, гимнастерка, у женщин платье или юбка,

фуражка) появилась еще до войны. Знаки различия были в виде прямоугольных петлиц черного бархата, в высшем составе с золотистой окантовкой, у остальных — с синей суконной. В петлицах находилась эмблема (серп, молот и молния), один-два просвета и звезды. У младших инспекторов связи в петлицах находились одна-три продольных узких нашивок, у рядового состава поле петлиц чистое, только с эмблемой.

В лесном ведомстве форма введена в 1932 году, изменена в 1938 году. Ее составляли черные фуражка, шапка-ушанка, шинель, китель, гимнастерка, брюки навыпуск или в сапоги. Кокарда первоначально представляла собой круг с голубым полем в красной кайме, в ней зеленая дубовая ветвь с золотистыми серпом и молотом поверх нее. На левом рукаве выше локтя нарукавный знак того же вида, что и кокарда. На воротнике зеленые петлицы с белыми металлическими, от трех до одной, по должностям, звездочками или кружками. У лесников поле петлиц чистое, у объездчиков один белый металлический кружок, у начальника охраны лесхозов — одна звезда и т. д. В 50-х годах знаки различия частично изменились. На зеленых петлицах появились золотистые просветы, кружки отменены, звезды стали золотистыми, а на рукавах выше обшлага нашивался светло-зеленый клапан с золотистыми галунами. У лесников и егерей петлицы были гладкие, с одной поперечной золотистой нашивкой, а на клапане рукава была узкая светло-зеленая нашивка.

28 мая 1943 года введены личные ранги дипломатических работников и установлена парадная и повседневная форменная одежда и знаки различия. Черная парадная форма присваивалась только руководящему составу, повседневная была серая. Канты и петлицы зеленые. Парадный мундир двубортный, с открытыми лацканами, с шитьем на воротнике и обшлагах. На брюках канты в боковых швах и лампасы. Повседневный мундир однобортный, того же покроя, но без шитья, с кантом на обшлагах. Пальто двубортное, зимой с серым каракулевым воротником. Головным убором служила фуражка с кантами, у руководящего состава с золотым филиграневым шнуром вместо подбородного ремня, а зимой у послов, посланников и советников папаха черного или серого каракуля, у остальных сотрудников — серая каракулевая шапка-ушанка. На околыше фуражки и на зимних уборах кокарда, а над ней (на фуражке — на тулье) — две скрещенные пальмовые ветви. К парадной форме полагался кортик. Знаками различия были серебряные погоны с золотым кантом. Поле погон Чрезвычайного и Полномочного Посла, Чрезвычайных и Полномочных Посланни-

ков 1-го и 2-го классов и советников 1-го и 2-го классов без просветов. У дипломатов среднего звена на погонах два зеленых просвета, у младшего дипломатического ранга атташе — один просвет. На погоне Чрезвычайного и Полномочного Посла вышивалась золотом одна большая звезда, на погонах посланников, в зависимости от ранга — четыре или три звезды меньшего размера, у советников — две или одна звезда, в среднем звене были от трех до одной звезды, у атташе — от четырех до двух маленьких звездочек. Звезды шли вдоль погона, в верхней части над ними вышивались две пальмовые ветви. На воротнике и обшлагах были золотые шитые пальмовые ветви, по рангам, на воротнике дополненные узким шитым кантом. На обшлагах окантовка шитья была по рангам, у послов и посланников с дополнительным шитьем между двойным кантом; у советников шитье на обшлагах обрамлялось двойным или одинарным простым кантом, у среднего и младшего звена был одинарный кант, в младшем ранге атташе обшлага без шитья, только с кантом.

В 1954 году повседневная форма была отменена, а парадная сохранилась только для Чрезвычайных и Полномочных Послов и Посланников. Погоны были заменены голубыми петлицами на воротнике, в них Герб СССР, над ним скрещенные пальмовые ветви, под ним — звезды; петлицы обрамлялись пальмовыми ветвями. Лампасы и ношение кортика отменялись. В 1955 году для руководителей представительств в странах с жарким климатом в качестве парадной формы были введены светлые мундиры.

16 сентября 1943 года утверждена форменная одежда и знаки различия работников прокуратуры. Форма синего цвета, обычного состава, знаки различия в виде петлиц черного бархата в золотистой окантовке. В верхней части петлиц золотистая эмблема: за остроконечным фигурным щитом два скрещенных меча. В петлицах находились один-два просвета и одна-четыре звезды.

В таможенной службе форма темно-синего цвета военного покроя была введена 8 мая 1934 года (есть сведения, что даже в 1928 году). На головных уборах был Герб СССР со скрещенными кадуцеями (жезлы Меркурия), на левом рукаве в ромбовидной нашивке шитые золотистые скрещенные кадуцеи. В 1951 году были введены знаки различия в виде темно-зеленых бархатных петлиц с золотистыми кадуцеями и звездами. У старшего и среднего начальствующего состава на форме появились черные бархатные воротники с золотым шитьем, а на брюках — зеленые лампасы. В 1954 году была отменена парадная форма, а повседневная оставлена только для учреждений, находящихся на по-

граничных переходах. В 1964 году форма таможенников стала темно-серой, нарукавные знаки с нее убраны, темно-зеленые петлицы и околыши фуражек остались. А в 1987 году таможенники получили новую форму и погоны.

10 июля 1948 года были введены форменная одежда и персональные звания финансовых работников от Министерства финансов, Госбанка и специализированных банков до систем Госстраха и сберегательных касс. Устанавливались четыре категории: высший, старший, средний и младший состав. Форма одежды темно-зеленая, приборным цветом был темно-зеленый бархат с коричневыми кантами, приборный металл — желтый. В старшем и высшем составе повседневную форму составляли открытый двубортный мундир, брюки навыпуск с кантами по наружным швам, фуражка военного покроя с бархатным околышем и кантами, с кокардой на околыше и у высшего состава с филигранным подбородным шнуром вместо ремешка. Парадная форма высшего состава имела золотое шитье в виде шести дубовых листьев по сторонам петлиц, дубовой ветви, окаймленной зигзагообразной полоской на обшлагах и дубовыми листьями на околыше фуражки вокруг кокарды. Среднему и младшему составу полагался однобортный закрытый китель со стояче-отложным воротником, с боковыми и нагрудным прорезными карманами. К форме полагалась белая рубашка с черным галстуком. Пальто двубортное, с боковыми прорезными карманами с клапанами, хлястиком на спине и разрезом, а для ношения летом в ненастную погоду такого же покроя плащ из прорезиненной ткани. Зимнее пальто такого же покроя отличалось утепленной подкладкой и черным меховым воротником. Зимним головным убором была черная меховая шапка-кубанка. Предусматривались и коричневые лайковые перчатки (при парадной форме — белые). Женское обмундирование отличалось только юбкой вместо брюк, беретом вместо фуражки и шапкой-ушанкой вместо кубанки. На головных уборах крепилась золотистая кокарда в виде обрамленного лавровым венком Герба СССР. Знаками различия служили петлицы на воротнике, с одним-двумя просветами и одной-четырьмя звездами. У младших советников финансовой службы в петлицах были золотистые поперечные галунные нашивки или имитирующие их металлические пластинки.

17 июня 1949 года введены форма и знаки различия служащих Министерства заготовок. Как и в ряде других ведомств, звания здесь установлены по рангам. Им соответствовали знаки различия в виде темно-синих бархатных петлиц с голубым кантом, просветами и звездами или, в младших рангах, поперечными золотистыми нашивками. Состав

и покрой форменной одежды в целом повторял форму финансовых работников.

4 декабря 1951 года утверждены форма одежды и знаки различия руководящих и инженерно-технических работников, бригадиров и рабочих учреждений и предприятий Министерства электростанций: для руководящего состава и ИТР — парадная и повседневная, для бригадиров и рабочих — повседневная и рабочая. Основной цвет одежды темно-серый, парадный — черный, летом кремовый или белый, цвет кантов и петлиц на воротнике — синий. Для высшего руководящего, старшего и среднего инженерно-технического состава полагалась двубортная открытая тужурка с прорезными боковыми карманами с клапанами и левым нагрудным прорезным карманом. Брюки в цвет тужурки с кантом в боковых швах, у высшего состава с лампасами по сторонам канта. Рубашка при парадной форме белая, повседневная светло-серая, с темно-серым галстуком. Фуражка темно-серая, с кантами, у высшего состава с золотистым филигранным шнуром вместо подбородного ремешка. Китель однобортный, с отложным воротником и прорезными нагрудными карманами с клапанами. Брюки к повседневному и летнему кителю темно-серые, с кантами, у высшего состава с лампасами. Зимне-демисезонное пальто двубортное, открытое, с хлястиком и разрезом сзади. Зимой можно было носить серый каракулевый воротник у высшего состава, черный цигейковый у прочих. Зимняя шапка у высшего состава серая каракулевая, у прочих — черная каракулевая или цигейковая. Бригадир и рабочий в качестве повседневной формы носили вышеописанный китель, а как спецодежду — хлопчатобумажную однобортную закрытую блузу (спецовку) с отложным воротником и накладными боковыми и нагрудными карманами. Брюки и фуражка из той же ткани. У женщин брюки заменялись юбкой, а фуражка — беретом. На парадных тужурках высшего руководящего и старшего и среднего инженерно-технического состава на петлицах было шитье в виде золотых дубовых листьев и дубовой ветви в обрамлении волнистого канительного канта на обшлагах.

Кокарда на головных уборах у высшего руководящего, старшего и среднего инженерно-технического состава овальная: на обрамленном серебристым сиянием голубом фоне золоченый Герб СССР. У младшего и рядового состава кокарда круглая, с серебристым сиянием и голубым эмалевым центром, на котором эмблема: золотистая турбина с серебристой молнией на ней — для службы электростанций, и золотистая мачта электропередач тока высокого напряжения с серебристой молнией — для службы электросетей.

Знаки различия в виде синих суконных петлиц со светло-синим кантом, у высшего и руководящего состава петлицы бархатные, с окантовкой золотой канителью. В петлицах эмблемы, просветы и звезды. У младшего технического состава на петлицах эмблема, под ней поперечные галунные нашивки. На петлицах бригадиров и квалифицированных рабочих на петлицах от трех до одного серебряного галуна.

6 июля 1954 года ношение форменной одежды было отменено.

Форменную одежду руководящих и инженерно-технических работников угольной и сланцевой промышленности составляли черные двубортный пиджак, брюки, черная фуражка с черным бархатным околышем и синими кантами, с золотистым подбородным шнуром у высших и средних должностных категорий или лакированным ремешком у младшего состава; по козырьку фуражек высших категорий шло обрамление из металлических дубовых листьев золотистого цвета. Летний костюм представлял собой серый однобортный пиджак и серые или черные брюки. В обоих случаях рубашка белая, галстук серый. Летняя фуражка такая же, как зимняя, но тулья серая. Летний пиджак мог заменяться серой хлопчатобумажной курткой-сорочкой с поясом, с манжетами и накладными нагрудными карманами с клапанами. Куртка носилась с галстуком. Зимой полагалось утепленное двубортное черное открытое пальто с серым каракулевым воротником. Носилось оно с серой в высшем составе, черной в старшем и среднем составе каракулевой шапкой-ушанкой, с козырьком или без козырька; на шапках с козырьком у высшего состава был золотой подбородный шнур и обрамление металлическими листьями. У младшего состава шапки из черной цигейки. Летнее серое пальто было такого же покроя, как зимнее. Имелся также серый открытый однобортный плащ на трех пуговицах.

В женском составе полагался черный или серый жакет и юбка с белой блузкой и, по желанию, с темным галстуком или без него. Зимнее пальто черное, двубортное, с серыми или черными, по категориям, каракулевыми воротником и лацканами, с боковыми вертикальными прорезными карманами. Демисезонное приталенное пальто серое, однобортное, того же покроя. Летним головным убором служил светло-серый или темно-серый, по категориям, берет, зимним — серая или черная каракулевая шапочка в форме колпака.

Знаки различия состояли из черных бархатных петлиц на воротнике и нарукавных знаков. У работников высших должностных категорий они окантовывались золотистым шнуром, в старших, средних и младших категориях — синим сукном. В петлицах была эмблема (скрещенные кирка и молоток), просветы и звездочки. В петлицах

младших 12–15-й категорий работников петлицы были без просветов, с поперечными золотистыми галунными нашивками. Наручавный знак представлял собой прямоугольные шевроны.

Кокарда золотистого цвета в виде овала с ребристой окантовкой, обрамленного лавровым венком; в центре на синем фоне эмблема, на которую в горно-спасательной службе накладывался небольшой красный крест.

Имелась также форма почетного шахтера из черных двубортного пиджака и брюк. В обшлагах и боковых швах брюк вшивался светло-зеленый кант. Фуражка черная, с черным бархатным околышем, черным плетеным подбородным шнуром и зеленым кантом.

Форменную одежду, но без знаков различия, должны были носить преподаватели и студенты вузов, обучавшиеся по вышеназванным специальностям. Предполагалось даже ввести форменную одежду профессорско-преподавательского состава всех вузов, но после смерти Сталина отменена была форма даже во многих ведомствах, где она имелась.

Кроме того, форменной одеждой снабжались преподаватели и учащиеся школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и школ трудовых резервов (ремесленных училищ). Однако преподаватели преимущественно ходили в неформенной одежде. Форма была черная и включала гимнастерку, брюки навыпуск или юбку, шинель, фуражку или зимнюю шапку (в женском составе — берет) и ботинки. На околыше фуражки была техническая эмблема (скрещенные молоток и разводной ключ или молоток и кирка). Черный поясной ремень был с бляхой, на которой выдавливались литеры ФЗУ или РУ. Металлический прибор белый.

После войны была попытка введения формы учащихся общеобразовательных школ. Однако внедрялась она с трудом, особенно в провинции и в сельских школах. К концу 50-х годов лишь девочки почти поголовно (в городах — во всяком случае) носили форму: коричневое платье с манжетами и белым воротничком и черный, в торжественных случаях — белый фартук. Форма мальчиков была серая, в виде однобортного пиджака и брюк, но прививалась она с трудом; в 70–80-е годы форма стала темно-синей.

Нагрудные и наградные знаки. Одной из особенностей повседневной жизни советского общества стало появление огромного количества разнообразнейших металлических нагрудных знаков, которые даже приобрели несколько уничижительное название значков; справедливости ради следует, однако, отметить, что немалое число

таких знаков появилось еще раньше, в последний период существования дореволюционного русского общества. Одни из советских знаков имели наградной характер, другие обозначали принадлежность их владельцев к определенным политическим, общественным или культурно-просветительным организациям, третьи свидетельствовали об окончании тех или иных учебных заведений, четвертые говорили об успехах в боевой подготовке или в спорте, и т. д. Одно лишь их перечисление заняло бы несколько страниц. Но некоторые из них все же заслуживают описания.

При создании Красной гвардии в 1917 году был установлен нагрудный красногвардейский знак с личным номером владельца. При формировании регулярной Красной армии был учрежден нагрудный красноармейский знак: обрамленная венком красная звезда со скрещенными золотыми молотом и плугом в центре. Знак носился на левой стороне груди. Употребление его, по-видимому, было не повсеместным и недолгим и обуславливалось отсутствием единой военной формы и знаков различия. Во время Гражданской войны в отдельных частях, на разных фронтах и курсах красных командиров изготавливались нагрудные знаки различного назначения. Так, в 1918 году появился один из знаков «краскома» — красного командира, также с красной звездой и наложенными на нее плугом и молотом. Даже красные военлеты (пилоты и штурманы) получали свой нагрудный знак с распростертыми крыльями и пропеллером. В 1925–1926 годах уволенным в запас красноармейцам выдавался памятный знак: стилизованная пятиконечная звезда, лучи которой образовывались пятью красноармейскими шлемами, с портретом В.И. Ленина в центре знака, лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и надписью «Помни завет Ленина».

В 1922 году появился нагрудный знак «Честному воину Карельского фронта», служивший наградой за мужество и героизм, проявленные в боях с финнами. И здесь была красная звезда в венке и плуг и молот. Были также введены знаки за отличия в боевой подготовке: за успехи в стрельбе, «За отличную рубку» двух степеней в кавалерии.

В 1927 году была создана добровольная военно-патриотическая организация — Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) и введен нагрудный членский знак. Для поощрения активистов были учреждены знаки «За активную оборонную работу», «Крепи оборону СССР», «Ударнику Осоавиахима», «Активист Осоавиахима», «За ударную конную работу». Первый выпуск членского знака Осоавиахима представлял собой белый эмалевый круглый медальон в обрамлении золотистого изображения ше-

стерни слева и пучка колосьев справа. В центре находилась большая красная пятиконечная звезда, на фоне которой перекрещивались золотистые пропеллер и винтовка, в левой нижней части был молот, а внизу, между лучами звезды — противогаз. Снизу медальон обрамлялся красной лентой с надписью «Осоавиахим». Крупные лепные изображения этого знака до сих пор можно увидеть на некоторых старых московских постройках, видимо, принадлежавших Осоавиахиму. Знак несколько раз слегка изменял свой вид. Знак «За активную оборонную работу», появившийся в 1932 году и просуществовавший до 1948 года, служил высшей наградой активистов. В 1933 году появился наградной знак «Ударнику Осоавиахима». Знак «За ударную конную работу» был утвержден в 1934 году и представлял собой эмалевую копию кавалерийской петлицы, нашивавшейся на воротник шинели. А в 1936 году был утвержден знак «Ворошиловский всадник», с 1939 года «Ворошиловский всадник» I и II степеней и «Юный ворошиловский всадник».

В 1929 году на Дальнем Востоке произошел вооруженный конфликт с «белокитайцами» на КВЖД. Осоавиахим формировал вооруженные отряды для охраны тыла Особой Дальневосточной армии и Дальневосточной Военной флотилии. Отличившиеся бойцы отрядов и красноармейцы и краснофлотцы награждались знаком «Бойцу ОКДВА. Осоавиахим». Для награждения пограничников был учрежден такой же знак, но с надписью «Осоавиахим. Бойцу КПО ДВК. КВЖД».

Одним из важнейших направлений работы Осоавиахима была подготовка снайперов. Были выпущены несколько знаков и жетонов «За стрельбу», «За отличную стрельбу», а в 1933 году утверждено положение о знаке «Снайпер». В 1932 году был также создан самый популярный в 30-х годах наградной знак «Ворошиловский стрелок» I и II степеней. Он представлял собой пятиконечную красную эмалевую звезду, на фоне которой было золотистое изображение стрелка, стреляющего из положения стоя. Стрелок опирался ногами на расположенное между нижними лучами звезды белое эмалевое изображение стрелковой мишени, на которой и указывалась с 1934 года степень знака. Вверху, за верхним и правым лучами звезды, находилось красное знамя с надписью «Ворошиловский стрелок». Все это накладывалось на черную шестерню; слева по ней шла надпись «Осоавиахим», справа изображался золотистый колос. В 1934 году был утвержден также знак «Юный ворошиловский стрелок»: на уменьшенном в размерах знаке вместо звезды в центре изображался костер — символ пионерской организации. Среди молодежи участие в работе Осоавиахима и стрелковая подготовка

были чрезвычайно популярны, и соответствующие значки очень часто можно увидеть на старых фотографиях юношей и девушек.

В связи развитием авиации и угрозой применения боевых отравляющих веществ развернулась работа по противовоздушной и противохимической обороне. В рамках Осоавиахима был разработан соответствующий комплекс, а в 1935 году утвержден знак «Готов к ПВХО» двух степеней, отмененный в 1941 году.

Столь же популярной стала парашютная подготовка: перед войной в стране активно создавались воздушно-десантные корпуса, а на знаменитых Киевских маневрах 1935 года все с изумлением увидели выброску первого в истории массового парашютного десанта. В городских парках повсеместно строились парашютные вышки и прыжок с них стал своеобразным аттракционом. Первый знак Осоавиахима «Парашютист» был введен в феврале 1931 года. Он вручался парашютистам, совершившим первый прыжок с самолета, в 1933 году был утвержден знак «Инструктор парашютного спорта» двух степеней, а 29 апреля 1936 года — знак «Спортсмен-парашютист», для получения которого требовалось совершить не менее пяти прыжков. 4 сентября 1934 года утвержден знак «Мастер парашютного спорта СССР» в виде стилизованного парашюта с куполом, увенчанным красной звездой и надписью «МАСТЕР СССР». Под куполом на синем фоне серебристый самолет и раскрывающийся белый купол парашюта с фигуркой парашютиста, на этом фоне накладная красная цифра; несколько позже цифра была убрана.

Увлечение авиацией в 30-х годах проявилось в форме чрезвычайно развитого авиамоделизма. Для авиамоделистов в 1935 году был введен знак «Юный авиастроитель», несколько позже утвержден знак «Инструктор авиамоделизма», а 1 апреля 1939 года создан знак «Мастер советского авиамоделизма».

Преемником Осоавиахима стало добровольное общество содействия армии, авиации и флоту — ДОСААФ. 6 июня 1952 года была утверждена эмблема общества, ставшая и нагрудным знаком ДОСААФ. Знак представлял собой золотистый венок с наложенной сверху красной лентой с надписью «ДОСААФ СССР». В венке в центре светло-голубого поля изображена пятиконечная красная звезда с серпом и молотом, за нею золотистые скрещенные винтовка, автомат и якорь, лапы которого наложены на венок; над звездой золотистый самолет. 17 июня 1952 года учрежден знак ДОСААФ «За активную работу», ставший высшей наградой, а 3 февраля 1958 года учрежден почетный знак ДОСААФ в виде серебристой пятиконечной звезды, на которую наложен золо-

тистый круглый веночек, в нем надпись «ДОСААФ СССР», а ниже лавровая ветвь. Звезда подвешена к красной колодке в серебристой рамке. В 1967 году был выпущен юбилейный почетный знак в честь 40-летия общества, повторявший знак образца 1958 года, но с надписью «40 лет». 5 сентября 1958 года появились знаки «Планерист ДОСААФ СССР» и «Инструктор-планерист ДОСААФ СССР» трех степеней. 27 апреля 1955 года утвержден знак ДОСААФ «Юный моряк» двух степеней, 7 мая 1958 года выпущен знак «Авиамodelист ДОСААФ СССР». Знаки ДОСААФ выпускались еще несколько раз. 6 мая 1953 года был создан значок «Инструктор ДОСААФ», а в сентябре 1975 года появился знак «Тренер-общественник».

Так называемая оборонная работа, то есть подготовка молодежи к военной службе, постоянно находилась в центре внимания советского государства, имевшего почти открытый милитаристский характер. В связи с реальной или надуманной угрозой нападения на СССР и с задачей распространения новой политической системы на окружающие капиталистические страны и континенты, спортивному воспитанию подрастающего поколения — будущих воинов придавалось особое значение. В 1931 году был разработан спортивный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО), получивший знак. В рамках комплекса ГТО для подростков в 1934–1971 годах существовал особый комплекс БГТО — «Будь готов к труду и обороне СССР», также со значком. В принципе все школьники должны были выполнить нормативы БГТО, особенно в ранний период существования комплекса. В 1958 году был утвержден знак «Готов к ПВО». В 1965 году для призывников, сдавших нормы, был выпущен знак «Готов к защите Родины» двух степеней. В 1972 году его заменил новый комплекс и знак «Готов к труду и обороне СССР». 8 июня 1973 года появились значки «Юный стрелок» и «Меткий стрелок», «Юный радиолюбитель», значки детско-юношеских спортивно-технических школ, ряда федераций в рамках общества и пр. Значительное количество спортивных значков было выпущено ЦК ДОСААФ в связи с проведением различных всесоюзных и мировых спортивных соревнований и выставок. К съездам Оборонного общества был выпущен ряд делегатских значков. Также появилось несколько памятных значков Издательства ДОСААФ и его печатных органов.

События Великой Отечественной войны привели к появлению новых знаков. 14 июля 1942 года для военнослужащих, раненных на фронтах войны, введены особые нагрудные знаки ранения, носившиеся на правой стороне груди выше всех других знаков и наград. Легкое ранение отмечалось темно-красным, тяжелое — золотистым знаком.

Оба имели вид шелкового галуна длиной 43 мм и шириной 5–6 мм. Промежуток между нашивками составлял 3–4 мм. Число их определялось количеством ранений. 21 мая 1942 года в гвардейских частях введен нагрудный знак «Гвардия». Это овальный золоченый венок из лавровых листьев, в центре которого на белом поле лежит пятиконечная красная звезда. На венок накладывалось знамя красной эмали с золотой надписью «Гвардия». В нижней части венка на картези надписью «СССР». У экипажей гвардейских кораблей знак представлял собой прямоугольную рамку, у офицерского состава золотую, у рядового серебристую; в рамке был кусочек гвардейской ленты с двумя золотистыми и тремя черными полосками. После войны знак стал единым.

Одновременно в целях поощрения бойцов были утверждены нагрудные знаки отличников «Снайпер», «Отличный пулеметчик», «Отличный минометчик», «Отличный артиллерист», «Отличный танкист», «Отличный подводник», «Отличный торпедист», «Отличный сапер» и «Отличный минер», «Отличник санитарной службы», «Отличник железнодорожников», «Отличный разведчик», «Отличный связист», «Отличный понтонер», «Отличник ПВО», «Отличный шофер», «Отличный тракторист», «Отличный дорожник» и даже «Отличный повар» и «Отличный пекарь». Последним знаком отличника в период войны стал знак «Отличный пожарник», утвержденный 22 ноября 1944 года. Награждение нагрудными знаками отличника было продолжено после войны. В июне 1947 года введены знаки «Отличный стрелок» и «Отличник авиации», по форме аналогичные вводившимся в 1942–1944 годах. Знаки носились на правой стороне груди. Все нагрудные знаки были однотипны: эмалевый фигурный остроконечный щит с красным полем, окаймленный оксидированной каймой с золотистыми «гвоздиками»; в верхней части щита были золотистые завитки. С боков щит окаймлялся золотистыми дубовыми листьями, перехваченными оксидированной лентой. В щите находился белый круг с надписью отличия, а в его центре на красном поле — золотые серп и молот. В нижней части щита, под кругом, было золотое изображение вида оружия или войсковой эмблемы. Награждение ими прекращено в 1957 году. Взамен этих знаков в 1957 году введены новые: «Отличник Советской армии», «Отличник ВМФ» и «Отличник ВВС». Их форма в основном повторяла предыдущие. В 50-х годах для поощрения солдат строительных частей были введены знаки «Отличник военно-морской стройки» и «Отличник военного строительства».

В 1957 году для рядовых и сержантов внутренних войск был введен знак «Отличник службы внутренних войск МВД», несколько раз изме-

нявшийся. В 1971 году для внутренних войск были введены знаки «За отличие в службе» двух степеней. Оба знака подвешивались к колодке в виде красной ленточки в золотистой рамке. Кроме того, имелись звание и знак «Заслуженный работник МВД». Пограничники награждались знаком «Отличный пограничник», введенным в 1949 году и в 1969 году замененным знаком «Отличник погранвойск» I и II степеней. Для награждения служащих КГБ, в том числе погранвойск, существовал знак «Почетный сотрудник КГБ». Это остроконечный щит с белым рифленным полем и золотистой каймой, на который вертикально наложен позолоченный меч, сверху которого — позолоченная граненая пятиконечная звезда с серпом и молотом. Снизу и с боков щит охватывает красная лента с надписью «Почетный сотрудник госбезопасности».

Много лет после войны ведется разминирование территорий бывших театров военных действий. Большой частью оно сопряжено с опасностью для жизни. Для поощрения военнослужащих, отличившихся при боевом разминировании, 31 декабря 1974 года введен знак «За разминирование»: в треугольном щите, покрытом лучами, золотистое изображение минера с миноискателем, за ним — городские дома. Знак подвешен к золотистой колодке со светло-зеленой муаровой лентой. В 1975 году был учрежден нагрудный знак «За боевое траление» для экипажей морских тральщиков. Он повторяет форму предыдущего знака, но на нем изображен золотой тральщик на фоне голубого неба, идущий по синему морю, в котором — золотистое изображение якорной мины. Колодка, к которой подвешен знак, — с голубой лентой.

Одной из самых опасных профессий, сопряженных с угрозой для жизни, является профессия испытателя самолетов. 14 августа 1958 года были учреждены звания и знаки «Заслуженный летчик-испытатель СССР» и «Заслуженный штурман-испытатель СССР». Знак носился на правой стороне груди и при наличии орденов размещался над ними. Это посеребренный неправильный восьмиугольник с выпуклой окантовкой. В верхней части соответствующая надпись, в нижней — лавровая ветвь и надпись «СССР»; по диагонали через знак укреплено позолоченное изображение реактивного самолета. Знак подвешен к посеребренной колодке с голубой муаровой ленточкой. 26 января 1965 года учреждены почетные звания и нагрудный знак «Заслуженный военный летчик СССР» и «Заслуженный военный штурман СССР». Знаки полностью повторяют предыдущие знаки, отличаясь надписью и красными ленточками в колодке. 13 сентября 1984 года установлены звание и знак «Заслуженный парашютист-испытатель СССР». Правила ношения и форма знака аналогичны вышеописанным. Только по диагонали

через знак помещены позолоченные изображения реактивного самолета и парашюта под ним. 22 августа 1988 года все три звания и знаки были упразднены.

Видное место среди нагрудных знаков занимают знаки классности специалистов. В 1950 году для летного состава ВВС введена классификационная характеристика трех классов. В 1971 году для летчиков и штурманов 1-го класса введены знаки «Летчик-снайпер» и «Штурман-снайпер».

В 1954 году для генералов, офицеров и солдат танковых войск вводится знак «Танкист» с указанием классности механика-водителя танка или САУ (мастер вождения, механик-водитель 1-го, 2-го и 3-го классов). В том же году утвержден знак классного оператора для офицеров радиотехнических войск, а в 1959 году — классного связиста для генералов, адмиралов и офицеров всех видов войск. Тогда же для военнослужащих срочной и сверхсрочной службы дан знак «Специалист» в виде темно-синего остроконечного щита. В щите цифры, указывающие на классность, либо литера М в знаке «Специалист-мастер».

20 августа 1968 года утвержден общий нагрудный знак классности для прапорщиков (мичманов) и офицеров всех видов вооруженных сил, кроме авиации. Он имеет вид развернутых золотистых крыльев из трех рифленых перьев, под ними голубое электромагнитное поле с расходящимися золотистыми стрелами, а ниже — никелированное изображение пучковых торсионов и танка на их фоне. Крылья сверху охвачены золотыми лавровыми ветвями. На эту конструкцию наложена золотистая ракета. Сверху лежит увенчанный красной звездочкой белый остроконечный щитик с красной цифрой классности в нем: 1, 2 или 3. У специалистов-мастеров офицерского состава вместо цифры в щитике красная литера М.

14 апреля 1961 года были учреждены звание и знак «Летчик-космонавт СССР». Знак представляет собой серебряный пятиугольник. В центре позолоченное изображение земного шара с выделенной красным картой СССР. Шар опоясан золотой орбитой со спутником на ней, а из звездочки, отмечающей Москву, выходит вторая орбита, заканчивающаяся вверху шлейфом космического корабля, выходящего в космос. По верхним кромкам пятиугольника надписи «Летчик-космонавт», снизу — «СССР», а по боковым граням золотые лавровые ветви. Знак номерной. Он крепится к золотой колодке с красной муаровой лентой. В феврале 1963 года космонавтам стала присваиваться классность, в зависимости от количества совершенных полетов и их

сложности. На развернутые золотые крылья из четырех рифленых перьев наложено покрытое голубой эмалью изображение земного шара с золотой сеткой параллелей и меридианов и красной картой СССР; шар в золотой кайме. Сверху шар охватывает красное знамя с серпом и молотом. На земной шар наложены золотые орбита спутника и шлейф за космическим кораблем, выходящим на фоне красного знамени. На нижнюю часть шара наложен остроконечный щитик белой эмали с красными цифрами 1, 2 или 3.

Для личного состава экипажей подводных лодок и надводных кораблей в мае 1961 года учрежден знак «За дальний поход»: на бледно-голубой эмали силуэт подводной лодки или надводного корабля с развевающимся над ними военно-морским флагом. В январе 1976 года вид знака был изменен. Это пятиугольный щит с золотистой окантовкой в виде якорной цепи. В верхней части щита — военно-морской флаг, под ним на темно-синем фоне золотистое изображение крейсера или атомной подводной лодки, над которым стилизованное изображение земного шара с красными главными румбами компаса. В нижней части по золотистой полоске красная надпись «За дальний поход». В 1987 году произошло возвращение к знакам образца 1961 года. При этом участникам крупномасштабных океанских учений стали выдаваться знаки с подвесной пластинкой с названием учений.

В связи с боевыми действиями Советской армии в Афганистане в феврале 1989 года для их участников был учрежден знак «Воину-интернационалисту»: красная пятиконечная звезда в золотистом лавровом венке. В круглом медальоне на голубом фоне две золотистые руки в рукопожатии.

31 марта 1975 года был учрежден знак «Войска ПВО страны». Это сложной формы многоугольник, большую часть которого сверху занимает антенна радиолокатора голубой эмали, с темно-синей задней скругленной частью и золотой решеткой. На нее наложены хромированные изображения реактивного истребителя и зенитных ракет. Внизу — Кремлевская стена красной эмали и выходящая на антенну из-за истребителя верхушка кремлевской башни с красной звездой.

Большое распространение имеют знаки за окончание учебных заведений. В 1922–1924 годах вручался знак выпускника Высшей тактико-стрелковой школы командного состава РККА имени III Коммунистического интернационала в виде эмалевого ромба с надписью «ВТСШ III КОМИНТЕРН». В 1948 году учреждаются нагрудные знаки для выпускников артиллерийских, артиллерийско-минометных и артиллерийско-технических училищ, а с 1950 года нагрудные знаки

стали вручаться всем выпускникам военных училищ и академий. Форма знаков несколько раз изменялась. «Артиллерийские» знаки представляли собой эмалевый ромб с белой каймой и черным полем, справа обрамленный золотыми лавровыми листьями. В верхней части располагается маленькая красная звездочка, посередине — белые серп и молот и над ними эмблемы специальности. Внизу на ромб и лавровые ветви накинута красная лента с белыми начальными литерами названия училища. В 1950 году знак за окончание среднего училища получил овальную форму: в золотистом лавровом венке на голубом поле золотая эмблема военной специальности, на знак наложено древно-красного знамени, в котором изображена красная звезда с серпом и молотом, а внизу венка на белом картуше надпись «СССР». В 1956 году дано новое описание знака: овальный венок из золотых лавровых листьев, в котором на белом поле золотой Герб СССР и под ним красные литеры «ВУ». В верхней части венка изображение Красного знамени с пятиконечной золотой звездой, в нижней — белый щиток с надписью «СССР». В феврале 1961 года утвержден знак за окончание высшего военного училища. Это синий эмалевый ромб с золотистым Гербом СССР, а внизу — красная звезда с золотыми серпом и молотом. В мае 1981 года знак был изменен: на синий ромб накладывалась большая красная звезда с золотыми кромками, а на нее — золотой Герб СССР. 16 ноября 1950 года учрежден нагрудный знак для лиц, окончивших военные академии, а в 1960 году он был изменен. Это покрытый белой эмалью ромб, на который наложена красная пятиконечная звезда, а на ней — золотой Герб СССР.

С октября 1958 года нагрудный знак выдавался лицам, окончившим суворовские училища. Это овальный лавровый венок, на который наложена лучистая пятиконечная звезда. В центре звезды на оксидированном поле профильное изображение Суворова. На знаке надписи «СССР» и «СВУ». Одновременно введен знак выпускникам нахимовских училищ. Он напоминает вышеописанный знак, но в центре звезды на синем поле золотистый профиль Нахимова, под звездой большой оксидированный якорь, а надпись — «НВМУ». Оба знака носили на правой стороне груди на всех видах одежды, при наличии знака «Гвардия» ниже его, на одной вертикальной линии, при отсутствии — на его месте, при наличии знаков за окончание военного училища или военной академии — правее их на одной горизонтальной линии.

В послевоенный период лица, окончившие гражданские вузы, стали получать нагрудные знаки в виде покрытого эмалью ромба с белой каймой; внутри в синем поле находится золотистое изображение Гер-

ба СССР. Военнослужащие, окончившие гражданские вузы, носили и их знаки.

В вооруженных силах имелось несколько должностных нагрудных знаков. В 1942 году утвержден знак «Командир подводной лодки»: оксидированный силуэт подводной лодки с наложенной на него в районе рубки красной звездочкой. Для командиров надводных кораблей знак «Командир корабля» введен в 1987 году: оксидированный силуэт крейсера с красной звездой на нем. Знак носится на правой стороне груди. В 1973 году был утвержден нагрудный знак «Старший пограннаряда» в виде щита с изображением пограничника, за которым пограничный столб с Гербом СССР. 28 марта 1973 года учрежден также знак для военнослужащих управления коменданта Москвы при несении патрульной службы. Это фигурный остроконечный щит, поперек которого наложена красная лента с золотистой надписью «Патруль». Оба знака носятся на правой стороне груди.

В 1957 году для военнослужащих сверхсрочной службы сухопутных войск и ВВС вместо нарукавных шевронов были введены нагрудные знаки со съёмными подвесками, на которых выбивался год службы.

С довоенных времен, еще в рамках Осоавиахима, учреждалось множество знаков за спортивные достижения в военно-прикладных дисциплинах. Большое внимание спорту и успеху в нем уделялось и в послевоенный период в рамках ДОСААФ. Кроме того, вводились и знаки за спортивные успехи военнослужащих. В июле 1968 года были учреждены нагрудные знаки для занявших первые 3 места на чемпионатах и первенствах вооруженных сил. Знаки представляли собой круглые медали, золотистые, серебристые или бронзовые. В центре медали лучистая пятиконечная звезда с серпом и молотом, на которую наложен лавровый венок. Медали за успехи в чемпионатах носились, соответственно, на красной, синей и зеленой муаровых лентах, а за достижения в первенствах — на пятиугольной металлической колодочке, покрытой красной, синей и зеленой эмалью. На оборотной стороне медалей выгравированы название первенства и дата. 6 июля 1973 года был утвержден знак «Воин-спортсмен» двух степеней, в виде золотистой звезды с наложенным на нее пятиугольным щитом, внутри которого золотистое изображение бегуна.

С 20-х годов большое значение придавалось противовоздушной (ПВО) и противохимической (ПВХО) обороне. В послевоенный период эти функции перешли к Гражданской обороне СССР. 23 ноября 1968 года для награждения за успехи в работе были утверждены особые знаки «Почетный знак Гражданской обороны СССР» и «Отличнику Гражданской обороны СССР».

29 апреля 1959 года было учреждено звание заслуженного рационализатора и соответствующий знак. А 28 декабря 1981 года установлены звание и знак «Заслуженный изобретатель СССР». Это золотистая медаль с надписью по кругу; в центральной части пятиконечная красная звездочка, под ней серп и молот, острие которого заканчивается изображением летящей ракеты; сбоку и снизу серп и молот охвачены изображением шестерни. Внизу на красной ленте золотая надпись «СССР». Медаль подвешивается к колодочке, покрытой красной эмалью в золотистой рамке, на колодочку наложена золотистая лавровая ветвь.

С 25 октября 1977 года присваивалось звание «Народный врач СССР». В 1964 году введены знаки для доноров. Наиболее распространен был знак «Капля крови» для впервые безвозмездно сдавших кровь. Это маленькое, красной эмали, стилизованное изображение слегка изогнутой капли, в котором золотистые контуры Красного Креста и Красного Полумесяца. Лица, неоднократно сдававшие кровь, награждались знаками «Донор СССР» трех степеней. Это медаль, золотистая в 1-й степени, серебристая во 2-й, бронзовая в 3-й степени. В левой верхней части ее эмалевое изображение Красного Креста и Красного Полумесяца, в нижней — подпись «Донор СССР». Медаль прикреплена к узкой колодочке того же металла, на которой красными римскими цифрами обозначена степень. Для лиц, 40 и более раз сдававших кровь, был введен знак «Почетный донор СССР», также в виде медали с соответствующей надписью.

Существовал ряд других нагрудных знаков — свидетельств о награждении, например, «Заслуженный работник культуры», «Заслуженный работник высшей школы», «Заслуженный работник культуры» и др. Форма их неоднократно изменялась.

Пропаганда патриотизма и знаний в военной области с 1961 года отмечалась литературной премией Министерства обороны и знаками лауреата литературной премии и «Попагандисту книги».

В 1925 году была учреждена Ленинская премия за заслуги в области науки, литературы и искусства. В 1935 году ее заменила аналогичная Сталинская премия, а в 1956 году вновь восстановлена Ленинская премия. Лауреаты премии носили золотую медаль с изображением Сталина или Ленина, крепившуюся к небольшой металлической колодке, покрытой красной эмалью.

Многочисленным народным депутатам Советов всех уровней полагался депутатский знак в виде красного эмалевого знамени с соответствующей золотистой надписью на нем (например, «Верховный Совет СССР»).

Члены комсомола должны были носить на правой стороне груди комсомольский значок: развевающееся эмалевое красное знамя с золотистой надписью «ВЛКСМ»; в 70-х годах в центре знамени появилось золотистое профильное изображение В.И. Ленина. Комсомолом был создан ряд наградных знаков для военной и гражданской молодежи. Еще в сентябре 1942 года была учреждена Почетная грамота ЦК ВЛКСМ. Награжденный ею получал комсомольский значок, увенчанный золотистой лавровой ветвью. В 1958 году для комсомольских активистов были введены знаки «За активную работу в комсомоле» и «За активную работу с пионерами». Высшей наградой стал Почетный знак ВЛКСМ, появившийся 28 апреля 1966 года. В марте 1966 года утвержден знак лауреата премии Ленинского комсомола. С мая 1967 года успехи молодежи в сельском хозяйстве отмечались знаком «Золотой колос». В октябре 1968 года был утвержден знак «Воинская доблесть». Это золотистая пятиконечная звезда, в центре которой — комсомольский значок, окаймленный лавровым венком. В октябре 1970 года появились наградные комсомольские знаки «Трудовая доблесть» и «Спортивная доблесть». В июне 1973 года введен знак «Молодой гвардеец пятилетки» трех степеней: золотой, серебряный и бронзовый.

Члены пионерской организации носили на правой стороне груди пионерский значок: на фоне пионерского костра с тремя языками пламени красная звезда, через нижнюю часть которой идет белая лента с надписью «ВСЕГДА ГОТОВ!».

После восстановления в 50-е годы звания октябренок появились октябрятские значки в виде пятиконечной красной звезды с серебристым изображением головы маленького Володи Ульянова.

Примерно с 1965 года, когда в стране впервые широко праздновалось 20-летие победы над Германией, в стране начался выпуск поистине бесчисленных значков, посвященных юбилеям тех или иных событий (Московской, Сталинградской, Курской и т. д. битвы, освобождения Севастополя или Одессы), юбилеям военно-учебных заведений и крупных воинских формирований. Теперь они нередко подобно чешуе, украшают мундиры ветеранов. Иногда они даже не имеют официально утвержденного статуса.

Ордена и медали. В 1918 году появился первый советский орден, Красное Знамя, для награждения за боевые заслуги. В дальнейшем был учрежден еще ряд орденов. Орденские знаки носили на левой (на колодках) или на правой (на штифтах) стороне груди по старшинству. Вместо знаков можно было носить на левой стороне груди планки с узкими орденскими ленточками.

Орден Красного Знамени был учрежден 16 сентября 1918 года. Поначалу он имел три степени, указывавшиеся цифрой на маленьком щитике внизу знака. Очевидно, предполагалось, что как награждение, так и ношение знака будет по старшинству, как это было в дореволюционной России: наличие старшего знака свидетельствовало бы о том, что кавалер уже имеет знак младшей степени. Однако это не соблюдалось, и кавалеры 1-й степени носили знаки 2-й и 3-й. Знак носился на левой стороне груди и крепился на штифте, причем иногда для красоты под него подкладывалась красная матерчатая розетка. Главной фигурой в слегка овальном медальоне было эмалевое Красное Знамя. 1 августа 1924 года орден был преобразован, а фактически переименован: первоначально он назывался «Красное Знамя». С 1924 года знак носили на колодке с муаровой лентой с центральной серебряной и окаймляющими ее красными полосами. Знак размещался на левой стороне груди выше (впереди) других орденов, но за орденом Ленина. Награждение орденом производилось крайне редко, за действительные заслуги, и орденосец был человеком весьма уважаемым. Тем не менее за годы Гражданской войны немало военачальников были награждены двумя и даже тремя орденами. В быту орден нередко называли орденом Боевого Красного Знамени, поскольку 7 сентября 1928 года был учрежден орден Трудового Красного Знамени. Его знак, кроме Красного Знамени, содержал изображения производственных элементов. Орден носился на левой стороне груди на колодке с лентой цвета морской волны (зелено-голубой), с синими каймами. 6 апреля 1930 года был учрежден орден Ленина с золотым профильным изображением вождя. Он был старше (выше) орденов Красного Знамени и Трудового Красного Знамени и носили его выше (впереди) знаков этих орденов на левой стороне груди, на колодке из муаровой красной ленты с двумя узкими золотыми полосками.

Все три эти ордена считались очень высокой наградой и встречались сравнительно редко. Массовым стал орден Красной Звезды, учрежденный 6 апреля 1930 года для награждения только за воинские заслуги. Его знак представлял собой эмалевую пятиконечную красную звезду в серебряной окантовке, на которой располагался серебряный подковообразный медальон с рельефным изображением бойца с винтовкой наперевес; по кромке медальона шла рельефная надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «СССР», а под ним находились серебряные серп и молот. Знак носился на штифте на правой стороне груди. Вместо знака на левой стороне груди можно было носить лен-

точку на колодке — красную, с серебряной полосой посередине. За годы Великой Отечественной войны стал массовым и орден Отечественной войны, учрежденный 20 мая 1942 года: «Отечественная война» и «Звездочка» входили в так называемый «малый джентльменский набор» среднего командного состава. Он имел две степени. Знак представлял собой большую красную звезду с золотым сиянием в 1-й, серебряным во 2-й степени между лучами и наложенными на него серебряными скрещивающимися саблей и винтовкой. В круглом медальоне в центре звезды на красном поле изображались золотые скрещенные серп и молот, а по периметру в белом поле шла золотая надпись «Отечественная война». Знак носился на штифте на правой стороне груди. В 1985 году кавалеры ордена Красной Звезды в связи с 50-летием Победы получили ордена Отечественной войны 1-й степени, а кавалеры медали «За отвагу» — 2-й степени.

Для награждения за трудовые успехи 25 ноября 1935 года был учрежден орден «Знак Почета». Представлял собой обрамленную золотыми листьями овальную серебряную медаль, в центре которой на фоне красных эмалевых развевающихся знамен с золотыми древками — серебряные фигуры идущих рабочего и работницы. Знак носился на левой стороне груди, на колодке с лентой розовой, с золотистыми каймами.

В годы Великой Отечественной войны было создано несколько военных, так называемых полководческих орденов, названных в честь выдающихся русских полководцев и флотоводцев. Среди них одним из высших был орден Суворова, учрежденный 29 июля 1942 года. Он имел три степени. Орден представлял собой пятиконечную звезду, в которой находилось профильное изображение А. Суворова, обрамленное снизу лавровыми ветвями, а сверху надписью «Александр Суворов». В 1-й степени звезда серебряная, портрет Суворова золотой на синем эмалевом фоне. Во 2-й степени звезда золотая, медальон серебряный. В 3-й степени звезда и портрет серебряные. Ношение ордена — на штифте на правой стороне груди. Вместо знаков носилась орденская лента на колодке, зеленая, в 1-й степени с широкой золотой полоской посередине, во 2-й — с двумя широкими золотыми каймами, в 3-й — с узкими золотыми полосками посередине и по кромкам.

Орден Кутузова также был учрежден 29 июля 1942 года и также имел три степени (3-я степень учреждена 8 февраля 1943 года). Знак имел вид 10-конечной звезды, образованной золотыми или серебряными лучами; на нее накладывалось профильное изображение М. Кутузова, в 1-й степени золотое, во 2-й и 3-й — серебряное. Знак носился на

правой стороне груди на штифте. Лента для ношения на планке в 1-й степени синяя с центральной золотистой полосой, во 2-й — синяя с двумя обрамляющими золотистыми полосками, в 3-й — с чередующимися двумя синими и тремя золотистыми полосками.

Тогда же, 29 июля 1942 года, был учрежден еще один полководческий орден, Александра Невского. Имел одну степень. Знак представлял собой большую красную эмалевую пятиконечную звезду с серебряным сиянием; в центре в круглом серебряном медальоне находится профильное изображение князя Александра Невского в шлеме-шишаке, обрамленное надписью «Александр Невский». Ношение — на штифте на правой стороне груди. Лента ордена зеленая, с красной полоской посередине.

10 октября 1943 года был учрежден орден Богдана Хмельницкого трех степеней. Представлял собой серебряную пятиконечную звезду с золотым или серебряным сиянием. В центре было изображение Богдана Хмельницкого анфас, в горностаевой мантии и с булавой, в 1-й и 2-й степенях золотое, в 3-й — серебряное. Ношение знаков — на штифте на правой стороне груди. Лента 1-й степени — цвета морской волны (сине-зеленая), с серебряной полоской посередине, 2-й — с серебряными каймами, 3-й — с узкими серебряными каймами и полоской посередине.

Для награждения военных моряков 3 марта 1944 года был введен орден Ушакова двух степеней. Это была пятиконечная стилизованная звезда, образованная сиянием, серебряная в 1-й, золотая во 2-й степени. На нее наложен портрет адмирала Ушакова анфас, в 1-й степени золотой, во 2-й — серебряный, с надписью «Адмирал Ушаков». Ношение ордена — на штифте, на правой стороне груди. Лента серебряная, с полосками цвета морской волны, в 1-й степени средней ширины посередине и двумя узкими по краям, во 2-й — с двумя средней ширины полосками по краям. Тогда же, 3 марта 1944 года, был учрежден еще один «флотоводческий» орден, Нахимова. Он также имел две степени. Знак представлял собой стилизованную пятиконечную красную эмалевую звезду, концы которой обведены подобием серебряного якоря с лапами на конце звезды. В центре звезды профильное изображение адмирала Нахимова, золотое или серебряное. Орден носился на штифте на правой стороне груди. На планке носили ленту: оранжевую с черными полосками — широкой посередине и двумя узкими по краям в 1-й степени или с двумя широкими по краям, обрамленными узкими золотыми кромками, во 2-й.

Высшим военным орденом, учрежденным 8 ноября 1943 года, стал орден Победы. Он предназначался для лиц в ранге не ниже командую-

щего фронтом за действия, результатом которых стал коренной перелом на фронте. Знак представлял собой большую пятиконечную красную звезду с украшенными мелкими бриллиантами, серебряными каймами и с серебряным, украшенным бриллиантами сиянием между лучами. На звезду накладывался голубой эмаливый круг с золотым изображением внизу Спасской башни Московского Кремля и Мавзолеем Ленина, обрамленным золотыми лавровой и дубовой ветвями. Знак носился на штифте на правой стороне груди. Лента для ношения на планке — вдвое шире обычных лент, красная, с узкими зеленой, фиолетовой, красной, синей, черной и желтой полосками по краям. Награждение этим орденом Генерального секретаря ЦК КПСС А.И. Брежнева спустя много лет после окончания войны, на которой он был лишь в звании полковника и в должности начальника политотдела одной из армий, отражает тот глубокий социальный и психологический кризис общества, который характеризует период «застоя».

А самым почетным военным орденом стал орден Славы, учрежденный 8 ноября 1943 года. Он имел три степени, награждение шло по старшинству, от 3-й к 1-й степени, и только за личный подвиг. Награждению подлежали только лица рядового и сержантского состава, как это некогда было с солдатским Георгием — Знаком отличия Военного ордена Святого Георгия. Правда, допускалось исключение: могли быть награждены младшие лейтенанты, но это были летчики-истребители, сами непосредственно дравшиеся в бою. Знак ордена имел вид большой пятиконечной звезды, золотой в 1-й степени, серебряной во 2-й и 3-й степенях. В центре был круглый медальон с изображением Спасской башни Московского Кремля, обрамленной лавровыми ветвями, в нижней части по красному полю шла надпись «Слава»; в знаке 1-й и 2-й степеней медальон был золотой, в 3-й — серебряный. Знак носился на левой стороне груди, на колодке с лентой, состоявшей из трех черных и двух оранжевых полос с узкими оранжевыми каймами, то есть лентой бывшего некогда Военного ордена Св. Георгия. Кстати, хотя ордена императорской России были в СССР запрещены, во время Отечественной войны было разрешено ношение дореволюционного солдатского Знака отличия Военного ордена — Георгиевского креста.

За время войны страна потеряла огромную массу населения. Компенсировать эти потери могли только матери. Для награждения матерей, родивших и воспитавших 10 и более детей, 8 июля 1944 года был учрежден орден «Мать-героиня». Тогда же и с той же целью, для награждения многодетных матерей был создан орден «Материнская слава» трех степеней.

После длительного перерыва в стране вновь начинается период учреждения новых орденов. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции 31 октября 1967 года введен орден Октябрьской революции. Знак представлял собой красную звезду с серебряным сиянием, на которую был наложен серебряный пятиугольник с изображением крейсера «Аврора», а в верхней части было красное знамя с золотой надписью «Октябрьская революция». Знак носился на левой стороне груди, на колодке с красной лентой, посередине которой проходили пять узких голубых полосок. 17 декабря 1972 года появился орден Дружбы народов. Он представлял собой пятиконечную эмалевую красную звезду с серебряным сиянием в форме крохотных ограниченных квадратиков, с золотыми лучами между концами звезды. В центре звезды находился цветной Герб СССР, снизу и с боков окаймленный золотыми лавровыми ветвями, а сверху надписью «Дружба народов»; по кромке медальона шел серебряный орнамент в виде серебряных рук, переплетенных в рукопожатии. Знак носили на левой стороне груди на колодке из муаровой ленты: посередине шла широкая красная полоса с двумя узкими полосками посередине, с одного края она окаймлялась синей, с другой — зеленой полосами и узенькой белой кромкой. 18 января 1974 года был учрежден орден Трудовой славы трех степеней. Он имел вид многоугольника с выступающими лучами сияния, в 1-й степени золотыми, во 2-й и 3-й — серебряными; в центре находилось серебряное комбинированное изображение промышленных сооружений с наложенными на него скрещенными серпом и молотом, а сверху шла золотая надпись «Трудовая слава»; снизу знак обрамлялся золотыми пучками колосьев с красной лентой. Знак носился на левой стороне груди, на колодке; лента разделена вдоль пополам: с серебряной широкой полосой и широкой оранжевой полосой с красной полоской посередине в 1-й степени, двумя узкими красными полосками во 2-й и тремя очень узкими полосками в 3-й степени.

Для награждения военнослужащих за выслугу лет 28 октября 1974 года введен орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР». Он имел три степени. Награждение производилось последовательно от 3-й степени к 1-й. Знак представлял собой квадрат с вогнутыми сторонами, залитый голубовато-зеленоватой (цвета морской волны) эмалью с золотой окантовкой; на него накладывались две скрещенные ракеты черного цвета с золотыми головной и хвостовой частями. Сверху накладывался такой же квадрат в виде сияния, золотой в знаке 1-й степени, серебряный в знаках 2-й и 3-й степеней, на котором лежал круглый медальон с подложенными под него темными яко-

рем и крыльями; в центре медальона находилась пятиконечная звезда, золотая у знаков 1-й и 2-й степеней, серебряная — у 3-й, между концами которых расположены дубовые листья. По краю медальона на белой эмали надпись «За службу Родине в ВС СССР». Носился орден на правой стороне груди на штифте. Лента, которую носили вместо знаков, — цвета морской волны, с одной золотой широкой полоской посередине в 1-й степени, с двумя более узкими во 2-й, с тремя узенькими — в 3-й степени.

Помимо орденов следовало награждение как рядового, сержантского, офицерского и генеральского (адмиральского) состава армии и флота, так и гражданских лиц медалями. Ношение их — на колодках на левой стороне груди, после орденов, по времени награждения. Медали обычно имели вид белого или желтого металлического (из сплавов с никелем или медью) кружка с каким-либо изображением и надписью (названием медали) на лицевой стороне; медали «Золотая звезда» и «Серп и Молот» имели форму пятиконечной звезды, а «За отличие в воинской службе» — пятиконечной звезды с сиянием между лучами.

Первой советской медалью стала юбилейная медаль «XX лет РККА», учрежденная 24 января 1938 года и вручавшаяся лицам, находившимся на действительной военной службе. 17 октября 1938 года были учреждены медали для награждения военнослужащих «За отвагу» и «За боевые заслуги», а для награждения гражданских лиц 27 декабря 1938 года были введены медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие». Эти довоенные медали носились на небольшой прямоугольной колодочке, обтянутой красной муаровой лентой.

Дальнейшим этапом развития системы медалей стала Великая Отечественная война, когда были учреждены медали «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда» и «За оборону Одессы» (все 22 декабря 1942 года), «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й и 2-й степеней (2 февраля 1943 года), медали Ушакова и Нахимова для награждения моряков (3 марта 1944 года), «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа» (обе — 1 мая 1944 года), «За оборону Советского Заполярья» (5 декабря 1944 года), «За взятие Будапешта», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Вены», «За взятие Берлина», «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги» (все — 9 июня 1945 года), и подытоживавшие события войны медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» (9 мая 1945 года) и «За победу над Японией» (30 сентября 1945 года). Отзвуком военных со-

бытий стала учрежденная 21 июня 1961 года медаль «За оборону Киева». Кроме того, 8 июля 1944 года была учреждена «Медаль материнства», а 6 июня 1945 года — «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В восстановительный послевоенный период были учреждены медали «За восстановление угольных шахт Донбасса» (10 сентября 1947 года) и «За восстановление предприятий черной металлургии Юга» (18 мая 1948 года). В конце 40-х годов также появились юбилейные медали «В память 800-летия Москвы» (20 сентября 1947 года) и «30 лет Советской армии и флота» (22 февраля 1948 года). Ряд медалей сталинского периода завершается медалями «За отличие в охране государственной границы СССР» (13 июля 1950 года) и «За отличную службу по охране общественного порядка» (1 ноября 1950 года).

Среди историков считается, что увлечение правительства учреждением орденов и медалей, особенно юбилейных, является признаком нарастания внутреннего социального кризиса. В последующие десятилетия советской истории появился длинный ряд юбилейных медалей: «40 лет Вооруженных сил СССР» (18 декабря 1957 года), «50 лет Вооруженных сил СССР» (26 декабря 1967 года), «60 лет Вооруженных сил СССР» (28 января 1978 года), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» (7 мая 1965 года), «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» (25 апреля 1975 года), «50 лет советской милиции» (20 ноября 1967 года), «В память 250-летия Ленинграда» (16 мая 1957 года), а также медали «За доблестный труд», «За воинскую доблесть» и «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (5 ноября 1969 года). К числу юбилейных медалей можно отнести утверченный в мае 1970 года знак «25 лет победы в войне 1941–1945 гг.» для ветеранов войны. Знак в виде золотой звезды с сиянием, на которую наложен золотой дубовый венок. Нижняя половина венка прикрыта красной лентой с золотым названием знака. Внутри золотое изображение воина с автоматом в руке, попирающего черного нацистского орла; в руках у воина красное знамя с золотыми звездочкой и серпом и молотом. Знак подвешен к металлической золотистой фигурной колодочке, через которую наискось идет гвардейская лента, а ее пересекает золоченая лавровая ветвь. Знак носится на правой стороне груди.

В 1957 году были учреждены медали «За спасение утопающих» (16 февраля) и «За отвагу на пожаре» (31 октября). 18 января 1974 года появилась медаль «Ветеран труда», а 20 мая 1976 года — «Ветеран Во-

оруженных сил СССР», получение которых было обусловлено лишь наличием соответствующего трудового стажа. Развитие народного хозяйства вызвало к жизни медали «За освоение целинных земель» (20 октября 1956 года), «За строительство Байкало-Амурской магистрали» (8 октября 1976 года), «За преобразование Нечерноземья РСФСР» (30 сентября 1977 года) и «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (28 июля 1978 года). Для военнослужащих были введены медали «За отличие в воинской службе» 1-й и 2-й степеней (28 октября 1974 года) и «За безупречную службу в Вооруженных силах СССР» трех степеней (1981 год). Завершает поток советских юбилейных медалей медаль «850 лет Москве» (1997 год).

Это бесчисленное множество медалей, преимущественно юбилейных или за выслугу лет (трудовой стаж) в соединении с массой разнообразных юбилейных значков в память о различных событиях, юбилеев воинских соединений и учреждений, как чешуей покрывало к концу советского периода грудь пожилых людей, особенно военных ветеранов. К тому же они зачастую, чтобы усилить впечатление, грубо нарушали правила ношения наград. Медали полагалось носить так, чтобы они частично накладывались одна на другую, перекрываясь ранее полученными; что касается орденов, то полагалось носить либо их знаки, либо только ленточки. Но строго в соответствии с правилами носили награды только военные действительной службы. Остальные же нередко носили и ордена, и медали, и их ленточки, а медали развешивались вразбивку, с промежутками между ними. Вместе с многочисленными значками все это выглядело весьма внушительно, но при пристальном рассмотрении оказывалось легковесным.

Формально к медалям относятся две высшие награды СССР. 1 августа 1939 года была учреждена медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза (само звание введено еще 16 апреля 1934 года). Она представляет собой золотую пятиконечную звезду с гранеными расширяющимися лучами, прикрепленную к колодке с красной муаровой лентой в золотой рамке. Золотая медаль «Серп и Молот» сопровождала награждение званием Героя Социалистического Труда. Она была учреждена 22 мая 1940 года, а звание Героя Социалистического Труда установлено 27 декабря 1938 года. Это золотая пятиконечная звезда с гранеными лучами, на которую наложены золотые серп и молот, прикрепленная к колодке с красной муаровой лентой. Обе звезды носились на левой стороне груди выше всех других наград. В обоих случаях награждение званием и медалью сочеталось с вручением ордена Ленина. Первоначально награждение званием и меда-

лью Героя, действительно, соответствовало характеру деяния, за которое производилось награждение. Но, начиная с начала 60-х годов, эти награды получали разного рода партийные и государственные деятели в связи с очередными юбилеями, так что медаль Героя Социалистического Труда получила ироническое название «Гертруда», а о Брежневе, ставшем четырежды (!) Героем Советского Союза (в 1966, 1976, 1978, 1981 годах), ходили анекдоты. С.М. Буденный, прославившийся в Гражданскую войну и командовавший в конце ее 1-й Конной армией, но обнаруживший полную несостоятельность во время Великой Отечественной войны, задним числом (что не предусматривалось никакими статутами) трижды получил звание и медаль Героя Советского Союза (в 1958, 1963 и 1968 годах) за былые, давно поросшие быльем деяния. Таков был бесславный конец советской наградной системы.

Личное оружие. Личное оружие — оружие, положенное некоторым лицам, находящимся на военной или гражданской службе и носимое при исполнении обязанностей или при определенных видах форменной одежды.

Начиная с Гражданской войны, оружие, как холодное, так и огнестрельное, долго оставалось почти бытовой принадлежностью многих категорий граждан. В качестве холодного оружия почти исключительно использовалась шашка образца 1881/1904 годов — казачья, драгунская и офицерская; в советское время шашка в просторечии нередко называлась просто клинком. Преимущественно военным морякам принадлежали кортики.

Различие между казачьей и драгунской шашками заключалось прежде всего в отсутствии у первой из них гарды — дужки, защищавшей спереди руку от удара. Деревянная, с неглубокими косыми желобками, или с роговыми щечками рукоять казачьей шашки заканчивалась головкой так называемого кавказского типа: отогнутой в направлении пальцев и нередко раздвоенной, наподобие конского копытца. В головке находилось сквозное отверстие для темляка — кожаной или галунной петли, в боевом положении надевавшейся на запястье руки. Слегка изогнутый клинок покоился в деревянных, обтянутых кожей ножнах, на которых находился латунный наконечник и примерно на первой (от эфеса) трети длины ножен — латунная гайка с кольцом для портупей. Особенностью шашек было то, что кольца для портупей находились со стороны лезвия, то есть выпуклой части клинка. Там, где клинок входил в ножны, они оковывались латунным устьем с небольшой скобой на внутренней (прилегающей к телу владельца) стороне;

в скобу вставлялся более короткий конец портупей. Портупея шашки была плечевая.

Драгунская и офицерская шашки, как уже говорилось, имели гарду, металлическую дужку от головки рукояти до ее основания. У основания эфеса гарда переходила в перекрестье и заканчивалась костыльком с кольцом на конце; в кольце закреплялся темляк. Головка имела форму чашечки, насаженной на рукоять. Сама рукоять была слегка изогнутой навстречу изгибу клинка. У драгунских (солдатских) шашек на ножнах были две дополнительные латунные или железные гайки с гнездами для штыка карабина, поскольку в конном строю штык с него снимался.

В период Гражданской войны, когда оружия не хватало, а строевая дисциплина не была строгой (если вообще присутствовала), в употреблении также были различные сабли — парадные кавалерийские, польские, немецкие, даже азиатские «кльчи». После окончания войны дисциплина стала строже, а военные предприятия могли обеспечить оружием сокращенную армию. Так что неформенное оружие быстро вышло из употребления.

Шашки нередко служили наградой — эта традиция шла в России с 1774 года. Обычно это были офицерские золоченые шашки дореволюционного происхождения — так называемое Анненское и Георгиевское оружие, жаловавшееся за подвиги или одержанные на поле боя победы. У первых на верхней стороне головки размещался маленький красный эмалевый крестик, а на гарде гравировалась надпись «За храбрость»; темляк был из ленты ордена Св. Анны: красной, с двумя узкими желтыми полосками по краям. У Георгиевского оружия на головке был маленький белый эмалевый крестик, а темляк был из ленты Военного ордена Св. Георгия: с чередующимися оранжевыми (желтыми) и черными полосками; на гарде также была надпись. Этими шашками, снятыми с трупов убитых офицеров, награждали и советских полководцев: в Музее Вооруженных сил в Москве можно увидеть витрину с таким оружием. Но изредка попадалось и Краснознаменное оружие: на рукояти крепился советский орден Красного Знамени.

В Красной, затем Советской армии шашки находились на вооружении до 1954 года. Они принадлежали довольно многочисленной кавалерии (накануне Великой Отечественной войны имелось четыре кавалерийских корпуса, к концу 1943 года их число возросло до 13, войну закончили восемь корпусов), военнотружущим полевой конной артиллерии и высшему командному составу (для ношения при парадной

форме). Затем они были сняты с вооружения и сохранились только у ассистентов знаменосцев, используясь при проведении парадов.

При казачьей форме красных бойцов и командиров, а также в воссозданных в 30-х годах донских, кубанских и терских казачьих и горских формированиях носился также кинжал кавказского образца — кама. Его рукоять, нередко окованная серебром с чернью, была плоской, с полукруглой плоской головкой и широкими плоскими заплечиками у основания. Ножны суживающиеся к концу, деревянные, обтянутые кожей, с металлическими, нередко серебряными наконечником, устьем и гайкой со скобой для ремня; на конце ножен был маленький шарик. По дореволюционным правилам нижние чины пешей артиллерии и пулеметных команд вооружались большими кинжалами с изогнутым клинком — бевутами. Частично бевуты сохранились у артиллеристов Красной армии в период Гражданской войны. Их рукоять была такой же, как у кавказских кинжалов, но деревянной, ножны также деревянные, покрытые черным лаком, с металлическими наконечником, устьем и гайкой, на которой было большое кольцо для ремня.

Кортики морских офицеров, носившиеся на кораблях только вахтенными, а на берегу — всеми офицерами при парадной форме, имели плоский или четырехгранный короткий клинок. Рукоять была прямая, без гарды, но с небольшой пластинкой у основания; рукоять из белой (обычно пожелтевшей) кости, с латунными головкой и обоймицей. Ножны деревянные, обтянутые кожей, с латунными наконечником, устьем и гайкой; на устье и гайке кольца для поясной портупей. Ношение кортиков командирами РККФ было введено в 1924 году, в 1926 году отменено и восстановлено вновь в 1940 году. Во время Великой Отечественной войны кортики иногда носили сержанты, например, в авиации, но, кажется, это было своеобразное щегольство и нарушение формы одежды. В 1955 году кортики на поясной галунной портупее были даны всем офицерам для ношения в парадном строю.

В 1940 году было введено ношение коротких абордажных палашей курсантами военно-морских училищ при парадно-выходной форме, во время вахты на КПП и при патрулировании улиц. Палаш с прямым клинком имел литую медную рукоять, отлитую вместе с плоской расширяющейся гардой, переходившей в плоскую чашку. Ножны были обтянуты кожей, с короткими металлическими устьем и наконечником. В 1955 году курсантские палаши упразднены: они были крайне неудобны и тяжелы при ношении, а, кроме того, кур-

санты иногда пользовались ими в нередких драках с припортовой шпаной.

Введенному на вооружение в 50-х годах автомату Калашникова придавался плоский штык-нож, который в деревянных лакированных ножнах у пояса носили рядовые и сержанты, входившие в состав военных патрулей, а также дневальные.

Личное огнестрельное оружие, входившее в состав форменной одежды в период Гражданской войны, было самым разнообразным. В основном это были офицерские револьверы системы «наган», носившиеся в кожаной кобуре. Внешне в силу конструкции этого оружия кобура выглядела довольно массивной, с большим скошенным клапаном. К кольцу на конце рукояти иногда крепился длинный двойной шнур, затягивавшийся на шее, чтобы выпущенное из рук оружие не упало на землю. Широко употреблялись полуавтоматические пистолеты системы «маузер», до революции входившие в состав вооружения морских десантных команд и боцманов на кораблях либо взятые в качестве трофеев у немцев и турок во время Первой мировой войны. Маузеры носились в больших (сам пистолет был солидных размеров) деревянных кобурах-колодках, с защелкой на конце. На рукояти пистолета было гнездо, и он мог примыкаться к кобуре, которая служила прикладом.

В период Гражданской войны широко применялись и другие системы личного стрелкового оружия: револьверы Смит-Вессон русского производства, полуавтоматические бельгийские браунинги, которые до революции принадлежали к так называемому рекомендованному оружию морских офицеров, трофейные немецкие парабеллумы, американские пистолеты Кольта и т. д. Разнообразие этого оружия объясняется еще и тем, что в дореволюционной России имели место свободная продажа и ношение нарезного оружия, вплоть до производства специальных гражданских моделей револьверов «велодог» и «бульдог».

Пистолеты и револьверы также использовались во время Гражданской войны как наградное оружие. Имелось официально утвержденное Краснознаменное оружие, с закрепленным на рукояти орденом Красного Знамени. Но широко применяли для награждения и любое оружие с приклепанной к рукояти серебряной или даже латунной пластиной и гравированной надписью типа «Самоотверженному бойцу такого-то фронта» и т. п.

После окончания Гражданской войны в отношении личного оружия было введено более строгое единообразие, и только наградное

оружие разных систем и моделей оставалось при форменной одежде. На вооружении состоял револьвер системы «наган», а в 1930 году для командного состава был принят полуавтоматический пистолет ТТ. Однако командиры широко пользовались и абсолютно надежным и мощным наганом. Во время Великой Отечественной войны это единообразие вновь нарушилось, и применялось множество образцов, например, очень удачные немецкие пистолеты Вальтера.

В послевоенный период произошло возвращение к единообразию. На вооружении офицерского состава остался пистолет ТТ, но в 1951 году на вооружение поступили пистолеты Макарова (ПМ) и Стечкина (АПС, автоматический). Последний состоял на вооружении некоторых спецчастей и имел деревянную кобуру с защелкой для использования в качестве приклада. Имелся и не очень распространенный малокалиберный, очень небольшой пистолет Коровина.

Наганы после войны остались на вооружении только милиции, а также егерей охотничьих хозяйств и лесников. После замены в армии пистолетов ТТ на пистолет Макарова первые перешли на вооружение милиции, а затем их также сменил ПМ.

Ношение револьверов и пистолетов на флоте отличалось некоторыми особенностями. Если в сухопутных войсках, у милиции и пр. кобура непосредственно надевалась на поясной ремень, то моряки носили ее на двух довольно длинных ремешках, так что оружие висело ниже кителя. Кроме того, на флоте широко применялись длинные ремешки, закрепленные на рукояти одним концом, и на кобуре — другим, чтобы выпущенное из рук оружие не упало в воду.

Для чистки оружия применялись как стержневые шомполы, вкладывавшиеся в кобуру (у револьверов — непосредственно под ствол в особое гнездо), так и гибкие цепочки с зажатыми на них широкими алюминиевыми колечками; повернув цепочку особым образом, можно было сделать ее жесткой. Такие цепочки иногда цеплялись за колечко на рукояти наганов.

Помимо военнослужащих, милиции, егерей и лесников до 1935 года личное стрелковое оружие (револьверы и пистолеты разных образцов) могли иметь дома и даже носить при себе комсомольцы и члены партии, прежде всего в приграничье и районах, «неблагополучных по бандитизму». После убийства в декабре 1934 года С. Кирова членом партии Николаевым это было запрещено, и наличие оружия при аресте усугубляло вину. Однако в послевоенные годы (примерно до 1953 года) в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине, где очень сильным было партизанское националистическое движение, очень

многие гражданские лица, вплоть до специалистов, особенно в сельской местности, могли иметь при себе оружие.

Пища, напитки, табак

Поскольку история материальной культуры как таковая, без сведений о бытовании предметов вне социокультурной среды, не имеет большого смысла и мы рассматриваем ее на стыке с историей повседневности, постольку следует дать краткие сведения о некоторых сферах жизни, прямого отношения к материальной культуре не имеющих: пище, напитках, табачных изделиях. Все они имели материальное воплощение, а многие еще и сопровождались упаковками — предметами материальной культуры.

Продовольствие. Основным видом продовольствия в СССР долгие десятилетия был хлеб. С одной стороны, он очень долго (до середины 50-х годов) был в дефиците, периодически продаваясь по карточкам или по ограниченной норме. Летом 1918 года по инициативе В.И. Ленина в РСФСР был введен «классовый паек»: по карточкам, введенным еще Временным правительством, выдавался хлеб, топливо и пр. Были установлены четыре категории выдачи, с соотношением в Москве 1 к 4, а в Петрограде 1 к 8. К последней категории принадлежало «нетрудовое население», принадлежавшее к «бывшим эксплуататорским классам», в том числе интеллигенция; эта категория снабжалась по остаточному принципу и иногда не получала ничего, что привело к многочисленным смертям пожилых академиков и профессоров от голода и холода. В 1928 году были введены карточки на хлеб и другие продукты, с продажей также по категориям (промышленные рабочие, служащие, иждивенцы, дети). С улучшением положения с продовольствием карточки в середине 30-х годов были отменены, но сохранилась так называемая закрытая торговля для разных групп населения, а в 1939 году были введены «Предельные нормы отпуска продовольственных товаров в одни руки». В июне 1941 года вновь введены карточки, отмененные в конце декабря 1947 года. Карточки были свидетельством на право покупки продовольствия по определенной норме. На карточках, напечатанных на разграфленной разноцветной (в зависимости от вида товара) бумаге с водяными знаками, указывалась категория, вид продукта и дата; в магазине продавец вырезал ножницами квадратик с датой и указанием нормы, наклеивая его в тетрадь, и взвешивал продукт. Кроме нормированной торговли с так называемыми пайковыми ценами, имелась государственная коммерческая торговля по ценам в несколько раз большим.

С другой стороны, практически отсутствовали добавки в ржаную или пшеничную муку (соя, кукурузная мука), так что сохранялось высокое качество хлебобулочных изделий и традиционно высокая культура хлебопечения, сегодня практически утраченная. Собственно хлеб, ржаной («черный»), а гораздо реже пшеничный («белый») в основном выпекался формовой, в виде «кирпичей». Дозаторов в хлебопекарнях, по-видимому, не было, и хлеб продавался только на вес. Поскольку строго соблюдались официальные «Предельные нормы отпуска товаров в одни руки», а наиболее распространенной нормой был 1 килограмм (официально установлена была норма в 2 килограмма, но на местах нередко вводились собственные нормы), то при взвешивании к почти килограммовой «буханке» добавлялся маленький «довесок» либо от нее отрезался небольшой кусочек. Продавцы пользовались большими широкими ножами, а во многих магазинах имелись специальные хлебoreзки: в прилавок шарнирно было заделано длинное широкое лезвие с ручкой, входившее в облицованную металлом щель.

Высокая культура хлебопечения проявлялась в большом разнообразии хлебобулочных изделий (когда хлеб имелся в достаточном количестве). Выпекался хлеб простой, обдирный, пеклеванный, ситный, горчичный, тминный, бородинский, паляницы; хала с маком, чайные батоны, калачи, сайки, французские булки (в конце 40-х годов в плане борьбы с «преклонением перед Западом» названные городскими), плюшки, давно исчезнувшие весенние «жаворонки» в форме сидящей в гнезде птички, булочки; сдобные бублики с маком, разнообразные баранки и слегка подсушенные в печи, с «загаром», сушки; разных сортов пряники, в том числе исчезнувшие мятные, медовые коврижки, бисквиты, печенье и т. д. Предварительная расфасовка изделий отсутствовала (единственным фасовочным материалом была грубая серая оберточная бумага), и все продавалось на вес или поштучно. Баранки и бублики при продаже нанизывались на тонкий бумажный шпагат.

Дополнением к хлебу служили мучные изделия и крупы — крупные серые макароны в виде длинных трубок, довольно крупная лапша, иногда яичная, и вермишель, а также различные крупы, в принципе, широкодоступные. Из практически исчезнувших и забытых мучных продуктов нужно отметить толокно, до 60-х годов весьма популярное хотя бы из-за дешевизны, а также дешевое и невкусное искусственное саго из крахмала. Разумеется, все это также продавалось на вес. До конца 50-х годов в продаже также были разнообразные каши, гороховый суп и клюквенный кисель в крепких брикетах, уже с добавкой какого-то низкосортного жира, соли или сахара; они упаковывались

в простую бумагу с соответствующими надписями. По-видимому, это были армейские рационы. В 60-е годы им на смену пришли каши быстрого приготовления в пакетах из прочной бумаги. Широкое употребление хлеба и мучных изделий в сочетании с картофелем вело к нездоровой полноте, хотя следует отметить, что толстые люди до середины 50-х годов были скорее исключением: детей в пионерских лагерях и санаториях непременно взвешивали, добиваясь повышения веса, а взрослые, побывавшие в домах отдыха и санаториях, хвастались тем, сколько они прибавили в весе. Тяжелые войны и послевоенная бедность не способствовали полноте.

Мясо и изделия из него на всем протяжении советской истории были остродефицитным продуктом. Разумеется, речь не идет о посещавшихся иностранцами Москве, в меньшей степени — Ленинграде, возможно — Киеве: здесь кое-что можно было «достать» (все в СССР не продавали, а «выбрасывали», не покупали, а «доставали»). Разумеется, изредка даже в глубокой провинции удавалось «достать» сосиски или, например, «Краковскую» колбасу, но все же это была диковинка, к тому же из-за низких зарплат доступная далеко не всем. В период Великой Отечественной войны и буквально год-два после нее по карточкам иногда (не всем) продавалась ленд-лизовская американская тушенка в прямоугольных баночках с ключом для открывания и яркой этикеткой. В дальнейшем, в 50–80-х годах, армейская тушенка, отлежавшая свой срок на складах, иногда прямо в тавотной обматке жестяных банок, на которую наклеивалась этикетка, превратилась в деликатес. В крупных, в основном индустриальных городах, а также шахтерских поселках время от времени продавались какие-либо «наборы» и полуфабрикаты, вроде гуляша или котлет с резким преобладанием хлеба (по этому поводу ходило множество анекдотов), так называемые субпродукты, кролики, тощие посиневшие цыплята, утки. В 60-е годы широкое распространение получили супы быстрого приготовления с присутствием крошек говяжьего или куриного мяса, расфасованные в пакеты из плотной бумаги. Чуть позже, на рубеже 60–70-х годов, в продаже появилось так называемое сублимированное мясо в больших упаковках из станиоля, не пользовавшееся, однако, успехом и быстро исчезнувшее с прилавков.

Практическое отсутствие мяса с успехом восполнялось рыбой, разумеется, соленой. В период пайкового снабжения населения в годы Гражданской войны выдавалась ржавая селедка, а еще чаще — вяленая вобла, из которой варили суп с красноречивым названием «карие глазки»: пересохшее мясо разваривалось, и в мутной жиже

плавали кости и черные глазные яблоки рыбы. Позже наиболее распространенным продуктом, практически всегда имевшимся в продаже и широкодоступным по ценам, была соленая (иногда пряного посола) килька, тюлька и хамса. Почти столь же доступной была селедка простого и пряного посола; иногда в продаже был деликатесный сорт сельди — залом, настолько нежный, что обычно до стола доходил «с душком». Родич сельди, омуль, был известен широким слоям населения только по песне про бродягу, переправившегося через Байкал в омулевой бочке. Сельдь иваси появилась только в 70-х годах. Зато в огромном количестве продавалась крупная соленая треска, которая даже входила в рацион заключенных. Реже продавалась, но все же была более или менее доступной, соленая горбуша. Зато такие сорта рыбы, как белуга или осетр, нередко лежали в витринах: слишком высокой была их цена для большинства населения. Точно так же витрины были загромождены баночками с черной икрой, цены на которую были никак не сопоставимы с зарплатой «простых советских людей». Не пользовались спросом и слишком дорогие крабы «Чатка», пирамиды банок с которыми ржавели в пивных ларьках, и даже шпроты. Население в случае покупки рыбных консервов предпочитало дешевые «Бычки в томате», в крайнем случае «Треску в масле». Ситуация изменилась в конце 50 — начале 60-х годов: в связи с ростом зарплаты с прилавков быстро стали исчезать и икра, и крабы, а шпроты и тресковая печень в 70-х годах стали включаться в так называемые «продуктовые заказы» в качестве деликатеса (была такая форма торговли по предприятиям и учреждениям). В конце 50-х годов появилась сайра, бланшированная в масле, сразу вызвавшая большой интерес у покупателей и быстро ставшая дефицитной. А наиболее распространенными рыбными консервами в эпоху брежневского дефицита стали частик (разные породы речной рыбы) и килька в томате; появился даже рыбный «Завтрак туриста» из отходов кильки, но за полной несъедобностью его не покупали даже алкоголики на закуску, и производство было быстро прекращено.

Свежая рыба, речная, а в особенности живая, в продаже практически отсутствовала, разумеется, кроме «витрины социализма» — Москвы. Зато с 60-х годов довольно обычным явлением, во всяком случае, в крупных городах, стала свежемороженая рыба. Почему-то в огромном количестве продавалась камбала, в основном мелкая, за свое белое мясо получившая в народе название «гидрокурица» (ввиду отсутствия обычной курятины). Такой сорт, как хек, ранее считавшийся сорной и даже ядовитой рыбой, пришлось даже усиленно рекламиро-

вать («Быть здоровым, умным, сильным хочет каждый человек, и ему поможет в этом рыба серебристый хек»), и нередко его брали для домашних кошек. Позже хек, как и многие другие, ранее неизвестные сорта рыбы, стал обычным продуктом на столе советского человека. Изобилие морской рыбы при отсутствии мяса вызвало даже такое явление, как «рыбный день» (обычно четверг) в столовых.

Яйца в провинции были редкостью, и когда их «выбрасывали», собирались огромные очереди и люди брали яйца буквально сотнями, про запас. В 60-е годы, во всяком случае, в Москве и Ленинграде, появились куриные яйца в расфасовке по десятку, как и сейчас, по довольно доступным ценам. В провинции в основном сохранялось прежнее положение. Во время Великой Отечественной войны и несколько лет после нее (примерно до 1949 года) по карточкам продавался поступавший по ленд-лизу американский яичный порошок в желтых корбочках из плотной вощеной бумаги.

Молоко и молочные продукты (кефир, ряженка, простокваша, варенец, ацидофилин, сливки, сметана) были довольно доступны даже в провинции. Молоко широко продавалось в розлив, из бидонов в магазинах или цистерн на улицах.

Для молочных продуктов производилась специальная стеклянная тара — широкогорлые бутылки и такие же баночки, запечатывавшиеся станиоленом разных цветов; так называемое можайское молоко продавалось в бутылках обычной формы. В начале 70-х годов в продажу стало поступать молоко в упаковке из плотной вощеной бумаги, в форме пирамидок, раскладывавшихся в особые корзины из толстой проволоки. Упаковка была очень непрочной и часто текла, отчего в магазинах на полу возникали молочные лужи и реки. Правда, в провинции, даже такой, как Кострома или Ярославль с их бывшим мясо-молочным изобилием, периодически наступали кризисы. Почти всегда в продаже было сухое молоко.

Сыр как продукт довольно дорогой в течение нескольких десятилетий в продаже был почти всегда. Имелось даже несколько сортов сыра — голландский, в круглых «головах», пошехонский, костромской, ярославский. Однако в связи с ростом материального благополучия населения в 60-е годы в провинции он исчез, а в столице можно было купить единственный сорт сыра, просто «сыр», к тому же «скоропелый», очень низкого качества и плохого вкуса. Зато в 50-х годах в изобилии были плавленые сыры, как подкопченный «колбасный», пользовавшийся большим спросом, так и мелко расфасованные плавленые сырки «Волна», «Дружба» и т. д., которые стоили 13 копеек

и обычно употреблялись на закуску любителями выпить «на троих» с появлением водки по 2 рубля 87 копеек.

Масло сливочное как до (исключая период НЭПа), так и после войны было весьма дефицитным продуктом. Даже в крупных промышленных городах его удавалось «достать» не всегда. Двадцатиграммовые кусочки масла выдавались на обед детям даже не во всех детских садах. Продавалось оно на вес, а в конце 50-х годов появилось фасованное масло одного сорта — просто «масло сливочное». Его для широких слоев «трудящихся» с успехом заменял продававшийся на вес маргарин довольно противного вкуса. С конца 50-х годов в продаже стали появляться новые, более приемлемые сорта маргарина в расфасовке. Для жарки хозяйки широко использовали комбиджир, смесь растительного и животного жиров. Вкус и запах его был омерзителен. Зато растительное масло («постное»), почти исключительно подсолнечное, нерафинированное, продававшееся в розлив, было в изобилии. С 50-х годов появились другие сорта растительного масла (хлопковое, кукурузное), и оно стало продаваться в стеклянных полулитровых бутылках.

Сахар, в принципе, не был продуктом дефицитным, хотя периодически и его приходилось «доставать». В продаже был рафинированный сахарный песок вразвес, пилёный рафинад в полукилограммовой расфасовке, упакованный в синюю вощеную «сахарную» бумагу, обвязанную тоненькой веревочкой, а также весовой колотый рафинад в бесформенных, очень крепких кусках. Сложности с покупкой сахара приводили к тому, что дома от детей его прятали. В 50-е годы все эти проблемы исчезли, и потребление сахара населением даже превысило физиологические нормы. В 60-е годы колотый сахар исчез из продажи, равно как пилёный был заменен прессованным, а затем появился быстрорастворимый сахар в коробках из тонкого картона. Что касается сахарных «голов», конических, упакованных в «сахарную» бумагу, то в послевоенный период их производство не возобновлялось.

Чай, как и сахар, был доступен не всегда и не всем. В основном в СССР употреблялся чай местного производства — «Краснодарский» и «Грузинский» в мелкой расфасовке по 50 г. Качество его было невысоким. После войны достаточно часто в продаже был «Китайский» чай в такой же расфасовке и крайне редко — «Цейлонский». В 60-е годы появился «Индийский» чай «со слоном», в 100-граммовой расфасовке. Вскоре он стал остродефицитным и входил в состав «продуктовых заказов». В качестве суррогата чая до 50-х годов включительно широко продавался недорогой «Фруктовый» чай в виде небольших прессован-

ных брикетов сушеных и слегка подожженных низкосортных мелких фруктов (груш, яблок и пр.). Был он слегка сладковатым на вкус и нередко надкусывался детьми, редко видевшими фрукты, да и вообще лакомства. Брикеты упаковывались в тонкую вощеную бумагу, а сверху — в обертку из тонкого картона с ярким изображением груды фруктов.

Кофе в продаже, кажется, был всегда, в зернах и молотый: это был дорогой и не слишком привычный продукт. Во всяком случае, в провинции кофе почти не пили. И в огромном количестве на полках магазинов стояли пачки суррогатов кофе — цикорного, желудёвого и даже ячменного. В 60–80-е годы, когда качественные продукты стали исчезать, зияющие пустотой витрины и полки стали заполняться этим «кофе». Растворимый кофе в банках, единственного сорта «Растворимый», появился в конце 70-х годов как деликатес, в основном оказываясь в «продуктовых заказах».

В изобилии, исключая отдельные периоды серьезных продовольственных кризисов, имелись разнообразные конфеты: от самых дешевых «атласных подушечек» с повидлом и ирисок до самых дорогих. Наборы шоколадных конфет в ярких коробках — явление преимущественно последних десятилетий: все конфеты продавались вразвес или (дорогие) поштучно. При изготовлении конфет средней стоимости широко использовалась соя. В изобилии был плиточный шоколад «Золотой ярлык», «Гвардейский» (после войны), «Сказки Пушкина» и «Басни Крылова» (маленькие 20-граммовые плитки) и т. д. До 50-х годов в продаже были разнообразные пустотелые шоколадные фигурки; их производство в виде завернутых в раскрашенный станиоль Дедов Морозов и зайцев возродилось на исходе советской истории. Это обилие шоколада прежде всего объясняется его сравнительно высокой стоимостью. Что касается тортов и пирожных, то они имелись главным образом в крупнейших городах и лишь с 50–60-х годов их производство (в упрощенной форме, например, песочных пирожных) началось в областных центрах.

Майонез в продаже, кажется, был почти всегда — в небольших стеклянных баночках, хотя периодически, как и многие другие продукты, он вдруг исчезал с прилавков. Что касается такой популярной приправы, как кетчуп, то он — явление буквально последних лет советской жизни. Но его с успехом заменял доступный и популярный «Краснодарский соус» в небольших широкогорлых бутылках, скорее, в узких банках и даже в полулитровых банках. Горчица и хрен, кажется, никогда не были дефицитными. Хуже бывало с черным перцем (его заменяли

более доступным красным) и лавровым листом, которые стали постоянными обитателями прилавков лишь с 50-х годов. Соль всегда имела в нужном количестве (разве что были «заминки» во время войны), довольно крупная серая, а с 50-х годов и мелкая йодированная.

Овощи, обычно невысокого качества, нередко подгнившие и грязные, в продаже были всегда. Довольно многочисленными были овощные консервы — кабачковая и баклажанная икра, вкусные жареные кабачки в масле, исчезнувшие, однако, в 60-е годы, маринованная капуста в банках от 0,5 до 3 литров, соленые огурцы и помидоры и даже вызывавшая недоумение у простых людей спаржа. Вполне доступен был и картофель. Во время войны СССР получал из США по ленд-лизу сушеный картофель, еще в послевоенные годы продававшийся по карточкам.

Несколько хуже обстояло дело с фруктами, в том числе и с распространенными, в изобилии росшими на Украине, Кавказе, в более южных областях: очевидно, препоной был характер советской торговли. Правда, современники-москвичи в мемуарах вспоминают, что для них Новый год прочно ассоциируется с запахом мандаринов. Но в 50-е годы появилась повесть В. Аксёнова «Апельсины из Марокко», где все вертится вокруг ажиотажа, вызванного завозом в сибирский город апельсинов.

Детство и отрочество автора книги прошло в послевоенные годы в северо-восточной части Кировской области, сначала в районном городе Омутнинске, затем в селе, и он никогда не видел в продаже там не только мандаринов, но даже груш, а яблоки пробовал только один раз; некоторые его одноклассники при виде изображений абрикосов и персиков в учебнике ботаники утверждали, что это «яблок» (именно так!). Правда, компот из сухофруктов в продаже бывал. Юность автора в г. Челябинске пришлось на конец 50 — начало 60-х годов, и там, действительно, можно было купить даже виноград, не говоря о яблоках (например, ввезившихся из Китая) и грушах, но только в сезон; продавались там и гранаты. В официальных справках, составлявшихся в правительственных верхах, утверждалось, что потребление советскими людьми фруктов «крайне недостаточно». А такие экзотические плоды, как ананасы и бананы, появились лишь на рубеже 50–60-х годов, преимущественно после революции на Кубе. Можно отметить также повсеместную продажу квадратных брикетов или пакетов фруктово-ягодных киселей.

Преобразование всех видов продовольствия в дефицит привело к изменению кухни. Если ранее различались русская и французская кухни с небольшими вкраплениями блюд других национальных кухонь, то

теперь приходилось готовить из того, что удалось «достать». Очень многие блюда русской кухни просто исчезли и даже их названия были забыты. А блюда и изделия нерусского происхождения теперь все стали «русскими»: «русские пельмени», «русские сосиски», «русская колбаса» и т. д. В 60-е годы началась мощная экспансия кавказских и среднеазиатских блюд: шашлыка, харчо, плова и т. д.

Разумеется, все эти проблемы не касались партийно-советской номенклатуры, пользовавшейся «закрытыми» магазинами, спецраспределителями и райкомовско-горкомовскими буфетами, а также работников торговли, пользовавшихся служебным положением. *«...Весело доскакал до магазина в Доме правительства, называемого в просторечии “Гортом”... Стекло прилавки сверкали изобилием всяческих яств. У входа — винно-табачный отдел: различные бутылки с цветным содержимым — в них я ничего не понимаю, иное дело табаки и папиросы: “Северная Пальмира”, “Казбек”, “Пушка”, шикарные сигареты “Тройка” — к ним проявляешь повышенный интерес — запретный плод. Далее — гастрономический отдел: колбасы множества сортов, но колбасу мы покупаем редко, почти деликатес в нашем доме. Сыры: их тоже множество сортов, но покупаем их к праздникам, а обычно — плавленые сырки. Рыбный отдел: селедка, балыки, рыба холодного и горячего копчения, кетовая икра двух-трех сортов и икра паюсная. Кетовую икру у нас покупают тоже по праздникам и селедку не часто. Бакалейный отдел — тоже все есть, но это не интересно... Есть и хлебный отдел. Мы живем еще хорошо: можем покупать батоны по “рунь сорок”, а другие во дворе покупают серый хлеб по “рунь семьдесят” за килограмм... Но подлинно чудесное изобилие царило в кондитерском отделе. Чего тут только не было и какие соблазны! — все это искрилось и блестело, как елочные украшения. Некоторые сорта конфет в ярких облатках-“фантиках” мне довелось съесть по штучке на праздники — “Мишка косолапый”, “Мишка на севере”, “Ну-ка отними!”. Были тут и сорта прибалтийских конфет, вроде “Мокко” с изображением негра в феске. Самые дорогие сорта я не пробовал — “Трюфели”, “Красная Москва”, “Суфле” — эти у нас и на праздник не покупали. Я знал сорта почти всех конфет и потому, что подолгу любовался ими в витринах, и потому, что играл в “фантики”... Таким путем я собрал целую коллекцию конфетных бумажек почти всех сортов, начиная с “Ирисок”, “Коровок”, “Лимонных”, “Барбарисок”, “Раковых шеек” до самых дорогих, выигранных у ребят из Дома правительства» (Русский Г. Ребенок в войне).*

Табачные изделия. Обычным спутником советского мужчины было курево: легенды о вреде курения еще не существовало. Ко времени революции курили трубки, сигары, папиросы и табачные самокрутки. Современных сигарет еще не было, и на пачках изредка продававшихся сигарет печаталось разъяснение: «Безмундштучные папиросы».

Довольно дорогие и неудобные в обиходе работавшего на предприятии или служившего советского мужчины сигары мгновенно исчезли. К тому же в советской пропаганде толстая сигара были родовым признаком «буржуя», «капиталиста», «поджигателя войны». Правда, в 60-х годах в продаже стали появляться сигары кубинского производства, в красивых деревянных ящичках, металлических небольших коробках или даже продававшиеся поштучно, но курили их крайне редко, как говорилось, «для понта».

Самым дешевым табаком была махорка разных номеров (в зависимости от резки), продававшаяся в небольших бумажных пачках бурого цвета. Ее даже выдавали солдатам в армии. Поскольку курение трубок также почти вышло из употребления в СССР, махорку курили в самокрутках из специальной папиросной бумаги, а чаще из нарезанной (или аккуратно оторванной) газетной бумаги или листов отрывного календаря. Изготовление самокрутки требовало определенного умения, так что нередко курили махорку в «козьей ножке»: из бумажки сворачивался небольшой узкий конус, посередине перегибавшийся под углом, куда и засыпался табак. Поскольку носить махорку в непрочной бумажной пачке было неудобно, чаще всего пользовались кисетами — небольшими матерчатыми мешочками, затягивавшимися тонким шнурком. Часто кисеты были вышитыми; так, во время Великой Отечественной войны вышитые кисеты с благожелательными надписями часто посылались на фронт. Иногда вместо кисетов использовались кожаные порттабачницы в виде вкладывавшихся один в другой плоских кожаных емкостей. В 60-е годы как курение махорки, так и ее продажа стали редкостью.

Наиболее распространенным было курение папирос. В период НЭПа широко было распространено изготовление папирос мелкими частными предпринимателями. Сорта папирос, отличавшихся главным образом названиями и украшением пачки, было огромное количество. *«В том же доме гнезвился частный табачный магазинчик. Перед его витриной мы торчали подолгу, ни на что не зарясь; просто созерцание трубок, пачек табака, гильзовых и папиросных коробок доставляло нам дикарски-мистическое удовольствие. Магазинчик, ви-*

димо, существовал с дореволюционных времен; на двери сохранилась узенькая эмалированная рекламная табличка: худощавый англазифованный молодой человек с джентльменским пробором и моноклем в глазу держит в уголке рта толстую дымящуюся папиросу. Текст гласил: “Я курю только папиросы “Сэрф!” Этих папирос хозяин предложить покупателям уже не мог, — и все же выбор был богатый: “Коминтерн”, “Госбанк” (сто штук в пачке, очень дорогие), “Сафо”, “Нева”, “№ 6”, “Жемчужина Крыма”, “Самородок”, “Сальве”, “Дюбек”, “Осман”, “Стамбул”, “Марокко”, “Кадо”, “Ира”, “Ада”, “Дагмара”, “Выгодные”... Самыми красивыми казались мне папиросы “Дружок”: с этикетки, положив руку на шею коричневой лошади, улыбалась миловидная девушка в ковбойской шляпе...

Полагаю, что дела этого частника шли плохо: конкуренция все нарастала, на углах появилось много государственных лафьков Табакторга. Выбор в них был скуднее, но махорка-то всегда имелась, а ее курили тогда многие, и не только из экономии, а из-за того, что привыкли к махре за годы войны и разрухи» (Шефнер В. Имя для птицы).

В основном это были дореволюционные сорта, но появились и советские: «Наша марка», «Смычка» и т. д. «...Тетя Вера, старшая сестра матери, вдова военного инженера-механика... Еще молодая, с тонкими и добрыми чертами лица, она часто уходила в какие-то свои воспоминания; любила сидеть в кресле, прищурясь, словно вдвываясь в неведомую другим даль, и при этом курить... Чаше всего тетя Вера крутила махорочные самокрутки, иногда же покупала папиросы самые дешевые и крепкие — “Трезвон”, “Октябрьина”, “Добрый молодец”» (Шефнер В. Имя для птицы).

В послевоенный период количество сортов папирос резко сократилось, и они действительно стали отличаться качеством табака. Наиболее дорогим и престижным сортом стал «Казбек», на плоской коробке которого, изготовленной из тонкого картона, на голубом фоне изображался черный силуэт горного пика и скачущего всадника. Иногда «для форса» в коробку из-под «Казбека» укладывались более дешевые папиросы. К дорогим, но употреблявшимся редко папиросам относились «Зефир» в голубоватой картонной коробочке, проложенной папиросной бумагой, и «Герцеговина Флор» в зеленоватой с золотом коробке. Наиболее распространенным был «Беломорканал» в белой пачке с изображением карты, сначала Беломорканала, а затем — Беломорканала и каналов им. Москвы и Волго-Донского. Немного ниже качеством считался «Норд», примерно в 1949 году в порядке борьбы

с преклонением перед Западом переименованный в «Север»: на белой пачке было синее изображение восходящего солнца. Примерно такого же качества были папиросы «Звезда»: на фоне огромной красной звезды изображался мотоцикл с коляской и в нем бойцы в касках; автор впервые, во 2-м классе выкурил именно две папиросы «Звезда», после чего года 2 не переносил даже табачного дыма. Значительно ниже качеством была «Пушка» в узких пачках желтовато-коричневатого цвета с диагональным изображением папиросы.

До 50-х годов включительно многие курильщики пользовались папиросами собственной набивки, для чего папиросный табак мелкой резки, а также пустые папиросные гильзы поступали в продажу в больших картонных коробках. Промышленность даже выпускала небольшие настольные машинки для домашней набивки папирос. Сигареты стали входить в широкое употребление в 50-е годы. Наиболее распространенными был самый дешевый «Дымок» в бело-синеватых пачках, выдававшийся солдатам, «Прима» в красных пачках, «Друг» с изображением собачьей головы. В 60-х годах в больших количествах стали ввозиться болгарские сигареты, как без фильтра («Шипка»), так и с фильтром («Ту-104», «Стюардесса», «БТ» и др.). Появились и «представительские» советские сигареты с фильтром, например, «Столичные». А в 70-е годы в СССР, но только в Москву и Ленинград, разными путями стали проникать и сигареты английские и американские: «Кэмэл», «Честерфилд» и др.

Курение трубок в незначительном масштабе еще имело место в предвоенный период (в основном в старшем поколении) и во время Великой Отечественной войны. После войны трубка стала настолько редким явлением, что курильщики на улице, стесняясь внимания прохожих, зачастую прикрывали ее рукой. Да и умение курить трубку также выродилось. Это было настолько редкое явление, что дети на улице иногда говорили, увидев трубку: «Смотри, какая сигарета!» Тем не менее в СССР довольно доступными были трубочные табаки: от дешевого «Моряка» в бумажных пачках до дорогих «Золотого руна» в желтовато-золотистой картонной коробке и «Трубки мира» в узких пачках с изображением индейской трубки, украшенной яркими перьями. Трубки разного качества и цены, а также ершики для их чистки имелись в продаже в специализированных табачных магазинах в крупнейших городах.

Напитки. Что касается выпивки, то она всегда была в СССР в изобилии. Именно в СССР, поскольку в 1914 году в России был введен «сухой закон», и в период Гражданской войны и «военного коммуниз-

ма» советские люди пили только самогон и спирт (спиртзаводы были вожделенной добычей и белых, и красных, и зеленых, и желто-голубых). С переходом к НЭПу и острой потребностью правительства в денежных средствах в 1924 году началось производство 30-градусной водки, так называемой «рыковки», по имени тогдашнего главы правительства Рыкова. Вскоре совершился переход к 40-градусному стандарту. Большого разнообразия в водках не было, это была просто «водка», хотя в продаже была и родственная ей «Старка». В конце 40-х годов на Глазовском спиртоводочном заводе была разработана технология очистки ядовитого древесного спирта, отмеченная Сталинской премией. Для нужд потребителей, опасавшихся новшества, на оборотной стороне этикетки (она всегда была выполнена в зеленых тонах) помещался штамп производителя, хорошо видный через стекло и водку. В дальнейшем так называемый «сучок», стоивший немного дешевле, поверх пробки (картонной, в форме наперстка) запечатывали красным сургучом («красная головка») в отличие от водки из картофельного спирта, запечатывавшейся белым сургучом («белая головка»). С 1961 года цены на водку повысились почти на 75 %, а разница в ценах и внешнем виде исчезла: вся водка стала запечатываться «бескозыркой», металлическим колпачком с маленьким язычком. Одновременно стали появляться различные сорта водки — «Московская», «Столичная», «Пшеничная», «Посольская» и т. д., разница между которыми была лишь в этикетке. Расфасовка была в бутылках 0,25 л («четвертинка», «четушка», «чекушка») и 0,5 л.

До 1961 года водкой также торговали в разлив в многочисленных буфетах, рюмочных, пивных и даже в уличных ларьках. В северных районах страны в разлив в собственную тару продавался даже недорогой спирт, в том числе спирт-сырец, ужасный на вид, вкус и по последствиям употребления.

Из крепких спиртных напитков менее популярны были настойки на водке — «Спотыкач», «Зверобой», «Зубровка» и т. д. Были и другие настойки, например, «Яблочная», не пользовавшаяся спросом, поскольку нередко вызывала сильное отравление. Советские коньяки, армянский, грузинский и молдавский («Белый аист»), употреблялись преимущественно тогдашней социальной верхушкой. Помимо обычных бутылок, они разливались в 100-граммовые «мерзавчики» и в плоские фляжки. В 50–60-х годах большим успехом пользовалась недорогая, вкусная и качественная «Рябина на коньяке», имевшая давние традиции в России. На рубеже 50–60-х годов из-за границы стали ввозиться «Арманьяк» и «Бренди», не выдерживавшие соперничества

отечественных коньяков. Довольно многочисленные ликеры, например, «Бенедиктин», особым спросом не пользовались, хотя стоили не намного дороже водки. Особенно возросло количество сортов ликеров в 60-е годы в связи с ввозом с Кубы. Что касается появившегося тогда же кубинского рома, то этот экзотический напиток почти не привлекал внимания простых советских людей, как и «Бехеровка» в плоских бутылках из Чехословакии.

Вина советской эпохи можно разделить на подлинные виноградные и суррогаты. Из последних весьма популярным было довольно крепкое и дешевое крепленое «Плодово-ягодное» («Плодово-выгодное») в больших бутылках в 0,75 л («огнетушителях», по тогдашней терминологии). К этому типу нужно отнести и тогдашние «Вермут», довольно слабый и сладкий, более резкие «Портвейн», «Мадеру» и «Херес», не имевшие отношения к подлинным вермуту, портвейну, мадере и хересу. В конце 60-х годов начался массовый ввоз из Алжира крепкого и очень резкого «Алжирского», а также появились неизвестно из чего сделанные «Солнцедар», о котором даже питухи говорили, что он годится только «заборы красить», и «Лучистое», в быту называвшееся «мирный атом в каждый дом»: о нем говорили, что его делают в Дубне на основе воды, охлаждавшей внешний контур ядерного реактора. Практически это была отрава, которая немало способствовала алкоголизации страны. Очень недолго, в конце 50 — начале 60-х годов, в продаже был яблочный сидр.

Качественные легкие грузинские, молдавские и крымские виноградные вина («Цинандали», «Мукузани», «Ркацителы», «Псоу», «Рислинг», «Мускат» и т. д.) были очень дешевы и довольно распространены, поскольку имели незначительный спрос среди предпочитавшего крепкие напитки населения. Тем не менее с 50-х годов в СССР ввозилось довольно много виноградных вин, сухих и крепленых, из «стран народной демократии» — ГДР, Болгарии, Румынии. Иногда их можно было купить даже в глубокой провинции. Во многих городах виноградные вина можно было взять в буфетах в разлив.

Весьма доступным, по крайней мере, в крупных городах, было шампанское, очень недорогое. Поскольку спрос на него был невелик, оно даже усиленно рекламировалось: «Пейте “Советское шампанское”!»

В 20-х годах началось и массовое производство пива, причем в Ленинграде соперничали сразу два завода: им. Стеньки Разина и «Красная Бавария»: их пивные киоски нередко стояли на одной улице друг против друга. Недаром в одной частушке того времени пелось: «Ле-

нинград теперь другой: в каждом доме по пивной». К пиву предлагалась и легкая закуска: соленый горошек, соленые сушки и сухарики. Зимой в кружки, по желанию, подливалось подогретое пиво. Существовали довольно многочисленные «культурные пивные», где с эстрады исполнялись куплеты и играли небольшие музыкальные коллективы. В 1930 году музыка и пение, плохо поддававшиеся цензурному контролю в пивных, были запрещены. В 60-е годы появились пивные бары с автоматическим разливом пива. Сорта бутылочного пива, особенно после окончания НЭПа, было сравнительно немного: «Трехгорное» (в Москве), «Мартовское», «Жигулевское», «Московское», портер «Золотой ярлык» в небольших бутылочках. Разливным пивом торговали также просто на улице, из бочек. Пиво было дешевым и почти всегда и везде доступным.

Из прохладительных шипучих напитков с 20-х годов наиболее популярным было «Ситро», в конце 40-х переименованное в «Лимонад». Менее вкусными были аналогичные напитки «Барбарис», «Груша» и «Яблоко». В начале 60-х годов в противовес американской кока-коле началось изготовление советских тонирующих напитков — «Саяны», затем «Тархун», в 80-х годах — «Фанта», «Пепси». Как до, так и после войны в разлив довольно широко продавался клюквенный морс. На полках магазинов, во всяком случае, с конца 50-х годов, появились трехлитровые банки с соками — яблочным, сливовым с мякотью, а особенно томатным. Еще в 20-х годах на улицах больших городов появились сатураторные тележки, торговавшие газированной водой чистой или с сиропами (обычно было два вида сиропа). С 50-х годов их начали интенсивно вытеснять автоматы, также отпускавшие воду без сиропа или с каким-либо безымянным сиропом. Их недостатком было постоянное отсутствие граненых стаканов, активно расхищавшихся любителями выпить «на троих». Минеральную воду («Нарзан», «Боржоми») можно было купить в основном в наиболее крупных городах. В 60-е годы в продаже появился разлитый по банкам в один и три литра березовый сок, не пользовавшийся, однако, спросом.

Были и автоматы, торговавшие квасом. Но обычно квас (просто «квас», без названия) продавался в ларьках или просто на улице, из бочек и цистерн. В южных городах кое-где таким же образом продавали пахту — жидкий остаток после сбивания масла, кисловатый на вкус и мутноватый на вид.

В 20-е годы началось массовое фабричное изготовление мороженого (ранее его делали кустарным способом), и на улицах появились специальные киоски и мороженщики с тележками. Количество сортов

мороженого едва ли даже не превышало современное; например, выпускалось диетическое ацидофильное мороженое. Часто брикеты изготавливались на глазах покупателя: в круглую металлическую формочку вкладывалась вафля, затем ложкой из большой оцинкованной банки накладывалось молочное мороженое, сверху снова накладывалась вафля, и брикет выталкивался из формы. По желанию иногда можно было заказать мороженое с собственным именем на вафле.

Часть 2. Социальное пространство советской эпохи

Советское общество

Вообще любые исторические явления нужно рассматривать только в динамике и в сравнении с предыдущим периодом: они постоянно видоизменяются в ту или иную сторону. В сравнении следует изучать и структуру общества.

Дореволюционное общество было строго стратифицированным, четко разделенным на сословия, сословные группы и социокультурные страты: дворянство, купечество, почетные граждане, духовенство белое и черное, чиновничество, офицерство, лица свободных профессий, мещанство и цеховые, крестьянство и пр. Внутри этих групп существовало довольно заметное подразделение по формальным или иным признакам. Великие реформы 1860–1870-х годов частично разрушили сословное членение общества, зато усилив его классовое деление, реформы начала XX века продолжили этот процесс, а обе революции 1917 года довершили его.

Новое, советское общество в юридическом (и не только) смысле стало аморфным. Правда, не сразу: поначалу были искусственно выделены «бывшие», т. е. те, кто прежде принадлежал к социальным верхам. Прокламировалось разделение общества на крестьян и рабочих, между которыми находилась прослойка — трудовая интеллигенция. Но крестьянство быстро превратилось в сельскохозяйственных государственных рабов, а затем в сельскохозяйственных наемных рабочих, рабочие — на некоторое время — в промышленных государственных рабов. Кто-то, наверняка, с возмущением возразит против слова «рабы». Но как же назвать тех, кто юридически прикреплен к земле, как не имевшие паспортов колхозники, и под страхом административных и судебных репрессалий обязан работать на государственной земле бесплатно или почти бесплатно (в 1939 году введен обязательный минимум трудодней, «злостное» невыполнение которого могло быть наказано заключением)? Или, как рабочие и служащие, юридически прикреплен к своим предприятиям и учреждениям и под страхом судебных репрессалий обязан работать почти бесплатно? Ну, и наконец, миллионные армии эков. На некоторый срок (с начала 30-х и по 1956 год) мы имели настоящее государственное рабство, как когда-то в древних Ассирии и Вавилоне. Ведь и здесь, и там грандиозные каналы и величественные дворцы возводились руками рабов-заключенных.

Советская социально-экономическая система — это сочетание государственного крепостничества (колхозы, с 1940 по 1956 год отчасти рабочие и служащие) с государственным рабовладением (ГУЛАГ).

Для России всегда было характерно подавление и поглощение гражданского общества государством, а для СССР это усугублено крайним пренебрежением к нуждам и самой личности человека. Имело место фактическое непризнание за человеком права юридического лица, его правовая и политическая незащищенность. Параллельно особенности советской экономики формировали стабильную бедность, тотальный дефицит. Правящему аппарату для осуществления неограниченной власти нужны были люмпены. Не может быть чувства собственного достоинства у человека, живущего в унижительной бедности, убожестве, в условиях постоянного и тотального дефицита.

Аморфность общества выразилась, в результате всеобщей бедности, и во внешнем стандартизированном облике людей, и в их питании, в развлечениях и даже психологии и образе мыслей. В однородно-серой и сосредоточенно-угрюмой толпе, наполнявшей улицы любого города, было почти невозможно выделить людей из разных социокультурных групп. Лишь со второй половины 50 — начала 60-х годов начались медленные и только частичные, почти незаметные перемены в некоторых сферах жизни.

Специфической чертой советского общества была полная и абсолютная несвобода его членов, включая и всю номенклатуру, до самого ее верхнего слоя. Более того, люди, управлявшие страной, т. е., казалось бы, самовластные, были даже более несвободны, чем любой «простой советский человек»: они находились под постоянным неусыпным контролем своих сотоварищей, с вожделением посматривавших на кресло ближайшего начальника и ждавших, когда он оступится, чтобы тут же подтолкнуть его.

Каковы признаки свободы? Их несколько, и основополагающим является право свободного человека на собственность, право собственности на средства производства и прежде всего на землю. Это право было отменено 25 октября 1917 года. Приобрести грузовой автомобиль (пусть списанный за полной непригодностью, чтобы восстановить его) нельзя — это средство производства. Что автомобиль! Только в отдельных степных районах страны можно было иметь в собственности лошадь, да и то на это власти смотрели косо. О земле и речи нет: она была немедленно «обобществлена» Декретом о земле, объявлена общенародной, но осенью 1919 года, подводя итоги двухлетней жизни советской страны, В.И. Ленин («Экономика и политика в эпоху дикта-

туры пролетариата») заявил, что крестьяне обязаны сдавать хлеб государству, поскольку он выращен на **государственной** земле.

О какой свободе может идти речь, если ты не имеешь права свободно распорядиться результатом (продуктом) своего труда, а **обязан** сдать его государству?

Человек, лишенный собственности на основные средства производства, а точнее, на средства получения дохода, превращается в обычную рабочую силу, абсолютно зависящую от работодателя. А при отсутствии прав на владение основными средствами производства единственным работодателем является государство.

Владея землей на праве собственности, человек может сдать ее в аренду, живя на ренту, или продать и т. д. И тогда он независим от любого работодателя, то есть свободен. В противном случае, как это и было в СССР, он не свободен.

Другое право свободного человека — право на свободный выбор рода занятий. Этого права советский человек был лишен. Поясню на собственном примере. В 1971 году я окончил аспирантуру МГУ, и встал вопрос о работе. В это время будущий академик В.А. Янин создавал новую кафедру и брал меня к себе заниматься историей городского быта, чем я, собственно, и занимаюсь уже более 30 лет. Декан изъявил полное согласие. Осталось получить согласие партбюро, которое и «забодало» меня, с изумлением узнав, что я не был комсомольцем. Заметьте, что в партбюро сидели преподаватели моего факультета, хорошо узнавшие меня за 8 лет учебы.

Окончив аспирантуру, я устроился на работу в НИИ художественной промышленности, в экономическую лабораторию. После ухода заведующей лабораторией я оказался единственным кандидатом наук и, естественно, единственным кандидатом на должность завлаба. Вызвали меня к директору института и предложили эту должность, но поставили неременное условие — вступить в партию. Мне и без того не нравилась и работа, и обстановка в лаборатории и в институте, я отказался и решил уходить. А тут звонит моя бывшая завлаб и предлагает идти к ней в Институт повышения квалификации руководящих работников легкой промышленности, читать курс истории экономики. Дирекция была согласна на мою кандидатуру, но первое условие было — вступление в партию. Поступил на работу на кафедру истории Московского государственного института культуры, причем мой «однокорытник», с которым мы в один день защищали кандидатские диссертации у одного руководителя, работавший заведующим отделом Московского обкома партии, звонил в партком института и поручился

за меня. Оформили меня сначала почасовиком с трудовой книжкой, и в штат взяли только через полтора года. Вскоре по моем вступлении в штат, заведующий кафедрой попросил меня выполнять функции его заместителя: он был стар, несколько расслаблен и абсолютно ничего не понимал в учебных планах и других документах и в распределении нагрузки преподавателей. Фактически я руководил кафедрой, ходил на заседания ректората и ученого совета, периодически назначался исполняющим обязанности во время болезней заведующего, и ректорат принимал бумаги за моей подписью. Через 10 лет заведующий решил уходить на пенсию по старости и состоянию здоровья. Однажды в конце рабочего дня приходит на кафедру, садится на свое место напротив меня и, хитровато улыбаясь, говорит: «Я сейчас от ректора. Говорили о том, кто меня заменит». — «И что?» — «Я предложил вас». — «А ректор что?» — «Он сказал, что они о вас уже думали, — лучшей кандидатуры нет. Но вот беда, вы беспартийный, а кафедра идеологическая. Ректор считает, что его не поймут наверху, а вы в партию вступить не станете». — «Верно, не стану. И что же теперь?» — «Он предложил такой ход: вы напишете заявление о вступлении в партию, вас примут в кандидаты, а это на целый год. Вас под этот факт назначат заведующим. А потом вы как бы забудете об этом, и руководство тоже сделает вид, что забыло. Ну, как?» — «Нет, не буду я этого делать». — «Вот, и я ректору сказал, что вы не пойдете на это. И он согласился со мной». Ну, что ж, назначили зав. кафедрой другого старика, а я по-прежнему тянул лямку заместителя. Вот так уже не человек, а руководство пыталось «ловчить», чтобы назначить на должность нужного, но беспартийного человека

Почему же я не вступал в партию? А вот именно потому: будь ты хоть семи пядей во лбу и признавай все, включая руководство, твои способности и право на должность, но... А если партийный, то хоть сам признавай свою неспособность быть руководителем — все равно годен. Потому сокращение «б/п», «беспартийный», иронически расшифровывалось как «бесправный». Потому-то и существовала ироническая поговорка: «Хочешь жить — плати партвзносы».

Наконец, свободный человек имеет право просто ничем не заниматься, быть нищим либо же перебиваться случайными временными заработками. Но даже этого права не было, а были у нас законы, которые предусматривали принудительное трудоустройство, сопряженное со ссылкой и даже заключением в исправительно-трудовой лагерь.

Зато у государства было право по своему усмотрению решать, где и кем будет работать человек: об этом в 1940 году был принят соответ-

ствующий закон. И опять же приведу пример из своей жизни. Как известно, в 1953 году пленум ЦК КПСС принял решение о всемерном подъеме сельского хозяйства. Было решено послать в совхозы, колхозы и МТС тридцать тысяч специалистов. Райком партии решил направить моего отца (беспартийного) в МТС главным инженером. И отец не хотел ехать, и директор завода не хотел отпускать относительно молодого и энергичного инженера. Так тянули месяца два, пока райком не приказал директору Беловинского уволить и трудовую книжку в пакете под сургучной печатью с нарочным переправить в МТС, где его оформят на работу. А без трудовой-де он никуда не денется.

Еще одно право свободного человека — право на передвижение и выбор места жительства. Но многомиллионное колхозное крестьянство вообще десятилетиями не имело паспортов, обходясь справками из колхоза о выполнении минимума трудодней (и справку выдавали не более, чем на месяц), а все остальное население было связано институтом прописки. И дело было не только в том, что получить прописку в Москве или Ленинграде простому человеку было невозможно. Институт прописки дамокловым мечом нависал и над многомиллионной армией отбывших свой срок, то есть искупивших свою вину заключенных. Даже не уголовников, а просто бытовиков, нечаянно совершивших незначительное или даже значительное преступление. Чтобы устроиться на работу, и не в столице, а в каком-нибудь Барнауле, нужно иметь прописку, а чтобы прописаться, нужно иметь жилье, а чтобы иметь жилье, хотя бы койку в рабочем общежитии, нужно устроиться на работу, а без прописки на работу не берут, и так далее. А милиция не хочет прописывать, даже если найдешь пристанище: зачем ей еще один зэк? А если ты в течение месяца нигде не прописался, то ты нарушитель паспортного режима, преступник, и тебе грозит новый срок. А если ты в течение месяца не работаешь, то ты — тунеядец, и тебе опять таки грозит срок, а в лучшем случае ссылка... А огромное количество «закрытых» городов, куда нельзя было просто приехать, хотя бы навестить родственников?

Ну, а о том, чтобы избрать местом жительства другую страну, и речи быть не могло: это рассматривалось как измена Родине, со всеми вытекающими последствиями.

Вот такие, гарантированные конституциями, права были у советского человека.

Кое-кто вспомнит и еще одно право свободного человека: право получать и свободно распространять информацию. Ну, положим, подавляющее большинство населения без этого права спокойно обходи-

лось. А для тех, кто пытался воспользоваться правом получения информации, например, из передач «Голоса Америки» или «Би-би-си», были многочисленные глушилки. Для тех же, кто неосмотрительно пытался воспользоваться правом распространения информации, сначала была статья 58-10 — клевета на советский строй, во время войны дополненная особым указом о карах за распространение панических слухов. Правда, вскоре после окончания войны последняя статья была отменена, а затем, после «разоблачения культа личности» исчезла и одиозная 58-я статья вместе со старым кодексом. Но не думайте, что теперь стало можно клеветать, что в СССР нет свобод, что нарушается Конституция, и пр. Нет, взамен появилась 170-я статья нового УК, предусматривавшая от 5 до 7 лет лишения свободы «за изготовление и распространение клеветнических измышлений, порочащих советский строй». Заодно кары сыпались и на тех, кто не распространял, а просто хранил эти «клеветнические измышления»: поди докажи, что ты не распространял.

Такова была самая свободная в мире свобода и самая демократическая в мире демократия.

Один из исследователей советского общества, Евгений Стариков («Маргиналы, или Размышления на старую тему: что с нами происходит?»), пришел к уничтожающему выводу: советское общество к концу его истории превратилось в сообщество люмпенов, маргиналов. Маргинальность — это пограничность, периферийность по отношению к каким-либо социальным общностям. Маргинал — «периферийный» человек.

По данным статистики 80-х годов, около трети населения находилось на черте или за чертой бедности. Но, как ни поразительно, многие из тех, кто «за чертой», так не считали. При заниженном уровне социальных ожиданий, что весьма характерно для маргиналов, их оценка своего благосостояния часто бывает завышена. В поколениях была привычка к постоянной нужде, которая превратилась в «нормальную» повседневность.

Бытовая неустроенность и бедность самым фатальным образом отражались на семье — главной ячейке нормального общества. По количеству разводов на 100 браков наша страна к концу советского периода занимала второе место в мире после Швеции с ее очень специфическим обществом. В таких крупных городах, как Москва и Ленинград, число разводов перевалило за 50 %, а в т. н. центрах современной молодежной культуры (например, Тольятти) — 80–90 %. Ежегодно рождалось около 500 тысяч внебрачных детей и делалось почти 8 миллионов

абортов — около четверти от общего числа в мире, в 6–10 раз больше, чем в экономически развитых капиталистических странах. И еще не известно, что лучше: аборт или рождение ненужного ребенка, которого могут просто выбросить на помойку или оставить без присмотра безостановочно пьющие родители.

Особенности советского бытия отразились и на состоянии личности. Совершенно недаром в советское время в строгом секрете держались данные о самоубийствах: по их количеству СССР оказался на одном из первых мест в мире, а никто не будет утверждать, что нормальные, человеческие условия жизни вынуждают человека к самоубийству. Москвич Окунев в дневниковой записи от 13 января 1922 года записал: «В третий день Рождественских праздников, т. е. 27 декабря ст. ст., выстрелом из револьвера покончила со своей многострадальной жизнью моя вторая жена... Мы... крепко и неразлучно жили честными супругами более 12 лет, причем последние 9 лет вместе с моими детьми от первой жены. Были годы вполне согласной и счастливой жизни для всех четверых, но эта проклятая война и все последующее, исковеркавшие царства, города, дома, квартиры, — доконала и наше не только счастье, но и относительное благополучие. К концу остались истрепанные нервы, изможденные силы, разочарование и трепет перед грядущими неприятностями, шествие которых, как видно из записанного, все время не прекращалось, да и впредь не сулит остановиться. Не стало сил у моего бедного и благородного друга! Окончательно надломилось здоровье от этих кухонных забот, стирок, уборок, колоков дров, топков печек, тасканья мешков и разных “торговых” забот... Чтобы у нас было мясо, молоко, масло и сахар, ей приходилось целыми днями мерзнуть или мокнуть на каком-нибудь подлом рынке и продавать там из своей корзинки или мешка — то свои вещи, то купленное ею там же или в квартирах спекулянтов, то перец, то горчицу, то чай, то калоши резиновые, — одним словом, быть в конце концов “рыночной торговкой” и подвергать себя арестам (одну ночь в 1919 году провела в “Чрезвычайке”), гонениям милиционеров, ругани хамоватых покупателей... Все это, разумеется, бередило ее нервы, давно уже потерявшие равновесие».

В СССР в 80-х годах было зарегистрировано 5,3 миллиона людей с различными психическими заболеваниями. На учете органов здравоохранения и милиции состояло 4,5 миллиона алкоголиков, а, по мнению специалистов, их число достигало 18–22 миллионов. И нельзя винить в этом «демократов»: в одночасье ни психически ненормальным, ни алкоголиком человек не делается, на это нужны годы. Массовый

алкоголизм приводил к ежегодному приросту в десятки тысяч умственно отсталых и физически ущербных детей. При этом у психически больных и умственно отсталых родителей дети рождаются чаще, чем у нормальных. То есть сложилась угроза физического вырождения нации.

За долгие годы бытовой неустроенности в СССР возникла типично «периферийная» барачная субкультура. Вынужденные (заключенные, спецпоселенцы, спецпереселенцы) или добровольные (бежавшие из ссылки «кулаки», вербованные и пр.) обитатели барачных поселков и трущобных «нахаловок» и их ближайшее потомство вырабатывали особые методы повседневной жизни, межличностных отношений и особый тип культуры в широком понимании этого слова. При этом была огромная разница между обитателями наших «нахаловок» и «их» «бидонвилей». Обитатели наших бараков были не безработными и уголовниками, а людьми, имеющими постоянный заработок и даже обязанными иметь постоянный заработок. Эта барачная субкультура, наличие которой теперь признается нашими социологами и культурологами, затем была перенесена в панельные пятиэтажки бесчисленных «черемушек» и стала едва ли основополагающей в современном обществе. Все более реальными становятся приметы духовного вырождения: вульгарное бытовое хамство, мародерство при стихийных бедствиях, грабежи потерпевших аварию поездов, вандализм на кладбищах и т. п. — признаки люмпенизации общества. Если недавно угроза преступной толпы почти не была известна, то уже в 80-х гг. дикие орды все чаще бесчинствуют на улицах — то после матча на стадионе, то после массовой драки в общежитии, то после базарной ссоры. И началось это давно. Почитайте «Окаянные дни» И. Бунина, записки З. Гиппиус, других современников о событиях 1917 года, о толпах распоясанных, расхристанных солдат, бесцельно слонявшихся по улицам и безостановочно лузгавших семечки. И этот внешний упадок культуры проявлялся во всем. Вот пожилой москвич записывает 18 марта 1920 года в дневнике: «Проходил сегодня Тверской, Кузнецким мостом и другими лучшими московскими улицами, и нашел, что они сейчас выглядят хуже, грязнее и безобразнее худших улиц. И две санитарные недели не подчистили их. Около самых шикарных когда-то магазинов горы грязного снега, с которого мальчуганы катаются на салазках, а мы, старички, можем свободно остановиться тут и сделать такое дельце, в предведении которого на заборных углах, бывало, писали: “Здесь останавливаться воспрещается”. А под воротами — что там наделано! И это, я повторяю, не где-нибудь, а даже на Петровке,

на Кузнецком мосту, при домах союзов и советов, при театрах. И странно: остановишься около таких “распрекрасных” и благовонных мест прочитать наклеенную на стену газету (теперь почти невозможно достать газету в свою собственность; их выходит, наверное, очень малое количество экземпляров, а потому они в киосках и у газетчиков расходятся в полчаса, так что, например, давно уже не успеваю достать газету за деньги и поневоле ищу ее на заборе), читаешь, что говорят Ленин и его ближайшие сотрудники, что “постановляется правительством”, Совдепом, что делается коммунистами, какие выносятся резолюции, и мог бы уже написать в свои скрижали, что началась жизнь трудовая, мирная и приятная, но зрелище и аромат улицы говорят как раз противоположное». Через год, 15 марта 1921 года, он же записывает: «Утащить плохо лежащее полено, старый кирпич с разрушенной стройки, ложку, забытую кем-нибудь в столовой, “колено” для железной печки, карандаш со службы, газету со стены и т. п. мелочь — не преступление, а долг каждого гражданина...». А вот что записал интеллигентный москвич в дневнике в 1931 году: «Поразительный общий упадок культуры, прямо даже материальный. Люди сморкаются рукой. Редко меняют белье. Привыкли жить, работать, есть, спать в той же комнате. В квартирах встречаются в коридоре, кухне, у умывальника люди чужие, разного возраста и пола — полураздетые, и это перестало смущать кого бы то ни было... Огрубение нравов ужасное. На улицах только “пхаются”, в трамваях давка, обрывают платье, бранятся, отдавливают ноги и т. п... Серая, тупая, загнанная в подполье жизнь принимает порою уродливейшие формы. Эксцессы в половой области принимают в отдельные эпохи небывалые размеры, — особенно мрачны они бывают в эпохи подавленности. Сейчас семья разрушена, жизнь безрадостна, детей иметь многие тщательно избегают. А “жить” хочется, и это хотение ищет выхода».

Как и прогресс, регресс безостановочен, а путь на социальное дно, как правило, безвозвратен.

Семья, женщина, дети

«Первичной ячейкой» общества является семья. И общество во многом характеризуется положением семьи, отношением к женщине, детям и старикам.

После революции существенно облегчилось создание семьи. Прежде непременно требовался церковный брак, а совместная жизнь мужчины и женщины вне его рассматривалась как «незаконное сожительство» и, в принципе, подлежало уголовному преследованию; правда, небольшая мзда соответствующему духовному лицу или полицейскому чину парировала это суровое постановление. Но дети, рожденные вне церковного брака, считались незаконными и не могли наследовать имущества даже после матери, не говоря уж об отце. Получение разрешения на брак (в церковь для венчания требовалось представлять ряд документов, в том числе государственным служащим — разрешение на венчание от начальства) было обставлено препонами.

Теперь все изменилось с точностью до наоборот: церковный брак без соответствующей регистрации в загсе был недействительным. Впрочем, эта «недействительность» была весьма условной: существовало понятие «свободного брака», когда люди просто жили вместе, заводили детей, обходясь без каких-либо формальностей. Не требовались и дополнительные документы в загсе: подавалось заявление и тут же выписывалось свидетельство о браке. И никакого бюрократизма: простейшая канцелярская операция. «Сходить замуж» стало проще простого.

Еще проще было расторгнуть брак: достаточно было заявления одного из супругов. Между тем до революции развод, в принципе, был невозможен. Он допускался только в случае длительного безвестного отсутствия одного из супругов, душевной болезни, неспособности исполнять супружеские обязанности и прелюбодеяния, причем в этом случае один из супругов должен был взять вину на себя, а это каралось церковной епитимьей. К тому же развод сопровождался длительной волокитой и взятками. При разводе муж был обязан обеспечить бывшей жене содержание. Неофициальной формой развода был «разъезд», проживание супругов порознь; но при этом, естественно, был невозможен повторный брак. Теперь эти препоны были упразднены.

Это вовсе не значит, что советская власть не заботилась об укреплении семьи. В разгар Большого террора 15 августа 1937 года нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов подписал оперативный приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины». Жены осужденных за контрреволюционные преступления подлежали аресту и заключению в лагеря на 5–8 лет; однако с 15 ноября 1938 года было признано целесообразным подвергать аресту только тех жен, которые знали о «враждебной деятельности» своих мужей либо были заподозрены в антисоветских настроениях или даже высказывали их: и на том спасибо. В 1936 году появился лозунг «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!», звучавший с плакатов и открыток, изображавших счастливых детей. Была проявлена забота и о детях-сиротах, оставшихся после «врагов народа»: а их дети в возрасте от 1–1,5 лет до 15 лет направлялись в специальные детские дома и специнтернаты вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, Минска, приморских и приграничных городов. Совсем маленьких детей могли усыновить или удочерить родственники, да многие ли решались брать себе детей «врагов народа»? Вопрос о детях с 15 лет решался в индивидуальном порядке, то есть они большей частью разделяли судьбу родителей. В таких детских домах устанавливался особый режим, а детям с наиболее одиозными «вражескими» фамилиями нередко давали новые фамилии. В каждом городе, где проходила операция по репрессированию жен «изменников Родины», создавались детские приемники, куда поступали дети арестованных. Пребывание в детприемнике могло длиться от нескольких дней до месяцев. А.Ф. Петрова из Ленинграда, дочь репрессированных родителей, вспоминала: «Посадили в машину, маму высадили у тюрьмы “Кресты”, а нас повезли в детский приемник. Мне было двенадцать лет, брату — восемь. В первую очередь нас наголо остригли, на шею повесили дощечку с номером, взяли отпечатки пальцев. Через три месяца из детского приемника нас привезли в город Минск».

Братья и сестры практически не имели шансов остаться вместе, их разлучали и отправляли в разные учреждения. А.О. Раменская, чьи родители были арестованы в 1937 году в Хабаровске, вспоминала: «Меня поместили в детприемник в Хабаровске. На всю жизнь мне запомнился день нашей отправки. Детей разделили на группы. Маленькие брат с сестрой, попав в разные места, отчаянно плакали, вцепившись друг в друга. И просили их не разъединять все дети. Но ни просьбы, ни горький плач не помогли... Нас посадили в товарные вагоны и повезли...».

В упомянутом выше приказе НКВД впервые появился термин «социально опасные дети»: «Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможности исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республики». По состоянию на 4 августа 1938 года у репрессированных родителей было изъято 17 355 детей, подлежали изъятию еще 5000 детей. Всего в ходе операции в тюрьмы и лагеря попали 18 тысяч жен арестованных, а в детские дома было помещено более 25 тысяч детей.

Н.Н. Симонова вспоминала: «В нашем детдоме жили дети от грудного возраста до школьного периода. Кормили нас плохо. Приходилось лазить по помойкам, подкармливаться ягодами в лесу. Очень многие дети болели, умирали. Нас били, заставляли долго простаивать в углу на коленях за малейшую шалость... Однажды во время тихого часа я никак не могла заснуть. Тетя Дина, воспитательница, села мне на голову, и если бы я не повернулась, возможно, меня бы не было в живых». В специальных детских домах широко применялась система физического наказания. Н.А. Савельева из Волгограда вспоминала: «Метод воспитания в детдоме был на кулаках. На моих глазах директор избивала мальчиков головой о стену и кулаками по лицу за то, что она при обыске у них находила в карманах хлебные крошки, подозревая их в том, что они готовят хлеб к побегу. Воспитатели нам так и говорили: “Вы никому не нужны”. Когда нас выводили на прогулку, дети няnek и воспитательниц на нас показывали и кричали: “Врагов, врагов ведут!” А мы, наверное, и на самом деле были похожи на них. Головы наши были острижены наголо, одеты мы были как попало».

Дети репрессированных родителей рассматривались как потенциальные «враги народа», они попадали под жесточайший психологический прессинг со стороны как сотрудников детских учреждений, так и сверстников. В такой обстановке в первую очередь страдала психика ребенка... М. Уборевич вспоминала: «Мы были раздражены, озлоблены. Чувствовали себя преступниками, все начинали курить и уже не представляли для себя обычную жизнь, школу». Самой Мире в 1937 году исполнилось 13 лет. Известность отцов сыграла роковую роль в судьбе этих детей: в 1940-е годы все они, будучи уже взрослыми, были осуждены по статье 58 УК РСФСР и отбывали наказание в исправительно-трудовых лагерях.

Приказ НКВД СССР № 00309 «Об устранении ненормальностей в содержании детей репрессированных родителей» и циркуляр НКВД

СССР № 106 «О порядке устройства детей репрессированных родителей в возрасте свыше 15 лет» были подписаны 20 мая 1938 года. От сотрудников детских домов требовалось «установить агентурное наблюдение за указанным контингентом детей репрессированных родителей, своевременно вскрывая и пресекая антисоветские, террористические настроения и действия». В случае проявления таких настроений и действий они предавались суду и по спецнарядам НКВД направлялись в исправительно-трудовые лагеря.

Закон допускал передачу детей под опеку нерепрессированных родственников. Согласно циркуляру НКВД СССР № 4 от 7 января 1938 года «О порядке выдачи на опеку родственникам детей, родители которых были репрессированы» будущие опекуны проверялись крайевыми и областными управлениями НКВД на наличие «компрометирующих данных». Но даже удостоверившись в благонадежности, сотрудники УНКВД устанавливали наблюдение за настроениями детей, их поведением и знакомствами. Повезло детям, у которых родственники в первые дни ареста, пройдя бюрократические процедуры, оформляли опеку. Намного сложнее было найти детей, уже направленных в детские дома. Нередко их неправильно записывали или просто меняли фамилию.

М.И. Николаев, выросший в детском доме, вспоминал: «Практика была такая: чтобы исключить у ребенка любую возможность воспоминаний, ему давали другую фамилию. Имя, скорее всего, оставляли, ребенок, хотя и маленький, но к имени уже привык, а фамилию давали другую... Главная цель у власти, забиравшей детей арестованных, заключалась в том, чтобы они вообще ничего не знали о родителях и не думали о них. Чтобы, не дай бог, не выросли из них потенциальные противники власти, мстители за смерть родителей».

По закону осужденная мать ребенка в возрасте до 1,5 лет могла оставить малыша у родственников или забрать с собой в тюрьму и лагерь. Если не было близких родственников, готовых заботиться о малыше, женщины нередко брали ребенка с собой. Во многих исправительно-трудовых лагерях открывались дома ребенка для детей, рожденных в лагере или приехавших вместе с осужденной мамой. Выживание таких детей зависело от множества факторов, как объективных (географическое положение лагеря, его отдаленность от места жительства и, следовательно, длительности этапа, климат), так и субъективных (отношение к детям сотрудников лагеря, воспитателей и медсестер домов ребенка). Последний фактор зачастую играл главную роль в жизни ребенка. Плохой уход за детьми со стороны perso-

нала дома ребенка приводил к частым вспышкам эпидемий и высокой смертности, которая в разные годы варьировала от 10 до 50 %. Бывшая заключенная Хава Волович вспоминала: «На группу из семнадцати детей полагалась одна няня. Ей нужно было убирать палату, одевать и мыть детей, кормить их, топить печи, ходить на всякие субботники в зоне и, главное, содержать палату в чистоте. Стараясь облегчить свой труд и выкроить себе немного свободного времени, такая няня изобретала всякие штуки... Например, кормление... Из кухни няня принесла пылающую жаром кашу. Разложив ее по мисочкам, она выхватила из кровати первого попавшегося ребенка, загнула ему руки назад, привязала их полотенцем к туловищу и стала, как индюка, напихивать горячей кашей, ложку за ложкой, не оставляя ему времени глотать».

«Когда ребенку, уцелевшему в лагере, исполнилось 4 года, его отдавали родственникам или отправляли в детский дом, где ему приходилось вести борьбу за право жить» (*Полянская Т.* Социально опасные дети: террор против семей изменников Родины // Живая история. 2017. № 2).

Впрочем, не следует думать, что так было со всеми женами и детьми. Ведь то, что было сказано выше, касалось только осужденных врагов. А многие и многие миллионы их просто выслались во внесудебном порядке в восточные и северные районы, имея же им — легион: «бывшие», «кулаки» и «подкулачники», корейцы Дальнего Востока, «харбинцы», т. е. русские, жившие в зоне КВЖД до ее передачи Китаю и имевшие глупость вернуться на Родину, немцы Поволжья, Крыма и Причерноморья, болгары, греки, турки-месхетинцы, хамшалы, калмыки, чеченцы, карачаевцы, балкарцы, финны, ингерманландцы, эстонцы, литовцы, латыши, поляки, западные украинцы и белорусы — всю многонациональную семью братских народов СССР и не перечислить. В этом случае высылке подлежали семьи целиком: со стариками и грудными младенцами. Раскулаченных ссылали в отдаленные места Севера, Урала, Сибири и Северного Казахстана, т. е. не очень пригодные для нормального житья, целыми семьями, в том числе и с малолетними детьми. Ссылали людей в том, в чем они были. А продовольствием их обеспечивали в самых незначительных объемах или совсем не обеспечивали. Естественно, что смертность, прежде всего среди детей, а особенно малолетних, была чудовищной. Согласно письму народного комиссара внутренних дел РСФСР В. Толмачева от апреля 1930 года, «По гор. Архангельск (за март — 10 дней апреля): из 8000 детей заболело 6007 человек... умерло детей — 587. По Северо-Двинскому округу

(на 12 апреля): всего умерло — 784, из них детей — 634. По Вологодскому округу (с 29 марта по 15 апреля): болело детей 4950, из них умерло 677, в т. ч. только за 12, 13 апреля умерло 162 человека. Процент заболеваемости среди детей — 85. Смертность среди детей к общему числу детей — 7,8%. Смертность детей к числу заболевших детей — от 24% (Архангельский округ) до 45,5% (по городу). Причем болеют и мрут младшие возраста».

Впрочем, ради справедливости следует сказать, что в 1940 году была разрешена выдача паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных, начиная с 16 лет, и даже им был разрешен выезд на учебу, если, конечно, их куда-либо примут учиться. Родителям паспорта не выдавали, а детям — да.

Ну, и не следует забывать, что по Уголовному кодексу 1926 года уголовная ответственность наступала с 12 лет, а по указу 1935 года о борьбе с хищениями государственной и колхозной собственности — вплоть до расстрела; только традиционные мальчишеские «набеги» на сады рассматривались снисходительнее. Впрочем, и на работу, как и до революции, тоже брали с 12 лет: до 50-х годов двенадцатилетний подросток считался уже взрослым.

В конце Великой Отечественной войны правительство взялось за наведение порядка в сфере морали: военное лихолетье разрушило немногие сохранявшиеся моральные препоны по принципу «война все спишет». В 1944 году «свободный брак» был упразднен, а разводы существенно затруднены: требовалось согласие на развод обеих сторон, объяснение его причин, устанавливался контрольный срок. Множество уже немолодых людей, имевших взрослых детей, спешно стали регистрировать фактические браки, обзаводясь бумажками. И опять-таки существовал некий испытательный срок после подачи заявления (разумеется, при известной настойчивости это препятствие можно было обойти), требовалось два свидетеля брачующихся. А 18 марта 1945 года были запрещены браки советских женщин с иностранцами. Во время войны союзники СССР по антигитлеровскому блоку имели многочисленные, преимущественно военные представительства в СССР. Даже заключенные ранее браки с иностранцами встретили затруднения: женам не разрешался выезд за границу к мужьям.

До революции женщина в России была юридически недееспособна; имела место только ее имущественная независимость. Жена принимала социальный статус мужа, вписывалась в его паспорт, а ей паспорт для отъезда с места жительства выдавался только с согласия мужа. При этом муж имел право вернуть жену с помощью полиции, даже

если ей был выдан паспорт и срок его действия еще не закончился. Традиция, причем во всех сословиях, позволяла избивание жены, а крестьянский сход даже мог порекомендовать мужику «поучить» сварливую, склочную, драчливую, вороватую или пьющую бабу; не допускалось только членовредительство. При разводе дети безусловно оставались с отцом.

После революции жена в случае постоянного пьянства мужа, а тем более избиваний могла обратиться в общественные организации или в суд и «посадить» мужа. Противные случаи, когда жена била мужа (а женщины осмелели) даже не рассматривались ни общественными организациями, ни судами. Да и какой мужчина пожаловался бы, что его бьет жена? Более того, даже неверность мужа или небрежное исполнение им супружеских обязанностей могли оказаться предметом рассмотрения общественных организаций, например, парткомов. Для защиты интересов женщины на предприятиях и в учреждениях создавались женсоветы, обладавшие довольно широкими полномочиями.

Теперь при разводе, независимо от поведения и репутации жены, дети безусловно оставались с нею, причем муж был обязан выплачивать на их содержание алименты; с 1925 года алименты по суду отец ребенка должен был платить забеременевшей от него женщине, если даже они не состояли в зарегистрированном браке, но после войны мать-одиночка лишилась прав на алименты. В СССР алименты были введены в 1918 году, причем их получение сначала распространялось только на неимущих и нетрудоспособных. Размер алиментов устанавливался судом в зависимости от доходов лица, выплачивающего их; в 1936 году алименты за одного ребенка были повышены до четверти заработка отсутствующего родителя, на двоих — до одной трети, и на троих и более детей — до 50 %. Увеличена была и судебная санкция за неуплату алиментов: до двух лет лишения свободы. В основном эти положения сохранялись и в последующие десятилетия. В быту довольно характерным явлением было уклонение мужчин, в т. ч. и официальных отцов, от уплаты алиментов: люди уезжали куда-либо, скрывались, а милиция, хотя и должна была их отыскивать, делала это, мягко говоря, с прохладцей.

До революции женщин практически не брали на государственную службу, и только с конца XIX века их принимали в школьные и воспитательные учреждения, в тюремное ведомство смотрительницами тюрем, а также телеграфистками и телефонистками. Но чинов при этом они не получали, а служили по вольному найму. На частной или общественной службе, на предприятиях заработная плата женщин была

значительно ниже, чем у мужчин. Завоеванием Великого Октября стало уравнивание женщины в правах с мужчиной. А поскольку важнейшим правом стало право на труд, то, естественно, женщина и получила это право наравне с мужчиной. Теперь женщина могла служить или работать где угодно и на любых должностях и получала такую же заработную плату, как мужчина, в соответствии со штатным расписанием. Правда, на практике это было не совсем так: старые традиции оказались довольно устойчивы. На производстве обычно уровень образования и квалификации женщин был ниже, чем у мужчин, и они занимали более низкие должности: бригадир — мужчина, а рабочие, чаще чернорабочие — женщины.

Мало того, что женщина получила право на труд наравне с мужчиной. В июне 1931 года Моссовет для полного удовлетворения московской промышленности рабочими кадрами решил повысить удельный вес женского труда. К 1 января 1932 года должно быть в промышленности 126 675 женщин против 99 934 в январе 1931 года, т. е. увеличение должно было произойти на 26,8 %. И эта тенденция к росту трудовой занятости женщин сохранялась в последующие годы. Процент женщин в общей численности рабочих и служащих в 1986 году достиг 50,9 %, а ведь даже в послевоенном 1950-м он составлял 47,5 %. Число домашних хозяек и других трудоспособных иждивенцев сократилось с 1960 по 1979 год с 37,5 до 4,4 миллиона человек. Среди неквалифицированных рабочих женщин было больше (в старшей возрастной группе — вдвое), чем мужчин, 3,8 миллиона женщин (опять же больше, чем мужчин) работали в ночную смену. Женщины шли туда, куда не шли мужчины, и заменяли их там, откуда они уходили. Степень феминизации была наивысшей в группе, социологами именуемой «служащие-неспециалисты»: работники преимущественно неквалифицированного умственного труда, исполнение которого не требует ни высшего, ни среднего специального образования. 81,2 % служащих-неспециалистов составляли женщины: счетоводы, учетчики, экспедиторы, стенографистки, технические секретари, кассиры, машинистки, делопроизводители и т. д. Фактически они были заняты подсобной работой, хотя обычно их относили к интеллигенции. Среди городского населения служащие-неспециалисты составляли 8,6 %. Труд их в основном оплачивался по должностной ставке, средняя заработная плата составляла 145 рублей.

Еще в школе все мы должны были читать поэму Н. Некрасова «Мороз, Красный нос». О том, как у крестьянки Дарьи умер муж. И после похорон долго болевшего мужика в избе не оказалось ни полена дров.

Взяла бедная Дарья топор и пошла в лес, рубить сосну на дрова. Рубила-то она, рубила... И косыньки у нее выбились из-под платка, разместились. И ноженьку-то она порубила. А сосну повалить не смогла. Села под нее отдохнуть и замерзла. Почему? Да потому, что это было не бабье дело — лес рубить. Работы в ту пору делились на бабьи и мужские. Топор — инструмент мужика. А баба в лес ходу не знала. Ей и своей, бабьей работы хватало.

А после Великого Октября русская женщина получила право заниматься любой работой. Например, на лесоповале. Правда, валить лес теперь стали не топором, а пилой — лучковой, в одиночку, или двуручной. Но без топора советскую женщину не оставили. Сучья-то рубить нужно с лесин. А это работа легкая, как раз женщине по плечу. Ну и, конечно, на откатке леса на лесных биржах ей место нашлось. Как-то, году в 1953 или 1954-м зашла к нам недалняя соседка. С перевязанной головой. Пришла с отцом посоветоваться: все-таки начальник, грамотный. На станции железной дороги, по которой шел лес, работала она на погрузке леса в вагоны. Накатывать бревна нужно было вверх, по слегам, подпирая их дырнами. И сорвалось какое-то бревно, зацепило ее так, что голову она разбила. А мастер заявил, что сама виновата, не соблюдала правил техники безопасности. И, значит, бюлетень ей не светит. Отец с ней долго беседовал, что уж там насоветовал, не знаю. Не в том дело. А в том, что женщина занималась ручной погрузкой леса. На то ей и права дадены.

Потому и сложилась горькая женская припевка: «Я и баба, и мужик, я и лошадь, я и бык!»

Конечно, передовая советская женщина работала не только на лесоповале, лесосплаве или лесопогрузке. Она и передовой техникой овладевала. Например, трактором. Молодые уже не помнят, что была такая Паша Ангелина, бросившая клич: «Подруги, на трактор!» Дескать, мужики-трактористы, когда Родина позовет, переседают на танки, а мы их заменим на тракторах. На тех, старых, колесных СХТЗ-НАТИ, с огромными, неподрессоренными железными колесами с наваренными на них шипами. Трясло на них невероятно: я еще видел в нашей МТС такой трактор. А заводились они коленчатой рукояткой, которую, при хорошей компрессии в цилиндрах, не всякий мужик мог провернуть. Как та сильная многочасовая (рабочий день!) вибрация сказывалась на женских органах, например, на матке, и каково было для внутренних органов (женских, конечно, а не карательных) с силой, резко, крутить заводную рукоятку, объяснять не буду.

Разумеется, и до революции женщины работали на предприятиях. Например, ткачихи. Но вот рабочее законодательство, созданное в России в 80–90-х годах XIX века, прямо запрещало ночные и подземные работы женщин. А передовых советских женщин-шахтеров нам не раз показывали в советской кинохронике: чумазых, в грубых робах, но веселых и жизнерадостных. О ночных женских работах я и не помню.

Конечно, то были 30-е да 40-е годы, трудное предвоенное и военное время. Но то, что сам я не раз в начале 60-х годов наблюдал за преимущественно женскими работами (канавщицы в мартеновском цехе, формовщицы и обрубщицы на «мелком» литье у нас в литейном) на Челябинском трубопрокатном заводе, рассказывать не буду: все равно не поверите.

Нет, есть в мартене или в литейном цехе и квалифицированная женская работа. Например, крановщицы на мостовом кране. Сиди себе в кабине да рычаги передвигай. В жаркие летние дни кровля, крытая черным рубероидом, залитым гудроном (а еще хуже — крытая железным листом) хорошо разогревается. Особенно когда снизу пышут жаром плавильные печи и тонны разлитой, еще слегка кипящей стали. Отец как-то полез на фермы, да забыл взять брезентовые рукавицы, так сильно ладонь испек, схватившись за конструкцию. А еще снизу поднимаются тучи пыли и газов от печей и все того же расплавленного металла. Зато работа квалифицированная. С техникой.

А нам-то все в кинохронике показывали веселых крановщиц в кабинах строительных башенных кранов: на высоте птичьего полета, на свежем воздухе. Красота. Или сборщиц часов: в белых халатиках, в кокетливых белых шапочках. Канавщиц, небось, не показывали.

Женщина — формовщица в литейке, женщина — обрубщица литья там же, женщина — сварщица (тоже железо поворачай), женщина — бетонщица на стройке. А то бригада ремонтниц («монтеров путей» — так это для приличия называлось) на железной дороге: шпалы ворочать, рельсы менять, костыли молотом загонять в шпалы, балласт под шпалы подбивать. Одним словом, рабочий класс.

Но все же сложился ряд традиционно женских видов деятельности: воспитательница в детском учреждении, учительница, врач, особенно детский. В то же время в науке, на преподавательской работе в вузах, на партийной и советской работе, особенно в высших эшелонах, женщины были в меньшинстве. Это и понятно: традиционно женщина считалась хранительницей домашнего очага. Противоположные случаи рассматривались как нонсенс.

Семья — это дети. А при той легковесности браков, которая существовала до 40-х годов, и при тех материальных лишениях дети иногда превращались в обузу. На этот случай и существовал аборт — искусственное прерывание беременности. В СССР он был разрешен в ноябре 1920 года и делался бесплатно по справке из райздравотдела, хотя и был признан «социальным злом». С 1930 года операция стала платной и стоимость постоянно повышалась, составляя от 25 до 350 рублей. Делались аборт как бабками-повитухами, так и врачами, как на дому, так и в больницах. В 1936 году аборт были запрещены законом и разрешались только женщинам с наследственным заболеванием и в случае, если беременность угрожала жизни и здоровью женщины. В результате показатель рождаемости в городах повысился с 25 младенцев на 1000 человек в 1935 году до 31 в 1940 году. Однако множество женщин прибегало к подпольным абортам, совершавшимся не столько врачами, боявшимися судебного преследования, сколько разного рода знахарками. Понятно, что результаты такой «операции» часто были печальны: дело заканчивалось или увечьем женщины, или даже смертью от сепсиса или кровотечений. Газеты регулярно печатали заметки о судах над врачами и знахарками, производившими аборт, а также над теми, кто принуждал женщин к аборту (преимущественно это были мужья). Сами женщины по тому же закону должны были подвергаться лишь общественному порицанию, но на местах в некоторых случаях они также преследовались по суду. В 1944 году в связи с огромными потерями населения в войну и необходимостью их компенсации, преследования за аборт ужесточились и женщин, сделавших аборт, стали сажать в тюрьму. Правда, это не останавливало тех, кто не желал детей, и подпольные аборт были нередким явлением, хотя и делались в страшной тайне. Зато многочисленными стали дети-подкидыши, и даже в крохотных городках появились «дома малютки» — приюты для брошенных младенцев. Особенно много маленьких детей бросали на вокзалах: очень удобно — попросила соседку присмотреть за вещами (какие уж там вещи!) и ребенком, отлучилась «на минутку» по нужде, и прости-пожай... Самые совестливые оставляли младенцев на крылечке отделения милиции или больницы — все же есть гарантия, что не пропадет. Во время войны и после нее ходили мрачные слухи о пирожках с человечинной, а что лучше подойдет для начинки, как не брошенный маленький ребенок? В 1955 году производство абортов стало свободным, и они превратились в обычную мелкую гинекологическую операцию, для которой женщину держали в больнице одни сутки.

В целях повышения рождаемости в потерявшей во время войны огромное количество населения стране было введено средство ее стимуляции: «бездетность», особой вид налога.

Дети вообще постоянно были в сфере внимания партии и правительства: ведь это было будущее страны. Из ребенка следовало воспитать патриота страны Советов, чтобы можно было в дальнейшем посылать его, куда потребуется: в тундру, тайгу или пустыню, на «стройки века» или на фронт. А если воспитывать его надлежащим образом, то по призыву Родины и велению сердца и сам поедет: и хлопот меньше, и тратиться не надо. К тому же правильно воспитанный молодой человек действует без рассуждений, автоматически, он не подвластен чувству жалости, которая, как затверживалось с младых ногтей, «унижает человека». Ставка на молодежь, хорошо поддающуюся воспитанию (дрессировщики знают это лучше всех) делалась с первых дней советской власти.

Широко известно, какой размах приняло во время Гражданской войны и после нее беспризорничество, и какую роль в борьбе с нею сыграла советская власть, чекисты и лично «железный рыцарь» революции Ф. Дзержинский. Это действительно было так. Война, беженство, голод, тиф, бандитизм, аресты, расстрелы по суду и без суда — все это привело к тому, что огромные массы детей оказались на улице. По официальной статистике к концу 1922 года в стране было более 7 миллионов беспризорников.

Карательные органы, действительно, сыграли большую роль в борьбе с беспризорничеством. Советский педагог С. Макаренко в своей второй книге об организации дома для беспризорников, «Флаги на башнях», прямо пишет об участии чекистов в создании колонии. И знаменитая колония для беспризорников в Болшево также была создана чекистами. Карательные органы — не приют для сентиментальных старых дев. Просто неисчислимая армия беспризорников была питательной средой для, как сейчас выражаются, криминалитета. Профессиональным ворам ничего не стоило приютить одного-двух бездомных пацанов и обучить их своему ремеслу; а уж для форточников-то шустрый паренек — просто находка. Ну и, само собой, малолетние проститутки — хороший источник доходов. А известно, что предотвратить преступление проще, чем раскрыть его. Проще было изъять беспризорников из околотоворовского мира и воспитать в духе непримиримости и прочих полезных для власти качеств. И слава богу, что изымали: кто за это бросит в них камень?

Но не о чекистах, а об оказавшихся в тяжелейших условиях детях советской страны идет речь. Как они жили в этих колониях и приютах,

то бишь детских домах? А по-всякому. Но в основном плохо, тяжело. Да ведь тогда почти вся страна жила тяжело. Голодно. Холодно. Босо. Раздето. Макаренко описывает, как пришлось «коммунарам» участвовать в первомайской демонстрации в виде спортсменов: за отсутствием приличной обуви и целых штанов прошли они колонной босыми и с закатанными до колен штанами: вроде, так и задумано. Писатель Вадим Шефнер в автобиографической повести «Имя для птицы» и нескольких рассказах описывает «приютскую» жизнь в те же 20-е годы. И стрижку «под ноль» из-за поголовной вшивости. И холод в помещениях. И большую нехватку «шамовки». И мечты о том, как бы «пошамать от пуза». И походы за «чинариками» (они же «бычки»), т. е. за окурками: детишки эти много чего успели повидать, так что курение для них было тем же, что и «шамовка» — жизненной необходимостью. Как и «марафет», т. е. кокаин. У завязых кокаинистов даже тонкая хрящевая перегородка в носу разъедалась этим невинным белым порошком. Нынешние беспризорники много чего лишены. Например, ночевки в асфальтовых котлах: толсто облитые асфальтом, эти железные ящики после окончания работ долго хранили тепло и холодными ночами давали приют бездомной пацанве. Ведь нынешних канализационных колодцев и подземных переходов тогда еще не было. Имелось и особое транспортное средство для беспризорников: угольные ящики под вагонами. В кинофильме «Джентльмены удачи» герои фильма мчатся в таком ящике под вагоном скорого поезда в Москву. Но это то, что называется анахронизмом: нарушение хронологии. Давно уже пассажирские вагоны не обогреваются печками-буржуйками и не имеют под полом объемистых угольных ящиков, в которых без особого комфорта, но зато бесплатно пробирались беспризорники в хлебные края на теплый юг.

Жизнь в детских домах не особенно манила детей, привыкших к вольной жизни. Еще зимой туда-сюда, можно и пожить в приюте. А летом... Впрочем, и оставаться в таком детдоме, который был описан 13 октября 1935 года специальной комиссией по обследованию медико-санитарного состояния детских домов Москвы в записке, направленной в президиум ВЦИК, было не с руки: «Бригада с возмущением констатирует возмутительное состояние единственного лечебного детского дома — изолятора им. Дзержинского на 350 человек, принятого еще четыре месяца назад Мосгорздравотделом из системы ГорОНО... На день обследования в изоляторе имелось 446 человек, из них 377 больных (287 трахомой, 71 лишаем, 51 сифилисом), остальные дети вполне здоровые, в том числе 54 дошкольника, вынужденные общаться с больны-

ми, и 33 ребенка выздоровевших, но не выведенных из этого детдома. В результате имелось 29 случаев повторного заболевания из 33 детей уже выздоровевших. Среди нормальных детей имеются умственно отсталые и глухонемые. Кроме того, выздоровевшие трудновоспитуемые в комбинате живут до 3 лет и не выведены в соответствующие учреждения. Помещение комбината находится в исключительно запущенном состоянии: грязь и антисанитария. Во многих окнах нет стекол, бачков для питьевой воды нет. Баня находится в подвальном грязном помещении, где имеется всего лишь 30 шаек... В комбинате на внутренней лестнице отсутствуют перила. 29 сентября этого года с третьего этажа вниз пошел семилетний мальчик Витя Киселев, который упал с лестницы и разбился насмерть. Между тем даже 13 октября, когда изолятор посетила наша бригада, перила к лестнице еще не были сделаны. В изоляторе также не хватает для детей одежды, обуви. Нет посуды, и дети пьют чай из глубоких тарелок столовыми ложками. Никакой воспитательной работы не ведется. За непослушание детей раздевают и сажают голыми в отдельную комнату. Такой порядок приводит к тому, что даже больные дети вынуждены убегать из этого изолятора. Так, например, с 1 января по 30 сентября текущего года убежало 105 человек. Из этого числа побегов наибольшее количество — 58 (с июля месяца) попадает на момент, когда это учреждение переведено в ведение Горздравотдела».

Все это в несколько измененном виде повторилось во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Ну, может, «романтики» было поменьше. И по-прежнему детдомовцы жили небогато. Тут уж я могу выступать, как очевидец: в нашем селе, где я учился в 6-м и 7-м классах, был большой детский дом, бывший «спецдетдом», переведенный из города, и со мной училось много мальчишек и девчонок из него. Сказать, чтобы они были очень сытые — нельзя. Но в ту пору многие мои одноклассники, жившие в семьях, даже «полных» (т. е. с отцом и матерью), круглыми розовыми щеками не блистали. Одежка на этих детдомовцах тоже была не слишком добротной, да ведь и все мы одевались не особенно щеголевато, так что бумазейные пальтишки мышиного цвета были почти стандартной униформой. И грубые рабочие ботинки-«гады» из толстой кожи на заклепках тоже были почти стандартной обувью. Ребята из дальних деревень, жившие в селе в интернате, бегали домой даже в лаптях, чтобы не трепать покупную обувь. А что касается покурить, а старшим детдомовцам иногда и выпить, так у нас в селе был большой пруд, и летом они пропадали на нем с удочками, чтобы потом продать немного рыбы на пачку «Севера».

Ну, конечно, кто мог, немного поворовывал или отнимал что-то у младших, но в селе много не наворуешь. Нравы в детдоме были суровые, напоминающие армейскую дедовщину, но против чужих все держались сообща, так что старшие, не считаясь с гнилой справедливостью, могли за своего младшего товарища обидчику накостылять.

Да, по мере возможности государство старалось и обустроить их быт, и дать хотя бы немного радости. Но и возможности были ограничены, и желания не всегда хватало, так что радость доставалась далеко не всем. *«Прежде, до войны, много веселья было от елок. Елки были в школе, были в других местах, куда нас водили на детские утренники и где давали кулечки с подарками... Теперь мечтать не приходилось об утренниках с подарками...»*

Но была одна на всю Москву показная военная елка в Колонном зале Дома союзов... Попасть на эту елку было невозможно, хотя крутилась она целый месяц. Еще бы — там выдавались подарки, при том без карточек (детям тех, кто не голодал)... Ах, как хотелось хоть недолго, хоть немного быть счастливым! Если войти нельзя, хоть близко подойти. Однажды мы с братом решили войти в вестибюль Колонного зала, в преддверие страны чудес.

Да, была, оказывается, такая страна: сверкали огни, играла веселая музыка, а на широкой лестнице приглашенных встречали актеры, одетые зайчиками и шутами с бубенцами... Они всем улыбались и звенели бубенчиками. А я думал почему-то: «А им, этим зайчикам, тоже хочется есть, как мне, или нет, раз они так веселятся?» И как хотелось мне — до сердечного трепета — чтобы случилось чудо, и кто-нибудь из этих веселых зверушек все понял, бросился к нам, схватил нас за руки и потащил вверх по лестнице. Но не было у нас счастливого билета и стояли мы двумя жалкими фигурками, глядя на недоступное нам чужое веселье. Зачем выдумывать святочные рассказы про бедных детей — мы ими были!

В школе нам за десять каникулярных дней дали, помимо хлебных талонов, еще и талон на получение орехов взамен дополнительной порции сахара. Причем не просто орехов, а ядрышек орехов — своего рода новогодний подарок... Целлофановые мешочки с орехами выдавали в магазине «Консервы» у Никитских ворот (конечно, никаких консервов там не было, был обыкновенный пайковый магазин). Очереди не было — отдал талон, заплатил совсем немного и получил. Взял я два мешочка за себя и за брата и аккуратно засунул в карманы. Следом за мной взяла орехи какая-то девочка. К ней подошел бедно оде-

тый человек и попросил дать попробовать орешков. Девочка щедро отсыпала ему целую горсть. “Зачем ты даешь так много?” — не выдержал я. “Пионер должен помогать другим”, — гордо заявила она. Я оторопел от изумления: настолько дико, невероятно по тому времени прозвучали ее слова.

Ехал я обратно в трамвае... и все размышлял о милостивом уникаме с косичками и бантиками. Если бы она просто сказала “не твое дело” или “я не голодная”, все было бы ясно, но ссылаться в своей благодетельности на пионерское звание — такой святой наивности дотоле мне не встречалось. Нет, видно никогда не голодала эта девочка и не знала, что голодный человек, будь он трижды пионер, не дает подаяний. Возле булочных всегда толнятся нищие, выпрашивают кусочки, но очень редко им подают — кто оторвет даже малый кусочек от своей голодной семьи? Вот и эти орешки, которые я везу домой, я не имею права даже попробовать и никто из нас их есть не будет. Их надо будет продать на рынке, чтобы купить картошки. Так будет сытнее, а значит правильнее. И уж вовсе несусветной чушью прозвучали слова о пионерском долге... Какие пионеры могли быть в саратовской школе, где мы занимались в три смены? В хорошей, особенной школе видно училась милостивая девочка. Нас и в московской школе пионерскими делами не мучили. Пионеры и прочая мура — все это осталось в мирном времени» (Русский Г. Ребенок в войне).

Разумеется, в разговоре о заботах государство о детях в первую очередь речь должна зайти о детских учреждениях — садах и яслях. Нужно сказать, что появились эти Kindergarten-ы до революции. Женщин, которые работали там воспитателями, звали фребеличками — по имени швейцарца Фребеля, придумавшего эти заведения. Эти детские ясли и сады были невелики, разного качества и разной ведомственной принадлежности. Например, иногда их при фабриках устраивали для своих работниц владельцы или администрация предприятий: это было выгодно, так как работницы могли спокойно работать на этих хозяев. Устраивались и детские площадки — небольшие скверы с кое-какими развлечениями для детей и скамеечками для нянек, бонн, гувернанток и тех же матерей. Но, разумеется, это были все же исключительные случаи, а не правило.

В советское время детские воспитательные учреждения, напротив, стали правилом. Ведь советская женщина, завоевав равноправие, должна была стать полноценной работницей. Желательно, чтобы она была еще и активисткой — ходила на собрания и митинги, занималась

общественной работой, училась и прочее. Значит, ее нужно было освободить от ребенка. И ребенок должен был находиться не при несознательной и малограмотной, а политически вообще безграмотной матери, а под надзором общества. В.И. Ленин, вслед за К. Марксом, еще до революции говорил о необходимости общественного воспитания детей. Но, не зависимо от целей, все же небывалое развитие детских воспитательных учреждений — заслуга режима.

Какие они были, эти учреждения? Разные, конечно. Победнее и побогаче. Меня в 1947 году отдали в детский сад. Отдали, потому что в детском саду нам ежедневно давали 20 граммов сливочного масла, которого в магазинах никто не видывал, белый хлеб и прочие диковинки: не у всех матери могли заниматься домашним хозяйством, так что и молоко не все дети дома могли попробовать. Ах, это масло!.. Кажется, вкуснее ничего не было. Хочешь — намажь на белый хлеб (а если еще и горбушка попадет!), хочешь — положи в блюдо с кашей. Нынешние дети и не представляют, что это такое: на горячую сладкую манную кашу, сваренную на молоке, положить в ямку этот кусочек масла, а когда оно растает, ложкой провести к краям блюда канавки, чтобы оно растекалось, и потом ложкой аккуратно собирать эту прелесть!.. А молочный сладкий рисовый суп, вернее, жидкая каша! Сначала все выхлебывали юшку, а потом с наслаждением поедали сладкий рис. А сладкий компот из сухофруктов! Да если еще в стакане окажется абрикос! Косточки его были валютой, за них можно было выменять что-нибудь или приобрести покровительство старших. А круглое печенье с маленькими дырочками. Положить его в чай, наблюдая, как на дырочках появляются крохотные пузырьки воздуха, как набухает печенье, а потом чайной ложечкой вылавливать это сладкие тесто!..

Правда, мой детский сад был заводской, снабжался из ОРСа, а в городском детсаду, говорили, все было не совсем так.

Кто-нибудь спросит: а фрукты, а запах мандаринов, неотделимый от новогодней елки? Ну, это вы уж слишком многого захотели: у нас на севере самыми сладкими фруктами были репа и брюква. Мандарины я в первый раз попробовал в седьмом классе: отец с курорта посылку прислал.

Каким был этот садик? А под стать и времени, и городку: большой рубленый дом (две большие комнаты для средней и старшей групп, зал, кабинетик директрисы, кухня), у заднего, выходящего во двор крыльца — выгребная уборная в сених, в ней печь-голландка, которая, кажется, и не топилась, зато густо была покрыта такими коричневатыми полосками: бумаги (не туалетной, никто об этой буржуазной вы-

думке и не слыхивал, а газетной) почему-то никогда не было и все подтирались пальцем, затем обтирая его о печь. Просторный двор, весь заросший травой, на нем ветхая веранда, на которую нам запрещалось заходить, и которую вскоре снесли, бревно-бум для занятий спортом, и... все. Так на траве лежать еще и лучше было. К двору примыкал чей-то засаженный картофелем огород (кого-то из воспитателей?), по краям заполоненный бурьяном, в котором водились чудесные, отливающие то зеленым, то синим цветом жучки; в крапиве мы без усталости разыскивали «огурцы» — какие-то странные желтовато-бурые наросты на стеблях и листьях, на вкус — подлиннее молодые огурчики (огурцы в наших краях плохо росли, только на навозных грядках, и то их прикрывали на ночь стеклянными банками). А за огородом — конюшня леспромхозовской конторы и в ней — Снежок, лучшая в городе лошадь директора леспромхоза. Вот сколько прелестей было в этом детском саду! Игрушки? Вот что-то плохо помню. Как-то привезли с завода огромный фанерный ящик деревянных брусочков разной формы, окрашенных анилином в разные цвета — это было. В зале старшим разрешалось устраивать из стульев то корабль, накрывая его огромным пыльным ковром, то автомобиль — это тоже были игрушки. Да и зачем нам нужны были игрушки, если мы почти все свободное время, летом и зимой, проводили на дворе или ходили на другой конец города купаться в чистейшем пруду, или в лес...

Детские ясли и сады, а также детские дома недаром называются воспитательными учреждениями. Помимо того, что там содержали детей (за небольшую плату) и кормили их, детей также воспитывали — в меру квалификации самих воспитательниц. В моем детском саду воспитание ограничивалось громкой читкой детских книжек, а также весьма условным надзором за детьми во время прогулок во дворе.

Пожалуй, совершенно новым явлением для России стали специальные детские библиотеки, кое-где, во всяком случае, в позднейшее время, даже с читальными залами. До революции на детей, точнее, учащихся, были рассчитаны только довольно убогие школьные библиотеки. В нашем городке в бревенчатом двухэтажном доме находились детская (на первом этаже), городская и районная (наверху) библиотеки, причем при последних был и небольшой читальный зал. Сказать, что был очень большой выбор, я не могу: весь фонд детской библиотеки размещался в трех фанерных шкафах. Но ведь это был рубеж 40–50-х годов, и за период советской власти книг, в том числе и детских, было издано не так уж много. Было ли со стороны библиотекарей руководство чтением? Во всяком случае, когда я, ученик 2-го класса, хотел взять «Два капитана»,

библиотекарь заявила, что я еще мал и ничего не пойму, но все же сжалась, выдала книгу, а потом, когда я ее возвращал, стала спрашивать, о чем она. Разумеется, большая часть детских книг была идеологически выдержана в духе преданности и пр., но уж такое было время. Но все же ведь и «Девочка из города» Л. Воронковой, «Васек Трубачев и его товарищи» Осеевой, и «Дорогие мои мальчишки» Л. Кассиля, книги В. Бианки и Б. Житкова «чувства добрые» тоже прививали. Но вот «сентиментальной буржуазной чепухи», как выразилась в свое время Н.К. Крупская, вроде «Маленького оборвыша» Гринвуда или «Маленького лорда Фаунтлероя» Ф. Бернетт не было, и я их прочел уже в очень зрелом возрасте, в начале перестройки. Да и «Серебряные коньки» М. Додж попались мне, когда я уже заканчивал школу. А ведь прекрасные это книги для детей, воспитывающие доброту и сострадание. Не потому ли наше нынешнее общество столь жестоко, что воспитывалось на разных «Павликах Морозовых», еще в школе затверживая лозунги «Кто не с нами, тот против нас» и «Если враг не сдается, его уничтожают»?

Разумеется, тот «золотой фонд», который с упоением вспоминают в мемуарах бывшие дореволюционные гимназисты — Жюль Верн, Майн Рид, Фенимор Купер, Дюма и пр., — был в основном недоступен, и их книги приходилось «доставать», а Мариэтт или Кервуд просто не переиздавались. Но не следует забывать все же, что моя детская библиотека находилась в тако-о-й глуши...

Не богат был выбор и в нашей школьной библиотеке в городе, а еще в двух школах, где мне довелось учиться в 3-м и 4-м классах, библиотек вообще не было. В сельской школе, где я учился в 6-м и 7-м классах, весь библиотечный фонд размещался в одном шкафу. Библиотекарь разрешала мне без околичностей просто рыться в нем, и я выудил оттуда большой том с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера, популярную книжку по минералогии, «Историю свечи» Хэфри Дэви, «Путешествие на “Кон-Тики”» Т. Хейердала, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова. Тоже не самые худшие книги.

Новым явлением был и Дом или Дворец пионеров: фактически — детский культурный центр с разнообразными кружками и спортивными секциями. Однако эти детские учреждения в основном имелись в больших областных городах. В городе моего детства, Омутнинске, в «Доме металлургов» была станция детского технического творчества с хорошими авиамоделльным и судомодельным кружками, куда я ходил; насчет спортивной секции ничего сказать не могу. В селе, разумеется, ничего такого не было. То же самое нужно сказать и о Детском парке — еще одном новшестве советской эпохи.

Необходимо сказать и о детском здравоохранении. В детстве, в 1953 году, мне пришлось полежать в детском корпусе районной больницы, и впечатления о ней я вынес самые неблагоприятные и по части кормежки (запомнилось ежедневное толокно, правда, с черничным киселем), и по части клопов: такого количества я больше нигде и никогда не видел. Не слишком заботливым, а, скорее, наоборот, был уход: я попал в палату с самой мелкой малышкой, так что непрерывный крик мокрых детишек (один, подкидыш, докричался до грыжи), не давал покоя, хотя нянька реагировала на него абсолютно хладнокровно. Однако следует подчеркнуть, что до революции никаких детских больниц не было вообще, и если дети оказывались в лечебном заведении, то вместе со взрослыми.

После больницы родители купили мне путевку в детский санаторий — значит, это не дорого стоило. Во всяком случае, из нашего городка со мной были дети из очень небогатых семейств. Санаторий находился в одном из когда-то богатых торгово-промышленных сел Кировской области, в двух конфискованных у местных богатеев кирпичных двухэтажных домах. Санаторным там, правда, было только питание (белый хлеб, масло и молоко) и взвешивание нас по приезду и перед отъездом.

Но здесь необходимо отметить одно, пожалуй, необычайное явление: детские лесные школы. Это были санаторного типа школы с постоянным проживанием детей с зачатками туберкулеза (в ту пору плохого питания и жилищной тесноты не самой ли распространенной болезнью?). Моя старшая сестра, у которой обнаружили затемнения в легких, в 1945 году училась в такой школе под г. Шадринском Курганской обл., в великолепном сосновом бору. Отметить и детские санатории, и такие лесные школы, как заслугу власти, необходимо.

А для тех детей, которые не нуждались в специальном лечебном отдыхе, существовали многочисленные пионерские лагеря, куда родители могли отдать ребенка на одну, две и даже три смены за очень небольшую плату. Речь идет не о всесоюзной детской здравнице, крымском «Артеке», куда попадали весьма избранные дети, и даже не об «Орленке» там же, в Крыму. Речь идет о вполне заурядных пионерлагерях вокруг областных и районных городов. Сам я в лагере ни разу не был (дома нужно было помогать по хозяйству, а в свободное время было чем развлечься), но плохих отзывов не слышал.

Экстремальные ситуации, такие как война с ее эвакуацией и беженством, голодухой, безотцовщиной, плохо влияют на психологию людей, ожесточая их, доводя эгоизм до предела. 29 января 1942 года

врач «скорой помощи» А. Дрейцер записывает в дневнике: «4 часа дня. Автомобилем сшиблена гражданка Н., 26 лет. Ушибы плеча, перелом бедра. Нашлись мерзавцы, которые сняли с нее галоши и украли сумку с деньгами и всеми продовольственными карточками на целый месяц. Она продала что-то на базаре, купила детям молоко, забежала в домком за карточками и спешила домой, где остались дети. Детей она заперла, так как дома никого не было. Муж на фронте. В больницу ехать отказалась — дети одни заперты. Везем ее домой. Дома трое ребят, старшему 4 года, а младший грудной». (Оставим в памяти Москву.)

И самым катастрофическим образом лишения в экстремальных ситуациях действовали на психологию детей, особенно восприимчивых к внешним факторам. *«Мы, дети военных лет, — вспоминает Геннадий Русский, — воспитывались под воздействием двух взаимоисключающих систем воспитания: уличного и официального. Уличное было повседневным, преобладающим. Мы получали его в общении со сверстниками, в очередях, на рынках. Здесь примером и образцом были ловкие, наглые шпанята. Ходить с независимым видом и никого не бояться (зато тебя боятся) — таков был идеал московских переулков-закоулков. Воровство, хулиганство здесь за грех не почиталось — за доблесть.*

Семейное воспитание у нас почти либо начисто отсутствовало. Отцы были на фронте, матери были задавлены нуждой. Одна у них была забота — суметь прокормить, одеть. Дети были предоставлены самим себе. Чему могли научить нас взрослые, если им приходилось самим ловчить и изворачиваться? Все прежние моральные нормы были сбиты. Если уж моя саратовская тетя, чистейший и честнейший человек, подтаскивала с хлебозавода куски, чтобы ее малые дети не зачахли, то что говорить о других? Да никем это за воровство и не почиталось. Если я видел, что где-то валяется доска или полено, я без зазрения совести волок домой, чтобы растопить печурку. Продать что-либо на рынке или перепродать было обычным делом, и взрослые и дети в этом одинаково участвовали. Чему же было учить нас в семье? Что воровать, спекулировать и прочее — нехорошо, когда кругом все так делали? А ведь были семьи, вроде Матюхиных, в которых матери сами поощряли воровство...

Война убивает не только добрых людей, но и добро в людях. Запретное зло становится разрешенным. Нельзя убивать людей, но на войне можно. Нельзя воровать, но можно унести кусочек для своих голодных детей. Все становится возможным... И особенный вред был нанесен войной детским душам.

Семейное воспитание отсутствовало, улично-рыночное было главным...».

Конечно, можно сказать, что приведенные размышления принадлежат человеку, под влиянием личных бедствий ожесточившегося на всю советскую власть. Он, так сказать, за отдельными деревьями не увидел леса. Однако вот официальная оценка этого «улично-рыночного воспитания». Московский прокурор группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР писал в справке от 2 марта 1946 года: «Проверка показала, что колоссальное количество детей (может быть, больше, чем задержано) продолжает быть “на улице”, и особенно резко бросается в глаза беспрепятственное занятие детей торговлей на рынке, у вокзалов, кинотеатров, в магазинах и проч. местах скопления публики. Центральные районы столицы — Свердловский, Коминтерновский — являются более пораженными детской безнадзорностью, нежели другие. В указанных районах, где имеется большое количество театров, магазинов и усиленное движение транспорта, стекаются дети из других городских районов и даже из пригорода. На центральном рынке (Коминтерновский район) ежедневно значительное количество детей 13–15 лет, преимущественно девочки, торгуют дрожжами, конфетами. Они выстраиваются открыто в ряд у входа на рынок, наперебой предлагают свой товар покупателям. На задаваемые мною вопросы некоторым из них, что их заставляет торговать, они или отделяются молчанием, или чаще всего отвечают грубо, что это не мое дело, что им лучше знать, чем заниматься. Сложилось впечатление, что эти подростки пришли на рынок не случайно, они постоянные его обитатели, умеют себя в этой обстановке держать. Словом, это “дело” им вошло в привычку. Одних и тех же девочек с продажей дрожжей я замечала здесь неоднократно. Встречались и такие факты: с дрожжами девочка, а за ней стоит женщина и только принимает деньги от покупателей. Назвать свою фамилию девочка и женщина отказались. На этом же рынке много ребят с продажей старых учебников, тетрадей, открыток и разных канцелярских принадлежностей. Здесь немало и детей-покупателей. Торговля среди детей идет полным ходом. Мелькают подростки-мальчики 15–16, а иной раз и 10–11 лет. У самого входа на рынок, на улице, они скупают пачками папиросы (для продажи поштучно). Тут же рядом ходят дети и предлагают по спекулятивным ценам билеты в цирк... Поражает своей массовостью торговля среди детей в крупных булочных города. В дверях любой булочной Свердловского р-на вас первым долгом встречают подростки с вопросом: “Нет ли продажных талонов?” Особенно много

детей торгуют хлебом, сухарями в булочной № 62, Рождественка. Открыто, беспрепятственно у этой булочной в центре города выстраиваются ряды торговцев хлебными изделиями, в том числе и дети лет 13–14. Тут же торговля папиросами. В хлебном магазине б. Филиппова (ул. Горького) занимаются скупкой талонов, торговлей хлебом девочки лет по 15, их 6–7 чел. Из беседы с работниками магазина удалось выяснить, что подростки здесь буквально живут, не дают прохода покупателям в поисках продажных талонов. Девочки испорченные, ведут себя отвратительно: курят, ругаются... Позорным пятном для столицы выглядит квартал центра города у кинотеатра “Метрополь”. Здесь в любое время дня и до позднего вечера подростки перепродают билеты. Купленные за 3 руб. билеты продаются по 15–20 руб. Все это делается очень ловко, но заметно. Взрослые, желающие пойти в кино, обращаются за билетами (в кассах почти всегда билетов нет) только к ребятам, которые снуют здесь многочисленно. Сделка купли и продажи совершается в соседнем магазине минеральных вод».

Вполне понятно, что такого рода занятия требовали от детей и дерзости, и грубости, и наглости: иначе было не продержаться на рынке, иначе можно было лишиться и товара, и денег. Слава богу, мне не довелось в послевоенные годы заниматься перепродажей, мал я был для этого (мать торговала леденцовыми петушками, а позже, лет 15–16, я и сам на барахолке продавал ненужные вещи). Да в маленьком провинциальном городке все было чуть спокойнее. Но все же ребят, вроде описанных Геннадием Русским и прокурором по делам несовершеннолетних, я знавал, и немало: более старшие ребята принимали меня в свою компанию, а среди них немало было барачной шпаны. Какие уж тут пионерские сборы, какое разучивание песен про Родину и Сталина.

Но все же, в общем и целом, несмотря на некоторые издержки (появление массы детей-сирот в результате репрессий и т. п.), детская политика должна быть признана одной из самых светлых сторон деятельности коммунистического режима. И сдвиги в лучшую сторону в сравнении с дореволюционным периодом здесь несомненны. Недавно вождь назвал детей самым привилегированным классом. Правда, был класс еще более привилегированный, но о нем в следующей главе.

Номенклатура

Выше уже было сказано, что вся власть в стране находилась не у «трудящихся», «рабочих и колхозников», а в руках сравнительно небольшой группы профессиональных партийных (отчасти — и советских, но непременно бывших членами партии и членами партийных бюро и комитетов всех уровней) работников, партийно-советской олигархии. Официально, но негласно, в строгом секрете от «трудящихся» эта группа называлась *номенклатурой*. Ввиду ее огромной роли в жизни страны, всего народа, о ней необходимо поговорить детально. Нужно отметить, что здесь широко используется интересная и основательная книга бывшего работника аппарата ЦК КПСС Михаила Восленского, так и называющаяся: «НОМЕНКЛАТУРА»

Номенклатура — это: 1) перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган; 2) перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения. Таково фактически словарное, но формально отсутствовавшее в словарях толкование этого слова. Рождение ее теряется в смутной мгле десятилетий.

Начало ей было положено будущим вождем мирового пролетариата В.И. Лениным в его первых трудах, и прежде всего в «Что делать?». Там он настойчиво говорил о необходимости создания слоя профессиональных революционеров, которые не просто числили бы себя в партии, но участвовали в работе ее органов. Даже сам раскол в российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков прошел, в первую очередь, по этому поводу. И если, по мысли Ленина, рабочий становился профессиональным революционером, т. е. фактически профессиональным партийным работником, он должен был уйти с предприятия и перейти на содержание партии.

Но это — слишком далекие времена. Разговор же идет о советской эпохе.

Во-первых: какова же была численность этих профессиональных коммунистов? События революции и Гражданской войны вызывали, конечно, определенные колебания в ней: все же тогдашние работники партии должны были оказаться в первых рядах борцов, да, можно полагать, не только были обязаны, но и стремились к этому. Немало их гибло при различных обстоятельствах, а на их место становились но-

вые бойцы. Так что стабильная численность профессиональных партийных работников, или стабильный рост этой численности, относится к мирному времени.

В августе 1922 года на 12-й партконференции было сообщено о количестве партработников в аппарате, фактически подчиненном Секретариату ЦК. В Москве 325 человек, в губерниях — 2000, в уездах — 6000, в волостях и на крупных предприятиях — 5000 освобожденных секретарей парткомов, а всего 13 325 человек. Но эта мизерная численность имела устойчивую тенденцию к росту. Уже в 1924 году числилось около 3500 должностей, замещавшихся только через ЦК, и около 1500, на которые назначали ведомства с уведомлением учраспреда ЦК. В 1925 году платный партийный аппарат составлял уже 25 000 человек — по одному на каждые 40 коммунистов. Только в аппарате ЦК было 767 человек.

По отношению к 100-миллионному населению — сущие пустяки. Но роль этих «пустяков» была отнюдь не пустячной.

Ведущую роль профессиональных коммунистов образно обрисовал И.В. Сталин: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3–4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал — генералитет нашей партии. Далее идут 30–40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Далее идут около 100–150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство». Все остальное — была рядовая масса, которой руководили этот партийный генералитет, офицерство и унтер-офицерство.

Этот «тончайший слой» «сознательных», т. е. профессиональных коммунистов, со временем рос, а его структура совершенствовалась. При этом понятие номенклатуры постепенно переставало быть секретным и разъяснялось — в соответствии с особенностями советско-партийного «новояза». Выглядело это так: номенклатура — «один из отрядов интеллигенции», «профессионально занимающийся управлением» и поставленный «в несколько особое положение по отношению к тем, кто занят исполнительским трудом» (это особенно примечательное место). Ей принадлежит «особое место в организации труда при социализме». Зачисляются в номенклатуру «лица, которые от имени общества... выполняют организаторские функции в производстве и во всех других сферах жизни общества». Но в первую очередь номенклатура осуществляла политическое руководство обществом. Ей принадлежало самое главное — власть. Абсолютная и непререкаемая. Недаром в партийных органах, в отличие от других руководящих

учреждений, не было юрисконсультов: партийная номенклатура стояла над законом. Она и была — закон. Все вопросы, вплоть до мельчайших, решали партийные бюро (в ЦК — Политбюро) и секретариаты партийных комитетов. На партийные пленумы всех уровней выносились лишь некоторые вопросы — в основном для проформы. Хотя руководящие партийные должности были выборные, с 1923 года руководящий орган «рекомендовал» нижестоящим органам лиц, подлежащих избранию. А работники партаппарата всегда соглашались с мнением вышестоящего органа: ведь партия строилась на основах «демократического централизма» и строгой партийной дисциплины. Так принадлежность к правящему слою, владение властью превратилось в профессию.

Официально утвержденный высшими партийными органами учебник «История КПСС» гласил: «В 1946 г. была разработана и утверждена номенклатура должностей ЦК ВКП(б)... *Расшифровалась* (курсив мой. — А. Б.) номенклатура должностей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов». После XIX съезда «была уточнена номенклатура должностей, утверждаемых ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, крайкомами, обкомами».

Апогея развитие партии достигло ко второй половине 80-х годов. Аналогично развивались и руководящие партийные структуры. В партии состоял каждый одиннадцатый совершеннолетний гражданин. В стране имелось около 400 000 первичных организаций, в которых состояло около 19 000 000 членов. Численность партаппарата в 1988 году была такова. Аппарат ЦК КПСС насчитывал 1940 ответственных и 1275 технических работников. Отделы ЦК КПСС насчитывали 100–150 человек. Аппарат городского райкома составляли 40 человек. В целом же численность высшего звена номенклатурщиков в СССР (партия, КГБ, дипведомство) достигала 100 тысяч человек. Низшее звено — около 150 000 человек. Свыше 30 000 человек — руководители предприятий промышленности, строительства, транспорта, связи, сельского хозяйства. Свыше 150 000 — руководители научных учреждений и учебных заведений. Итого — около 750 000. С семьями это составляло около 3 миллионов.

Я недаром указал вслед за Восленским численность номенклатуры «вместе с семьями»: членам семей не принадлежала власть, но принадлежало то, что связано с обладанием властью — жизненные блага.

По данным Госкомстата, в 80-х годах в СССР граница бедности была — 75–78 рублей в месяц. Ниже этой черты жили 15–20 % населения. Среднестатистический советский гражданин в 80-х годах получал

257 рублей в месяц, но это с учетом зарплат не слишком средних граждан. Обычный же гражданин получал не 250, а примерно 120–150 рублей. Откуда такой перепад? А вот откуда. Завсектором ЦК или секретарь обкома получал 700 рублей. Отпуск в ЦК был — 1 месяц плюс дни на проезд к месту отпуска. Уходя в отпуск, завсектором получал тринадцатую зарплату — 700 рублей «на лечение», хотя лечение ему полагалось бесплатное. Он получал также бесплатную месячную путевку в санаторий ЦК или Совмина. Путевка со скидкой полагалась его супруге, а детям — в лучший пионерский лагерь. Таким образом, это давало уже 827 рублей в месяц. Кроме того, нашим «боссам» полагалась «кремлевка» — талоны на якобы лечебное питание: на завтрак, обед и ужин. Как правило, ужин и завтрак получали сухим пайком — набором первоклассных продуктов. «Кормушки» в Москве были на улице Грановского, дом 2 (теперь — Романов переулок), а также в известном «Доме на набережной» — Доме правительства по улице Серафимовича. Будучи студентом, а затем аспирантом исторического факультета МГУ, располагавшегося в начале ул. Герцена (прежде и теперь — Никитской), я мог наблюдать на тогдашней улице Грановского вереницу черных «Волг», в багажники которых укладывались большие картонные коробки, выносившиеся из неприметной проходной напротив многоквартирного дома постройки 1890-х годов; его стены увешаны мраморными мемориальными досками с известными фамилиями «верных сынов партии».

Завсектором ЦК получал талонов всего лишь на 90 рублей. Но дело в том, что цены на продукты были исчислены по прейскуранту 1929 года, что по ценам 80-х годов составляло уже 300 рублей в месяц. Итого, фактически завсектором получал в месяц 1154 рублей — в 5 раз больше «простого» служащего или рабочего.

Все это распространялось на то, что мы называем «предметами домашнего обихода»: огромные квартиры обставлялись казенной мебелью с жестянками на них с инвентарными номерами, на стенах висели картины с такими же номерами, на кроватях лежали казенные подушки, одеяла и простыни и в буфетах стояли казенные фарфор и хрусталь. Разумеется, жены номенклатурщиков не сами стирали эти простыни, готовили обеды и мыли посуду: на это была оплачиваемая государством «обслуга» (ну не прислуга же!).

Интересные воспоминания оставила И. Андреева, невестка А.А. Андреева, видного партийного деятеля, за свою долгую карьеру побывавшего наркомом рабоче-крестьянской инспекции, наркомом земледелия и наркомом путей сообщений, председателем Комиссии партийного

контроля при ЦК и зам. председателя Совета министров СССР, членом Политбюро ЦК партии. «Лишь изредка, если обед или ужин хозяев заставал нас дома, мы приглашались в громадную, мрачно-торжественную столовую, где стоял невероятных размеров стол. Его мягко освещала роскошная трехэтажная люстра с абажуром; вдоль стола, как почетный караул, стояли черные стулья с высоченными прямыми резными спинками. Вся мебель из черного мореного дуба создавала какую-то натянутую, бесчувственную, чопорную атмосферу в этой большой и просторной комнате со светлым тончайшим текинским ковром на натертом темном дубовом паркете. И пахло здесь больше скипидаром от ваксы для этого паркета, чем какой-нибудь соблазнительной едой. Стол, однако, всегда красиво сервировался серебряными приборами и многочисленными вазами, хрустальными стаканами, фужерами и бокалами, тонким дорогим фарфором и хрустящими, накрахмаленными белоснежными салфетками. Бутылки с разнообразными белыми и красными винами заполняли сервировочный буфет наряду с неизменным боржомом. Свекор ничего, кроме минеральной воды, не пил, а свекровь пила с удовольствием сухое красное вино...

Во всех комнатах стояла дорогая мебель старой, добротной работы. Во всем было очевидно не просто богатство, а барство... Конечно, это была настоящая барская квартира, заполненная кремлевскими запасами реквизированных у прежних богачей вещей... Очень уютно было сидеть в красивой пятиугольной музыкальной комнате, вытянув ноги в мягких креслах с изножьями... Кресла были укутаны однотонным, светлым, почти белым, оттенка экры, бархатом с вытканым рельефным барочным орнаментом. Когда-то такой бархат называли «травчатый». И еще — ковры. Тонкие, легкие, огромные, светлые. <...>

На всех предметах, включая ковры, настольные лампы и даже люстры, были прикреплены железные, овальные жетоны с инвентарными номерами. Раз в год туда являлась группа молчаливых серо-коричневых товарищей с толстенными папками, которые последовательно обходили все комнаты, пыхтя, отодвигали шкафы и книжные полки, не забывая кухню и комнату прислуги... В кухне стоял громадный, высоченный двустворчатый холодильник, тоже с инвентарным номером, естественно. И еще сегодня мне вспоминается как нечто удивительное: а квартире не было стиральной машины. Все, что накапливалось для стирки, включая лифчики, трусы и подштанники, наряду с батистовым постельным бельем и крепдешиновыми блузками свекрови, сдавалось в спецпрачечную, откуда приезжала машина по вызову».

Вот что значило номенклатурное «несколько особое положение по отношению к тем, кто занят исполнительским трудом».

Конечно, царские министры тоже жили неплохо. Им даже полагались большие казенные квартиры с отоплением и освещением (а еще — командующим военными округами и губернаторам — не ниже). Но все остальное, включая простыни, икру и привозящую их прислугу, они должны были содержать на свое жалованье.

Однако и это не все. Где-то в конце 70 — начале 80-х годов моя жена, заведующая отделом фольклора в Российском доме народного творчества, поехала в командировку в Карелию. Командировка была от Отдела культуры ЦК. Соответствующим образом ее там и принимали, а в частности, зав. Отделом культуры Карелии пригласила ее к себе на ужин. И, как положено женщине, стала хвастаться своим гардеробом: сапоги итальянские, сапоги французские, пальто испанское, пальто английское, шуба французская, шуба английская и т. д. Жена, получавшая очень небольшую зарплату и не имевшая всей этой роскоши, изумилась: «Но это же все стоит очень дорого!» — «Ну, что вы, — последовал наивный ответ. — Это же все “кремлевка”».

Вероятно, цены на промышленные товары для номенклатуры тоже оставались на уровне 1929 года.

Во всех странах социалистического содружества были открыты валютные магазины. В нашей стране они патристично назывались «Березка». Более нигде — ни в развитых, ни в слаборазвитых, ни в совсем неразвитых странах — не существует валютных магазинов, ресторанов и баров, где не принимается собственная валюта. В конце концов, это просто оскорбительно для страны — не принимать в торговых заведениях собственных денег. Да еще так, чтобы это видели иностранцы. Но, видимо, «верные сыны партии» не способны были понять этой простой истины. И «простой советский человек», не имевший специальных талонов (валютных сертификатов) или иностранной валюты, просто не мог войти в такой магазин: у входа стояли крепкие люди с очень внимательным взглядом. «В “Березке”, — вспоминает И. Андреева, — я побывала пару раз с приятельницами, имевшими валютные сертификаты. Для себя тоже у кого-то их купила и отправилась, кажется, за французскими духами. Стоявший в дверях швейцар до смерти напугал меня, потребовав какие-то документы, подтверждающие право иметь сертификаты. Я об этом понятия не имела, поэтому изумленно предъявила ему сами сертификаты. Сумма была, видимо, в его глазах так ничтожна, что он пропустил меня в дверь, молча махнув рукой. Думаю, что рукой он махнул на меня в знак презрения, а не указы-

вая направление, куда дальше двигаться надлежало. Мерзкое ощущение страха и унижения навсегда отбило у меня охоту посещать священный заказник тогдашних VIP — особых граждан страны «равноправия».

А у кого могли быть в потребном количестве валютные сертификаты или даже валюта, за которую «простых советских людей» ожидал исправительно-трудовой лагерь? А вот догадайтесь!

Номенклатурный пост, прежде всего в республиках Средней Азии и Закавказья, открывал широкие возможности для еще одной статьи дохода — взятки. Так, в Азербайджане по ценам 1969 года пост районного прокурора стоил 30 000 рублей; его можно было купить у секретаря райкома. Столько же стоил пост председателя колхоза, а за должность директора совхоза платили 80 000: эта должность выгоднее. А вот должность первого секретаря райкома партии стоила в 1969 году уже 200 000, второго секретаря — 100 000. Эти деньги выплачивались уже секретарям ЦК. Пост директора театра зато стоил всего от 10 до 30 тысяч, директора НИИ — 40 тысяч, звание академика Азербайджанской ССР — 50 000: должности и звания не слишком доходные, скорее престижные. Зато место ректора вуза стоило до 200 000. Ведь за зачисление в студенты Института иностранных языков брали 10 000, в Бакинский университет — 20–25 тысяч, в Институт народного хозяйства — до 35 тысяч. Расценки существовали и на посты в правительстве: если пост министра социального обеспечения стоил всего 120 000 рублей, а министра коммунального хозяйства — 150 000, то место министра торговли стоило 250 000 рублей. Это официальные цифры, взятые из закрытого доклада первого секретаря ЦК АКП Алиева на пленуме ЦК 20 марта 1970 года. Естественно, прозвучали они в связи со смещением предыдущего «первого» — Ахундова. Но приведенные Алиевым новые люди брали не меньше, а при его преемнике Багирове прежние времена показались баснословно дешевыми.

Однако Азербайджан был республикой со скромными возможностями и результатами. Грузия эпохи первого секретаря КПГ Мжаванадзе затмила Азербайджан. Грузинские порядки при Мжаванадзе оказались настолько из ряда вон выходящими, что скандал с их разоблачением в свое время потряс всю страну.

Впрочем, не следует обижать наших среднеазиатских или закавказских братьев. В 1985 году ректор Одесского медицинского института брал за зачисление в студенты по 9 тысяч рублей — чуть скромнее, чем в Бакинский институт иностранных языков. Скажете, что в Одессе-маме это и неудивительно? Так я вам скажу, что такая практика не-

удивительной была и в Москве. Член Президиума и секретарь ЦК КПСС Фрол Козлов, считавшийся при Хрущеве некоторое время вторым лицом в государстве, брал за назначение на высокие посты, прекращение судебных дел и прочие маленькие услуги деньгами и драгоценными камнями через посредство председателя исполкома Ленинградского горсовета Н. Смирнова.

Как на любом заводе рабочие и ИТР имеют возможность пообедать в заводской столовой или взять в буфете то, на что упадет их взгляд, так и сотрудники аппарата ЦК могли зайти в один из буфетов прямо в здании ЦК или пообедать в обеденный перерыв в столовой. Сначала она находилась на улице 25 Октября (бывшей и нынешней Никольской), в здании бывшего ресторана «Славянский базар». Но поскольку ходить туда со Старой площади очень далеко, а время номенклатурщиков неоценимо, то в крохотном переулке сбоку здания ЦК, где и посейчас высится знаменитая церковь Грузинской Божьей Матери, было построено не слишком приметное здание новой столовой ЦК. Когда-то я, показывая церковь группе студентов, в дождь по неведению поставил их под козырьком над входом в столовую: вывески-то там нет; немедленно из дверей вышел офицер с синими петлицами на воротнике и настоятельно попросил нас перейти подальше.

Михаил Восленский, сам бывший номенклатурный работник, детально описал систему и качество питания номенклатурщиков высшего звена, да к тому же коварно переписал и поместил в свою книгу меню столовой ЦК на 5 мая 1988 года; при желании, с ним можно познакомиться и, опираясь на собственный опыт, сравнить с меню обычной городской или заводской столовой. При этом нужно отметить, что продукты эти поступали из совхоза «Непецино» Коломенского района — подсобного хозяйства ЦК. У моей кафедральной лаборантки сестра работала в этом хозяйстве, и я наслушался рассказов, какие сортовые клубника, лук, помидоры, огурцы выращивались там на экологически чистой земле без малейших добавок искусственных удобрений. ЦК уже нет, но совхоз «Непецинский» еще работает, и в магазинах Коломенского района изредка можно купить молочные продукты оттуда. Конечно, ЦК давно уже нет, но традиции остались: отличные продукты!

Впрочем, партия высоко ценила не только работников аппарата ЦК. Под Челябинском в свое время работал совхоз «Витаминный». По сводкам, он постоянно держал первое место в области по итогам работы. Но вот чтобы в челябинских магазинах можно было купить хотя бы ягоду клубники или смородины из этого совхоза — этого я не припоминаю. Зато хорошо помню историю с местным Рыбтрестом.

Примерно в 120 километрах от Челябинска есть два больших чистых песчаных озера с крупными окунями. Те, кто мог пробраться туда по непролазным североказахстанским черноземам, наслаждались удивительной ловлей этих окуней на спиннинг летом, на мормышку зимой. Сети там ставить стеснялись: можно было и по морде получить от свидетелей. Да и зачем: в окрестностях полно небольших озер, битком набитых карасем, который только в сети и шел. В один из летних дней 70-х годов, когда на озере бросали спиннинги несколько мужиков с нашего завода, вдруг на перешейке, разделяющем озера, остановились две грузовых машины. С одной из них небольшая артель сгрузила лодки и завела огромный невод. Естественно, рыбалка была брошена, и все наши рыбаки сплылись к этим машинам — с весьма агрессивными намерениями. Тем временем невод был вытасен и улов огромных окуней заброшен в кузов второго ЗИЛа — этак примерно полкузова. «Что же вы, ... делаете! Мы тут только на спиннинги ловим, а вы, ... неводом гребете! Сейчас мы вас тут...!» — «Да что вы, мужики! Рыбы вам мало? Да берите вот из машины, сколько надо!» — «А кто вы такие?» — «Мы — Челябинский рыбтрест». — «Какой же вы рыбтрест, если в Челябинске ни рыбешки нельзя купить?» — «Ну, а как же? Мы работаем на две области — Челябинскую и Курганскую. Вот и считайте: два обкома, два облизполкома, два областных КГБ, да сколько райкомов, да управления торговли, да нам самим нужно, да у нас тоже и родня есть, и соседи... Вот вам ничего не остается».

Но более всего меня потрясла история, произошедшая в городке моего детства, Омутнинске. Все знали, что там есть мясокомбинат. Ну, есть и есть. Мяса, колбас или сосисок никто в городе никогда не видел, и на это не претендовал. Даже никто и не задумывался — а работает ли этот мясокомбинат? Собственно, и на комбинат-то, в обывательском понимании этого слова, это неприметное, потемневшее от времени бревенчатое здание с какими-то пристройками, похоже не было. Но вот уже в конце 70-х годов наведаясь я в очередной раз в город своего детства. Жил у приятеля отца, занимавшего должность зам. директора металлургического завода по снабжению. Купить что-нибудь в городских магазинах было нельзя, но для гостя хозяин расстарался: однажды какой-то молодой человек позвонил в дверь и передал сумку с несколькими «палками» сухой сырокопченой колбасы. Такой колбасы я ни до того, ни много лет после даже в Москве в продаже не видел и не едал. Значит, все же мясокомбинат функционировал. Но только пользуясь связями начальника отдела снабжения металлургического завода, градообразующего, как говорится, предприятия, можно было по-

пробовать его продукцию. А уж куда она шла — про это знали только Бог и приближенные к нему аппаратные работники.

Потребление стало символом статуса. Когда ножки кресел стали разъезжаться под ожиревшими номенклатурными товарищами, даже «Правда» написала в 1988 году: «Практически повсеместно значительная часть фондов идет по закрытым каналам. Так, на дачах Рязанского обкома и облисполкома Солотча и Ласково за первое полугодие реализовано 394 килограмма икры, более 6 тысяч банок крабов, шпрот, печени трески, 565 килограммов осетровых и 880 килограммов свиных балыков, более полутоны буженины, 68 килограммов индийского чая и 165 килограммов растворимого и кофе в зернах. Все это составляет от 56 до 100 процентов данных товаров, выделенных районным продторгам» (*Черняк А.* Едоки по статистике и в жизни // Правда. 1988. 1 сентября).

Но не следует думать, что все это началось во времена «застоя» при не очень скромном, но обладавшем широкой душой А.И. Брежнев, или при разухабистом Н.С. Хрущеве.

Все это — весьма давняя история, начавшаяся еще при очень скромном В.И. Ленине. Как известно, годы Гражданской войны были и годами страшной разрухи в стране, годами полуголодного существования широчайших масс народа, кое-как кормившегося благодаря, с одной стороны, осуществляемой вооруженной рукой продразверстке, т. е. ограблению крестьянства, а с другой — пресекаемому той же вооруженной рукой мешочничеству. Строжайшее нормирование потребления, распределение всех этих «осьмушек» и четвертушек фунта хлеба было нормой повседневности. К тому же это было прямым воплощением вождя равенства без эксплуататоров и эксплуатируемых.

Но что касается верхов, то они и тогда были уверены, что им совсем необязательно на практике осуществлять идею всеобщего равенства.

Ревизия Совета труда и обороны (СТО), проведенная в Орле, выяснила, что здесь «...допускалась недопустимая привилегия к коммунистам, снабжать которых всякими благами коллегия Горкомпрода считает, кажется, своей главной обязанностью. Распределение продуктов протекает вне организационного плана, большей частью по ордерам». Особенно отличались те, кто работал непосредственно в продовольственных органах. Вот что отметила ревизия СТО: «Никакого в Подольском Упродкоме распределения нет, вся работа учетно-распределительного подотдела заключается в том, что он возможно лучше удовлетворяет всем необходимым немногочисленное население гор. Подольска и Подольского уезда, а незначительное число ответствен-

ных советских работников, членов коллегии и членов Исполкома с их семьями, а также и других немногих избранных членами Продовольственной комиссии лиц. За октябрь и ноябрь было получено всего 1,5 ф. (фунта, т. е. 612 граммов: фунт равен 408 граммам. — А. Б.) хлеба на едока, тогда как лица, имеющие право на сверхпай, получили по 30 ф. Члены Звенигородского Исполкома и президиума, а также и другие ответственные сотрудники советских учреждений получали нормированные продукты пудами... Получил широкое распространение отпуск продуктов и товаров со складов по ордерам “ответственным работникам”. Так, в Курске из мануфактурного магазина № 3 было отпущено по карточкам населению материи на сумму 486 560 руб., а по ордерам “избранным” лицам на 464 383 руб., т. е. в таких же размерах. Сам заведующий Отделом снабжения выписывает себе 120 аршин материи — это норма минимум 100 человек».

Но, конечно, это были просто партийные чиновники, примазавшиеся к советской власти. Вожди революции наверняка сохраняли верность принципам, разделяя все тяготы с пролетариатом. Нам ведь десятки лет, начиная с детского сада, рассказывали, как нарком продовольствия упал в голодный обморок прямо на заседании Совнаркома. Нарком просвещения или внутренних дел не падали, а нарком продовольствия был на грани умирания от голода. А. Ильюхов, исследованием которого мы здесь широко воспользуемся, приводит рассказ кремлевского курсанта Данилова, каким ужасным был обед в кремлевской столовой в феврале 1919 года, и повествование старого большевика И. Врачева о смехотворном угощении в номере Свердлова в 1918 году («...в кофейнике плещется какая-то коричневая бурда, а на тонких фарфоровых тарелках несколько крохотных ломтиков хлеба из муки пополам с овсом»). Как трогательно.

Вот только А.Д. Троцкий своими воспоминаниями вносит диссонанс в эту идиллию: «Кормились тогда в Кремле из рук вон плохо. Взамен мяса давали солонину (т. е. взамен свежего мяса — законсервированная способом засолки та же говядина. — А. Б.). Мука и крупа были с песком. Только красной кетовой икры было в изобилии вследствие прекращения экспорта. Этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции» (*Троцкий А. Моя жизнь. М., 1991*). Недурная замена свежему мясу. И думаю, не один только Троцкий жрал эту икру, но и прочие народные комиссары, и наркомпрод тоже.

Начиная с июня 1919 года по постановлению Оргбюро ЦК РКП(б) от 29 мая «ответственным товарищам из Центра», отправлявшимся в командировки, могли выдаваться продукты и предметы обхода из

специально образованного фонда. Для этого требовалось специальное ходатайство наркома или его заместителей. В декабре 1919 года был составлен список из 200 «незаменимых специалистов», которым выдавался добавочный паек сверх получаемого в общем порядке. 25 марта 1920 года Совнарком увеличил число добавочных пайков до 300, через 12 дней до 350. Норма совнаркомовского пайка, которым в середине 1920 года пользовалось уже 370 человек (с семьями — 1250), была такова: мука ржаная — 20 ф., масло сливочное — 1,25 ф., мясо — 25 ф., рыба — 2 ф., соль — 1 ф., кофе — 0,25 ф., крупа — 3 ф., сахар — 2 ф. в месяц. Под давлением «ответственных товарищей» Совнарком еще раз расширил их список и 14 июня 1920 года принял новое Положение «О пайке для особо ответственных и совершенно незаменимых работников центральных учреждений» (каков статус!). Новый особый паек распространялся и на семьи. Всего было установлено 2000 семейных пайков и к ним запасных 500. Месячная норма такого пайка: мука — 20 ф., крупа — 7 ф., масло коровье — 1,5 ф., масло растительное — 2 ф., мяса — 10 ф., рыбы — 10 ф., овощей — 1 пуд, чая — 0,25 ф., мыла — 1 ф., спичек — 3 коробки.

Кроме того, многие центральные учреждения, например, ВЧК, добивались от Наркомпрода нарядов на право особого вывоза продуктов из производящих губерний. Так что имущественное неравенство сохранилось, только «перераспределившись»: тот, кто был «ником», но стал «все́м», жил без забот о завтрашнем дне, а кто «все́м» стать не смог, тот так и остался никем. Естественно, это вызывало недовольство, вылившееся на IX партконференции в сентябре 1920 года. Была создана особая комиссия, подтвердившая то, что и без того было известно: существование привилегий обитателей Кремля. Но она выяснила и неизвестное: кроме привилегированного совнаркомовского пайка, существовали индивидуальные выдачи из продотдела ВЦИК для совсем уж узкого круга работников.

А как же самый главный борец за социальную справедливость, ради этой справедливости запретивший свободную торговлю, требовавший вооруженной рукой бороться с мешочничеством и огородничеством? Оказывается, кроме общего совнаркомовского привилегированного пайка, по дошедшему до нас ордеру № 10646 2 ноября 1920 года товарищ Ленин получил дополнительно 10 ф. мяса, 30 яиц и 5 ф. сыра, а 27 ноября еще 10 ф. ржаной муки, 2 ф. манной крупы, 3 ф. сыру, по осьмушке чая и кофе, 2 ф. сахара, 2 ф. икры, 2 ф. сала, 2 ф. сливочного масла и 100 папирос. Всего же на имя вождя мирового пролетариата в месяц было произведено 8 таких выдач. Вряд ли он или

Надежда Константиновна спекулировали этими излишками продуктов на рынке, как простые мешочники, ускользнувшие от заградотрядов. Скорее всего, эти богатства шли родственникам. А вот товарищ Сталин был скромнее: в 1920 году прибегнул к сверхнормативным выдачам всего 4 раза. Но ведь он еще не был вождем, а только наркомом плохонького наркомата (*Ильюхов А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007*).

Кормилась при вождях и их «обслуга». «В те годы в Москве находились люди промежуточной позиции (между “нами” и “ими”). Преуспевали они “там”, но и прежних друзей не забывали. Некоторые из “нас” благодаря этому и выжили. Доктор, к которому шли мы, был именно из таких. Временами устраивались у него сборища — литераторов и художников, музыкантов, актеров. Практика в Кремле позволяла ему иметь порядочную квартиру, теплую, с электричеством, доставать коньяк, питаться по-человечески... какая роскошь для времен проклятой пшенки!» — вспоминал писатель Борис Зайцев. Конечно, это могло быть злопахательство «белоэмигранта». Но советский адмирал И. Исаков в своих воспоминаниях «Каспий. 1920-й», служивший командиром эсминца на Волжской флотилии Раскольников и ходивший, ввиду полного неприличия обтрепанной офицерской формы, в матросском бушлате, побывал во время командировки в Москву у супруги Раскольникова, знаменитого комиссара Красной Армии, прообраза комиссара из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, Ларисы Рейснер, и с изумлением оказался в светском салоне, в роскошной теплой квартире, в окружении дам-приживалок. Так что недаром 12 ноября 1921 года один из руководителей ЦКК (контрольной комиссии) РКП(б) А. Сольц, имевший прозвище «Совесть партии», писал в «Правде»: «Долгое пребывание у власти в эпоху диктатуры пролетариата возымело свое разлагающее влияние на значительную часть старых партийных работников. Отсюда бюрократизация, отсюда крайне высокомерное отношение к рядовым членам партии и к беспартийным рабочим массам, отсюда чрезвычайное злоупотребление своим привилегированным положением в деле *самоснабжения* (курсив мой. — Л. Б.). Выработалась и создавалась коммунистическая иерархическая каста...». В одном из писем известный тогда партийный деятель Х.Г. Раковский упоминал «автомобильно-гаремный фактор», «играющий немаловажную роль в оформлении идеологии нашей советской партийной бюрократии».

Но, может быть, Сольц и Раковский преувеличивали? Однако вот пишет невестка соратника Ленина, члена «ленинской гвардии», как

теперь выясняется, все же необоснованно репрессированного: «Вышла я замуж в июне 1929 г. ...Сказочная жизнь, сказочная... Квартира на Манежной площади, напротив Кремля. Шесть комнат... Я ездила за обедами... Везли в судках — не остывало, это же близко от Кремля, а машине нашей — везде зеленый свет. Обеды были вкусные, повара прекрасные, девять человек были сыты этими обедами на двоих... К обедам давалось всегда полкило масла и полкило черной икры... Вместе с обедом можно было взять гастрономию, сладости, спиртное... Водка красная, желтая, белая в графинчиках... Чудные отбивные...».

Интересная ситуация. С одной стороны, в кремлевской «кормушке» выдавали такие обеды даже жене сына уже опального члена Политбюро Каменева. С другой — такая славная житуха была одним из пунктов обвинения «врагов народа»: 13 февраля 1938 года Политбюро отметило в своем постановлении, что «ряд арестованных заговорщиков (Рудзутак, Розенгольд, Антипов, Межлаук, Карахан, Ягода и др.) понастроили себе грандиозные дачи-дворцы в 15–20 комнат, где роскошествовали и тратили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение» (*Ильяхов А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007*).

А может, все-таки правильно их расстреляли? В виде компенсации за чудные отбивные?

Геннадий Русский вспоминал: «Во втором и третьем классах к нам пришло несколько новеньких. Исчез мальчик с подозрительной фамилией Рыков, зато появились дети тех, кого в те годы называли “знатными людьми”. Все они жили в так называемом Доме правительства, большом сером десятиэтажном доме, в комплекс которого входил кинотеатр “Ударник”, кинотеатр “Первый Детский”, магазин “Горт” с гастрономом, универмагом и парикмахерской.

Среди них был Саша Масленников... Он рассказывал мне, что его отец заместитель Берии (я тогда не знал, кто это, просто один из вождей), что у них квартира из шести комнат, машина “Линкольн” с двенадцатью или шестнадцатью цилиндрами, есть телевизор, который они смотрят раз в неделю (что такое телевизор, я знал, видел его изображение на обложке журнала “Радио-фронт”, еще примитивный, докинескопный), а зимой по воскресеньям они ездят на машине на дачу кататься на лыжах».

Кто-нибудь может подумать, что вот уж товарищ Сталин, скромно ходивший в полувоенном френче и в серой шинели, к этой вакханалии

был не причастен. До сих пор некоторые вспоминают с умилением, что от Сталина осталось имущества — стоптанные валенки и тулуп, который он накидывал в зимнем саду. Как-то они при этом пропускают мимо ушей сам зимний сад — не самое дешевое удовольствие. Они забывают, что от Сталина остались еще роскошные Ближняя и Дальняя дачи под Москвой и множество еще более роскошных дач в Крыму и на Кавказе; в некоторых из них он ни разу не появился, но все они находились в полной готовности к приему Хозяина, с обслугой и охраной. Именно Сталин в свое время ввел нелегальную выплату для работников аппарата — «конверт». Здесь нужно объяснить, что по инициативе того же Сталина для партийных работников был установлен «партмаксимум» зарплаты, не особенно высокий. Ну, для приличия, конечно, чтобы простые члены партии пальцами не тыкали. А для компенсации этого небольшого «партмаксимума» и были введены «конверты». С них не брали налогов и партийных взносов: просто раз в месяц руководящему товарищу клали на стол запечатанный конверт, а что в нем было — знали только те, кому положено. Дочь Сталина, Светлана Аллилуева, в воспоминаниях писала, что в сталинской квартире повсюду в ящиках тумбочек лежали деньги. И верно: зачем скромному вождю деньги? Он что, в магазин с ними пойдет, в очереди стоять?

Выжившие бывшие номенклатурщики в справедливом негодовании возопят: «Так мы же зато работали!.. Мы ночами сидели в кабинетах!.. Мы сутками из них не выходили!.. Мы...». Верно, верно. Сидели. Только вот каковы были результаты этого сидения? Даже не нулевые — отрицательные. Чтобы далеко не ходить, приведем в качестве примера прогремевший в свое время так называемый «рязанский феномен»: секретарь обкома Ларионов принял обязательство, что его область в 1959 году сдаст государству на 280% больше мяса, чем в 1958-м. На декабрьском 1959 года Пленуме ЦК КПСС он доложил о выполнении обязательств! А потом выяснилось, что мясо просто покупалось в торговой сети Рязанской и соседних областей и сдавалось государству. Так сказать, круговорот мяса в природе: колхозы и совхозы его сдают государству, оно поступает в торговлю, оптом скупается и сдается государству от имени колхозов и совхозов, поступает в торговлю... и так далее.

Однако быть номенклатурным работником, особенно районного уровня, а то и уровня областного — не всегда сладкий хлеб. Конечно, если сильно не проштрафишься (например, нарушишь принцип личной преданности вышестоящему товарищу), без руководящего кресла не останешься. Не справишься с ролью заведующего районным отделени-

ем Госбанка — перебросят на пост директора сберкассы; провалишь дело на посту главы Гортопа — пойдешь возглавлять Заготзерно, а оттуда перебросят директором леспромхоза. Да ведь леспромхоз-то может оказаться не в городе, а где-нибудь за несколько десятков километров от него. А то могут поставить и председателем колхоза (а они менялись с завидной частотой: тот спился, этот проворовался, а третий вообще сбежал) или директором совхоза. Вот и бросай хоть районный, а все же город, езжай в глушь. А как еще жена на это посмотрит? А детей из городской, все же более или менее приличной школы, переводить в сельскую? Да просто менять устоявшийся быт? Нет, в том и была особенность пребывания в номенклатуре, что если человек уж совсем на себе крест не поставил, нужно пробираться наверх, на следующий уровень. А для этого годятся любые средства.

Все это вовсе не значит, что среди партийных работников не было скромных и даже порядочных людей. Я и сам знавал таких. В том же Омутнинске в 70-х годах, когда я был удивлен сухой сырокопченой колбасой, зашел я к старой подруге моей матери, когда-то главному инженеру лесхоза, а ныне пенсионерке, занимающейся пчелами. Местные пчеловоды на лето вывозили пчел в тайгу на гари, заросшие кипреем, и по очереди там караулили. «Завтра ехать на пасеку, — пожаловалась Мария Христиановна, — а взять с собой нечего». — «Неужели Вовка матери в райкомовском буфете ничего взять не мог!» — не поверил я. А Вовка, ее сын, в ту пору работал первым секретарем райкома комсомола. — «Нет ничего. Вот, смотри!» — и открывает мне холодильник. А там сиротливо катается банка рыбных консервов — несъедобный паштет «Завтрак туриста» из отходов кильки. «Это как же так?!» — поразился я. «А вот так! Приехал новый первый секретарь, прошелся по магазинам и райкомовский буфет закрыл. Сказал, что пока в магазинах не появятся продукты для населения, партийные и комсомольские работники будут питаться, как все». Я, признаться, не поверил. Спросил у зам. директора завода по снабжению, у которого остановился, правда ли. «Все правда! Его баба у меня в отделе работает, и, как все, по утрам ходит с бидончиком за молоком: на завод у нас для рабочих молоко привозят. Я им в отделе и холодильник большой поставил. Я у них дома два раза пировал, на Первое мая и на Новый год. Так на столе было все, как у всех: картошечка, лучок, огурчики соленые. Ну, правда, раз была хорошая селедка баночного засола: он по делам в Москву ездил, так привез две банки». — «И что, ничего-ничего себе не позволяет?» — «Нет, когда в книжный магазин привоз бывает, ему звонят и он первым при разборе присутствует, отбирает

себе книги». — «Ну, это бог с ним...». А ведь одно из ярких воспоминаний моего детства связано с таким же «первым». Прежнего, Крюкова, у нас сняли, да и чуть не вылетел он из партии, долго без работы ходил: ребенок родился у него хилый, боялись, что умрет, и теща, по совету бабок, окрестила его. Естественно, что даром секретарю райкома это не могло обойтись. И прислали нам нового «первого», Данилова. Мои одноклассники на перемене ели, то, что принесли из дома. И я брал пару отварных картофелин, ломтик черного хлеба, полоску сала. А места у нас были такие, мещанские: начальства не любили, но внешне пресмыкались, и как сын начальника (заместителя главного механика завода) я сидел на первой парте, а поскольку ровни мне в классе не было, то сидел один. И вот Сережку Данилова, сына нового «первого», ко мне и подсадили. Я на перемене разворачиваю газетку и ем картошку с хлебом и салом, а он — витые плюшки, с таким загарцем, с припеками... Вкусные, наверное!.. Вот он как-то меня и спрашивает: «А что это ты так ешь?» — «А что еще есть?» — «Ну, булочки, например». Бедный ребенок, он не понимал, что булочки продаются только в райкомовском буфете, да и то, может быть, не всем...

Ленин на XI съезде партии говорил: «...Не хватает культуры тому слою коммунистов, который управляет. Но если взять Москву — 4700 ответственных коммунистов — и взять эту бюрократическую машину, груду, — кто кого ведет? Я очень сомневаюсь, чтобы можно было сказать, что коммунисты ведут эту груду. Если правду говорить, то не они ведут, а их ведут». Вождю мирового пролетариата все-таки в уме не откажешь. Только он в этом пассаже не договорил: эта бюрократическая машина — и была слоем ответственных (точнее — безответственных) коммунистов.

Рабочие

Рабочие — самый передовой класс страны. Естественно, что после партийного руководства, после «вождей», необходимо поговорить о них.

Все познается в сравнении. Поэтому разговор о повседневной жизни советских рабочих нужно начинать с выяснения положения до-революционного рабочего. И не сезонника, не неквалифицированного и безграмотного или малограмотного рабочего, например, шахтера, а рабочего заводского, квалифицированного, грамотного. Того, что большевики называли цветом пролетариата.

В 1900 году в строй вступал новейший крейсер русского флота «Рюрик». Строился он для Дальнего Востока и до ледостава на Балтике должен был уйти по назначению. Ввиду кратковременности испытаний механизмов крейсера и недостаточной их освоенности личным составом командование крейсера ходатайствовало о направлении в плавание двух специалистов, рабочих Балтийского завода, Василия Лебедева и Анфиана Кузнецова. Морское министерство согласилось на следующих условиях: при казенном питании на корабле и проезде из-за границы обратно за счет казны (1 рубль суточных) рабочим предлагалось выплачивать при плавании в отечественных водах 1,3 получаемой на заводе зарплаты, а за границей — 0,75 ее, но уже золотом. Однако завод выдвинул другие условия. «Указатель работ» (мастер) по машинам В. Лебедев, имевший на заводе содержание 72 рубля в месяц, был согласен идти в плавание при уплате ему в месяц 100 рублей кредитных в отечественных водах, и 100 рублей золотом — за границей, а «указатель работ» по котлам А. Кузнецов, зарплата которого на заводе составляла 66 рублей в месяц, требовал платить ему по 88 рублей в пределах России и 80 рублей золотом за границей. На такое министерство не могло согласиться, и крейсер ушел без заводских специалистов. И правильно: в 1890-х годах содержание младшего офицера составляло 69 рублей в месяц, и это притом, что он на свой счет приобретал все обмундирование, снаряжение, личное оружие и нанимал квартиру. Таковы в те поры были запросы высококвалифицированных рабочих. Оно и понятно; в 90-х годах XIX века квалифицированный рабочий петербургских металлических заводов получал свыше 60 рублей — больше младшего пехотного офицера, подпоручика или поручи-

ка. У нас опубликованы дневники рабочего петроградского металлического завода Струка (в советское время — завод «Ильич») И. Глотова. Нас интересуют записи за 1915 год. Все записи посвящены только повседневной жизни: приезд жены с детьми из деревни, роды жены (на дому, с помощью акушерки и визитами врача), покупка жене пальто на беличьем меху, с меховым шалевым воротником, себе — пальто, шапки («а-ля Пушкин»), золотого перстня, детям рубашечек, штанишек, ботиночек и так далее. В общем, вполне обеспеченный человек. И ничего о назревающей революции, о большевиках, забастовках...

Высокооплачиваемый квалифицированный рабочий, естественно, был грамотным. И иной раз не только грамотным, но и начитанным. Исследователь чтения в России А. Рейтблат в книге «От Бовы до Бальмонта» основательно описал круг чтения и личные библиотеки рабочих.

Может показаться, что такой сознательный рабочий был последовательным революционером, сторонником большевиков. Однако у В.И. Ленина есть любопытное замечание о том, что подобные рабочие как раз являются злейшими врагами пролетарской революции. Это и понятно: начитавшиеся не только Маркса, но и Каутского, они отнюдь не были сторонниками экстремизма, характерного для ленинцев. Вот сторонниками эсеров, меньшевиков, а то и кадетов, т. е. умеренной революции, они бывали частенько.

В обычном человеческом понимании труд — источник личного благосостояния трудящегося. Грубо говоря, люди работают, чтобы зарабатывать на жизнь. Но в новой стране все оказалось по-иному. На I Всероссийском съезде совнархозов в мае–июне 1918 года лидер московских большевиков В. Ногин отмечал, что если у семейного рабочего после приобретения продуктов питания оставалось на прочие нужды в 1914 году 15 рублей, в 1917 году — 94 рубля 64 копейки, то в 1918 году у него не только ничего не остается, но получается дефицит в 622 рубля. Ногин говорил: «Совершенно ясно, что заработная плата петроградского рабочего сейчас не такова, чтобы он был в состоянии получить такое количество продуктов, которое бы позволяло ему нормальное питание, и здесь совершенно ясно обнаруживается колоссальная разница между ростом заработной платы и ценами на продукты» (*Ильюхов А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007*). По данным известного экономиста, академика С.Г. Струмилина, если в 1913 году средний заработок рабочих России составлял 23,6 рубля, то к 1920 году реальная заработная плата в рублях 1913 года понижи-

лась до 49 копеек, что составляло 2,1 % от заработка 1913 года. Таково было первое завоевание рабочего класса.

За годы революции и Гражданской войны покупательная сила денег упала в сравнении с 1917 годом в 8190 раз, а в сравнении с 1913 годом — в 81 900 раз. Жуткая, фантастическая инфляция «съедала» весь заработок трудящегося. Да, собственно, и купить-то было нечего, особенно в таких, населенных преимущественно рабочими и служащими городах, как Петроград и Москва. Поэтому, чтобы как-то обеспечить работающее городское население и не допустить окончательного запустения городов, пришлось прибегнуть к натуроплате труда. При зарплате в 49 довоенных копеек натуральные выдачи продуктами составляли 6 рублей 11 копеек. Почти 94 % дохода рабочего и его семьи было практически не связано с его работой и выдавалось в порядке пайкового снабжения и бесплатных коммунальных и государственных услуг. А натуральные выдачи уничтожали стимул к труду.

На некоторых предприятиях уже в 1918 году стали выдавать вместо зарплаты или вместе с ней продукты собственного производства. Струмилин приводил список из 185 наименований, «в котором можно найти все, что угодно: и овес, и рожь, и вику; отруби, маис, мак, кишмиш, изюм, урюк, икру, перец, клюкву, горчицу; сандалии, коты, лапти, френчи, телогрейки, горжетки; бочки, лари, корыта; чугунные отливки, плиты, кирпич, колеса, хомуты, тарантасы, дуги и даже “дамские комбинации”. Я не знаю, — писал Струмилин, — всякому ли рабочему пригодятся эти сакраментальные дамские комбинации; чугунные отливки и вика. Думаю, что и хомут, даже в благодарном сочетании с дугой и тарантасом, овсом и отрубями, составляют не очень завидное приобретение для рабочего, поскольку он не приучен еще ходить в упряжке и лакомиться овсом и отрубями».

Но в случае, если продукция представляла рыночный интерес, рабочие предпочитали получать ее, а не обесцененные деньги. Первые попытки оплаты труда продукцией имели место еще в начале 1918 года: рабочим тверских текстильных фабрик стали выдавать зарплату мануфактурой. Но поскольку, согласно постановлению СНК от 2 июля 1918 года, вся мануфактура должна была поступать государству, рабочие пригрозили забастовкой, если с ними прекратят расплачиваться тканями, и местные власти вынуждены были пойти на уступки.

В этих условиях единственными способами выжить были хищения на заводах (в учреждениях украсть было нечего), кустарное производство и мешочничество. В 1918 году доходы от хищений, выделывания зажигалок, ножей и т. п. предметов составляли 15 % заработка рабо-

чих, в 1919 году — 20 %, в 1920 году — 19 %. «Злобный враг» советской власти, меньшевик С. Маслов, несколько лет после революции живший в России, писал: «На ауканье большевистской власти, звавшей грабить награбленное, рабочие откликнулись беспощадным разграблением фабричного имущества, сырья, топлива, предметов оборудования и вырабатываемых фабрикатов. Воровство началось с первых дней большевистского царствования и продолжалось “без передышки” во все годы советской власти. Из медных частей вырабатывали зажигалки, которые теперь можно встретить во всех уголках России, из железа лампочки, кухонные листы, кастрюли, ведра; из чугуна сковороды; из приводных ремней подошвы; из кожи и плюша спальных вагонов — штаны, тужурки и т. д.». Один из руководителей народного хозяйства на 1-м съезде ВСНХ в 1918 году отмечал: «За последние месяцы происходит колоссальное расхищение товаров легальными и нелегальными путями. По моим данным, больше половины товара ушло на рынок нелегальными путями». Широко распространенным явлением стала и подделка хлебных карточек. В 1920 году Наркомпрод распространил среди значившихся по переписи 12,5 миллиона человек карточек на 21,9 миллиона человек! Для борьбы с подделками карточек в Москве был даже создан специальный Продовольственный суд, через который в июне 1918 года ежедневно проходило в среднем по 50–60 дел в день! Аналогичным было положение и в Петрограде: здесь на 1 июня 1918 года насчитывалось 1 млн 469 тысяч человек, а карточек было выдано на 327 тысяч больше.

Перед революцией одним из важных пунктов большевистской программы, рассчитанной на привлечение рабочих, был отказ от сдельной заработной платы, по словам Ленина — «потогонной системы». Однако, захватив власть, Ленин мгновенно поменял свою точку зрения. В работе «Очередные задачи Советской власти» уже в апреле 1918 года он писал о необходимости перехода к сдельщине. За широкое внедрение сдельных работ выступили также ВЦСПС и Народный комиссариат труда. Архилюбопытное (любимое ленинское выражение) постановление принял Пленум ЦК профсоюза металлистов: «В основу определения заработной платы должен быть положен принцип трудовой полезности и производительности. *Мелкобуржуазные начала* (курсив мой. — Л. Б.), как то: “уравнительное”, посемейное, по едокам и т. п., основанное не на потребности производства, а на отвлеченной, т. е. потребительной “справедливости”, имеющей в виду одну сторону хозяйства — распределение, должно быть решительно отвергнуто».

Архиллюбопытно, как любил выражаться вождь мирового пролетариата, это постановление по следующим причинам. Чуть ли не с первых дней своего существования советская власть, запретив свободную торговлю, ввела продовольственную диктатуру и пайковое распределение продуктов и товаров на принципах именно *уравнительности*. Здесь «мелкобуржуазные начала» не мешали. Да оно и понятно: питание — это ведь «отвлеченная» сторона дела. А вот что касается производства, то здесь «мелкобуржуазные начала» уравнительности вступают в противоречие с принципами социализма.

Это и называется — двойные стандарты. Работать будете — как нам нужно, а жрать будете — как мы позволим.

В дореволюционной России рабочий класс привык выражать свое недовольство забастовками, которые в ряде случаев выливались в погромы предприятий, избиения мастеров и пр. и приводили к столкновениям забастовщиков с полицией и войсками, заканчивавшимся кровопролитием. В советской стране в 20–30-х годах рабочие, преимущественно кадровые, хорошо помнившие дореволюционную практику забастовок, не раз пытались вернуться к ней. Едва ли не первой была забастовка и демонстрация протеста по поводу разгона большевиками всенародно избранного Учредительного собрания. Двадцатые годы с их ужасающим падением жизненного уровня городского населения, вызванным политикой военного коммунизма, не раз приводили к забастовкам. Не прекращались они и с переходом к НЭПу. Так, значительная волна забастовок пришлась на первую половину 20-х годов: начались они в январе 1923 года, и только с ноября 1924 по май 1925 года прошло около 20 забастовок на крупных заводах. Сводки ОГПУ полны сообщений о забастовках или разговорах рабочих об их необходимости еще в конце 20-х годов. В дальнейшем усиление репрессий против забастовщиков привело к их спаду и полному прекращению.

Вновь идея забастовок возникла у рабочих только к началу 60-х годов, когда спала острота ужаса, навеянного предыдущей эпохой террора. В 1962 году в связи с тяжелым продовольственным положением, повышением цен на мясо, молоко и масло, совпавшим с очередным понижением расценок на работы, по стране прокатилась волна забастовок в отдельных цехах (напр., на Челябинском трубопрокатном заводе), на целых предприятиях и даже общегородских, как это имело место в Кемерово. Наиболее ярким и общеизвестным событием стала забастовка 2 июня 1962 года в Новочеркасске, закончившаяся расстрелом шестивия рабочих к горкому партии, последовавшими затем массовыми арестами и осуждением людей на смертную казнь или большие

сроки. Опыта забастовочного движения у рабочих уже не было, зато органы имели большой опыт подавления любых проявлений недовольства.

Для повышения производительности труда была установлена премиальная система деньгами и продуктами. Но формализм родился вместе с советской властью: один из руководителей Наркомпрода, А. Халатов, так охарактеризовал в 1921 году положение с натурпремией: «До сих пор натурпремирование является сплошной декларацией, т. к. выдавалось с опозданием на 3–4 месяца, а иногда и совсем не выдавалось, и выдавалось, по существу, как добавочный паек, не связанный с повышением производительности труда».

Еще одним бедствием, постигшим рабочих, стала сильнейшая безработица — формальное отсутствие в стране рабочих мест при избытке рабочей силы, квалифицированной или неквалифицированной. В послереволюционный период на несколько лет безработица стала самым страшным, наравне с голодом и тифом, бичом населения. Предприятия стояли из-за отсутствия топлива и сырья, а рабочие в основном пробавлялись изготовлением зажигалок и жестяных печек-буржук. Этот кризис производства возник еще перед 1917 годом: расстроенное железнодорожное хозяйство (железные дороги в основном стали работать на войну) не справлялось с перевозками. Начавшаяся Гражданская война окончательно разрушила сложные экономические связи: так называемое «триумфальное шествие советской власти» — исторический миф; на самом деле Украина, Дон, Кубань, Южный Урал сразу же превратились в арену боевых действий. Особенно обострилась безработица с переходом к НЭПу и слишком медленным восстановлением производства. Лишь в начале 30-х годов в связи с переходом к индустриализации страны, а отчасти и с репрессиями, в результате которых массы людей из так называемых лишенцев были «обеспечены» принудительным неквалифицированным трудом, безработица в СССР практически исчезла. Промышленность поглощала миллионы бежавших из деревни людей. Впрочем, подробнее о безработице 20-х годов рассказано ниже, в главе «Труд в СССР».

Нам в свое время очень много рассказывали о том, как рабочие, не жалея себя, строили новые заводы — Магнитогорский металлургический, в Комсомольске-на-Амуре и т. д. «Лучший поэт советской эпохи» (по выражению Сталина), Владимир Маяковский, даже описал такого рабочего, мечтавшего: «Здесь будет город-сад».

Но цифры плохо корреспондируются с этими сказочками. Во время строительства Магнитки в 1933 году только осужденных по

58-й статье здесь работало 26786 человек. Комсомольцев же трудилось 17 тысяч, коммунистов — 12 тысяч. А основной строительной силой были «спецпоселенцы» — 40 тысяч человек. Это были раскулаченные и сосланные крестьяне. При этом за время строительства Магнитки умерло от тифа и других болезней около 60 тысяч человек. Аналогичной была ситуация в Комсомольске-на-Амуре: и здесь «комсомольцы-добровольцы» были в подавляющем меньшинстве.

Думаю, нет нужды объяснять, кто такой был Александр Трифонович Твардовский. Но, может быть, не все знают, что отец поэта, смоленский крестьянин, был раскулачен и сослан. А комсомолец Саша ухитрился уцелеть. В чем нет, конечно, его вины. Вот он воспекает в поэмах «За далью даль» и «Страна Муравия» светлый путь советского крестьянства, даже орден от товарища Сталина получает, а батька с маткой да братья с сестрами — в Сибири. Впрочем, мужик Трифон Твардовский был не промах, и вскоре очутился в Вятских краях, уже не на положении спецпоселенца. А Иван Трифонович, брат поэта — вообще в Москве. Рабочим на заводе. Впрочем, в Москве он проработал недолго: кадровик вызвал и предложил уволиться по собственному желанию, а о подлинных причинах увольнения не болтать.

И очутился Иван Твардовский на стройке завода — правда, не Магнитки, но все же поблизости — нижнетагильского Уралвагонзавода. Это, согласно более поздней советской легенде, тоже была ударная комсомольская стройка.

«Был поздний вечер, — вспоминал И. Твардовский, — когда я приехал, но в первые же минуты услышал передававшееся по радио объявление: “Уважаемый товарищи, прибывшие на Уралвагонстрой, выходите на привокзальную площадь, вас ждет транспорт!”...

...Машина остановилась у барака с заиндевевшими окнами. Это было то помещение, где должны были временно находиться вновь прибывшие. В этом бараке мы встретились с людьми из Сибири, которые приехали несколькими часами раньше. Теперь всех можно было видеть и слышать, и я понял, что и сибиряки, и прибывшие вместе со мной — все из мест заключения: из Бамлага, из Вяземских лагерей и других мест... На Уралвагонстрой их направляли в порядке трудоустройства: гарантировались место работы, по возможности общежитие, спецодежда, не исключалось и получение небольшой суммы аванса...

Утром нашему взору предстала Вагонка — поселком-городом из множества жилых строений барачного типа. Стояли и первые капитальные здания: многоэтажная больница, дом дирекции и пока немногие каменные многоквартирные дома. В стороне же вступившего

в строй Уралвагонзавода были видны огромные... производственные корпуса, дымящие заводские трубы... На эту стройку были привлечены и тысячи спецпереселенцев. Их положение было еще более трудным — многие из них умирали от истощения и болезней...

Нас тут же поселили в единственный, построенный на отшибе барак. Поселок состоял из десяти двухэтажных брусковых домов. Все эти дома были заселены семьями рабочих-строителей, преимущественно спецпереселенцами, очень уплотненно — в каждой комнате по две и даже по три семьи. Сейчас и представить трудно, как это могли жить семьи, когда на душу приходилось по два-три метра жилплощади.

Серьезным испытанием для рабочих и служащих, как и для всего народа, стала война. Это была Война с большой буквы, дорого давшаяся стране. О войне, в т. ч. и о жизни и труде народа в тылу, написаны горы книг и море статей. Увы, почти исключительно это книги и статьи о «великом трудовом подвиге», о «героизме тружеников тыла», о «самоотверженной помощи тыла фронту». И почти ничего нет о повседневной жизни простого человека, обывателя.

Вот, например, проблема отоваривания карточек, особенно продовольственных. Как известно, неотоваренные карточки (они датировались) пропадали. Не выкупил сегодня свои 400 или 600 граммов хлеба — завтра их уже не получишь. Совершенно официально рабочий день длился 11 часов: 8 часов как завоевание Октября и, по указу от 26 июня 1941 года, 3 часа обязательных сверхурочных. Уйти с работы просто невозможно: по указу 1940 года за это суд, а по законам военного времени самовольный уход с военного предприятия рассматривается как дезертирство. А невоенных предприятий уже нет: все производится только для фронта, все для победы. Допустим, человек работает в дневную смену. С 8 утра до 8 вечера. Вечером магазины, отпускающие продукты по карточкам, уже закрыты. Тем, у кого дома достаточно большие дети или вполне дееспособные старики, проще: они и выкупят хлеб, отстояв очередь. Проще было и одиноким людям: карточки сдавали в заводскую столовую и там питались. А как быть тем, у кого дома сидят слишком маленькие дети, чтобы пойти в магазин, или слишком дряхлые старики, чтобы вообще выйти на улицу? А ведь посменно работали целую неделю. Значит, неделю ничего не есть, не кормить маленьких детей и дряхлых стариков? Почему-то никто из писавших о «героическом подвиге» такой простой вопрос не затрагивал...

Повседневность простого человека складывается из трех компонентов: труд, быт и отдых. Что касается труда, то здесь важную роль играют его условия, его продолжительность (т. е. продолжительность

рабочего дня и рабочей недели) и возможность уйти на другую работу. В 1940 году весь советский народ на митингах поддержал инициативы советского правительства: ввести 8-часовой рабочий день и семидневную рабочую неделю, укрепить трудовую дисциплину, запретив самовольный уход рабочих и служащих с места работы, предоставить право администрации в соответствии с необходимостью переводить рабочих и служащих на другое место работы и ввести уголовную ответственность за аварийность на рабочих местах и поставку бракованной и некомплектной продукции. За самовольный уход и прогул тоже полагалась уголовная ответственность. Что под этим подразумевалось? За опоздание на работу, уход с нее на обеденный перерыв, опоздание с него или уход с работы на время более 20 минут человека отдавали под суд. Это и считалось прогулом. Карой были принудительные работы до полугода с отчислением в пользу государства 25 % зарплаты. То есть человек продолжал работать на своем прежнем месте, только получал зарплату на четверть меньше. А вот настоящий прогул или если таких опозданий за месяц было несколько, то это уже расценивалось как самовольный уход. За это — до 5 лет заключения. Многие знают, что в приграничной полосе в 1940 — первой половине 1941 года велось интенсивное строительство аэродромов и менее активное, но все же строительство укрепрайонов. Работали там в огромном количестве именно эти «двадцатиминутники»: это ведь были не какие-то уголовники или политические, которых в приграничную полосу ни под каким видом допускать нельзя. Это обычные люди, которым просто не повезло. Все это понимали, и даже охрана к ним относилась снисходительно. И когда немцы перешли границы и обрушились на эти приграничные районы, охрана и сама бежала, и арестантов распустила по принципу «Спасайся, кто может!». Судьба этих людей в огромном большинстве была печальной. Существует мнение, что очень много их было захвачено немцами под видом военнопленных, что и обусловило такую массу пленных «русских» в 1941 году. Каково было положение советских пленных в немецких лагерях, тоже известно: погибло их около 60 %, и именно преимущественно в 1941 — начале 1942 года. Из тех, кто избежал плена, многим тоже трудно позавидовать. Отступавшая в полном беспорядке армия попадала под бомбежки и обстрелы, а с нею и бывшие «двадцатиминутники». А немалое число их было просто застрелено под видом шпионов и диверсантов. Ведь документов у них вообще никаких не было: зачем заключенному документы? А раз нет документов — вражеский лазутчик. У страха глаза велики: что вражеский лазутчик будет иметь все необходимые документы, и прекрас-

ного качества, даже подлинные, об этом в той обстановке вряд ли кто думал.

Но речь не о том, а о рабочем дне. К войне все-таки готовились. И готовились загодя. В 1940 году была введена трехсменная работа на предприятиях, особенно на выпускавших оборонную продукцию. А какие заводы у нас не выпускали оборонной продукции? Итак, 24 часа в сутках — три смены по 8 часов. 26 июня 1941 года правительство приняло решение предоставить директорам заводов право вводить вдобавок к обычным восьми часам 3 часа обязательных сверхурочных работ. Очень удобно: 24 часа в сутки — две смены. А лишняя смена призывается в армию. Какой же директор не воспользуется этим правом? Случись невыполнение плана, недопоставка продукции — спросят, почему же ты не ввел сверхурочные работы. И — под суд. И правильно: время военное, а продукция нужна на фронте. Почему нельзя было сразу ввести 11- или даже 12-часовой рабочий день? Но ведь неловко как-то: из-за 8-часового рабочего дня рабочие революцию делали, а тут — на тебе! К тому же власть слегка подсластила пилую: эти сверхурочные работы оплачивались в полуторном размере. Все же не так обидно. Заодно были отменены выходные и праздничные дни и отпуска с последующей денежной компенсацией после войны. Так что, когда нам рассказывали (и рассказывают), что рабочие по 12 часов, без выходных и отпусков героически работали, не выходя из цехов, то забывают объяснить, что они и не могли уйти.

Да иной раз и уходить не стоило. Со мной работали ребята, которые начали трудиться во время войны. И рассказывали, как они, съев пайку, кучкой ложились спать в теплой сушилке (паром сушили пиломатериал для моделей), накрывшись одежкой, потому что идти за 2–3 километра в холодный барак общежития просто не стоило.

Кстати, насчет этих ребят, пришедших на заводы. Сейчас никто не верит, что с 12 лет в СССР ребенок становился взрослым. Когда я окончил 4 класса (это называлось начальная школа), из моего класса ушли работать трое: девчонка в няньки и двое ребят конюхами в леспромхозы, где трудились их родители. И был еще один путь — на завод. В 1939 году стали создаваться так называемые трудовые резервы. Это были ремесленные училища, куда учащихся набирали по мобилизации. Скажем, в колхозах ежегодно нужно было направить в «ремеслу» как минимум одного человека. А если колхоз большой — то и больше. Побег из такой школы расценивался как уголовное преступление, и за него давали год заключения. Учащихся обеспечивали общежитием, форменной одеждой и трехразовым питанием. И три дня в не-

делю они учились в классах, а три — работали, проходили практику. После 5-го класса многие мои одноклассники ушли в ремесленные училища: просто родителям не под силу было содержать детей в школе, а здесь и одежда, и обувь, и кормежка, и маленькую зарплату в дом будет приносить.

Вот из этих «трудовых резервов» и формировалась армия малолетних рабочих, заменивших ушедших на фронт отцов. Наверное, видели на фотографиях и в кинохронике военного времени пацанов, стоявших у станков на ящиках?

Здесь тоже не мешает взглянуть на другую сторону медали. Попробуйте угадать, кто больше даст продукции и более высокого качества: взрослый мужчина, кадровый квалифицированный рабочий, или слабосильная женщина либо мальчишка, впервые пришедшие на завод? То-то.

Крестьянство

Как всем нам известно, Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года дала мир народам, фабрики рабочим, а крестьянам — землю. Представляется необходимым поговорить об этом решении самого насущного вопроса — аграрного. Сразу беру быка за рога и заявляю, что сделавшее эту революцию не слишком грамотное в юридических вопросах крестьянство (а кем же были в своем подавляющем большинстве солдаты и матросы?) было ограблено. Ограблены были крестьяне, владевшие собственными землями на праве собственности. Ненадельными землями, полученными в 1861–1862 годах (кстати, тоже выкупленными крестьянством), а купчими, за которые было заплачено кровными, потом заработанными деньгами. И было этих земель очень и очень немало.

В доказательство воспользуемся работой самого В.И. Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», написанной им для Энциклопедического словаря бр. Гранат. В ней приведены следующие данные:

Принадлежало частновладельческих земель:

	в 1877 г.		в 1905 г.		в 1905 г.	
	млн дес.	%	млн дес.	%	увелич. +	уменьш. –
	Во сколько раз					
Дворянам	73,1	79,9	53,2	61,9	–19,9	–1,4
Духовенству	0,2	0,1	0,3	0,4	+ 0,1	+ 1,74
Купцам	9,8	10,7	12,9	15,0	+ 3,1	+ 1,30
Мещанам	1,9	2,1	3,8	4,4	+ 1,9	+ 1,85
Крестьянам	5,8	6,3	13,2	15,4	+7,4	+ 2,21
Прочим	0,7	0,5	2,5	2,9	+ 1,8	+ 6,5

Затем началась Столыпинская аграрная реформа, суть которой заключалась в создании мощного слоя крестьян-собственников. Надельные, т. е. принадлежавшие сельской общине, но выкупленные крестьянами земли можно было закреплять в собственность, оставляя в череполосном владении, объединяя в отруба или в хутора.

В 1915 году дворянам (помещикам) принадлежало уже 39,5 миллиона десятин, что составляло 43,63 % от общего землевладения, а крестьянам — 33,7 миллиона десятин, т. е. 37,13 % **всей частновладельческой земли**, в т. ч. 16,6 миллиона десятин было в личной собственности и 17,06 миллиона — в собственности крестьянских обществ и товариществ (Отечественная история: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 252). Отметим, что в товарищества и общества для покупки земли и обычно для совместной ее эксплуатации, объединялись, как правило, беднейшие крестьяне, не способные самостоятельно приобрести нужное количество земли.

Итак, за 10 лет, прошедших с начала реформы, крестьянское купчее землевладение почти сравнялось с помещичьим.

Большевистские пропагандисты, несомненно, назвали бы все купленные крестьянами земли — кулацкими владениями. Но... Ленин дал и распределение этой земли по размерам владений. Нас интересуют только небольшие, т. е. не «кулацкие» владения. Итак, на конец XIX века по владениям менее 10 десятин: владельцев 409 864, земли у них 1 625 226 десятин, что дает на одно владение в среднем 3,9 десятины. Владельцев участков от 10 до 50 десятин 209 119, у них земли 4 891 031 десятина, т. е. по 23,4 десятины на владение в среднем. Кстати, отметим, что в известной работе «Развитие капитализма в России» Ленин подчеркивал, что крестьянскому хозяйству, «чтобы свести концы с концами», нужно 15 десятин земли.

Итак, уже на конец XIX века, по Ленину, почти 410 тысяч крестьян владеют мельчайшими, парцеллярными участками. Это именно крестьянские, а не «кулацкие» владения. Владения, стоившие нечеловеческого труда, крови и пота.

Сколько таких парцелл было приобретено в собственность к 1917 году, можно догадываться.

Думаю, учитывая ход Столыпинской реформы — близко к миллиону.

Тут еще нужно учесть, что огромная масса крестьян-собственников возникла в ходе переселений в Сибири и на Дальнем Востоке. Эту землю надо ведь было собственными руками очистить от тайги, проживая в шалашах и землянках, распахать, засеять...

Известный Декрет о земле, принятый на II Съезде Советов 25 октября 1917 года, предусматривал переход помещичьих и иных земель в распоряжение **крестьянских комитетов и уездных крестьянских Советов** до окончательного решения всех земельных вопросов Учредительным собранием. Как известно, Учредительное собрание большеви-

ками было разогнано, и формально вопросы эти повисли в воздухе. Но как раз земельный вопрос на первом заседании Учредительного собрания успели решить — о социализации земли. И на III Съезде Советов тоже был принят закон о социализации земли, т. е. переходе ее в распоряжение местных земельных органов. Писал этот закон, развивавший положения Декрета о земле, левый эсер Илья Майоров, так что понятно, каково было содержание закона. В соответствии с решением Съезда, крестьяне стали делить помещичьи, удельные, монастырские и казенные земли. Сколько же земли перешло крестьянам? Ведь советская пропаганда десятки лет твердила о том, как она благодетельствовала крестьян.

К 1917 году у помещиков оставалось всего около 40 миллионов десятин, из которых половина была уже в аренде у крестьян. А в результате конфискации помещичьих и иных земель в руки крестьян перешло к 1919 году всего лишь 17,2 миллиона десятин: остальные остались в руках государства. Сравните это с 33,7 миллиона только купчих крестьянских земель в 1915 году, не считая надельных (еще раз напоминая: уже выкупленных у помещиков).

Все это было **отнято** большевиками-ленинцами у народа уже в результате национализации земли, т. е. перехода ее в собственность государства. Что произошло с землей в период коллективизации — объяснять не нужно.

Кто-то может, опираясь на остатки школьных знаний, возразить, что земля осталась в руках у крестьян. А вот товарищ Ленин с этим не был согласен. В программной статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», написанной ко второй годовщине Октябрьской революции, он писал, что крестьяне **обязаны** сдавать государству хлеб, полученный на **государственной** земле. Эту статью студентам в вузах не давали прорабатывать. Неловко как-то. К тому же он там антимарксистский ляп допустил, заявив, что у рабочих тоже ведь есть право на долю этого хлеба, полученного с помощью сделанных ими орудий труда. Забыл Ильич начало «Капитала», где Маркс писал о прибавочной стоимости, часть которой за сделанную продукцию уходит в виде заработной платы рабочих. Крестьяне уже оплатили эти орудия, купив их, и рабочие свою долю уже получили.

Это Ильич писал в связи с тем, что была установлена продовольственная диктатура и крестьянство облагалось продразверсткой. Взяла ее вооруженная продармия. Пушек у нее, надо полагать, не было, а вот пулеметы были. 60-тысячная армия — не шутка.

В школьных и вузовских учебниках истории писалось, что изымались «излишки». Да вся штука в том, что разверстывалась заготовка хлеба загодя, в начале календарного года, в январе, зимой, а не по получении урожая. В общем-то и правильно: нужно заранее планировать, сколько хлеба нужно для содержания партии и ее вождей, для ВЧК, для армии, для рабочих, для прочих, если останется. Итак, в начале года определялся необходимый объем хлеба. Он разверстывался по губерниям, в зависимости от их производительности. Губпродкомы разверстывали по уездам, уездные комитеты — по волостям, а там и по хозяйствам. Потому это и называлось: **продразверстка**. А будет ли урожайное лето, или, может быть, озимые посевы уже вымерзли или, наоборот, вымокли и сопрели под снегом — никого не интересовало. Да рабочие продотряды в сельском хозяйстве и не разбирались.

Продотряды действовали, опираясь на ими же создававшиеся комбеды (комнезамы) — комитеты сельской бедноты, по-украински — незаможников. Комитетчики, хорошо знавшие каждое хозяйство в деревне, ходили с продотрядовцами и указывали, в каком дворе можно взять хлеб и сколько, и где он может быть спрятан. За это часть изъятого хлеба поступала в пользу комбеда. С опорой на комбеды и продотряды летом 1918 года в деревне прошли перевыборы сельских Советов, откуда были изгнаны авторитетные и зажиточные крестьяне, ориентировавшиеся на эсеровскую аграрную программу. С большевизацией сельских Советов, по словам Ленина, «окончилась наша, пролетарская революция», и комбеды были распущены: мавр сделал свое дело.

В 1921 году продразверстка, вызывавшая многочисленные крестьянские восстания, была заменена натуральным продовольственным налогом. Его размер также устанавливался еще до весеннего сева, т. е. не по действительной урожайности, зависевшей от погодных условий. Устанавливался он по каждому виду сельскохозяйственной продукции с учетом местных условий и зажиточности крестьянских хозяйств, индивидуально. До 1924 года раскладка и взимание осуществлялись местными продкомами. По привычке, оставшейся у властей от периода продразверстки, при взимании продналога широко применялось насилие: привлекалась милиция, проводившая обыски и конфискации у неплательщиков, которые могли быть арестованы на срок до 7 суток и подвергались судебным преследованиям; так, в зиму 1923/1924 года в Ярославском уезде было арестовано 2000 человек, из них 1300 отдано под суд. Оставшийся хлеб крестьяне могли использовать по своему усмотрению, включая продажу на рынке. А позже этот натуральный,

очень сложный, налог был заменен единым сельскохозяйственным налогом.

Но крестьяне почему-то особой благодарности к советской власти не испытывали. Об этом свидетельствуют их многочисленные письма в «Крестьянскую газету» и другие органы печати, представителям власти вплоть до Сталина, а также секретные сводки политорганов, в большом количестве опубликованные в сборнике «Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах» (М., 2001).

Для тех моих сверстников и людей более старшего возраста, кто пережил советскую эпоху, письма крестьян в газеты (подписанные, с адресами!) с проклятиями в адрес коммунистов и со сравнением положения крестьян при кровавом Николае и совласти в пользу первого, с угрозами красноармейцев, могут показаться чем-то невозможным. Да попробовал бы кто-нибудь писать такие письма хотя бы во времена хрущевской оттепели или брежневского застоя! Такие письма свидетельствуют об изменении психологии советского человека за десятилетия советской истории. И не только о страхе, поселившемся в сознании и заставлявшем даже о невинных, в общем-то, вещах, говорить вполголоса и с оглядкой. Но и о внедренной в это сознание уверенности, что живем мы хорошо, а если и есть какие-то недостатки, то они чисто местные, зависящие только от местного начальства, с которым не повезло. Но и об апатии, захлестнувшей это сознание: все равно плетью обуха не перешибешь. Гнев, порождавший ненависть, сменился в лучшем случае иронической усмешкой.

Иным был народ в первые годы советской власти. Собственно говоря, сама революция, к которой большевики не имели никакого отношения — они только примазались к ней, захватив власть на ее гребне, — свидетельство огромной активности народа. И Гражданская война — тоже. Та война, о которой современный массовый россиянин не имеет представления. Ведь ему десятки лет вбивали в голову сказку о том, что была война «красных», большевиков, боровшихся за народное счастье и поддержанных всем народом, против «белых» помещиков и капиталистов, стремившихся вернуть себе свои богатства и привилегии. Ничего общего с действительностью эта сказка не имела.

Начнем с того, что любая гражданская война — это война всех против всех. Так было и в России. Красные, белые, «жовто-блакитные», зеленые, сибирские автономисты, армия Комуча, антибольшевистская ижевско-воткинская армия рабочих-оружейников и солдат-фронтовиков, Кубанская рада, некоторых членов которой повесил

Деникин, но полки которой дрались с красными, махновцы, григорьевцы, булак-балаховцы, алаш-ордынцы, два крымско-татарских правительства, правительство социалиста Чайковского и администрация генерала Миллера на Севере — чтобы перечислить все «республики», иногда занимавшие только один уезд (кто из читателей слышал о Муганской республике?), все «правительства» и все «армии», вступавшие в союз и расходившиеся по разные стороны многочисленных фронтов, нужно много места. Но если отбросить нюансы в виде национальных пристрастий, переходов «вождей», их отрядов и «армий» с одной стороны на другую (Григорьев был в армии Петлюры, перешел со своими войсками к красным и был командиром дивизии, порвал с красными и действовал на свой страх и риск, вступил в союз с Махно и был им застрелен) и своеобразные оттенки «красного» (командарм Сорокин в 1918 году со слабыми силами держал весь Северо-Кавказский фронт против Деникина, расстрелял большую часть ЦИКа Черноморской республики и был убит комиссарами в тюрьме), то обнажатся три силы. Это большевистская диктатура Ленина–Троцкого, генеральские диктатуры Деникина (позже — Врангеля)–Колчака–Юденича и весь народ. Тот, который действовал под лозунгом: «Бей красного, пока не побелеет, бей белого, пока не покраснеет». Пока была угроза белой реставрации, он вместе с красными бил белых, а с победой красных и введением чрезвычайщины, комиссародержавия и продразверстки, обращал оружие против красных. И в этом была слабость народных масс: они не имели определенной позиции, а их движение не имело определенных форм. Это была борьба за бесформенную волю: без налогов, без рекрутчины, чтобы цены на хлеб были свободными и чтобы из города возили мануфактуру и керосин. Доказывать, что «народные массы» воевали с белыми, нет нужды: об этом все знают. Достаточно напомнить о том, что Красная армия в Сибири разгромила Колчака за два месяца не потому, что была такая сильная, а потому, что Колчака разгромили огромные партизанские армии антиправительственной (но не большевистской) окраски. Это была та самая «партизанщина», против которой Ленин не раз предупреждал «сибирских товарищей», считая ее во много раз опаснее Деникина, Колчака и Юденича вместе взятых (недаром потом почти все командиры таких партизанских армий погибли при невыясненных обстоятельствах: кто на охоте, кто оружие неосторожно чистил...).

А вот сказать о крестьянских восстаниях против большевиков, советской пропагандой неизменно именовавшихся «антисоветскими кулацкими мятежами», нужно.

Самым известным из них была «антоновщина» — восстание в 1920–1921 годах в ряде уездов Тамбовской и Воронежской губерний под руководством бывшего начальника советской уездной милиции А.С. Антонова. По разным сведениям (статистики, конечно, никакой не было), осенью 1920 года, в начале восстания, в нем участвовало 15–20 тысяч человек, из них 2,5–3 тысячи имевших оружие, а в январе 1921 года — уже 50 тысяч. Учитывая, что крестьянское хозяйство может дать одного, максимум двух бойцов (кто-то же должен остаться на хозяйстве), это дает около 70–80 тысяч крестьянских хозяйств. Это что же, после первой волны раскулачивания в 1918 году, в семи-восьми уездах оставалось столько кулацких хозяйств? Но, кроме тамбовского восстания, даже советская историография признает существование массовых «Чапанной войны» в марте–апреле 1919 года в Самарской и Симбирской губерниях (чапан — аналог всем известного армяка, крестьянской рабочей одежды), со 100–150 тысячами восставших; «Вилочного мятежа» в феврале–марте 1920 года в уездах Уфимской, Казанской и Самарской губерний (восставшие были вооружены вилами), Западно-Сибирского, или Ишимско-Петропавловского восстания, в январе–марте 1921 года, против 100 тысяч бойцов которого использовались бронепоезда и бронеавтомобили, тяжелая артиллерия и авиация регулярной Красной армии. Да и при подавлении Антоновского мятежа командующий экспедиционными силами М. Тухачевский, его заместитель И. Уборевич и председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. Антонов-Овсеенко сжигали огнем тяжелой артиллерии целые села, обстреливали снарядами с боевыми отравляющими веществами леса и массами расстреливали заложников «с 15 лет, не взирая на пол». Вот несколько документов об их подвигах.

«11 июня 1921 г., г. Тамбов

Приказ Полномочной комиссии ВЦИК № 171

...Дабы окончательно искоренить эсеров-бандитские корни, Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда...

4. Семья, в которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда...

5. Семьи, укрывающие членов семьи бандита, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда...

Подписи: Антонов-Овсеенко, Тухачевский».

«12 июня 1921 г., г. Тамбов

...Леса, в которых укрываются бандиты, должны быть очищены с помощью удушающих газов. Все должно быть рассчитано так, чтобы газовая завеса, проникая в лес, уничтожала все живое...

Подпись: Тухачевский».

Вот еще более красноречивые документы.

«23 июня 1921 г., г. Тамбов

Приказ Полномочной комиссии ВЦИК № 216

...Опыт первого боевого применения показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов следующего способа очистки... Жителям дается 2 часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей... Если население бандитов и оружия не указало, про истечении двухчасового срока взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов... Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства проводятся новые расстрелы...

Подписи: Антонов-Овсеенко, Тухачевский».

«10 июля 1921 г.

Доклад Председателя Полномочной «пятерки» товарища Усconi-на

...3 июля приступили к операции в с. Богословка. Редко где приходилось видеть столь замкнутое и организованное крестьянство. При беседе с крестьянами от малого до старика, убежденного седины, все как один по вопросу о бандитах отговаривались полным незнанием...

Были повторены те же приемы, что и в Осиновке: взяты заложники в количестве 58 человек, 4 июля была расстреляна первая партия — 21 человек, 5 июля — 15 человек, изъято 60 семей бандитских — до 200 человек. В конечном результате перелом был достигнут, крестьянство бросилось ловить бандитов и отыскивать скрытое оружие...

Что касается деревни Кореневки, где ввиду удобного территориального положения было удобное место для постоянного пребывания бандитов, «пятеркой» было решено уничтожить данное селение, выселив поголовно все население и конфисковав их имущество... После изъятия ценных материалов — оконных рам, сеялок и др. — деревня была зажжена...»

Известное читателю по роману «Тихий Дон» Верхнедонское восстание, по существу, было крестьянским: казачество Верхнего Дона было средним по зажиточности, а его руководители были из унтер-офицеров и младших офицеров — выходцев из рядовых казаков. Да

и восстание рабочих оружейных заводов и вернувшихся с фронта солдат в Ижевске и Воткинске в 1918 году, приведшее к созданию Ижевско-Воткинской республики тоже по характеру недалеко ушло от крестьянских мятежей. И знаменитое Кронштадтское восстание матросов Балтфлота тоже, по существу, было крестьянским, вызванным разгулом чрезвычайщины и продразверсткой.

Все эти «мятежи» советскими партийными историками и пропагандистами были объявлены «антисоветскими». Однако эти восстания проходили под лозунгом «Советы без коммунистов», в Ижевско-Воткинской республике сохранились Советы, а кронштадтские матросы выдвинули лозунг «Власть Советам, а не партиям». Из охваченных восстаниями местностей изгонялись красноармейские гарнизоны, уничтожались руководители ЧК и партийных органов, а выборные Советы оставались как рабочие органы. Это были не «антисоветские», а «антибольшевистские» и «античекистские» восстания. Но, согласно ленинским постулатам, советская власть без диктатуры коммунистов и чекистов существовать не может. Этот нонсенс — советская демократия при диктатуре партийных и карательных органов — стал в дальнейшем настолько привычным, что советский человек уже не воспринимал его противоестественную дикость: **демократия при диктатуре.**

Замена продразверстки продналогом, кровавые подавления «кулацких мятежей» и некоторое снижение активности карательных органов после этого подавления снизили интенсивность антибольшевистских настроений. К тому же одни командиры погибли «при невыясненных обстоятельствах», другие предводители мужицких «банд» (ведь все, кто против большевиков — «бандиты») были убиты в боях или попали в засаду, третьи арестованы и застрелены. Эта техника предательского убийства была отработана большевиками еще в Гражданскую войну против ненадежных союзников, склонных к непослушанию: Сорокин застрелен во время заседания суда, арестованный командир 2-й Конной армии Миронов застрелен на прогулке во дворе тюрьмы, создатель 1-го конного корпуса, а фактически родоначальник 1-й Конной армии Думенко убит примерно так же, как Миронов, объявленные героями Гражданской войны Щорс и Котовский погибли при очень неясных обстоятельствах.

Раскулачивание и коллективизация 1929–1932 годов привели вновь к массовому выбросу крестьянского недовольства большевистской властью. В последние полтора-два десятилетия много говорят о массовом голоде, вызванном деяниями режима. Но почти никто не упомина-

ет, что эти деяния вызвали и многочисленные бунты. То, что М. Шолохов изобразил в «Поднятой целине» — «бабий бунт» — это только то, что он мог, или точнее, что ему было позволено сказать. Так, на Украине в период коллективизации разразилось мощное мужицкое восстание, в которое, как кур в ошип, попал и мой дядя, учительствовавший на селе. Восстание было мощным: украинские крестьяне, как в гайдаматчину, взяв на возы жинок с детишками, двинулись по Украине: Черкасщине, Полтавщине, Киевщине, уничтожая повсюду сельские партийные и советские органы власти. Да только где же мужикам справиться с могучей карающей рукой?! Прославленная в песнях Первая конная армия броневиками и автомашинами с пулеметами на них прижала мужицкие таборы к Днепру. Попытались мужики сдаться или хотя бы договориться, чтобы баб с детишками из окружения выпустили — не тут-то было. Бросались они в быстрый и широкий в среднем течении Днепр, пытаясь уйти от свинцового ливня, да разве уйдешь...

Так и кончилось непокорное русское крестьянство, выбитое карателями, выморенное голодом и тифом, сдохшее на непосильной работе в лагерях, вымерзнувшее в тайге и тундре. А те, кто пошел в колхозное рабство, были уже тихи и покорно исполняли все эскапады советской власти.

Новая власть была объявлена рабоче-крестьянской. Но при этом крестьянство, своим тяжелым трудом содержавшее и рабочих, и саму власть, сразу же оказалось на положении ее пасынка. Начнем с чисто формальных явлений. Согласно конституциям РСФСР 1918 года и СССР 1924 года, вводилось неравное представительство при выборах в Советы: представительство от рабочих как «передового» класса было в несколько раз выше. Коммунистическая партия также считалась народной, однако крестьянину для вступления в партию требовались три поручителя с партийным стажем не менее трех лет. Но главным был единый сельскохозяйственный продовольственный налог, основанный на «ножницах цен», предназначенных для выкачивания хлеба из деревни. Заключался этот фокус в искусственном занижении цен на сельскохозяйственную продукцию и завышении — на промышленные товары. К тому же, как размеры налога, так и сроки его уплаты постоянно колебались. Между тем несвоевременная уплата налога каралась пенями, а затем к неплательщикам принимались меры в виде продажи имущества. В этом смысле старая дореволюционная система взыскания недоимок с бесконечными отсрочками и прощением недоимок была для крестьян предпочтительнее. Многочисленные крестьянские письма, посылавшиеся в «Крестьянскую газету», наполнены жа-

лобами и проклятиями в адрес советской власти и коммунистов. Вот, например, письмо крестьянина Вотской области Семена Корлякова, 1924 года. «Почему так дешево ценится крестьянский труд. Мы крестьяне думали с завоеванием власти рабочих и крестьян нам будет много лучше. Но по настоящему видим, что нам приходится хуже, потому что до империалистической войны нам доступнее было покупать фабричного изделия. Если продал 1 пуд муки купил 5 аршин сидцу, сахару тоже можно было купить 5 ф. В настоящее время за 1 ар. сидцу надо платить [$\frac{1}{2}$] пуд и муки и также за сахар. Раньше гвозди были кровельные 4-дюймовые пуд 2 р., а в настоящее время за 1 пуд гвоздей надо продать 13 пудов муки.

И вообще фабричное изделие дороже чем в старое время 4 и 5 раз если говорить ввиду революции и нарушение в Государстве кризис и во всем недостаток. И также кризис в хлебе. Раньше у крестьян хлеба было в запасе миллионы. Но цена была почти что сравнительно с настоящим временем ну на несколько% дороже. А если бы до войны был такой кризис и недостаток в хлебе у крестьян ели бы траву как в настоящее время хлеб был бы недешевле 3-х руб. Значит сравнивая с прошлым нам крестьянам совершенно фабричный товар недоступным и нет возможности существовать. Ну скажем раньше мука была 70 и 80 коп. пуд. На эти деньги можно было купить сидцу 56 ф., сахару 5 фун. соли 1 пуд гвоздей 3 фунта. Крестьянство раньше одевался почти что все фабричным изделием, а нынче в деревнях не увидишь фабричной одежды разве только у кого имеется еще старое. А все своя обработка. Потакому хозяйству нашей местности очень трудно восстановить свое крестьянское хозяйство».

«Кушай, Ваня, тюрю, молочка, брат, нет. Увели коровку за долги чуть свет» — такой стишок крестьянского поэта Сурикова, характеризующий тяжелое положение дореволюционного крестьянства, когда то учили наши отцы и деды в школе. А вот письмо крестьянина Пензенской губернии М.М. Лашманова самому товарищу Сталину. «С продналоговой выкачкой получают массу недоразумений, масса конфликтов, которые крестьян настраивают против советской власти и против партии. Например, 8 февраля в Б. Голицинской волости были торги скота, отобранного за продналог. У крестьянства отбирают последнюю корову, последнюю овцу, отправляя на торги. Корова одна сдохла, от овцы оставили ягнят, этим крестьян озлобили. Я сам своими ушами слышал сотню проклятий советской власти, коммунистам и Москве. Слышны такие слова: что они ездят на рысаках, на автомобилях, едят чего хотят, у крестьянина отбирают последнюю скотину.

Нет, говорят, нам хуже жить при советской власти». Был ли ответ товарища Сталина на это письмецо, и какой — неизвестно: письмо осело в архиве. Но что положение к лучшему не изменилось — факт.

Крестьяне дер. Михайловка Уфимской губ., собравшись в числе 20 душ, так изливали свои жалобы в «Крестьянскую газету»: «...забытые судьбой крестьяне с которых раньше тянуло царское правительство, а теперь налоговые инспектора которых послали наши же товарищи и которые напевали нам, что все будет наше, земля, леса, фабрики, заводы все будет дешево, все задаром будут крестьяне пользоваться землей. Но семь лет прошло, всего этого нет и, наверно, не будет, а мы только знай отдай, не только за землю, а даже за твою коровушку последнюю, какой же смысл крестьянину завести другую или третью корову, крестьянская газета, мы крестьяне слезами просим тебя помоли о нас, о нашей тяжелой жизни, подумай 1 пуд соли не менее 1 руб. 20 коп. Сол же у нас своя, не из за границы аршин ситца 55 коп. и прочее прочее а 1 пуд хлеба 50 коп. Но откуда же нам узят столько в нас пудов земля по душам, затем придет весна нада и с кузницей поделится чтобы наладил старый плуг но он тоже говорит что и я патент имею, а ранше в меня патента не было и я дешево работал, а тепер мне отдай, опят мы крестьяне виноваты. Но газета просим тебя, скажи хотя за деревенского кузница такого же пахаря как и мы что он не торгаши зачем же драть с него налог а он с нас крестьян он наш друг деревенский кузнец. Словом как не стыдно нашему правительству в некоторых случаях набросить непосильною ношу на спину крестьянину хлебоборбу ему не 8-часовой день, того ли мы ожидали от нашего обновленного правительства чтобы аршин сидцу был 55 коп. а пуд ржи 50 коп... Верные твои крестьяне».

Но не все крестьяне писали в газету слезницы. Иные просто утверждали, что рабочий класс и советская власть обманули крестьянство, что они — враги крестьянина. «Крестьянину Советской Республики жить невозможно, а в особенности бедняку и середняку, засосанный рабочим классом, как приедет из города какой-нибудь рабочий, красиво говорит, а толку мало. 1-е, одурманивает нас киллами. 2-е, за мануфактуру берете в 3 раза дороже, а пшеница дешевле на 15 %, так как аршин стоял 15 или 16 коп. лучший сорт, а теперь метр 70 коп., т. е. 2 метра 1 р. 40 коп. А при кровавом Николае 2 метра или 3 аршина стоили 45 коп. и представьте лучше было жить крестьянину. Дальше, вы брехуны, лучше бы вы молчали, говорили, что выучим всех к 10-летию, а тепер вы оставили всеобщее обучение до 1933 года, обманщики, эксплуататоры нашего труда, продукты у нас берете чуть ли

не даром, а за самый пустяк берете втрое: например — катушка ниток 15 к., а при кровавом Николае стоила 5 к., тоже в три раза дороже, дерете с нас кожи, ну что-же Ваша воля и Ваша власть. А нашей власти там нет, всего 10 % так вы им платите по 250 руб. в месяц, чтобы они за Вас руку тянули, а не за нас, там себе берете по 250., Вам поневоле надо тянуть за метр 70 коп., что был 16 коп. ваше царство. Вы царьки... Пусть крестьянин умрет сегодня, а рабочий завтра, но знай — коммунист, что ты для крестьянина ничего хорошего не сделал за 8 лет, но если пойдут капиталисты на Вас войной, так я пойду за тебя воевать именем проклят отныне и довеку крестьянский враг-рабочий».

Впрочем, не только кулаки и не только в 20-х годах косо смотрели на рабоче-крестьянскую власть. Крестьянин-середняк из Тотемского уезда Вологодской губернии А. Замараев записывает в дневнике еще 14 февраля 1918 года: «Немцы в Петрограде... Все почти рады, что немцы заняли столицу, хоть будет порядок, здесь ненавистное большевистское правительство, которое никому не надо». 29 апреля: «На сходе в правлении главный вопрос — продовольственный, как разжиться хлебом... Приглашали купцов достать хлеб, но те отказались, да и нельзя, все отберут да и сам едва цел останешься. Все это наша ненавистная власть наделала такую разруху». 18 июня: «Сегодня сходка в правлении о продовольствии. Говорят, хотели все идти из правления в город в продовольственную управу... На сходе в правлении избили комиссара и учителя Авксентьева». 19 июня: «Сегодня опять сходка. Многие арестованы после того сходу». 29 июня: «Ярославль взят чехословаками и горит. Советскую власть убирают, и пора». 16 сентября: «Большевики отбирают лошадей, телеги, лук — контрибуция». 23 сентября: «Сегодня с утра опять идти вытаскивать пушки (накануне завязшие в грязи. — А. Б.). Угнали всех буржуев. Ну и порядки». 1 ноября: «В народе уныние. Накладывают контрибуцию по 2 тысячи, по тысячи и семи, смотря по состоянию. Скотина описана». 5 ноября: «Приходится платить подоходный налог, 35 рублей. Раньше этого не было». 11 ноября: «Описан хлеб, скотина. Отбирают в городе мебель и посуду. Настроение в народе угнетенное». 19 ноября: «Арестованы и посажены в тюрьму настоятель монастыря и казначей. За что? Купечество все почти в тюрьме, на всех домовладельцев контрибуция, на кого тысяча, две, пять и двадцать и больше. Прямое разорение. На наше правление 200 тыс. рублей. Все недовольны, положение обострится... Народ задыхается от налогов. Назначена контрибуция на нашу деревню — 1500 руб. и кроме того, две коровы... Жизнь стала невыносимой». Начало декабря: «В Семенжове расстреляли 10 человек. Ужас

какой! Позор! Раньше этого не было. Табаку ни у кого нет. В деревне никто не заработал ни гроша во всю осень, а также и в волостях... Черт бы побрал эту грабительскую власть». И так день за днем.

С махровым кулаком советская власть вскоре разберется по-своему. Но вот подрастающее поколение в ту же дуду дудит. Пятнадцатилетний Алфей Кичилин пишет: «Скажите чем отличается советская власть от царской власти, мы крестьяне так не знаем, раньше мы платили один оброк, и больше ни чего, а теперь платим один большой прямой налог и множество косвенных. Но нам говорят и пишут что власть советская лучше. Но кто говорит увы тот кто стоит у власти и работает головой а не руками для прокормления себя как это нужно каждому человеку. Но видно легче и скорей выработать декрет по отборке хлеба чем работать не покладая рук 14 часов поэтому власть одинакова а если она и сменится то одна другой не легче для крестьян, ведь если мы крестьяне не будем давать хлеба праздным людям и всем т. п. то они умрут с холода это верно и ясно».

Конечно, в такой обстановке агитировать за советскую власть было очень тяжело. Вот приехал в 1924 году комсомолец-красноармеец в свою деревню, начал разъяснять односельчанам политику партии, а они противоречат. «Например, я доказывал им, единый натуралог, есть один налог в году в него входит все налоги, на деле выходит, нет, еще местная разверстка по 40 коп. с едака! Школа находится на иждивении граждан, мальчики половина деревни не учатся, больницы и др. расходы тоже несут граждане.

Власть, как мне говорят, с низу до верху, есть назначенская, председателя и секретаря сельсовета граждане не избирают, а откуда-то присылают, хорош-ли, плох-ли, не твое дело! Мы говорят раньше при царизме и то избирали старосту и старшину, а теперь при советской власти нам нет и малейшего доверия, если низы так делают, а о верхах и говорить не приходится».

А вот еще один активист-пропагандист, студент, член партии, мобилизованный для работы на селе в Одесской губернии. Пишет товарищу Сталину. «Вчера я присутствовал на пленуме сельячеек района. Делал доклад об очередных задачах партии. На пленуме, т. Сталин, очень резко была проявлена сельскими коммунистами озлобленность против коммунистов города. Ими все время заявлялось: “Они в городе получают по 150 руб., а мы 15 руб. не имеем” и т. д. в этом роде. Озлобленность крайняя, она к хорошему не приведет, к тому же, это всеобщее явление. Я много объездил сел и везде так же. Далее. Отрыв наших ячеек от массы крестьянства невообразимый. В некоторых селах перед

какими бы то ни было перевыборами ячейка сговаривается, как бы провести мужиков, а мужики как бы провалить ячейку, получается два враждебных лагеря».

Люди моего поколения изучали в школе «Поднятую целину» М. Шолохова и помнят образы сельских коммунистов Нагульнова, Разметнова и присланного из города Давыдова. Чем они там занимаются? А в основном заседают. И только и дела у них, что разяснять политику партии да агитировать работать по-ударному. «Остался только голос вопиющего в пустыне, где же равенство и братство, — писал об этом крестьянин Гомельской губернии Пинищенков. — Дорогие товарищи, работники центральной советской власти, я пишу вам строки, которые на первый взгляд покажутся вам предрассудками. Но между тем, это голос, это в лучшем смысле стоны всего трудящегося крестьянства, в особенности же деревни...

Да, товарищи, так уж больно отзывается на нервной системе ежедневный почти шум ораторов, а также и газет о том, что дали свободу трудящимся, что сбросили вековое ярмо капитала, помещиков, эксплуататоров и царизма с шеи тружеников-крестьян.

Да, товарищи, сбросили старых помещиков, фабрикантов, полицейских, жандармов и всю ту сволочь, служащую царизму и эксплуатирующих рабочих и крестьян, — создали же новых с отличием от старых своими новыми названиями и большою жадностью эксплуатировать.

Дорогие товарищи, вообразите, как больно слышать, что нам говорят: “вот когда крестьянство дождалось хорошей жизни”. И в то же время испытывать те ужасы, что совершаются в деревне.

В одно и то же время говорят, что мы дали свободу крестьянству и всем трудящимся, сбросили вековое ярмо и так далее, и в то же время. Если крестьянин просрочил два-три дня и не уплатил продналога, у него забирают коня, корову и ведут в райисполком и продают за бесценок <...>

Как и больно переживать то, что крестьянство обременено такими ужасающими налогами, что ни один старый дед не запомнит, чтобы платить крестьянину за корову, лошадь, иначе сказать за этот инвентарь, без которого крестьянин не мог добыть себе куска хлеба, тем более что в то же время давило ярмо царизма...».

Недовольство крестьян отражалось и на настроениях красноармейцев, получавших письма из деревни. В секретной сводке помощника начальника Особого отдела и уполномоченного Особого отдела Северо-Кавказского военного округа приведено множество высказы-

ваний красноармейцев. «Взимание единого сельскохозяйственного налога в некоторой части красноармейской массы вызывает резкое недовольство. Письма такого содержания, как: “Продналог дерут по-чем зря, ездит боевая тройка, пощады нет, забирают скот, одежду, сапоги, платки, юбки и т. п.”, производят на красноармейцев самое скверное впечатление <...>

Получаемые письма перечитываются в казармах адресатами по нескольку раз, предлагаются для прочтения другим кр-цам, после чего делаются выводы, что Советская власть только берет, а крестьянам ничего не дает. Кричали о равноправии, а его совершенно нет. Обсуждая вопрос о смычке города с деревней, со стороны кр-цев делаются заявления, в которых ясно проскальзывает недовольство рабочим классом, “рабочему жить лучше, чем крестьянину. О рабочих правительство больше заботится, им доступно почти все, для крестьянина же жизнь ужасная, фабрикаты дороги, а хлеб дешевый, весь налог поступает в город, а взамен крестьянин ничего не получает” <...>

Кр-цы 84 полка 28-й дивизии ЕВСЮКОВ и МОРШУНОВ указывали на неправильные действия Соввласти при взимании налога говорили, что при царском правительстве крестьянство меньше обременялось налогами, в настоящее же время крестьян жмут, продавая последнюю корову. ЕВСЮКОВ указывает, что “Соввласть не отличается от старого правительства, как тогда были шкуродеры господа, так и в настоящее время шкуродеры-коммунисты, такие же господа, катаются на крестьянских спинах” <...>

Кр-ец Новочеркасской конной команды СУСЛИК говорил, что ему пришлось встретиться с некоторыми демобилизованными кр-цами в деревне, которые резко высказывались против местных властей, говоря, “если бы появилась сейчас банда, то мы бы первые охотно пошли в нее”. Вся вина сваливается ими на Компартию, как на партию, стоящую у руля правления».

По закону, семь красноармейцев действительной службы освобождались от продналога. Но, как известно, законы пишутся «наверху», а исполняются (вернее, не исполняются) «внизу». 6 февраля 1925 года было «пущено» письмо красноармейцу 1-го Московского отдельного стрелкового полка Белоусову из деревни Силома Тамбовской губ.: «Дорогой братец Коля теперь я вам пропишу новеньково — у нас власть взяла за продналог корову последнюю мою падевку Анюткину юбку с кофтой и платок и отцов халат и сундук. Вот дорогой братец, вы писали не платите продналог. Кто приедет за продналогом бей колом. Как же я его буду бить. Если бы прислали мне приказ, тогда-бы я

его ломанул-бы колом. Дорогой братец Коля, гоняли наших деревенских в волость к допросу им и говорили — это еще с вами обходятся хорошо, тихо, а вчера посмотрели-бы что делали — били. Дорогой братец Вы-бы там хоть немного центральную власть, товарища Рыкова или кого-нибудь кто там заведывает по этой части. А то они тут понажились, все ходят при галошах, как господа, а не пролетарии».

«Пролетарии», оказавшиеся «при власти», навёрстывали свое, раздражая крестьянство. Вот обращение уже не к «братцу Коле», а прямо «В Всероссийский Исполнительный Комитет Р.С.Ф.С.Р.»: «Мы граждане нижеподписавшиеся, отсталых темных уголков, просим расследования наших жалоб, относительно непосильных налогов на территории Белоруссии и также всех наших больных вопросов, следующее: <...> Почему такое неравенство в нашей Белоруссии весьма непосильные налоги это первое, а второе большое жалование некоторым лицам, это все на нашем горбу нужно нести, есть многие такие, которые сидят только за столом да себе деньги огребают. Я кренин привел корову продавать за налог, мне дают всего 15 рубл. Захожу в ресторан там сидят командиры з барышнями да говорят, что нам стоит один обед 20 рубл., хоть как видно, что кому легко достаются деньги. Я корову растил 5 лет и получаю за ее 15 рублей, а тут за один обед больше съедают, как одну корову и так многие факты есть такие, как только что чуть побольше шишка, чуть большую должность занимает, то глядишь ему идет в месяц 100–136 рубл.»

Разгул тех, кто «стал всем», быстро стал распространяться и на покойных вождей, прежде всего на Ленина, культ которого начал формироваться в 20-е годы. В ту пору это вызывало еще отрицательную реакцию со стороны народа. Вот из Гомельской области некто Виноградов жалуется на множество вопросов, которые приходится слышать, проводя беседы в деревне. «Задается ряд колких вопросов, на которые низовой работник не всегда сможет дать точные ответы: “Неужели будет увековечиваться память о тов. Ленине, всякая мелочь — где он спал, сидел, ходил, и откуда на это берутся средства?” Второй вопрос: “Из каких средств текстильный трест отпускает три тысячи рублей на поддержание шалаша, в котором тов. Ленин спал в 1917 году, и не ляжет ли это накладным расходом на фабрики?”

После ряда заданных вопросов, один крестьянин начинает говорить, а все остальные спрашивают: “Да, это правда. В прошлом году в нашей деревне (дер. Дуброво, Горвальской волости) государство при нашей помощи хотело провести завет тов. Ленина: построить новую школу по советскому плану, сельсовет погнал нас в лес за бревнами,

навозили бревен, очистили их, говорят: “не сегодня-завтра приедет техник разбивку делать для постройки новой школы”. Но увы, Речицкий уездный отдел народного образования ответил: “Государство бедно и на постройку вашей школы не может отпустить двух тысяч рублей”. Так бревна лежат и гниют, а на какой-нибудь шалаш, где тов. Ленин спал, отпускается три тысячи рублей. Тов. Ленин, кажись, таких заветов не давал, чтобы золотить все те места, где он спал, сидел, ходил, — этим, пожалуй, память о тов. Ленине не увековечишь, а скорее вышибешь».

И в школе, и в вузе нам много рассказывали о трудностях первых десятилетий советской власти, и как героически они преодолевались. Верно, трудностей было предостаточно, хотя бы в деревне. Одной из трудностей были бесконечные собрания, где, очевидно, крестьян убеждали (пока по-хорошему) вступать в колхозы. Пежемский Вельского уезда Вологодской губернии крестьянин И. Гловов записывает в дневнике за 1931 год: 11 апреля: «Ночь сидели на собрании»; 12 апреля: «Тая (жена. — Л. Б.) вечером на собрании»; 13 апреля: «Тая и сегодня вечером на собрании». Это при том, что все эти дни исполнялась обычная крестьянская работа. Да ведь те, кто проводил эти бесконечные собрания, не пахали и не жали. Они забирали готовое прямо из амбаров.

Чтобы преодолеть трудности, и была проведена коллективизация: из одного, коллективного, амбара хлеб забирать куда как проще! Московский историк (еще дореволюционный) Шитц оставил нам чрезвычайно информативные дневники за 1928–1931 годы. Не преминул он упомянуть и о процессе коллективизации и раскулачивания: «Кроме того массовые аресты. Забирают мужиков десятками по деревням и куда-то угоняют; не то на работы, не то по тюрьмам... Цель, говорят, уничтожить сопротивление коллективизации.

Параллельно идут расстрелы. Расстреляли 12 человек по астраханскому делу... Расстреливают — “кулаков”, т. е. зажиточных крестьяне, если в деревне случится пожар или побьют чересчур паскудного корреспондента (“селькора”)... Разгром деревни идет вовсю и уже не стесняясь, как в средней полосе, так и под Москвой. Крестьян хватают семьями, держат на пунктах (своего рода концентрационные лагеря), где многие хворают и мрут, а потом эшелонами ... отправляют на север, в Сибирь, на пески Казахстана».

Вполне положительный процесс кооперирования сельского хозяйства, объединения мелких распыленных крестьянских хозяйств начался с первых лет советской истории. Уже в 1918 году в стране было

5 тысяч совхозов и около 6 тысяч колхозов. Процесс коллективизации шел медленно ввиду нежелания крестьян отказываться от своей земли. В 1928 году имелось 33 тысячи колхозов, крайне мелких, объединявших всего 2% крестьянских дворов. В основе коллективизации лежал план крупного немецкого специалиста в области сельского хозяйства, доктора Пюшеля: он предусматривал кооперирование наиболее зажиточной и культурной части крестьянства и постепенное внедрение в массы идеи ведения совместного культурного хозяйства на научной основе. Однако план был абсолютно извращен коммунистическим руководством, в т. ч. с целью «укротить мужика» как самого страшного, смертельного классового врага. Идея ускоренной массовой коллективизации, т. е. экспроприации крестьянства, принадлежала Л. Троцкому: Сталин, чтобы выбить аргумент из рук своего опасного врага, перехватил эту идею. С 1929 года начался переход к поголовной насильственной коллективизации, сопровождавшейся массовыми эксцессами в виде многочисленных восстаний крестьянства и раскулачивания. В 1929 году в стране насчитывалось 57 тысяч колхозов, в 1933 году, к концу коллективизации — 224,5 тысячи. Изначально коллективизацию предполагалось вести на машинной базе, но в 1929 году в обслуживавших колхозы МТС имелось всего 2,4 тысячи тракторов, а в 1933—122,3 тысячи (сравним с числом колхозов); в 1928 году тракторам принадлежало 2,5% энергетических мощностей сельского хозяйства, а рабочему скоту — 94,8%, и даже в 1940 году трактора давали 37,1% энерговооруженности против 22,3%, приходящихся на долю рабочего скота. Фактически массовая коллективизация проводилась с целью упрощения изъятия хлеба у крестьянства, упорно не желавшего торговать с государством при низких ценах на хлеб и высоких — на промышленные товары. Результатом коллективизации и сплошного вывоза хлеба из колхозов стал массовый голод 1932–1933 годов. Хозяйственные успехи коллективизации были плачевными. Так, на конец 1932 года, когда она была в основном завершена, колхозных коров было 2,6 миллиона голов, и даже к началу 1941 года — 5,7 миллиона из общего числа 27,8 миллиона, а средний годовой удой от коровы в колхозах в 1932 году составил 931 литр — менее 3 литров в день, как от козы.

Насильственный характер поголовной коллективизации требовал чрезвычайных мер для ликвидации сопротивления крестьянства. Нужно было ликвидировать наиболее устойчивый и активный элемент и деморализовать остальное население деревни. Это достигалось путем «раскулачивания». После Октябрьского переворота слово «ку-

лак» стало пропагандистским определением зажиточного крестьянина, особенно использовавшего наемный труд, машины (например, ручную молотилку или веялку, пусть и купленные на последние деньги), державшего мельницу и т. п. В дореволюционный период кулаком именовался сельский или городской скупщик или перекупщик сельскохозяйственных продуктов, в т. ч. покупавший их в кредит, под раскладу в долг небольших денежных сумм, т. е. фактически занимавшийся мелким ростовщичеством; при этом огромная масса кулаков-перекупщиков не имела собственной земли и жила в подлинной нищете, перебиваясь с хлеба на квас и не зная, что будет есть завтра (см., например, поэму И. Никитина «Кулак»). В дореволюционный период кулачество признавалось вредным занятием, закон прямо запрещал скупку у крестьян хлеба за долги, кулаки пользовались презрением общества, но были вынужденным злом ввиду отсутствия мелкого сельского кредита.

Первая волна раскулачивания прошла летом 1918 года в связи с проведением продразверстки и деятельностью комбедов и продотрядов, медленно затихнув к концу Гражданской войны. Новый, и окончательный удар по кулакам был нанесен в конце 20 — начале 30-х годов. В конце 1928 года было запрещено принимать кулаков в колхозы, а в 1929 году начались конфискации и выселения. Раскулаченные были разделены на 3 категории. По 3-й категории после конфискации имущества раскулаченные должны были выселяться за пределы данной местности; в местах водворения они должны были поселяться группами от 10 до 50 человек в специально построенных выселках-«пятихатках», но идея оказалась мертворожденной, и подавляющее большинство раскулаченных осталось в своих селах или разбрелось в разные стороны, а с конца 1930 года эта категория отправлялась в ссылку наряду с раскулаченными по 2-й категории. По 2-й следовала ссылка целыми семьями в отдаленные места Севера, Урала и Сибири в спецпоселения и трудовые поселения. По 1-й категории ссылке подлежали только члены семей, а сами хозяева подлежали заключению в лагеря или расстрелу. Раскулачивались и ссылались также «подкулачники», т. е. середняки и даже бедняки, упорно не желавшие идти в колхозы и протестовавшие против раскулачивания. Конфискованное имущество передавалось в колхозы в качестве взносов бедняков и батраков. Раскулачиванию и ссылке подлежали целиком семьи, включая стариков и младенцев. В отдельных случаях раскулачивались целые селения, например, кубанская станица Урюпинская. Ссылаемым разрешалось брать с собой только носильные вещи, надетые на них,

и немного продовольствия. Под конвоем их вывозили в телячьих вагонах в места поселения, в совершенно пустынные и малопригодные для жизни и ведения хозяйства места, в т. ч. за Полярный круг, и оставляли там. Итогом была колоссальная смертность: вымирали целые поселения. Поскольку самостоятельно выбраться из мест поселений было трудно, а присмотр за поселенцами, именно ввиду их оторванности, был слабый, наиболее сильные люди могли бежать; однако большая часть беглецов уходила при транспортировке до места поселения. Пойманных беглецов отправляли в лагеря. Значительная часть раскулаченных сразу направлялась в лагеря (либо в лагеря превращались их трудовые поселения) и на работы по лесоповалу. Общее количество раскулаченных и сосланных неизвестно и никогда не будет определено, но, по разным расчетам, вместе с членами семейств их было до 12–15 миллионов человек. Годы коллективизации и раскулачивания официально были названы временем «Великого перелома». И действительно, деревне был переломлен хребет.

О колхозах в СССР, да и в постсоветский период не писал только ленивый. Экономисты, историки, социологи, пропагандисты, беллетристы... Колхозы воспевали, колхозы проклинали... Но большей частью делалось это с позиций, так сказать, государственной истории: коллективизация, роль колхозов в социалистической экономике и т. д. Собственно колхозник, его повседневная жизнь ученых не интересовали. Диссонанс внесли, более или менее робко, только несколько писателей-«деревенщиков» в 60–80-х годах: Владимир Тендряков, Федор Абрамов, Василий Белов... Сами деревенские жители, они посмотрели на медаль с другой стороны.

Во-первых, с самого начала наиболее крупные и жизнеспособные помещичьи имения, «экономии», были превращены в госхозы, в основном специализированные — племенные, зернопроизводящие. Или же в огромные совхозы, что, по сути, то же самое. Был, например, такой совхоз — «Гигант». Государственное сельскохозяйственное предприятие. Работали там государственные сельскохозяйственные рабочие. Так что окрестные крестьяне на помещичьи земли, инвентарь и скот только облизнулись. В раздел пошли хозяйства плохонькие.

Помимо совхозов, перед войной или уже во время войны, были при предприятиях созданы т. н. подсобные хозяйства: достаточно обширные, чтобы обеспечивать продуктами большой рабочий коллектив. На них также работали сельскохозяйственные рабочие.

Но все же с начала 30-х годов колхозы, а точнее, сельхозартели, преобладали. Были они разные по размерам и по зажиточности. По

данным информационной записки Сельхозотдела ЦК ВКП(б) от 7 июля 1950 года, на 1 января 1949 года в стране насчитывалось 226,3 тысячи колхозов, объединявших более 18 миллионов дворов и 27,6 миллиона трудоспособных колхозников. В среднем на колхоз приходилось 707 гектаров пахотной земли, 80 дворов и 122 трудоспособных колхозника. Но это ведь «в среднем», учитывая и огромные колхозы Украины или Кубани. А в натуре имелось свыше 46 тысяч колхозов (20,4 %) с количеством дворов менее 30, в том числе 8670 колхозов, объединявших до 15 дворов; 35,4 тысячи колхозов имели площадь посевов до 100 гектаров. И это при том, что в конце 30-х годов уже имело место укрупнение колхозов.

Я купил в подмосковной Мещере домишко в деревне на краю леса, за болотами. Сейчас там 7 домов, а в 50-х годах было 12 дворов. И это был самостоятельный колхоз. Вот, выйдет утром председатель на крыльцо, посмотрит на небо, и орет на всю деревню: «Бабы, с граблями сено ворошить!» Но такие колхозики, лежавшие за речками и болотами, были плохо управляемы. А армии управленцев надо же чем-то управлять. А как управлять, если председатель практически бесконтрольную жизнь ведет. Вот как у нас было. Заставили его силос заготавливать. Он траншею вырыл, чем попало закидал, землей присыпал — и отпраповал. На следующий год заставил баб лопатами свежей землицы на осевшую насыпь покидать — снова отпраповал. А зачем ему силос, если на несколько десятков коров сена на лугах хватает? Еле-еле на чистую воду саботажника вывели: донес кто-то...

И стали колхозы объединять. 30 мая 1950 года появилось постановление ЦК ВКП(б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле». В результате число колхозов уменьшилось на 46 тысяч. В Кировской области было 9150 колхозов, а стало 4639. Правда, такое сокращение, на четыре с половиной тысячи хозяйств, было самым высоким, даже исключительным по стране. Возникли огромные хозяйства, раскинувшиеся на многие десятки километров, включавшие до дюжины деревень, где теперь были не самостоятельные колхозы, а бригады. Хорошо? А это как посмотреть. Во-первых, теперь хозяин не мог каждый день на каждое поле поглядеть и решить, сообразаясь с погодой и прочими условиями, что делать. А во-вторых — это было абсолютно незаконно.

Формально колхоз, т. е. сельскохозяйственная артель, был добровольным объединением крестьян, решавших важные дела на общем собрании, а текущие дела — с помощью избранного правления. И при организации ему была выдана красивая бумага — Акт на вечное поль-

зование земель. Где-то теперь эти красочные грамоты?.. Так что объединять-разъединять колхозы администрация права не имела: захотят колхозники на общем собрании — сами объединятся. Да вот еще с соседней деревней объединиться можно — каждого мужика, каждую бабу лично знаем. Но как объединяться с теми, кого и в глаза никогда не видывали?

«Куст» колхозов обслуживала МТС — машинно-тракторная станция, за что с колхозов следовала натуроплата. Кроме техники, в ней специалисты и рабочие. Колхозы поставляют только вспомогательную рабочую силу — прицепщиков и пр. Опять же в конце 50-х годов было решено, что объединенные колхозы у нас такие мощные, а колхозники такие образованные, что могут технику у государства выкупить и сами с нею справиться. И специалистов могут содержать. Технику колхозам продали, а МТС реорганизовали в РТС — ремонтно-технические станции. Несколько позже в помощь совхозам и колхозам — владельцам техники — было создано государственное объединение Сельхозтехника.

Ну, а раз такое дело — колхозник в почти индустриального рабочего превратился. Опять же ввели денежное авансирование, понемногу стали колхозники паспорта получать, стали поговаривать об их государственном пенсионном обеспечении... И в том же конце 50 — начале 60-х годов колхозы превратили в совхозы. А общее собрание?.. А Акт на вечное землепользование?.. Да где они, эти акты? За давностью лет, за пертурбациями давно уже утеряны.

И осталось колхозов по несколько штук на область. Да и ничем они от совхозов не отличаются. Все равно, как в 90-х годах вместо совхозов создали ЗАО — закрытые акционерные общества, а они все равно совхозами остались, и сами рабочие их так зовут.

Но это все присказка. А сказка — вот она.

Как уже стало понятным, и решения общих собраний — мираж, и всяческие акты и уставы сельхозартелей — филькина грамота.

Вот, например, выполнил колхоз план по сдаче зерна государству. Остальной урожай можно и в семенной фонд засыпать, и на трудодни колхозникам раздать, и на рынке продать — сбрую лошадям новую купить, в школе крышу перекрыть, да мало ли в хозяйстве дыр? Ан нет. «Первый» (первый секретарь райкома партии — первый после царя и бога) звонит председателю: сдавай второй план, район с хлебозаготовками не справляется. Не сдашь — партбилет на стол положишь! А чтобы партийное слово было крепче — едет в колхоз уполномоченный от райкома, какой-нибудь директор горторга или заведующий

сберкассой. Ему-то ведь все равно, получают ли колхозники хотя бы по 100 граммов зерна на трудодень — он на зарплате сидит.

Вот как 14 февраля 1948 года в докладной записке министру госбезопасности В. Абакумову описывал ситуацию начальник управления МГБ по Хабаровскому краю генерал-полковник С. Гоглидзе: «...в погоне за мнимым выполнением и перевыполнением плана госпоставок со стороны местных партийных и советских органов по отношению к колхозам применялись недопустимые меры принуждения для вывозки и сдачи на склады “Заготзерно” в счет госпоставок семенного зерна, снятого с семенных и сортовых участков... В ряде колхозов, даже успешно справлявшихся с выполнением плана госпоставок зерна государству, членам артели, по указаниям партийных и советских органов, 15-процентный аванс на трудодни не выдавался, а весь хлеб вывозился на элеваторы. Планы сдачи хлеба государству, установленные для отдельных колхозов и даже районов в целом, в 1947 году по нескольку раз изменялись в ходе выполнения госпоставок в сторону их увеличения.

<...> Отрицательную роль в организации хлебоуборочных работ сыграли слишком раздутые институты уполномоченных, направленных в колхозы партийными и советскими органами. Так, только в одном Ивановском районе Амурской области на 31 колхоз было выделено 80 уполномоченных, в том числе 23 от райкома, 18 от обкома и 39 от крайкома ВКП(б)».

Это же сколько бездельников сидело в деревне, подстегивая и мешая в работе! Ведь любому маленькому начальнику, на которого «первый» в райкоме или обкоме кулаком по столу стучит, хочется почувствовать себя тоже большим начальником. И вот этот директор сберкассы кругом нос тычет, дурацкие распоряжения дает, подстегивает «Давай, давай! Партия велела!». Самое лучшее было, это когда такой уполномоченный догадывался, что он в деревенских делах ничего не понимает, и скромно показывался в правлении раз-два в день, сообщал сводки в райком, а в остальное время сидел с удочками на бережку, или с ружьишком по лесам бродил. Понимал, что у людей и без него хлопот хватает.

Все эти сверхплановые сдачи, о которых писал Гоглидзе, хороши были для райкомов, а хозяйствам выходили боком. Так что знаменитые колхозные трудодни обычно превращались в еще более знаменитые «палочки» — отметки о выходе колхозника на работу. Думали по килограмму зерна выдать — выдали по 100 граммов. Думали по 200 граммов выдать — выдали, сами понимаете, что. Гоглидзе сооб-

щал, что в Хабаровском крае административные приемы работы с колхозами «...привели к резкому сокращению продукции, распределяемой между колхозниками на трудодни, к резкому снижению стоимости трудодня... основная масса колхозников получила менее 500 граммов зерна на трудодень. Около половины колхозов выдали колхозникам менее 300 граммов...». Конечно, это 1948 год, но зато и Хабаровский край: на военное разорение сослаться трудно. Впрочем, до войны было не лучше: например, в 1936 году колхозы Ленинградской области выдали на трудодень менее трети килограмма зерна. На трудодни полагались и денежные выдачи — за вырученную продукцию. Однако очень многие колхозы не выдавали денег. В 1940 году 12% всех колхозов не выдали на трудодни наличных, а в Тамбовской области таких колхозов было уже 26%, в Рязанской же — 41%.

Недавно рассказал об этом молодому знакомому, а он удивился: зачем же они бесплатно работали?

А вот зачем.

Чтобы «подкулачники», оказавшиеся в колхозах, не саботировали коллективный труд, 27 мая 1939 года для колхозников был установлен обязательный минимум трудодней. По регионам он составлял 60, 80 и 100 трудодней, но 13 апреля 1942 года этот минимум был увеличен в полтора раза: в хлопкосеющих районах до 150, в основных сельскохозяйственных до 120, в остальных — до 100. Был установлен минимум трудодней и для подростков с 12 до 16 лет — членам семей колхозников: 50 трудодней. Управленцам, механизаторам и т. д. писали за день работы и по 1,3–1,5, председателям по 2 трудодня. А рядовым, но «специалистам» (дояркам, прицепщикам и т. п.) — по одному, членам же полеводческих бригад, т. е. уж самым что ни на есть рядовым колхозникам — 0,5 трудодня за выход. Вычтем из 365 годовых дней 52 воскресенья да добавим к ним 2–3 дня на праздники — получим 310 дней. Значит, рядовой колхозник обязан был работать от трех дней в неделю до полной недели. Только что я сказал о 300 граммах на трудодень в 1936 году в Ленинградской области и в 1948 году в Хабаровском крае. Помножим 300 граммов на 300 дней — получим 90 килограммов зерна за год работы. А в семье может быть один трудоспособный, зато несколько иждивенцев: дети, старики, больные. Тогда на рот приходится уже не по 250 граммов, а, так, граммов по 100, а то и меньше. Как в блокадном Ленинграде в самые тяжелые месяцы.

Поскольку трудодни, сколько бы ты их ни заработал, в основном были «пустыми» или не слишком переполненными, а жить все же хотелось, приходилось изыскивать средства к существованию помимо кол-

хозной работы. Для этого колхозникам полагался подсобный приусадебный участок — 25 соток. Тенденцией было увеличение этих участков, естественно, за счет сокращения собственно колхозных угодий, и партии постоянно приходилось бороться с этим. Усадьба обеспечивала колхозника продуктами, а некоторые даже ухитрялись сеять на ней немного ржи на хлеб, гречихи на кашу, ячменя на брагу, овса курам.

Но требовались и «живые» деньги, например, на уплату налогов. Значит, нужно было продать либо часть урожая с огорода, либо какие-нибудь ремесленные изделия (корзины, коромысла и т. д.), либо заработать эти деньги на стороне — выкалывать лед для домашних ледников, пилить и колоть дрова и пр. А для этого нужно было поехать в город — на рынок или на заработки.

Колхозники были полноправными гражданами СССР. Почти: у них не было паспортов. Собственно, паспортизация в СССР (ранее считавшаяся гнусным изобретением эксплуататоров) и была проведена в 1932 году, чтобы предупредить бегство колхозников из деревни, а также выявить «лишенцев» разного рода — кулаков, подкулачников, их пособников и «бывших людей» — дворян, чиновников, помещиков и пр.: их лишали избирательного права, а заодно и паспортов. По достижении положенного возраста молодому колхознику председатель сельсовета выписывал паспорт, правой рукой поздравлял его с этим великим событием, а левой паспорт прятал в сейф. На веки вечные, или пока ему, при крайней нужде, не выставят несколько бутылок самогона и не дадут денег.

Конечно, колхозники уходили из деревни, и, по возможности, навсегда. Кое-какие возможности были. Во-первых — армия: молодых здоровых парней брали на службу, а по ее окончании им выдавали паспорт, не интересуясь, колхозник это или рабочий. Так деревня лишалась молодых, сильных, здоровых мужчин. Одной из острейших проблем, чем дальше, тем больше, была острая нехватка женихов. На танцах в клубе танцевали в основном «шерочка с машерочкой». Летними вечерами по главной улице села прогуливались стайки девушек в самых лучших платьях.

Впрочем, для молодых одиноких женщин тоже был путь вон из деревни: по вербовке. Промышленность, перед войной строившаяся, после войны восстанавливавшаяся, остро нуждалась в рабочих руках, и одним из способов пополнения ее рабочими руками, был так называемый оргнабор, а по народному — вербовка. Тут уж председатель ничего не мог поделать. Наконец, подростки нередко уходили в училища

трудовых резервов, появившиеся в 1940 году: туда набирали по мобилизации. И хотя положение детей там было не блестящим, все же регулярно кормили, одевали в казенную, пусть и грубую, но теплую форменную одежду, а по окончании училища можно было остаться в городе, на заводе, с его хотя и небольшой, но стабильной зарплатой. И опять же в основном шли в училища мальчишки.

Деревня стремительно безлюдела. Уже цитировавшийся уполномоченный МГБ по Хабаровскому краю отмечал: «...уход значительной части трудоспособных молодых колхозников на работу в промышленность. Число дворов в колхозах в 1940–1946 гг. и в 1947 г. соответственно уменьшилось следующим образом: 34 403, 30 558 и 26 908. За это же время с 1941 по 1947 гг. включительно наличие трудоспособного населения в колхозах сократилось резко с 79 995 человек до 57 829, т. е. на 22 165, что составляет 40 % трудоспособных колхозников». Конечно, большая часть из этих 40 % трудоспособных колхозников за эти годы была взята в армию и погибла на фронте или осталась в армии после войны, но все же... Ведь не 40 же процентов трудоспособного населения погибло в войне.

Писатель Владимир Солоухин уже в середине 50-х годов описал в лирических повестях «Владимирские проселки» и «Капля росы» свои родные края и свое село Оленино.

Вот владимирское большое село Воскресенье. Сельчанин рассказывает: «Село наше было плотницкое. Все мужики подчистую уходили на сторону — в Москву, в Питер и вообще. Оставались одни бабы... Ну, после революции все плотники в Москве и осели... А тут еще раскулачиванием припугнули. Половины села как не бывало. Вишь, одни ветлы стоят, а домов нет. Теперь опять молодежь чуть что в РУ или другие школы. Мало народу осталось, ой, мало!»

Но тут хотя бы разбежалось село сразу после революции да в начале 30-х годов. А вот и об Оленине: «Колхозники получали на трудодень сущие пустяки, вот они и разбегались в города, конкретно в Покров, Орехово-Зуево, Ногинск... А кому некуда было бежать, жили грибами, ягодами, картофелем с усадьбы. На колхозную работу не шли. Земля долгие годы не видела навоза. Скот весь содержался в соседней деревне. Там скотный двор до крыши навозом оброс, а земля истощилась. Коровы давали по четыреста литров в год, то есть курам на смех...». «Семейств, выехавших из Оленина в послевоенные годы, — 10. Всего живет в Оленине семейств — 36. Погибло на войне человек — 17. Всего живет в Оленине человек, считая ребяташек — 110. Рядовых колхозников, выполняющих разные работы — 6. Колхозников, выпол-

няющих специальные работы (доярки, счетоводы, уборщицы, телятницы, кассиры, пасечник, трактористы и т. п.) — 38. Людей, уехавших в города или работающих не в колхозе, а на стороне — 48». Итак, работают в колхозе 44 человека из 36 семейств, из 110 человек, на стороне работают 48 да уехало 10 семейств — т. е. 35–50 человек.

«Интерес к делу подтачивался и тем... что уродившееся на колхозной земле нужно было сдавать государству практически бесплатно... Когда за центнер (сто килограммов) ржи тебе дают девять рублей, то это как бы оценка самого труда колхозника, оценка несправедливая и обидная, тем более что тот же колхозник покупает в лавке ту же самую муку по три рубля за килограмм, то есть уже не по девять, а по триста рублей за центнер.

Соответственно за тонну картошки колхоз от государства получал тридцать рублей (3,6 копейки за килограмм), литр молока ценился в 15 копеек.

К чему же пришло дело? К тому, что хлеб стал родиться плохой, картошка по осени наполовину оставалась в земле (подумаешь добро — тридцать рублей за тонну!), захудалые коровенки давали по четыреста литров в год, и были годы, когда в нашем колхозе на курицунесушку (за целый год!) приходилось по три яйца.

...Раз колхоз мало производил продуктов и раз он ничего не получал за то, что производил, значит, он был беден, значит, он не мог обеспечить благосостояние колхозников, то есть, короче говоря, он не мог заплатить им за работу. Трудодень превращался в формальность.

...Раз мне ничего не дают на трудодень, думал колхозник, за мою работу, зачем же я буду трудиться в поте лица?..

...Колхозники обратились к своим приусадебным участкам, чтобы лучше их обработать и вырастить на них как можно больше картошки, свеклы и капусты: надо будет прожить долгую зиму. Невольно своя корова, свой поросенок, свой сад, свои овцы, своя картошка сделались дороже, чем овцы, поросята и коровы колхозные...»

Какие же «сущие пустяки» выдавались на трудодень в Олепино? В 1952 году: деньгами — 0, зерном в граммах — 500, картошка в граммах — 1 700, сено в граммах — 0, солома в граммах — 600. В 1953 году: деньги — 0, зерно — 800, картошка — 300, сено — 0, солома — 0. 1954 год: деньги — 0, зерно — 1 020, картошка — 380, сено — 170, солома — 470. 1955 год: деньги — 46 копеек, зерно — 1 500, картошка — 0, сено — 700, солома — 1 000. 1956 год: деньги — 2 рубля, зерно — 900, картошка — 0, сено — 0, солома — 0. 1957 год: деньги — 2 рубля,

зерно — 850, картошка — 850, сено — 1000, солома — 0. 1958 год: деньги — 3 рубля, зерно — 1800, картошка — 500, сено — 1000, солома — 0.

Внимательный читатель, верно, заметил перемены, начавшиеся в 1956 году? Это начали действовать мероприятия по подъему сельского хозяйства.

С 1956 года постепенно началась выдача паспортов колхозникам. Именно постепенно: полная паспортизация деревни произошла в 1974 году. Но брешь уже была проделана: численность трудоспособного населения стала быстро сокращаться. В Нечерноземной зоне, где положение было особенно тяжелым, за 1959–1973 годы численность трудоспособного населения сократилась на 4,1 миллиона человек, или на 34 %, в том числе в возрасте 20–29 лет — на 2,4 миллиона человек, или почти на две трети. В 1974 году удельный вес молодежи в возрасте 20–29 лет в городах Нечерноземной зоны увеличился до 17,8 %, а в деревне сократился до 8,9 %. В Нечерноземье шел стремительный и все нараставший процесс старения сельского населения. Удельный вес населения старше трудоспособного возраста увеличился с 14,5 % в 1959 году до 21,6 % в 1974 году.

Прежде, чтобы колхозник мог отправиться за пределы сельсовета, но в пределах района, где ему паспорт не был нужен, ему выдавали справку, где писалось: «Такой-то действительно является членом такого-то колхоза. Обязательный минимум трудовой выполнил». В городах, особенно по рынкам, прохаживались милиционеры и, выявив в толпе наметанным глазом подозрительного по загорелости и обрванности типа, спрашивали у него справку.

Так вот, получение справки обусловлено было выработкой упомянутого минимума трудовой. Но если появлялся злостный нарушитель устава, регулярно этот минимум не выполнявший, у него могли отрезать усадьбу, как говорилось, «по самое крылечко». И тут уже оставалось только помирить: без паспорта никуда не денешься, а огород, с которого кормились, отрезали.

Но этого мало. Особо злостный нарушитель мог попасть под уголовный суд, и попадал — за саботаж. Много не давали, но «пятерка» уж была обеспечена. К тому же 26 июля 1940 года был принят указ о запрещении рабочим и служащим самовольно покидать рабочие места. А невыход на работу и есть самовольный уход. Правда, колхозник — не рабочий и не служащий, но кто же с этим будет считаться? В июне 1947 года по указу Президиума Верховного Совета СССР труд в колхозе объявлялся обязательным для всех проживающих в сель-

ской местности и не работающих на производстве или же не служащих в советских учреждениях. Уклоняющиеся от труда в колхозе и не работавшие положенного минимума трудодней постановлением сельского Совета вместе со всей нетрудоспособной частью семьи высылали на 5 лет в «отдаленные места Советского Союза», где они были обязаны работать на положении ссыльных. А 2 апреля 1948 года появился Указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой повинности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». По нему, в частности, на срок до 8 лет высылались колхозники «за невыработку обязательного минимума трудодней». Сколько всего народа, в том числе и колхозников, через этот указ прошло, трудно сказать, но на 1 января 1953 года на спецпоселении таких находилось 27 275 человек.

Итак, колхозник прикреплен к своему колхозу и не может уйти из него без особого документа, не имеет паспорта, обязан отработать, как минимум, три дня в неделю, а как максимум — всю неделю

Но, кроме работ, он был обложен еще и большими налогами. Обязательные бесплатные поставки колхозников государству с усадьбы составляли 300 килограммов картофеля, 200 литров молока, 40 килограммов мяса, 50 яиц, 3 килограмма шерсти сельхозналога. Кроме того, выплачивался денежный поземельный налог, а с теленка и свиньи требовалось сдать шкуры. И не имеет значения: отелилась корова или «переходила», неслись куры или передохли, вырос поросенок или захирел. Обложено было налогами и каждое «косточковое» дерево в саду, независимо от урожая (как известно, яблони рожают не каждый год). Это, между прочим, привело к вырубке садов и запустению земли. Владимир Солоухин пишет: «Но и эти (индивидуальные крестьянские. — Л.Б.) хозяйства все равно не могли процветать, а постепенно приходили в упадок. Брала налог за каждую яблоню или за каждое вишневое дерево — и деревья вырубались с корнем, чтобы за них не платить. С лица земли исчезали целые сады. Брала налог за корову — и коровы поределели, деревенское стадо состояло почти из одних коз... С овцы — шерсть, мясо, полкожи и деньги; с поросенка — мясо, полкожи и деньги; с коровы — молоко, мясо и деньги; с кур, с фруктовых деревьев, с гусей, с уток, пчел... Был введен единый сельскохозяйственный налог — десять рублей с каждой сотки приусадебного участка, что составляет в год, в зависимости от величины участка, 350–400 рублей».

Так что недаром по стране ходил анекдот: учитель в школе показывает на скелет человека и спрашивает: «Это что?» Ученик отвечает:

«Колхозник». — «Почему колхозник?» — «Ну, как же: мясо сдал, шкуру сдал, шерсть сдал, яйца сдал — остались одни кости!»

Была у колхозников еще одна проблема, о которой обычно забывают. Вот представьте хотя бы конец 40-х или начало 50-х годов. Живут себе дед да бабка лет семидесяти. Избенка за давностью лет полуразвалилась, огородишко, с которого когда-то жили, бурьяном зарастает: сил нет уже обрабатывать землю. Нет сил работать и на колхоз, за что хотя и плохо, но все же понемногу платили, хотя бы картошкой да овсом. Сыновья на фронте погибли, дочерей Бог не дал, или где-то сгинули на просторах нашей необъятной Родины, сбежав из колхоза, а то и померли. Живут бобыль с бобылкой — еле ноги таскают. На что живут? На пенсию?

Нет, пенсия им и не светит. По идее, ведь колхоз был независимым от государства хозяйством, оплачивал труд своих членов из своих средств, и из них же должен был платить нетрудоспособным. Да вот только если работающим платить не из чего, поскольку все забрало государство в счет плана и сверх плана, то что же остается ненужным, бесполезным старикам?

В 1960 году правительственная Комиссия по разработке единого порядка пенсионного обеспечения колхозников представила в ЦК КПСС и Совмин СССР докладную записку. По ней оказывалось, что «...примерно половина колхозов не предоставляет никакого обеспечения членам сельскохозяйственной артели по старости и инвалидности. На 1 января 1959 года... насчитывалось 12,1 млн человек престарелых и нетрудоспособных колхозников. Из этого числа 2,6 млн человек обеспечиваются различными государственными пенсиями, 1,3 млн человек получают небольшие пенсии или единовременные пособия от колхозов, а **8,2 млн человек пенсиями не обеспечены**».

И было решено понемногу начать обеспечивать колхозников государственными пенсиями. Предполагалось в течение 1961–1963 годов назначить пенсии инвалидам I и II групп, семьям, потерявшим кормильца, и престарелым колхозникам в возрасте — мужчинам с 65 лет, женщинам — с 60 лет, а остальных престарелых колхозников пенсионного возраста (60 и 55 лет) перевести на пенсию через 3 года.

Но «учитывая уровень дохода колхозников от общественного производства и наличие личного подсобного хозяйства (это у инвалидов и дряхлых стариков? — А.Б.), максимальный размер пенсии намечается установить в 500 рублей в месяц, против 1020 рублей у рабочих и служащих в сельской местности (а в городе — 1200 руб. — А.Б.), а минимальный размер пенсии — 100 рублей в месяц против 225 рублей

у рабочих и служащих в сельской местности. Средний размер пенсии по старости у колхозников составит примерно 180 рублей в месяц, против 310 рублей у рабочих и служащих».

А теперь, если кто не помнит, что в 1961 году была проведена деноминация, уменьшите эти цифры в 10 раз. Сейчас многие вспоминают те пенсии в 120 рублей: на житье хватало, да еще немного оставалось. Да вот только далеко не все эти 120 рублей получали. А некоторые (миллионы) получали от 10 до 18 рублей.

Конечно, большой серый батон тогда стоил 18 копеек. Так что если съедать в день один такой батон, запивая совершенно бесплатной колодезной водой, то от пенсии еще кое-что и останется.

Только не думайте, что эти 10 или 18 рублей всем достались. Кроме пенсионного возраста, для получения пенсии требовался еще трудовой стаж — 25 лет для мужчин, 20 для женщин. Правда, для минимальной пенсии и стаж требовался минимальный — 5 лет, из них последние 3 года — перед достижением пенсионного возраста. А если стажа не хватает?

А у кого могло не хватить стажа? Ну, например, у тех миллионов раскулаченных, которые выжили, были прощены партией и вернулись на родное пепелище. Или для тех, кто в голодуху позарился на колхозные «три колоска» и получил за это полновесный срок. Ведь сроки ссылки и тюремного заключения в трудовой стаж не включаются, хоть ты в лагере перевыполняя непосильные задания по-стахановски, в 10 и 20 раз.

Кстати, в 1953 году по указу от 4 июня 1947 года «О уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» отбывало наказание 11,3% заключенных к общему их числу (посчитайте от 2472 247 зэков), а в 1956 году их оставалось еще 5,3% (от 781 630 человек). И в большинстве это были колхозники, а более колхозницы, укравшие несколько горстей зерна, чтобы накормить голодных детей. Но этот указ просто повторял более ранний — закон «семь восьмых», т. е. от 7 августа 1932 года, по которому за хищение государственного или общественного имущества вообще полагался расстрел, а при смягчающих обстоятельствах — не менее 10 лет заключения, и амнистии по этому закону запрещались. Вот он-то и назывался законом «о трех колосках»: после уборочной по стерне много потерянных колосков оставалось, так ты их собрать не могли — колхозное!

А раз сидел или был в ссылке — годы эти в стаж не идут. Нет стажа — нет пенсии.

Когда в 1936 году проходило всенародное обсуждение великой сталинской конституции, в «центр» пошли письма. Один из колхозников Московской области писал: «...Колхозы остаются как государственные рабы? За что с нас берут дань? Колхоз платит сено, рожь, пшеницу, овес, картошку и другие продукты. И его считают великим достижением, победой. С членов колхоза берут и картошку, налог, самообложение, культналог, шесть дней отработки гужовинности, молокопоставки, мясопоставки, хотя и не имеешь коровы <...> Могу я себя чувствовать свободным, когда я считаюсь, как барский?».

Вот оно, это слово: «барский». Крепостной.

А теперь припомним положение несчастного крепостного крестьянина.

Уйти из деревни на заработки за пределы волости он мог только с позволения помещика или бурмистра, для чего ему выписывалась особая бумага и выдавался срочный паспорт. По указу 1796 года он должен был работать на помещика 3 дня в неделю, исключая праздники (многочисленные церковные) и воскресенья, т. е. примерно 150 дней. Но такой барщинный крестьянин оброка натурой и деньгами не платил. Оброк платил оброчный крестьянин, на барщине не работавший. Сравните с описанным выше положением колхозника...

Скажут: крепостного можно было сослать в Сибирь. Так и колхозник мог за то же самое оказаться в той же Сибири, но не на вольном поселении, а в лагере, на каторге. Скажут: крепостных продавали. Но «хозяина», председателя колхоза, райком партии навязывал колхозникам, не особенно считаясь с их мнением. И точно так же снимал. Инструктор райкома партии привозил в колхоз очередного председателя, колхозники на общем собрании более или менее равнодушно голосовали. Кого привозили? Да кого попало, лишь бы был член партии: беспартийного послать трудно. И эти люди либо спивались от безнадёжности, либо при первой же возможности бежали из колхоза. Так что в селе Жары Владимирской области «очень много председателей было в нашем колхозе, и каждый временным себя чувствует: все одно, дескать, прогонят... Председатель была Муравьева — сама сбежала. "Где, где председатель?" А она в городе давно». А редкие «крепкие хозяйственники», укоренившиеся все же в колхозе, чувствовали себя хозяевами в полном смысле слова, не стесняясь и кулачной расправы.

Кроме того, после войны колхозников по решению того же райкома могли отправить на какой-то срок на лесоповал или в шахты: страна нуждалась в лесе и рабочих руках, восстанавливая народное хозяйство.

И остается только: крепостных пороли, а колхозников — нет.

Поэтому аббревиатуру ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) — всякие похабники расшифровывали как Второе крепостное право (большевиков): когда-то Карл Маркс сказал о «втором издании крепостничества».

Одной из ярчайших примет советской повседневности была никогда не прекращавшаяся «битва за урожай». Вообще в сфере труда на всем протяжении советской истории бытовала военная терминология, начиная с трудовых армий, создание которых в конце Гражданской войны приписывается Л.Д. Троцкому. Но это понятие существовало недолго, а вот выражение «трудовой фронт» вошло в повседневность. Во время Великой Отечественной войны оно употреблялось вполне официально: на трудовой фронт мобилизовались миллионы людей, по разным причинам не мобилизованные в действующую армию или же отвлеченные с работы на предприятиях. Мобилизованные на трудовой фронт мужчины и женщины с 25 до 55 лет строили полевые укрепления и убирали урожай, их руками буквально на пустом месте, в лесах или степях воздвигались заводы. Это была мобилизация в полном смысле слова, и уход с работ карался по законам военного времени, как дезертирство. И условия работы были такие же, как на передовой: под открытым небом, зимой у костров на подстеленном еловом лапнике, в землянках, в грязи и во вшах, но со снабжением по тыловой норме. Уже в 30-х годах возникло такое понятие, как трудовое ударничество (ударник — деталь затвора огнестрельного оружия), заключенные, строившие сначала Беломоро-Балтийский канал, а затем канал Москва–Волга, были уже не заключенными, а «каналармейцами», высшей наградой за трудовые успехи было звание Героя Труда (затем — Героя Социалистического Труда), а руководители предприятий и отраслей именовались командирами производства.

Естественно, все это переносилось и в сельское хозяйство, постоянно находившееся в кризисном состоянии.

Этот кризис, выразившийся в неспособности обеспечить население страны продуктами питания, обычно относят на счет специфики именно советского, социалистического сельского хозяйства с его тотальным обобществлением. В значительной мере это так и было: в условиях иногда 100-процентного изъятия полученных продуктов, вплоть до семенного зерна, когда колхозники на трудодни во многих колхозах получали только «палочки», т. е. отметки о выходе на работу, а рабочие совхозов получали совершенно мизерную заработную плату, заинтересованность в результатах труда полностью отсутствовала. Уже упомянутый

начальник управления МГБ по Хабаровскому краю Гоглидзе совершенно секретно докладывал своему министру Абакумову 14 февраля 1948 года о том, что «создавшееся положение в колхозах порождает отдельные отрицательные настроения не только со стороны колхозников, но и со стороны руководителей колхозов. Так, председатель колхоза “Красный уссуриец” Вяземского района Муравченко 4 февраля 1948 г. на заседании райисполкома в своем выступлении о положении в колхозе заявил: “Никакой разницы между условиями жизни в нашем колхозе и условиями жизни заключенного в тюрьме я не вижу”. Член колхоза “им. Куйбышева” Тамбовского района Саяпин В.С. 15 октября 1947 г. заявил: “Хлеба нет. За что же работать? Мне колхоз должен 20 цнт. хлеба, ни одного килограмма не дали, все вывезли государству. Вот поэтому народ и не хочет работать в колхозе”.

Председатель колхоза “Верный путь” Бурейского района, член ВКП(б) Химера длительное время затягивал уборку овса и при этом колхозникам говорил: “Нечего торопиться с овсом. Если его убрать, то все равно предложат сдать государству”».

Разумеется, люди работали, иногда даже чрезвычайно интенсивно, когда сама работа затягивала и забывалось, что за нее все равно ничего не получишь или же получишь столько же, сколько и за отлынивание от работы. Но это только от того, что столетиями в русском крестьянине вырабатывалась привычка работать, не жалея сил, привычка, поддерживаемая безоглядным трудом в своем личном хозяйстве, которое только и обеспечивало существование. Но от поколения к поколению эта привычка постепенно ослабевала, пока не исчезла настолько, что и в собственном хозяйстве стали работать кое-как. И когда, после запретов на содержание скота в личном хозяйстве, руководство спохватилось и стало агитировать за развитие личного подсобного хозяйства, эта агитация разбилась об устойчивое нежелание заниматься им. Проще было украсть молоко с колхозной или совхозной фермы, нежели ломаться от звезды до звезды на покосе, вставать на заре, чтобы подоить корову и выгнать ее на пастбище и т. п.

К тому же руководство колхозов и совхозов зачастую было некомпетентным (вспомним шолоховского Давыдова из «Поднятой целины», бывшего матроса, рабочего-металлиста из Питера, из соображений гигиены приказавшего убрать солому из-под быков), ощущало себя временщиками и ориентировалось не столько на результаты самой работы, сколько на реакцию руководства.

Не потому ли убыточных колхозов в Нечерноземье в 1965 году было 134 (1,9%), в 1970 году — 273 (4,7%), в 1973 году — 992 (18,1%),

а убыточных совхозов в 1965 году — 992 (38 %), в 1970 году — 1022 (29 %), в 1973 году — 2066 (54 %)?

Однако справедливости ради нужно сказать, что одной спецификой социалистического хозяйства кризисное состояние сельского хозяйства не исчерпывалось. В конце концов русская деревня и до революции недоедала, о чем в один голос твердят современники; каждые 7–8 лет ту или иную местность посещал недород, а каждый 12–15 лет — полный неурожай. Голод в великорусской деревне не был редким гостем: достаточно вспомнить голод 90-х годов XIX века, всколыхнувший Россию.

Трудностей добавила и урбанизация: если до революции крестьянское население составляло более 90 % всего населения Великороссии, то уже в 50-х годах количество горожан сравнялось с числом селян, а затем сельское население стало составлять меньшинство населения. Однако же нужно учесть и то, что механизация сельского хозяйства (трактора, многолемешные плуги, комбайны и т. д.) позволили резко ускорить работы, требовавшие намного меньше рабочих рук.

И все же, все же...

Трудно сказать, как обстояло дело с привлечением горожан на сельскохозяйственные работы до войны. Скорее всего, такой практики не было: крестьян, несмотря на коллективизацию и раскулачивание, было еще много. Во время войны горожане широко привлекались к сельскохозяйственным работам в порядке трудовой повинности. Так, уже в 1941 году на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в уборке урожая, на прополке и в других работах участвовало свыше миллиона горожан, в 1942 году на работы в колхозах было мобилизовано 4 миллиона человек, в 1943 году — 2,8 миллиона, в 1944 году — 3,3 миллиона. Но это объяснимо: именно деревня в первую очередь и дала те миллионы молодых здоровых мужиков, которые усеяли своими костями леса и поля и России, и Центральной Европы, и остатки которых дошли до Берлина и Праги.

А после войны привлечение «нерабочего» и несельского населения все более становилось правилом. Уже с 30-х годов школьников «выгоняли» «на колоски»: собирать те колосья, которые падали на землю с косилок и комбайнов (особенно при низкорослых хлебах). Выстроившись цепочкой, с полотняными мешками в руках, дети, пригнувшись, шли по полю и высматривали в жнитве колоски. Ломило спину, солнце напекало голову, хотелось пить, но — была норма сбора. В середине 50-х годов городских школьников, старшеклассников, в сентябре на несколько недель вывозили в деревню на уборку картофеля. Жили они

по деревенским избам, а как питались — сказать не могу, поскольку сам в это время жил в деревне, дома. Нас также время от времени по сле уроков «выгоняли» на работы.

Кульминации привлечение городского населения к уборочным (и не только) работам достигло в 60–70-х годах: деревня все более безлюдела, а многие работы по-прежнему требовали ручного труда. В конце 50-х годов, будучи школьником старших классов в Челябинске, я с одноклассниками выезжал в сентябре на 2 недели на уборку огурцов и подборку картофеля за копалками, в начале 60-х, когда я был уже рабочим, нас после работы время от времени автобусами вывозили на несколько часов на подборку все того же картофеля, а небольшие бригады рабочих от каждого цеха выезжали на более длительное время. Наконец, в 70–80-х годах в качестве преподавателя Московского государственного института культуры я ездил со студентами в Волоколамский район. Поскольку институт находился в области, мы работали не месяц, как студенты московских вузов, а полтора. Ездили студенты 1–3-го иногда 4-го курсов: пятикурсники изредка выезжали на помощь на несколько часов.

Теперь (по крайней мере, подмосковные) совхозы и колхозы уже рассматривали «привлеченную» рабочую силу как нечто обыкновенное и постоянное. На отделениях строились капитальные бараки с водяным отоплением, закупались кровати, постельные принадлежности, посуда; с отрядом нередко выезжал врач (студенты-старшекурсники медицинских институтов), закупались лекарства. Преподаватели зачислялись в штат на бригадирские должности и получали зарплату (это помимо той зарплаты, которая шла в покинутом институте, а кандидаты наук, доценты и старшие преподаватели тогда принадлежали к числу высокооплачиваемых). Студентам выписывались наряды, и они также получали небольшие деньги как рабочие полевых бригад. Если учесть еще и расходы на перевозки людей, себестоимость килограмма картофеля была намного выше его сбытовой цены. Но, как известно, в советской стране за ценой не стояли. Изредка на «Икарусах» на подборку картофеля привозили большие партии рабочих и служащих каких-то московских предприятий: формально на день, фактически — часа на четыре. Естественно, приезжали они не рано, лениво подбирали, а более затаптывали в землю клубни, затем обедали, пекли в кострах картошку, выпивали, набивали сумки и сетки картошкой и уезжали, чтобы к концу рабочего дня быть дома. Вот тут уж точно, расходы на перевозку и зарплата по месту основной работы никак не оправдывали ту мизерную часть убранных картофеля. Думается даже, что увозили

они больше того, что подобрали, поскольку выбирали крупный картофель из мешков, набранных студентами.

Зато шла героическая, даже отчаянная битва за урожай. Во всяком случае, так писали в советских газетах:

«Достойный пример показывает коллектив коксохимпроизводства Череповецкого металлургического завода. Здесь создано специальное механизированное звено, оснащенное своей техникой. Оно ежегодно убирает урожай картофеля с 50–60 гектаров в подшефном совхозе «Раменский» (вологодская газета «Красный Север», сентябрь 1976 г.).

«Руководители Кузнецкого металлургического комбината и совхоза “Металлург” задолго до начала уборки картофеля подготовили к работе технику, людей...» (газета «Кузбасс», сентябрь 1976 г.). У комбината, оказывается, имелись 20 собственных картофелеуборочных комбайнов. Комбинат убирал 770 гектаров, поставляя 3000 человек.

Западно-Сибирский металлургический завод тоже убирал своей техникой: 26 копалок, 8 комбайнов.

Зато областная газета писала, что в область пришло 16 комбайнов, и ни один из совхозов их не купил. Все взяли... шефы.

Газета «Московский комсомолец», сообщая о массовом субботнике 18 сентября 1976 года, приводит данные: 200 тысяч шефов приняло участие, убрано и отправлено с полей 13 тысяч тонн картофеля и 10 тысяч тонн моркови и свеклы. Между прочим, это по 115 килограммов на человека — менее трех мешков в день подобрал каждый шеф за копалками и комбайнами.

Тогда же газета «Неделя» поместила очерк Л. Корнилова «Быстрое движение» о виноградарях: «В минувший субботник нам люди из города помогали. Работники больницы и санэпидстанции десять гектаров перекопали. Товарищ Афанасьев, главврач, сам инвалид, а как трудился, буквально зажигал людей».

И сами виноградары, и журналист восторгаются трудовым энтузиазмом главврача-инвалида. Но, положив руку на сердце, было ли основание для восторгов?

В Волгограде «восемнадцать гектаров помидоров по решению Центрального райкома партии выращивает в совхозе “Комсомольский” институт “Волгоградгипромясомолпром”. За все в ответе институт: за посадку, прополку, уборку, совхоз взял на себя только реализацию. Включая картофель, в 1974 году сотрудники института отработали на селе 3741 день, в 1975-м — 2600 дней... Из 445 сотрудников института 87 освобождены от села по состоянию здоровья, 178 женщин имеют детей до 2 лет, 28 работниц в декретном. Остальные практически постоянно

в селе. В результате отвлечения сотрудников институт не выполнил проектно-изыскательских работ на 37,4 тысячи рублей в 1974-м и на 26 тысяч рублей — в 1975-м. Как правило, в период разгара сельхозработ резко увеличивается текучесть кадров, увольняются в большинстве случаев опытные, осведомленные проектировщики».

Скептически смотрела на этот энтузиазм и «Правда» (7 сентября 1977 г.). Курский завод тракторных запасных частей шефствовал над Фатежским районом. «Горожане “гостят” тут до глубокой осени: пахут землю, обрабатывают посевы сахарной свеклы, помогают убирать урожай... Весной, например, рядом с рабочими завода пропалывали свеклу конструктор Ю. Разиньков, инженер Ю. Шашков, отвечающий на предприятии за внедрение новой техники... В то же время в хозяйствах Фатежского района ежедневно не выходили на поля до 150 тракторов, бездействовала четверть автомобильного парка...

Весной на полях коллектив завода запасных частей отработал 42 330 человеко-дней...». Всего же за год завод истратил на сельскохозяйственных работах 113 тысяч человеко-дней. Ну, это, конечно, многовато. Вот таганрогский завод «Красный котельщик» в 1975 году отдал сельскохозяйственным работам всего-то 66 487 человеко-дней.

Разумеется, кроме школьников, студентов, рабочих и служащих, к «битве за урожай» в самых широких масштабах привлекалась и армия: кому же и участвовать в битвах. Американские империалисты и западногерманские реваншисты вкупе с израильскими сионистами были просто дураки: в любом сентябре СССР можно было брать голыми руками, поскольку солдаты вместе с офицерами участвовали в битве за урожай, оставив оружие и боевую технику за десятки километров от полей, в местах дислокации. Пока-то известие о войне дошло бы до отдаленного поля, пока бы за войсками приехали машины и отвезли их в казармы, пока они выехали бы к местам подлинных боевых действий, над Кремлем уже развевался бы звездно-полосатый флаг. Либо численность Советской армии была настолько избыточной, что очень немалую ее часть можно было спокойно бросать на уборку урожая, либо же империалисты и реваншисты были не столь агрессивны.

Но даже, несмотря на участие в этой битве армии, она ежегодно проигрывалась: чтобы хотя бы в минимальных размерах обеспечить людей продовольствием, в огромных количествах ввозились канадский и американский хлеб, болгарские и венгерские овощи и фрукты, аргентинское и французское мясо и масло, польская и кубинская (!) картошка. Даже могучая и непобедимая Советская армия терпела поражение на полях картофельных сражений.

Интеллигенция

Россия подарила миру несколько слов, в т. ч. такое, как *интеллигенция*. На Западе, как известно, пользуются иным словом — интеллектуал. Слово Россия подарила, но что это такое — интеллигенция — никто точно не знает. В словарях-то оно есть, но толкования его весьма расплывчаты. Например, полагают, что для интеллигенции свойственна терпимость, способность допустить свою неправоту в каком-то вопросе, скромность, сочувствие к униженным и оскорбленным и т. д. Между прочим, скромные и совестливые люди очень удобны для любого, а особенно наглого, беспринципного и беспардонного режима. Скажем, некто активно выступает против этой власти, полагая, что она нарушает права человека и пр. А ему говорят: «Вы же интеллигентный человек! Вам же должна быть свойственна терпимость, вы же должны допускать, что вы в этом вопросе неправы!» Некто полагает, что ему платят недопустимо мало, да и живет он в скотских условиях: вместо квартиры комната в коммуналке, в магазинах пусто и т. д. А ему говорят: «Вы же интеллигентный человек, вы должны быть скромным. Вы же не мещанин какой-нибудь, чтобы заботиться о материальных благах и требовать себе повышение зарплаты и улучшение жилищных условий!» Ну кто после этого скажет, что он — не интеллигент, а мещанин? Нет, право слово, очень удобные качества.

Есть и другие определения. Например, интеллигенция — группа людей, получивших высшее образование. Вот, например, кончила какая-нибудь Маруся областной педагогический институт. И поехала учить детей хотя бы в деревню. Она уже — сельская интеллигенция. Правда, и учили ее, скорее всего, кое-как, и сама она училась еще более кое-как. Но усвоила кое-какие знания. Обычно — знания в пределах учебника для средней школы, реже — в пределах учебника для педагогических вузов. И из года в год повторяет она, почти механически, одни и те же, зафиксированные в учебнике истины. Впрочем, почему же примером такой интеллигенции служат только сельские учительницы? Проработав 45 лет в различных вузах, с полным основанием скажу, что и среди кандидатов и даже докторов наук, доцентов и профессоров немало таких повидал.

В других сферах примерно то же: кое-как учился человек в техническом вузе, со шпаргалками да хвостами, дипломный проект то ли сам писал, то ли сам списал, то ли купил, получил диплом инженера —

и интеллигент. Учился человек кое-как в сельскохозяйственном институте, получил диплом агронома или зоотехника — и интеллигент. А умеют они в лучшем случае механически применять кое-какие навыки, усвоенные в вузе, а то и не умеют. Само собой, к интеллигенции относились и профессиональные партийные работники или работники «органов», те же следователи НКВД, «выбивавшие» из подсудимых нужные показания, которым и сами не верили.

Значит, факт высшего образования и даже ученой степени и научного звания еще ничего не значит. И это определение не работает.

Придется свое определение дать. Это круг лиц, обладающих развитым интеллектом, способных мыслить самостоятельно, независимо от официальной идеологии и пропаганды и так называемого общественного (т. е. массового) мнения и даже вопреки им; обладающих способностью к аналитическому и критическому мышлению, вырабатываемому на основе большого жизненного опыта, интенсивно пополняемого чтением, систематизацией и анализом информации. Задача интеллигенции — выработка нового знания и новых идей, что невозможно без критического отношения к существующему порядку. Поэтому интеллигенция постоянно находится в оппозиции к любому режиму, т. е. является инакомыслящей. Результатом активной умственной деятельности является критический самоанализ, внимание к чужому мнению, способность найти в нем рациональное зерно. Первый русский социолог, народник Н. Михайловский сформулировал понятие «критически мыслящая личность». Это те, кто пользуется собственным разумом, интеллектом, а не оперирует бездумно готовыми штампами. Тоже так себе определение. В конце концов, штампы разные бывают. Но другого определения у меня нет. Не взывайте уж. А хотите лучше — придумайте сами.

Все же давайте для ясности считать интеллигенцией лиц, занимающихся не физическим, а якобы интеллектуальным трудом: «механических» учителей, врачей, инженеров, ученых, и даже писателей, артистов, художников и пр. (здесь высшее образование фактически не нужно, но формально требовалось). А заодно и тех, кто был без «якобы», т. е. тех, кто действительно пользовался интеллектом «на всю катушку». Посмотрим на них.

В 1958 году в СССР разразился грандиозный скандал. Поскольку среди читателей очень многие родились позже, а другие — забыли о сути, нужно кратко сказать о нем. Поэт и прозаик Борис Пастернак в течение многих лет работал над романом-эпопеей, теперь всем известным как «Доктор Живаго». Читатель может убедиться, что роман

довольно невинный: говорили, что когда Хрущев после этого скандала прочел его, он недовольно заметил, что не из-за чего было огород городить, и если бы он познакомился с текстом ранее, то разрешил бы публикацию.

Однако несколько советских издательств и журналов, куда автор отдал рукопись, долго тянули с публикацией, понимая, что и в таком виде роман может вызвать негодование широких читательских кругов со Старой площади (где находился ЦК КПСС — теперь нужно объяснять и это) и Лубянки. Опасаясь, что роман может просто пропасть, Пастернак передал его одному из итальянских издательств с условием — опубликовать только после того, как роман или его фрагменты появятся в СССР. Но в СССР тянули с публикацией столь долго, что, наскучив ждать, итальянцы, то ли с ведома автора, то ли без оно, напечатали роман большим тиражом. Роман вызвал фурор на Западе, и вскоре Пастернаку была присуждена Нобелевская премия по литературе — факт, конечно, не только и не столько литературной жизни, но и политической. Пастернак был вынужден отказаться от премии: он был уверен, что, если он поедет в Швецию получать ее, обратно его не пустят.

В прессе была развернута кампания по осуждению как романа, так и самого Пастернака; посыпались письма разгневанных читателей, из которых самым красноречивым было письмо очередного рабочего, заявившего примерно следующее: «Я этого Пастернака, конечно, не читал, но считаю, что ему не место в нашем обществе». Кстати, негодование было нередко самым искренним: ведь советский человек вполне искренне разделял все решения партии и правительства, доходящие до него в интерпретации советской пропаганды.

Но бог с ними, с рабочими, Пастернака не читавшими и даже впервые услышавшими эту фамилию, с детьми партработников и даже с самими партийными и комсомольскими работниками всех рангов (тогдашний «вожак» ВЛКСМ Семичастный, вскоре возглавивший КГБ, назвал престарелого писателя свиньей, которая гадит там, где ест). Интерес для нас представляет позиция, так сказать, братьев Пастернака, представивших, что такое *свобода вдохновения*, необходимая писателю — позиция советских писателей, считавшихся квинтэссенцией советской интеллигенции. Бог с ними, и с «литературными генералами», вроде С. Смирнова, ведшего состоявшееся в Союзе писателей собрание, обсуждавшее поступок Пастернака (не роман, которого они не читали!), одиозного А. Софронова, Бориса Полевого или Н. Тихонова: им по должности и чину положено было издевательски ковер-

кать язык, в т. ч. и фамилию опального писателя («Пастернак»), требовавших изгнать Пастернака из страны, лишить его гражданства и пр. (Так, Борис Полевой заявил: «Вон, господин Пастернак, мы не хотим дышать одним воздухом с вами».) Вполне понятно, что комсомольский поэт А. Безыменский провел параллель между Пастернаком и Бухариным и назвал Пастернака «внутренним эмигрантом». Однако и люди, дотоле слывшие приличными, поспешили отметить: поэт и переводчик К. Зелинский провел параллель между Пастернаком и Чан Кайши и заявил, что роман — удар в лицо советскому правительству, литературная атомная бомба; литературовед В. Перцов заявил, что Пастернак — «подлая фигура» и что, кроме гурмански настроенных молодых людей, его никто не читает; поэт Б. Слуцкий высказался, что премия Пастернаку дана из ненависти к нам, и Пастернак — лауреат Нобелевской премии против коммунизма. Поэт Илья Сельвинский опубликовал в софроньевском «Огоньке» следующее стихотворение: «А вы, поэт, заласканный врагом, / Чтоб только всласть насвоеволить, / Вы допустили, чтоб любая сволочь / Пошла плясать и прыгать кувырком, / К чему же была и щедрая растрата / Душевного огня, что был так чист, / Куда теперь для славы Герострата / Вы Родину поставили под свист?».

Никто из литературных собратьев не сказал ни слова в защиту освищенного, заброшенного грязью писателя, и только очень немногие, вроде В. Каверина, уклонились от участия в этом шабаше под предлогом болезни. Но зато те, кто мог с чистой совестью промолчать, поспешили отметить. Маститый прозаик, критик и литературовед В. Шкловский в это время отдыхал на курорте, и его за язык никто не тянул; однако в «Курортной газете» от 31 октября 1958 года он писал, что «Доктор Живаго» — книга антисоветская, выдает полную неосведомленность автор в существое советской жизни и что он, автор, перешел в лагерь оголтелой империалистической реакции! Это поспешил написать человек, который в Первую мировую войну получил Георгиевский крест из рук генерала Корнилова, был связан с эсерами, в 1922 году ушел по льду в Финляндию, жил в Германии, и в 1923 году выпросив прощение, вернулся в СССР, был одним из лидеров советских ранних «формалистов» и долгие годы был ругаем на всех углах за формализм и в то же время всегда был одним из авторитетнейших критиков и теоретиков литературы.

Что ж, каков режим в стране, такова и его интеллигенция.

Впрочем, началось это все не в 50-х годах, а гораздо раньше. Я уж не говорю о 20-х годах, когда «пролетарские» критики и писатели

клеили буржуазных литераторов-«попутчиков», обвиняя их в апологии белогвардейщины (М. Булгакова) или кулачества (Есенина, Клюева). Прославляемый в период перестройки А. Платонов в 1937 (!) году написал критические статьи-доносы на собратьев по перу М. Пришвина и гонимого тогда А. Грина, обвинив их в презрении к простому народу и нежелании строить социализм.

Как же так получилось? Ведь когда Чаадаев был за «Философические письма» признан сумасшедшим и ему было запрещено писать, враждебные содержанию этого письма славянофилы не вступили с безгласным публицистом в полемику: это было неприличным. Ведь когда А. Герцен в «Былом и думах» «приложил» николаевскую Россию, да еще и бежал за границу, никто из собратьев по перу не обрушился на него с площадной бранью. Ведь русский писатель В. Короленко, переживший многолетнюю ссылку, в т. ч. в отдаленные места Якутии, в 1890-х годах не побоялся выступить в защиту вотяков (удмуртов), обвиненных по т. н. «мултанскому делу» в человеческом жертвоприношении, а в 1910-х — в защиту еврея Бейлиса, обвиненного в убийстве христианского мальчика в ритуальных целях. А советские писатели сочли возможным дружно обрушиться на не имевшего возможности защищаться Пастернака и, забегая вперед властей, потребовали лишить его советского гражданства. Да мало ли таких подвигов числится за советскими писателями, самыми маститыми, вроде М. Шолохова.

Что же произошло с интеллигенцией?

А очень просто: ее уничтожили. А все, что дружно обрушивалось и дружно поддерживало — это уже новая формация, которую А. Солженицын хлестко назвал «образованщиной».

Уничтожать и ломать русскую интеллигенцию, это «говно», по словам В.И. Ленина, начали с самого октября 1917 года. Убийство революционными матросами в тюремной больнице министра Временного правительства, земского врача Шингарева, автора исследования «Вымирающая деревня», в этом ряду. Попадала она в качестве заложников под расстрелы, в соответствии с декретом ВЦИК и СНК от 2 и 5 сентября 1918 года о «Красном терроре». Слово «интеллигент» стало аналогом «врага народа». И это было почти так, поскольку старая формация таких людей именно была приучена к самостоятельному мышлению. Поэтому заместитель «железного Феликса», товарищ Лацис (Судрабс), после принятия декрета о «Красном терроре», разъяснял чекистам, кто подлежит аресту и расстрелу в качестве заложника: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржу-

азию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал *делом* или *словом* против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора».

Скорее всего, читатель мне не поверит. Тогда ему придется обратиться к изданной в 1968 году, т. е. задолго до всяких «перестроек», книге «50 лет ВЧК», где первый опубликованный документ — декрет о создании ВЧК, второй — декрет о «Красном терроре», а третий — разъяснение Лациса. Многочисленным еще поклонникам чекистов, «железного Феликса», Ленина и советской власти, оправдывающим красный террор тем, что «революции не делают в белых перчатках» и что советская власть должна была защищать себя от врагов, следует еще и еще раз внимательно перечитать эту формулировку: вина, действительная или мнимая, не играла никакой роли. Ссылка на то, что декрет о «Красном терроре» принимался без Ленина, по меньшей мере, наивна: принимали без него, но отменить-то могли при нем, «самом человечном человеке». Можно также порекомендовать таким «вечно вчерашним» внимательно почитать ленинский доклад на III Съезде Советов 24 (11) января 1918 г. (т. е. еще до принятия декрета о «Красном терроре») о деятельности Совета народных комиссаров: «...Мы далеко еще не дошли до настоящего террора... Мы расчистили... дорогу для настоящего народного суда... без формальностей». Ссылки на белый террор тоже не состоятельны: если красный террор ничем не отличался от белого (в лучшую сторону: в худшую-то он отличался, поскольку белые не могли ставить себе задачу уничтожения рабочего класса или крестьянства, да и просто не имели для этого технических возможностей), то зачем тогда революция? И в чем прелести советской власти?

И буржуазия задрожала от страха. Бывший служащий одной из частных пароходных компаний, а теперь совслуж Центратранса Окунев 6 июня 1918 года записывает в дневнике: «Чрезвычайная комиссия по борьбе с к.-р., саботажем, спекуляцией шутить не любит: то и дело объявляют о своих экзекуциях, т. е. расстрелах. “Новая жизнь” считает, что приговоры о таких расстрелах выносятся “случайными, безответственными людьми, действующими под влиянием гнева и страха”».

30 июля. ...Вчера в соединенном заседании ВЦИК и московск. Совета приняты... резолюции... 4) усилить бдительность по отношению к буржуазии, всюду становящейся на сторону контрреволюции. Со-

ветская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, *проводя на практике массовый террор против нее*. Пять других резолюция... тоже вроде этих. Скорее бы уж, что ли, “придушили” нас, как это обещается Лениным и Троцким. Жизнь стала совсем невозможной, но “караул” кричать нельзя: неровен час попадешь на Лубянку № 11.

3 сентября. Под заголовком “Пусть трепещет буржуазия” в “Правде” сообщается, что петроградская ЧК в связи с убийством Урицкого расстреляла свыше 500 человек.

18 сентября. Расстрелы по постановлениям “чрезвычайок” все усиливаются: в одном ничтожном Курмыше расстреляно 658 человек.

19 сентября. Некто Лацис-Судрабс (вероятно, что-нибудь “правительственное”) телеграфирует 18 числа из Казани: “Казань пуста. Ни одного попа, ни монаха, ни буржуя. Некого и расстреливать”.

23 сентября. ВЧК сегодня опубликовала список 66 лиц, расстрелянных “за шпионство для Антанты и Деникина”. Между ними известный москвич, старый городской деятель и член Государственной Думы Н.Н. Щепкин, несколько профессоров и бывших офицеров, а также б. князь М.М. Андроников, слышавший другом Распутина. В списке три фамилии Астровых, вероятно, родственников б. городского головы».

Расстреливали интеллигенцию и за «участие» в вымышленных чекистами заговорах. Так, за участие в «заговоре», по «делу» профессора Таганцева был расстрелян в 1921 году поэт Н.С. Гумилев. 25 августа 1920 года тот же Окунев записывает в дневнике: «Верховный революционный трибунал разбирал дело так называемого “Тактического центра”, объединявшего “контрреволюционные организации”... Ничего такого “Тактический центр” не сделал, что могло бы свергнуть советскую власть, но деятелей его Д.М. Щепкина, С.Е. Трубецкого, С.П. Мельгунова, В.Н. Муравьева, Г.Ф. Филатьева, Н.М. Кишкина, Д.Д. Протопопова, В.И. Стемпковского, С.А. Котляревского и еще некоторых постановлено расстрелять и только в силу первомайской амнистии — заменить расстрелы тюремным заключением на разные сроки. Кроме них, обвинялись и еще “бывшие” известные лица: С.А. Морозов, А.А. Толстая, Н.С. Пучков, проф. Н.Н. Кольцов, С.Д. Урусов и др. — тех в концентрационный лагерь» (Окунев. Записки москвича).

В результате введения в 1918 году «классового пайка» (хлебный и дровяной паек выдавался «нетрудовому населению» в размере четверти от того, что получали рабочие в Москве и «осьмушки» в Петрограде, и то по остаточному принципу) интеллигенция вымирала от го-

лода, холода и болезней. Так, с мая 1918 по февраль 1919 года от голода умерли 7 действительных членов Российской академии наук из чуть более сорока, а в Московском университете за 1919/20 учебный год умерли 12 профессоров. От голода и холода умерли историк, теоретик источниковедения А. Лаппо-Данилевский, востоковед Б. Тураев, историк и языковед А. Шахматов, работавший над реконструкцией Изначальной летописи, математик А. Ляпунов, создатель гидро- и аэродинамики Жуковский. Пайковое снабжение распространялось и на топливо, причем оно получило своеобразный характер. Человек получал ордер на определенный вес дров и адрес, по которому эти дрова находились где-либо на окраине города в виде обреченного на слом дома или старой баржи. Там он с помощью топора и пилы выламывал положенное количество топлива, взвешивал его, и в мешке на спине или на санках доставлял домой. Где же было престарелому академику или профессору, никогда не имевшему дела с топором и пилой, обеспечить себя топливом! Вот и вымерзали они в своих квартирах, в лучшем случае топя жестяные печки-«буржуйки» мебелью или книгами.

Максим Горький, который пользовался большим авторитетом у большевиков, прилагал огромные усилия для спасения остатков интеллигенции. В 1919 году была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). В тех немногих ученых, которые остались в Советской России, советская власть очень нуждалась: пользы от них, конечно, пока было мало, но зато престиж большой. А в международном престиже у большевиков была большая нужда. Заодно, стараниями Горького, к ЦЕКУБУ «пристегнули» и прочую интеллигенцию, от которой ни пользы, ни престижа не было: писателей, поэтов, художников и прочих буржуев. Если, конечно, они не сотрудничали в «Окнах РОСТА» и не разъезжали в красных агитпоездах: тогда им полагался красноармейский паек. На 1920–1921 годы был разработан «ученый паек», ежемесячное натуральное пособие, которое выдавалось работникам науки, литературы и искусства. Нормы были установлены Центральной комиссией по снабжению рабочих при Наркомпроде. Формально в Москве паек составлял в день 1,5 фунта хлеба ржаного, 0,5 фунта рыбы или мяса, 0,5 фунта крупы, 9 золотников сахара, 15 золотников жиров, 1 фунт овощей, 3 золотника сладостей, 0,24 золотника чая и 3 золотника соли. Напомню, что фунт составлял 409 граммов, а золотник равен 4,2 грамма. Однако паек обычно выдавался не полностью и продукты нередко заменялись другими. И получали его всего несколько сот человек. К тому же, видимо, в Петрограде и Москве нормы различались; во всяком случае, сведения о них иногда

противоречивы. Будущий знаменитый социолог Питирим Сорокин в своей книге «Дальняя дорога» приводит размер месячного «академического пайка», составлявшего 40 фунтов черного хлеба, 4 фунта растительного масла или жира, 15 фунтов селедок, 12 фунтов крупы, 6 фунтов гороха или фасоли, 2,5 фунта сахара, 0,25 фунта чая и 2 фунта соли на месяц. Есть сведения о выдаче в месяц муки 35 фунтов, крупы 12 фунтов, гороха 6 фунтов, мяса 15 фунтов, рыбы 5 фунтов, жиров 4 фунта, сахара 2,5 фунта, кофе 0,5 фунта, соли 2 фунта, мыла 1 фунт, табаку $\frac{3}{4}$ фунта и 5 коробок спичек. Возможности Комиссии по улучшению быта учащихся (КУБУЧ) были ограничены. Так, в январе 1921 года Наркомпрод отпустил Академии наук 197 продовольственных пайков на 397 ученых, всего же поначалу для Москвы и Петрограда было установлено 500 пайков. Затем число получавших было расширено, особенно когда пайки стали выдаваться и на членов семей, так что к концу 1922 года число пайков достигло 15 594.

Распределением ведала специальная комиссия ЦЕКУБУ, учрежденная 6 декабря 1921 года. Научные работники сверх продовольственного пайка получали также вещевое довольствие: 1 зимнее пальто, 1 шапку, 3 смены белья, отрез на костюм и, по декрету от 6 декабря 1922 года, денежное пособие от 5 до 25 рублей. С октября 1925 года натуральный паек был заменен денежным академическим обеспечением на 6950 научных работников, распределенным на 5 разрядов в зависимости от квалификации. Размеры пособий колебались от 7 рублей 50 копеек до 40 рублей. С октября 1924 года в связи с увеличением заработной платы в вузах академические обеспечения стали выдаваться лишь ученым высших двух разрядов в сумме от 75 рублей (для 250 человек) до 100 рублей (50 человек). Получали ли ученые, литераторы и работники искусства паек в полном размере, сказать трудно, но, судя по дневникам некоторых из них и по воспоминаниям — нет.

До того положение научной и творческой интеллигенции было абсолютно плачевным: ведь это был паразитический элемент. Питирим Сорокин приводит список жертв голода из числа интеллигенции за несколько месяцев, причем только в Петрограде и только среди тех, кого он знал: в главе «Мартиролог» он пишет: «Несколько дней назад повесился профессор Хвостов. Вчера проф. Иностранцев принял цианистый калий. В последние недели и он, и его жена тяжело болели. В конце концов, не имея возможности достать ни еды, ни лекарств, ни даже позвать на помощь, они покончили жизнь самоубийством.

Проф. Розенблат тоже только что совершил самоубийство. “Сага”, я боюсь, приобретает совершенно иной смысл, нежели в старой

французской революционной песне. Капустин, Покровский, Батюшков, Кулишер, Острогорский, Карпинский, Арсеньев умерли один за другим, другие умирают сейчас. Умирают от тифа, гриппа, воспаления легких...». Вообще интеллигенция, особенно академическая, чаще всего не могла приспособиться к тяжким временам, когда нужно было воровать, ехать за хлебом в неизвестные края, выделять зажигалки и пр. Она и вымерла в значительной своей части.

Те, кто мог, активно занимались «пайколовством», преимущественно чтением лекций в рабочих, красноармейских и краснофлотских клубах. Например, чрезвычайно красноречивые дневники, запечатлев свои подвиги на почве поисков пищи для детей, оставил писатель К. Чуковский. В то время был он уже известным писателем, литературоведом, вращавшимся в кругу известнейших литераторов и привечаемым Горьким. Вот дневники писателя К. Чуковского, который постоянно жалуется на то, что ему некогда работать, поскольку вся жизнь посвящена поискам заработка и пищи. Кстати, наилучшим видом заработка для таких, как он, был заработок «натурой» — крупой, мукой, солью, сахаром, верх роскоши — кониной, и — хорошо бы — дровишками. Обратимся к этому дневнику за 1920–1922 годы. 20 марта: «После заседания (у издателя Гржебина. — А. Б.) я (бегом, бегом) на Вас. Остр. на 11 линию — в Морской Корпус — там прочитал лекцию — и (бегом, бегом) назад — черт знает в какую даль! Просветители из-под палки! Из-за пайка! О, если бы дали мне месяц — хоть раз за всю мою жизнь — просто сесть и написать то, что мне дорого, то, что я думаю! Теперь у меня есть единственный день четверг — свободный от лекций». 1 апреля: «Вот мне и 38 лет!.. пили чай с дивным пирогом: изюм, корица, миндалин. Вычисляли: изюм — из Студии, корица — из Горохра, патока — из Балтфлота и т. д. Словом, для того, чтобы испечь раз в год пирог, нужно служить в пяти учреждениях». 2 февраля: «...Куда-нибудь — в Петросовет попросить пилу для распилки дров, или в Дом ученых, не дают ли перчатки, или в Дом литераторов — нет ли капусты, или в Петрокомметр, когда же будут давать паек, или на Мурманку — нельзя ли получить продукты без карточки и т. д. А воинская повинность, а детские документы, а дрова, а манная крупа для Мурочки — из-за фунта этой крупы я иногда трачу десятки часов». 3 февраля. «Вчера в Доме ученых встретил в вестибюле Анну Ахматову... “Приходите ко мне сегодня, я вам дам бутылку молока — для вашей девочки”... Чтобы в феврале 1921 года один человек предложил другому — бутылку молока!». 9 февраля: «Вчера вечером я б[ыл] взволнован до слез беседой со старушкой Морозовой, вдовой Петра Осиповича (историка литературы и театра,

умершего в 1920 году. — Л. Б.)... И действительно помирает с голоду. Никаких денег, ни крошки хлеба». 13 февраля: «Опять бесхлебица, тоска недоедания. Уже хлеб стал каким-то редким лакомством — и Коле Мар. Бор. ежеминутно должна говорить: “Зачем ты взял до обеда кусок? Отложи”». 14 февраля: «Читаю “Сокровище Смиранных” Метерлинка, о звездах, судьбах, ангелах, тайнах — и невольно думаю: а все же Метерлинка был сыт. Теперь мне нельзя читать ни о чем, я всегда думаю о пище; вчера читал Чехова “Учитель словесности”, и меня ужасно поразило то место, где говорится, что они посетили молочницу, спросили молока, но не *пили*. Не пили молока!!! Я сказал детям, и оказывается, они все запомнили это место и удивлялись ему, как я». 9 марта: «Я хочу продать мои сказки — т. к. у меня ни гроша, нужно полтора ста или двести тысяч немедленно. Каждый день нам грозит голод». 2 апреля: «Есть почти нечего. Сегодня на каждого пришлось по крошечному кусочку хлеба». 24 декабря. «Сейчас от Анны Ахматовой... У Ахм. на ногах плед: “Я простудилась, кашляю”... Потом старуха затопила у нее в комнате буржуйку и сказала, что дров к завтраму нет. “Ничего, — сказала Ахматова. — Я завтра принесу пилу и мы вместе с вами напилым...” Она лежала на кровати в пальто...». 13 февраля 1922 г.: «Щеголев... Дал как-то один миллион — и больше ничего. “У самого нет”. И правда: сын его сидит без папирос — дальше некуда. А у меня ни одного полена. Я с санками ходил во Всемирную (издательство “Всемирная литература”, затеянное Горьким. — Л. Б.), выпросил поленьев двадцать, но вез по лютому морозу, без перчаток, поленья рассыпаются на каждом шагу, руки отморозил, а толку никакого». 22 марта: «...нет даже на трамвай. На какие деньги я сегодня побреюсь, не знаю... Послезавтра Лидины именины, а у меня ни копейки нет». 26 марта: «...Сегодня сдуру я назначил свидание Анне Ахматовой... Ахматова ждала меня. На кухне все убрано, на плите сидит старуха, кухарка... штопает для Ахматовой черный чулок белыми нитками». 2 апреля: «Как голодают художники. Например, Петр Троянский. Он не ел уже несколько дней, наконец — на балу сделал чей-то портрет и получил за это 500 000. Пошел в буфет, съел шницель — и мгновенно заболел, закричал от боли в желудке! Несчастливого увезли в больницу». 7 апреля: «Денег у меня нет ни копейки, завтра понесу кое-что продавать». 10 апреля: «Безденежье все страшнее. Вчера я взял с полки книги и пошел продавать. Пуда полтора... Был я у Кони. Он жалуется на нищету. На Мурманской железной дороге, где он читает лекции, ему не платили с сентября, в “Живом Слове” — с октября. Книги он продает...». 11 апреля: «Дров нет. Я ломал ящик для книг

и поцарапал себе ладонь... Вчера — с голоду — зашел к курсисткам на Бассейной, в общежитие. Оказывается, они на Пасху получили по 8 фунтов гороху, который и едят без хлеба, размоченным в воде — сырой». 25 апреля: «Сегодня я с 10 ч. утра хожу по городу, ищу три миллиона и нигде не могу достать. Был у Ахматовой — есть только миллион, отдала. Больше нет у самой. Через три-четыре дня получает в Агрономическом институте 4 миллиона. Дав мне миллион, она порывисто схватила со шкафа жестянку с молоком и дала. “Это для маленькой!”». 19 июня: «Я редактирую Бернарда Шоу — для хлеба. Уже три дня не на что купить хлеба».

28 декабря 1921 года Чуковский записывает: «Вчера читал на... Курсах лекцию — бесплатно — в пользу уезжающих на родину студентов. Они живут в ужасных условиях. Установилась очередь на плиту, где тепло спать, один студент живет в шкафу, провел туда электрическое освещение. Ехать они хотят в багажном вагоне малой скоростью — багажом: 80 пудов студентов!»

Чем жили те, кто не пропагандировал завоевания новой власти и не представлял для нее интереса — сказать трудно. Конечно, можно было бы потихоньку распродавать бриллианты, шубы, кружева и прочую роскошь прежних лет. Но... Советская власть твердо встала на позиции искоренения спекуляции, т. е. обычных рыночных отношений. Так что горько приходилось «бывшим», даже если они были известными учеными и т. п. 28 июня 1920 года Чуковский записывает: «Вспомнил, что на кухне “Дома Искусств” получают дешевые обеды, встречаясь галантно, два таких пролетария, как б[ывший] князь Волконский и б[ывшая] княжна Урусова. У них в разговоре французские, англ. фразы, но у нее пальцы распухли от прошлой зимы и на лице покорная тоска умирания. Я сказал ему в шутку на днях:

— Здравствуйте, ваше сиятельство.

Он обиженно и не шутя поправил:

— Я не сиятельство, а светлость...

И стал подробно рассказывать, почему его дед стал светлейшим. В руках у него б[ыло] помойное ведро».

Многих именно голод, трудовые мобилизации и унижения вытеснили из страны.

Вольно или невольно, оказывалась русская интеллигенция в эмиграции. Так, в августе 1922 года немецкий пароход вывез более 160 философов, историков, писателей и публицистов, принудительно высланных без суда, в административном порядке, по решению ГПУ. В этом году в Германию и Италию ушло еще несколько пароходов

и поездов высылаемой интеллигенции. Всего вынуждены были уехать более 300 человек: на родине альтернативой была ссылка, тюрьма или расстрел. Высланы были ректор Московского университета, зоолог Новиков и ректор Петроградского университета, создатель философии истории Карсавин, философы Бердяев, Булгаков, Франк, Выше-славцев, Ильин, Лосский, Шестов, Степун, социолог Сорокин, историки Кизеветтер, Флоровский, Мякотин, Боголепов, Мельгунов, группа математиков во главе с деканом математического факультета Московского университета профессором Стратоновым, экономисты профессора Зворыкин, Бруцкус, Лодыженский, Прокопович, видные кооператоры Изюмов, Кудрявцев, Булатов, литераторы Айхенвальд, Осоргин и др. После этого заряд большевистского гуманизма был исчерпан, и затем интеллигенцию высылали только в глубь страны: в 1924 году среди политических ссыльных в Сибири научная, техническая и творческая интеллигенция составляла 40 %. По неполным данным, за 3 года Россия лишилась 17 тысяч деятелей науки, культуры и искусства. В 1921 году в Праге (Чехословакия стала одним из центров русской эмиграции) в Первом академическом съезде ученых-эмигрантов приняло участие около 500 российских ученых, часто с мировым именем. За рубежом оказалось 5 академиков, около 140 профессоров, всего же более 1000 человек ученых и специалистов, например, создатель первых в мире многомоторных бомбардировщиков И. Сикорский, изобретатель электронного телевизора В. Зворыкин.

Однако полная ликвидация «буржуазной» интеллигенции была невозможна. Во-первых, без нее было бы невозможно восстановление и развитие народного хозяйства и культурное строительство. Во-вторых, без нее было невозможно создание собственных, классово безукоризненных специалистов. В-третьих, мировая революция провалилась, и режим нуждался в налаживании хороших экономических отношений с Западом, для чего требовалось надеть маску демократизма. Требовалось приручить остатки старой интеллигенции, для чего использовались экономические методы. А. Троцкий прямо говорил: «Мы голодом заставили интеллигенцию работать». Ну и, разумеется, перевоспитывали буржуазную интеллигенцию трудом: на то была введена всеобщая трудовая повинность с принудительным привлечением разного рода буржуазии к физическому труду. Да и голод вкупе с холодом не давали засиживаться по домам. Современник записывает в дневнике 24 июля 1918 года: «В Петрограде буржуазия привлечена к рытью могил для холерных». 28 декабря 1918 года: «Всю неделю почти, с некоторыми промежутками, бушуют вьюги, бураны и метели,

судя по газетным известиям, на огромном пространстве центральной России. С заносами едва справляются; пользуются законом о трудовой повинности, а потому многих москвичей 4-й категории и безработных принудительно отправляют с лопатами по линиям жел. дорог. Знаю некоторых сублильных молоденьких барышень, обутих в легкие, чуть не бальные ботинки, вынужденных подчиниться такому жестокому для них распоряжению». 4 января 1919 года: «Объявлена в Москве всеобщая обязательная повинность по очистке снега на воскресенье 23 декабря и на Рождественский сочельник, с 9 ч. утра до 5 ч. дня. Призывается все взрослое и здоровое население обоего пола в возрасте от 18 до 45 лет, причем даже «советские служащие не имеют права уклониться от работы». 21 августа: «По дороге со службы домой наблюдаю, как домовитые люди подбирают падающие с грузовых автомобилей дрова и несут их к своим очагам. Любопытная картина: на голове шляпа, под мышками по полену дров, на спине какой-нибудь мешок с мукой или картошкой, в одной руке портфель, в другой тросточка... Сплошь да рядом какая-нибудь дама, как видится, недавняя купчиха или жена статского советника, еще не успевшая вдребезги износить свои «варшавские» или «венские» башмачки и шелковые чулочки, впряглась в тележку и прет на себе домой продовольственной или топливной поклажи пудов 10. Давно ли в Москве было разговоров, что завелся легковой извозчик-женщина (единственная на всю Москву), а вот теперь здесь есть десятки тысяч женщин, исполняющих обязанности самих ломовых лошадей». 14 октября: «На днях ходил на Дербеневскую набережную (полтора часа ходу от квартиры), разбивал вместе с сослуживцами гнилую, обсохшую на берегу песочную шаланду, предоставленную нам «Рупводом» на дрова «из полы», т. е. половину дров себе, половину учреждению... Работал с 11 ч. до 4 ч. дня — ломом, топором, кувалдой и пилой, а обратно заходил на пристань и потащил на себе пуд кочанной капусты. И то же делают теперь большинство московских обывателей. Наступают холода... дров ни у кого нет...» 21 октября: «В воскресенье опять был «на дровах» и принес «собственноспинно» готовых дров топки на две...». 18 октября: «Преуспеваю в переноске нужных для дома продуктов: сегодня приволок на собственных плечах и спине уже 1 п. 30 ф. картошки зараз... Да что удивляться такой прыти, когда и почище меня люди то же проделывают. Все бульвары и тротуары представляют из себя «мешочное» шествие; редкий человек теперь без поклажи: кто с картошкой, кто с дровами, кто с капустой, кто с мукой... Как раз видел навьюченного чем-то знаменитого москвича, профессора по нервным болезням Минора (его брат был

председателем московской думы). Идет этот старец впереди меня и разговаривает сам с собой. Невольно я прислушался, но связного в его бормотании ничего не слышал, болтал какую-то чепуху... Неужто сам целитель психических болезней — психически болен?.. Впрочем, как и не заболеть от такой метаморфозы!»

Коммунистический режим не оставлял интеллигенцию без внимания и в других отношениях. Так что характерным явлением для нее в 20-х годах стало бегство от «всевидящего глаза» и «всеслышащих ушей» ВЧК в маленькие города, где и прокормиться, и отопиться было полегче. Например, в Загорске, бывшем и нынешнем Сергиевом Посаде, наряду с представителями видных дворянских родов (Олсуфьевыми, Трубецкими, Голицыными) жили писатель М. Пришвин, художники А. Осмеркин и В. Фаворский и др.

Новый всплеск преследования интеллигенции приходится на конец 20 — начало 30-х годов: готовился «великий перелом», и необходимо было устранить носителей национальной идеи, интеллигенцию, старое мещанство и крестьянство. Ведь без объединяющей людей национальной идеи нация, с ее упругостью, способностью к сопротивлению, превращается в население, безропотную массу, которую куда угодно можно направить и на кого угодно натравить. В 1928–1930 годах был проведен ряд массовых судебных процессов по абсолютно надуманным обвинениям: «Академическое дело» (историки С. Платонов, И. Гревс, Е. Тарле, Н. Лихачев, М. Любавский, Ю. Готье, С. Бахрушин и др.), 8 августа 1930 года Коллегия ОГПУ СССР вынесла приговоры по «Академическому делу». В ссылку и лагерь по обвинению в «монархическом заговоре» отправлено 29 человек историков.

«Шахтинское дело» против инженеров о вредительстве в каменно-угольной промышленности, «дела» мифических «Промпартии» (против инженеров) и «Трудовой крестьянской партии» (ученые А. Чаянов, Н. Кондратьев, В. Громан, А. Юровский и др.), дело о вредительстве в управлении шоссеино-грунтовых дорог (профессор П. Велихов и др.), дело ВСНХ, дело статистиков, «Пулковское дело» (более 100 человек, в том числе директор Пулковской обсерватории Б. Герасимов, директор Астрономического института Б. Нумеров, профессор Е. Перепелкин, создатель первой в мире Службы Солнца, которая была уничтожена целиком), вплоть до «дел» эсперантистов (переписывались с границей на непонятном языке — значит шпионы), филателистов и «фокстротчиков» (интеллигентная молодежь из дворянских семейств собиралась танцевать фокстрот под патефон, а значит,

организовывалась во враждебные советской власти заговорщицкие группы).

Лучшая в мире русская инженерия планомерно уничтожалась по обвинениям во вредительстве (аварийность на предприятиях, куда, в связи с индустриализацией, был массовый наплыв малограмотных рабочих из деревни, была огромной) или в торможении трудового порыва рабочих, т. е. в попытках соблюдения технических нормативов и техники безопасности. Точно так же уничтожались военные специалисты: в 1929–1930 годах было уволено из армии более 10 000 бывших офицеров среднего звена, из них более 2600 арестовано; в 1930–1932 годах только чекистская операция «Весна» вновь дала 3000 арестованных офицеров. Писатель К. Симонов в книге воспоминаний «Глазами человека моего времени» описывает арест своего отчима, бывшего офицера, прошедшего Гражданскую войну в рядах Красной армии. Показательна судьба бывшего подполковника Генерального штаба Н. Какурина, автора первой истории Гражданской войны; во время ее Какурин занимал должность начальника оперативного отдела Полевого штаба Красной армии. В 1928 году он был арестован, в 1929-м выпущен, в 1930 году вновь арестован и расстрелян. Расстреляны были и другие видные военные специалисты: А. Снесарев, руководивший обороной Царицына, А. Свечин и др.

Вот ряд записей в дневнике некоего Шитца, московского историка. 30 октября 1929 года. «Ежедневно смертные приговоры за вредительство (в Астрахани 17 приговоров), за убийство или покушение на убийство, иногда за убийство рабкоров, селькоров, хлебозаготовителей, которых, действительно, стали истреблять как-то стихийно. Обычно в первую голову присуждают “попа”, затем “кулаков” и всяких “бывших” людей...

Идут расстрелы и по “интеллигентной” линии. За генералами и офицерами — инженеры и химики. Аресты приняли неслыханные размеры. В последние дни слышишь об аресте мирнейших безразличных, а рядом — сочувствующих новшествам людей».

20 ноября 1929 года. «С интеллигенцией дело обстоит совсем плохо. Профессура отмирает, либо изгоняется, подростка же нет. Специалистов по всем ведомствам “снимают” (заменяя “выдвиженцами”), либо, что еще хуже, сажают; наиболее частое обвинение — вредительство. Химиков сидит чуть ли не половина всего наличного количества их. ГПУ даже “торгует” химиками, т. е. за большие деньги отдает посаженных химиков в работу разным трестам и учреждениям, конечно, зорко досматривая, чтобы ученые не удрали; а то ученых отсылают на

работу в гиблые места на малом содержании (как арестованных). Есть даже такие, что работают в тюрьме, куда им доставляют книги и необходимые пособия... Количество арестов за последнее время огромно...»

Декабрь 1929 года. «Полоса арестов, еще не закончившаяся, обогатилась бесконечными высылками после кратких порою допросов. Высылают в Соловки, в Нарым, в Архангельск».

28 марта 1930 года. «Аресты продолжаются и не видно плана в них. Как-то просто хватают людей, кажущихся не советскими, долго держат, а потом высылают и разоряют. Почти не слышно об отпускаемых. Кто попал — изымается из оборота».

24 июня 1930 года. «Аресты не унимаются. Слухи про арест “хозяйственников”-профессоров, из числа лиц, много и усердно работавших на советское правительство; говорят про арест Кондратьева и Чаянова (последний сильно расшаркивался перед правительством)».

7 августа 1930 года. «Большевикам удалось то, чего до сих пор не умел сделать никто: наложить арест на мозги человеческие и эксплуатировать их в свою пользу. Спецов ставят в такое положение, что подводят их под наказание, а затем держат в заключении и эксплуатируют, сдавая их в рабство в учреждения».

11 августа 1930 года. «В “Известиях” сообщено, что “чистка” выявила подлинных врагов советской власти: их, устраненных по 1-й категории, оказалось 11000 человек... По второй категории вычищено что-то вроде 25000 человек».

17 августа. «Сообщают о состоявшемся аресте московских историков: Любавского, Готье, Егорова. Первый академик, второй и третий видные работники Ленинской библиотеки».

18 августа 1930 года. «Аресты идут опять усиленные. По линии адвокатуры — Брусиловский (?), ряд других, и даже Коренев, старик, когда-то бывший председателем совета присяжных поверенных Московского округа. Другая линия — старик Прянишников (Петров. с.-х. Академии), лет 70, работавший по программе очень левой, и огромное количество молодежи из Наркомзема и ЦСУ. Третья линия — крупные спецы в области техники: Осадчий, чьи статьи, полные энтузиазма, постоянно появлялись в советских органах; Рамзин, первейший авторитет в области теплотехники.

Что это такое? Некоторые уверяют, что это начало своего рода “раскулачивания” интеллигенции, теперь можно обойтись без нее, а ее мозги можно держать в тюрьме и даже эксплуатировать при случае.

О мостовике Велихове говорят, что его и допрашивали мало, а расстреляли по обвинению в том, что будто бы поддерживавшаяся им постройка моста у Черкасс отвечала интересам польского военного командования».

20 августа 1930 года. «Аресты, аресты без конца.

Уничтожение интеллигенции, очевидно, одно из звеньев плановой пятилетки. О плановом устранении этой “касты” говорят совсем открыто. Пример — фельетон в “Известиях” от 19 авг.».

17 сентября 1930 года. «Аресты продолжают. Указывают на линию врачебную: знаменитый Благоволин... затем бактериологи — будто бы целиком все связанные с изготовлением сывороток; другая линия — актерская: Завадский, Польш, художник Никитин и др...; наконец, по линии историков — Иванов-Полосин, Совков; говорят, на свободе лишь слепой Бочкарев».

22 сентября 1930 года. «Сегодня газеты сразу были распроданы с утра... Сообщается о раскрытии грандиозного вредительства в деле мясозаготовки, овощеснабжения, рыбного дела и т. п. Оказывается, во всем виноваты и во всем сознались сорганизованные вредители... ставившие себе задачей развал советского хозяйства... И все это бывшие дворяне, бывшие торговцы, кадеты и меньшевики, профессора, словом, “интеллигенция”, продававшаяся иностранцам <...>

Итак, очевидно, уничтожение культурной интеллигенции — дело ближайшего будущего. Теперь на очереди, очевидно, грандиозное дело об “измене”, “шпионаже” и т. п. остатков русской профессуры: “русская история” уже арестована целиком...».

Середина октября 1930 года. «От времени до времени после затишья в несколько дней известья о новых арестах. “Спецов” уничтожают всячески.

Некоторые представления о “мобилизации” населения можно вывести из официальных цифр. Не считая ГПУ (оно ничего не объявляет обычно), по ведомству Наркомвнудела число “арестованных” было: 200 тыс. в 1928, 300 с чем-то в 1929, наконец, свыше 570 000 за первые 9 мес. 1930 года».

«Аресты продолжают. Мало уже осталось на свободе крупных техников, инженеров, химиков, экономистов. Попутно доканывают вообще интеллигенцию».

«Расстрелы продолжают, но о них не печатают, а узнают случайно — от родственников».

«Аресты идут и идут. Хватают уже не только спецов, а и просто маленьких людей, учителей, врачей, мелких служащих».

1931 год. «После продолжительного (месяца два?) сидения выпущен из ГПУ известный издатель Сабашников, человек за 60 лет. Обвинялся “вообще”, как контрреволюционер (!), а в частности, как участник заговора против личности Сталина (!!))».

«Аресты сейчас идут по двум направлениям: 1) религия — арестовывают одиночек и лиц, связанных в общины... 2) военные, особенно прежние, хотя бы и на службе в Кр. Армии...».

«Инженеров арестуют и высылают “без предъявления обвинения”. Других, чтобы побудить выехать в места гиблые, арестуют и отделяют от жен, либо высылают жен в место намеченной работы мужей, которые в конце концов “добровольно” соглашаются ехать, но уже на пониженный оклад».

Апрель 1931 года. «Аресты идут бесконечные. Только что закончился разгром Института Маркса и Энгельса (судьба Рязанова все еще предмет лишь догадок). Еще не кончено дело “историков”: пока что расстрелы не подтверждаются; говорят о намеченных длительных ссылках в концентрационные лагеря, о пяти- и десятилетних сроках. Арестуют партиями то “католиков”, то “педерастов” (в Питере даже расстреляли некоторых...), то учащуюся молодежь, то военных... И вот, некоторых выпускают на суд, устраивают “процесс” с обусловленными приговорами, а остальных — либо расстреливают, либо изымают на 10, на 5 лет... На Казанской ж. д. так отправлено на 10 лет 40 человек, а среди текстильщиков около 300; затем, несколько десятков агрономов, причем входит все больше в обычай конфискация имущества, удаление родни из Москвы и захват жилой площади чинами ГПУ. О расстрелах не печатают, а лишь говорят шепотом. Иные по месяцу и больше не знают, что их близких уже нет в живых».

А вы говорите: 1937-й...

Вся эта старая «буржуазная» интеллигенция принадлежала к числу «бывших»: бывших дворян, бывших чиновников, бывших офицеров, бывших предпринимателей. Это слово бытовало и до революции, обозначая маргиналов, спившихся и опустившихся дворян, офицеров, чиновников, живших по трущобам и ночлежкам и занимавшихся попрошайничеством. С 1917 года это было почти официальное название, употреблявшееся в документах и печати применительно к бывшим помещикам, дворянам, особенно титулованным («бывший князь Голицын»), верхушке старой интеллигенции и другим представителям «эксплуататорских классов». Они находились под неослабным контролем карательных органов, часто подвергаясь кратковременным арестам, лишались гражданских прав. Красноречиво изобразил мытарства своей

семьи С. Голицын в «Записках уцелевшего», хотя эта ветвь князей Голицыных уже ничем не владела, давно превратившись в служащих.

Осенью 1917 года по стране прокатилась волна самочинных убийств, арестов, конфискаций, грабежей и уничтожения помещиков и их имений. Однако значительная часть помещиков средней руки сохраняла добрососедские отношения с окрестными крестьянами и оставались жить в усадьбах, после конфискации земли получая от местных органов наделы в 20–22 десятины и соответствующее количество рабочего и продуктивного скота и орудий труда. Писатель-эмигрант Борис Зайцев вспоминал: «Годы после войны прожили мы в деревне, тульском имении отца. Не могу сказать, чтобы нас обижали. Меня не только не убили, но и заложником не взяли. Не лишили и крова. Я занимал по-прежнему свой флигель. Мне вернули книги, реквизированные во время моей отлучки: все Соловьевы и Флоберы, Данте, Тургеневы и Мериме не без торжественности возвратились (в розвальнях) домой — на родные притыкинские полки». Мать писателя занималась хозяйством. Но «к осени 20 года выяснилось, что семян для озимого у нас мало. Еще мать могла кое-что посеять, на деревне же у крестьян почти все было съедено (т. е. остатки реквизиций и разверсток). Жуткая вещь — очутиться без семян! Сograждане мои забеспокоились. Да и нам приходилось туго. И тогда пришла мне странная (но к революции подходящая) мысль: спуститься прямо в пасть львиную и что-нибудь оттуда выудить. Съездить в Москву, добыть семян у самого “правительства”, которое нас обирало». И что же? Добившись приема у Каменева, а от него получив записку комиссару земледелия, бывший помещик и офицер получил семена на всю деревню! Более того, многочисленными были случаи возвращения бывших помещиков в усадьбы из городов, где набирали силу как трудности с продовольствием, так и репрессии ЧК. Обычно не имели успеха и попытки приезжих большевистских агитаторов восстановить крестьян против бывших помещиков, начавших самостоятельно вести земледельческое хозяйство. «Бывший князь» С. Голицын в «Записках уцелевшего» описал, как сестра его отца, графиня В. Бобринская, весной 1918 года пригласила своих многочисленных родственников (около 20 человек) пожить в имении Бобринских, знаменитом Богородском Тульской губернии. Он пишет о довольно спокойной и сравнительно сытой жизни в имении под покровительством местных крестьян и даже об увлечении любительским театром.

Крестьяне грабили и громили, иногда не оставляя камня на камне, главным образом те усадьбы, которые пустовали, брошенные бежавшими владельцами. Это вполне соответствовало крестьянской психо-

логии: ненужное, брошенное, ничье — значит, нужно прибрать к месту: «Не клади плохо, не вводи вора в соблазн». А 20 марта 1925 года вышел декрет ЦИК и СНК о лишении бывших помещиков права землепользования и проживания в имениях. Ослушавшиеся распоряжения и продолжавшие вести хозяйство на своих наделах были высланы с началом коллективизации в 1929 году. Значительно тяжелее было положение тех, кто оставался жить в городах, хотя имели место случаи помощи приезжих крестьян своим бывшим помещикам, красноармейцев — командирам или их семьям и т. д. Изначально «бывшие», без разбора пола и возраста, под конвоем, были подчинены принудительному труду по расчистке улиц, разгрузке барж с дровами, строительству укреплений и т. п., с 5 октября 1918 года по декрету СНК «нетрудящиеся» получали особые трудовые книжки — в ту пору единственное удостоверение личности. По Конституциям 1918 и 1924 годов, они лишались избирательных прав, приобретая новую кличку — «лишenci». При проведении паспортизации населения им автоматически не выдавались паспорта, что автоматически же влекло за собой репрессии: их увольняли со службы с возможностью получения лишь самой грязной, тяжелой и низкооплачиваемой работы, выселяли из квартир без предоставления жилья, а нередко и высылали как беспаспортных и бездомных в отдаленные местности, неоднократно арестовывали только «за фамилию», причем наибольшей опасности, включая расстрел, подвергались носители «громких» фамилий, хотя бы в прошлом они не имели поместий, предприятий или счетов в банке, а были обычными служащими. Едва ли не самым вопиющим примером является история бывшей статс-дамы А. Нарышкиной (мать Петра I была Нарышкина). Сама она активно занималась развитием крестьянских промыслов как дополнительных заработков крестьян и в имении открыла учебную мастерскую для обучения крестьянок кружевоплетению, ковроткачеству и вышиванию, а ее покойный муж, обер-камергер Двора, занимаясь народным образованием, оставил на его нужды 700 тысяч рублей. В 1919 году полуслепую парализованную 80-летнюю старуху приехавшие чекисты вынесли прямо на кровати из усадебного дома, бросили в телегу, увезли в Тамбов и там расстреляли.

В 1921 году правила приема в вузы установили принцип командирования на учебу с предприятий, а 11 ноября 1922 году была введена дифференцированная плата за учебу; новые правила приема 1923 года содержали список лиц, имевших преимущественное право поступления на учебу на бесплатные места, так что дети «бывших» фактически не имели возможности поступления в вузы, а «проникшие» туда раз-

ными способами — изгонялись. Москвич Окунев записал в дневнике 26 февраля 1929 года: «В Москве ок. 70 000 “лишенцев”, т. е. граждан, лишенных права голоса. Само по себе это право, конечно, никому и ни на что не нужно, все тяготеется нелепой обстановкой выборов, когда сгоняют людей и единогласно принимают решение об избрании заранее намеченных лиц. Но “лишение” сопровождается одиозными последствиями: травлей, ограничениями в квартире, обложении сугубым и т. д.

Преследование “бывших людей” переходит всякие границы. Графа Павла Сергеевича Шереметева, проживающего в Остафьево на кухне и служившего за 60 руб. хранителем своего дома-усадыбы, памятной по Вяземским, Пушкину, Карамзину, — в конце концов “прогнали”, как “лишенца”, оставили без хлебной карточки, в когда неделю назад к нему съехались родичи на похороны его давно лежавшей в параличе матери, то его “прокатили” в какой-то газетке. Он настолько заголодал и обнищал, что музейные работники, все люди с окладом ок. 50 руб. в месяц, собирают ему на хлеб и на брюки (он совершенно обтрепался)».

Но все же в период НЭПа положение «бывших» немного улучшилось: появилась возможность мелкого предпринимательства и различных заработков в частных издательствах, у нэпманов и пр. После волны репрессий конца 20 — начала 30-х годов, примерно с 1932 года гонения на «бывших» почти прекратились, утихли дискуссии в прессе о них, был облегчен доступ в вузы, стихла дискриминация на службе, так что их положение облегчилось даже в сравнении с НЭПом. После убийства С. Кирова в декабре 1934 года вновь воздвиглись гонения на «бывших», прежде всего в Ленинграде, в чуть меньшей степени — в Москве, в еще меньшей степени — в других городах. «Социально чуждых» массами отправляли в ссылку, сажали в тюрьмы, а то и расстреливали. Парадокс заключался в том, что убил Кирова коммунист Николаев, а репрессии обрушились на тех, кто не имел права на ношение оружия и не мог пройти в Смольный, то есть к убийству не имел и не мог иметь никакого отношения. События 1937–1938 годов захватили «бывших», вероятно, в той же мере, как и другие слои населения. К концу 30-х годов большая часть «бывших» была уже либо уничтожена, либо находилась в ссылке и лагерях, так что в дальнейшем существование их остатков было неактуальным для режима.

«Бывшие» старших поколений, выбитые из привычной колеи, в массе были обречены на медленное угасание, хотя часть их энергично боролась за существование свое и своих детей и, не принимая новых

порядков, пыталась как-то приспособиться к жизни в новых условиях. В основном, благодаря высокому уровню образования и в зависимости от возраста, они обращались к интеллектуальной работе в музеях, театрах, музыкальной сфере, в т. ч. таперами в кино и т. п.; большую роль играли преподавание, особенно иностранных языков, и воспитание детей в семьях высокопоставленных партийных и советских функционеров и энпманов (хотя бы за тарелку супа), работа в школах и детских домах, счетоводами и чертежниками в учреждениях и на предприятиях, техниками в различных экспедициях; последнее занятие позволяло также избежать арестов. При этом культивировались и передавались детям прежние культурные навыки и традиции. Поколение 1910-х годов в большей степени адаптировалось к новой жизни, иногда полностью вписывалось в советское общество и лишь отчасти сохраняло культурные навыки да приучалось молчать о своих родителях; здесь нередкими стали браки с выходцами из пролетариата и партийной среды, а иногда и вступление в партию. Поколения 20–30-х годов мало интересовались прошлым и почти не знали его, становясь обычными советскими людьми.

К середине 30-х годов в СССР появилась молодая поросль уже своей творческой, научной и технической интеллигенции, безупречной в смысле классового происхождения. И когда государство сумело создать необходимое количество таких специалистов, слово «интеллигент» перестало быть позорным клеймом. Ведь это была «советская интеллигенция», синоним «советского человека», только не «простого».

Увы, и ее преданность идеям коммунистической партии иной раз не выдерживала проверки: интенсивная интеллектуальная работа порождала критический взгляд на действительность. Здесь режим дал осечку. Само по себе высшее образование и даже ученая степень кандидата или даже доктора наук еще не есть гарантия самостоятельной интеллектуальной работы. Но оно — предпосылка к ней. И какой-то процент советских людей оказывался в числе «выродков». Здесь любопытного читателя можно бы отослать к книге не слишком советских писателей-фантастов, братьев Стругацких, «Обитаемый остров». Население этой вымышленной территории постоянно подвергается воздействию особых установок, а дважды в сутки на них обрушивается мощный натиск излучаемых ими волн, и они превращаются во впадающих в неистовство патриотов и верных слуг «Огненосных творцов». Но незначительная часть населения в силу каких-то психофизиологических причин не способна воспринимать эти волны и дважды в день подвергается страшному болевому шоку. Таких людей называют «вы-

родками» и как потенциальных врагов народа выявляют и изолируют от общества. Поэтому «гнилая» интеллигенция, какая-то смутная «прослойка» между классами рабочих и колхозного пролетариата, постоянно была в сфере внимания режима и его карательных органов. Разумеется, в сталинскую эпоху такие люди таились, выявить их было сложно, и проще всего было интенсивно «прореживать» ряды людей с образованием: уж хоть один-то из тысячи арестованных наверняка окажется потенциальным врагом. Недаром, судя по воспоминаниям, при обысках тщательно просматривались издания Маркса или Ленина: разного рода заметки на полях были прекрасной уликой критического отношения к этим трудам, т. е. к советской действительности.

Война оказала дурное влияние на психологию и идейность советских людей, которые перестали бояться, на своей шкуре познали пороки управления страной и воочию могли познакомиться с жизнью за рубежом. Идеологические постулаты слабо укоренились в сознании людей: от тех, кто уцелел в страшных боях и прошел через госпитали, кто пережил оккупацию и трудности в советском тылу, заклинания агитаторов и пропагандистов отскакивали, как горох от стены. К тому же миллионы советских людей воочию познакомились с жизнью за границей: и те, кто был вывезен немцами на работы, и те, кто прошел плен, и те, кто с боями дошел до Вены и Берлина, увидели, что жизнь может быть не такой, как в СССР, а гораздо богаче и свободнее. Наконец, очень многие увидели и высокое качество американской и английской, да и немецкой техники, и такое же качество поступавших от союзников по закупкам, ленд-лизу и в виде подарков продуктов питания и товаров широкого потребления. С этими настроениями нужно было бороться.

Интеллигенция не была здесь исключением. Официально это подавалось как ослабление советского патриотизма. К. Симонов вспоминал о встрече Сталина с группой писателей в Кремле 3 мая 1947 года: «А вот есть такая тема, которая очень важна... Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников». Так началась обрушившаяся только на интеллигенцию борьба с «безродным космополитизмом, антипатриотизмом и преклонением перед Западом».

В 1947 году ЦК ВКП(б) предложил создать «суды чести» для борьбы с инакомыслием в обществе. Им были вменены следующие обязанности:

«На суды чести возлагается рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти поступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке». Суды действовали до середины 1949 года. Поначалу гонения обрушились на биологов, скептически относившихся к достижениям селекционера-самоучки, садовода И. Мичурина и к успехам главы советских биологов Т. Лысенко. Уже 27 ноября 1947 года в Политехническом институте прошел «суд чести». За «антипатриотический поступок» судили генетика и селекционера, только что уволенного с поста президента Академии наук Белорусской ССР А. Жебрака, который опубликовал в одном из американских журналов статью с критикой Т. Лысенко. После этого собрания Жебрака уволили со всех постов, хотя и не арестовали. 7 августа 1948 года завершилась сессия ВАСХНИЛ, признавшая единственно правильным в области биологии учение Т. Лысенко. Во многих выступлениях заушательской критике подверглись первые советские генетики, «мухоловы», изучавшие какую-то муху-дрозофилу вместо работы по подъему советского сельского хозяйства. Заодно началась кампания против кибернетики. 26 августа 1948 года приказом Министерства просвещения СССР из МГУ был уволен ботаник и физиолог растений, профессор, заведующий кафедрой с 1932 года Д. Сабинин как «проводивший активную борьбу против мичуринцев и мичуринского учения и не обеспечивший воспитание советской молодежи в духе передовой мичуринской биологии». Вместе с ним уволены и другие профессора и сотрудники университета, не поддерживавшие взгляды Лысенко.

Существенную роль в развитии «антипатриотизма» интеллигенции сыграли контакты с заграницей, прежде всего чтение иностранных научных журналов. Поэтому 14 сентября 1946 года появилось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О выписке и использовании иностранной литературы», а затем постановление Совета министров СССР «О порядке получения и использования иностранной литературы министерствами, ведомствами и организациями». Было резко сокращено количество организаций, которым разрешалось приобретать иностранные научно-технические книги, журналы и газеты без предварительной их цензуры, и была запрещена индивидуальная выписка иностранной литературы. Только действительным членам Академии наук СССР предоставлялось право индивидуальной выписки иностранной литературы по своей специальности. Что там научные журналы! В ночь на 18 января 1943 года в своей квартире за прослушивание

иностранных радиопередач были арестованы джазовый композитор и дирижер Александр Варламов и его жена, и восемь лет они провели в сибирских концлагерях.

Еще до войны любые связи между советскими гражданами и иностранцами рассматривались как, мягко говоря, нежелательные, а если откровенно, то — как преступление. Недаром среди «литерных» статей, широко употреблявшихся «тройками» 30-х годов, была такая, как СВПП (связи, ведущие к подозрению в шпионаже). Вообще шпионomanия, доходившая до истерии, была одним из самых сильных орудий в арсенале советских «органов». Как результат, специальным постановлением от 15 февраля 1947 года Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило опубликованный 18 марта указ «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». Это сломало судьбы немало числа советских женщин: ведь во время войны в СССР было очень много английских и американских офицеров, общение с которыми оказалось почти свободным. Табу на контакты советских граждан с иностранцами касалось не только «простых» граждан. Так, в феврале 1947 года глава Агитпропа Г. Александров направил секретарю ЦК ВКП(б) А. Кузнецову докладную записку по поводу обращения академика Прянишникова: академик сообщал, что им получено от немецкого профессора Пауля Киршне приглашение принять участие в журнале «Сельское хозяйство» (в зоне советской оккупации!). Александров полагал, что было бы правильно рекомендовать академику Прянишникову воздержаться от участия в работе немецкого журнала, сославшись, например, на то, что этого ему не позволяет сделать слабое здоровье. Необходимо обратить внимание читателя: речь идет о крупнейшем советском почвоведении, академике, и о специальном журнале по почвоведению, издающемся в будущей братской ГДР! Резолюция Кузнецова была — «Воздержаться». Несколько позже, имея в виду враждебный характер всех и всяческих международных научных организаций, Президиум Академии наук, поддержанный Агитпропом, счел целесообразным воздержаться от участия советских философов в международном конгрессе философов во Франции. Основание: конгресс «будет состоять, главным образом, из представителей буржуазной идеалистической философии», а приглашенные академики Колмогоров и Бернштейн, «являющиеся крупными учеными в области теории вероятностей, не могут считаться пригодными для выполнения... задачи» изложения принципиальных позиций марксистской философии. А те, кто был пригоден, в теории вероятностей ничего не понимали, да их и не приглашали.

Но и сами иностранцы также были под подозрением. В северном городке, где я вырос, среди разнообразных ссыльных были и иностранцы. В 30-е годы они приехали в СССР помогать советскому рабочему классу в индустриализации страны и строительстве социализма. Приезжали как инженеры, так и простые рабочие — в качестве наладчиков, мастеров и т. п. Инженеры посылались фирмами, поставлявшими оборудование, и под нажимом фирм были выпущены обратно. А рабочие ехали сами, по своей воле, движимые, кто желанием подзаработать, кто искренним стремлением помочь стране Советов; но, кроме того, и те и другие были движимы наивностью. Их просто не отпустили обратно на родину. И это понятно: слишком много они видели. Если бы в буржуазной прессе появились статьи инженеров о том, что они видели в СССР, — это было бы полбеды. А вот статьи простых рабочих, нередко коммунистов, да в рабочей печати — это уже могло причинить существенный вред идее коммунизма. Перед войной, а в основном во время войны эти подозрительные иностранцы («Кем заслан? С какой целью? На чью разведку работаешь?») были высланы куда подальше. Так у нас в городе оказалась семья французов, семья итальянцев, американец; возможно, были и другие, но я, мальчишка, естественно этим не интересовался. Мать дружила с француженкой, и я раза два был с ней во французской семье.

Как в сказке, «за горами, за долами, за высокими лесами», за болотистыми огородами, за заводской узкоколейкой, за канавой, сбрасывавшей заводские стоки в реку, за вонючей болотистой пустошью, куда городские ассенизаторы свозили содержимое своих бочек, за рекой Омутной стояли 3 или 4 относительно новых рубленых барака. Местные жители обычно сюда не ходили: зачем «светиться»? Здесь и жили эти французы. Глава семейства работал машинистом паровоза на заводской узкоколейке, сын был у него помощником, дочь вышла замуж за местного парня. Жили — не тужили, забыв уже о прекрасной Франции. Но в разрезе борьбы с преклонением перед Западом семейство в 1949 году высылают дальше на Север, под Котлас, вместе с другими подозрительными иностранцами. Я помню, как к нам приходила старая толстая француженка и горько плакала: дочь, у которой родился ребенок, тоже высылали, а муж отказался ехать с ней: «У меня здесь дом, старики-родители, куда я поеду?..».

Вот так очередная кампания коммунистической верхушки отразилась на повседневной жизни простых людей.

Но нужно попытаться раскрыть молодому читателю формулировку «безродный космополитизм и преклонение перед Западом».

Под безродными космополитами подразумевались исключительно евреи. И верно: почти 2000 лет рассеяния сделали их подлинными космополитами. И безродными — тоже: Родины-то у них в высоком смысле этого слова нет. А что они и поколения их предков в России родились и практически ассимилировались — это не в счет.

Преклонение же перед Западом включало прежде всего «восхваление» западной науки и техники, т. е. отсутствие патриотизма. Этим тогда очень многие грешили: техника действительно была хороша, да и наука не была последней. А втайне подразумевалось восхваление западного образа жизни. Но настоящий патриот должен ценить и восхвалять все родное: у нас и хрен с редькой самые горькие. Так что официальной установкой было: «У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока!». Все научные открытия и изобретения были сделаны в России, простыми русскими людьми, а если что-то и носит имена иностранных авторов, какие-нибудь законы Гей-Люссака, так это потому, что этот самый гей украл их у русского ученого-самородка (самородков из народа особенно уважали в ту пору).

Потому и родилась горькая поговорка: «Россия — родина слонов».

Сейчас она у не знающих тех времен вызывает веселый смех. А смеяться-то и нечему.

Вот, скажем, некто Мендель выдумал какую-то генетику. Но, во-первых, Мендель — монах, а это само по себе важно: монахи придумывали только опиум для народа. Во-вторых, фамилия очень подозрительная. Наверняка безродный космополит. А в-третьих, ни в семинарии на Кавказе, где обучался Лучший Друг ученых, ни даже в Высшей партийной школе в Москве никто внятно не мог объяснить, что же это за штука — генетика. А значит, открытие антинаучное. Вот самородок Иван Мичурин (все анкетные данные безукоризненны) все правильно открывал. Или, например, светоч советской науки Трофим Денисович Лысенко (настоящее патриотическое «ФИО») обещал вывести ветвистую пшеницу и привить ее на лебеду. Тут все понятно: что такое ветки — знаем, лебеду тоже видели, народ ее любит и с удовольствием ест, пшеничные булки мы и сами любим! А тут то Мендель, то какой-то Вейсман (тоже, конечно, безродный космополит и агент сионистской шпионской организации «Джойнт»), то Морган...

Поэтому генетика была предана анафеме, а всякие там менделисты и прочие вейсманисты-морганисты подверглись товарищеской критике со стороны бдительных органов.

В сентябре 1948 года Агитпроп обратился к секретарю ЦК Г. Маленкову с предложением об изъятии из библиотек «реакционных учебни-

ков по биологии», в основе которых лежали «реакционные, антимичуринские взгляды менделистов-морганистов». Взамен предлагалось срочно изготовить и издать «правильные» учебники: «Курс дарвинизма», «Введение в биологию», «Курс общей биологии», «Животноводство», «Селекция сельскохозяйственных животных» и «Патологическая физиология». Думаю, что даже очень «продвинутый» наш современник не сообразит, чем «передовой» учебник по животноводству отличался от «реакционного».

Но биология — еще туда-сюда. Некто К. Ермилин, доцент Ленинградского университета, математик, обратился в Агитпроп с обвинением «многих математиков» в преклонении перед «иностранщиной». И, конечно, правильно. Шуточное ли дело: советские люди изучали геометрию Евклида, теоремы Пифагора и Лагранжа и пользовались логарифмическими таблицами какого-то Брадиса! А терминология? Все эти интегралы, дифференциалы, радикалы, параболы? Конечно же, необходимо было срочно создать свою, патриотическую, советскую математику и ее терминологию. Но и в Агитпропе завелись свои вредные настроения: зам. зав. сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК М. Яковлев считал нецелесообразным публикацию статьи тов. Ермилина!

Разоблачению подверглась и идеалистическая теория относительности, тем более что придумал ее немецкий, а затем, после эмиграции, американский еврей Эйнштейн. Теория, конечно, была крайне вредная: ведь, руководствуясь ею, кто-нибудь мог решить, что успехи СССР в строительстве социализма и даже гениальность самого товарища Сталина весьма относительны.

В советской философии космополитизм и преклонение перед иностранщиной также были налицо и подверглись критике. Как выяснилось, такие бывшие философы, как Библер, Рубинштейн, Селектор, Лифшиц, Мильнер, Розенталь и разоблаченный враг народа Гольдентрихт, вели «антипатриотическую работу, распространяя враждебное ленинизму космополитическое мировоззрение». Б. Кедров (псевдоним) в работах «Энгельс и естествознание» и «Развитие понятия элемента от Менделеева до наших дней» даже развивал тезис о какой-то «единой мировой науке», «интернациональной солидарности ученых» и о том, что «приоритет в науке не имеет значения». Приоткрыл вражеское лицо даже академик Митин, который утверждал, что русские философы, «исходя из наиболее передовых политических идей, имевших распространение на Западе» (Какие же могли быть на Западе передовые политические идеи?!), эти идеи «перерабатывали» и приводили «в соответствие с русскими условиями» и замалчивал борьбу

Герцена против иностранного влияния на русскую интеллигенцию! Раскрывающие козни врагов сведения были изложены в письме руководителей Института философии АН СССР товарищу Маленкову, подписанном директором института академиком Г. Александровым. Однако и сам Александров оказался не без греха: его «История западноевропейской философии» оказалась «от начала до конца объективистской», развитие философской мысли он осмелился рассматривать с каких-то «общечеловеческих позиций» и в ней «даже не мог быть поставлен вопрос о борьбе двух культур — социалистической и буржуазной, т. к. он оборвал развитие философской мысли появлением марксизма и при том смазал противоположность марксистской философии и философии буржуазной». Самое страшное, что в книге о западноевропейской философии «совершенно игнорировалась русская философия». В общем, «ясно, что такая книга, зараженная космополитизмом, не могла воспитывать кадры в духе патриотизма», как справедливо утверждал автор доноса, главный редактор журнала «Вопросы философии» Д. Чесноков.

Провинился и журнал «Вопросы истории», который, по мнению товарищей Шепилова и Жданова, «не является руководящим органом советской исторической науки», «не ведет последовательной борьбы против антимарксистских извращений в области истории», «не развернул борьбы против реакционной зарубежной историографии» и даже «не разоблачает империалистического характера американской политики».

Кто-то, пожалуй, скажет: подумаешь, какие-то отдельные авторы, книги или журналы! Ведь речь идет о повседневной жизни советского человека!

И будет не прав.

За каждым таким постановлением — судьбы не десятков, даже не сотен, а тысяч советских людей. Пусть только ученых, т. е. не совсем полноценных людей (полноценным был «простой советский человек»). «Оргвыводы» расходились от каждого такого постановления по всей стране, как круги по воде от брошенного камня, причем, по особым законам советской жизни, чем дальше к периферии, тем круче были волны. А значит, снимались из планов или изымались из продажи книги и статьи, «заваливались» или спешно переделывались диссертации, обсуждались и осуждались тексты лекций и люди лишались работы, а в компетентные органы валом валились доносы.

Нет, дорогие, у нас в стране частные поводы приводили к очень общим выводам.

Впрочем, только что упомянутый провинившийся академик, философ М. Митин обнаружил в вопроснике директора Дворца открытий в Париже, некоего Левея, шпионские потуги: тот интересовался планами музеев, системой хранения, системой освещения, вольтажом и силой тока электроэнергии, использующейся советскими музеями, и пр. В результате 9 июня 1950 года Политбюро приняло постановление «О мерах по устранению фактов разглашения государственной тайны в музеях». А то ведь шпионы могли узнать места расположения на территории СССР стоянок палеолитического человека и характер изготавливаемых им орудий! Философ, а какой бдительный! А ведь некоторые наивные люди у нас философов представляют чудаками, оторванными от действительности.

Борьба велась на всех фронтах. Так, в 1949 году товарищи Шепилов и Жданов обнаружили зловещий оскал космополитизма в географических названиях. Например, еще в 1787 году французский мореплаватель-космополит Ла-Перуз назвал в нашем Приморском крае залив именем французского морского министра маркиза Де-Кастри, а в Баренцевом море, где издавна плавали наши поморы, в 1873 году какими-то врагами был открыт и назван именем австрийского императора Франца-Иосифа целый архипелаг, а в его составе именем венского банкира, финансировавшего экспедицию, назван остров Вильчека, да там же множество островов названо именами иностранных принцев и принцесс. Самым же возмутительным было то, что в устье нашего Енисея оказался остров Диксон, названный шведским полярным исследователем Норденшельдом в честь шведского купца, давшего деньги на экспедицию!

24 июня 1949 года т. Шепилов направил секретарю ЦК М. Суслову записку в поддержку предложения ректората Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) об освобождении от работы профессора В. Кирпотина, который «в печатных работах и устных выступлениях проповедовал преклонение перед иностранщиной и буржуазным либерализмом». Так, в работе «Наследие Пушкина и коммунизм» Кирпотин утверждал, что Пушкин «есть дитя европейского просвещения, выросшее на русской почве», а в работе о Лермонтове он вообще рассматривал этого великого русского поэта как ученика Байрона! В 1948 году в дискуссии о Веселовском Кирпотин тоже «занимал либерально-примиренческую позицию и по существу популяризировал идеи космополитизма». Добавим, что в приложенной биографической справке указывалось, что доктор философских наук, член ВКП(б) с 1918 года Кирпотин по национальности — еврей. Это вполне естест-

венно, как естественно и то, что Секретариат ЦК принял решение об освобождении Кирпотина от работы. В этот же день по тем же основаниям был освобожден от работы другой профессор Академии общественных наук (АОН), С. Мокульский «как носитель идей буржуазного космополитизма».

Ученые шли буквально по минному полю: повсюду можно было совершить смертельную ошибку. Даже при составлении словарей. 19 июля 1949 года Агитпроп в докладной записке Маленкову отметил, что «Словарь русского языка» С. Ожегова «засорен словами иностранного происхождения». Рекомендовано было при подготовке следующего массового выпуска словаря пересмотреть его.

Однако бдительность, переходящая Геркулесовы столпы, также могла завести излишне бдительных товарищей в число вредителей и врагов народа. Еще 9 декабря 1937 года было принято любопытное Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации вредительской системы изъятия Главлитом литературы», где указывалось: «ЦК ВКП(б) осуждает практику произвольного, граничащего с **вредительством**, массового изъятия Главлитом литературы. Например, в Татарской республике были изъяты сборник алгебраических задач Шапошникова и Вальцова, сборник задач по геометрии Рыбкина и т. д. В Башкирии изъяты устав партии, резолюции XVII съезда ВКП(б), работы Ленина и Сталина. Не лучше положение в Дагестане, где враги лишили трудящихся республики произведений классиков марксизма-ленинизма, переведенных на местные языки. Во всех этих случаях литература изымалась на том основании, что в конце книг обозначены фамилии переводчиков, оказавшихся политически опороченными.

Изъятие книг в порядке показательной бдительности, в частности, под предлогом опороченности переводчика, привело к тому, что в национальных республиках усердствующие головотяпы и вредители изъяти огромную часть стабильных учебников, произведений русских классиков и даже официальные партийные документы».

Но, как известно, всегда лучше перебдеть, чем недобдеть. И 8 декабря 1948 года работник «Известий» А. Бегичева написала лично И. Сталину письмо о засилье врагов-космополитов в искусстве, начав его просто и решительно: «Товарищ Сталин! В искусстве действуют враги. Жизнью отвечаю за эти слова». Марат и Робеспьер могут отдыхать!

Естественно, что знамя пролетарской борьбы с врагами в искусстве было подхвачено. 3 марта 1949 года в «Правде» появилась статья министра кинематографии И. Большакова «Разгромить буржуазный

космополитизм в киноискусстве». Лидером «антипатриотической группы буржуазных космополитов в кинематографии» был назначен режиссер Л. Трауберг (снявший в 30-х годах знаменитую трилогию о Максиме), который «ничего, кроме вреда, советской кинематографии не принес». «Ошибки космополитического характера» были отмечены лично товарищем Шепиловым даже в работе архитектора М. Ильиной «Древнейшие типы жилищ Закавказья». За это Ильину перевели из Института истории и теории архитектуры в Музей архитектуры «с тем, чтобы впредь тов. Ильина не работала над вопросами архитектуры народов Закавказья».

Можно полагать, что положительную роль в судьбе Ожегова и Ильиной сыграли их простые русские фамилии. А вот если бы они были Коган и Шульман, то...

О фамилиях тут недаром сказано. Фамилия — это очень важно. 28 января 1949 года (по настоящему с этой даты все и началось!) в «Правде» появилась редакционная статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», а вдогонку ей, 30 января, в «Культуре и жизни» статья «На чуждых позициях (О происках антипатриотической группы театральных критиков)». И борьба с антипатриотизмом сначала этих критиков, а затем и всех остальных антипатриотов, началась с раскрытия псевдонимов. Тут и выяснилось, что Е. Холодов на самом деле Меерович, Яковлев — Хольцман, Мельников — Мильман, Ясный — Финкельштейн, Викторов — Злочевский, Светов — Шейдеман и т. д.

Собственно, раскрытие псевдонимов, а если точнее — заушательская критика с административными выводами, стало открытой фазой кампании. Еще в 1946 году в аппарате ЦК уже поднимался вопрос о том, что из 29 театральных критиков только 6 — русские. И даже ранее, пишет А. Солженицын, «уже с конца 1942 года в аппарате Агитпропа наметились негласные усилия потеснить евреев из таких центров искусства, как Большой театр, московская Консерватория, московская филармония...». Правда, пока вопрос оставался частным, ему хода не дали. Но дело в том, что с появлением еврейского государства Израиль (в т. ч. при активном участии в этом СССР, в течение двух дней признавших его де-юре), наметился необычайный рост еврейского национального самосознания. А самосознание советских людей могло быть только советским, и лучше — не слишком ярко выраженным, но отнюдь не национальным, переходящим в националистическое. И 20 ноября 1948 года «Бюро Совета министров поручает Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить

Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки». Правда, было решено «пока никого не арестовывать». Однако в течение 1948–1952 годов по делам бывшего Комитета, превратившегося «в какой-то Комиссариат по еврейским делам», было арестовано 110 человек. Естественно, все они сознались во всех мыслимых преступлениях, и, естественно, впоследствии все они были оправданы «за недоказанностью совершения преступления с реабилитацией всех осужденных».

Заодно Политбюро решило закрыть издательство литературы на еврейском языке «Дер Эмес». Серьезные недостатки обнаружились и в работе издательства иностранной литературы. Директор издательства мирился с работой в издательстве многих родственников репрессированных врагов народа и просто троцкистов: Мандельштама, Алтшулера, Яглома, Ребиндера, Аронштама, Бендике, Шустермана. Из 730 внештатных работников оказалось 480 человек евреев! Естественно, что они издавали малоценную литературу по национальному признаку, например, книгу Эйзенхарта «Риманова геометрия» и «Механику» Зоммерфельда. Уполномоченный Совмина СССР по охране военных и государственных тайн в печати просил изъять из библиотек и книготорговой сети книги врагов народа Бергельсона, Гофштейна, Галкина, Квитко, Маркиша, Нусинова, Фефера и даже книги Я. Парнаса по биохимии, Л. Штерн по физиологии и С. Юдина по хирургии, а всего 450 книг и брошюр. Товарищи Д. Шепилов и Л. Ильичев (главный идеолог при Хрущеве) все же решили книги Юдина изымать только после консультации с Министерством здравоохранения.

Естественно, что вредные книги вредных авторов немедленно изымались из обращения, и хорошо, если не вместе с авторами, как это было с поэтами Квитко, Маркишем и Фефером.

Бытовой антисемитизм (и ксенофобия вообще), по мнению знатока этого вопроса, русского писателя Н.С. Лескова, возникший на почве экономического соперничества, был издавна свойственен русскому мещанству. Ни деревня, ни интеллигенция практически не были заражены им. Развернувшийся после 1917 года процесс омещанивания населения, т. е. роста численности городских низов за счет деревни, привел к расширению базы ксенофобии. Правда, в 20-х годах за антисемитские публичные высказывания можно было пострадать, но уже к 30-м годам народ стал откровеннее. Московский историк И. Шитц, сам не слишком-то любивший евреев, записывает в дневнике: «30 мар-

та 1929 года. Антисемитизм становится бытовым и все более грозным явлением преимущественно в рабочей среде. 20 апреля. Отовсюду сообщают о проявлениях антисемитизма. В Москве, в Замоскворечье отмечены даже разговоры о “ритуальном убийстве”. В рабочих кругах негодуют на то, что у евреев будет маца, а православным не дают муки на куличи. 12 июня. И — “буйный” рост антисемитизма. Не говоря уже о постоянных “анекдотах”, в житейском быту проявления самые яркие. На заводах, в школе (чего никогда не было прежде, среди учащихся), среди комсомола — постоянно есть известия даже в газетах». Довольно ярко эти настроения проявились в войну, в связи с массовой эвакуацией и возросшей дороговизной: евреи, опасавшиеся гитлеровского режима, действительно, массами уезжали в эвакуацию. Об антисемитских настроениях во время войны упоминают многие современники. А после войны они расцвели пышным цветом, получив официальное оформление.

Но я боюсь, что бдительный читатель признает во мне юдофила, хотя, вообще то, мне на «бдительного читателя» плевать. Нет, я не юдофил, как и не юдофоб, как не были юдофилами бдительные товарищи из Агитпропа. Так, после тщательной работы, отсюда 25 августа 1951 года Г. Маленкову поступила докладная записка о кадрах газет «Труд» и «Литературная газета», в связи с письмом некоего товарища Орлова.

Оказалось, что в «Труде» «с апреля 1950 по август 1951 г. было освобождено более 40 работников по политическим и деловым мотивам: Гершфельд, зам отв. секретаря редакции, Хмельницкая, зам. ред. по отделу культурно-массовой работы, Бойм, Берковский, Лельгант — литературные работники; Вайнтрауб, Левин и Пицык — корреспонденты; Шаргородская и Кроник — юристы; Эйдинова — инспектор по кадрам и др. Если ранее в штате редакции 50 % работников составляли евреи, то в настоящее время они составляют примерно 20 %». Так что «не соответствует действительности утверждение автора заявления в Агитпроп, т. Орлова, что в газете “Труд” существует якобы обстановка травли и избиения русских кадров. Автор заявления писал о том, что работники редакции из еврейской национальности тянут в газету в качестве авторов статей и корреспонденций преимущественно лиц своей национальности. При проверке письма это положение также не подтверждается. По “Литературной газете” заявление Орлова в основной своей части также является необоснованным».

В 1952 году было вынесено решение по Еврейскому антифашистскому комитету и 13 его активистов были расстреляны. Но чекисты недаром так долго вели следствие: были раскрыты и побочные ветви

еврейского заговора, проведены аресты и расстрелы. А, впрочем, изгнали с работы, арестовывали и расстреливали не только евреев: просто это была ярко выраженная часть общего повседневного террора.

Читатель может подумать, что в результате борьбы с безродным космополитизмом и преклонением перед Западом советский народ был лишен возможности познавать культуру Запада. Вовсе нет. Агитпроп ЦК создал целый «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время» и рекомендовал Гослитиздату «в двухмесячный срок издать массовым тиражом сборник художественных и публицистических произведений прогрессивных американских издателей и журналистов» «Америка глазами американцев», переиздать в текущем году лучшие книги прогрессивных иностранных писателей, посвященных Америке (М. Твена, Т. Драйзера, Д. Лондона, С. Льюиса, Г. Фаста), а издательству иностранной литературы — увеличить в текущем году выпуск книг прогрессивных зарубежных авторов, направленных против американского империализма. В первую очередь рекомендовались книги Анри Клодта «Снова перед войной?», М. Вильямса «Бедствующая земля», П. Блэккета «Военные и политические последствия открытия атомной энергии», Г. Канна «Суд над Голливудом», Дж. Грей «Правда об американском легионе», Дж. Спивака «Американский фашизм», А. Рочестера «Правители Америки» и Говарда Фаста «Дорога свободы». Правда, с Говардом Фастом товарищи из Агитпропа промахнулись: после подавления Венгерского восстания 1956 года этот бывший прогрессивный писатель оказался реакционным, несмотря на издание его книг в СССР.

Вообще прогрессивные авторы зарубежных стран оказались очень неустойчивы к враждебной пропаганде: одни поверили рассказам о кровавом подавлении Венгерского восстания, другие — басням XX и XXII съездов КПСС о культе личности и сталинском терроре, либо уткам буржуазных журналистов о событиях в Берлине или Познани, третьи — фальшивке о подавлении Пражской весны 1968 года советскими танками, — и все изменили делу мира и прогресса. Да вот хотя бы многочисленные книги двух чешских путешественников, Ганзелки и Зикмунда, и снятые ими документальные фильмы. Как советские люди зачитывались этими книгами! С каким удовольствием смотрели эти фильмы! А Ганзелка и Зикмунд в 1968 году оказались то ли растленными буржуазными писаками, то ли не понявшими величие братской помощи интеллигентскими хлюпиками...

Поскольку коммунисты — партия борцов по определению, постольку предыдущая кампания борьбы плавно переросла в следующую

щую — в «Дело врачей». Началось оно еще летом 1951 года и чем-то новым не было. Еще по «бухаринскому» процессу проходили медики профессор Д. Плетнев, И. Казаков и др., которых обвинили в убийстве Менжинского, Горького, Куйбышева и Орджоникидзе путем неправильного лечения. Ведь поначалу предполагалось, что руководители партии — люди смертные и имеют привычку умирать не вовремя. Но такое предположение могло завести неосмотрительного человека слишком далеко: значит, и Лучший Друг врачей, сам товарищ Сталин может когда-нибудь умереть? А этого не может быть, потому что быть не может! А вот убить его враги могут попытаться. И стало ясно, что сами по себе наши вожди никогда не умирали. Их коварно убивали неправильным лечением. И раскрыла это преступление мирового масштаба простая советская женщина, медсестра Лидия Тимашук. За что и получила орден Ленина. 3 января 1953 года «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение ТАСС об аресте группы врачей-вредителей.

А поскольку лечили наших вождей в особой кремлевской больнице, то понятно, что «убийцами в белых халатах» были прежде всего кремлевские врачи. Кстати же они все оказались евреями!

Обвинялись-то кремлевские врачи-евреи. А праведный гнев народа обрушился на всех евреев вообще и на всех врачей вообще. Но... рикошетом ударил и по простым русским (советским) больным. Больные стали с подозрением смотреть на врачей, особенно врачей-евреев, а наиболее бдительные даже отказывались от пилюль и микстур. А врачи, естественно, стали бояться лечить. А больные стали болеть еще сильнее и даже умирать. Значит, врачи и на самом деле оказались убийцами в белых халатах! Началась паника. И прошел очень уверенный слух, что всех евреев собираются выслать на Дальний Восток, и уже в Москве для этого подготовлены эшелоны. А что? Нет таких крепостей, которые не сдавались бы коммунистам. И если успешно высылали целиком корейцев, немцев, финнов, калмыков, крымских татар, чеченцев и др., то почему же не проделать этого с евреями?

Но тут, на еврейское счастье, отказался от услуг врачей и Самый Главный Пациент. То есть ему просто не у кого было лечиться, а у простой советской медсестры Лидии Тимашук лечиться не имело смысла. Так что хорошим, т. е. доверенным врачам осталось только констатировать смерть. Правда, поначалу в советских людях поддерживали надежду и рассказывали о каком-то чейн-стоксовом дыхании (тоже буржуазная выдумка), но потом все же выяснилось, что дыхания-то и не было...

Агент всех буржуазных разведок Л. Берия тут же дело врачей прекратил. 3 апреля все уцелевшие после допросов обвиняемые врачи были освобождены, и через день это объявили всенародно. Орден Ленина у Лидии Тимашук отняли, но замученных кремлевских врачей это не оживило и опасения простых больных и простых врачей не развеяло. Тем более что Берия-то был все же агентом и все устроил, чтобы «убийцы в белых халатах» продолжали свое черное дело...

Замороженные тотальной пропагандой, советские люди были довольно доверчивыми. Конечно, многие просто прикидывались доверчивыми, но очень многие и верили в то, что им повествовала советская пропаганда. Беда была только в том, что сегодня она трубит об одном, завтра — об абсолютно противоположном, а послезавтра снова возвращается назад, но уже с поправками. Верная ленинская гвардия превращалась во врагов народа, а потом оказывалось, что она так и была верной гвардией. Вождь прогрессивного человечества оказался параноиком и убийцей, а потом выяснилось, что он просто делал ошибки, но исключительно из добрых намерений... Чему и верить?

Поэтому после XX съезда КПСС, на котором Н. Хрущев выступил с секретным докладом о культе личности Сталина и массовых репрессиях, а в особенности после снятия Хрущева и медленного попятного движения в сторону реабилитации Сталина, в стране стало появляться все больше людей, переставших верить советской пропаганде вообще. Так родилось особое течение в советской интеллигенции — диссидентство, или инакомыслие. Один из его родоначальников, критик Андрей Синявский, в работе «Диссидентство как личный опыт» писал: «Диссиденты в своем прошлом — это чаще всего очень идейные советские люди, то есть люди с высокими убеждениями, с принципами, с революционными идеалами. В целом диссиденты — это порождение самого советского общества послесталинской поры, а не какие-то чужеродные в этом обществе элементы и не остатки какой-то старой разбитой оппозиции. На всем протяжении советской истории существовали противники Советской власти, ею недовольные или от ней пострадавшие, ее критикующие, которых тем не менее невозможно причислить к диссидентам... А диссиденты — это явление принципиально новое и возникшее непосредственно на почве советской действительности. Это люди, выросшие в советском обществе, это дети советской системы, пришедшие в противоречие с идеологией и психологией отцов... Их нельзя обвинить в чужеклассовом происхождении или в том, что они не принимают революции, как люди, от нее потерпевшие... Для очень многих диссидентов... камнем преткновения был XX съезд пар-

тии в 56-м году. Не потому, что только тогда у них открылись глаза на колоссальные преступления прошлого. А потому, что раскрыв какую-то часть этих преступлений, XX съезд и вся последующая идеология не дали и не могут дать этому никакого, сколько-нибудь серьезного исторического объяснения... Это не привело к либерализации и демократизации государственной системы как таковой, что послужило бы хоть какой-то гарантией человеческих прав и человеческой свободы. В итоге XX съезда советским людям было предложено, как встарь, во всем доверяться партии и государству. Но эта вера слишком уж дорого стоила в недавнем прошлом и чересчур далеко завела. И вот у диссидентов партийная или детская вера в справедливость коммунизма уступает место индивидуальному разуму и голосу собственной совести. Поэтому диссидентство — это прежде всего, на мой взгляд, движение интеллектуальное, это процесс самостоятельного и бесстрашного думания. И вместе с тем эти интеллектуальные или духовные запросы связаны с чувством моральной ответственности, которая лежит на человеке и заставляет его независимо мыслить, говорить и писать, без оглядки на стандарты подсказки государства».

Но инакомыслие в СССР не допускалось. Ведь мысль сама по себе требует выражения в виде устного, а лучше — письменного слова. А устное, тем более письменное изложение мыслей, не согласных с линией партии, является уже враждебной пропагандой. Не следует думать, что со смертью Сталина, речью Хрущева на XX съезде, массовой реабилитацией уцелевших бывших политзаключенных кончилось то, что было не совсем удачно названо «необоснованными политическими репрессиями» (значит, были и обоснованные?). Уже при Хрущеве, в 1960 году, был закрыт машинописный журнал «Синтаксис», где публиковались не прошедшие цензуры произведения поэтессы Беллы Ахмадулиной, писателей В. Некрасова, Б. Окуджавы, В. Шаламова и др., а его издатель-редактор А. Гинзбург был арестован. Так на рубеже 50–60-х годов в стране появился «самиздат», а с середины 60-х зародилось «диссидентство». Сильнейший толчок ему был дан «делом Синявского и Даниэля». Эти отщепенцы, цитировавшийся выше А. Синявский и переводчик и писатель Ю. Даниэль, под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак опубликовали на Западе в 60-х годах несколько рассказов. КГБ авторов довольно быстро вычислил. Обвинения им были предъявлены разные, вплоть до призывов к террору. В рассказе Аржака «Говорит Москва» об учреждении в СССР «Дня открытых убийств» (наряду с «Днем танкиста» или «Днем металлурга») герой говорит: «Ненависть дает право на убийство. Ненавидеть я

и сам могу... Кого я ненавижу?.. Ну, а эти, толстомордые, заседающие и восседающие, вершители наших судеб, наши вожди и учителя, верные сыны народа, принимающие приветственные телеграммы от колхозников Рязанской области, от металлургов Криворожья, от императора Эфиопии, от съезда учителей, от президента Соединенных Штатов, от персонала общественных уборных?.. Как с ними быть? Неужто простить? А тридцать седьмой год? А послевоенное безумие, когда страна, осатанев, билась в падучей, кликушествовала, пожирая самое себя? Они думают, что если они наклали на могилу Усатому, так с них и взятки гладки? Нет, нет, нет, с ними надо иначе; ты еще помнишь, как это делается? Запал. Сорвать предохранительное кольцо. Швырнуть. Падай на землю. Падай! Рвануло. А теперь — бросок вперед. На бегу — от живота, веером. Очередь. Очередь. Очередь... все это уже было!..

<...>

Я больше не хочу никого убивать. Не хочу!»

Знаменитый советский критик Дм. Еремин в соответствии с советскими методиками приписал в статье «Перевертыши» монолог героя самому автору, а для пущего эффекта убрал последнюю из приведенных здесь строку. И получилось — точно, терроризм. Против советских людей. Это автор советских людей — веером от живота! Фашист! Неважно, что говорит персонаж. А если бы персонаж был — белогвардеец или гитлеровский диверсант, — тоже срок автору за терроризм?

Между прочим, в рассказе советский народ практически не откликнулся на призыв партии — по всей стране убито было человек 800 или 900.

Но это неважно: все равно клевета.

Слух об аресте Синявского и Даниэля пронесся осенью 1965 года. А в декабре несколько сот отщепенцев, в основном студентов университета, конечно, незрелых и попавших в антисоветские сети, вышла на Пушкинскую площадь под лозунгом «Уважайте Конституцию!». Их, конечно, разогнали, кое-кого задержали, и даже, может быть, побили слегка. И человек 40 были отчислены из университета.

Суд над писателями в январе 1966 года проходил, как положено, гласный. При полном зале. Правда, посторонних, вроде друзей и родственников подсудимых, в зал не пустили: места не было. И вклеили голубчикам на всю катушку — одному 5, другому 7 лет.

Тут кучка других отщепенцев попыталась протестовать против такого суда на Пушкинской площади. Кучку разогнали, кого из вузов выгнали, кого задержали, кого посадили.

Так оно и повелось: процесс — демонстрация протеста — новый процесс — новая демонстрация протеста — снова процесс, и так далее. Гинзбург, Галансков, Добровольский, Лашкова, Марченко, Леонид Плющ, Петр Габай, генерал Григоренко, математик Есенин-Вольпин — имен много. А тут еще и «подписанты» подкатали: те, кто подписывал письма протеста. Письма, естественно, давали подписывать очень видным людям — ученым, писателям, артистам: Сахарову, Нагибину, Войновичу, Некрасову, Растроповичу, Галине Вишневской, Галине Улановой: их слово кое-что значило, да и посадить их так сразу — не посадят. Выслать за границу, лишить гражданства — это да, и то не сразу. Но высылали — того же Войновича, тех же Растроповича с Вишневской. А на демонстрации ходила молодежь — ее и брали. Кажется, из видных деятелей не один ли Сахаров вышел однажды (5 декабря 1966 года, в День Конституции) на Пушкинскую площадь в знак протеста против нарушений Конституции.

Но это были пока еще цветочки: одного, двух, трех арестовали, посадили... По существу, все развернулось с середины 60-х годов. Вступивший на пост главы КГБ Ю. Андропов для «работы с интеллигенцией» даже создал специальное Пятое управление и очень гордился этим: раньше этой «работой» занималась контрразведка. И база юридическая была создана.

В новом советском Уголовном кодексе одиозной статьи 58-й, самой разветвленной, с полутора десятками пунктов, уже не было. Зато появилась статья 70-я УК РСФСР. «Антисоветская агитация и пропаганда»: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, — наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки».

Конечно, подрывная деятельность должна наказываться и наказывается повсюду. Правда, вопрос о «клеветнических измышлениях» далеко не прост. Если я скажу, что в правительстве сидят воры, расхища-

ющие государственную собственность и берущие взятки — это «измышление» или нет? Конечно, «все знают» об этом, но конкретные факты я могу указать? Нет. А если бы и смог, то единичный факт еще не дает оснований для обобщений. Вот и «клеветническое измышление».

Но этой статьи почему-то показалось мало. В 1966 году была принята еще одна статья, 190-я: «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»: «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление и распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей».

Вот убейте — не пойму, в чем разница. Только в одной статье просто «клеветнические измышления», а в другой — «заведомо ложные измышления». Что в лоб, что по лбу. Может, юристы тут и найдут разницу, а я, воля ваша, не вижу. Ну, сроки, правда, разные. Да еще вставлена «устная форма»: значит, скажи я в ту пору знакомому, что в Челябинске мяса нет — уже и «заведомо ложное измышление»: у секретаря обкома и других руководителей высокого ранга оно ведь на столах есть? Есть!

Пожалуй, самой отчаянной стала демонстрация протеста против ввода в августе 1968 года в Чехословакию советских танков. Дело в том, что чехословацкое партийное и государственное руководство решило строить у себя «социализм с человеческим лицом». Но как, по слухам, заявил один из членов Политбюро ЦК КПСС: «Какое еще может быть человеческое лицо у социализма? Лицо у него одно!». И он был глубоко прав. Но не все это понимали, и 25 августа Лариса Богораз, Павел Литвинов, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Наталья Горбаневская, Константин Бабицкий и Виктор Файнберг вышли на Красную площадь и у Лобного места развернули плакаты: «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!» и «Свободу Дубчеку!» (главе чехословацкой компартии). Через несколько минут плакаты были вырваны и уничтожены, наглецы избиты и затолкнуты в машины.

Советский суд приговорил отщепенцев к разным срокам заключения и ссылки по статье 190-й УК. Хотя, какие «заведомо ложные измышления, порочащие государственный и общественный строй» в этих плакатах содержались — объяснить невозможно. Ведь, согласно «Комментариям к Уголовному кодексу», «заведомо ложными, поро-

чащими советский государственный общественный строй являются измышления о якобы имевших место фактах и обстоятельствах... несоответствие которых действительности известно виновному уже тогда, когда он распространяет такие измышления». Но советские танки-то вошли в Чехословакию: об этом советское руководство торжественно заверило советских людей. Где же здесь это «якобы»?

Но таков уж был советский суд.

Материалов о произволе властей набиралось уже столько, что несколько отчаянных ребят стали выпускать в «самиздате» регулярную «Хронику текущих событий»: где были демонстрации и против чего, у кого обыски были, кого арестовали, кого судили и как — все в деталях. Ребята были отчаянные. Ну, и плохо кончили.

Мало чекистам было возни с демонстрантами да подписантами — тут еще «уезжанты» подвалили: евреи, не совсем евреи и совсем не евреи, но женатые на еврейках или замужем за евреями (нередко — фиктивно), пожелавшие воспользоваться своим конституционным (ха!) правом выбирать место жительства. Не совсем, не всегда и не туда они были «уезжанты»: на то были «невыпусканты», и стремившиеся уехать в Израиль (большой частью в Вену, далее — везде, а лучше всего в США) иногда ехали в противоположном направлении — в Мордовию. Но, поскольку у нас была разрядка международной напряженности и Хельсинкское соглашение, то потихоньку народ все же просачивался и на Запад, так что авиарейс Москва–Вена прозвали «жидовозом», по аналогии с «членовозами» — большими черными машинами с сопровождением, в которых ездили члены Политбюро. Правда, в основном все же просачивался народ не тот, который устраивал голодовки, пикеты и демонстрации у ОВИРа и в других местах: эти-то свободно уезжали в Мордовию и без содействия ОВИРа.

А поскольку отъезды в Мордовию, изгнание из вузов и с работы, «профилактические беседы», аресты и суды были все же не совсем согласны с правами советских людей, гарантированными Конституцией, то в дополнение ко всему появились еще и «правозащитники». Довольно развитое правозащитное движение строго в рамках закона (формально, конечно, а не согласно с революционным правосознанием) выступало именно в защиту закона: чтобы обыскивали, задерживали и судили по закону, а не вопреки ему. Правозащитников, естественно, так же обыскивали, задерживали и судили. Так сказать, лишали иллюзий.

Все это породило прямо-таки вал «самиздата». Одни совершали поступки, другие писали об этом, а третьи размножали. Эти последние были совсем уже мелкими и последними звеньями в цепочке. В пишу-

щую машинку закладывалось 4 экземпляра бумаги, 3 возвращались «давальцу», один оставался себе. Ну а те, кто не совершал, не писал и не размножал, те с удовольствием читали эти измышления.

Так что отщепенцев, от академика, трижды Героя Социалистического Труда, отца советской водородной бомбы А. Сахарова до ничтожных студентов и аспирантов, было немало: КГБ отчитывалось, что только за период 1967–1971 годов было выявлено 3906 групп «антисоветских элементов» и «профилактировано» 13602 их члена. А сколько было не раскрыто и не «профилактировано»? В разы больше? Все же скверны, как выражался один мой не совсем лояльный к «Софье Власьевне» (подпольная кличка советской власти) знакомый, посеяно было немало. Сыграло ли это какую-то роль? Думаю, да: во всяком случае, штаты КГБ увеличились неимоверно, и пришлось для чекистов строить новые огромные здания и реконструировать старые. Кроме того, при диссидентстве кормились и советские писатели и публицисты, служившие «Софье Власьевне»: упомянутый критик Дмитрий Еремин, народный поэт Азербайджана Сулейман Рустам, писатель М. Подобедов, писательница Зоя Кедрина. Странно, что ни одного этого писательского имени нет в фундаментальном трехтомном словаре «Русская литература XX века». Наконец, было немало людей с некоторой пользой для себя, или даже без пользы, а просто по настоятельным просьбам «компетентных органов» писавших под диктовку письма протеста, так сказать, «с другого берега». Одного из авторов я знал. Когда воздвиглись гонения на А. Солженицына, году в 1968-м, кажется, в «Советской России» появилось письмо «знатного вальцовщика» Челябинского трубопрокатного завода с осуждением «литературного власовца». Летом, как обычно, я поехал к отцу в Челябинск и на рыбалке встретился с этим рабочим. Сидели мы у костра, ели уху, естественно, выпивали. Разговор был общий: заводских было несколько человек. «Ну, Коля, ты Солженицына-то читал?» — «Да откуда, я и не слыхал о нем. Какое чтение: с завода придешь, приляжешь на диван с газетой и заснешь». — «А как же ты тогда письмо написал?» — «Да не писал я его. Позвонили в цех из завкома: “Коля, зайди”. Пришел, там какой-то мужик сидит. “Вот, Коля, корреспондент из газеты, помоги ему”. Ну, он стал про этого Солженицына говорить, что, мол, сидел в лагере за измену Родине, полицаем был, проданся американцам. Нужно написать письмо. Я говорю: “Да я этого Солженицына не знаю, в первый раз слышу. Вы напишите, я подпишу, раз надо”. “Нет, давайте я вам помогу”. Ну, он диктовал, я писал. Вот и все. Вы же знаете мое положение...». А положение у Коли было действительно тяже-

лое: дочка родилась психически ненормальной, а как подросла, девушкой стала, — вообще жить невозможно. От завода ему на троих дали двухкомнатную квартиру, вне очереди позволили купить машину — дочку за город вывозить, от людей подальше. Как тут откажешься, если просят помочь? Заботу отрабатывать надо. Тем более он о Солженицыне ничего и не слышал...

Говоря об интеллигенции, нельзя не вспомнить об идеологии: ведь интеллигенция или вырабатывает и пропагандирует идеологические постулаты, или находится под давлением идеологии, или борется с нею. Надо сказать, что хотя у власти семь десятков лет была одна партия, идеологические колебания были огромны: недаром у нас даже Государственный гимн дважды пришлось перерабатывать. Ходил такой анекдот в виде ответа на вопрос в анкете: «Ваше отношение к генеральной линии партии?» — «Колебался вместе с нею».

Первоначально идеологические установки были простые: власть народу, диктатура пролетариата, ликвидация эксплуататорских классов, построение социализма, мировая революция. Поскольку никто, включая главного теоретика, не знал, что такое социализм, первая ступень коммунистического общества, то всяк толковал его принципы на свой салтык. Известно было только, что при коммунизме будет все общее. Ну, со средствами производства все было более или менее (скорее менее) понятно. Но тоже: до какой степени обобществлять? Всю землю или пару грядок можно оставить в индивидуальном пользовании? Все орудия труда, или лопаты, или хотя бы ложки можно оставить? Весь скот или, например, кошек можно не обобществлять? А как с женами? (в 20-х годах «кулачье», т. е. обыватели, поговаривали, что в коммунах жены общие, и все спят под одним огромным одеялом).

Вологодский крестьянин Иван Юров еще в 1905 году приобщился к революции, активно работал в различных советских органах и мечтал о создании на своей малой родине крестьянской коммуны. В поисках образца он побывал в нескольких коммунах, в том числе в знаменитой (советский писатель Ф. Гладков описал ее в двух номерах «Известий» в 1928 году в статье «Оазис будущего») коммуне «Авангард» под Запорожьем. В своих воспоминаниях Юров запечатлел и эту коммуну. «В отношении быта они также шагнули далеко. Дети с самого рождения отдавались матерями в ясли, и там они находились все время, день и ночь. Грудных матери в определенные часы приходили кормить, а вообще все дети до 15-летнего возраста были на иждивении коммуны и размещались по возрастам, отдельно от родителей». Очень удобно для власти: никаких родственных привязанностей между мате-

рями и детьми, между братьями и сестрами. В случае чего такие коммуны без малейших колебаний будут стрелять и по матерям (это ведь только механизм для рождения), и по братьям.

«Во взаимоотношениях полов также внедрялся новый взгляд. “Любовь до гроба” у них не ставилась в идеал: если супруги, сойдясь и прожив совместно какое-то время, находили, что ошиблись друг в друге, то могли свободно разойтись, не опасаясь вызвать этим перемены судьбы.

Даже оформление брака или развода в ЗАГСе у них не считалось особенно нужным: договорившись между собой, пара могла заявить, чтобы ей дали семейную комнату. А многие пары жили не совместно, в разных комнатах, чтобы не мозолить друг другу без надобности глаза, меньше надоедать». Тоже очень удобно: какие привязанности? В это время под влиянием воинствующего вульгарного материализма среди молодежи такие взгляды были очень популярны. Какая любовь? Чистая физиология, и ничего личного. Потребность. Ну, как выпить стакан воды (была такая теория «стакана воды»).

В этой коммуне «оплата труда производилась специально отпечатанными бонами... Кажется, оплата производилась поденно и подразделялась только на две категории: квалифицированные... и неквалифицированные...

Каждый член коммуны из своего заработка обеспечивал только лично себя, так как все дети и нетрудоспособные члены коммуны обеспечивались за счет общих средств. В столовой всякий мог выбрать себе блюда по своему вкусу, аппетиту и наличию заработанных бон». Ну, и это неплохо. Были коммуны, где труд никак не оплачивался, а питались все одинаково. Равенство есть равенство. Лодырь должен быть равен с тружеником.

В начале 20-х годов несколько коммун разного характера появилось под Москвой — почти исключительно из молодежи, более восприимчивой к новшествам и более оптимистичной. Речь идет не о коммунах бывших беспризорников, создававшихся под эгидой ВЧК и представлявших обычные колонии, детские дома, как это было в Болшево. Наполненную тяжким трудом, голодом и нищетой, но и радостью жизнь в такой коммуне, или, точнее, колонии Тальгрэн, описал Давид Арманд (родственник известной Инессы Арманд), мать которого, теософка, была ее инициатором и руководителем. Интересные воспоминания.

Юрову так и не удалось создать полноценную и жизнеспособную коммуну. Большинство таких «очагов будущего» быстро самоликви-

дировалось: психология людей вступала в противоречие с отвлеченными принципами. А немногие уцелевшие были преобразованы в обычные колхозы.

Были попытки создания коммун и в городах. Под них даже проектировались и строились специальные здания гостиничного типа, с небольшими жилыми помещениями, минимумом индивидуальных удобств и обширным общественным пространством, включавшем кухни, столовые, читальные и спортивные залы и т. п. Однако проектирование и строительство таких домов как «левацкий загиб» было осуждено постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке быта» от 16 мая 1930 года.

Да и вообще партия о коммунах не слишком думала: не до того было. И идея-то была... Ну да, идея была высказана еще первыми социалистами-утопистами, вроде Т. Кампанеллы с его «Городом Солнца». В середине XIX века даже были попытки создания трудовых коммун то в Америке, то в России, по рецептам, прописанным Н. Чернышевским в «Что делать?» (например, коммуна писателя Слепцова, издавательски описанная Ф. Достоевским в «Бесах»). Конечно, труды утопистов-социалистов были одним из «трех источников» ленинского верования. Да ведь вся штука в том, что это был «буржуазный утопизм».

Что касается ликвидации эксплуататорских классов, то помимо их физического уничтожения с ними велась непримиримая борьба на идеологическом фронте.

Началось все с закрытия буржуазных газет сразу же после 25 октября. А дальше все покатилось как бы само собой. Библиотечные фонды подвергались тщательному просмотру и освобождению от идеологически вредных или «бесполезных» книг и пополнялись новой, идеологически выдержанной литературой, вроде «Азбуки коммунизма» Н. Бухарина; правда, позже и она оказалась вредной. В 1929 году по инициативе Н.К. Крупской прошла кампания по очистке библиотек от «переводного хлама», типа книг Андре де Ренье, Локка, Эмили Уэдсли, Берроуза и пр.; даже труды Аристотеля или Платона оказались вредными и ненужными. Ликвидировалась и «сентиментальная чепуха» вроде «Маленького оборвыша» Гринвуда и «Маленького лорда Фаунтлероя» Бэннет, воспитывавшие в детях сочувствие и жалость: ведь «жалость унижает человека», как учил классик пролетарской литературы. А круг книг А. Дюма или Жюль Верна оказался резко ограничен, потому что «чему может научить нашу молодежь этот Жюль Верн?» (была такая статья). Бурная политическая жизнь страны с разоблачением все новых и новых врагов народа и в дальнейшем требовала

внимательного просмотра фондов и уничтожения «вредных» книг в массовых библиотеках и создания спецхранов в крупных публичных. Так, разоблачение культа личности Сталина привело к изъятию из библиотек его собраний сочинений, а в 60-х годах свержение Хрущева стало причиной изъятия не только изданий с его выступлениями, но и книг, в которых имелись его портреты, цитаты и пр. вплоть до... книжки о знаменитом пианисте Ване Клиберне (Вэне Клайберне): там на фотографии Хрущев обнимает юношу, а в предисловии дано его обширное высказывание о музыканте.

В конце 20-х годов удар обрушился на музеи, ликвидировавшие-ся иногда вместе с фондами, а иной раз и с музейными работниками: «Остафьево» Вяземских-Шереметевых, где были подлинные мемориальные комнаты Н. Карамзина и А. Пушкина, Музей дворянского быта 40-х годов (фактически мемориальная городская усадьба Хомяковых в Москве), один из первых земских музеев в Подольске: в окрестностях, к несчастью, один-два летних сезона отдыхала семья Ульяновых, а зачем такому городку два музея? Но не закрывать же только что созданный музей Ульяновых? Закрыто было Общество изучения русской усадьбы, якобы ставившее целью реставрацию помещичьего строя, а его председатель А. Греч оказался на Соловках, где погиб.

Мощный удар обрушился на религию. Десятилетиями политика властей была направлена на внедрение в сознание людей материалистического понимания истории и природы и изживание религиозных верований, которые замещались коммунистической идеологией. Воплощением этого направления идеологической политики стал грубый воинствующий атеизм. С декабря 1922 года при поддержке властей начинает выходить газета «Безбожник», вокруг нее возникают кружки; в августе 1924 года они объединяются в Общество друзей газеты «Безбожник», в июне 1925 года преобразованное в Союз воинствующих безбожников. В 1926 году в нем состояло около 87 тысяч членов, в 1929 году — более 465 тысяч, на 1 мая 1930 года — 3,5 миллиона, во второй половине 1931 года — около 5 миллионов человек. Однако следует отметить, что атеизм большей части не только рядовых членов общества, но и руководителей антирелигиозной борьбы был столь же примитивным и невежественным, как и обрядоверие массы верующих: это была все та же вера в магию предмета, жеста, слова. Даже в 70-х годах, в том числе у многих образованных людей, существовала уверенность, что если на отреставрированном храме поставить кресты — это будет пропаганда религии.

В значительной мере антирелигиозная борьба была направлена против духовенства, которое пользовалось определенным авторитетом и поначалу в массе было настроено враждебно по отношению к новому режиму. Пиком этой политики в отношении православной религии в начале 20-х годов был арест патриарха Тихона и инспирирование и поддержка новой «обновленческой» организации «Живая Церковь». Но вскоре под лозунгом изъятия церковных ценностей на нужды голодающего населения Поволжья начались массовые репрессии против активных верующих и духовенства: закрытие монастырей и храмов, аресты, отправка в ссылку и концлагеря, а также расстрелы не только сторонников Тихона, но и «обновленцев». В меньшей степени сначала подвергались преследованию католики, численность которых до присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии была незначительна, но поскольку папа Пий X объявил «крестовый поход» (чисто религиозный, молитвенный) против большевиков, постольку и католические епархии, монастыри и храмы были закрыты повсеместно. Преследованию подвергались также духовенство и организации протестантов, сектантов, мусульман, иудаистов, буддистов. Но основной удар был все же нанесен по православию как религии большинства населения. В 1917–1940-х годах было репрессировано 134 тысячи клириков Православной церкви и членов их семей, из 1246 монастырей были ограблены, разорены или взорваны более 1200, более 70 тысяч храмов подверглись разорению, закрытию или осквернению, из храмовых зданий изъято ценностей более чем на 7 миллиардов рублей. В оставшихся монастырях или их сохранившихся фрагментах, по словам печати, «получили жилье свыше полутора миллионов бедняков. 48 монастырей были переоборудованы под санатории и здравницы, в 168 разместились дома престарелых, в 197 — школы и интернаты. В 349 зданиях бывших монастырей власть организовала больницы и профилактории». Автор статьи лишь умолчал, сколько монастырей превратилось в концлагеря и сколько злополучных бедняг получили там жилье. А вот москвич Окунев 21 октября 1919 года записал в дневнике: «...пришлось идти мимо Новоспасского монастыря. Он уже не монастырь сейчас, а один из “концентрационных лагерей” (т. е. попросту сказать, тюрьма, или каторга), и там преимущественно заключаются проститутки... Это не моя выдумка и не обывательская сплетня, а сообщение почерпнуто в советских “Известиях”. В Ивановском монастыре тоже приют каких-то преступников, если не против своей совести, то против власть предержащих... Это называется “веротерпимостью”».

Особенно мощный удар по православной церкви был нанесен в пресловутом 1937 году. С августа по ноябрь в рамках «антикулацкой операции» было арестовано 31 359 «церковников и сектантов», из них митрополитов и епископов 166, священников 9116, монахов 2173, «церковно-сектантского кулацкого актива» (т. е. активно верующих) — 19 904. Из них приговорено к расстрелу 13 671 человек, в том числе епископов — 81, священников — 4629, монахов — 934, активных прихожан — 7004. Н.И. Ежов так комментировал эти данные: «Оперативный удар был нанесен исключительно по организующему и руководящему активу церковников и сектантов. В результате наших оперативных мероприятий почти полностью ликвидирован епископат православной церкви, что в значительной степени ослабило и дезорганизовало церковь. Остались одиночки-епископы, при том условии, что мы пресекаем попытки к выращиванию каких бы то ни было новых епископов и митрополитов. Вдвое сократилось количество попов и проповедников, что также должно способствовать разложению церкви и сектантов». Однако не все начальники областных управлений в должной мере развернули мероприятия по разгрому «церковной контрреволюции», о чем свидетельствовало сохранение 6990 легальных храмов по Союзу, 9750 священников, свыше 2000 сектантских проповедников. (*Курляндский И.* Срочно ликвидировать церковь! Власть и религия в 1937–1938 годах // Живая история. 2017. № 2).

Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года ввело запутанный и суровый порядок регистрации всех религиозных общин, групп, течений и культовых объединений. Круто были урезаны права верующих и церкви, ее духовные пастыри обрели странный статус наемных служащих религиозной общины. Это и другие постановления никогда не обнародовались в открытой печати, многие из них скрывались даже от церкви, хотя касались ее деятельности.

Антирелигиозная борьба изначально приняла кощунственный характер: комсомольская «легкая кавалерия» срывала богослужения и крестные ходы, во время обедни врывается в храмы и устраивала там шутовские представления, под видом научного объяснения обмана церковниками народных масс вскрывались раки с мощами и сами мощи выбрасывались, на митингах и концертах всячески высмеивалось духовенство и верующие, пионеров призывали уничтожать домовые иконы и т. п. Однако в середине 30-х годов накал антирелигиозной борьбы резко спал, организация была распущена, журнал закрыт, а глава всей этой деятельности Ем. Ярославский попал в опалу: в предстоящей войне с нацистской Германией предполагалось ис-

пользовать и церковь. Во время войны, когда было необходимо мобилизовать все ресурсы, режим стал опираться и на церковь: антирелигиозная пропаганда практически прекратилась, было восстановлено патриаршество, открыты храмы и даже началась подготовка духовенства в семинариях. Однако западно-украинские униаты, признававшие духовную власть Папы, подвергались преследованиям, а после войны униатская (грекокатолическая) церковь была вообще запрещена и ее храмы переданы православной церкви. В послевоенный период антирелигиозная борьба то затухала, то возобновлялась с новой силой (при Н. Хрущеве), но преимущественно была направлена против сектантов (баптистов, адвентистов седьмого дня), а секта «Свидетелей Иеговы» практически оказалась под запретом. Тем не менее для лиц, занимавших руководящие посты, крещение ребенка, венчание или отпевание умерших родителей вело к изгнанию из партии и с работы (духовенство было обязано поставлять сведения о требах в соответствующие органы), а верующая молодежь, если это обнаруживалось, исключалась из комсомола, что для студентов автоматически вело к отчислению из учебного заведения. В 70–80-х годах гонения на верующих практически прекратились, и среди молодежи даже появилась мода открыто носить крестики на шее, как украшение, а антирелигиозная пропаганда, сосредоточенная в домах научного атеизма, приобрела академический характер.

Антирелигиозная борьба отразилась даже на праздниках.

В первые годы советской власти церковные праздники занимали определенное место в календаре. В декрете о введении восьмичасового рабочего дня фигурировали 12 наиболее важных праздников как нерабочие дни. При этом даты праздников были установлены по «новому стилю», со сдвигом в 13 дней, что вызвало растерянность и недовольство у верующих: многие продолжали праздновать по «старому стилю», а это были уже рабочие дни. 18 декабря 1918 года москвич Окунев записывает в дневнике: «Но не предоставлено верующим свободно посещать храмы. Вот, например, завтра, а также во многие другие праздники, особенно в двенадцатые, — в церквях едва ли соберется много молящихся: большинство (и я, многогрешный) должны идти на службу. Теперь везде введены такие листы, на которых должны являть собственные подписи, и эти листы в 10 с четвертью ч. утра относятся в президиумы фракций, которые строго следят за непришедшими на службу и карают их первые разы вычетом однодневного заработка, а потом и увольнением со службы».

Постепенно количество церковных праздников стало сокращаться, а в 1930 году все они были исключены из календаря. Крестные ходы можно было проводить лишь на Пасху и Рождество Христово, но только вокруг храмов, внутри церковной ограды.

Вмешательство идеологических органов выражалось в разных формах препятствования празднованию, в частности, в «комсомольской пасхе» и «комсомольском рождестве» (именно так, в порядке борьбы с «религиозным дурманом», с маленькой буквы писались названия праздников и даже Бог («бог») Богородица («богородица») и Христос («христос»). В конце 1922 года по инициативе властей и ЦК комсомола была проведена широкая молодежная антирелигиозная кампания. На средства Главполитпросвета был опубликован специальный «Антирелигиозный песенник», разработаны сценарии проведения «комсомольского рождества». В первый день Рождества по новому стилю в ряде городов по улицам устраивались антирелигиозные шествия и карнавалы, в клубах были организованы спектакли «Бог-отец, бог-сын и К°», «Ночь пред рождеством, или Изумительное происшествие в комсомольском клубе» и т. д. Все это имело кощунственный издевательский характер. По итогам «комсомольского рождества» ЦК комсомола принял постановление об учреждении 7 января «дня свержения богов» и ежегодного празднования его.

Однако, обсудив зимой 1924 года итоги «комсомольского рождества», ЦК партии решило отказаться от грубых, издевательских методов антирелигиозной работы, только усиливающих внутреннее сопротивление верующих. Было запрещено проводить карнавальные шествия, а работа должна была направляться на научное «разоблачение религиозного дурмана». Но в 1929–1930 годах в дни важных церковных праздников для отвлечения населения от празднования вновь проводились красочные шествия и карнавалы, направленные на высмеивание догматов и обрядов. После принятия Конституции 1936 года подобные мероприятия прекратились.

Судя по дошедшим до нас немногочисленным дневникам, в 20-х годах в интеллигентных семьях, особенно пожилые люди, на Рождество и Пасху посещали праздничные богослужения и, по возможности, старались отметить праздник более обильной трапезой. До коллективизации рождественские и пасхальные традиции сохранялись и в деревне. Но по мере раскрестьянивания деревни, усиленного внедрения в сознание советских людей атеистического мировоззрения и массового закрытия храмов церковные праздники в большинстве своем уже не отмечались даже пожилыми людьми, и даже не помнили их дат.

Только в семьях, где крепки были религиозные верования, особенно у старообрядцев, соблюдался Рождественский пост, а Пасха отмечалась даже и неверующими.

Даже празднование Нового года как праздника религиозного (ведь это был вписывавшийся в святки день Василия Великого, в канун которого молодежь колядовала) с конца 1929 года фактически было запрещено. И в календарях сначала указывалась дата Пролетарской (Октябрьской) революции («13-й год Пролетарской революции»), а затем, мелким шрифтом, писался календарный год. В ходе антирелигиозной борьбы с «пережитками» была запрещена и рождественская елка. В январе 1929 года ЦК ВКП(б) обратился ко всем членам партии с письмом «О мерах по усилению антирелигиозной работы», и на этой основе развернулась борьба с церковными праздниками и связанными с ними традициями. Так, в 1931 году в детском журнале «Чиж» появилось стихотворение со словами: «Только тот, кто друг попов, Елку праздновать готов». Комсомольские патрули даже пытались проверять по квартирам, нет ли там елки. Те, кто продолжали соблюдать традиции рождественской елки, делали это в большой тайне, за занавешенными окнами, устанавливая маленькое деревце, которое легко можно было спрятать. А 9 сентября 1932 года «Вечерняя Москва» писала: «Дед Мороз отжил свой век. И не только он оказался вытесненным с полок игрушечных магазинов. Куклы — самый ходовой товар прошлых лет — уступают место новым техническим игрушкам: “Конструктор”, “Мы сами строим мебель”, “Наш транспорт”».

Московский обыватель, служащий Шитц записывает в дневнике в 1928 году: «А жизнь сера, сера до невозможности. Культура падает, уровень жизни, даже прямо бытовой, спускается все ниже. Духовно — полное ущемление и раболепие... Средства насильственного поддержания образа мыслей и истребления идей неподходящих во сто крат увеличились».

Но... влияние повседневности зачастую оказывалось сильнее давления. Современник записывает в дневнике: «Сегодня в одном учреждении видел чуть ли не впервые одну барышню, углубленную, судя по выражению лица и по работе пальцев, в серьезнейшую работу на пишущей машинке. Думал, что какой-нибудь важный декрет перепечатывает, а оказалось что она своего рода “подпольной” литературой занимается: перепечатывает пародию на ответ Онегина Татьяне: “Когда б картофель не был дорог, и хлеб не стоил 2040, полфунта масла тысячь семь, притом прогорклое совсем; когда бы спуск был нечистот и дейст-

вовал водопровод; когда бы, голоден и бос, за чью-то старую провинность я по субботникам в мороз не нес топливную повинность, то, верьте, кроме вас одной, невесты б не искал другой. Но для советского блаженства, как видно, не пригоден я, и коммунистов совершенство совсем не радует меня". Затем довольно правильно описаны, подлаживаясь к пушкинским стихам, квартиры без топлива, кухни коллективов, конторские труды жен, а потом и домашние, "когда из шелухи готовят всякой чепухи и варят чай из хлебных крошек", и т. д. и т. д. Заканчивается письмо, конечно, тем, что "мечтам и годам нет возврата", уверением в братской любви, но, говорит автор письма: "Я свою восьмушку хлеба и свой советский суп-бурду ни за какие блага неба делить ни с кем уж не могу"».

Наш современник, читавший «Собачье сердце» М. Булгакова, встречал там упоминание о «культурной пивной», где на балалайке играл персонаж рассказа Клим Чугунов (Шариков). Действительно, были такие пивные, где с эстрады играли небольшие оркестры, выступали исполнители скетчей и куплетисты. Однако репертуар этих заведений не поддавался никакому контролю и иной раз был на грани антисоветчины. Например, куплеты про знаменитый «Волховстрой», первенец советской электрификации: «Цыгане шумною толпою по эсесерии кочуют, и приближаясь к Волховстрою, в шатрах изодранных ночуют...». В целях борьбы с этим безобразием 15 марта 1930 года были запрещены выступления в пивных эстрадных артистов, а 1 мая 1930 года запрещены выступления и оркестров. Что там пивные! В советском цирке была такая реприза: на арене валяются портреты Ленина и Троцкого. Клоун спрашивает у шпехшталмейстера, куда их убрать. «Троцкого к стенке, Ленина повесить!»

В начале 30-х годов некоторые идеологические установки начинают меняться. В первую очередь это коснулось истории, отношения к прошлому. Господствовала марксистская концепция М. Покровского, согласно которой, например, «так называемая Отечественная война» 1812 года была войной империалистических держав за рынки сбыта. В 1930 году начался разгром этой исторической концепции, а сам Покровский подвергся резкой критике, в том числе и со стороны своих учеников, вроде М. Нечкиной, будущего академика и столпа советской исторической науки. Еще недавно слова «Отечество» и «Родина» были под запретом как контрреволюционные, но 4 февраля 1931 года Сталин в выступлении на 1-й Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности придал положительное звучание слову «Отечество», а в 1934 году на торже-

ственной встрече полярников-«папаницев» в выступлении Сталина впервые в положительном контексте прозвучали слова «Россия» и «Родина».

В 1931 году журнал «Пролетарская революция» опубликовал статью Сталина «Некоторые вопросы истории большевизма». С этого началось формирование новой официальной концепции истории России и СССР. Разумеется, это путь долгий и сложный, и история не раз подвергалась правке. Особенно не повезло Шамилю, который то был вождем кавказских народов, боровшихся против русского империализма, то представителем реакционного духовенства и феодалов, то агентом британского империализма. И случалось это с ним совсем недавно. В самом конце 1952-го или в самом начале 1953 года, когда я учился (на пятерки!) в 4-м классе, по дороге в школу догоняет меня учительница и говорит: «Сегодня к нам приедет комиссия из РОНО, я тебя вызову. У нас тема о Шамиле, так ты говори не то, что в учебнике, а что он английский агент!» 15 мая 1934 года вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР», где было сказано о подготовке к июню 1935 года новых учебников по истории, и Сталин, Жданов и Киров совместно выступили с «Критическими замечками к проекту школьного учебника истории СССР», где реабилитировалась история Российского государства и окончательно разгромлена концепция Покровского.

В целях развития (в нужном направлении) исторической науки в 1930 году был создан Московский архивный, затем Историко-архивный институт (он долго был пристанищем опальных историков), а в 1931 году — Московский и Ленинградский институты истории, философии и литературы (ИФЛИ). В 1934 году были восстановлены исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах и открыт Историко-археографический институт, в 1936 году образован Институт истории АН СССР.

Перемены в идеологии отразились даже на судьбе столпа советской поэзии, Демьяне Бедном (Ефиме Придворове). «Поэт» жил в Кремле, но, к крайней своей обиде (он даже плакал), был выселен оттуда. Правда, не на Соловки и даже не в московскую коммуналку, а все же в особняк на Петровском бульваре. Дело в том, что в 1936 году в Камерном театре по либретто Демьяна Бедного была поставлена опера «Богатыри», где русские былинные богатыри были изображены дурачками и пьяницами. В ответ последовала резкая критика в «Правде» и постановление Политбюро «О глумлении над русской историей»: Демьян Бедный перестарался.

Естественно, новое отношение к истории отразилось и в литературе и искусстве. В 1935 году была завершена эпопея А. Новикова-Прибоя «Цусима». Отправка эскадры на Дальний Восток здесь была изображена как глупость правительства, что, в общем-то, недалеко от истины, а адмирал З. Рожественский показан как откровенная бездарность и бесноватый дурак, что тоже не так далеко от правды, но зато яркими красками была написана картина героических подвигов и самопожертвования матросов и офицеров (правда, не всех). В 1937 году состоялось торжественное празднование 125-летия Отечественной войны 1812 года. В «Правде» на первой полосе был помещен портрет бывшего «царского генерала», а отныне великого русского полководца М.И. Кутузова при всех орденах. Практически одновременно было торжественно отмечено 100-летие гибели А. Пушкина, который был канонизирован, став «нашим всем». И в 1937 году на экраны вышла первая серия кинофильма В. Петрова «Петр Первый»: царь был показан как идеальный герой и патриот России. В 1938 году советскому зрителю показали фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский». «Правда» оценила его как «патриотический фильм о величии, мощи и доблести русского народа, его любви к родине, о славе русского оружия, о беззаветной храбрости в борьбе с захватчиками русской земли». В этом же году в Эрмитаже состоялась выставка «Великое прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения». А в 1939 году в Третьяковской галерее открылась первая выставка русской исторической живописи, которая, по словам газет, вселила в сердца посетителей «воодушевление, уверенность в силах нашего могучего народа, на протяжении своей долгой истории не раз побеждавшего врагов и сумевшего отстоять свою независимость и свободу». 1939 год вообще оказался богат на художественные свершения, воспевавшие прошлое страны. Была возобновлена постановка оперы М. Глинки «Жизнь за царя», хотя и под названием «Иван Сусанин». Вышла вторая серия кинофильма В. Петрова «Петр Первый». Состоялась всесоюзная премьера фильма «Минин и Пожарский» В. Пудовкина; а ведь еще в конце 20-х годов советский поэт писал о них: «Подумаешь, они спасли Россию! А может, лучше б не спасать?» Было торжественно отмечено 125-летие со дня рождения «великого поэта-патриота» М. Лермонтова. Вышел исторический роман В. Яна «Чингисхан». Завершена историческая эпопея С. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», начатая изданием в 1937 году. А чтобы недопонимающие критики поняли все как следует, вышло постановление ЦК, осуждавшее «вредные тенденции огульного охаивания патриотических произведений».

Но этого мало. В 1939 году появилось удивительное решение Политбюро об отказе от указаний Ленина от 1 мая 1919 года, касающихся «преследования служителей Русской православной церкви и православноверующих». НКВД получил указание провести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительской деятельностью, «освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не принесла вреда советской власти». Попал в опалу самый главный борец с религиозным дурманом Емельян Ярославский, а выходившая с 1922 года газета «Безбожник» оказалась приостановлена в 1934 году; правда, ее выпуск продолжился в 1938 году, но в 1941 году она окончательно почилла, одновременно с журналом «Безбожник».

В 1940–1941 годах продолжилось торжество национальной истории в искусстве и литературе. Вышли романы А. Степанова «Порт-Артур», С. Бородин «Дмитрий Донской», поэмы К. Симонова «Ледовое побоище» и «Суворов», на экранах появились кинофильмы «Суворов» В. Пудовкина и «Богдан Хмельницкий» И. Савченко.

«Реабилитация» прошлого нашла отражение и в армии. В 1940 году были восстановлены генеральские и адмиральские звания. Несколько ранее были восстановлены, за некоторыми исключениями, и офицерские звания, хотя само слово «офицер» все же появилось в 1943 году, одновременно с погонами.

Наконец, с середины 30-х годов возобновилось празднование Нового года, разумеется, по «новому стилю», так что он теперь не совпал с Васильевым днем и святками в целом, т. е. получил светский характер. В декабре 1935 года в «Правде», в статье главы украинской компартии П. Постышева была «реабилитирована» и елка как детский праздник, установка которой, однако, была перенесена на ближайший к Рождеству праздник — Новый год, а Рождественская Вифлеемская звезда на ее верхушке была заменена пятиконечной красной звездой. Начался даже выпуск елочных игрушек на фабриках.

Но это вовсе не значит, что коммунистическая идеология полностью была сметена. В 1937 году произошло величайшее событие: вышел «Краткий курс истории ВКП(б)». Отныне все трудящиеся должны были ежегодно проходить политучебу, заключающуюся в изучении этого основополагающего труда, по слухам, написанного самим Сталиным. Правда, получалось так, что за год успевали изучить только первую главу, а на следующий год приходилось начинать с нее же. Без цитирования «Краткого курса» не обходилась ни одна научная рабо-

та, и его положения легли в основу всей советской печати, приобретшей единообразие. 7 января 1940 года писатель М. Пришвин записывает в дневнике: «Прошлый год еще “Комсомольская правда” имела лицо, а теперь кончено: все газеты одинаковы». Читать советские газеты было бесполезно, а по мнению булгаковского профессора Преображенского, еще и вредно для пищеварения. Да и как было читать такие перлы, как рапорт Треста Зеленого строительства Сталину, Кагановичу и Булганину: «Под бдительным сталинским руководством МК ВКП(б) и президиума ударного Мосгорисполкома большевистский план осенних посадок в 250 тысяч деревьев и 1 миллион кустарников ударными темпами выполнен в установленный срок».

Нет, на среднем уровне, например, на уровне редакторов и директоров издательств, идеологические установки сохраняли прочность гранитных надолб: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Нос держали по ветру, а ухо — востро. На рубеже 90-х годов, накануне краха коммунистического режима, у меня в издательстве «Просвещение» выходила книжка для детей о русской армии. И мне не позволено было проиллюстрировать главу о знаменах («Там двуглавые орлы, это проповедь монархизма»), как не позволено было проиллюстрировать главу о наградах: («Там кресты, а это проповедь религии»). «Да вы что, с дуба головой упали?!» — «Ты ничего не понимаешь! Видел наш учебник истории, где на переплете изображения памятников архитектуры? Там у нас есть шпиль собора Петропавловской крепости, так мы специально фотографа посылали в Ленинград, и он целый день ходил вокруг собора, добивался такого ракурса, чтобы не было видно, что шпиль венчает ангел, и что у ангела в руках крест!» Выход книги слегка задержался, и после августа 1991 года меня стали мытарить с крейсером «Аврора»: «Давай уберем». — «Да вы что, единственный сохранившийся бронепалубный крейсер, участник Цусимы!». Дали мне специального редактора из Политиздата, и мы целый день мусолили кусочек текста с «Авророй»: чтобы ни-ни! Книга вышла, и зав. исторической редакцией жалуется: «Меня на каждом совещании за твою книгу так бьют...». — «Кто? За что?» — «Директор. Почему, мол, книга заканчивается главкой «Красное знамя Победы». — «Да ведь он сам потребовал, чтобы все кончалось 45-м годом». — «Ну да, я ему это и говорю. А он — почему знамя Победы». — «Да ведь, раз 45-й, то конечно, кульминация, водружение знамени над Рейхстагом». — «Ну да, и я ему это говорю. А он: почему красное!»... Вот как берегли чистоту идеологических риз! Берегли сами авторы, сами редакторы, сами издатели: «Как бы чего не вышло!..».

Однако нередко мощная идеологическая обработка населения рушилась под напором далеко не радужной действительности. Перманентным состоянием населения советской страны было недовольство, вызванное нехваткой продовольствия, тяжелым материальным и жилищным положением, ростом цен, пересмотром рабочих расценок, низкой зарплатой и т. д. Чаще оно было обращено против местного партийного и советского руководства, работников торговли, заводского начальства и т. п., распространяясь и на высшее руководство страны и всю политическую систему. Обычно выражалось в форме постоянного ворчания, анекдотов, стихов и песенок, нередко скабрезного содержания и пр., иногда достигая уровня серьезных массовых беспорядков и вооруженных «антисоветских мятежей»; в 20-х, в значительно меньшей мере в 60-х годах также имели место забастовки рабочих. Карательные органы постоянно отслеживали настроения населения через сексотов (секретных сотрудников) и перлюстрацию писем, составляя соответствующие доклады для руководства. Так, в марте 1926 года ОГПУ сообщало о «нервном» настроении на московских заводах и высказываниях типа «коммунисты, кроме безработицы, нам ничего не дали», в марте 1927 года — о подобных высказываниях на бирже труда («Утверждение диктатуры коммунистов проводили за счет рабочего класса», «Разве для того делали революцию, чтобы сбросив помещиков и капиталистов, посадить на свою шею коммунистов?» и т. п.). На собраниях рабочие не давали выступать в прениях партийцам, уходили с собраний, срывая их, и пр. В 20-х годах серьезную озабоченность вызвало недовольство красноармейцев, связанное с письмами из деревень, где рассказывалось о свирепом выколачивании продналога, продаже имущества и арестах; это недовольство проявлялось в отказе от выхода на учения и т. п. В 30-х годах в связи с развитием репрессий, открытое проявление недовольства, особенно в официальной обстановке, стало быстро сокращаться, хотя беседчики сообщали о случаях негативных высказываний «неосознательных» рабочих и особенно работниц. После смерти Сталина и прекращения массовых репрессий проявление недовольства стало массовым и повсеместным, став характерной чертой советской повседневности.

В сообщениях НКВД, поступавших Сталину в 1936–1937 годах, постоянно присутствовали и сигналы о пораженческих настроениях в связи со слухами о скорой войне. «У нас в селе народ только и говорит, что о войне. Крестьянство все настроено против советской власти. Пусть будет война, и мы скорее свергнем эту власть. Может быть, нам будет и хуже, но лишь бы не было власти большевиков. Они нас разгра-

били, пусть запомнят, что пощады им никакой не будет», — эти слова из доклада руководителей управления НКВД по Северо-Кавказскому краю типичны и для других сообщений. 22 февраля 1941 года в одной из уборных московского завода им. Горбунова была обнаружена надпись: «Товарищи, мы сейчас живем под гнетом, если раньше не сажали рабочих, то сейчас сажают за опоздание, гноят в тюрьмах, концлагерях. Труд человека ценят очень и очень плохо, у нас нет права на труд, на отдых, на образование. У нас пропала Конституция, остались одни указы, которые губят и превращают в ничто человечество. Я призываю рабочих осознать это до глубины души». Особенно сокрушительно на сознание людей подействовала война. По секретной информации УНКВД Москвы и области «...среди некоторой части населения имеют место факты высказывания отрицательных и контрреволюционных настроений. Сейчас половина народа СССР озлоблена против советской власти. Много людей сидят в тюрьмах, а у крестьян плохое настроение, так что воевать будет трудно. Народ будет против нашего правительства» (Гребенщиков, врач железнодорожной больницы Сталинского района). «Хорошо, что наконец началась война, жизнь в СССР невыносима стала. Принудительный труд и голод всем надоел, скорей бы конец всему этому» (Макарова, работница завода им. Красина). 15 апреля 1942 года агент спецгруппы «Климент» посетил столовую батальона МПВО Ленинского района Москвы, бойцы которого работали на объектах Ремстроя. Он сообщал об их разговорах во время обеденного перерыва. «Боец Дронин говорит: “Жили мы как люди до 1929 г. Как только повели колхозную политику — все опротивело. Спрашивается: за что воевать, что защищать?” Боец, плотник Сизов: “Я только теперь понял, что мы рабы. Были люди, которые хотели нам добра, как Рыков — их убрали. Найдется ли еще человек, который подумал бы о нас?” Плотник Карелин: “Нам говорят, что немецкие солдаты вшивые и голодные. А вот когда они были в нашей деревне под Можайском, то мы видели, что они каждый день едят мясо, масло, пьют кофе и т. д. Говорят, что они зверствуют. Правда, большевиков и партизан убивают, но мирное население пальцем не трогают”. Боец Сизов: “Ведь мы голодаем, а на бумаге у коммунистов хорошо получается”. Такие разговоры у них ежедневно». 20 декабря 1945 года возле дома № 18 по Кривому переулку на тротуаре и во дворе были обнаружены разбросанными 22 листовки антисоветского содержания. Арестован автор листовок, демобилизованный из армии Г. Иванников.

Хотя и в 30-х, и в начале 40-х годов по радио и на улицах гремели бодрые песни, прославлявшие мощь непобедимой Красной армии и та-

ланты ее «первого маршала», народ, во всяком случае, умудренные жизненным опытом взрослые, не особенно доверяли этому. Уже 22 июня 1941 года по официальной информации заведующего инструкторским отделом МГК ВКП(б) «...среди населения появились панические настроения. Во многих магазинах образовались очереди, покупают главным образом сахар, крупу, соль. Очереди наблюдаются также за керосином. В сберегательных кассах много людей за получением вкладов и сдачей облигаций государственных займов». Эти «панические настроения» усиливались под влиянием завуалированных сообщений Совинформбюро о ходе военных действий и достигли апогея в Москве 16 октября, когда помойки были завалены трудами Ленина и Сталина, население частью кинулось грабить магазины, а частью кинулось бежать из столицы, а самые преданные из преданных, разного рода советские и партийные руководители, директора предприятий и пр., презрев свои обязанности, удачно воспользовались своими правами на служебные автомобили.

Опасаясь развития «панических настроений» под влиянием немецкой пропаганды, уже 25 июня 1941 года СНК СССР издал постановление о сдаче населением радиоприемников. Не подчинившихся ждала уголовная ответственность по ст. 56–6 УК РСФСР. Объяснялось это стремлением затруднить работу вражеских шпионов и диверсантов, которые якобы могли получать указания по бытовым радиоприемникам. Было обещано вернуть приемники после окончания войны, но произошло ли это — сказать трудно. Население также было обязано сдавать милиции почтовых голубей, чтобы вездесущие шпионы не посылали с ними секретных шпионских сведений в свои разведцентры. 19 декабря 1941 года появился приказ коменданта Москвы: «В целях недопущения использования враждебными элементами голубей, находящихся у частных лиц, приказываю в трехдневный срок сдать голубей в управлении милиции по адресу: Петровка, 38. Лица, не сдавшие голубей в указанный срок, будут привлечены к ответственности по закону военного времени». Разумеется, милиции некогда было разбираться с голубями, и изымали не только почтовых, а всех подряд, что было не так просто: голубей тогда любители держали очень много. Наконец, 6 июля 1941 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу населения». За «ложные слухи», т. е. попытку услышать что-либо «между строк» главшего Совинформбюро, полагалось 5 лет заключения в лагерях. Правда, после окончания войны все «шептуны» были амнистированы.

Победоносное окончание войны отнюдь не усилило преданности людей партии и правительству. 28 марта 1947 года согласно записке министра внутренних дел Круглова членам Политбюро: «Сегодня, 28 марта, в период с 5 до 7 час. утра работниками московской милиции при обходе были обнаружены и сняты листовки в Куйбышевском, Железнодорожном и Щербаковском районах г. Москвы. Листовки были расклеены на стенах общественных уборных, на домах, мимо которых бывает большое движение народа, и в других общественных местах. Всего было снято в 3 районах 35 листовок. Листовки написаны карандашом на тонкой бумаге и размножены через копировку. Текст листовок с призывом к демонстрации следующий: “Всем! Всем! Граждане России! Выполни свой долг и впредь в первое воскресенье каждого месяца. В 12 часов 6 апреля с. г. в центре города Москвы состоится безмолвная демонстрация. Задача демонстрации: заполнить центр г. Москвы, остановить уличное движение. Возьмите сумки-авоськи. Ваша безопасность гарантирована. Мы требуем хлеба. Долой колхозы, рабство и произвол. Мы за частную собственность, свободную торговлю, за открытие границ, свободу и счастье народа! Запомните дату 6 апреля. Все на демонстрацию! Содержание воззвания передавайте всюду, всем и всеми способами”». А 20 сентября 1946 года председатель ВЦСПС В. Кузнецов сообщал в докладной записке А. Жданову: «На заводе им. Войкова (Москва) рабочий-травильщик в разговоре заявил: “У нас килограмм мяса стоит 6 долларов, а в Америке на 6 долларов можно купить центнер свинины”. Повышение цен на продукты и в особенности на хлеб вызвало больше всего беспокойство у многосемейных и низкооплачиваемых рабочих, причем особенно болезненно реагировали женщины, имеющие детей и потерявшие мужей на войне».

Но, конечно, чаще недовольство выражалось в политических анекдотах и (сейчас это уже забыто) в издевательских переделках патриотических песен. 1 февраля 1946 года в Мытищах органами был изъят текст «Городской застольной песни» — пародии на популярную «Колхозную застольную»: «Так будьте здоровы, живите богато, / Насколько позволит вам ваша зарплата. / А если зарплата вам жить не позволит, / Так вы не живите: никто не неволит» и т. д. Я с детства помню одну такую переделку «Песни о Родине»: «Широка страна моя родная, / Много тюрем в ней и лагерей. / Я другой такой страны не знаю, / Где так льются слезы у людей». Были и иные переделки, но... уж очень непечатный там юмор. Но ведь я вырос в краях, на которые распростер свои крыла Вятлаг.

Армия

Во всем мире и на всем протяжении истории армии создаются для войны и постоянно должны готовиться к войне. Но в то же время и в мирное, и даже в военное время армия живет повседневной жизнью. Военнослужащие где-то живут, одеваются и обуваются, питаются, отдыхают и развлекаются. Даже война — это не только походы и бои. Это огромное хозяйственное мероприятие. Время от времени части выводятся с линии фронта в тыл для пополнения, переформирования, отдыха. Специальные банно-прачечные отряды осуществляют «помывку» людей, стирают и штопают белье и верхнюю одежду. Финансовые органы рассчитывают и выплачивают денежное содержание. Органы снабжения доставляют продовольствие и материальное содержание. Командиры (офицеры) выезжают в командировки в тыл, а работники тыла командированы на фронт со всеми сопутствующими формальностями: командировочное удостоверение, день отъезда — день приезда и т. п.

В то же время исполнение людьми их почетного долга — службы в армии — даже в мирное время представляет собой жизнь на грани экстремальности. Во время войны, естественно, эта грань оказывается перешагнутой.

Одной из характерных черт русской, а затем и советской армии было нищенское положение солдат. До революции дневное довольствие солдата составляло — копейки в день: «Три денежки в день, куда хошь, туда и день»; только после 1905 года солдаты стали обеспечиваться постелями: до того им выдавалась наволочка и наматрасник, набивавшиеся соломой, а укрывались они шинелями. Однако и после революции материальное положение красноармейцев изменилось мало.

Понятно, что не слишком сытыми, одетыми и обутыми были они во время Гражданской войны, хотя все склады и арсеналы бывшей Императорской армии находились в центре страны, занятом большевиками, и предприятия здесь, хоть плохо, но работали. В августе 1921 года Военморинспекция, обследовав Западный фронт, сообщала: «Обмундирования и обуви... недостаточно, а имеющиеся находятся в неудовлетворительном виде. Особенно это заметно на шинелях и обуви. Можно нередко встретить красноармейца, идущего в баню в ненастную погоду босиком [...] Постельной принадлежности почти никакой. Главных предметов обмундирования недостает...». А осенью 1921 года Военная инспекция, проверявшая Харьковский военный округ, отметила:

«75 % войсковых частей ХВО расположено по бытовым квартирам и только 25 % размещены по казармам. Казармы оборудованы лишь топчанами или нарами, и другой казарменной обстановки не имеется. Постельной принадлежности никакой и только в одной дивизии имеются матрасы из камыша. Войска, расположенные по бытовым группам 2–5 человек, плохо обставлены с довольствием, не получая таковое на руки, т. к. разбросанность и отсутствие котлов, недостаток походных кухонь не позволяет довольствоваться из общего котла.

Производству летних занятий мешал недостаток обмундирования (50–80 % обуви от 50 до 90 %)» (*Веселая Г. По бездорожью XX века*).

Даже в Московском гарнизоне положение с материальным снабжением красноармейцев было плохим, на что указал сам председатель Реввоенсовета А.Д. Троцкий: «Пестрота в обмундировании частей, даже Московского гарнизона, наблюдается чрезвычайная. Шинели всех цветов радуги, богатырки чередуются в рядах с папахами. На зимних головных уборах сплошь да рядом отсутствует красноармейская звезда. Нужно принять меры к упорядочению обмундирования путем подбора в одних частях папах, а в других — богатырок с соответственным подбором шинелей по цвету и пр.». А обследование Гомельских командных курсов в декабре 1921 года показало, что «около половины курсантов не имеют совершенно никакой обуви, а у многих курсантов она до того плоха, что выходить из казармы в ней не представляется возможным. У большинства курсантов нет даже брюк, гимнастеров, шинелей. Поэтому приходится наблюдать такие факты: курсанты собираются в караул, один раздобывает себе брюки, другой — шинель, третий — сапоги. Среди остающихся попадают такие, которые имеют на себе только нижнее белье, на них нет даже рваных сапог. Нет на курсах одеял, простынь и другого белья» (*Веселая Г. По бездорожью XX века*).

Из рук вон плохо обстояло дело с питанием красноармейцев. Из секретной записки по политчасти 14-й Московской пехотной дивизии следовало, что в июне 1923 года: «За последнее время в частях дивизии появилась цинга. За короткий промежуток времени ее появления она приняла эпидемический характер...

Если болезнь будет развиваться таким темпом, то через 2–3 недели состав дивизии будет приведен к нулю. Причины цинги следующие: совершенное отсутствие овощей, взамен таковых выдается квашеная капуста, далеко недоброкачественного состояния, несвежее мясо, которое за отсутствием в дивизии холодильников, скоро покрывается личинками мух... По мнению врачей, слишком сильная нагрузка строевыми занятиями (большой % падает на показательные роты и Дившколу). Часто не

имеют средств на закупки необходимых продуктов...». Однако, как следовало из приказа командующего Московским военным округом Муралова, через два месяца части, зачисленные на противочинготный паек, кредиты на него получили с большой задержкой, и отпускались эти кредиты «в условиях бюрократической волокиты и в размерах, удовлетворяющих лишь до $\frac{1}{2}$ потребности» (Г. Веселая).

Не слишком сильно изменилось положение за последующие годы. Так, накануне Великой Отечественной войны рядовой-срочник на первом году службы получал 8 рублей 50 копеек в месяц, на втором и третьем — по 10 рублей. Мороженое тогда стоило 5 рублей, бутылка водки — 11 рублей 50 копеек, так что не только грубо нарушить дисциплину в увольнении, но и невинно полакомиться мороженым было очень не просто. Сержант, командир отделения, на первом и втором году получал 17 рублей 50 копеек, на третьем — уже 100 рублей. Сержант-помкомвзвода на первом и втором году службы имел 22 рубля 50 копеек, на третьем — 125 рублей.

Совсем иное дело — сверхсрочники, обычно помощники командиров взводов или ротные старшины. Они делились на 11 разрядов, получая от 140 до 300 рублей. И, естественно, далеко оторвался от них средний и старший комсостав. Комвзвода получал 625 рублей, комроты — 750 рублей, комбат — 850 рублей, комполка — 1200 рублей, комдив — 1600 рублей, комкор — 2000 рублей. Куда и делось прокламированное во время революции равенство?

Довольно «легкомысленным» было обмундирование. Красноармейцы обходились хлопчатобумажными гимнастерками и шароварами, бязевыми нижними рубашками и кальсонами, ботинками с обмотками, шинелями и суконными шлемами-богатырьками (фрунзевками, буденовками). У комсостава были хромовые сапоги, шерстяные диагональные шаровары и гимнастерки, бязевое нижнее белье, суконные шинели и шлемы. Зимнее обмундирование имелось в небольшом количестве, только для часовых. И правильно: зимой Красная армия занималась в классах, а техника ремонтировалась. А воевать с финнами в 1939–1940 годах пришлось зимой, да еще и небывало суровой. И огромная боевая убыль в частях дополнялась еще и убылью обмороженными и замерзшими насмерть.

Выше в цитате из документа были упомянуты «показные роты», на которые падала «слишком сильная нагрузка строевыми занятиями». Надо полагать, что в «непоказных» ротах строевые занятия тоже были достаточно интенсивными. А если к этому добавить непременно ежедневные политзанятия да обычные хозяйственные работы, то окажется,

что на собственно боевую подготовку времени оставалось немного. Например, на стрелковую подготовку выделялось по 3 патрона на бойца, и прицеливанию учили (теоретически) в классах.

Уроки советско-финской войны не прошли даром. Правда, с материальным содержанием красноармейцев дело не улучшилось. Вот отрывок из воспоминаний Анатолия Деревенца. Мемуарист прошел финскую войну. «Мобилизованные в финскую войну не демобилизовались. Наоборот, армия получала пополнения. А условия содержания армии ухудшились. Был урезан рацион хлеба. Вместо килограмма в сутки стало семьсот граммов. Тимошенко ввел еженедельно дни, когда кухни не работали, и бойцы получали сухой паек. В обед получали концентрат горохового супа и пшенной каши. Варить бойцы должны были сами. В условиях, приближенных к боевым. Варили в котелках на костерках <...>

Непрерывные учения изнуляли порой до изнеможения...

Обмундирование наше было таким, что в увольнительную в город не пускали, дабы не смущать нашим видом жителей. Демобилизованных старшего возраста бойцов, участников финской войны, при демобилизации одевали в х/б третьей категории, то есть буквально в лохмотья <...>

Тимошенко взялся наводить в армии порядок и дисциплину. Проводились бесконечные учения с выходом в поле “в обстановке, приближенной к боевой”. Это означало, что бойцы в любую погоду совершали утомительные многокилометровые марши. Зимой по несколько суток лежали в снегу. Костры жечь не разрешалось.

Жестко, иначе не скажешь, вводилась дисциплина в войсках. За самовольную отлучку в течение двух часов полагалось два года дисциплинарного батальона, то есть штрафбата.

У нас в полку был случай, когда после стрельб на стрельбище бойцы, которые, сидя в окопчиках, показывали мишени, по которым стреляли, после стрельб задремали в окопчике на весеннем солнышке и опоздали в полк на пару часов. Прямо со стрельбища их отправили в штрафной батальон.

Строго соблюдалась субординация. Младший по званию обязан был приветствовать старшего по званию. Я был сержантом и однажды рядовой, проходя мимо, не поприветствовал меня. Это заметил командир. В результате и боец, и я ежедневно по несколько часов после занятий “отрабатывали” приветствия. На гауптвахте или, как ее называли “губе”, горячую пищу давали через день. В холодном нетопленном помещении шинель выдавали только перед отбоем, чтобы можно было как-то согреться <...>

Пьянство сурово пресекалось. Был случай, когда штабные писаря в полку в выходной день купили чайник пива и распивали его в части. Это было расценено, как “коллективная пьянка”. Писарей разжаловали и отправили на гауптвахту.

Но была еще одна причина, почему мы не ходили по увольнительной в город: нас просто в город не пускали. Наше обмундирование — х/б третьей категории, то есть то, в котором мы ползали по земле на занятиях и работали, имело такой вид, что показываться в нем в городе было просто невозможно. А у меня вообще получилась неприятность. Мне поручили подзаряжать аккумуляторы для наших радистов, и я как-то тащил бутыль со щелочью и облил себе гимнастерку. Облитые места тут же выпали, будто их вырезали. Я отправился к каптенармусу с просьбой заменить гимнастерку. Каптенармус сказал: “Не положено”. Новое обмундирование выдается только раз в год перед Первым мая. Тогда я нитками стянул дыры на гимнастерке и в таком виде ходил. Чтобы пойти по увольнительной в город, взаймы брал гимнастерку у старшины».

Положение несколько изменилось с началом войны. С 23 июня 1941 года были введены т. н. полевые деньги, дополнительно к окладу. Это нормально, так было всегда. Для получивших менее 40 рублей прибавка составила 100 %, т. е. рядовой стал получать 17 рублей! Для получавших от 40 до 75 рублей набавлялось 50 %, оклада, а свыше 75 рублей — 25 %. Полевые деньги выплачивались исключительно тем, кто находился на передовой. Даже в ближайшем и обстреливаемом тылу выплаты прекращались. Так что если потрепанную, понесшую слишком большие потери часть вывели на пополнение и переформирование, рядовой снова получал свои 8 рублей 50 копеек, что с учетом небывало подскочивших «коммерческих» цен практически было равно нулю. С 11 января 1942 года оклады были повышены: комполка — до 1800 рублей, комдивам — до 2200 рублей. Рядовой так и остался с 8 рублями 50 копейками, а на передовой — с 17 рублями. Во избежание злоупотреблений с 25 марта 1942 года в действующей армии были отменены выдачи наличными и развернуты полевые отделения Госбанка. Можно было либо открыть счет, либо поручить финорганам отсылать переводы родным, либо досрочно погашать подписку на займы (!). Летчикам с 19 августа 1941 года за 5 боевых вылетов дополнительно выплачивалось 1500 рублей, а за сбитый самолет — 1000 рублей, за 40 вылетов — звание Героя Советского Союза и 5000 рублей. С истребителями все понятно, а с бомбардировщикам — не совсем: эти деньги за сбитый самолет выплачивались воздушным стрелкам — рядовым и сержантам, именно

и сбивавшим истребители противника, или все же офицерам-пилотам? За 10 сбитых самолетов противника полагалось звание Героя Советского Союза. Повысили оклады и некоторым рядовым и сержантам: снайперам до 25 рублей, пулеметчикам — до 20 рублей. С 24 июня 1943 года за подбитый танк танкистам, артиллеристам и ПТРщикам (их фронтовое прозвище было «Ствол длинный, жизнь короткая», а части противотанковой артиллерии красноречиво назывались «Прощай, Родина») выплачивалось по 500 рублей, гранатометчику — 1000 рублей. Материальное снабжение командиров и выдача им зарплаты производились по т. н. офицерскому аттестату. Семейные часть аттестата нередко переводили на семью.

С 12 сентября 1941 года были введены новые нормы пищевого довольствия. Имелось 4 категории. Первая — красноармейцы и начсостав боевых частей действующей армии: хлеб ржаной зимой — 900 гр., летом 800 гр., мука пшеничная — 20 гр., крупа — 140 гр., макароны — 30 гр., мясо — 150 гр., рыба — 100 гр., комбижир и сало — 30 гр., масло растительное — 20 гр., сахар — 35 гр., чай — 1 гр., соль — 30 гр., картофель — 500 гр., капуста — 170 гр., лук — 30 гр., а всего овощей — 850 гр., махорка — 20 гр., спички — 3 коробка в месяц, мыло — 200 гр. в месяц. Офицерам полагался дополнительный паек: масла сливочного или сала — 40 гр., печенья — 20 гр., рыбных консервов — 50 гр., папирос — 25 штук или табака — 25 гр. в сутки, спичек — 10 коробок в месяц.

Нормы, конечно, хорошие: при таких нормах боец должен быть сыт. Но вот нарком обороны в приказе от 24 января 1943 года отмечает: воруют. «Так, бойцы 238-й, 262-й стрелковых дивизий Калининского фронта во время марша получали по 300–500 граммов сухарей в сутки. Бойцы 32-й и 306-й стрелковых дивизий и 48-й мехбригады в течение пяти дней не получали даже хлеба. В результате острого голодания у многих бойцов появились различные заболевания, а в 279-й стрелковой дивизии в ноябре месяце на почве недоедания умерло 25 человек.

В 1336-м стрелковом полку 275-й стрелковой дивизии Закавказского фронта бойцам на протяжении суток не подвозили горячую пищу, ссылаясь на полученный приказ о наступлении». Воровство и нерасторопность снабженцев отчасти компенсировались «бабушкиным аттестатом» — кормежкой за счет местных жителей.

Голодными смертями прославилась Вторая ударная армия генерала А.А. Власова, прорвавшая немецкий фронт под Волховом и сама оказавшаяся в окружении. Армия фактически была брошена на произвол судьбы, и в лесах и болотах начала вымирать. Начальник Особого отде-

ла НКВД Волховского фронта старший майор госбезопасности Мельников 6 августа 1942 года направил заместителю наркома внутренних дел комиссару государственной безопасности 3 ранга Абакумову докладную записку «О срыве боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из вражеского окружения». Среди множества примеров сложившейся ситуации есть и такой: «Зам. нач. политотдела 46-й дивизии Зубов задержал бойца 57-й стрелковой бригады Афиногенова, который вырезал из трупа убитого красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, Афиногенов по дороге умер от истощения». Удивляться людоедству в армии не приходится: лошади все были съедены, а питаться древесной корой и мхом бойцы еще не умели. Нормы питания в армии были снижены в день с 50 граммов хлебных крошек, остававшихся в сухарных мешках, до 10 граммов. Затем перестали выдавать и эти крошки. Армия варила голенища сапог, ремни, командирские сумки. Нужно ли удивляться, что те, кто не погиб, не умер с голоду и не сумел прорваться сквозь двойное кольцо окружения, сдался в плен вместе со своим командармом.

Конечно, в случаях уменьшения рациона и отсутствия горячего питания можно было бы сослаться на нераспорядительность старшин, во время не подвезших пищу. Но вот инспектор финотдела 31-й армии С. Морозов вспоминал: «При ревизии финансово-хозяйственной деятельности 331-й стрелковой дивизии (командир — генерал-майор П.Ф. Берестов) выявлено: только за один месяц 1944 г. на имя командира соединения было списано по накладным: сахара — 60 кг, печенья — 80 кг, консервов — 40 банок, водки — 120 литров». Сто двадцать литров водки выпить за месяц — это каким же богатырским здоровьем и сложением нужно обладать!

Впрочем, старшие командиры не только позволяли себе пьянствовать и сытно закусывать. Не чурались они и иных утех. Вот один из типичных приказов того времени:

« СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Приказ

войскам Ленинградского фронта № 0055
гор. Ленинград 22 сентября 1941

В штабах и на командных пунктах командиров дивизий, полков имеется много женщин под видом обслуживающих, прикомандированных и т. п. Ряд командиров, потеряв лицо коммунистов, просто сожительствуют...

Приказываю:

под ответственность Военных Советов армий, командиров и комиссаров отдельных частей к 23.9.41 г. удалить из штабов и командных пунктов всех женщин. Ограниченное количество машинисток оставить только по согласованию с Особым отделом.

Исполнение донести 24.9.41г.

Командующий Ленинградским фронтом
Герой Советского Союза генерал армии ЖУКОВ».

Для таких боевых подруг в армии было даже особое наименование: ППЖ (по аналогии с пистолетом-пулеметом ППШ): походно-полевая жена.

Водку, правда, пили и бойцы. Нормированная выдача водки рядовому и командному составу действующей армии была введена 1 января 1940 года, во время советско-финской войны. По совершенно секретному (!) постановлению ГКО выдача 100 граммов водки (знаменитые «наркомовские 100 грамм») возобновилась с 1 сентября 1941 года и поначалу следовала ежедневно, но только красноармейцам и командирам войск первой линии. С весны 1942 года поголовная выдача была прекращена, и только особо отличившимся бойцам выдавалось по 200 граммов в виде награды; выдачи проводились также в дни революционных праздников. С 25 ноября 1942 года по 100 граммов выдавали только подразделениям, ведущим непосредственные боевые действия и находящимся в окопах на передовых позициях. Остальные получали по 50 граммов, но по праздникам всем полагалось по 100 граммов. Поскольку водка выдавалась старшинам на все подразделение, по списочному составу, то за счет еще неучтенных погибших и отбывших в тыл по ранению остающимся приходилось водки значительно больше, а уж самим старшинам и командирам — и подавно.

Неважно дело обстояло с отправкой писем, знаменитых красноармейских треугольничков. Создание полевой почты началось только с декабря 1941 года, а завершилось создание структуры лишь к марту 1942 года. До того письма в тыл можно было отправить только с оказией. А какая оказия у рядового? Вот и жди-пожди Марья письмецо от своего Ванюшки...

Но страшнее голода, холода, рваной одежды в армии был террор. Не немецкий: это было бы естественно. Террор своих «органов», набивших руку еще до войны.

Вот «Боевой приказ войскам Ленинградского фронта 17.9.41.

...за оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу...

Командующий войсками АФ Герой Советского Союза

Генерал армии ЖУКОВ

Член военного совета АФ секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ

Начальник штаба АФ генерал-лейтенант ХОЗИН».

Нынешние борзописцы придумали сказочку, будто бы на фронте была поговорка: «Там, где Жуков, там победа». Ну, победы-то на Ленинградском и Западном фронтах, которыми командовал Жуков, еще посчитать надо. А вот крови своих подчиненных он пролил немало, так что, вероятно, поговорка звучала по иному: «Там, где Жуков, там кровь».

«СОВ. СЕКРЕТНО.

ПРИКАЗ

войскам Ленинградского фронта № 0040

гор. Ленинград 19 сентября 1941 г.

...Военный совет Ленинградского фронта ПРИКАЗЫВАЕТ командирам частей и Особым отделам расстреливать всех лиц, бросивших оружие и ушедших с поля боя в тыл. Военным советам армий, командирам, комиссарам дивизий, полков и политорганам разъяснить настоящий приказ всему личному составу воинских частей.

Приказ разослать до командиров и комиссаров полков включительно.

Командующий войсками АФ Герой Советского Союза

генерал армии ЖУКОВ

Член военного совета АФ секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ

Начальник штаба АФ генерал-лейтенант ХОЗИН».

Крови в советской стране никто не боялся. Но Маршал Победы превзошел всех. Прибыв в Ленинград, он отправил командующим армиями Ленинградского фронта и Балтийского флота шифрограмму № 4976: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они тоже будут расстреляны». Таким образом, семьи оказались в положении заложников, что, между прочим, было запрещено Гаагской конференцией 1907 года и объявлено тягчайшим военным преступлением. Приказ вызвал сомнение у сподвижников Жукова. Командующий Балтийским флотом адмирал Трибуц обратился к начальнику Политуправления

РККВМФ армейскому комиссару 2-го ранга Рогову за разъяснением. Дело пошло дальше, и Г. Маленков, который тогда находился в Ленинграде, приказ Жукова отменил.

Террор для Жукова был одним из решающих средств достижения поставленной цели. Вот шифровка командующего Западным фронтом Жукова генерал-лейтенанту И.Г. Захаркину 12 октября 1941 г. «...Переходом в контрнаступление восстановить положение. В противном случае за самовольный отход из гор. Калуга не только командование частей, но и вы будете расстреляны». А что: мало ли в СССР было расстреляно не только генерал-лейтенантов, но и маршалов? Ну, а жизнь каких-нибудь лейтенантов и рядовых не заслуживала даже и отдельных приказов.

Фронты разваливались и армии таяли и от боевых потерь, и от массового дезертирства. Дабы пресечь бегство солдат и офицеров, даже генералов или «назад», в тыл, или «вперед», в плен, 16 июля 1941 года был восстановлен институт комиссаров. Командующие частями всех уровней лишились своих политических полномочий, перешедших к их заместителям по вопросам политпропаганды. Комиссарам всех уровней была вверена и «ответственность за военную работу»: войсковой командир даже в должности командира дивизии теперь не мог единолично принимать решения в оперативных и технических вопросах. Все приказы командира без подписи комиссара были недействительны, а вот приказы комиссара или политрука без подписи командующего или командира были действительны.

Одновременно, 17 июля 1941 года, особые отделы в частях, ранее подчиненные Наркомату обороны, были переподчинены НКВД. Особые отделы НКВД существовали на уровне фронтов, армий, корпусов и дивизий, а в штабе полка сидел уполномоченный начальника особого отдела дивизии со своими сотрудниками. Особые отделы дивизий располагали собственными стрелковыми командами силой до взвода: на них возлагался арест и расстрелы.

Наконец, на основании приказа № 001919 Ставки ВГК, подписанного 12 сентября 1941 года, в течение пяти дней надлежало сформировать в каждой дивизии заградительные отряды силой до батальона. Они должны были силой оружия препятствовать самовольному отступлению фронтовых частей и расстреливать беглецов. Но уже в июле 1941 года были отмечены нештатные полковые заградотряды, а в тыловых районах армий, особенно на дорогах и возле узловых пунктов расставлялись замаскированные заградительные команды для задержания подозрительных солдат и отправки их в распоряжение особых

отделов. Видимо, после изживания кризиса 1941 года заградотряды были упразднены, поскольку при возникновении нового кризиса, уже летом 1942 года, знаменитым приказом № 227 от 28 июля 1942 г. и дополнительным приказом от 31 июля под руководством особых отделов за каждой дивизией устанавливались подчиненные Военным советам армий хорошо вооруженные автоматическим оружием заградотряды численностью в 200 человек. Стрелковые роты могли «стачиваться» в боях до 10–12 человек, но 200 сытых и хорошо экипированных бойцов в тылу должны были находиться безотлагательно.

Все войны когда-нибудь оканчиваются. И армии военного времени демобилизуются. Правда, не все и не всегда. В Красной, вернее, уже Советской армии те военнотружущие срочной службы, которые были призваны перед войной, затем прошли ее и уцелели, были обязаны дослуживать тот срок, который им еще оставался: война как бы прервала их службу. Но одновременно приходили и новые призывники. И «старики», дотягивавшие свой срок, да еще и хлебнувшие войны, решили, что им можно бы и отдохнуть, а на бесчисленных хозработах за них пусть «погорбчатся» молодые. В общем-то, оно и справедливо. Но так зародилась «дедовщина». Правда, сначала она имела совершенно невинный характер, и только на излете советской истории выродилась в нечто граничившее с уголовщиной и так напугавшее позднее советское, а затем и постсоветское общество.

Не особенно улучшилось и материальное снабжение массы рядовых. Сначала страна была разорена войной, потом восстанавливала народное хозяйство, затем... Да мало ли дыр в экономике, куда требуются средства. К тому же армия постоянно переживает перманентный процесс перевооружения: военно-технический прогресс не стоит на месте. Так что те, кто прошел «суровую школу военной службы», на которой только и «воспитываются мужчины», могут помянуть и мороженую картошку, и сомнительную капусту, и холод в казармах. Ну, на то она и «суровая школа жизни».

Маргиналы

СССР советская пропаганда объявляла страной всеобщего счастья. Помнится, довоенный детский кинофильм «Золотой ключик» заканчивался апофеозом под песенку «Здесь все дети учатся в школе и сыты всю жизнь старики». Несчастных (больных, голодных, одиноких, инвалидов) здесь быть просто не могло. Быть несчастным было если не преступлением, то, по меньшей мере, проявлением нелояльности.

Во время и после войны, естественно, появилось множество инвалидов. И не просто хромых, как, например, мой отец, одноглазых, как один из моих дядьев, на худой конец, одноруких или одноногих. Инвалид на костылях, с ногой, отрезанной по самый пах, или ковыляющий на увесистой, едва ли не самодельной деревяшке (протезом назвать ее язык не поворачивается), был обычной фигурой на улицах городов и деревень. Но нередко можно было увидеть и инвалидов без обеих ног, катящих с грохотом по тротуару на самодельной тележке — нескольких сбитых дощечках на четырех шарикоподшипниках: подпираясь двумя деревянными колодками, они лихо маневрировали между прохожими. Слепые и безногие побирались по железнодорожным составам, играя на баянах и аккордеонах жалостливые песни, сидели у входов на рынки и барахолки, и слова «Папаши и мамыши, братишки и сестренки, подайте кто сколько может по силе возможности...» хорошо помнятся до сих пор.

А ведь если были инвалиды без обеих ног, то должны были быть и инвалиды без обеих рук... Довелось в первые послевоенные годы видеть и таких...

И вдруг, как бы по мановению какой-то всевластной руки, все эти безногие-безрукие исчезли с улиц. Вот еще в конце 40-х годов были, а к середине 50-х исчезли. Конечно, многие из них просто умерли: и такие увечья даром для организма не проходят, и то умеренное горькое пьянство, которому они предавались, укреплению здоровья не способствовало, да, наверное, и жалкие пенсии не больно-то способствовали этому укреплению. Но ходили очень уверенные слухи, подкрепляемые свидетельствами редких очевидцев, будто бы всех их собрали чуть ли не на острове Валаам, где для них был создан какой-то огромный то ли госпиталь, то ли приют. И будто бы там даже были инвалиды совсем без рук и ног, обрубки войны,

которых называли «самоварчиками»; будто бы санитарки вывешивали их «погулять» за окна в мешках, и там они «гуляли», пользуясь только единственной «конечностью», «краником», чтобы пописать без ущерба для постели.

Это была давняя тенденция. Правда, в 20-х годах инвалиды еще Германской и Гражданской войн безвозбранно показывались на улицах, и бездомные попрошайничали при минимальном внимании милиции, и нищие просили Христа ради. Но вот во время массового голода 1932–1933 годов, во всяком случае на Украине, города были оцеплены военными кордонами, и железнодорожные станции патрулировались войсками и милицией, не пропускавшими на улицы умирающих с голоду колхозников. Конечно, они все равно просачивались через окраины, «бурьянами», но по улицам время от времени проезжали телеги и подбирали и трупы, и до остекленения опухших еще живых. Но это были меры, так сказать, частного порядка. Однако в том же 1933 году в законодательном порядке в городах усилилась чистка городов от «паразитического элемента». В частности, шли массовые облавы на цыган и их высылка в Сибирь. Это была вялотекущая операция: в Москве высылка кочующих цыган началась еще 28 июня 1930 года. Естественно, с отправкой в спецпоселения, с привлечением к общественно полезному труду. Эти мероприятия продолжались, то затухая (в милиции тоже ведь люди служили), то усиливаясь после очередного окрика. Так, 3 апреля 1948 году Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злобно уклоняющихся от трудовой повинности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Думаю, нелишне обратить внимание невнимательного читателя на формулировку «трудовая повинность»: вообще-то труд в СССР был правом советских людей, «Делом чести, делом доблести, делом геройства».

Для того чтобы проще было отделить овец от козлищ, 11 января 1933 года началась паспортизация и прописка в Москве, куда стекалось наибольшее количество «социально вредных», «социально чуждых» и «социально опасных» элементов (официальные формулировки). 10 мая 1933 года в Москве закончилась прописка населения в домовых книгах. А 26 апреля 1933 года вышло Постановление СНК СССР «О выдаче гражданам СССР паспортов на территории СССР» и началась паспортизация в городах и рабочих поселках. Правда, когда-то В.И. Ленин называл паспорта гнусной выдумкой царизма, но это как-то забылось. «Нетрудовые элементы» из числа «бывших эксплуататорских классов», и вообще всякие «бывшие» паспортов не получали.

Не получили их и колхозники: вышло Постановление СНК СССР о за-
прещении выдавать паспорта «гражданам, постоянно проживающим
в сельской местности». И чтобы милиции было проще выявлять «асо-
циальный элемент», 23 октября 1937 года вышло Постановление ЦИК
и СНК СССР «О введении фотографий на паспорта». Теперь уж не
увернешься.

Так что можно догадаться, почему в 50-х годах вдруг с улиц Мо-
сквы исчезли инвалиды, просившие подаяния.

Конечно, нищие не исчезли. Да и как быть дряхлым старикам, поте-
рявшим на войне детей и оставшимся одинокими, например, колхозни-
кам, среди которых еще в 1960 году даже по официальным данным
8,2 миллиона человек не были обеспечены пенсиями? С огорода, с лич-
ного подворья кормиться? Да ведь кормится с личного хозяйства —
для этого силы нужны. А их уже нет... А те многие тысячи бывших рас-
кулаченных, монахов и «церковников», которые выжили и были про-
щены партией, получив возможность вернуться из спецпоселений на
родное пепелище? Ведь для получения даже минимальной пенсии тре-
бовался трудовой стаж в 5 лет, из них последние 3 года перед выходом
на пенсию. Но срок заключения и ссылки в стаж не входил, а у этих
состарившихся, больных стариков какой стаж? Какая работа? Я видел
и бывшую монахиню, обитавшую под стенами родного монастыря,
и бывших кулаков и кулачек, собиравших «кусочки».

Я помню этих жалких стариков и старух, жавшихся по закоулкам
возле магазинов и, озираясь (не идет ли «мильтон»!), протягивавших
морщинистую ладошку даже не за «копеечкой» — за куском хлеба.
Проходили они и по улицам (конечно, окраинным), стуча в ворота или
под окнами. Маленьких неслухов матери и бабки даже пугали тем, что
отдадут их старику, а тот их посадит в торбу и унесет.

Разговор здесь идет именно о взрослых, обычно очень старых лю-
дях, а не о детях, которых хотя бы отправляли в детские дома. Но все
же и эти просили милостыню. Помнится, году в 1948-м на вокзале
в Кирове меня потряс мальчишка, на руках ходивший по привокзаль-
ной площади и даже по ступенькам лестницы. Он не просто просил
подаяния, а зарабатывал свой кусок хлеба, увеселяя людей.

А дальше положение стало полностью соответствовать социально-
му оптимизму. Во-первых, при Хрущеве все цыганские таборы, где их
застал особый указ, были водворены милицией на постоянное прожи-
вание. Летом 1955 года я видел едва ли не последний бродячий табор,
длинным обозом прошедший через наше село. Говорили, что они ищут
место для постоянного поселения.

В 60-х годах получило распространение словечко «тунеядцы» — официальное название лиц, нигде не работавших, либо «не занимавшихся общественно полезным трудом». Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный и паразитический образ жизни» появился в мае 1961 года и предусматривал сначала меры общественного воздействия со стороны товарищеских судов, а для неисправимых тунеядцев — судебное преследование и высылку в отдаленные местности на срок от 2 до 5 лет. Так, в 1964 году суд признал тунеядцем молодого поэта И. Бродского, впоследствии лауреата Нобелевской премии, периодически работавшего кочегаром, рабочим в геологических экспедициях и т. п., и занимавшегося поэтическим трудом: по мнению судей, для безнаказанного профессионального занятия литературным трудом необходимо быть членом Союза писателей. В 1961 году за тунеядство было осуждено около 200 тысяч человек. Тунеядцев высылали из Москвы, Ленинграда, некоторых других крупных городов в провинциальные областные и районные города, где они пополняли ряды криминалитета, перебиваясь мелким воровством, попрошайничеством, случайными эпизодическими заработками. В 1970 году за уклонение от исполнения судебных решений о прекращении паразитического образа жизни был даже установлен срок заключения до 2 лет, в 1982 году повышенный до 5 лет. Именно в 70-м году мне довелось на окраине Кирова оказаться среди таких спившихся, покрытых синяками и ссадинами, в грязной одежде ссыльных тунеядцев. Их не было тогда в Москве, «витрине социализма», но, ой, как много в глухой провинции.

Да, были те, кто не хотел трудиться. Во времена моего студенчества ходила среди историков песенка об исторической науке. Был там и такой куплет: «Товарищ Сталин был, он всем нам был Отец. / Он строил домны, строил ГЭС и строил ТЭЦ. / При нем колхозы поднялись и слезы счастья полились, / капитализму приходил уже конец. / Но в октябре его маленечко... того. / И тут узнали мы всю правду про него: что он рабочий класс давил, / что он евреев изводил, что в лагерях сидели все до одного».

Ну, все не все, но сидело много. На 1 марта 1953 года в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержалось более 2,5 миллиона человек заключенных. Из них 1,2 миллиона были осуждены на срок от 5 до 10 лет, 573 тысячи — на срок от 10 до 20 лет и 188 тысяч — свыше 20 лет. В особых лагерях МВД содержалось более 550 тысяч человек, обвиненных в политических преступлениях

(Н.С. Хрущев (1894–1971): Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущева. 18 апреля 1994 года. Горбачев-Фонд. М., 1994. С. 113). Обратите внимание, что «политических» было менее четверти от общего числа зэков. А остальные? Разумеется, огромной была доля «бытовиков» разного рода, начиная от «двадцатиминутников», имевших дурную привычку опаздывать на работу, и баб-колхозниц, насыпавших на току в карман телогрейки пару горстей зерна, чтобы сварить кашу голодным детям. Но не менее четверти от общего числа заключенных было обычных уголовников.

Помнится, в школе учительница, показывая репродукцию картины И. Левитана «Владимирка», рассказывала, как по этой дороге шли в Сибирь, звеня кандалами, борцы за народное счастье. А у меня возникла мысль: а воры и грабители по ней не ходили? Потом, много позже прочел книги русского бытописателя С. Максимова «Каторга империи» и А. Свирского «Казенный дом», выяснил, что да: ходили, и не в малом количестве.

Советский строй унаследовал от старой России профессиональную преступность со всеми присущими ей чертами. Были и татуировки, несшие информацию о профессии владельца («регалки»), и «блатная музыка». Существовало довольно основательное подозрение, что сожжение в феврале 1917 года в Петрограде здания Окружного суда, Охранного отделения и тюрьмы Литовский замок — дело рук уголовников. Точно так же было сожжено здание архива московского Охранного отделения с богатейшей картотекой фотографий и описаний уголовников.

Конечно, великая социальная революция поглотила часть этих преступников, оказавшихся, в частности, в рядах ЧК. Но на их место пришли тысячи новых. Потому что любая война после окончания выбрасывает на улицу массу молодых здоровых мужчин, умеющих только убивать, привыкших жить на полном содержании, а если его не хватает, то, угрожая оружием, брать все, что нужно. А гражданская война, ведущаяся не только на фронте, но и, так сказать, «в тылу» (которого на самом деле нет), любой «нормальной» войне в этом отношении даст вперед 100 очков. Ведь у «белых» почти не было тыла и не было нормального снабжения, и войска кормились от «благодарного населения» (бытовал такой почти официальный термин). А махновцы, григорьевцы, балаховцы, тютюнниковцы, «зеленые» и прочие даже и такого снабжения не имели. Например, Гражданская война породила такую фигуру, как «жиган», уголовник, нередко из бывших офицеров, отличающийся особой дерзостью и лихостью. Самой обычной фи-

гурой преступного мира стал налетчик, совершавший, угрожая оружием, открытый грабеж в присутствии свидетелей.

Новая, советская милиция не имела опыта борьбы с уголовным миром. И обыватель трепетал от ужаса. Вот запись в дневнике такого обывателя: «27 февр./12 марта [1920 года]. Ужасные дела творятся в Москве. Хроника происшествий полна сообщениями о грабежах и убийствах. Из конторы Иваново-Вознесенского треста украдено мануфактуры на 180 000 000 р., в некоторых местах грабители сняли с проходящих одежду, часы, кольца, отняли деньги, — сопротивляющихся поубивали или ранили. Со склада «Обиход» в Лубянском пассаже увезли кипы полотна. Ограблено несколько квартир на десятки и сотни миллионов. В темных переходах, в задних дворах, на черных лестницах находят трупы людей, конечно, тоже ограбленных. В столовой на Самотеке ворвались вооруженные бандиты и, приказав поднять руки, похитили 160 000 000 р. А то и так: ворвутся в квартиру, убьют кого-нибудь, а ничего не утащат — что-то помешает. В детском доме № 33 похищено продуктов на 214 000 000 р. В Грохольском переулке — мануфактуры на 250 000 000, в Драматическом театре — бутафории на 2 млрд, в квартире Липова на Сивцевом Вражке разного имущества на 1,5 млрд. Положение настолько серьезно, что Президиум Московского совдепа постановил образовать немедленно чрезвычайную сессию революционного трибунала, которая должна дела о бандитских нападениях рассматривать не позднее 48 часов по задержании обвиняемых, а приговоры, вплоть до расстрела, приводить в исполнение немедленно». 26 июля он же записывает: «Идет беззастенчивое ограбление московских квартир. Оно удобно: в редком доме есть теперь швейцары и дворники. Сторожить некому. Воруют среди белого дня. Так, например, сегодня в 3 ч. дня обобрали квартиру наших соседей. Заглянуть в нее после жутко даже. Точно пришла целая шайка и хозяйничала в ней, как у себя дома. Одного «комнатного» жильца обобрали так, что он взревел белугой, — у него только то и осталось, что было на нем». 21 августа: «В Москве ограблен Народный банк на 2 700 000 р., экспроприаторы разбежались невредимыми».

В массовом представлении деятельность ВЧК, МЧК и губернских ЧК была направлена только против подлинных или мнимых контрреволюционеров. На самом деле уголовная преступность также рассматривалась как контрреволюция, и чекисты, обладавшие правом внесудебной расправы, пользовались им чрезвычайно широко. Воспоминания «сидельцев» полны сведений об уголовниках, сидевших в подвалах Большой и Малой Лубянки вместе с «бывшими», и о постоянных вызо-

вах их по ночам «с вещами по городу». Москвич Н. Окунев, отрывки из дневника которого приведены выше, записывает 9 февраля 1920 года: «Вчера Лацис пишет в “Известиях” “правду о красном терроре”. По не совсем еще полученным сведениям оказывается, что ЧК за 2 года своей деятельности арестовали 128 010 чел., из коих 24 250 чел. освобождены, 9559 держатся как “заложники”, 9641 расстреляны, а остальные несут те или иные наказания». 16 июля 1920 года следует новая запись: «Сегодня в “Известиях” помещена “сводка” расстрелов. С 22 мая по 22 июня расстреляно всего 600 человек, в том числе 271 за дезертирство и саморанение и 13 за буйство и пьянство. 19 июля/1 августа. Еще “сводка” о приговоренных к расстрелу за время с 22 июня по 22 июля. Всего 898 человек, из коих “за дезертирство и саморанение” 517 человек». Дело доходило до того, что 25 января 1919 года в «Известиях» на первом месте был опубликован приказ Ленина ВЧК: «Ввиду того, что налеты бандитов в Москве все учащаются, и каждый день бандиты отбивают по нескольку автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается принять ВЧК самые срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами». Оно и понятно: накануне в Сокольниках остановили автомобиль самого Ленина с Крупской и ограбили.

Постепенно борьба с преступностью была введена в рамки. В 1926 году был создан Уголовный кодекс, сменивший «революционное правосознание». В нем рядом с одиозной 58-й статьей соседствовала 59-я. В своей основе она была направлена против бандитизма. Если до ее появления для подведения бандитов под расстрел ревтрибуналам нужно было найти в деяниях подсудимого контрреволюционную подоплеку, то теперь этого не требовалось; любое преступление против «порядка управления», хотя бы и совершенное без «контрреволюционных целей», рассматривалось как преступление против советской власти. Едва ли не первым ее применением было громкое «Чубаровское дело» — о групповом изнасиловании в Ленинграде, совершенном молодыми рабочими в саду «Кооператив» в районе Чубарова переулка. На беду насильников, их жертвой оказалась комсомолка. В итоге из 22 подсудимых 7 человек были приговорены к «высшей мере социальной защиты», остальные получили от трех до семи лет, которые отбывали в Соловецком лагере.

Вот краткая хроника борьбы с преступностью и «преступниками» разных мастей. 25 мая 1930 года был создан Осодмил — Общество содействия милиции и уголовному розыску. В 1932 году он был заменен более известным Бригадмиллом — бригадами содействия милиции, до-

бровольными организациями молодежи, преимущественно комсомольцев. 7 марта 1934 года была введена уголовная ответственность за мужеложество. Ранее гомосексуалисты спокойно собирались в саду «Эрмитаж». Теперь им грозило до 8 лет лишения свободы. Остряки назвали этот указ «Подарком женщинам к 8-му марта». Но эти хотя бы не угрожали спокойствию и жизни мирных граждан, так что преступниками их можно назвать с большой натяжкой, лишь потому, что они нарушали дурацкий закон. 29 марта 1935 года вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах по борьбе с хулиганством». На милицию возложен контроль за изготовлением и сбытом холодного оружия. 7 апреля 1935 года появилось Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Предписывалось «несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, в убийстве или попытках к убийству привлекать к суду с применением всех мер уголовного наказания», т. е. вплоть до расстрела. 16 марта 1937 года в составе Главного управления милиции НКВД СССР был образован отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС). 7 декабря 1939 года разгул хулиганства вызвал к жизни постановление президиума Моссовета: «Лица, совершающие хулиганские действия, как то: назойливое приставание к гражданам, ругань, пение песен непристойного содержания, внезапные окрики с целью испуга окружающих, намеренное толкание прохожих и другие озорные выходки на улицах, в местах общественного пользования, бараках, квартирах и т. п., подвергаются в административном порядке штрафу до 100 руб. или исправительно-трудовым работам до 30 дней». В 1940 году во всех районах Москвы стали действовать дежурные камеры народных судов, открытые до 12 часов ночи. Они рассматривали дела о хулиганстве, не требующие предварительного расследования. Хулиганы после задержания милицией вместе со свидетелями направлялись в камеры и их дела сразу же рассматривались народным судом.

Хотя с началом войны «весь народ, как один человек, сплотился вокруг Коммунистической партии», хулиганить, воровать и грабить он не прекратил. 14 февраля 1942 года газета «Вечерняя Москва» сообщила: «Работая кладовщиком на продовольственной базе Кировского треста столовых, И.М. Титков занялся хищением. За два месяца преступнику удалось расхитить со склада больше 9 тонн картофеля. Чтобы скрыть преступления, Титков представлял фиктивные документы — накладные об отпущенном им якобы картофеле в адрес различ-

ных организаций. Кроме того, Титков выдавал расчетные листки на получение денег своей жене и ее приятельнице Клейменовой, в действительности никогда не работавшим у него на складе. Титков приговорен к расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ему имущества». Конечно, это случай единичный. Но вот преступность как явление не была единичной. По справке управления коменданта Москвы от 9 августа 1942 года, «с 20 октября прошлого года по 1 июля с. г. задержано 830 060 человек. На месте расстреляно за антисоветскую агитацию 13 человек... Шпионов и диверсантов разоблачено 84. За распространение контрреволюционных слухов задержано 906 человек. За грабежи, убийства и расхищение социалистической собственности задержано 13 022 человека. Дезертиров разоблачено — 106 120 человек. Выявлено уклоняющихся от военной службы — 24 651. Привлечено к административной ответственности 233 279 человек. Отобраны подписки о выезде из Москвы у 123 025 человек. Направлены в маршевые роты... 125 579 человек. Приговорены к высшей мере — расстрелу — 887. Осуждены к тюремному заключению на разные сроки Военными трибуналами — 44 1268... Нарушение режима осадного положения выразилось главным образом в хождении граждан военнослужащих по улицам города после 24.00. Таких нарушителей было задержано 116 520 человек». Итак, только по Москве за 8 месяцев 13 000 человек попались на грабежах, убийствах и «расхищении социалистической собственности».

Но вот настал долгожданный День Победы. Все ликуют, а преступники продолжают свое дело. И 8 декабря 1945 года появился приказ НКВД СССР «Об усилении борьбы с преступностью в г. Москве»: была значительно увеличена численность милиции и оперативного состава уголовного розыска. Весьма своевременная мера. Вот 13 декабря учитель из Загорска Волков записывает в дневнике: «Разговоры о грабежах и убийствах. Шайка “Черная кошка”, появившаяся в Москве. Все кошмарно». На следующий день, 14 декабря, совершив квартирную кражу со взломом на ул. Усачева, преступники оставили записку: «Взяла Черная кошка». Об этой «Черной кошке», про которую снят популярный кинофильм, я совсем маленький (4 года) слышал даже в крохотном Шадринске за Уралом: у нас украли козу, и говорили, что это дело «Черной кошки». Помянул о ней и мемуарист Геннадий Русский: «Осталось от тех дней впечатление голодной серости и нависшего над всем беспросветного мрака. Будто и дней не было, а царила крошечная, первозданная ночь. В темноте уходил я в школу, в темноте приходил. На улице не было видно встречного человека, только столк-

нувшись вплотную. Жутковато было ходить по городу. Ходили самые страшные слухи об ограблениях. Той трудной осенью—зимой 42–43 гг. рассказывали о фантастической неуловимой банде “Черная кошка”, и не только в Саратове, эта банда, по слухам, гастролировала по всему Союзу, появляясь в разных местах и благополучно исчезая после дерзких налетов».

Министр внутренних дел докладывал Сталину: «В 1946 г. по г. Москве зарегистрировано 20 785 преступлений, в том числе: вооруженных грабежей — 231 (раскрыто 177 случаев); невооруженных грабежей — 454 (раскрыто 366 случаев); кража всех видов — 11 122 (раскрыто 8046 случаев). Из числа совершенных уголовных преступлений в 1946 г. более 90 % оперативными органами Московской милиции было раскрыто. За 1946 г. за уголовные преступления в Москве было арестовано 17 580 человек; из них за вооруженные и невооруженные грабежи — 1192 человека... Анализом проверки арестованных преступников установлено, что из общего количества привлеченных к ответственности 49 % составляет молодежь в возрасте от 16 до 25 лет. В числе привлеченных 38 % — лица без определенных занятий и 25 % — ранее судимые по различным статьям Уголовного кодекса». Преступления нередко отличались чрезвычайной дерзостью. 15 апреля 1949 года в Московский финансовый институт кассиры Тимакова и Никитина в 6 часов вечера привезли 258 тысяч рублей зарплаты. Когда они вошли в вестибюль института, их расстрелял из пистолета молодой человек, скрывшийся после этого, сев в поджидавший его у входа легковой автомобиль «Победа». Это был 25-летний Павел Андреев, известный под кличкой Пашка-Америка. 20 мая он был арестован и получил 25 лет заключения.

Естественно, что питательной средой преступности была малолетняя шпана — безнадзорные дети городских окраин и трущоб. Особенно усилился процесс криминализации подростков во время Великой Отечественной войны. «Дети люмпенов, конечно, всегда зло больших городов, — размышлял современник. — Их плодили и плодят наши трущобы, а в то время Москва была городом сплошных трущоб. Война, разрушенный быт, безотцовщина множили уличную погань. Подготовительную школу блатной жизни они проходили рано, да и наука эта им просто давалась. В Саратове тоже были свои шпанята, но столичные превосходили их своей наглостью и цинизмом.

Не одни воровские наклонности были отвратительны в них, а их гнусное стремление унижить, оскорбить, оплевать человеческое достоинство других. С особенным сладострастием проделывалось это над слабейшими или теми, кто не умел постоять за себя. Больше чем воро-

вать (все-таки за это сажают) им нравилось безнаказанно оскорблять себе подобных... Вот идет кучка гаденышей, один подходит к тебе и говорит: “Вот на ком я зло сорву” — и щипнет или толкнет, или иначе сделает больно.

Наивысшую цену среди хулиганствующих шпанят имели прибалтненские — эти, обычно, не задирались, не разменивались по мелочам, как будущие профессионалы. Карманный воришка Фомин был тихим тщедушным шкетом. Он никого не трогал и его не трогали, потому что пырнуть ножом ему ничего не стоило. Это был профессионал от рождения. Их подражатели стремились занять “финку” или, на худой конец, “мойку”... “Мойкой” называлось лезвие безопасной бритвы, оно зажималось между указательным и средним пальцем руки. Можно было шутки ради провести им по чьему-то пальто, а можно и по лицу. Последнее называлось — “пописать”. “Мойкой” же бритва называлась потому, что “умывала” кровью: “Умылся, гад!” Множество ходило среди шпанят героических рассказов, как где-то кого-то “пописали”. Женщины в очередях боялись сказать соседке, что к ней лезут в сумку, опасаясь бритвы. А вы думали, война — это только бомбежки?».

Чистой уголовщиной преступность и борьба с нею не ограничивалась. Изначально в качестве преступления рассматривалась спекуляция — скупка и перепродажа товаров и продовольствия. Ведь она нарушала монополию государства на торговлю и приносила «нетрудовые доходы». Борьба со спекуляцией велась постоянно, хотя и без особых успехов, поскольку государство не могло преодолеть дефицит товаров народного потребления и продовольствия. Так, 13 сентября 1946 года вышло Постановление Совмина СССР «Об усилении борьбы со спекуляцией», предусматривавшее уголовное наказание в несколько лет заключения за занятия спекуляцией на постоянной основе. В дальнейшем подобные постановления появлялись неоднократно и столь же безрезультатно.

Аналогичным образом велась и борьба с самогоноварением, появившимся в России в 1914 году в связи с введением сухого закона при начале мобилизации в армию. Для борьбы с самогоноварением, нарушавшим сначала продовольственную диктатуру, а затем и винную монополию государства, пришлось ужесточать законодательство. Если УК РСФСР 1922 года предусматривал за него лишение свободы на 1 год с конфискацией части имущества, то с 1924 года изготовление и хранение для сбыта, а также торговля самогоном карались лишением свободы на срок не менее 3 лет с конфискацией всего имущества и поражением в правах на 5 лет, а самогоноварение без целей сбыта нака-

зывалось 500 рублей штрафа или 6 месяцами принудительных работ. В Москве только за самогонование «из нужды» в 1923 году было арестовано 6373 человека, в т. ч. 1514 рабочих, 549 безработных, 793 служащих, 323 ремесленника и 296 крестьян. В этом году было изъято 115 тысяч самогонных аппаратов, а в 1924 году — 135 тысяч. Половина взысканных в виде штрафов сумм поступала для поощрения сотрудников милиции, а остаток делился между «прочими лицами», способствовавшими изъятию, и местными исполкомами. Однако и милиция, и работники местных органов власти сами погрязли в пьянстве, предпочитая выпить изъятый самогон или продать его. Предпочитало казенной водке более дешевый самогон и население: в Пензенской области в 1927 году бутылка самогона стоила 38–47 копеек, а бутылка водки — 1,1 рубля. За 5 лет после начала водочной государственной торговли (1924 год) производство самогона возросло с 480 до 810 миллионов литров.

И в дальнейшем самогонование преследовалось в уголовном порядке. Так, 7 апреля 1948 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона». За изготовление и хранение самогона с целью сбыта следовало до 7 лет лишения свободы, за изготовление самогона для собственного употребления — до 2 лет лишения свободы. Брага и самогон выливались, самогонные аппараты уничтожались, самогонщиков штрафовали, а злостных — отдавали под суд. Борьба велась и методами сатиры, наиболее яркий пример которой — сатирическая комедия Л. Гайдая «Самогонщики». Самогонование и санкции против него то затихали, то усиливались, приобретая характер эпидемий (например, во второй половине 80-х годов, когда в целях борьбы с пьянством и алкоголизмом была резко ограничена торговля спиртными напитками).

Довольно характерным преступлением (с точки зрения власти) стали массовые беспорядки — стихийный, неорганизованный протест более или менее широких групп городского населения, обычно не имевший четкой направленности и вызванный тяжелым материальным положением народа, милицейским произволом или, напротив, «беспределом» хулиганов и уголовников и бездействием властей, и т. п.; нередко они имели под собой этническую почву. Поводом могли послужить самые незначительные и тривиальные события (задержание пьяного и т. п.) или даже только слухи о событии. Беспорядки имели разнообразные формы — от «волюнки» на производстве и мирных демонстраций протеста до разгрома отделений милиции и партийно-ад-

министративных или хозяйственных зданий, избиений сотрудников милиции и административных органов и т. д. Иногда выдвигались антисоветские и антикоммунистические лозунги (например, «сделаем, как в Венгрии!»). Как правило, они подавлялись усиленными нарядами милиции, иногда с привлечением воинских частей, но имели место случаи применения войсками оружия и гибели участников беспорядков. Преимущественно происходили в конце 20 — первой половине 30-х и в 1953–1960-х годах, т. е. в переломные моменты.

Массовые беспорядки в городах в конце 20 — начале 30-х годов связаны были преимущественно с крайне плохим снабжением городов продовольствием. В провинции, в небольших городах и рабочих поселках имели место случаи разгрома магазинов (преимущественно хлебных) и складов толпами женщин (аналог «бабьих бунтов» в деревне), причем милиция иногда занимала пассивные позиции: милиционеры также жили плохо. Возмущение также вызывало закрытие или разгром храмов и монастырей.

Волнения начала 50-х годов начались со смертью И. Сталина и «разоблачением» Л. Берии, хотя в ряде Особых лагерей ГУЛАГа имели место еще в 1952 году (Камышлаг, Песчанлаг, Дальлаг, Вятлаг и др.). Весной–летом 1953 и 1954 годов вспыхнули массовые волнения заключенных Горлага, Речлага, Степлага, переросшие в вооруженные восстания с массовыми жертвами с обеих сторон. На «воле» существенную роль в развитии беспорядков сыграла «ворошиловская» амнистия 1953 года огромного количества заключенных-малосрочников, в т. ч. уголовников. Результатом массовой криминализации населения, преимущественно молодежи, стал рост антимилицейских настроений, и случались настоящие «сражения» групп молодежи с милицией (наиболее крупные в городах Магнитогорске, Херсоне, Лудза Латвийской ССР, Клайпеда Литовской ССР, Енакиеве и Славянске Украинской ССР и др.). В ходе беспорядков только в 1955 году пострадало 345 человек, в т. ч. было убито 78 и ранено 89. Крупные беспорядки с участием командированных и мобилизованных на работы происходили в районах больших новостроек и на целине (массовые драки и т. п.). Особенно серьезными были события в августе 1959 года в городе Темиртау Карагандинской области, когда только из числа солдат и офицеров, подавлявших волнения, 109 человек получили ранения, в т. ч. 32 — из огнестрельного оружия, а среди участников бунта было убито 11 и ранено 32 человека (из них 5 позже умерли). Широкий размах имели бесчинства военнослужащих и призывников, а также военных строителей, особенно при следовании их в эшелонах или на местах работ. Острая напряженность возникла

в конце 50-х годов в местах расселения ряда «прощенных» партий депортированных народов, особенно чеченцев и ингушей, по пути их следования на родину и в местах прежнего проживания (кровавые события в городе Джетыгаре Кустанайской области, в городе Грозном). Многодневные волнения, приведшие к вызову войск и расстрелу демонстрантов, произошли в Тбилиси в начале марта 1956 года, когда торжества по поводу очередной годовщины смерти Сталина практически совпали с XX съездом и разоблачительным выступлением Н. Хрущева. Волнения в Грузии происходили и в других городах, а также и в 1957 году. В 1961 году серьезные массовые беспорядки произошли в городах Краснодаре (привлечено к уголовной ответственности 22 человека), Муроме (уничтожено отделение милиции, похищено большое количество оружия; осуждено 19 человек), Александрове (разгромлено отделение милиции, совершено нападение на тюрьму; четверо приговорены к расстрелу, 14 получили по 15 лет), Бийске (трое приговорены к смертной казни, 9 получили по 12–15 лет заключения).

Кульминацией стали события в июне 1962 года в Новочеркасске. Началось все с забастовки на электровозостроительном заводе: снижение рабочих расценок в крайне плохо снабжавшемся продовольствием городе совпало с «временным» повышением цен на мясо, молоко и масло. Затем была перекрыта железная дорога, разгромлено отделение милиции (один из нападавших убит). В город были введены танки, все дороги перекрыты. В горком партии (под прикрытием автоматчиков) разбираться в событиях прибыли члены Президиума ЦК КПСС А. Микоян и Ф. Козлов. Шествие рабочих к горкому КПСС, перешедшее в его разгром («вожди» трусливо бежали в военный городок и говорить многотысячной толпе было не с кем) закончилось расстрелом: убито 23 человека, множество раненых, причем некоторых из них КГБ забирало прямо из больничных палат. Семеро «назначенных» зачинщиками было приговорено к расстрелу, еще 7 человек получили по 10–15 лет.

Новый всплеск массовых беспорядков имел место на излете советского периода, в конце 80-х годов, преимущественно в национальных районах, и был связан со стремлением ряда советских республик или местной национальной элиты к независимости (события в Таллине, Риге, Баку, Тбилиси, Сумгаите, Алма-Ате и др.).

Так что в стране всеобщего счастья и труда далеко не все были счастливы и далеко не все были расположены трудиться. Но все же подавляющее большинство советских людей жило трудом.

Труд в СССР

Большевики совершили революцию, чтобы освободить трудящихся от эксплуатации. Отныне эксплуатации человека человеком был объявлен решительный бой. В плане этой борьбы была проведена национализация промышленности и сразу же по установлении советской власти повсеместно был введен 8-часовой рабочий день, а в отраслях с тяжелым и вредным производством (например, подземные работы) — 7- и даже 6-часовой; рабочий день подростков до 16 лет повсеместно устанавливался в 6 часов. В 1927 году продолжительность рабочего дня была сокращена до 7 часов. А 18 марта 1930 года введена 5-дневная рабочая неделя (4 дня рабочих, один скользящий выходной). В результате сократилась рабочая неделя. Однако в дальнейшем выяснилось, что скользящий выходной, введенный для того, чтобы на предприятиях не простаивало оборудование, крайне неудобен в повседневной жизни: у членов семьи выходные приходились на разные дни. 7 мая 1940 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении 6-дневной рабочей недели, а вскоре пришлось перейти к традиционной 7-дневной, с единым выходным днем в воскресенье. 26 июня 1941 года указом был введен 8-часовой рабочий день и семидневная рабочая неделя, а через месяц, 26 июня 1941 года, указом директорам предприятий предоставлялось право вводит в дополнение к 8 часам 3 обязательных сверхурочных часа, т. е. рабочий день увеличился до 11 часов. Вскоре после окончания войны сверхурочные 3 часа были отменены, а в 1960 году рабочий день вновь был сокращен до 7 часов, на подземных же работах — до 6 часов. У подростков до 15 лет рабочий день стал 4-часовой, и у 16–17-летних — 6-часовой. Однако в связи с введением в 60-х годах двух выходных дней в неделю (суббота стала нерабочей) рабочий день вновь увеличился до 8 часов.

Однако рабочие в ответ на эти заботы не особенно горели трудовым энтузиазмом. Во-первых, при капитализме они привыкли на неудовлетворительные условия жизни отвечать забастовками, и перенесли эту дурную привычку в эпоху строительства социализма. Москвич Окунев, внимательно читавший советские газеты, 28 марта 1920 года отмечает в дневнике: «В маленькой газетке “Коммунистический труд”... сегодня сообщается, что “за последние дни в Москве кое-где вспыхивали изредка забастовки, связанные с тяжелым продоволь-

ственным положением рабочих”. Помимо обычных забастовок, вспыхивавших все 20-е годы, прямо на рабочих местах нередко устраивалась “буза” и “волынка”. Несознательные “бузотеры” или бросали работу и поднимали крик, требуя от явившегося руководства улучшения условий труда и снабжения, повышения зарплаты, или же “волынили”, то есть работали чрезвычайно медленно или даже только делали вид, что работают».

Во-вторых, свободу рабочие стали понимать как вседозволенность и безнаказанность и начали попросту прогуливать и лениться. Тот же Окунев 10 апреля 1920 года записывает: «А у нас посмотришь на “трудовую сводку” и видишь, что “строение” все еще не налаживается, а разорение все продолжается. Вот, например, московский завод, бывший Гужона: там 1180 чел. рабочих, из коих за неделю 22–28 марта не явилось 42%, а изготовлено там за эту неделю всего только 127 п. гвоздей, 18 п. шпилек, 120 п. каната и 69 пил». Между прочим, завод Гужона — одно из крупнейших металлургических предприятий Москвы. В советское время он был более известен как «Серп и молот».

Прогулы были настолько массовым явлением, что пришлось прибегнуть к законодательным мерам: известно, что закон появляется постфактум, когда преступления или проступки становятся систематическими. Уже 27 апреля 1920 года вышел декрет Совнаркома «О борьбе с прогулами», вводивший обязательную отработку прогулянных часов в сверхурочное время и в праздничные дни. Однако эти мероприятия плохо действовали, и 16 ноября 1932 года появилось Постановление ЦИК и СНК СССР «Об увольнении за прогулы без уважительных причин». Поскольку рабочие и служащие продолжали злобно нарушать трудовой режим, в декабре 1938 года было принято постановление, предусматривавшее обязательное увольнение за 3 опоздания или других проступка за месяц, выселение покинувших предприятие рабочих и служащих в десятидневный срок из служебных квартир, подачу за месяц заявления об увольнении по собственному желанию. Последнюю преграду предприимчивые рабочие преодолевали при помощи того же закона: трижды опаздывали. Опозданием считалась задержка более чем на 20 минут, и такой прием даже получил название «сыграть в 21». Увольнения в 30-х годах, когда была изжита безработица, не пугали «летунов», «порхавших» с одного завода на другой в поисках лучших условий и большей зарплаты. А это нарушало необходимую ритмичность производства.

И тогда 20 декабря 1938 года появилось Постановление СНК СССР «О введении трудовых книжек» с января 1939 года как обязательного

документа для всех рабочих и служащих. Реально трудовые книжки были введены 15 января 1939 года. На первый взгляд это была безобидная мера. На самом же деле при увольнении в трудовую книжку заносятся причины такового, что может оказать дурную услугу ее владельцу при найме на новую работу. Введение трудовых книжек было направлено против «летунов» и «волынщиков», которые теперь стали опасаться увольнения «по статье». А за прогулы и опоздания 7 мая 1940 года было введено уголовное наказание.

Кроме того, без трудовой книжки ты вообще никуда не денешься, если администрация не отпускает тебя с предприятия. А эта мера — принудительное прикрепление трудящихся к местам работы, не заставляла себя долго ждать. 26 июня 1940 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Рабочая неделя увеличилась до 48 часов, что дало прибавку в 33 часа в месяц. Но это были пустяки. Главным было — запрещение рабочим и служащим самовольно оставлять рабочие места. Прогул карался исправительно-трудовыми работами по месту службы на срок до 6 месяцев с удержанием 25 % зарплаты. А прогулом стало считаться опоздание на работу или уход с нее, в том числе в обеденный перерыв, более чем на 20 минут. За самовольный уход с предприятия полагалось тюремное заключение до 5 лет. Дела рассматривались судами в пятидневный срок, и приговоры приводились в исполнение немедленно. Разрешить увольнение руководитель мог только в строго оговоренных случаях: при болезни, выходе на пенсию, зачислении на учебу. За уклонение от предания виновного суду руководители сами привлекались к судебной ответственности. Спустя месяц после принятия указа по нему было возбуждено более 100 тысяч дел. Но эффект от закона практически отсутствовал: прирост продукции был незначительным, а во многих случаях нулевым. Рабочие просто стали работать хуже. Кроме того, народные заседатели были склонны оправдывать подсудимых, отыскивая смягчающие обстоятельства. В законе имелась и лазейка: за мелкие кражи с предприятия должно было следовать увольнение, и рабочие широко пользовались этим, иногда настойчиво предъявляя зазевавшимся работникам проходных «украденное». Поэтому 10 августа 1940 года пришлось издать еще два указа. Один предусматривал, что дела о прогулах и самовольном уходе будут рассматриваться без участия народных заседателей, а по второму вводился

год заключения за мелкие кражи. Получить медицинскую справку становилось все труднее, т. к. на врачей также оказывалось давление и сыпались обвинения в либерализме; иногда и их привлекали к судебной ответственности.

Со временем, как это обычно бывает в нашей стране с административными мерами, указ стал работать в полурасслабленном состоянии: закрывались глаза на нарушения, усилилась практика легализации прогулов за счет предоставления кратковременных отпусков без сохранения зарплаты и т. д. А 25 апреля 1956 года указ был отменен.

В 1940 году были приняты и другие меры для повышения трудовой дисциплины. Так, выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, а также аварийность на предприятиях и транспорте приравнивались к вредительству, а за это «светила» минимум «десятка» лагерей по пресловутой 58-й статье.

Не забыты были и колхозники. Для них, как уже рассказывалось в своем месте, 27 мая 1939 года был установлен обязательный минимум трудодней. По регионам он составлял 60, 80 и 100 трудодней, но 13 апреля 1942 года этот минимум был увеличен в полтора раза: в хлопкосеющих районах до 150, в основных сельскохозяйственных до 120, в остальных — до 100. Был установлен минимум трудодней и для подростков с 12 до 16 лет — членов семей колхозников. Его невыполнение влекло за собой санкции в виде отказа в выдаче заменявшей паспорт справки для выезда за пределы колхоза (в ней непременно указывалось, что минимум трудодней выполнен), изъятию приусадебной земли «по самое крылечко» с запашкой уже посаженного огорода, и даже отдаче под суд «за саботаж»: на сей счет был издан особый указ от 2 апреля 1948 года, предусматривавший до 8 лет лишения свободы.

Начавшаяся 22 июня 1941 года война не могла не отразиться на условиях труда. Уже 26 июня вышел указ, позволявший директорам предприятий вводить в дополнение к обычным восьми часам рабочего времени 3 часа обязательных сверхурочных работ. В результате повсеместно рабочий день стал составлять 11 часов. Разумеется, самовольный уход с работы рассматривался как дезертирство и карался по законам военного времени. Кроме того, были отменены до конца войны очередные отпуска, выходные и праздничные дни. Так, 27 апреля 1942 года появилось сообщение СНК СССР об объявлении 1 и 2 мая 1942 года рабочими днями. Ближе к концу войны положение стало легче, и 5 марта 1944 года вышло Постановление СНК СССР «О предоставлении в военное время подросткам моложе 18 лет еженедельного дня отдыха и отпусков». А 1 июля 1945 года постановлением СНК

СССР были восстановлены основные и дополнительные отпуска рабочим и служащим. Отменены были и обязательные сверхурочные работы, и рабочий день снова стал 8-часовым.

Поскольку новое государство было объявлено государством трудящихся, постольку товарищ Сталин объявил труд в СССР делом чести, делом доблести и геройства. В общем, так оно и было. На всем протяжении советской истории передовики производства либо те, кого руководство за разные заслуги выдвигало в передовики, всенародно восхвалялись в печати, по радио, позже — по телевидению, на митингах и в докладах руководителей разных масштабов. Их награждали специально придуманными почетными званиями («ударник», «Герой труда» и пр.), медалями и орденами, в т. ч. специально созданными («Знак Почета», «Трудовая доблесть», Золотая звезда «Серп и молот»). Они получали за свои подлинные или мнимые заслуги ценные подарки, квартиры, премии и различные льготы. Кроме того, на заре советской власти для повышения производительности труда было введено «социалистическое соревнование» и стали проводиться «коммунистические субботники». Уже цитировавшийся москвич Окунев 3 мая 1920 года записал в дневнике: «1-е мая не праздновали. Коммунисты постановили превратить его в “Первомайский всероссийский субботник”, и, таким образом, разные советские учреждения, так сказать, “неотложного порядка”, а в том числе наш Водный Транспорт, были открыты на обычные 6 часов, а учреждения другого, “неспешного”, порядка посылали своих сотрудников или рабочих на общественные работы. Предвиделись (и может быть частью исполнены) закладки памятников, зданий, уборка строительного и уличного мусора, чистка бульваров, древонасаждения, прокладки узкоколейных дорог, ремонты паровозов, машин, пароходов и проч.

В 9 ч. утра грохнул пушечный выстрел, что знаменовало начать всякие работы, в 3 ч. другой выстрел; значит, кончай и получай каждый подарок от попечительного правительства: ½ ф. хлеба, 1 ф. масла и 3 конфетки, а в придачу бумажный «жетон», дающий право получить из советской столовой бесплатный обед и посетить какой-нибудь театр — тоже бесплатно. Хлеб, сало и конфеты мы с дочерью получили, а все прочее получить было трудно, надо было для получения обеда простоять в очереди часа три, а право на театральное удовольствие выиграть или купить». На следующий день этот бывший слуга капитала (до революции он служил в одном из частных пароходств) разразился сарказмом: «4 мая 1920 года. И в сегодняшних газетах все о первомайском субботнике. Так же умилительно пишут об участии в физических

работах самого Ленина, тащившего на плече в компании с семьей товарищами толстое бревно, как в свое время писали о десятиверстном походе царя Николая Второго в солдатском походном снаряжении». Надо сказать, что анекдоты об этом участии Ленина в переноске бревна, запечатленном фотографом, я слышал еще в 60–70-х годах.

В ночь на 31 августа 1935 года забойщик шахты «Центральная-Ирмино» Алексей Стаханов якобы выполнил за смену сразу 14 норм. Так родилось «стахановское движение» за перевыполнение норм. А вскоре Никита Изотов вырубил за смену 240 тонн угля, т. е. выполнил 33 нормы. Мой отец, работавший в те годы на соседней с «Ирмино» шахте «Иван», немного знал самого Стаханова, пригласовывал с некоторыми членами его бригады и хорошо знал подлинную подоплеку этого трудового «подвига»: просто на Стаханова работала вся смена. Ведь в нормальных условиях бригада не только «рубает уголек», но и отваливает уголь и пустую породу (сама специальность называлась — навалоотбойщик) и доставляет их к стволу, крепит проходку и т. д. Но... «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». «Стахановцы» повалили, как из мешка, во всех отраслях хозяйства: знатные свекловоды и знатные кузнецы, знатные сборщицы хлопка и знатные машинисты, знатные доярки и знатные горновые плавильных печей. Точно так же, как из мешка, посыпались аварии на производстве: ведь для установления рекордов требовалось нарушать технологии и предельные нормы нагрузки на механизмы. Правда, во всем оказывались виноваты инженеры старой школы — или «вредители», допускаявшие аварии, или «предельщики», сковывавшие инициативу передовиков.

Государство лелеяло передовиков производства, и в результате постоянно выдвигались все новые инициативы: то борьба за звание «ударника (или бригады) коммунистического труда» (я, между прочим, в 1962 году тоже стал членом коллектива коммунистического труда, но подробно рассказывать об этом не буду — вы не поверите), то выдвижение «маяков», на которых требовалось ровняться, то работа «за себя и за того парня» (как будто «тот парень», не вернувшийся с войны — какой-то бездельник и прогульщик, и за него нужно работать), то участие в «ударных стройках» (нас всем цехом тоже гоняли на такую стройку, где все ограничилось перетаскиванием строительного мусора с одного места на другое, а потом обратно). А вот рабочие «ударников» и «маяков» не любили: в результате их подвигов повышались нормы выработки, снижались расценки и сокращалась зарплата.

Чтобы советское государство было государством именно трудящихся, в Советской России изначально была введена всеобщая трудовая повинность населения. Уже в марте 1918 года Ленин писал в «Черновом наброске к новой программе партии»: «Немедленный приступ к полному осуществлению всеобщей трудовой повинности». Тогда же, в марте–апреле 1918 года, это стало одной из «Очередных задач Советской власти»: «Только исходя из этого можно правильно определить очередные задачи экономической и финансовой политики — введения трудовой повинности».

Собственно, трудовая повинность была введена несколько раньше, но только для буржуазных слоев, которых, невзирая на пол и возраст, под конвоем пока еще красногвардейцев отправляли под Петроград — рыть окопы против войск Краснова; наверное, не мешает напомнить, что генерал Краснов выступил на уже большевистский Петроград сразу после октябрьского переворота 1917 года. Эта практика использования на фортификационных работах буржуазной интеллигенции продолжалась и в последующем. Например, в 1918 году под Царицыном, на который шли войска все того же Краснова. И это были не шутки: за саботаж и сопротивление полагался расстрел на месте. В конце 1918 года ряд законодательных актов ввел трудовую повинность для всех трудоспособных граждан от 16 до 50 лет. В начале 1920 года декретировалось привлечение населения, независимо от постоянной работы, к единовременному или периодическому выполнению трудовой повинности (топливной, дорожной, гужевой и т. п.) путем мобилизации. С переходом к НЭПу сохранились лишь некоторые виды повинности (например, трудгужповинность крестьян).

Трудовое перевоспитание должно было вытравить из буржуазного сознания его эксплуататорскую сущность. Довольно ярко это произошло в смене некоторых терминов. Еще в 1918 году Ленин писал о массовом заключении тех или иных вредных «элементов» (проститутки, «кулаков», подозрительных личностей и пр.) в концентрационные лагеря. Но уже вскоре термин «концлагерь» был заменен другим, более благозвучным: «исправительно-трудовые лагеря». Ведь в концлагерях, где люди просто «сидели», «паразиты трудового народа» продолжали паразитировать: их требовалось или расстреливать, либо хоть как-то кормить. Трудно сказать, верили ли наши вожди и их «органы» в то, что подневольный тяжелый труд может на самом деле «исправить» обычного уголовника или идейного врага социализма, либо это было характерное пропагандистское ханжество, призванное прикрыть сущность рабского труда заключенных.

Во всяком случае, когда началось строительство руками заключенных Беломоро-Балтийского канала, «чекистами» стало широко использоваться словечко «перековка»: дескать, в коллективном труде, охваченные массовым энтузиазмом социалистического строительства, преступники всех мастей должны были «перековаться» в полноценных советских людей, беззаветных тружеников. Времена были еще вегетарианские, так что для уцелевших даже действовала система зачетов — некоторого сокращения срока заключения. Энтузиастом трудового перевоспитания малолетних преступников и беспризорников был и апостол советской педагогики А. Макаренко.

Впрочем, то ли энтузиасты трудового перевоспитания из ОГПУ были через несколько лет расстреляны, а новых не нашлось, то ли уже они разочаровались в результатах этого перевоспитания, но в середине 30-х годов словечко «перековка» было прочно забыто, и сохранилось только название «исправительно-трудовые лагеря». Впрочем, даже в самые страшные времена в них функционировала «культурно-воспитательная часть».

Хотя принципы трудовой повинности не отменялись, массовое привлечение к ней населения приходилось лишь на кризисные периоды. Таким периодом стала Великая Отечественная война. В первые дни войны еще никто не ожидал, что она примет такой трагический характер, тем не менее, уже с 22 июня 1941 года в местностях, объявленных на военном положении, военным властям разрешалось мобилизовать трудоспособных граждан для выполнения оборонных работ, участия в борьбе с пожарами, охраны путей сообщения и т. д. Привлекались граждане от 18 до 40 (женщины) или 45 (мужчины) лет; освобождению подлежали беременные за 8 недель до родов и роженицы в течение 8 недель после родов, а также женщины, имевшие детей до 8 лет при отсутствии в семье других лиц, способных ухаживать за детьми. 13 февраля 1942 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». А с 10 августа 1942 года к трудовой повинности уже на территории всей страны на срок до 2 месяцев с 8-часовым рабочим днем и тремя часами обязательных сверхурочных работ привлекались лица с 16 до 55 (мужчины) или 45 (женщины) лет; освобождались беременные и роженицы, женщины с малолетними детьми и инвалиды 1-й и 2-й групп. Привлеченные могли использоваться как в местах постоянного проживания, так и в других местностях. За привлеченными сохранялись их рабочие места по постоянному месту работы (зарплата выплачивалась предприятиями и учреждениями)

и жилплощадь. Уклоняющиеся от исполнения трудовой повинности несли ответственность по законам военного времени, самовольный уход преследовался в уголовном порядке. Советская пропаганда утверждала, что миллионы советских людей героически и самоотверженно участвовали в работах на основе трудовой повинности. Называлось это — трудовой фронт. Большие группы принудительно мобилизованного трудоспособного населения, почему-либо не мобилизованного в действующую армию, были организованы в трудотряды, трудармии, рабочие батальоны, наподобие воинских частей, с воинской дисциплиной, и направлены на выполнение массовых работ: строительство полевых укреплений, расчистку от заносов железных дорог, строительство предприятий в необжитой местности, заготовку топлива, прополку и уборку урожая и т. п. За 1941–1945 годы на трудовой фронт были мобилизованы десятки миллионов людей; так, только на сельхозработы в 1942 году было мобилизовано 4 миллиона человек, в 1943 году — 2,8 миллиона, в 1944 году — 3,3 миллиона.

Так право на труд было подменено обязанностью («повинностью») трудиться. А те, кто не трудился, т. е. не числился формально где-либо на работе, стали официально именоваться тунеядцами. Этих «трутней» (словечко из прессы 50–60-х годов) не просто клеймили: 4 мая 1961 года вышел Указ Президиума ВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». За тунеядство полагалась высылка в отдаленные местности на срок от 2 до 5 лет, с непременным трудоустройством. В 1961 году за тунеядство было осуждено около 200 тысяч человек. Тунеядцев высылали из Москвы, Ленинграда, некоторых других крупных городов в провинциальные областные и районные города. Правда, трудиться многие из них по-прежнему не хотели и от трудоустройства уклонялись, а высылать дальше их было уже некуда. Они пополняли ряды криминалитета, перебиваясь мелким воровством, попрошайничеством, случайными эпизодическими заработками. И в 1970 году за уклонение от исполнения судебных решений о прекращении паразитического образа жизни был установлен срок до 2 лет заключения, в 1982 году повышенный до 5 лет.

Даже неработающие домохозяйки иногда подвергались неофициальной дискриминации: я столкнулся с этим, когда моя мать заболела раком.

Любой труд, хоть добровольный, хоть принудительный, сопряжен с его производительностью. А производительность труда, особенно принудительного, у нас была невысока и росла медленно. И самым

действенным способом «повышения» производительности труда (и получения премий) были приписки, также родившиеся вместе с советской властью. Например, в Петрограде завод Эриксона представил данные, будто бы производительность труда на нем равна довоенной, 1913 года, а при проверке выяснилось, что не достигнуты даже 5 % довоенной производительности. Ведь ведущей аксиомой советской экономики было: важно, не как сделаешь, важно, как отчитаешься. Хотя перед ближайшим начальством, хоть перед всей страной на очередном историческом съезде КПСС. Приписки и искажения в отчетах стали нашей традицией. Назывались они — «туфта». Как говаривали перековывывавшиеся ээки на Беломоро-Балтийском канале: «Без туфты и аммонала не построить бы канала». Между прочим, это странное словцо шуточно расшифровывалось как «Техника учета фиктивного труда», хотя, кажется, все же происходит оно от букв, писавшихся на «личном деле» политических заключенных — ТФТ, «тяжелый физический труд». И «гнали туфту» повсюду. Писатель В. Солоухин в своих очерках «Владимирские проселки» рассказывал, как в их местности при строительстве шоссе в собранные кучи булыжника для мощения (это была обязанность местных колхозов) закладывались для увеличения объема здоровенные пни. Это — «на воле», где контроль слабый. А вот А. Солженицын в своем «Архипелаге ГУЛАГ» объясняет приемы туфты, или, как он выражается, «тухты», в «исправительно-трудовых» лагерях, где, вроде бы, контроль, был ух, какой строгий.

Поэтому среди рабочих более всего ценился тот «бугор» (бригадир), который мог умело «зарядить туфту» в наряде на работы: за счет подноски, подъема груза, характера грунта при земляных работах и т. д. Мне самому пришлось столкнуться с этим, подрабатывая грузчиком.

Помимо низкого роста производительности труда, медленно, но верно шло падение профессионализма, т. е. понижение качества труда и, естественно, его результатов, продукции. Главная причина этого — сознательный, с упорством проводимый курс на уравниловку под видом «экономии фонда зарплаты». «Упорядочение заработной платы» в 1956–1965 годах привело к сокращению числа разрядов с 8 до 6, а разрыв в тарифных ставках рабочих основных отраслей промышленности уменьшился с 3,5 до 1,5–1,7 раза. Социологические исследования, проведенные в Уфе в 70-х годах, показали, что рабочие, которые оценивались мастерами как очень добросовестные, получали в месяц заработную плату на... 13 руб. больше, чем те, кто трудился недобро-

совестно. А в начале 60-х годов я, работавший по 4-му разряду, получал вдвое меньше моего учителя, модельщика 8-го разряда.

Существенную роль в ухудшении положения реально работавших людей играли так называемые «подснежники» — те, кто числился рабочими, а фактически были заняты в управленческом аппарате (парткомы, профкомы, комитеты комсомола) или около него — разного рода инструкторы, художники, шоферы служебных легковых машин, банщики и т. д. Общая численность «подснежников» по стране к концу советской эпохи составляла от 4 до 5 миллионов человек. Они, естественно, являлись потребителями (заработная плата, часть фонда материального поощрения, премии, очередь на квартиру, детский сад, путевки и т. д.), содержание которых относилось к себестоимости продукции. В 20-х, 30-х, 40-х, даже 50-х годах «рабочая аристократия» — это специалисты высочайшего класса, гордившиеся своим мастерством и несколько свысока поглядывавшие на «пыль подколесную». В позднесоветских условиях «рабочая аристократия» — это прихлебатели при заводской администрации, занятые прежде всего в сфере «общественной активности»: записной оратор на собраниях, застрельщик починов, в общем, прохиндей, вещающий «от имени рабочего класса», но презираемый рабочими.

После октября 1917 года страна, как известно, начала преодолевать массу трудностей. В том числе трудности были и с работой. С одной стороны, рабочие, кто мог, разбежались по деревням, и численность рабочего класса сильно упала. А с другой — в стране царила страшная безработица — отсутствие в стране рабочих мест при избытке рабочей силы, квалифицированной или неквалифицированной. В предреволюционной России число безработных, преимущественно неквалифицированных, из крестьян-отходников, составляло менее 3% к общему количеству самодеятельного населения, и в зимний сезон достигало 400–500 тысяч человек. В период Первой мировой войны, напротив, в связи с массовыми мобилизациями на фронт и ростом промышленного производства возник дефицит рабочих рук. В послереволюционный период на долгие годы безработица стала самым страшным, наравне с голодом и тифом, бичом населения. Резкое обострение ее имело место уже в 1918 году в связи с демобилизацией царской армии и военной промышленности: на только что созданных биржах труда на учете стояло до 800 тысяч человек. Затем, в связи с резким ростом численности Красной армии и сильнейшим оттоком населения из городов в деревню, вызванным голодом и холодом, в промышленности возник дефицит рабочей силы. Но с переходом к НЭПу и посте-

пенным восстановлением производства безработица снова обострилась.

В период с 1923 по 1926 год число работающих членов профсоюза выросло на 3,2 миллиона человек (64%), а число безработных членов профсоюза — на 726 тысяч (17%); количество безработных — не членов профсоюза, учету не поддавалось. Это было связано с усиленным притоком рабочей силы из деревни и т. н. мелкобуржуазных слоев города. В 1924 году в стране был миллион безработных, а во второй половине 20-х годов число безработных превышало уже 1,5 миллиона человек, а прирост их колебался от 108% в 1922–1923 годах до 16% в 1925–1926 годах. Среди безработных в незначительной степени преобладали лица интеллектуального труда — конторские служащие низшей квалификации: в июле 1924 года из 1344 тысяч безработных лиц индустриальных профессий было 354 тысячи, чернорабочих 379 тысяч, интеллектуального труда — 413 тысяч; в 1928 году бывшие служащие составляли 50% безработных. Безработные, работавшие по найму определенное время и зарегистрировавшиеся в течение определенного периода, получали небольшое пособие: из 8321 тысяч застрахованных на июнь 1926 года безработных пособие получали 372 тысячи человек. К концу 1930 года в связи с переходом к индустриализации страны, а отчасти и с репрессиями, в результате которых массы людей из т. н. «лишенцев» были «обеспечены» принудительным неквалифицированным трудом, безработица в СССР практически исчезла. 13 марта 1930 года закрыта Центральная биржа труда. Официально ликвидирована безработица. 9 октября 1930 года Наркомтруда постановил послать 140 тысяч безработных, зарегистрированных на бирже, на работу и прекратить выдачу пособий по безработице.

Одним из важнейших условий любого труда является его охрана. Забота о безопасности труда и прочих социальных мерах все же имела место. Это давно началось: еще в 80-х годах XIX века, после знаменитой Морозовской стачки. Тогда впервые было создано рабочее законодательство: с запрещением детских и женских ночных и подземных работ, с примитивным, но все же социальным обеспечением. И для наблюдения за исполнением законодательства была создана фабрично-заводская инспекция. Так что основа была. Но после Великого Октября перемены стали зримыми, это нужно признать. Были увеличены пенсии, вводились отпуска, для женщин вводился отпуск по материнству и сокращался рабочий день матерей, кормящих грудью. Всего же с 1 января 1918 года по 1 июня 1921 года было издано 210 законов об охране труда и социальном обеспечении. Но вот что интересно: жен-

ские ночные работы были запрещены еще законами 1880-х годов, а у нас в литейном в начале 1960-х годов формовщицы работали в ночную смену: сам видел. То ли о царских законах забыли, то ли формовщицы самовольно нарушали законодательство, то ли гуманные советские законы о ночных сменах позабыли... Охрана труда... Нет, конечно, она была. Во всяком случае, в каждом цехе был инженер по технике безопасности. Однако...

Во-первых, в советскую эпоху из дореволюционного периода плавно перекочевали старые предприятия с цехами темными, тесными, лишенными вентиляции. А за годы Гражданской войны и разрухи они еще более обветшали. В Москве в конце 1918 года «в Лефортово много текстильных фабрик, санитарно-гигиеническое состояние их очень плохое. Всюду старые машины, без ограждений, вентиляции почти нет. Охраны материнства, труда малолетних и женщин до возникновения инспекции не было. Не только администрация, но и рабочие организации, занятые политической и хозяйственной жизнью, очень мало обращали внимания на охрану труда. Бывали случаи, когда женщины уходили с работы за час до родов». Аналогичное известие в начале 1919 года приходит из Иваново-Вознесенска: «Положительно на всех предприятиях условия работ прямо-таки невыносимы и явно губят здоровье работников: всюду грязь, по стенам сырость, вентиляция отсутствует, от этого воздух всегда испорчен. На некоторых текстильных фабриках скопление испарений достигает таких размеров, что становится трудно различать предметы на расстоянии одной сажени. При некоторых фабриках имеются столовые, но крайне скверно оборудованные, помещения страшно малы. Стены и потолки в них содержат столько грязи, что покрылись толстым слоем грязной пыли: предметами столовые снабжаются теперь особенно плохо. Отсутствие почти всюду умывальников не позволяет мыть после работы руки перед принятием пищи». На Коломенском паровозостроительном заводе в апреле 1919 года «большинство мастерских старые... Это грязные и темные сараи без потолков, с выбитыми или совершенно черными от копоти стеклами; ветер гуляет во все стороны. Отопление в большинстве мастерских отсутствует. Зимой перед началом работ отчаянно холодно. В литейной промерзает земля. Во время работы горнов и печей температура становится страшно неравномерной. У печи сильный жар, а сбоку поддувает из ворот со щелями и разбитых окон холодный ветер. Понятна частота простудных заболеваний у работающих там кузнецов, молотобойцев, котельщиков, литейщиков и других, особенно если принять во внимание напряженность их работы с раскаленными болванками или расплавленным металлом. Чтобы со-

греть мастерские, повсюду горят “жаровни” или просто костры на металлических листах, с варящейся в котелках картошкой. Жаровни наполняют воздух дымом... и весь дым и продукты горения поступают прямо в воздух мастерских. Точно так же общая механическая вентиляция за редкими исключениями... отсутствует или совершенно недостаточна. Кое-где имеются верхние фонари, но они открываются лишь сверху и обычно закрыты, а зимою совершенно занесены снегом. Местная вентиляция — удаление пыли, дыма и газов с места их образования ничуть не лучше».

Политические перемены привели только к сокращению рабочего дня и отмене штрафов: прочие условия труда сохранились в дореволюционном виде и даже должны были ухудшиться в связи со всеобщим увлечением политикой в 1917–1918 годах. В конце концов, выбитые стекла в окнах и осветительно-вентиляционных фонарях — дело рук самих рабочих, а копать на стеклах или щели в ворота — проявление нерадения тех же рабочих и новой, советской администрации. Революции меняют политический и социальный строй, а не технологии производства. Для коренного изменения условий труда нужна техническая революция. Так что мой отец, в 20-х годах работавший в Донбассе на шахтах и саночником, и коногоном, и навалоотбойщиком, и крепильщиком, работал так же, как его отец в 900-х.

Навалоотбойщик лежа в забое на боку или сидя, скорчившись в три погибели, обушком (одноклювая кирка) подрубал пласт угля снизу, а потом обрушивал его; лежа или скорчившись потому, что пласт угля обычно тонкий, а рубить или подавать на-гора пустую породу не выгодно. Когда он добывал столько угля, что уже сам себя почти хоронил под ним, — брал лопату-угольницу и, все так же лежа или сидя, отгребал уголь назад, себе за спину, а потом ссыпал его в санки — большой деревянный ящик на цельных полозьях, подбитых железом. Затем саночник надевал на себя широкую лямку и тащил эти санки, идя на четвереньках. В штреке, который был уже повыше и имел бревенчатую крепь, уголь перегружался в вагонетку, в которую была запряжена лошадь, и коногон, стоя сзади на вагонетке, гнал лошадь к стволу. Поскольку для экономии свод штрека тоже был невысок, коногоны частенько разбивали головы о крепь; об этом даже была старинная шахтерская песня: «Гудит над шахтою сирена, бежит народ толпой густой, / А молодого коногона несут с разбитой головой».

В 40–50-х годах в учебниках для младших классов типичны были картинки: «Прежде и теперь»: как жили и работали трудящиеся до революции и при советской власти. Помню, была и картинка с изображе-

нием труда шахтеров. По поводу нее отец и рассказал мне, как он сам работал — уже после революции.

С началом индустриализации на предприятия хлынули массы новоиспеченных рабочих из деревни, впервые в жизни увидевших сложную технику. Ну, как не попробовать остановить вращение шкива, сунув в него ломик? Интересно же! К тому же с трибун, из радиорепродукторов, со страниц прессы несло пресловутое «Даешь!», «Пятилетку в 4 года!», «Пятилетку в 3 года!». И многие, особенно молодежь, верили в это «Даешь!». Какие предельные нормы нагрузки на механизмы? «Даешь!». Результат — множество тяжелых аварий с человеческими жертвами.

Ну и добавьте к этому наше национальное разгильдяйство. У доброй половины моих товарищей по модельному цеху не хватало то одной, то нескольких фаланг пальцев. Ведь толкатель висит рядом с фугочным станком. Нет, надо до самого конца, до упора подавать доску рукой...

Война потребовала от тыла если не энтузиазма, то, во всяком случае, непосильного труда. Да и что же это было — 12–13-летнему мальчишке отстоять 11-часовую смену, особенно ночную. Ведь «все для фронта, все для победы», — никто физическими возможностями этих малолетних голодных рабочих не интересовался. А даже самые простые, бесконечно повторяющиеся, монотонные операции у механизмов требуют внимания. Что может быть легче и проще — сунуть 50- или 100-граммовую заготовку в зажимы неостанавливающегося резьбонарезного станка (сам немного работал на нем)? А в голове гул, а в глазах рябит и спать хочется ужасно. Восхищаясь популярной фотографией маленького токаря на приставленном к станку ящике, никто не думает, чем нередко кончалась такая работа. Да эти восхищающиеся сами ни минуты у станка не стояли.

И, разумеется, в условиях войны, массовой эвакуации предприятий и ускоренного строительства цехов на пустом месте приводило к тому, что цеха эти были, по существу, временками, опять тесными, плохо освещенными и лишенными вентиляции, даже без питьевой воды и канализации. Я сам работал в такой временке — бывшем гараже постройки 1942 года, где десяток визжащих деревообделочных станков стоял рядом с верстаками. До сих пор страдаю тугоухостью. И отхаркивались мы зеленой гнойной слизью от попавшей в дыхательные пути и загнившей древесной пыли.

Тем не менее заходившие к нам люди из других цехов с завистью ахали и вздыхали: «Как у вас хорошо!..» И верно. Если сравнивать

с земледелькой, где шаровые мельницы перемалывают формовочную землю, с формовочным отделением, где в этой земле копошатся женщины (работа требует огромного внимания и точных движений), с обрубкой «мелкого» литья, где на наждачных кругах снимают ненужный металл с отливки, ворочая ее на весу, а особенно с обрубкой крупных отливок. У нас это были огромные изложницы для разливки металла в мартеновском цеху. Описывать не буду. Скажу только, что в определенные моменты, когда обрубщик лил на горячую отливку воду из брандспойта, остужая ее (работать ведь нужно, некогда ждать, когда она сама остынет) или когда выбивал из нее перегоревшую формовочную землю, с отдельного цехового двора, где все это проделывалось, убегали все, кто мог. А обрубщик дышал этим. А потом с тяжелым перфоратором лез внутрь изложницы и, лежа в ней, выглаживал ее, чтобы потом слиток металла легко выскользнул из изложницы.

Платили за эту работу, конечно, неплохо, но никто просто так на нее не шел, так что за год работы на обрубке такого литья давали квартиру. Из-за квартиры и шли. Правда, недолго сами обрубщики этими квартирами пользовались: больше для семьи старались. Потому что умирали, иной раз не дожив до пенсии, от силикоза.

А то была еще у нас на заводе флюсовая мастерская: готовила флюс, подсыпавшийся из электросварочного автомата на шов. Флюс этот получали из флюорита, или плавикового шпата. Красивый такой минерал, стекловидный, полупрозрачный голубой или бледно-зеленый. Ударишь слегка по нему, и он распадается на правильные кристаллы-параллелепипеды. У нас в районе пустые витрины магазинов слоем этих кристаллов засыпали, чтобы не так страшна была зияющая пустота.

Вот этот флюорит и размалывали в мастерской на шаровых мельницах. Так, и мастерской-то назвать трудно: грязный такой сарайчик с вытяжными трубами над ним. Из модельного цеха к проходной как раз мимо этого сарайчика удобно было идти. Но у нас немногие мимо него ходили. Как-то иду с одним стариком после работы: «Пойдем мимо флюсовой». — «Нет! Ты что! Я никогда мимо не хожу! Лучше крюк сделаем, обойдем! Там ведь знаешь, что!»

А там всего-навсего пыль. В ней огромное количество марганца. И когда он попадает в дыхательные органы, а затем в кровь, то начинает разлагать красные кровяные тельца. И начинается белокровие — как при радиоактивном облучении. Поэтому те, кто работал в флюсовой, по закону выходили на пенсию очень рано. Молодыми выходили. Но наше государство знало, что делало, и на этих ранних

пенсиях не разорялось: недолго флюсовики ими пользовались. Начинались самопроизвольные кровотечения из носа, одышка, испарина, слабость... Фильм «Девять дней одного года» видели? Но там, конечно, героизм ученого-атомщика. А здесь — простая и грязноватая повседневность.

Конечно, государство, создавшее водородную бомбу и баллистические ракеты, выведшее на космическую орбиту спутники, было способно создать полностью автоматизированную систему производства флюсов, с таймерами, дозаторами, пылепоглотителями... Но зачем? Производство примитивное, рабочие низкоквалифицированные, и на пенсии долго тратиться не приходится.

Напоминаю: это было начало 60-х годов в большом индустриальном городе на крупном и богатом заводе, боровшемся за звание предприятия коммунистического труда.

Конечно, создавались новые заводы, строились новые цеха... В кинохронике то и дело мелькали ровные ряды работниц в белых халатах, занимающихся сборкой часов. И верно. В сборочном цехе часового завода пыли и шуму нет места, да и взяться им неоткуда. А вот, скажем, штамповочные цеха тех же часовых заводов не показывали — антураж не тот, в белом халате там делать нечего. Показывали в кинохронике и новые бытовки: с зеленью, аквариумами, тихой музыкой для релаксации рабочих. И это было, даже на нашем заводе в новых цехах.

Но старые заводы и цеха... Уж привычный я был ко многому, но заходить в цех № 1, «маннесман», где катали цельнотянутые трубы и где мощные прошивочные станы пробивали насквозь огромные раскаленные слитки стали, чтобы потом раскатать из них трубы, было жутковато.

И все же люди работали, иногда даже самозабвенно. Забывая и о пыли, и о грохоте, и о сквозняках. Так, герой повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», зэк, забывает обо всем за кладкой стен в морозный день. Кто привык работать, тот невольно втягивается в работу, забываясь в ней, как заморенная кляча вляется в хомут и вдруг, забывая о кнуте, шаговито тянет телегу.

Этой привычкой к труду и пользовались наши вожди, называя это трудовым энтузиазмом, который вдохнула в рабочее сознание Коммунистическая партия.

Труд требует и отдыха. В том числе и длительного — отпуска. До революции вопрос об отпусках был абсолютно нерешен, и для каждой социальной группы государственных или частных служащих решался

отдельно. Большевики до революции в своих программах по рабочему законодательству требовали оплачиваемых месячных отпусков. Декрет от 14 июня 1918 года вводил «Временные правила о отпусках»: для всех устанавливался двухнедельный отпуск и отменялись все ранние соглашения о больших сроках. Таким образом, обещанные перед революцией месячные отпуска сократились до 12 рабочих дней.

В дальнейшем закон об отпусках трудящихся незначительно менялся. Сумма оплаты рассчитывалась, исходя из среднемесячного заработка за последние 12 месяцев, причем учитывались все виды выплат (премии и пр.). Время отпуска колебалось, в зависимости от места работы и должности, от 12 до 48 рабочих дней. Помимо основного, так называемого очередного отпуска, некоторым категориям работников (на производстве с вредными условиями, с ненормированным рабочим днем, в районах Крайнего Севера и отдаленных местностях) предоставлялся дополнительный отпуск от 6 до 36 рабочих дней. Отпуск должен был предоставляться по истечении 11 месяцев работы. Составлялись скользящие графики отпусков, чтобы все могли, рано или поздно, отдохнуть летом; летние отпуска непременно предоставлялись студентам-вечерникам и заочникам средних специальных и высших учебных заведений, учащимся вечерних школ, матерям с маленькими детьми и преподавателям учебных заведений. При наличии весомых обстоятельств мог предоставляться внеочередной отпуск за свой счет, без сохранения заработной платы. Беременным женщинам за некоторое время до родов, а также после родов предоставлялся оплачиваемый (т. н. декретный) отпуск и отпуск по уходу за младенцем; для ухода за маленьким ребенком можно было взять и более длительный отпуск без сохранения заработной платы (до 1 года, а в отдельных случаях до 3 лет). К очередному отпуску можно было присоединять накопившиеся отгулы. В необходимых случаях администрация имела право отозвать работника из отпуска до его окончания, затем пролонгируя его. Если работник увольнялся, не отгуляв положенный отпуск, он получал взамен денежную компенсацию. Работники, по производственным условиям не имевшие возможности уйти в отпуск, также получали денежную компенсацию, либо же отпуск переносился на следующий год. В конце 1960-х годов компенсации за неиспользованный отпуск были запрещены: все обязаны были уходить в отпуск в положенный срок. Увольнение во время отпуска запрещалось.

С началом Великой Отечественной войны все отпуска, выходные и праздничные дни были отменены, и взамен полагалась денежная компенсация, выплачивавшаяся после окончания войны. Лишь с 5 мар-

та 1944 года стали предоставляться отпуска подросткам до 16 лет. Эти ограничения военного времени отменялись не сразу. Так что 25 июля 1945 года начальник Инженерного отдела штаба МПВО Ю. Каммерер записал: «Первый послевоенный месяц разочаровал многих, ибо, кроме снятия светомаскировки, все осталось без перемен: те же 550 грамм хлеба на рабочую карточку, та же продолжительность рабочего дня, та же мобилизация на трудовой фронт, те же строгие порядки, та же работа» (Сохраним в памяти Москву).

Церковные праздничные и воскресные дни до революции должны были соблюдаться неукоснительно. И в первые годы советской власти религиозные праздники занимали заметное место в календаре. Так, в декрете о введении восьмичасового рабочего дня фигурировали 12 наиболее важных праздников как нерабочие дни. Разумеется, в государственном масштабе они не отмечались: религия была объявлена частным делом. Так что если праздник выпадал на будний день, трудящиеся были обязаны работать. Количество церковных праздников постепенно сокращалось: в 1924 году в советском календаре не стало Воздвижения, в 1925 году — Крещения и Благовещения. А в 1930 году все церковные праздники были исключены из календаря.

Взамен появилось довольно много советских праздников, посвященных выдающимся, с официально-идеологической точки зрения, историческим событиям. К таковым относились, прежде всего, 1 мая — День Интернационала, затем — Международной солидарности трудящихся, и 7 ноября — День Пролетарской революции, с середины 30-х годов — Великой Октябрьской Социалистической революции. Официально отмечались: День Сталинской Конституции (5 декабря с 1936 года), затем просто День Конституции (7 октября, с 1977 года); дни рождения В. Ленина и И. Сталина (до 50-х годов отмечался также день смерти Ленина 21 января; одновременно отмечалось «Кровавое воскресенье»); день Свержения самодержавия 12 марта (т. е. годовщина Февральской революции), день Парижской Коммуны (18 марта), причем одновременно отмечался День МОПРа, Международной организации помощи рабочих. Затем постепенно рабочими днями стали годовщина «Кровавого воскресенья», день смерти Ленина, день Парижской Коммуны, годовщина Февральской революции, МЮД. День Победы над Германией, 9 мая, с 1947 года стал рабочим днем, и только в 1965 году его объявили нерабочим, праздничным днем. В 60-х же годах выходным стал Международный день трудящихся женщин, 8 марта. Новый год в качестве праздника религиозного характера (ранее он совпадал с днем Василия Великого) фактически был запрещен в конце

1929 года, так что в календарях сначала указывалась годовщина Пролетарской (Октябрьской) революции («13-й год Пролетарской революции» и т. д.), а затем, мелким шрифтом — календарный год. Празднование Нового года возобновилось с середины 1930-х годов, а с 1947 года 1 января стало нерабочим днем. С началом Великой Отечественной войны все праздничные и выходные дни были отменены. Только подросткам до 16 лет с 5 марта 1944 года стал предоставляться еженедельный день отдыха. Вскоре после окончания войны были восстановлены выходные и праздничные дни, а с середины 60-х годов выходным днем стала и суббота.

Зарплата и халтура

Рассмотрев характер и условия труда советского человека, посмотрим теперь, что же он получал за это.

Советская пропаганда десятилетиями трубила о том, что в дореволюционной России крестьяне и рабочие были страшно угнетены и жили в полной нищете. Я как профессиональный историк не был и не являюсь большим поклонником старой России. В том числе не склонен, как современные витии, преувеличивать степень благоденствия русских людей под отеческим правлением благоверных государей, и не только крестьян или рабочих, но и мелких чиновников, мелких предпринимателей из мещан и т. д. Они по любым меркам жили в нищете. Не нужно читать не слишком доступные и далеко не всегда объективные научные монографии по этой части; достаточно взять всем доступного Достоевского, описавшего жизнь городских низов, «Петербургские повести» Гоголя и тому подобную литературу. И, разумеется, крестьянка 70-х годов XIX века, всю ночь трепавшая или мнявшая лен на помещицьем дворе за 15 копеек, зарабатывала этим не тяжелым, но нудным трудом немного, особенно если учесть, что день она должна была работать на своем дворе. Но вот другой пример.

В 1997 году был издан дневник И. Глотова, крестьянина Вологодской губернии, работавшего в Петрограде рабочим на наждачно-механическом заводе Струка. В основном записываются покупки себе, жене и детям. Вот выдержки из него за осень 1915 года. 12 сентября: у доктора Форестье 1 р. 00. 15 сентября: две теплые тельные рубашки Мине и Толе по 1 р. 85 к. Тае теплую тельную рубашку 4 р. 50 к. 19 сентября: Мине валенки 1 р. 80 к., Толе валенки 1 р. 60 к., Мине туфли 0–70 к., Мине зимние высокие резиновые калоши 4 р. 20 к., Мине серебряная цепочка для креста 1–65 к. Пера для подушек и детского матраца 6 ф. по 70 к. Себе золотой перстень 10 р. 00, за переделку 1 р. 50 к. 26 сентября был у доктора 1 р. 00. 30 сентября жена рожала на квартире, принимала во время родов акушерка, за труды ей 15 р. 00. Приглашали крестить на квартиру священника и диакона — 5 р. 00. 5 октября купил дочери золотой крест 6 р. 10 к., к нему серебряная цепочка 1 р. 80 к. 11 октября купил себе теплую рубашку 4 р. 25 к. 14 октября Мине и Толе по черным рукавичкам по 1 р. 35 к. за пару и Толе черные шерстяные рейтузы 6 р. 00. 6 ноября жене зимнее длинное суконное

пальто на беличем меху с барашковым воротником, воротник шалью, за 135 руб., себе барашковую шапку, фасон Пушкин, за 25 р. и жене теплый вязанный платок 3 р. 25 к. 12 декабря купил себе зимнее пальто на лисьем меху за 145 р. 00 к.

Выше, в главе, посвященной рабочим, приводились сведения о заработной плате рабочих в период военного коммунизма и об общем падении уровня их доходов. Примерно такая же ситуация в это время была и у служащих. Москвич Окунев, служивший в транспортной сфере, 11 декабря 1918 года записал в дневнике: «Очень тяжело живется: получаю 915 р., сын получает 950, но этого далеко не хватает на домашнюю жизнь. Обносились, истощали...». В сентябре он отметил, что, по официальным сведениям, дневной прожиточный минимум, выражавшийся в 1914 году в 1 рубль 52 копейки, возрос до 56 рублей 77 копеек, т. е. в 37 раз. «Вот и курица дошла до цены бывшей государственной ренты, т. е. до 70–75 р., — записывает Окунев. — Сахар 40 р. фунт, мясо 15 р., дрова 400 р. сажень, масло коровье 40 р., сало 35 р., спирт 300 р. бут., хлеб все еще 10 р. за ф. (печеный, черный), колбаса 30 р. ф. и т. д.

Читающий подумает: ишь, какой богатый! Спиртик попивает, колбаской закусывает, курочкой балуется. Черта с два! Конины пожрать не на что — и она 10 р. за ф., а я получаю 30 р. в день, и кормить нужно не одного себя, а троих. Питаемся больше картошкой да чаем без сахара. Вообще привыкаем к социальному раю».

Впрочем, в условиях денежного хаоса, когда даже домашние расчеты велись на многие тысячи, разговоры о зарплатах и ценах были бы бессмысленны. Тот же Окунев 25 июня 1920 года пишет: «Сегодня заработал “11 номером” (т. е. ходил на службу и обратно пешком. — Л.Б.) еще 4500 р., да “премиальных” получил за время с 16 мая по 1 июня 2058 р., однако эти взносы в домашнюю казну никакого впечатления не производят. Там у меня со стороны жены и дочери к моему заработку установилось полнейшее презрение. Они хотели бы, чтобы я занялся какой-нибудь спекуляцией, как будто бы делают теперь “все умные люди”. А чтобы доказать, что я не прав, они во все тяжкие торгуют на Сухаревке. Торгуют не бог весть чем, там какими-нибудь сладостями, весь их магазин в ручных корзинках, но результаты, конечно, несоразмерно с моим заработком различны. Что я зарабатываю в месяц, они иногда добудут в один, в два дня. Оно все-таки нелегко. Надо куда-то с утра бежать “за товаром”, а потом стоять часами под палящими лучами солнца или под дождем на Сухаревской площади, при этом подвергаясь риску быть “забранными” в Чрезвычайку (жена уже

одну ночь провела там)». Как видим, зарплата, какова бы она ни была, оставалась в бюджете средней семьи ничтожно малой. Основную роль играл натуральный паек и спекуляция.

Стабилизация наступила лишь к середине 20-х годов.

Конечно, к концу 20-х — 30-м годам жить стало легче: с одной стороны, НЭП немного оздоровил экономику, точнее, потребительский рынок, с другой — безработица исчезла, зарплата стала расти. И все же директор МХАТа жаловался Сталину в 1937 году, что из 120 актеров, работавших в театре, около шестидесяти получали от 200 до 300 рублей в месяц, так что он вынужден был время от времени шить то тому, то другому костюм, брюки, покупать ботинки, выдавать небольшие суммы денег. Средняя категория актеров тоже не слишком благоденствовала, получая в среднем по 600 рублей. Самая высокая зарплата, по высшей категории, была у Хмелева, Тарасовой, Еланской, Добронравова, получавших в месяц по 1200 рублей. А вне категорий были Москвин, Качалов, Книппер-Чехова, Тарханов, Леонидов, получавшие по 2000. А как с рабочими? В июне 1934 года посетивший Москву итальянский писатель К. Альваро писал: «Среднемесячный заработок рабочего составляет 250 рублей, но может равняться и 125 рублям. Для квалифицированных рабочих и для ударников он может подняться до 300–400 рублей... Рабочий может пообедать в столовой за 50 копеек, а карточная система дает ему право на приобретение продуктов по условной цене, то есть 400 грамм хлеба для рабочих и служащих второй категории, 800 грамм для рабочих первой категории и килограмм хлеба для так называемых ударников. Кроме того, по карточкам рабочие могут получить в месяц один килограмм мяса, 600 грамм животного масла, а также некоторое количество риса, муки, яиц, папирос. Молоко выдается только детям. По мере восхождения по иерархической лестнице увеличивается ассортимент продуктов и товаров, выдаваемых по карточкам в магазинах особого снабжения. Мой глаз уже приучен отличать коммунистов высокого ранга по их рубашкам из хорошей ткани и под цвет ей галстукам» (Сохраним в памяти Москву).

Действительно, в сравнении с ценами зарплаты были невысоки. Московский историк Шитц писал в дневнике: «Для разговоров о подьеме благосостояния характерны устанавливаемые с 1-го окт. 1930 г. минимумы окладов. Беру только районы 1-го разряда, где эти минимумы наиболее высокие. Учитель 79 р., учитель II-й ступени — 118 р.; врач и ветеринарный врач — 144 р., агроном — 144 р. (учитель все же ниже сортом); районный статистик — 72 р. Все они вынуждены обра-

щаться к услугам частного рынка, где масло — 8 р. фунт, кружка молока — 40 коп., а стоимость нашего рубля примерно 10–15 коп.».

Особенно большим был разрыв между ценами и зарплатой в кризисные периоды. Так, во время Великой Отечественной войны, по данным ЦСУ, летом 1943 года среднемесячная зарплата промышленных рабочих в целом по народному хозяйству составляла 403 рубля, у работников здравоохранения — 342 рубля, у работников совхозов — 203 рубля. В то же время рыночные цены на хлеб составляли 100 рублей за 1 килограмм, на сахар — 650 рублей, на мыло хозяйственное — 230 рублей. Учитывая тяжелое материальное положение народа, в середине 50-х и 60-х годах правительство пошло на повышение зарплат (минимальной — до 370–420 рублей), все же оставшейся в большинстве случаев недостаточной.

Член Политбюро А. Каганович в 1955 году на июльском пленуме ЦК КПСС с торжеством заявил, что в 1953 году реальная заработная плата рабочих СССР была выше, чем до революции, в 6 раз! Правда, конкретных цифр он не привел. Зато дал цифры на более поздний период: если в 1940 году среднемесячная зарплата рабочих и служащих по всему народному хозяйству составляла 339 рублей, то в 1954 году она составила уже 699 рублей, из них в промышленности рост произошел с 353 рублей до 794 рублей. У нас уже почти не помнят о хрущевской «деноминации» 1961 года в 10 раз. Так что уменьшите эти заработки вдесятеро, и получите 33 рубля 90 копеек в 1940 году и аж 69 рублей 90 копеек в 1954 году.

Однако Каганович все же оговорился, что из 47 миллионов рабочих и служащих около 5 миллионов человек (10%!) получали зарплату до 300 рублей в месяц (т. е. до 30 рублей «хрущевских»; далее для большей доходчивости все данные и будем приводить в масштабе 1961 года).

Но все развивается. В ноябре 1970 года начальник ЦСУ СССР В. Старовский представил в секретариат Предсовмина А. Косыгина секретную (!) докладную записку о фактическом начислении заработной платы рабочим и служащим всей промышленности за март 1956, 1961 и 1968 годы.

Согласно записке, в марте 1956 года 11,1% рабочих и 0,7% ИТР (инженерно-технических работников) была начислена зарплата до 40 рублей включительно. О 30 рублях речи уже не было, но и 40 рублей — не бог весть что. В 1961 году таких рабочих было уже всего 2,7% и в 1968 году — 1,2%, а ИТР — 0. Должен здесь обратить внимание читателя на то, что это сведения о зарплате в промышленности. Сколько получали рабочие и служащие в других отраслях народного

хозяйства, например, в коммунальном хозяйстве, сфере культуры, медицины и пр., хотя бы медсестры и санитарки, у меня сведений нет, но думаю — никак не больше, а, скорее, намного меньше. От 40 до 60 рублей получили в марте 1956 года уже 24,3% рабочих и 5,4% ИТР, в 1961 году соответственно 11,8 и 1,6% и в 1968 году — 1,2 и 0%. От 60 до 80 рублей — в 1956 году — 25 и 16,2%, в 1961 году — 23,3 и 9,0%, в 1968 году — 15,5 и 3,3% соответственно. От 80 до 100 рублей в марте 1956 года получили 17,3% рабочих и 26,3% ИТР, в 1961 году — 23,4 и 22,9%, в 1968 году — 23,0 и 1,1% соответственно.

Большая или маленькая была эта зарплата? Наверное, не очень большая, если в 1956 году был установлен «необлагаемый минимум» заплаты в размере до 700 (т. е. 70, как мы условились) рублей с которого не брались налоги, а подоходный налог с заплаты от 70 до 100 рублей взимался по немного пониженной ставке, т. е. 100 рублей не считались слишком высокой зарплатой. «Необлагаемый (подоходным налогом) минимум» — это как бы неофициально признанный порог бедности.

Я, будучи два месяца учеником модельщика, получал, кажется, 45 рублей, а, получив 4-й разряд — 93–94 рубля (у нас была «сдельщина» по нарядам, так что зарплата слегка колебалась, но в пределах «среднего сдельного»). Это — в 1960–1963 годах. Основная масса моих товарищей по цеху получала 105–125 рублей, а самую высокую зарплату в 170–175 рублей получал лишь один человек, имевший 8-й, наивысший разряд. Отмечу, что модельщики — рабочие очень высокой квалификации. Это, так сказать, рабочая аристократия.

Так вот, в марте 1956 года от 100 до 120 рублей получили 9,8% рабочих и 17,2% ИТР, в 1961 году, когда я уже был полноценным рабочим, соответственно 16,4% рабочих (к этой группе и принадлежали, в основном, мои товарищи) и 22,0% ИТР, и в 1968 году — 19,5 и 14,5%. От 120 до 140 рублей в марте 1956 года получили 5,4% рабочих и 11,9% ИТР, в 1961 году — 9,3% рабочих и 15,4% ИТР, в 1968 году соответственно 14,4 и 16,5%. От 140 до 200 рублей получили в 1956 году 5,3% рабочих и 14,6% ИТР, в 1961 году — 9,6% рабочих и 20,2% ИТР, и в 1968 году, соответственно, 18,8 и 35,9%. От 200 до 300 руб. в 1956 году, соответственно, получили 1,4% рабочих и 5,4% ИТР (в их числе мой отец, инженер, механик мартиновского цеха с окладом в 220 рублей), в 1961 году — 2,6 и 6,8%, в 1968 году — 5,4 и 15,4%. Свыше 300 рублей в промышленности получали очень немногие: в 1956 году, соответственно, 0,4 и 2,3%, в 1961 году — 0,9 и 2,2%, в 1968 году — 1,3 и 4,3%. Из рабочих, это, например, могли быть мастера мартиновских

и доменных печей, из ИТР — директора и главные инженеры заводов и т. п.

При этом следует учесть, что это усредненные зарплаты. В черной металлургии, да еще и в «горячих» цехах оклады были выше, нежели где-нибудь в легкой промышленности, а служащие и не могли сравниваться с производственниками. К тому же на Севере, на Урале, в Сибири рабочим и ИТР выплачивались особые надбавки (нам в Челябинске следовал «уральский» коэффициент, кажется, 1,2), а служащим он не полагался.

Есть у нас изумительная, хотя и невзрачная на вид книга О.В. Куратова «Хроника русского быта 1950–1990 гг.». Человек, видимо, очень аккуратный и бережливый, он сохранил и привел в книге массу разнообразных сведений о ценах, зарплатах и пр. Куратов приводит данные по среднемесячным доходам нескольких человек за 70 — 80-е годы. Сюда включаются премии, выплаты за рацпредложения и изобретения и пр. и вычитаются подоходный налог, партийные, профсоюзные и прочие взносы. Дается и разброс дохода по месяцам, но для сокращения и упрощения приведу только среднемесячные доход.

Итак, мастер цеха Шуйской гармонной фабрики, затем председатель профкома получал в 1973 году 131 рубль, в 1974 году — 135, в 1975 году — 152, в 1976 году — 180 (заметили рост дохода с переходом на профсоюзную работу?). Далее сумма доходов колебалась около 180 рублей, а с 1986 года, со вступлением советской экономики в последний кризисный период, стала быстро расти: 208, 223, 267, 303, достигнув в 1990 году 304 рублей.

На той же фабрике инженер по технике безопасности и рационализации получал в 1973 году 141 рубль, в 1975 году — 143 рубля, в 1976 году — 160 рублей (обратите внимание: председатель профкома получил в этом году 180 рублей) и т. д., так что в 1988 году его среднемесячный доход составил 220 рублей. Впрочем, инженер по технике безопасности и рационализации (а также ОТК) — самое жалкое, никому не нужное существо.

Работница механического цеха на той же фабрике в 1975 году получила в среднем 107 рублей, в 1976 году — 104, а затем начался рост доходов, достигших в 1988 году 197 рублей.

Фабрика гармоней (легкая промышленность) в забытой богом Шуге (никаких надбавок, зато в магазинах хоть шаром покати) — это одно. А вот предприятия Министерства среднего машиностроения — это другое дело. Начальник конструкторского отдела НИИ Минсредмаша СССР (Москва) получил в 1975 году 352 рубля (я в это время был кан-

дидатом наук, старшим преподавателем вуза, и получал 250 рублей), к 1981 году его доход достиг 391 рубля, в 1988 году он составил 502 рубля, а в 1990 году даже 646 рублей. Для незнающих поясним, что Министерство среднего машиностроения в основном и даже преимущественно занималось атомными бомбами. Платили там побольше, чем в текстильной, скажем, промышленности. А вот начальник главка Госстандарта СССР в 1990 году получил в среднем 876 рублей в месяц.

Конечно, разница в доходах, в сравнении с работницей механического цеха или даже с инженером по технике безопасности существенная, но все же не умопомрачительная. Да ведь и ответственность начальника конструкторского отдела в ракетно-ядерной промышленности, и уровень знаний, и роль в процессе производства несравнима. И все же разница в доходах вполне приемлема.

Все познается в сравнении. В декабре 1966 года начальник ЦСУ СССР А. Ежов представил на имя члена коллегии Госплана СССР Н. Лебединского секретную записку. Из нее следует, что в 1965 году (в ценах США) общий объем потребления материальных благ в США составлял 1542 доллара, а в СССР — 564 доллара, что составляло всего 36,6 % в США. Обратите внимание: это не зарплата, это — потребление материальных благ. В том числе траты на продукты питания, включая алкогольные напитки, составили в США 505 долларов, а в СССР — 325, т. е. это составило 64,3 % в сравнении с США. Без алкогольных напитков траты на продукты питания в США составляли 439 долларов на душу населения, в СССР — 258 долларов — 58,8 % применительно к США. Это о чем говорит? Да о том, что доля расходов на алкогольные напитки в СССР была выше: средний американец тратил на выпивку 66 долларов, а средний советский человек — 67, но относительно затрат на питание это превышение составляло 5,5 %. То ли в США выпивка была дороже, то ли в СССР пили больше.

На непродовольственные товары средний американец тратил 905 долларов в месяц, а с затратами на ремонт даже 964 доллара. Среднестатистический советский человек тратил на промтовары всего 168 долларов, что относительно американских затрат составляло 18,5 %. Ну, у нас промтовары были подешевле. Хотя и намного хуже.

Среднемесячная зарплата промышленного рабочего в СССР составляла в 1965 году 121,5 доллара, а американского — 432,2 доллара, так что американский пролетарий получал в абсолютном выражении в 3,5 раза больше советского рабочего. Да еще американец тратил на налоги 43,2 доллара, а советский рабочий — всего 10,0 доллара, т. е. в 4,3 раза меньше американца. К тому же пенсии, пособия, бесплатное

обучение, лечение и другие выплаты и льготы, чем так гордился СССР, у советского рабочего составляли 80,2 доллара, а у американского пролетария, опутанного цепями — всего 57,5 доллара. Так что, с учетом льгот и выплат, советский рабочий получал уже 201,9 доллара, а американский всего лишь в 2,4 раза больше — 480,7 доллара в месяц. А с учетом налогов наш рабочий получал аж 191,9 доллара, а американский всего-то в 2,3 раза больше — 237,5 доллара. К тому же у них была ужасная безработица, а у нас нет, так что нашему рабочему доставались те же полноценные 191,9 доллара, а американцу, с учетом безработицы — 422,1 доллара; правда, это все же было больше, чем у нашего рабочего, в 2,2 раза.

Наверное, поэтому записка тов. А. Ежова и была секретной. Чтобы американские рабочие окончательно не впали в пессимизм.

Но мы вели речь о промышленности. А ведь вне приведенной статистики осталась масса служащих, сельскохозяйственных рабочих (в совхозах) и т. д. Например, сбережением наших лесов — богатства России, занимались многочисленные рабочие лесхозов, в том числе лесники-объездчики, нередко вынужденные жить прямо в лесу, на кордонах. В. Солоухин во «Владимирских проселках» отметил их положение: «У них по шесть, по семь человек семья, и они получают по двести двадцать. На что рассчитана такая зарплата? Или на то, что лесник — жулик и все равно будет воровать, или пусть, дескать, ведет хозяйство и с него получает прибыль». Эти 220 — в масштабах середины 50-х годов. А чуть раньше я знал лесника с зарплатой 160, т. е. 16 рублей. И ему оставалось только воровать лес или сено, что он и делал.

Воровство у государства (и не только) стало в СССР одним из важных средств компенсации низких зарплат. Конечно, воровали не все, и не только исходя из нравственных принципов: ведь не у всех были такие возможности. Ну, что мог украсть конторский работник? Пригоршню скрепок, чтобы в ушах ковырять? Другое дело, например, продавцы, которые могли и обвешивать, и обмеривать, и обсчитывать покупателя, и прибегать к «пересортице», т. е. смешиванию продуктов 1-го и 2-го или 3-го сорта. Особенно процветало воровство в кризисные периоды, например, во время войны. «Приворочивали все, работавшие у “хлебных” мест, — вспоминал Геннадий Русский. — Пример был у нас перед глазами, в нашем дворе — сушилка. Кому пришла в голову блажная мысль организовать ее здесь? — возить хлеб с хлебозавода, сушить, увозить сухари. Естественно, крали на всех трех этапах. Обстоятельство это коренным образом поменяло жизнь нашей двора. Семьи дворников, истопников, уборщиц, у которых до войны не

хватало денег на покупку белого хлеба, теперь имели и белый хлеб, и деньги. Арифметика была несложная: заработок уборщицы составлял 180 рублей в месяц, а буханка хлеба стоила 200 рублей. <...> Нет, в войну честно не прожить! — продолжает он. — Живи мы “честно”, по пайку, не подтаскивай тетя кусочки хлеба, а мать черпаки баланды — заморили бы наших малышей. Кто сытый осмелится их осуждать? Осуждать надо то проклятое время...» (*Русский Г. Ребенок в войне*). Не-кто П. Каменская писала 10 марта 1946 года самому Сталину: «Война принесла ряд изменений в советском обществе. Специалисты, инженеры и техники за период войны буквально разорились, а также подорвали свое здоровье, работая на заводах. Спекулянты, а также работники детских садов, столовых, пекарен, магазинов за время войны разбогатели на крохах рабочих. Директора детских садов, а также их повара, отнимая у детей принадлежащий им пайек, заимели по 50–100 тысяч рублей. Сейчас покупают дачи, а многие сохраняют деньги для того, чтобы после войны разбогатеть. Продавцы магазинов, бывшие уборщицы, понаделали золотые часы своим обвешиванием и не давая сдачи покупателям...» (Сохраним в памяти Москву). Такой вот вопль души обнищавшего человека.

Еще одним средством повышения доходов (а во время кризисов просто возможности прокормиться) была спекуляция, скупка и перепродажа «дефицита». И она существовала в советской стране всегда, с самого начала ее существования, поскольку всегда и постоянно существовал сам «дефицит». Москвич Н. Окунев записывает в дневнике 8 декабря 1921 года: «Сегодня по поручению жены ходил в советский магазин “Проводник” и “свободно” купил там 4 пары мужских и дамских калош за 1 180 000 р. ... и она завтра пойдет на рынок, будет мерзнуть там целый день и продаст калоши с пользой от 20 до 30 тысяч за пару. И вот такими “операциями” и существуем главным образом (а сами все еще ходим без калош, мясо едим раз в неделю — оно теперь 17–18 тыс. за ф., молоком только “замучиваем” утренний кофе — оно теперь 8 тыс. р.)». А полугодом ранее, 6 мая 1920 года, он писал: «Купили дочери кожаные туфли, или полуботинки («скороходовские») и заплатили 20 000 р. Половину этих денег она нажила торговлей конфетками около электрических театров. Безобразие! Т. е. и цена безобразна, и нужда добывать деньги таким способом тоже безобразна».

Так оно и продолжалось: ведь один кризис сменялся другим, а кушать требовалось постоянно. Прикрепившись к «хорошей» булочной, где по карточкам продавали белый хлеб, продать его на рынке (хотя торговля пайковым хлебом и запрещалась, да кто же обращал на это

внимание?), чтобы купить побольше «черняшки» — это для огромной массы горожан было «бизнесом по-советски». Вспоминая военное детство, Геннадий Русский пишет: «Полтора кило хлеба на день на четверых, горсть крупы, несколько картофелин, еще пара бубликов... Где взять остальное, чем заткнуть голодные рты? Больше нигде было, как на рынке: продать одно, купить другое. Но что было продать? До войны мы, средние классы, тоже жили в бедности, а по западным меркам, в нищете. Наша семья жила убого, да и как могло бы быть, живя впятером на одну небольшую зарплату? Не было лишней тряпки, чтобы продать. У нас была дешевая фанерная мебель, железные койки, на которых мы спали, и заношенная одежда, в которую мы одевались.

<...>

Нет, в очередной раз повторим, в войну было честно не прожить. Обманывали государство, обманывали друг друга. Дворяня, пристроившись к сушилке, краля хлеб и, по-своему, благоденствовала. Семеновна в своем мышином бизнесе наживала на соседях рублики, подторговывая «суропчиком».

В годы войны низы доказали свою жизнеспособность. Та же Семеновна со своим «суропчиком» и прочей невинной спекуляцией содержала свой дом лучше, чем средний советский служащий Юшков».

Не только голод, но и холод донимал горожан, особенно в кризисные периоды. В Гражданскую войну подвоз топлива в города почти прекратился: не работал транспорт. Это нашло отражение даже в советской литературной классике: Павка Корчагин, герой романа Н. Островского «Как закалялась сталь», не жалея себя, строит узкоколейку для подвоза дров в небольшой провинциальный городок. Не будем углубляться в то, когда и как идет это строительство (с автора уже не спросишь), а лишь отметим этот факт. Еще более красноречивы записи в дневнике московского служащего Н. Окунева.

31 января: «В квартирах и в присутствиях холодище неимоверный. У нас дома тепла 7–8 гр., и это еще благодать: слышу от многих знакомых о тепле в 1–4 гр. В присутствиях-то к такой температуре совсем привыкли: шуб и калош не снимают, большинство ходит в валенках, фуфайках и шапках». 6 февраля: «В последние дни занимаю на службе представительный кабинет, подписываю по-своему «важные» бумаги, делаю приемы, имею тут же секретаря и машинистку. И они, и я обуты в валенки, одеты в рваных фуфайках, в старых, давно не чищенных костюмах, и вдобавок к этой пышной обстановке нашего управления — я курю в кабинете махорку из трубки, а секретарь из «цыгарки». 9 ноября: «Стоит чудесная зимняя погода... Но зато какой холодище

по домам! У нас, в самой теплой комнате, соседней с кухней, где плита топится целый день, — тепла не более 6 градусов. Ужасное время переживается Москвой: все, все озабочены “изысканием” дров, рушат и тащат что попало: уличные деревянные фонари, барьеры набережных, сараи, навесы и даже дома целые. Особенно идет работа по окраинам города и в дачных местностях. Например, в «Измайловском Зверинце» разбирают, разносят и развозят дачу нашего покойного отца. И это не курятник какой-нибудь, а сложная постройка из двух этажей... И нет никакого удержу такому разрушению, такому хищению... В пятницу ходил в Плетешки... и весь путь, начиная от вокзальной площади, являл собой для меня новые, широкие “перспективы”, где был сад, там теперь целая роща, потому что все заборы исчезли и оттого три-четыре сада стали смежными...». 16 ноября: «Был сегодня на дровах. Кажется, теперь все только и заняты дровами. Все “деревянное” присматривается зябнущими гражданами и начинается охота. Сначала что-нибудь отковырнут лишнее, плохо лежащее, а потом тащат и нужное. И стоит только в каком заборе, в сарае и даже в целом доме проточить какую-нибудь дырку, как вместо одного грызунка является их трое, пятеро, а затем целая стая, и пошла писать! Прямо диву даешься успехам такой “коллективной работы”: утром идешь мимо какого-нибудь деревянного здания, допустим ветхого, но все же цельного и обширного, а к вечеру от него и следа не осталось...». 9 марта 1920: «Интересное явление на Чистых прудах: там есть четырехэтажный каменный дом, занимавшийся женской гимназией Винкера, и кто-то из разных добытчиков топлива ухитрился подпиливать на дрова стропила, и понятно, что случилось: рухнула крыша, слуховые окна исковерканы, карниз свалился на улицу, окна во всех этажах побились, и очень прочное каменное здание теперь испорчено для обитания в нем».

Из рук вон плохо отапливалась Москва и во время Великой Отечественной войны. Достаточно сказать, что, ввиду недостатка дров и угля, с 24 ноября 1942 года с Люберецких полей орошения на городские предприятия треста «Мосочиствод» стали поступать брикеты из канализационных осадков, чтобы заменить дрова. Люди шли в учреждения, например, немногим лучше отапливавшиеся больницы, чтобы просто согреться в очереди. Врач Е. Сахарова писала в дневнике 25 марта 1942 года: «Дома Москвы не отапливаются, во многих, как поговору, заморожена вся водяная и канализационная сеть. В квартирах от 0 до 10 градусов. Наши больные неохотно уходят из поликлиники, греются в ней, а, кроме того, многие из соседних домов просто приходят и садятся близ батарей и греются. Жаль их ужасно» (Сохра-

ним в памяти Москву). Так было не только в 1942 году, когда немцы только что были отброшены от столицы. 20 декабря 1944 года из-за затруднений с доставкой топлива Моссовет установил предельную температуру в роддомах, яслях и детдомах +18, в лечебных учреждениях, школах и других учебных заведениях +14, в жилых домах +13, в учреждениях и конторах +10. А в мае 1942 года глава Моссовета В. Пронин докладывал в правительство: «Из-за острого недостатка топлива в Москве зимой 1942 г. были серьезные перебои в работе промышленных предприятий и отоплении жилых домов, больниц, бань и прачечных. Из-за отсутствия угля и дров простаивали месяцами сотни промышленных предприятий; 2400 крупных жилых домов три месяца не отапливались из-за недостатка угля; часто не отапливались больницы и госпитали, бани и прачечные». Естественно, что в этих условиях вновь началась «охота» за любым топливом, в том числе «ненужным» деревом на улицах. Будущий саксофонист Алексей Козлов вспоминал о возвращении в Москву из эвакуации: «Двор, оставленный два года назад, был неузнаваем. Собственно, двора, как такового, уже не было, так как не осталось ни одного из заборов, разделявших нас с тремя дворами других соседних дворов... Все деревянное, включая сарайчики, ограды палисадников и столы со скамейками, было сожжено в домашних печках-буржуйках в первую же зиму. Остались лишь следы заборов, отдельные каменные столбы, а также линия перепада в уровнях земли между дворами» (Сохраним в памяти Москву).

Воровали многое. В том числе и электроэнергию. Тот же Геннадий Русский вспоминал о тыловом Саратове в годы войны: «Восемь месяцев сидели мы без света, и вот дали. Правда, на свет был жесткий лимит, хватавший только на пользование лампочкой, а электроплитки строго возбранялись, но как прожить по лимиту, если лимит ниже норм человеческого существования?

Зимой еду готовили на керосинке, [сберегая] каждую каплю. Керосин сожгли, но вовремя дали электричество. Включать плитку было нельзя — за перерасход лимита грозило отключение от сети. Но ведь надо еду готовить! Поэтому, когда включалась плитка, включалось и заземление — от оголенного провода по проволоке часть энергии уходила в землю и счетчик не вертелся. Это было безжалостной расстройкой электроэнергии, которой и так не хватало городу. Но ведь надо еду готовить! Есть надо! На том военная тыловая жизнь стояла — мы обкрадывали друг друга. Пусть винит нас тот, кто этого не пережил. Мы себя виноватыми на считали».

И в военной Москве, куда мать Геннадия Русского вернулась из эвакуации, пришлось воровать все ту же электроэнергию. «Холодно и неуютно становилось жить. Холодно не только в переносном смысле. В военное время центральное отопление в нашем доме (и в других во многих) бездействовало, каждый обогревался, как умел. Керовы, например, пристроили к красивой кафельной печке-«голландке» плиту с конфорками: топить большую печь ни у кого дров не было. У нас была крохотная «буржуйка», склепанная дядей из листового железа, с длинным коленом, тянувшимся через всю комнату к отдушине в стеновой печи. Печурка мгновенно раскалялась до красна даже от вороха бумаг, и также мгновенно остывала. Но все эти плиты и «буржуйки» стояли больше «для близиру» — весь дом обогревался электроплитками. Электроэнергия была жесточайшим образом лимитирована, но в нашей квартире тогда не было счетчика, а подключены мы были к заводу «Дисковый фрез», который каждый месяц платил штрафы за перерасход лимита». Воровали электричество и в послевоенное время. Электросчетчики в ту пору, как и многое другое, были в дефиците, и плату с электроэнергии брали «с точки», причем за розетку требовалось платить намного больше, чем за лампочку. Но «голь на выдумки хитра»: на то существовали «жулики». Это было незамысловатое эбонитовое изделие (на вид как будто фабричное, но ведь этого же не могло быть), на одном конце которого была резьба, как на цоколе электролампы, а на другом — вход в розетку. Вместо лампочки в патрон вкручивали «жулик», — и подключай хоть электроплитку, хоть электрочайник. У нас в Омутнинске было хорошо знакомое семейство, глава которого служил следователем МГБ, и у них-то я и познакомился с «жуликом».

Для огромного числа людей, работавших в промышленности и на транспорте, наравне с зарплатой важнейшим средством дохода становилась «халтура», «левый заработок». Для шофера грузовой машины это была возможность совершить «левую» езду, подвезти кому-либо что-либо, а еще проще — слить «частнику» канистру бензина. А для рабочего — прямо на рабочем месте, иной раз и во время работы что-либо кому-либо сделать. Так было у нас в цеху. Довольно обычным явлением была какая-нибудь женщина из другого цеха, просившая сделать разделочную доску: страна ведь запускала баллистические ракеты и спутники, ей было не до хозяйственных мелочей. Ну, что мне стоило прогнать доску на станке, обрезать на ленточной пиле и слегка снять кромки шкуркой? Стоило это рубль, но нередко, скорчив плаксивую мину, заказчица ныла: «Ой, милоч, у меня только вот 72 (или 64

и т. п.) копейки...» Я-то этих копеек не брал — незачем было, а вот ребята, которые околачивались после работы возле пивного ларька, — для них это была возможность выпить лишнюю кружку пива. Но большей частью зарабатывали более серьезно, уже не на пиво: карнизы для штор, тумбочки, модные в ту пору круглые раздвижные столы, даже шифоньеры. Конечно, это, в основном, уже после работы, но из государственного пиломатериала, на государственном оборудовании. Начальство? Ну, зайдет начальник цеха изредка к нам в модельный, ну, удивится, увидев остов шкафа. «Да вот, жена плешь проела, подай ей шкаф, и душа вон!» Через месяц-другой опять шкаф стоит. «Да вот, теща увидела мой шкаф, пристала, как с ножом! С тещей разве справишься?» Да начальнику цеха и наплевать на эти несколько брусков и фанерок, ему лишь бы шкафами глаза не мозолили. Как вывезти с завода? Это не вопрос: во-первых, в заборах полно дыр, а во-вторых, на то у нас была ассенизационная машина с бочкой и с мешковиной, чтобы завернуть разобранный стол и подвязать в полупустой бочке сверху. Какой охранник на проходной полезет на бочку, чтобы заглянуть в люк? Да и охранникам тоже есть-пить хочется, и они были на содержании у водителей. Вопрос не в том, как вывезти. Вопрос заключается в следующем: зачем рабочему, худо-бедно «оттанцевавшему» 8 часов у верстака, оставаться еще на 2, 3, 4 часа у того же верстака? Подумайте над этим.

Эта «халтура», а уж если говорить откровенно, воровство, была столь распространенной, что воровали все и всё, что подворачивалось под руку. Советская сатира даже придумала для таких предприимчивых рабочих и служащих прозвище — «несуны» и нещадно боролась с ними. А рабочий по простоте душевной ответил на это лозунгом: «Ты здесь хозяин, а не гость: неси с завода каждый гвоздь!».

Вот именно, что хотя бы гвоздь. Я, положим, полкило гвоздей мог бы и купить. Да вот где же его купишь, этот гвоздь, да еще нужного размера? Конечно, в индустриальном Челябинске наверняка где-нибудь его можно было найти в хозяйственном магазине (нынешних строительных рынков или магазинов стройматериалов еще не было). Но уж больно широко раскинулся этот город, чтобы объезжать его весь в поисках пригоршни шурупов или гвоздей. Проще зайти в кладовку и насыпать в карман.

Социальное обеспечение

После знаменитой «Морозовской стачки» ткачей 1885 года, когда рабочий вопрос во весь рост встал перед правительством и обществом, во второй половине 80 — первой половине 90-х годов началась разработка рабочего законодательства, в том числе и по вопросу страхования на случай временной или постоянной утери трудоспособности. В задачи этой книги не входит рассмотрение этого законодательства и его сужения в период правления Николая II. Отметим только, что оно имело место, частично меняясь во времени и в пространстве: отдельные предприниматели расширяли его. И социальное страхование после революции стало продолжением существовавших порядков. Страхование на случай болезни шло из сумм больничных касс, куда поступали взносы работодателей в размере 10% от заработной платы участников больничных касс, из доходов от имущества касс, пособий и пожертвований. Размер пособий зависел от заработка участника кассы и наличия средств в кассе. Так, в Москве и губернии пособия были в размере $\frac{2}{3}$ заработка, а вот в Рыбинске не более 15 рублей в день, в Сормове — 25 рублей в день. В 20-х годах был введен листок временной нетрудоспособности, в просторечии бюллетень, выдававшийся лечащим врачом официальный документ, удостоверявший временную утрату трудоспособности в результате болезни или травмы. Он давал право на освобождение от работы и получение пособия на время болезни. Первоначально бюллетень выдавался на срок не более 5 дней, а вопрос о дальнейшем освобождении от работы решался врачебной консультацией; впоследствии срок освобождения продлевался лечащим врачом. После выздоровления листок «закрывался» врачом и представлялся в бухгалтерию предприятия или учреждения на предмет оплаты. Размер оплаты нетрудоспособности зависел от членства больного в профсоюзе и от профсоюзного стажа, достигая 100% оклада.

8 ноября 1917 года, т. е. в первые же недели после политического переворота, появился декрет об увеличении пенсий. Пенсионное обеспечение с 1917 года велось сначала на основе законов 1912 года, которые предусматривали распространение страхования на всех рабочих и возмещение полного заработка увечному; экспертиза увечья осуществлялась врачами, избранными от рабочих организаций. Новый закон «Об увеличении пенсий рабочих, пострадавших от несчастных

случаев» только увеличил пенсии. Выплачивалась полная сумма заработка, но если он не превышал определенных границ. Вдова получала половинную пенсию, прочие родственники — в размере четверти заработка. Малолетним пособие выплачивалось до 18 лет. 22 декабря 1917 года вышел декрет о страховании: вводились денежные пособия на случай болезни для всех работающих, для женщин-работниц — 16-недельный отпуск по материнству, сокращение рабочего дня до 6 часов для кормящих матерей. А 31 октября 1918 года появилось «Положение о социальном обеспечении трудящихся», гарантировавшее пенсии и пособия всем трудящимся. Его дополнил декрет от 28 августа 1918 года о социальном обеспечении семей трудящихся в случае смерти кормильца. Всего же с 1 января 1918 по 1 июня 1921 года было издано 210 законов об охране труда и социальном обеспечении.

Пенсионное обеспечение по старости до революции развивалось постепенно, от персонального назначения тех или иных пенсий тем или иным сановникам по личному распоряжению монарха до непрерывных выплат пенсий всем лицам, находившимся на военной или гражданской службе и выслужившим определенный срок; размер пенсии зависел от срока службы и жалованья (обычно это был половинный оклад) и при недостаточной выслуге сокращался до четверти оклада. Пенсия продолжала выплачиваться в половинном размере вдове и несовершеннолетним детям пенсионера. Кроме того, с конца XIX века в некоторых ведомствах существовали так называемые эмеритуры, специальные кассы, в которые отчислялась некоторая часть жалованья служащих, затем выплачивавшаяся в дополнение к государственной пенсии. Эмеритальные кассы имелись и в некоторых крупных частных фирмах.

В 1917 году произошла революция, да еще и социальная. Так что была прекращена выплата чиновникам пенсий, превышающих 300 рублей, пенсий по выслуге лет при сохранении трудоспособности и при наличии других источников существования, отменены пенсии за орден. А вскоре была прекращена выплата пенсий бывшим чиновникам, полицейским исправникам, тюремным надзирателям и пр.

История советского пенсионного законодательства очень сложна и прямо отражает все перипетии социальной политики режима. В процессе постепенного развития пенсионного права некоторые обстоятельства, имевшие юридическое значение, впоследствии утрачивали его, и, напротив, иные обстоятельства, ранее юридически безразличные, признавались юридическими фактами. Так, старость или достижение определенного возраста долго не являлась юридическим фак-

том. Первенствующее значение имело социальное положение пенсионера.

1 ноября 1917 года Совет народных комиссаров заявил о том, что «пролетариат России поставил на своем знамени полное социальное страхование наемных рабочих, а также городской и сельской бедноты». Правда, это долго оставалось декларацией. В начале 1918 года при закрытии предприятий рабочие, проработавшие на них более 5 лет и признанные инвалидами, стали обеспечиваться пенсиями. С августа 1918 года началась выплата пенсий красногвардейцам и красноармейцам, ставшим инвалидами, а в случае их смерти — членам их семей. В октябре 1918 года было введено всеобщее социальное страхование трудящихся, предусматривавшее социальное обеспечение граждан, не эксплуатирующих чужой труд, источником существования которых был их собственный труд. В 1923 году появляются персональные пенсии, сначала старым большевикам за революционные заслуги. С ноября 1921 года пенсионное страхование стало осуществляться за счет государственных фондов, появились постановления о социальном обеспечении инвалидов и членов семей военнослужащих в случае смерти кормильца. В 1924 году было введено пенсионное обеспечение за выслугу лет научных работников и преподавателей рабфаков, в 1925 году устанавливаются пенсии для учителей начальных школ и некоторых категорий работников сельских культурно-просветительных учреждений. В 1927 году было введено повышенное пенсионное обеспечение для Героев Труда. Что касается крестьянства, то, по положению 1921 года, обеспечение нуждающихся должно было осуществляться через организации общественной взаимопомощи.

В результате единого пенсионного законодательства в СССР до 1956 года не существовало. Впервые пенсии по старости введены в 1928 году для рабочих горно-рудной и текстильной промышленности. Для получения пенсии по старости стал требоваться 8-летний трудовой стаж. В 1929 году обеспечение по старости предоставлено рабочим горной, металлической и электротехнической промышленности, железнодорожного и водного транспорта, с 1930 года — полиграфической, химической, табачной, стекольной, фарфоровой промышленности, а также инженерно-техническим работникам этих отраслей. Положение 1928 года определяло условия назначения и размеры пенсий по инвалидности в зависимости от ее группы и причин, стажа работы и размера заработка. Положением 1930 года вводились преимущества в праве на пенсии рабочих и их семей в сравнении со служащими. В 1931 году пенсионное обеспечение по старости было распро-

странено на всех рабочих и инженерно-технических работников всех отраслей промышленности. Однако требовалось наличие трудового стажа в 25 лет для мужчин, и в 20 лет для женщин. Постепенно пенсиями были охвачены медицинские и ветеринарные работники, летчики гражданской авиации. Колхозы должны были отчислять 2 % прибыли для выплаты пенсий. Пенсионный возраст для мужчин наступал с 60 лет, для женщин — с 55 лет. Он снижался на 10 лет при подземных работах (одновременно на 5 лет снижался необходимый трудовой стаж), на 5 лет — при других, признанных вредными производствах, многодетным матерям.

Социальная направленность пенсионного законодательства выражалась в том, что рабочие имели приоритет перед служащими, а так называемые «лишенцы», т. е. «бывшие эксплуататорские классы», не имели права и на пенсии. После введения Конституции 1936 года, с июля 1937 года пенсии по старости и инвалидности стали назначаться служащим на тех же условиях, что и рабочим, и были сняты ограничения для лиц, ранее лишенных избирательных прав по социальному происхождению или положению. Борьба с «летунами» на производстве выразилась в том, что стали устанавливаться надбавки к пенсиям по инвалидности вследствие общего заболевания за стаж работы на одном предприятии. Накануне Великой Отечественной войны были приняты постановления о пенсиях военнослужащим срочной службы и командного состава. Предусматривалась выплата пенсий семьям погибших или умерших военнослужащих, как за потерю кормильца, то есть престарелым нетрудоспособным родителям и малолетним детям.

После войны издан был ряд актов, предусматривавших повышенные пенсии и льготы при их назначении работникам важнейших отраслей народного хозяйства: продолжалась политика создания «специальных норм», охватывавших строго определенную группу лиц. Так, в 1949 году были установлены пенсии научным работникам в размере 40 % от размера оклада. Предельные пенсии академиков академий наук составили 600 рублей, членов-корреспондентов АН, профессоров и докторов наук — 400, доцентов и кандидатов наук — 200, младших научных сотрудников — 100 рублей. Максимальный размер пенсий прочих трудящихся при этом составлял 300 рублей.

Огромную роль в пенсионном обеспечении сыграл закон 14 июля 1956 года, вступивший в действие с 1 октября. Круг лиц, обеспечивавшихся пенсиями, был расширен за счет тех, кто по социальному положению был близок к рабочим и служащим народного хозяйства. Так, право на пенсии получили школьные учителя, ранее их не полу-

чавшие (кроме сельских учителей), некоторые категории работников культуры и пр. Работники просвещения и здравоохранения при выслуге лет получали с 1959 года 40 % оклада. Введено было пенсионное обеспечение работников промкооперации, председателей, специалистов и механизаторов колхозов; в МТС пенсии были установлены еще в 1953 году. Увеличился размер полных пенсий по старости: минимальный размер был 300 рублей, максимальный — 1200 рублей; инвалиды III группы получали от 250 до 600 рублей, II группы — 450–1200, I группы — 700–1200 рублей. Устанавливались пенсии при потере кормильца: на одного члена семьи — от 230 рублей, на двух — 450, на трех — 750 рублей. Нужно иметь в виду, что все эти пенсии приведены в масштабах цен до 1961 года, т. е. применительно к 60–80-м годам сумму нужно уменьшить в 10 раз. Впервые вводилась пенсия по старости, инвалидности и потере кормильца при неполном стаже: требовалось наличие пенсионного возраста и стаж не менее 5 лет, причем непосредственно перед обращением за пенсией — 3 лет. Недостаточный трудовой стаж вел к сокращению пенсии; при его отсутствии или размере ниже определенного минимума пенсия не выплачивалась. Срок заключения или ссылки в трудовой стаж не включался. Осужденный на заключение в лагерь пенсионер переставал получать пенсию до отбытия срока, после чего выплата возобновлялась; осуждение на принудработы на выплату пенсии не влияло. Основанием для снижения пенсионного возраста был трудовой стаж на вредных работах (подземных, в горячих цехах, на химическом производстве и т. д.), инвалидность, наличие патологических отклонений (например, у лилипутов), у женщин — рождение 5 и более детей. Пенсионный возраст женщин при всех условиях был на 5 лет короче, нежели у мужчин.

При этом закон имел обратную силу, т. е. распространялся и на тех, кто вышел на пенсию до 1956 года. В общем и целом это был вполне вменяемый закон, за некоторыми исключениями способствовавший улучшению положения трудящихся.

Работавшие лица пенсионного возраста пенсий не получали. Однако это вызвало отток работающих из народного хозяйства, что имело негативный характер в стране, потерявшей много населения во время войны, да еще и при постепенном снижении рождаемости. Для компенсации этого положения в 1964, 1966 и 1969 годах был принят ряд положений; например, пенсионеры могли работать 1 месяц в году, получая пенсию. Особенно важным оказалось постановление 1969 года, в результате которого по стране работало уже 65 % пенсионеров. Это

была «временная мера», ежегодно, однако, продлевавшаяся. С 1979 года все работающие пенсионеры могли получать пенсии.

Расчет размеров пенсий был следующим: с зарплаты до 500 рублей пенсия составляла 85 % номинального оклада с добавлением премий и т. п. (в 1956 году 11,1 % рабочих и 0,7 % инженерно-технических работников получали до 400 рублей), от 500 до 600 рублей — 75 % оклада (зарплату от 400 до 600 рублей получали 24,3 % рабочих и 5,4 % ИТР), от 600 до 800 рублей — 65 % оклада (25 % рабочих и 16,2 % ИТР), с зарплаты от 800 до 1000 рублей — 55 % оклада (17,3 % рабочих и 26,3 % ИТР), с оклада свыше 1000 рублей — 50 %. На вредных производствах пенсия была на 5 % выше. В результате средний размер пенсий в 1970 году составлял 34,4 рубля, из них пенсий по возрасту — 53,4 рубля; в 1981 году из 32 миллионов пенсионеров четверть получала минимальные пенсии. При неполном стаже расчет пенсий был такой: полную пенсию, исчисленную из среднемесячного заработка, у мужчин делили на 300, у женщин на 240 (общий стаж в 25 или 20 лет умножить на 12 месяцев) и умножали на число месяцев наличного стажа, так что с зарплаты до 500 рублей при 5-летнем стаже пенсия могла быть и менее 100 рублей (10 рублей в масштабах цен 1961 года). Необходимо помнить, что в 1956 году партия простила миллионы раскулаченных и сосланных крестьян, бывших монахов и т. п., а время ссылки и заключения в трудовой стаж не включалось, и те, кто вернулся и еще мог работать, должны были зарабатывать хотя бы минимальный стаж. Так что сегодняшнее распространенное мнение, что все пенсионеры получали в СССР по 120 рублей и благоденствовали — миф, продиктованный незнанием.

Сельским жителям — рабочим и служащим — пенсия устанавливалась на 15 % ниже городских: максимальная — 1020 рублей. Особо стоял вопрос о пенсионном обеспечении колхозников: в принципе, считалось, что пенсии им должны выплачивать колхозы из своих средств. Специальная комиссия сообщала в ЦК, что на 1 января 1959 года в колхозах было 12,1 миллиона престарелых и нетрудоспособных колхозников; из них 2,6 миллиона обеспечивались государственной пенсией, 1,3 миллиона получали пособия от колхозов, а 8,2 миллиона пенсиями не обеспечивались. Было принято решение о введении государственной пенсии для колхозников: минимальной 100 рублей (в масштабах цен до 1961 года), максимальной в 500 рублей. Пенсионный возраст у колхозников наступал на 5 лет позже, чем у работников промышленности и служащих. В 1964 году был принят закон о пенсионном обеспечении всех членов колхозов. В 1965 году средний размер пенсий кол-

хозников составлял 12,5 рубля, в 1970 году — 14,1 рубля. В 1968 году колхозники в отношении пенсионного возраста были приравнены к рабочим и служащим, значительно повышены пенсии колхозникам-инвалидам I и II групп, и стали получать пенсии инвалиды III группы. Одновременно на 5 лет был сокращен пенсионный возраст для текстильщиц, а также тех, кто проработал не менее 15 лет на Крайнем Севере и 20 лет в местностях, приравненных к нему. Было улучшено пенсионное обеспечение инвалидов-военнослужащих и инвалидов с детства. В 1971 году вновь были увеличены пенсии колхозников по старости, а также пенсии колхозников-инвалидов, снижен пенсионный возраст для колхозников, длительный срок проработавших на Крайнем Севере. В 1972 году минимальные пенсии колхозников были увеличены до 20 рублей, а максимальные — до 102 рублей; средний размер их пенсий составил в 1980 году уже 35,2 рубля. С 1959 года пенсии стали доставляться по месту жительства.

Содержание престарелых и нетрудоспособных людей, не имевших семьи, всегда было одной из острых социальных проблем. Уже Петр I, довольно негативно относившийся к монастырям, обязал их содержать нетрудоспособных нищих. На протяжении двух столетий шло развитие сети богаделен, т. е. приютов для стариков и инвалидов; в том числе создавались и военные богадельни, в которых содержались инвалиды — солдаты и офицеры. После Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии был создан особый Инвалидный капитал. Богадельни открывались и частными лицами, в том числе предпринимателями для утративших трудоспособность рабочих. Но, конечно, все это была капля в море бедствий и нищеты.

Приюты для одиноких стариков и нетрудоспособных стали открываться и в советское время. Надо полагать, все помнят такой приют, описанный И. Ильфом и Е. Петровым в «Двенадцати стульях», разместившийся в доме бывшего предводителя дворянства. Также надо полагать, что скудное содержание старух-богаделенок было обусловлено не только воровством «голубого воришки» Альхена и его великовозрастных родственников. С тех пор и повелось дома престарелых (слово «богадельня» было реакционным) устраивать в бывших особняках, в бывших помещичьих усадьбах и монастырях. В 20–30-х годах дома престарелых были организованы в 168 бывших монастырях. На каких условиях помещались там обитатели — сказать трудно. Но известно, что те, кто получал пенсии, их полностью отдавали в дома престарелых. Государство выделяло на содержание приютов небольшие деньги: об этом могут судить те, кто когда-либо видел их. Оно и понят-

но: бюджет не резиновый, и деньги нужны на более важные и неотложные нужды. Так что недаром в последние годы все чаще можно услышать о пожарах в домах престарелых и гибели в них тех, кого требовалось выводить под руки или выносить: приюты, да еще и расположенные в приспособленных зданиях, не ремонтировались десятками лет.

И, наконец, совершенным новшеством в советский период стали алименты на содержание престарелых нетрудоспособных родителей, высчитывавшиеся с заработной платы нерадивых взрослых детей.

Деньги и денежные реформы

Разного рода денежные реформы — обычное дело в странах с нестабильной политической системой или экономикой. Вот и в царской России они проводились время от времени. Тяжело с финансами — чеканили облегченную медную монету, а в серебряной снижали содержание серебра. Или наоборот, с новым царствованием повышали вес медной монеты и содержание чистого серебра в серебряной. Но конфискационных реформ не было: просто казначейство принимало платежи старой монетой, а выдавало новую.

Уже в ходе Первой мировой войны курс бумажного рубля начал быстро падать. К тому же был не только прекращен размен кредитного рубля на золото, но даже выпуск серебряной разменной монеты прекратился, и ее стали заменять бумажными суррогатами. А в результате Гражданской войны в финансовом хозяйстве воцарился хаос. Добыча золота и серебра, сосредоточенная вне центра страны, практически прекратилась; во всяком случае, металлы оттуда не поступали. Золотой запас страны был эвакуирован в Казань и вскоре попал в руки антибольшевистских сил. К тому же известный всем «похабный» Брестский мир — это был не просто выход из войны и не только оккупация немцами и австрийцами части территории. В начале декабря 1918 года Германия передала союзникам 12 миллионов фунтов стерлингов золотом, полученных ею от России в качестве контрибуции; осталось ли что-то от этой контрибуции, сказать трудно.

Промышленность, транспорт, все народное хозяйство страны практически не работало, а это усиливало финансовый кризис, чтобы не сказать — крах. Осведомленный современник записывает в дневнике 16 апреля 1918 года: «Нар. ком Гуковский... в последнем заседании Центрального Исполнительного Комитета преподнес... ошеломляющие финансовые подсчеты. Расходы государства предвидятся за полгода — 80 млрд, а доходы — 6 млрд... Паровоз на Русском заводе... обходится теперь в 600 000 р. Всякие “совдепы”, “совнаркомы”, “каво-мары”, “главководы”, “центротопы” и другие сочетания букв русского алфавита — тоже “рвут”. Печатный денежный станок окончательно изнемогает. Все разрушается, и ничего взамен не создается, кроме новых советов, комиссариатов, комитетов, отделов, подразделов, комиссий и трибуналов, требующих только денег, денег и денег и дающих

лишь декреты, постановления, распоряжения о налогах, контрибуциях, конфискациях, национализациях и всяких других акциях. Железная дорога работает вместо прежнего только на 30 %. Расход на версту возрос с 11 000 р. до 80 000 р.» (Окунев. Записки москвича).

Бумажная денежная масса, не обеспеченная ценными металлами, превышала все разумные пределы, расчеты даже в личном хозяйстве велись на миллионы и миллиарды, а в государственном — на квинтиллионы и квадриллионы. Автор дневников записывает 2 мая 1921 года: «Из современной бухгалтерии: “Совнарком отпустил Наркомпроду авансом в счет сметы на январь–июнь 1921 г. 29 902 804 000 рублей”. Острижки распевали: “Залетаю я в буфет, ни копейки денег нет. Разменяйте десять миллионов!”». Тот же автор дневников, Окунев, записывает 15 января 1921 года: «Слышал сегодня, что “Петры”, т. е. царские 500 р., котируются за 90 000 р., думская тысяча — за 13 000 р., керенская — за 8000 р., и еще: ситец стоит теперь на (душевной) Сухаревке 5000 р. за аршин, сукно 75000 р. аршин, шерстяная материя 48 000 аршин, катушка швейных ниток — 5000 р.». А в 1922 году «Совдеп объявил 28 января цены на продукты, отпускаемые по гос. плану снабжения: мука пшеничная 16 000 р. ф. (т. е. фунт — 409 гр. — Л. Б.), ржаная 5700 р. ф., говядина 14 500 р. ф., сельди 5700 р. ф., вобла 4000 р. ф., кофе (суррогат) 11 000 р., морковь, свекла, капуста 2000 р. ф., картофель 1000 р. ф., мыло простое 22 000 р. ф., масло русское 45 тыс. р. ф., масло сливочное 60 тыс. р. ф., сахар 675 тыс. р. ф., табак 3-го сорта 18 тыс. р. ф. Кстати: с меня вычли за казенные выдачи в ноябре и декабре продуктами 419 000 р. и за костюм, обувь, шапку и белье — 360 000 р.». Измученная нечеловеческими условиями жизни и попытками немного заработать на жизнь спекуляцией на Сухаревке, в 1922 году покончила с собой жена автора дневников. Он записывает: «Сосновый гроб, обитый бумагой, немного украшенный цинком, 1 500 000 р. Рытье могилы 1 500 000 р. и т. д. Одним словом, похороны обошлись в 9 миллионов». Так что не только жить — умереть по-человечески было невозможно.

В этих условиях оставалось прибегнуть только к конфискациям и контрибуциям с «имущих» граждан. В январе 1918 года были аннулированы все акции, в феврале — все государственные займы и царского, и Временного правительств. Те, кто имел облигаций на сумму не свыше 10 000 рублей, получали ничего не стоившие облигации «займа РСФСР». А 2 ноября 1918 года Окунев записывает: «Опубликован декрет о единовременном чрезвычайном 10-миллиардном налоге “с имущих”. Получающие жалование не более 1500 р. в месяц — от налога освобождены. Налог (вернее, контрибуция) должен быть взыскан

не позднее 15 декабря и разверстан так: г. Москва — 2 млрд, г. Петроград — 1,5 млрд, Московская губ. — 1 млрд, Петроградская — 500 тыс., Самарская — 400, Курская — 380, Тамбовская — 250, Нижегородская — 220, Казанская и Пермская по 200, Тверская, Симбирская, Рязанская, Тульская и Астраханская по 150, Смоленская — 140, Владимирская — 170, Костромская — 160, Ярославская — 120, Пензенская — 125, Витебская — 100, Псковская — 90, Могилевская — 70, Минская — 60, Калужская — 100, Вологодская — 60, Новгородская — 75 и Олонецкая — 15».

Нуждавшееся в средствах, в том числе на разжигание мировой революции и «помощь немецкому (австрийскому, английскому — далее по всем буквам алфавита. — Л. Б.) пролетариату», большевистское руководство прибегло к широкой распродаже национальных ценностей, конфискованных во дворцах и особняках Императорской фамилии, придворной аристократии, дворянства, предпринимателей. В 1920 году под руководством Максима Горького был создан Антикварно-экспортный фонд, а его гражданская жена, артистка М.А. Андреева, организовала продажу картин и изделий декоративно-прикладного искусства по демпинговым ценам на международных аукционах. Изъяты были и все частные вклады, хранившиеся в национализированных банках. Началось изъятие ценностей по домам частных лиц из «бывших». 28 июля 1920 года москвич Окунев записывает в дневнике: «Напечатано дополнение к декрету о реквизициях и конфискациях. Подлежат сему, независимо от количества, платиновые, золотые и серебряные монеты, золото и платина в слитках; процентные и дивидендные бумаги, наличные кредитки (последние только в случае признания факта приобретения их для спекулятивных целей).

Допускается хранить для себя: золотые и платиновые изделия не более 18 золотников в общей сложности на одно лицо; серебра не более 3 ф., бриллиантов не более 3-х каратов, жемчуга не свыше 5 золотников. Наличными можно хранить у себя не более двадцатикратной минимальной тарифной ставки на одно лицо, что свыше, то принудительно вносится на текущий счет владельца».

И все равно в условиях экономического хаоса денег не хватало. Требовалась радикальная денежная реформа. Вообще-то само слово «деньги» официально не употреблялось: это была гнилая отрыжка капитализма. Предполагалось, что при коммунизме все будет бесплатным (и во время военного коммунизма почти так и было: продовольственный паек выдавался бесплатно, квартиры, проезд в трамвае, посе-

щение театров и прочее — также бесплатны), а при социализме, т. е. начальной стадии коммунизма, будет простой обмен одного продукта на другой. Но выяснилось, что обмен получался плохо: как обменять конский хомут на женское кружевное белье?

Поэтому временно, в марте 1919 года были введены «совзнаки», или, точнее, «Расчетные знаки РСФСР» номиналом в 1, 2 и 3 рубля, а затем в 15, 30 и 60 рублей. С марта 1920 года выпускались расчетные знаки уже в 100, 200, 1000, 5000 и 10 000 рублей, а с июля 1921 года в 25, 50 и 100 тысяч. При изготовлении первых совзнаков использовались клише, созданные при Временном правительстве, и на них двуглавый орел нового образца, без корон, скипетра и державы, соседствовал с подписью главного комиссара Народного банка Г. Пятакова. Затем на них появился девиз «Пролетарии всех стан, соединяйтесь!» и герб РСФСР. Как и «керенки» (которые имели номинал всего-то в 20 и 40 рублей), совзнаки выпускались неразрезанными листами, от 20 до 60 штук в листе, и при расчетах люди пользовались ножницами. Впрочем, ввиду нехватки и дороговизны чистой бумаги, на листах совзнаков граждане писали письма, а учреждения — бухгалтерские документы, на них печатали продовольственные карточки и даже их использовали как переплетный материал: в условиях полного развала хозяйства деньги в буквальном смысле слова не стоили бумаги, на которой печатались.

В сентябре 1921 года для нужд предприятий и учреждений были выпущены также срочные беспроцентные средства обращения и платежа — «обязательства РСФСР» достоинством в 1, 5 и 10 миллионов рублей («лимоны»), которые разменивались на расчетные знаки. Срок окончательного расчета по ним был установлен 1 июля 1923 года, но затем продлен до 31 декабря. В апреле 1922 года появились новые обязательства, ввиду деноминации номиналом в 5 и 10 тысяч рублей, а по отношению к старым расчетным знакам — в 50 и 100 миллионов! Этот второй выпуск разменивался на новые «дензнаки» до 1 ноября 1923 года.

Дело в том, что в 1921 году была проведена первая деноминация: 1 рубль новых «денежных знаков» («дензнаков») равнялся 10 000 рублей старых совзнаков. В 1922 году провели еще одну деноминацию: 1 рубль равнялся 100 рублям дензнаками 1922 года. Были проведены два «хлебных» и один выигрышный золотой займы и легализовано обращение серебряной и золотой монеты царской чеканки и иностранной валюты. В 1922 и 1923 годах были также выпущены краткосрочные платежные обязательства, обеспечивавшиеся золотом,

и банковские билеты Госбанка («червонцы»), обеспеченные золотом и твердой валютой на 25 % и легкорезализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными обязательствами Госбанка на 75 %. В оборот также были введены медная и серебряная разменные монеты. Вопреки распространенному мнению, золотые «червонцы» чеканились в очень ограниченных масштабах и использовались только для заграничных платежей. Червонец был бумажным и выглядел несколько легкомысленно, повторяя форму британского фунта: печатался на белой бумаге.

На заключительном этапе реформы в 1924 году быстро обеспечившиеся дензнаки РСФСР и совзнаки СССР образца 1923 года были выкуплены по твердому курсу 50 000 рублей за 1 рубль образца 1924 года или монету советской чеканки, а все ранее выпущенные дензнаки РСФСР — по курсу 50 миллиардов рублей за 1 рубль. Был установлен твердый курс 10 рублей казначейскими билетами 1924 года за один червонец.

Новая экономическая политика давала свои плоды: восстанавливалась промышленность, от «частника» на рынок поступали необходимые населению товары, крестьянство довело посевы до уровня довоенных и даже слегка превысило этот уровень. Стабилизировался и денежный рынок. Но в конце 20-х годов власти повели наступление на частника, вытеснение его с рынка и изъятие у нэпманов ценностей. Серебро, из которого чеканилась разменная монета, быстро превратилось в средство накопления и оседало на руках населения, а это дестабилизировало денежный рынок. Торговля просто отказывалась принимать крупные суммы, не выдавала сдачу. Москвич Шитц записывал в дневнике в 1929 году: «Доходят смутные вести о том, что на юге (Одесса) исчезает мелкая монета (крупная — рубли и полтины — исчезла давно, ибо содержит порядочную порцию серебра). Объясняют так: в двугривенном серебра на 4–5 коп., след. рубль мелочью стоит 20–25 коп. — за серебро, в нем заключенное; это уже много выше реальной стоимости бумажного рубля, оцениваемого коп. в 15... Мелочь серебряная исчезает из оборота. Мужики, повысив за 15 дней молоко с 20 до 30 коп. за кружку, начинают неохотно брать деньги, вообще предпочитают предметы потребления...

Разруха какая-то общая, как в 1917 г. — растет с каждым днем. Мелочь исчезла из оборота. Уже торговцы продают только на папиросы — колбасу, селедку, мыло. Сдачи не дают... В магазинах вывески: просят не затруднять разменом. То же у касс железных дорог». В августе 1930 года ОГПУ стало предпринимать крутые меры по борьбе

с укрывателями разменной монеты. Так, 28 августа в газетах появилось сообщение о расстреле 120 человек за хранение мелкой серебряной монеты.

Индустриализация требовала огромных средств, а то, что можно было изымать у «бывших» и нэпманов, было уже разными способами изъято. Самым кардинальным способом виделись позаимствования у населения в виде выпуска облигаций государственных займов. Подписка на государственный заем стала обязательной и производилась на предприятиях, в учреждениях, совхозах и колхозах сначала в связи восстановлением народного хозяйства, затем с переходом к индустриализации на ее нужды. Первый заем был проведен в 1922 году. Вначале займы были добровольными. Первые займы (два «хлебных», один «сахарный») имели натуральный характер: облигации продавались за деньги, а их держателям государство гарантировало получение указанного количества сахара или ржи. С конца 20 — начала 30-х годов ситуация изменилась, и займы превратились в способ выкачивания денег из населения, получив принудительный характер. Для их проведения на места отправлялись многочисленные уполномоченные партийных, советских и финансовых органов, а также активисты, формально агитировавшие, а фактически принуждавшие людей подписываться, обычно в пределах месячной зарплаты; в 30-е годы создавались даже особые комсоды — комитеты содействия госкредиту, через которые оказывалось давление на несознательных граждан. Учитывая разнообразие, массовость и непрерывность репрессий, после ворчания, люди подписывались, обычно на месячный или даже двухмесячный оклад. Поскольку купить облигации сразу на такую сумму было невозможно, деньги высчитывали из зарплаты в течение года. В 1927–1929 годах были выпущены 3 займа индустриализации, в 1930 году — заем «Пятилетка — в четыре года», в 1931–1935 годах — еще 5 займов. Они дали 10% всего бюджета СССР. В 1936 году была проведена принудительная конверсия ранее выпущенных займов, и срок погашения новых облигаций устанавливался в 20 лет. Если по первым займам облигации имели свободное хождение, их можно было продавать, вносить ими налоги и пр., как это делалось до революции, то в 1930 году все займы были слиты в один общий, свободное хождение облигаций прекращено и во избежание их продажи были даже предложения их хранения в учреждениях и номера записывать за подписчиками. Подписка имела массовый характер: накануне отмены государственных займов, в 50-х годах, число подписчиков достигало 70 миллионов человек, т. е. практически все производительное население страны. В 30-х годах

население предоставило государству «взаимы» около 50 миллиардов рублей.

Но был еще один важный источник дохода: торговля спиртными напитками. В свое время В.И. Ленин много писал о том, как царизм спаивал пролетариат, о «пьяном бюджете» и т. д. В 1924 году в СССР возобновилась торговля водкой, а на слабые голоса протеста Сталин ответил удивлением: «Почему бы и нет?». 22 сентября 1932 года партийный деятель Р.И. Берзин записывает: «Пять миллиардов мы имеем доходу от водки — или 17 процентов всех доходных поступлений. Давно мы простую водку назвали «пшеничной», и давно вы вместо написанных 40° пьете 38°, — рассказывает Малаховский. Но почему это необходимо делать? «В стране избыток денег, но товаров-то нет. Водка — верное средство изъять денежные излишки». Вот своеобразная теория финработника в стране строящегося социализма. Нет товаров — подавай побольше и подороже водку, причем государство само умышленно обманывает народ. Где тут логика и нужен нам этот обман, если мы говорим: «Мы ведь сами власть, сами — государство». Непонятно, но, значит, этого требует политика. Раз мы строим грандиозное дело — нужны средства. Никто нам их не даст — остается только жить за счет собственных ресурсов». С тех пор доходы от водки в бюджете только росли, хотя в ежегодных росписях бюджета эта цифра старательно скрывалась.

Тяжелая война, начавшаяся в 1941 году, привела к серьезному кризису на рынке. Цены на все товары первой необходимости начали расти еще в предвоенный период (в 1940 году — на 100%), а в 1941–1942 годах их рост был просто непрерывным. В то же время росла, хотя и не так быстро, денежная масса, не обеспеченная товарами. Население просто нищало. Активно велась и принудительная подписка на облигации государственных займов: «военный заем» составил свыше 76 миллиардов рублей. Вновь требовалась радикальная денежная реформа. И подготовка к ней началась. 2 июля 1946 года приказом по Министерству торговли СССР были снижены цены на многие промышленные товары в среднем на 35 %. Но 29 августа 1946 года в «Правде» появилось сообщение: «В связи с засухой в ряде областей СССР и сокращением государственных запасов продовольствия Президиум Верховного Совета СССР постановил удовлетворить ходатайство Совета Министров СССР о перенесении отмены карточной системы с 1946 г. на 1947 г.». Для ликвидации карточек требовалось максимально сблизить так называемые пайковые цены, по которым население покупало товары по карточкам, и цены коммерческой торговли. 6 сен-

тября 1946 года вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о повышении в 2,5–3 раза пайковых цен. Одновременно на 10–20 % были снижены цены на товары, реализуемые в системе коммерческой торговли. А 16 сентября опубликовано новое сообщение: «В целях подготовки условий для отмены в 1947 г. карточной системы и введения единых цен Совет Министров СССР признал необходимым теперь же осуществить мероприятия, направленные к сближению высоких коммерческих и низких пайковых цен путем дальнейшего снижения коммерческих цен и некоторого повышения пайковых цен с тем, чтобы к моменту отмены карточной системы упразднить коммерческие цены и объявить новые пайковые цены едиными государственными ценами». До этого килограмм ржаного хлеба по карточкам стоил 1 рубль 10 копеек, теперь — 3 рубля 40 копеек; пшеничный хлеб, ранее продававшийся по 1 рублю 70 копеек за 1 кг, теперь стал стоить 5 рублей.

В декабре 1947 года в СССР провели радикальную денежную реформу. Слишком много денег оказалось на руках у населения: ведь во время войны были введены обязательные сверхурочные с полуторной оплатой, отменены отпуска с последующей, после войны, денежной компенсацией за них, так что после войны люди получили денежные компенсации. Вот эти излишки и хотелось изъять, тем более что они не были обеспечены товарной массой. Правда, народу это объяснили так, что немцы во время войны, стремясь дестабилизировать советскую экономику, выбросили на денежный рынок массу фальшивых денег, и их нужно изъять.

Министр финансов А.Г. Зверев в апреле 1947 года совершенно секретно писал Сталину: «К обмену будут предъявлены банковские и казначейские билеты на сумму около 60 млрд рублей. При обмене денег по соотношению пять к одному денежная масса уменьшится на 48 млрд рублей и на руки населению будет выдано 12 млрд рублей денежными знаками нового образца... Представляется целесообразным одновременно с обменом произвести переоценку по указанному соотношению денежных накоплений населения, образовавшихся, в основном, в годы войны в виде вкладов населения в сберегательных кассах и Госбанке, свидетельств на получение компенсации за неиспользованные во время войны отпуска, облигации займа 1938 г.

В результате денежной реформы общая сумма государственных обязательств сократится, в том числе... за счет вкладов населения и свидетельств сберегательных касс — на 16 млрд рублей».

Записка Зверева — только предварительные наброски. Реформа была проведена более сложно. А главное — быстро. Деньги требова-

лось обменять в промежутке с 16 по 22 декабря. А обменивались они так.

Из денег, бывших на руках населения, 1000 рублей обменивались один к одному. Если учесть, что мужской бостоновый костюм стоил 1500 рублей, сумма в 1000 рублей — невелика. То, что оставалось свыше 1000, обменивалось 10 рублей старыми на 1 рубль новыми.

В результате те, у кого на руках находились крупные суммы, потеряли почти все. Это в некоторых случаях привело к семейным драмам, вплоть до самоубийств. Ведь после войны полстраны было на колесах: кто из эвакуации возвращался, кто демобилизовался из армии, кто лучшей доли искал... Вот хотя бы бывший командир штрафного батальона А. Пыльцын, дошедший со своим штрафбатом до Берлина. После окончания войны он продолжал службу в Германии, и как раз в декабре 1947 года получил перевод на Родину. «В пограничный Брест, — вспоминает он, — тот самый Брест, при освобождении которого три года тому назад наш штрафбат понес большие потери, мы прибыли с небольшим опозданием, когда до завершения обмена денег, выданных нам по месту службы, на новые (из расчета десять старых рублей на один новый) оставалось всего два часа. За это время мы... должны были успеть произвести обмен денег.

Нам указали, где находится обменный пункт на вокзале, а там, у касс, скопилась такая очередь, что нам сразу объяснили, что сумма, которую мы сможем обменять, будет заметно ограничена. В общем, наши не такие уж тугие кошельки стали совсем тощими». То есть им с женой — военным медиком, даже и на таких-то условиях не все меняли...

Хранить деньги в сберкассе оказалось выгоднее (правильно в рекламе писалось: «Надежно, выгодно, удобно в сберкассе денежки хранить»). Здесь один к одному обменивалась уже сумма до 3000 рублей. Вклады в диапазоне от 3 до 10 тысяч обменивались 3 рубля старыми на 2 рубля новыми. А то, что превышало 10 000, менялось как два к одному. Не остались без внимания и облигации принудительных займов: они обменивались 3 рубля к одному, а облигации выигрышного займа 1938 года, о которых напомнил министр Зверев, прямо по его наметкам обменивались 5 к одному.

Зверев понимал, что население сильно проиграет. Поэтому он предложил «выпуск новых денежных знаков... вплотную приблизить к моменту отмены карточек, с тем, чтобы путем открытой торговли по единым ценам в известной мере компенсировать широким слоям трудящихся потери, связанные с обменом...».

Так что одновременно с реформой отменили карточки и ввели единые цены на товары и продовольствие. До того цены по карточкам и цены в свободной торговле, т. н. коммерческие, сильно различались. Теперь цены на промтовары были установлены немного ниже прежних коммерческих, но значительно выше цен в нормируемой (карточной) торговле. Цены на продовольствие были равны прежним ценам нормируемой торговли, а на хлеб даже чуть понизились.

Хотя реформа готовилась в глубокой тайне, в нашей стране нет ничего тайного, что быстро не стало бы явным. Уже за неделю до реформы возник ажиотажный спрос на любые товары. Хватали то, что никогда не пользовалось спросом и было ненужным, лишь бы сбросить деньги, так что полки магазинов мгновенно пустели; руководство торговлей даже было вынуждено ограничивать поставку товаров в магазины. Я хорошо помню эту реформу и взволнованные разговоры собиравшихся кучками женщин: где что еще можно купить. Моя мать на остатки от 1000 обменивавшихся рублей купила две коробки пудры и баночку земляничной помады для щек, хотя никогда не помадилась и очень редко пудрилась: возле коровы, свиньи и кур, на огороде и в кухне ей это было нужно, как лишняя дырка в голове. Отец долго смеялся над ней. Так, лет через 10 эта пудра, лежавшая на подзеркальном столике, и была выброшена, почти не початая, а помаду я, маленький, часто нюхал, наслаждаясь запахом земляники...

Продолжилась и практика принудительного «заимствования» денег у населения через займы. В 1946–1955 годах т. н. «займы восстановления» составили почти 254 миллиардов. В связи с денежной реформой 1947 года облигации ранее выпущенных 11 займов были обменены на облигации 2% государственного займа 1948 года.

В 1957 году обязательная подписка на заем была произведена на сумму двухмесячного заработка, но пенсионеров и студентов освободили от нее. Этот заем был погашен к концу 1962 года. В 1958 году государство отказалось от принудительной подписки на облигации: выпуск ранее размещенных займов был прекращен, а погашение их облигаций (как всегда, «по инициативе трудящихся») было отсрочено на 20 лет, и помойки были завалены кипами старых облигаций. Последние займы (добровольные) были проведены в 90-х годах.

Принудительная подписка по займам в 1958 году была заменена свободно обращавшимся 3%-ным внутренним выигрышным займом, облигации которого продавались (с незначительной надбавкой) и покупались сберегательными кассами за наличный расчет. По нему были установлены крупные суммы выигрышей и ежегодно проводилось

7 тиражей. В 80-х годах розыгрыши тиражей прекратились и заем был аннулирован.

В том же ряду выкачивания денег из населения находятся и денежно-вещевые лотереи. Первая в СССР лотерея была проведена по инициативе Детской комиссии при ВЦИК СССР в пользу беспризорников в 1925 году, причем разыгрывались вещи из национализированного имущества дворянских семей. В 1927 году, когда началось распределение промышленных товаров по предприятиям, здесь стали устраиваться вещевые лотереи: товарный голод заставлял людей активно участвовать в них. С 1926 по 1940 год лотереи проводились преимущественно различными добровольными организациями — Автодором, Обществом «Друг детей» и т. д., а особенно Осоавиахимом, проводившим 14 лотерей. Можно было выиграть фотоаппараты, велосипеды и даже легковой автомобиль «форд». Во время Великой Отечественной войны было также проведено 4 лотереи: разыгрывались мебель, одежда, обувь и т. п. С 1945 года лотереи не проводились. Вновь первая лотерея была проведена в 1957 году в связи с подготовкой к Фестивалю молодежи и студентов в Москве. Билеты стоимостью 5 рублей (на эти деньги можно было хорошо пообедать в дорогой столовой) прямо обязывали покупать рабочих и служащих, студентов и даже школьников по традиции, оставшейся от обязательной подписки на облигации государственных займов. Эта практика навязывания продолжалась и в последующем, в 60–70-х годах; например, «билетик» предлагали вместо сдачи в магазинах. Однако азартные люди в надежде на большой выигрыш и добровольно покупали много билетов. Суммы выигрышей в большинстве случаев были очень невелики, а выигранные вещи — недороги (например, авторучки и т. п.), хотя рекламировались и выигрыши автомобилей. Вместо выигрыша можно было взять его стоимость деньгами. В 1970 году появилась популярная лотерея «Спортлото».

В 1961 году была проведена очередная денежная реформа, а точнее, деноминация, якобы для удобства расчетов. Деньги (все, и на руках, и в сберкассах) обменивались 10 к одному. Однако цены немного изменились: то, что на рынке стоило 10 копеек, так и продолжало стоить 10 копеек, а не одну копейку. Так что потери населения от этой реформы были, хотя и незначительные.

Разумеется, источником денежных средств были и налоги. Прежде всего с граждан брался подоходный налог. Система обложения им менялась. Так, в 60-х годах с зарплаты от 70 до 100 рублей взималось 4 рубля 60 копеек + 12% с суммы, превышавшей 70 рублей; с зарплаты

от 100 рублей бралось 8 рублей 20 копеек + 13 % с суммы, превышавшей 100 рублей, т. е. налог был прогрессивный. При наличии трех и более иждивенцев снижался на 30 %. С зарплаты до 70 рублей не брался (т. н. необлагаемый минимум).

Размер необлагаемого минимума также менялся. Так, 21 сентября 1946 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О повышении размера необлагаемого подоходным налогом минимума заработной платы рабочих и служащих» — со 150 рублей до 260 рублей в месяц, повышение стипендии учащихся с 210 рублей до 260 рублей в месяц. Если перевести эти суммы в масштаб цен 1947 года, это составит 26 рублей, а в масштабе цен 60-х годов — 2 рубля 60 копеек.

С 1 января 1942 года был введен военный налог. Он взимался со всех граждан с 18 лет, кроме военнослужащих и членов их семей, получавших пособие от государства, мужчин старше 60 лет, женщин старше 55 лет и пенсионеров, не имевших иных источников дохода. Рабочие и служащие выплачивали военный налог в соответствии с годовым заработком, например, с 2400 рублей — 180 рублей в год, до 4800–360 рублей; колхозники и единоличники платили 150–600 рублей с каждого члена хозяйства; граждане, не имевшие самостоятельного дохода, — 100 рублей в год. Общая сумма поступлений от военного налога превышала все прочие налоговые платежи, что позволило мобилизовать в бюджет за годы войны 72,1 миллиарда рублей. Налог был отменен 6 июля 1945 года.

21 ноября 1941 года с целью стимулировать рождаемость был издан Указ «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР». Этим налогом стали облагаться одинокие и семейные, но не имеющие детей граждане: мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины от 20 до 45 лет.

Налог взимался в т. ч. с незамужних и неженатых, отчего в народе назывался «налог на холостяков», и с женщин, не способных к деторождению. Учитывая начавшуюся после окончания войны борьбу за повышение нравственности, когда женщина, родившая ребенка вне «законного брака», подвергалась общественному порицанию, а у ребенка в свидетельстве о рождении вместо имени отца стоял позорный прочерк, взимание налога с холостяков (не состоявший в браке мужчина просто не мог обзавестись ребенком) было актом вопиющей несправедливости. В 60-х годах налог взимался с мужчин 20–50 лет и женщин 20–45 лет, составляя 6 % зарплаты; при зарплате менее 70 рублей ставка налога снижалась. От уплаты налога стали освобождаться неза-

мужние женщины и вдовы, военнослужащие, учащиеся до 25 лет, инвалиды I и II групп.

Важным средством выкачивания денег из населения в условиях продовольственного и товарного дефицита стала торговля спиртными напитками — сначала виноградными винами и пивом, а с декабря 1924 года и водкой, первоначально 30-градусной «Русской горькой»; стоила она 1 рубль 75 копеек за 0,5 литра. В народе она получила прозвание «Рыковка», по имени председателя правительства А. Рыкова. Одновременно в продаже появился коньяк «Армения» крепостью 31° по 3 рубля 50 копеек. В сентябре 1925 года вновь перешли к 40-градусному стандарту, но хлебное сырье более не употреблялось, весь спирт гнался из картофеля, а в конце 40-х годов Сталинской премией было отмечено создание технологии по очистке древесного спирта; однако до начала 60-х годов «сучок» стоил дешевле картофельной водки и внешне отличался. В дальнейшем вся водка изготавливалась по одному ГОСТу, различаясь только наклейками на бутылках. При низкой себестоимости производства водки цены на нее постоянно росли (под предлогом борьбы с пьянством), и бюджет все более принимал «пьяный» характер. Эта наценка на водку была откровенной формой косвенного налога.

Фактически перекладывался на покупателя налог с оборота, введенный главным образом на потребительские товары и превратившийся в косвенный налог. Налог этот, т. е. наценка на товары, составляла от 50 до 75 % отпускной цены на автомашины, бензин, керосин, взрослые велосипеды, фотоаппараты, пишущие машинки, авторучки, текстиль; от 33 до 66 % на швейные машинки, иголки, металлическую посуду, алюминиевые столовые приборы, обои, резиновые изделия, лампы, электропровода, писчую бумагу, цемент; 50 % на муку, 55 % на сахар, 70 % на растительное масло, 72 % на кожаную обувь и т. д.

Пайки, карточки и талоны

Сами по себе деньги в некоторые периоды играли второстепенную роль. Люди старшего поколения должны помнить, что жизнь в СССР прошла под знаком карточек и талонов на продовольственные и промышленные товары, изредка сменявшихся периодами более или менее свободной торговли. Правда, справедливости ради, нужно сказать, что карточки изобрели не большевики. Локальные ограничения в выдаче продуктов начались еще в 1916 году. Так, в Москве 16 августа 1916 года были введены карточки на сахар, а 1 марта 1917 года — на хлеб. 15 июня 1917 года появились карточки на крупу, рис, макароны и вермишель, 18 июля на мясо, 24 августа на сливочное масло, 10 сентября на яйца, 2 октября на растительное масло, 20 ноября на кондитерские изделия, 19 декабря на чай. Эти ограничения вводились по решению Московской городской думы. Аналогичные ограничения были введены весной–летом 1917 года во многих других городах. При этом нужно подчеркнуть, что никаких социальных привилегий в объемах продуктов не было. Зато быстро шло общее сокращение объема выдач, так что к февралю 1918 года выдачи хлеба сократились втрое, мяса и круп вдвое. При этом если хлеб выдавали всегда, то прочие продукты — далеко не всегда.

Проводя политику нормированного обеспечения населения, советская власть установила т. н. классовый паек. Сначала этот принцип начал вводиться в Петрограде, с осени 1918 года — в Москве и ряде других губерний. Будущее светило советской юриспруденции А. Вышинский писал: «Основные черты системы классового пайка сводятся к делению всех граждан на категории соответственно их социальному положению, с тем, что рабочие тяжелого труда зачисляются в высшую категорию и получают более высокую норму пайкового снабжения, рабочие менее тяжелого труда — зачисляются в менее привилегированную в отношении снабжения категорию и так далее, вплоть до нетрудовых элементов, зачисляемых в низшие категории и получающих самый низкий по сравнению с высшими категориями паек». Карточки стали свидетельством на право получения пайка определенной категории.

К первой категории были отнесены все рабочие, работающие в особо тяжелых условиях труда, матери, кормящие грудью детей до годовалого возраста, и беременные женщины с 5-го месяца. Вторая катего-

рия: все рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, но «работающие в нормальной атмосфере и условиях, не связанных с потреблением кислот и вредных газов или не требующих крайнего физического истощения»; женщины-хозяйки (без прислуги) с семьей не менее 4 человек и дети от 3 до 4 лет; нетрудоспособные 1-й категории, находящиеся на иждивении своей семьи. Третья категория: все рабочие, квалифицированные и неквалифицированные, занятые легким физическим трудом: женщины-хозяйки с семьей до 3 человек (без прислуги), дети до 3 лет и подростки от 14 до 17 лет, все учащиеся различных учебных заведений старше 14 лет, безработные всех категорий, состоящие на учете на бирже труда, пенсионеры, увечные воины, инвалиды и прочие нетрудоспособные 1-й и 2-й категории, состоящие на иждивении своей семьи. Четвертая категория: все лица мужского и женского пола, живущие доходами с капиталов, домов и предприятий или эксплуатацией наемного труда; лица свободных профессий и их семьи, не состоящие на общественной службе; лица без определенных занятий и все прочее нетрудовое население. Количество продуктов, выдававшихся по карточкам всех категорий, соотносилось как 4:3:2:1. При этом в первую очередь выдавались продукты по карточкам 1-й категории, затем 2-й, 3-й, а если что-нибудь от выдач останется, то и 4-й. На 2 августа 1918 года в Петрограде по карточкам 1-й категории получало 43,4 % населения, 2-й — 43,3 %, 3-й — 12,2 % и по 4-й — всего 1,1 %. Поскольку лица, имевшие капиталы, предприятия и дома и жившие эксплуатацией чужого труда быстро были ликвидированы как класс, место последней, 4-й категории, заняли обладатели карточек 3-й категории: им доставались остатки, если таковые были. Москвич Окунев записал в дневнике 12 июля 1919 года: «В Петербурге паек первой и второй категории сокращен до $\frac{1}{8}$ фунта в день, а третьей категории хлеб не выдается совершенно».

Не особенно роскошествовали и простые рабочие и служащие. Н. Окунев, служивший в транспортном учреждении, писал 22 октября 1920 года: «С 16-го октября меня формально прикомандировали к полевому штабу, и поэтому сегодня получил заборную книжку на продукты, которые буду получать из складов “довольствующего отделения полевого штаба”. Из книжки видно, что на месяц полагается 45 ф. ржаной муки (или 60 ф. хлеба), муки подболт. 120 золотников, крупы 7,5 ф., соли 90 золотников, сухих овощей 1,25 ф., перцу 5 зол., чаю 7 зол., сахару 2,5 ф., табаку 90 зол., спичек 4 кор., мыла 0,5 ф., масла 2,5 ф., сельди 15 ф. Это, в сущности, “красноармейский паек”. Недурно! <...>

В то же время вводится так называемый “труд. паек”, идея коего — нетрудящемуся есть не давать... За время прогула продовольствие по карточкам не выдается. Карточки делятся на три серии, по “А” будут выдавать в день полтора фунта, по “Б” — 1 ф., и по “В” — 0,5 ф. <...> Предписано продовольственным органам Москвы, Петрограда и Иваново-Вознесенска немедленно приступить к уменьшению выдачи неза- нятым физическим трудом советским служащим, учреждениям и осо- бым группам — до половины их нормального пайка. Но премудрая советская власть в это же время публикует декрет об отмене с 1 января 1921 года взимания платы за жилые помещения, занимаемые рабочими и служащими, включая и лиц, находящихся на их иждивении, в нацио- нализированных и муниципализированных домах уплаты за пользова- ние водопроводом, канализацией, очисткой, газом, электричеством и баней. В переводе это нечто существенное, а на советские бумажки этот декрет даст одинокому человеку на месяц лишнюю коробку спи- чек».

Пайки и карточки в СССР то отменялись, то вводились вновь. С пе- реходом к НЭПу, естественно, и пайковое распределение, и сами кар- точки были отменены. Но в 1928 году в связи с большими продовольст- венными затруднениями (фактически начинался голод, не известный советской исторической науке) карточная система в полном объеме вводилась на местах, в районах наибольшего обострения продоволь- ственного кризиса, а с февраля 1929 года действовала уже по всей стране. Нормы выдачи по карточкам были дифференцированы. Су- ществовали 2 основные группы: промышленные рабочие и все осталь- ные трудящиеся. Было создано 4 списка городов с разными нормами снабжения. Внутри групп различались карточки рабочих, служащих, членов семей рабочих и служащих и детей до 4 лет. Среди рабочих вы- делялась особая подгруппа индустриальных рабочих, и существовал особый список наиболее важных предприятий. Имелись также повы- шенные нормы выдачи для разных категорий ударников труда. Ученые и преподаватели вузов по нормам снабжения делились на 2 группы, причем 1-я группа (академики) снабжалась на уровне высших партий- ных функционеров. Очень высок был уровень снабжения военных (даже рядовые красноармейцы снабжались по высшей рабочей катего- рии); при этом к военным были причислены и сотрудники ОГПУ. Кар- точки выдавались на месяц. Прогульщикам и «летунам» карточки не выдавались. Колхозники карточек не получили, хотя представителям сельской администрации и некоторым другим работникам сельского хозяйства, а также сельской интеллигенции, их давали по рабочей

норме. Не получили карточек и «лишенцы». Без карточек можно было приобретать продукты в коммерческих магазинах и на рынке по очень высоким ценам, так что потеря карточек, особенно в начале месяца, могла привести к голодной смерти. Карточками можно было пользоваться и в столовых. Карточки на хлеб были отменены в январе 1935 года, а на мясо, жиры, сахар и т. д. — осенью этого года.

В 1939–1940 годах вновь наступили серьезные продовольственные затруднения, достигшие пика в период советско-финской войны. Однако, несмотря на многочисленные записки ряда руководителей, на введение карточек правительство не пошло (неловко было: только что было объявлено о полном построении социализма), заменив их широко развитой закрытой торговлей и ограничив продажу продуктов в одни руки. Но в ряде городов местная администрация самовольно вводила карточки, что затем пресекалось прокуратурой, или же устанавливала пониженные нормы отпуска товаров в одни руки; так, норма продажи хлеба составляла официально 1 килограмм в руки, но нередко она снижалась до 500 и даже 400 граммов. В июле 1941 года страна полностью перешла на карточную систему (сохранились и коммерческая торговля, а также спецраспределители для разных категорий граждан). Правила торговли с дифференциацией норм примерно повторяли опыт 30-х годов. Наиболее высокие нормы распространялись на лиц, работавших в оборонной промышленности и имевших так называемую рабочую карточку; по ней выдавалось 800 граммов хлеба в день. Иждивенцы и дети до 12 лет получали по 400 граммов хлеба. В блокированном Ленинграде нормы выдачи, особенно зимой 1941/1942 года были много ниже, снижаясь до 50 граммов. Нередко карточки «отоваривались» не в полной мере. Иногда указанные в карточках продукты заменялись другими, менее калорийными или невыгодными (мясо — консервами, жиры — кондитерскими изделиями, сахар — конфетами и т. д.). В конце войны ходил анекдот, что, когда на Ялтинской конференции решалась судьба Гитлера, Рузвельт предложил электрический стул, Черчилль — виселицу, а Сталин — посадить его на иждивенческую карточку; узнав, что это такое, Рузвельт и Черчилль согласились, что более страшной казни придумать невозможно. Продукты по карточкам продавались по так называемым пайковым ценам, ниже, чем в коммерческой торговле. В 1945 году карточной системой было охвачено 80,6 миллиона человек. А в 1946 году был сужен круг лиц, получавших карточки. Для неработающих (иждивенцев) появились ограничения: хлебные карточки выдавались женщинам, имевшим детей до 7 лет, престарелым женщинам от 60 лет, больным мужчи-

нам и женщинам, имевшим заключения ВКК и ВТЭК, а также инвалидам I и II групп. Лицам, только имевшим справки от врачей о болезни, карточки не выдавались, и они могли помирать по своему усмотрению.

Современник, в подростковом возрасте переживший войну, сначала в эвакуации в Саратове, а затем в Москве, вспоминал: «Среднему классу приходилось хуже всех — “середняки” не обладали привилегиями верхов и изворотливостью низов. Служащие, учителя, врачи и прочие обладатели интеллигентных профессий получали “служашую” карточку — 600 граммов хлеба в день. Профессора, студенты, рабочие получали “рабочую” карточку — 800 граммов. Что до самих производителей продовольствия — крестьян — то им никаких карточек не полагалось, но возле земли они не голодали, хотя бы картошка у них была [...]

Продукты по карточкам надлежало отоваривать в течение месяца, не успеешь — пропало. Обычно, в начале месяца отовариваться было нечем, полки были полупустые, лежали разве что коробки яичного порошка на мясные талоны, хлопковое масло и какой-нибудь эрзац, вроде пресловутого “маргогуселина” — надо понимать, смесь маргарина с гусиным жиром. Не всегда бывал и сахар. Правда, в отличие от Саратова, всегда бывали соль и спички. Соль, конечно, не в упаковке, а в развес, и спички не в коробочках, а в пачках по пятьсот штук, к которой давалась терочка... В начале месяца, понятно, люди не спешили отовариваться, выжидая, когда “выбросят” что-нибудь получше и покалорийнее. Подходил конец месяца, и приходилось брать, что дают, и, конечно, возникали очереди. Но и это убогое снабжение все-таки было лучше саратовского. В Москве выдавалось кое-что дополнительное, вроде эрзац-молока из порошка детям. Выдавались талоны на керосин, что было немаловажно. Выдавались и какие-то корешки с “единичками” — по этим “единичкам” можно было купить какую-нибудь промтоварную мелочь, вроде ненужных нам бритвенных лезвий.

И продуктовые карточки, и хлебные надлежало “прикреплять” к определенному магазину. Очень важно было удачно прикрепиться. Продуктовые карточки у нас были прикреплены в плохом магазине, больше повезло с хлебными. Поначалу мы прикрепились к “плохой” булочной на Полянке, в угловом доме, под сводами. Здесь прикрепляли всех, и очередей не было, потому что выдавали пайку одним черным хлебом. Зато через дорогу в новом доме находилась другая булочная, классом выше, называемая “пекарней”. Здесь прикрепление было ограничено, поскольку желающих было с избытком — в “пекарне” половину пайка выдавали белым хлебом, причем отменными булочками

и сайками, которые здесь же и выпекались. Белый хлеб хорош не только вкусовыми качествами, его еще можно было с выгодой продать, либо обменять на большее количество черного. Возле “пекарни” допоздна толокся народ: меняли и продавали хлеб, хлебные карточки и прикрепительные талоны к счастливой булочной» (*Русский Г. Ребенок в войне*).

Отменены были карточки в декабре 1947 года, одновременно с денежной реформой.

Сами карточки были только свидетельством на право покупки продовольственных и промышленных товаров по нормированным ценам в магазине, к которому «прикреплялся» владелец карточки; в некоторых случаях «прикрепления», особенно к столовым, не было. Транспортные работники, постоянно находившиеся в разъездах, а также лица, отъезжавшие в командировки, покупали нормированные продукты на особых основаниях. Выдавались карточки на месяц вперед, но в Ленинграде во время блокады, ввиду продовольственных трудностей, выдача могла производиться чаще, например, на неделю, декаду вперед. Карточки представляли собой небольшие листы специальной цветной бумаги с водяными знаками (орнаментом) с «шапкой» (например, «Карточка на хлеб на июль 1941 г. Норма 400 гр в день. Фамилия... Имя, отчество... При утере карточка не возобновляется»; поскольку размер продаж был обусловлен принадлежностью владельца карточек к той или иной категории, в углу помещалась соответствующая литера. Однако нередко, ввиду отсутствия нужной бумаги, карточки печатались на простой писчей бумаге и даже на газетной, что облегчало распространенную подделку карточек. Большая часть листа типографски делилась на небольшие прямоугольники, в которых, сверху вниз, указывалась дата («31 июля», «30 июля» и т. д., или «30 XI», «29 XI» и т. д.), вид продукта или товара («ХЛЕБ», «САХАР» и т. д.) и номинал выдачи (400 гр., 200 гр., 50 гр. и т. д.). На оборотной стороне был штампик магазина, к которому «прикреплялся» владелец карточек. Продавец снизу вверх (т. е. с 1-го числа месяца) вырезал ножницами соответствующую карточку, наклеивал ее в специальную тетрадь (альбом) и продавал товар. «Неотоваренные» карточки пропадали. В некоторых случаях можно было купить продукты за день вперед. Для выдачи и учета карточек создавались специальные бюро продовольственных и промышленных карточек при наркоматах и исполкомах, затем при наркоматторгах и отделах торговли, а непосредственно выдача карточек населению производилась на предприятиях, в учреждениях, домоуправлениях и организациях. Накануне отмены карточек, на 1 октября

1947 года, в СССР в 3203 бюро работало 15 663 человек, а выдачей карточек на местах занималось около 400 тысяч человек.

Карточки являлись наиболее популярным предметом воровства и подделок, особенно со стороны продавцов и других работников торговых организаций. Были даже воры, специализировавшиеся на вырывании карточек из рук зазевавшихся владельцев. В осажденном Ленинграде за кражу карточек приговаривали к расстрелу, а население могло забить пойманного вора насмерть: кража карточек обрекала человека или целую семью на неминуемую мучительную смерть.

В 60–80-х годах серьезные продовольственные затруднения в провинции вызвали в ряде городов самовольные акты введения карточек или заменявших их разнообразных талонов на те или иные продукты, а в Москве, откуда в провинцию усиленно вывозились продукты, были введены «визитные карточки покупателя» с фотографией владельца. Выдавались они в домоуправлениях. При покупке требовалось предъявлять «визитку» продавцу. А в конце 80-х годов, как помнят те, кто постарше, попросту появились талоны — на сахар, на водку...

Цены

Говорить о ценах применительно к первым годам советской власти особого смысла нет: в условиях страшной финансовой катастрофы и продовольственного кризиса сами по себе цены ни о чем не говорили. 2 мая 1920 года москвич-служащий Н. Окунев записывает в дневнике: «К празднику объявили “праздничные” выдачи, для литеры А: два фунта фасоли и фунт соли, а для литеры Б: $\frac{3}{4}$ ф. соли, без фасоли, но пока только объявлено, а не выдано... Это уже не только фасоль, а все доре-ми-фа- соль-ля-си-до!»

19 мая. «Хлеба в Москве нет, две недели уже нет выдачи из продовольственных лавок; у нас дворник получает, кроме жалованья по тарифу, еще от домкома 15 000 р. в месяц и паек по 1-й категории, а закачался от голода — бежит в деревню. Не может покупать хлеба, зане цена ему в эти дни 2500 р. ф. ».

22 мая. «Ходил на Трубную площадь и купил там 14 ф. неважной, старой картошки по 750 р. ф. ».

25 мая. «Сегодня покупали черный хлеб по 3300 р. ф. Видел саратовца, тот говорит, что теперь у них хлеб дороже нашего, т. е. 4000 рублей. Это в Саратове-то!»

16 сентября. «Выдача хлеба из судоходной лавки в последнее время стала задерживаться на 2–3 недели. Прошло уже с 1-го числа 116 дней, а о хлебе и муке и слуха нет, а она на “вольных” рынках от 24000 р. до 30000 р... Купил сегодня 1 фунт махорки за 1200 р. Должно быть, краденая — уж очень дешева».

16 февраля 1921 года. «Картошка дошла до 25 000 р. за меру; соль по 2500 р. за ф.; кусок мыла Бодло, стоивший четвертак, покупают по 9000 р. Молоко все еще 1500 р. за кр., но хлеб в последние дни идет в гору страшно быстро — за 2000 р. за ф. считают дешевой покупкой. Масло 14500 р. Селедка 3000 р. шт.; чай, будто бы настоящий, 60 000 р. ф., яйца 6–7 тысяч р. десяток...».

С наступлением НЭПа цены стабилизировались, хотя все же плохо соответствовали уровню зарплат. Правда, с голоду умереть уже никто не мог, а люди, имеющие достаточно высокие доходы, могли позволить себе и небывалые в период военного коммунизма яства. Хуже стало с ликвидацией «частника», с конца 20-х годов. Цены в государственной и кооперативной торговле были фиксированными, устанавливаясь

по 3-м поясам, в зависимости от региона; разными были и цены в городах и сельской местности. Колебания цен в сторону снижения или повышения были частыми. Так, в 1927 году были снижены цены на некоторые продукты и товары массового спроса: в Москве цена за 1 литр молока снизилась с 22 копеек до 20. Все зависело от уровня сельскохозяйственного и промтоварного производства. В целом же они были невысоки. Так, в апреле 1932 года в Москве открылось самое крупное рабочее кафе при фабрике-кухне № 1 Краснопресненского района. Цены здесь были не выше, чем в обычных рабочих буфетах: салат овощной — 3 копейки, тешка белорыбицы — 1 рубль, свинина — 1 рубль 50 копеек, сдоба свежая — 25 копеек, пирожное — 35 копеек. Однако 1 июня 1934 года вдвое возросла цена на хлеб. А 1 июля 1937 года произошло даже снижение цен на некоторые товары. Шелковое платье, которое стоило 306 рублей 75 копеек, стали продавать за 175 рублей. Дамская блузка из искусственного шелка понизилась в цене с 32 рублей до 19 рублей 50 копеек, шерстяное платье — с 400 до 278 рублей, шелковая дамская комбинация, стоившая раньше 128 рублей, продавалась за 83 рубля. Однако нужно иметь в виду, что это все — предметы роскоши, которые и нужны, и доступны были далеко не всем.

В 1939 году вдвое были повышены все цены, 24 января 1940 года вновь повысились цены на мясо, сахар, картофель, в апреле — на жиры, рыбу, овощи, в июне — на обувь, металлическую посуду. Некий 65-летний москвич, живший на пенсию в 150 рублей, писал весной 1940 года: «Казенная продажа картошки 1 р. 20 к. кило, причем на покупателя “дают” лишь 2 кило. Морковь, свекла бывают редко, лук тоже. На рынке у колхозников картофель 5 р. кило, морковь 10 р., свекла 6 р., огурцы соленые по 11 р., капуста квашеная — 9 р. к. Масло сливочное в казенн. магазинах 26–27 р. к., дают по 200 гр.; русское 28 р., порция та же. Мясо казенн. цена: 19 р. к. Полуфабрикаты: котлетка штука 1 р. 50 к., свиная отбивная (125 гр.), шницель свиной (125 гр.) 2 р. 87 к.; мясной 2 р. 60 к. Жареные куры — 26 р. кило. Жареное мясо — 26 р. кило и т. п. Мало макарон. Сахар — 5 р. 50 к. кило, “дают” 2 кило. Совсем мало мануфактуры, обуви — занятому человеку почти невозможно купить что-нибудь из этих вещей — приходится обращаться к перекупщикам. Хромовые сапоги на базаре — 400–500 р.».

Естественно, что шло повышение цен во время Великой Отечественной войны; так, с июля 1941 года рестораны, кафе, закусочные, буфеты стали торговать с 200%-ной надбавкой, в мае 1942 года были повышены цены на спички (до 20 копеек коробка), табак (вдвое), соль (с 7 до

48 копеек), мыло (вдвое) и т. д. 31 ноября 1941 года была запрещена продажа вина в московских магазинах. Пол-литра водки, стоившей по государственной цене 13 рублей 50 копеек, стало возможно купить лишь на рынках за 40 рублей.

Но 27 апреля 1942 года журналист Н. Вержбицкий записал в дневнике: «Всюду продается водка. 33 руб. ½ литра. Тысячные очереди. Большой завоз продуктов в магазины. Давали кету, красную икру, сало. Мартовская задолженность покрыта».

С начала войны и до денежной реформы 1947 года государственные цены были двух уровней: пайковые (по карточкам), довольно доступные, и коммерческие, в специализированных магазинах. Так, в Москве в 1941 году килограмм мяса по коммерческим ценам стоил 80 рублей, сахара — 50 рублей, масла — 120 рублей, что было доступно очень немногим. По коммерческим ценам торговали и рестораны. Рыночные цены всегда были значительно выше государственных. Во время войны на московских рынках в начале 1942 года картофель стоил 30–35 рублей за килограмм, морковь и свекла — 25 рублей, редька — 20–25 рублей, лук — 60–70 рублей, нитка сушеных грибов — 85–90 рублей, соленые огурцы — 40 рублей, квашеная капуста — 30–35 рублей, литр молока — 45 рублей. В целом по стране средние рыночные цены на хлеб составляли 100 рублей за 1 килограмм, на сахар — 650 рублей, на мыло хозяйственное — 230 рублей кусок. 29 октября 1942 года писатель Всеволод Иванов записал: «Зашитые и потрескавшиеся от времени сапоги стоят 2 500 руб.; часы обыкновенные, трехрублевые — 1 500 руб.». Даже в государственной торговле цены в сравнении с заработной платой основной массы населения были высокими, так что ряд продуктов и товаров оказывался недоступным для низкооплачиваемых рабочих и служащих. Для того чтобы выжить, приходилось изворачиваться любыми способами.

С окончанием войны цены понемногу стали снижаться. 12 июня 1945 года были снижены цены на спиртные напитки в среднем на 16,7%. Готовилась и серьезная денежная реформа, в ходе которой предполагалось отменить карточную систему. 26 февраля 1946 года приказом Наркомата торговли СССР снижены цены в коммерческой торговле продовольственными товарами от 25 до 50%. Однако из-за сильного неурожая в хлебопроизводящих районах и наступившего голода реформу пришлось приостановить. Вновь началась подготовка к ней с середины 1947 года. На правительственном уровне было проведено «выравнивание» коммерческих и пайковых цен, чтобы сблизить их. Для этого предварительно были повышены пайковые цены нормирова-

мой торговли, особенно на хлеб. 15 декабря 1947 года последовало правительственное сообщение о проведении денежной реформы с 16 декабря, и рыночные цены резко подскочили. В результате реформы на все товары устанавливались твердые цены: на промтовары намного превышавшие цены нормируемой торговли, но несколько ниже цен в коммерческой торговле, на продовольственные товары — примерно на уровне нормируемой торговли или чуть выше, а на хлеб — на 10–12 % ниже цен нормируемой торговли.

В результате реформы килограмм ржаного хлеба стал стоить, в зависимости от пояса, от 2 рублей 80 копеек до 3 рублей 20 копеек; например, там, где прошло мое детство, в Кировской области, был 2-й пояс, и мать, отправляя меня за хлебом, давала мне 3 рубля. Хлеб пшеничный из муки 2-го сорта от 4 рублей до 4 рублей 80 копеек. Хлеб пшеничный из муки 1-го сорта: 6.20–7.80. Мука ржаная: 4.40–5.20. Мука пшеничная 2-го сорта: 5.70–7.00. Мука пшеничная 1-го сорта: 7.00–9.00. Пшено: 5.50–6.50. Гречка: 11.00–13.00. Макароны 1-го сорта: 9.00–11.00. Сахар рафинад: 13.50–16.50. Масло подсолнечное: 28.00–32.00. Сельдь бочковая: 17.00–20.00. Мясо говяжье: 28.00–32.00. Литр молока — 3–4 рубля. Десяток яиц — 12–16 рублей. Масло сливочное: 62.00–66.00. То есть, если чернорабочий получал рублей 300–400 (мать моего школьного дружка получала 320 рублей, а отца у него не было), то можно понять, сколько он и его дети могли съесть этого «масла сливочного соленого высшего сорта». На маргарин, который ели эти дети, у меня цен нет.

На некоторые продтовары были установлены единые цены. Например, чай грузинский стоил 16 рублей за 100 грамм. Поэтому в основном заваривали «чай» фруктовый: из пережженных низкосортных фруктов, спрессованных в брикеты в яркой бумажной обертке. Пиво «Жигулевское» — 7 рублей за бутылку. Водка «Московская» — 60 рублей за бутылку. А вот «икра зернистая белужья, калужья, осетровая, стерляжья», конические баночки которой лежали повсюду, стоила всего-то 400 рублей за килограмм.

Помнится, банка шпротов стоила 11 рублей с копейками. А банка крабов «Чатка», если не ошибаюсь, стоила всего 14 рублей с копейками. Эти банки лежали во всех ларьках пирамидами, ржавели. Пришлось даже прибегнуть к рекламе: «Всем давно понять пора бы, как нежны и вкусны крабы!». Народ наш был глупый, не понимал, что вкусно, а что нет. Ему бы все хлеба черного да с макаронами серыми налопаться. А от этого полнота одна. Питание должно быть калорийным, но диетическим: белый хлеб, сливочное масло, икра, крабы, фрукты...

Как выше уже было сказано, цены в деревне были выше городских: очевидно, колхозники жили богаче. Ситец набивной в городе стоил 10 рублей 10 копеек за 1 метр, а в деревне — 11 рублей 20 копеек, сатин, соответственно, 25 рублей 20 копеек и 28 рублей, шерсть байка уже 108 и 120 рублей, а шерсть бостон — 450 и 510 рублей, так что бостонный костюм или платье для очень и очень многих людей оказывались недоступными. Пожалуй, и крепдешиновое платье, изображавшееся на героинях советских кинофильмов тех лет, было недоступно не только всем поголовно молодым колхозницам, но и работницам и служащим: метр крепдешина в городе стоил 137 рубля, а в деревне 151 рубль 75 копеек. «Платье женское шерстяное из крепа» стоило 510 рублей и 560 рублей, так что оставалось приобрести лишь «платье женское х/б из кашемира, плетенки, шерстянки», которое обходилось, соответственно, в 77 и 86 рублей. Мужской бостонный костюм героев советских кинолент обходился в 1400–1500 рублей, поэтому многие ограничивались полушерстяным костюмом в 430–450 рублей, а еще более — дешевенькими серенькими костюмами х/б (мне покупали такой к началу учебного года). Не дешева была и обувь. Мужские полуботинки из черного шевро на кожаной подошве и женские туфли стоили 260 рублей в городе и 288 рублей в деревне, так что средством первой необходимости становились «галoши мужские резиновые обыкновенные», и в городе, и в деревне стоившие всего 45 рублей. Учитывая размеры зарплаты в этот период, некоторые продукты и товары для множества советских граждан были большой роскошью в городах и в сельской местности.

В конце 40 — начале 50-х годов происходили знаменитые снижения цен, которые многие сегодня поминают, как заботу Сталина о народе. Это было политическое мероприятие, направленное на «укрепление единства партии и народа». В 1949 году появилось правительственное Постановление «О новом снижении с 1 марта 1949 года государственных розничных цен на товары массового потребления». «Новым» оно называлось потому, что в декабре 1947 года при проведении денежной реформы были установлены единые государственные цены, ниже, чем в коммерческой торговле, но выше, чем в нормированной, по карточкам. Предварительно, 10 апреля 1948 года были снижены цены на 10–20 % на некоторые товары: автомобили «Москвич», мотоциклы, велосипеды, швейные машинки, папиросы и т. д. В 1949 году на 10 % были понижены цены на хлеб, крупы, макароны, рыбу, мясо, яйца; на 28 % подешевела водка. Более всего, на 30 %, подешевели патефоны и часы, не слишком нужные и не особенно доступные большинству населения.

Значительным стало снижение цен в 1950 году: крепкие вина подешевели на 49 %, пиво, хлеб и масло — на 30 %; на 25 % снизилась цена на рабочие юфтевые ботинки, «гады». Сильно упала цена доллара США: вместо 5 рублей 30 копеек он стал стоить 4 рубля, что, несомненно, способствовало росту материального благосостояния советских людей, не знавших, как этот доллар выглядит. Снижения цен в 1951 и 1952 годах были незначительны и коснулись преимущественно не товаров массового потребления, а фотоаппаратов, часов, шелковых женских чулок, парфюмерии и т. п. К тому же снижение цен в 1952 году произошло не 1 марта, как обычно, а 1 апреля, чем не преминули воспользоваться злопыхатели, и с тех пор цены уже не снижались, а росли.

В 50-х годах начался рост зарплат, цены же весьма длительный период были стабильными и на большинство товаров и продуктов оказались вполне приемлемыми, так что продукты стали исчезать с полок магазинов. Лишь в 1961 году произошло «временное» повышение цен на мясо, масло и молоко (разумеется, и на другие молочные продукты), да в 10 раз изменился масштаб цен (и зарплат тоже). В конце 70 — начале 80-х годов цены были таковы.

Хлеб черный — 16 копеек. Хлеб белый: 13 копеек — батон «Нарезной», 18 копеек — большой серый батон. Говядина — 1.90–2.00 рубля. Свинина — 2.00–2.20. Баранина — 1.80. Куры — 0.90–2.70. Утка — 1.20–1.88. Гречка (если достанешь) — 0.52. Колбаса вареная — 2.20–2.90. Колбаса варено-копченая — 3.80. Колбаса сырокопченая — 4.87–5.20. Масло кукурузное — 0.93 рубля бутылка. Мука пшеничная — 0.46 за килограмм. Яйца куриные — 0.90–1.30 десяток. Сыр — 2.70–3.50. Сахар-песок — 0.90. Сахар пиленый — 1.04. Сельдь соленая развесная — 1.30–1.54. Сельдь соленая баночная — 6.80 банка. Горошек зеленый — 0.39 банка. Икра баклажанная — 0.41 банка. Икра кабачковая — 0.42. Лосось в собственном соку — 1.00–1.20. Лосось в томате — 1.00 рубль за банку. Молоко сгущенное с сахаром — 0.55. Тушенка мясная — 1.00–1.10, если, конечно, достанешь. Шпроты — 0.92–1.10. Сайра в собственном соку — 1.00. Сардины — 0.60–0.78. Чай «Индийский» — 0.95 пачка. Чай «Цейлонский» — 0.52 пачка. Кофе растворимый импортный — 6.00 банка. Кофейный напиток отечественный, т. е. суррогат — 2.00 банка. Конфеты «Ассорти» — 4.50 коробка. Конфеты «Белочка» — 1.68 коробка. Печенье «Юбилейное» — 0.28 пачка. Печенье «Земляничное» — 0.26 пачка. Вермут молдавский — 3.00 бутылка. Вина крепленые плодово-ягодные, годившиеся только заборы красить — 1.10–1.80 бутылка в 0,75 литра. Вина крепленые виноград-

ные — 2.30. Вина крепленые марочные («Айгешат», «Дербент» и др.) — 2.88–4.34. Вина сухие грузинские («Мукузани», «Цинандали», «Напареули») — 3.00–4.00. Вина сухие молдавские («Рислинг», «Алиготе», «Фетяска») — 2.10–2.70. Водка «Московская», 0,76 литра — 8.10. Водка «Пшеничная», 0,76 литра — 6.80. Водка «Русская», 0,5 литра — 4.42. Коньяк армянский 3 звездочки — 4.40–8.52. Коньяк болгарский «Плиска» — 7.40. Советское шампанское — 5.17. Пиво «Жигулевское» — 0.39. Пиво «Московское» — 0.42.

Здесь приведены цены только на доступные простому советскому человеку продукты, хотя в книге О. Куратова, откуда и взяты некоторые данные, есть цены на такие странные для простого советского человека вещи, как балык осетровый (9.00–15.00 рублей за килограмм), балык палтуса (4.50), спинка осетра холодного копчения (15.00), вырезка говяжья (2.20–3.69), севрюга свежемороженая (5.00–9.35), лососина малосольная (13.90), крабы консервированные (2.40 банка), икра красная (3.50–4.20 банка в 140 г), икра осетровая (5.60–6.00 банка в 112 г), буженина (4.40–5.50) и т. д.

О. Куратов, работавший в главке Минсредмаша СССР, т. е. в ядерной промышленности, и имевший доступ к перечисленным в предыдущем абзаце продуктам, не привел цен на более распространенные вещи: на маргарин, комбиджир, молоко, макароны, вермишель, крупу рисовую и манную. Зато у него приведены цены на соленую горбушу (1.70–3.00), свежего жерева (0.56), карпа (0.77–0.80), линя (0.32–0.52), сазана (0.90), судака (1.00), щуку (0.68), язя (0.64), но нет цен на более употребимых свежемороженого минтая и хека. Цены эти были очень небольшие, а продукты доступные почти везде.

К сожалению, сведения О. Куратова относятся преимущественно к той поре жизни, когда высокооплачиваемый, занимавший высокие должности специалист Минсредмаша СССР получал такие деньги, какие процентам девяности советских людей и не снились. Но с благодарностью воспользуемся этими сведениями, в частности, ценами на домашнюю утварь. Несколько переставив записи Куратова, я располагаю их в хронологической последовательности. В таком виде их можно сопоставлять с размером зарплаты разных групп населения.

Итак, цены на одежду и обувь. Пальто женское осеннее (Франция), 1970 год — 160 рублей. Шуба женская цигейковая, 1974 год — 180 рублей. Сапоги женские зимние (ГДР), 1976 год — 55 рублей. Дубленка мужская, 1977 год — 240 рублей. Костюм мужской (Финляндия), 1978 год — 180 рублей. Пальто мужское осеннее, 1980 год — 140 рублей. Сапоги женские осенние (Италия), 1980 год — 50 рублей. Костюм

женский трикотажный, 1982 год — 74 рубля. Туфли мужские модельные импортные, 1983 год — 43 рубля. Не говоря о том, что практически все это нужно было «доставать», причем с переплатой, многие ли могли в то время покупать дубленки, шубы, хотя бы и цигейковые, и финские костюмы? Конечно, можно было ходить и в демисезонном драповом пальто отечественного производства, что было по карману всем.

На домашнюю технику и утварь цены были следующие. Холодильник «Саратов», 1965 год — 78 рублей. Пылесос бытовой, 1966 год — 37 рублей. Телевизор черно-белый, трубка 51 сантиметр, 1974 год — 280 рублей. Утюги электрические разных марок, 1975 год — 6–15 рублей. Холодильник «ЗИЛ», 1976 год — 300 рублей. Часы настенные механические маятниковые, 1976 год — 31 рубль. Холодильник «Морозко», 1977 год — 40 рублей. Стиральная машина, 1978 год — 160 рублей. Телевизор черно-белый переносной, питание от аккумулятора, трубка 19 сантиметров, 1979 год — 200 рублей. Швейная машинка электрическая, 1980 год — 67 рублей. Сервиз столовый, 6 персон, 1982 год — 112 рублей. Сервиз чайный, 6 персон, 1982 год — 87 рублей. Одеяло байковое полуторное, 1984 год — 6,9 рубля. Пододеяльник полуторный, 1985 год — 14 рублей. Простыня полуторная, 1985 год — 11 рублей. Подушка перьевая, 1985 год — 7 рублей. Телевизор цветной «Рубин», 1986 год — 650 рублей. Электрочайник, 1987 год — 9 рублей. Нужно согласиться, что на некоторые вещи обычный, среднеоплачиваемый (130–150 рублей в месяц) человек должен был копить деньги, другие же ему были просто не по карману. Например, мотоцикл с коляской «Урал М-62», 1964 год — 1063 рубля. Автомобиль ВАЗ-2101, 1972 год — 5500 рублей. Автомобиль ВАЗ-2113, 1981 год — 7236 рублей.

Мебельный гарнитур «Жилая комната», ГДР: 2 платяных шкафа, книжный шкаф, сервант с баром, секретер, трюмо, стол, диван-кровать, кровать с матрасом полутораспальная, 2 кресла, 6 стульев, 1967 год — 1158 рублей. Куплен в Ленинграде (!), отправлен в Новосибирск, перевозка обошлась в 61 рубль. Мебельный гарнитур «Кабинет», Югославия: 3 книжных шкафа, стол письменный, кресло рабочее, 2 кресла для отдыха, диван-кровать, стол журнальный, 1978 год — 846 рублей. Мебельный гарнитур «Кристина», Болгария: 2 платяных шкафа, 2 книжных шкафа, секретер, диван-кровать, стол, 6 стульев, журнальный стол, тумба для телевизора, 1980 год — 2220 рублей.

Таковы были цены в самый стабильный период советской жизни — в 60–70-е годы. В принципе, с голоду никто не умирал и голым-босым не ходил. Но это был весьма средний уровень и весьма среднее снабже-

ние. Все, что было чуть-чуть вкуснее или качественнее, приходилось искать и «доставать». Недаром у Куратова мебельный гарнитур «Жилая комната» (ГДР) куплен в Ленинграде и переправлен в Новосибирск (т. е. за тысячи километров), другие гарнитуры изготовлены в Югославии и Болгарии, а пальто, сапоги, костюмы — итальянские, финские, французские.

Торговля

Под торговлей здесь имеется в виду почти исключительно государственная торговля в магазинах, отчасти кооперативная — потребительской кооперации, и в малой степени — «частная». И это вполне естественно: социализм, проектировавшийся Лениным и его сподвижниками по рецептам Карла Макса, предусматривал полный отказ от свойственной капитализму «рыночной стихии». Позже, когда наглядно проявилась преждевременность, ошибочность и даже глупость этого немедленного введения коммунизма, а особенно спустя десятилетия, когда уже вымирали понемногу те, кто застал первые послереволюционные годы в сознательном возрасте, историки партии объясняли это исключительно вынужденностью в тяжелых условиях разрухи и Гражданской войны. А поскольку новые поколения Ленина уже не читали, а только «конспектировали» для сдачи зачетов и экзаменов, широко пользуясь популярными брошюрками и конспектами товарищей, то утверждать это можно было без всяких осложнений. Да вот только даты мешают: прокламирование «коммунизма» с его, в частности, отменой торговли, происходит раньше, чем началась Гражданская война, а разруха развернулась в полную силу. Уже в марте 1918 года в черновом наброске проекта программы партии Ленин писал: «Тоже распределение (сначала государственная монополия “торговли”, затем замена, полная и окончательная “торговли” — планомерно-организованным *распределением* через союзы торгово-промышленных служащих, под руководством Советской власти.

— Принудительное объединение *всего* населения в потребительско-производственные коммуны.

Не отменяя (временно) денег и не запрещая отдельных сделок купли-продажи отдельными семьями, мы должны прежде всего сделать обязательным, по закону, проведение всех таких сделок через потребительско-производственные коммуны.

— Купля-продажа допустима и не через свою коммуну (при поездках, на базарах и т. п.), но с обязательной записью сделки (если она выше известной суммы) в потребительско-рабочие книжки.

— Неуклонные систематические меры к (переходу к *Masenspeisung* [общественное питание]) замене индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей» (Черновой набросок проекта программы партии. Март 1918 г.).

Правда, все эти наброски и набетки оказались чистейшей утопией. Во-первых, несмотря на введение продовольственной монополии государства и дифференцированного классового пайка, *распределения* не получилось: Наркомпрод даже при наличии вооруженной Продармии в несколько десятков тысяч человек, с обеспечением городского населения хотя бы минимального пайка не справлялся. А люди привыкли есть. И в городах воцарился хаос рыночной торговли — всероссийская «Сухаревка» (знаменитый московский «толкучий» рынок). Московский служащий Н. Окунев записывал в дневнике: «17 мая 1919 г. Продам свою сюртучную пару, «сооруженную» лет 10 тому назад, за 1600 руб. Продам несколько картин и много лишнего скарба. Получаю теперь с 1-го февраля 19-го года 1590 р. в мес., но и не более; требуется на жизнь от 3,5 до 5 тыс. в месяц. Как же тут не заделаться сухаревским продавцом... Ну, Сухаревка! Как она разрослась, матушка! Теперь протяжение ее от самых Красных ворот до Самотечной площади, да с боков по разным Спасским, Уланским, Дьяковкам, Стрелецким, Сретенке и мещанским еще отроги.<...>

Больше всего подростков, отчаянных мальчишек 10–15-летнего возраста. Это — новые богачи, торговцы папиросами, сахарином и ирисом. У иных, говорят, в каком-нибудь небольшом ящичке товару на 100 000 р. (если, примерно, это нитки на катушках, продающиеся теперь по 30 р. за катушку).

Страшно всех интересует Сухаревка, а вместе с тем и развращает. Покупатели и продавцы по нужде, после нескольких посещений Сухаревки, превращаются сами в спекулянтов, и идет какой-то дьявольский кавардак, круговой обман, взаимное околпачивание, сознательное повышение цен на жизнь. 2 сентября 1919 г. А Сухаревка все растет, пухнет, расширяется. Завелись уже целые ряды: скобяной, съестной, мануфактурный, книжный, и даже есть такой, который зовут “Кузнецким мостом”... Тут торгуют драгоценностями и разными предметами роскоши. Много икон. Некоторые в дорогих ризах. Продавцы сами — прогорающие владельцы вещей, но есть и перекупщики. Цены на все ужасающие. 14 октября 1919 г. Идет усиленная борьба с Сухаревкой: ежедневные облавы, отъемы продуктов, но спекулянты не унимаются — цены на все еще более вздорожали. 28 декабря 1919 г. ...Пошел на Сухаревку, где давно не бывал. Несмотря на невозможную погоду, жизнь там кипела, как и всегда. Даже “Кузнецкий мост”, т. е. проход между центральных палаток, оказался полон продавцами и покупателями. Продавцы выстроились двумя рядами, лицом к лицу, все стоят и держат в руках свои товары: иконы, драгоценности, меха, ковры, по-

суду, безделушки и прочие различные вещи, которые когда-то куплены ими на настоящем Кузнецком мосту, а то и за границей. У большинства продавцов печальный, изможденный вид, но по обличью, фигурам и «повадкам» видно, что они были не только покупателями, но и мотами. Много красивых, либо благородных лиц... И какой контраст с покупателями! Те сплошь от деревни и казарм».

Однако стихия рыночной торговли, да еще и принявшая такие масштабы и такие дикие формы, с идеалами коммунизма, хотя бы и военного, никак не вязалась. С Сухаревкой боролись, в том числе арестами продавцов, а 15 декабря 1920 года Окунев записал: «С сегодняшнего дня наша знаменитая Сухаревка... особым постановлением московского совдепа окончательно закрыта. Никакими товарами и продуктами — ни нормировочными, ни ненормировочными — торговать на ней с 15-го декабря нельзя. Предписано моск. ЧК всех явившихся продавцов арестовывать, а товар конфисковывать... Полное смятение и недоумение в рядах и продавцов, и покупателей... Критическое положение вторых вызывает всеобщее беспокойство. Как же быть, правда, тому человеку, который пайка не получает, кухни не имеет, в столовые не попадает; где же он купит теперь хлеба, мяса, масла, сапоги, перчатки, картошки, махорки и вообще всего необходимого?»

Откуда же на московскую и на всероссийскую Сухаревку попадали продукты?

Уже в середине Германской войны в крупных городах России, прежде всего в Петрограде, в меньшей степени в Москве и очень незначительно в других, наметились трудности со снабжением. Не то чтобы в стране не было продовольствия, хотя посевы из-за войны и сократились: в основном в расстройство пришел транспорт, обслуживавший военные нужды и не справлявшийся с подвозом продовольствия из глубины страны. Эти трудности выразились сначала в росте цен, хотя одновременно сильно возросла заработная плата тех, кто работал на военном производстве.

Рабочий петроградского завода И. Глотов записывает 21 ноября 1915 года в своем дневнике: «Прожитие стало очень дорогое, как в столице, в больших городах и провинции дорого, но и недостаток почти во всем: хлеб 5 коп. фунт, ситный 15 коп. фунт, булки французские вес очень маленький, но и достать трудно, ждать в череду (очередь. — Л. Б.), мясо тоже в череду, достать можно два раза в неделю по 28 к. фунт, телятина 60 к. фунт, кура 2 р., баранина 40 к. фунт, колбаса вареная чайная 1 р. фунт, сахарный песок 20 к. фунт, сахар головной (рафинад в “головках”. — Л. Б.), но купить сахар нужно стоять в череду

5–6 час. И получить можно только 2 фунта, дрова березовые длиной 8 вершков за сажень 19 руб., молоко бутылка в два чайных стакана 15 коп. Вообще прожить очень дорого, ну зато себе не позволяешь лишнего, только и заботаешься достать чего нет, чтобы дети не остались голодными».

Служивший в уездном суде в г. Лебедяни Д. Нацкий также отмечал, что «война породила дороговизну. Служащим стали давать прибавки к жалованью, но они не успевали за повышением цен на продукты и предметы первой необходимости». Однако о голоде и он ничего не пишет.

Готов отметил в дневниковых записях «череду» — очередь. Это было явление, на Руси дотоле неизвестное. То есть вообще-то очереди иногда появлялись, например, за билетами на спектакли и концерты Ф. Шаляпина. А тут — очереди за хлебом и сахаром! Да еще и можешь не купить нужный продукт! В итоге, как известно, в Петрограде в феврале 1917 года прошли «голодные» демонстрации (они еще не знали, что это такое — голод!), где женщины завывали: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!». Демонстрации сменились погромами лавок, а погромы вылились в революцию, приведшую к падению режима! Вот что такое — очереди на Руси!..

То, что только намечалось в 1915–1916 годах, в полной мере развернулось с октября 1917 года, а апогея достигло, кажется, в 1920–1921 годах. Речь по-прежнему идет о городах, особенно столичных. Сегодня опубликовано немало дневников и воспоминаний петербуржцев и москвичей времен Гражданской войны, где постоянно упоминается о пище: этот в столовой ел суп с «карими глазками», тому повезло «достать» два фунта овсяной крупы, а третьему удалось выменять галоши на стакан соли. «Суп с карими глазками» — это жиденький и мутный супчик с вяленой воблой: иссохшее мясо с нее разварилось, и остались только косточки и глазные яблоки.

Новая власть, вставшая на путь строительства коммунизма, т. е. ликвидации рыночных отношений, в числе первоочередных задач выдвинула необходимость хлебной монополии — строжайшего учета и изъятия хлеба у крестьянства. Естественно, что крестьянин перестал сеять хлеб, который силой оружия отнимало государство. Положение с продовольствием в городах действительно было плохим, и уже с ноября 1917 года начали функционировать продкомы, продовольственные комитеты — местные органы Наркомпрода, занимавшиеся заготовкой продовольствия. Само по себе это было правильное мероприятие и возражений вызвать не могло. Но в своей деятельности они опирались на

продовольственную диктатуру государства, которая выразилась в системе чрезвычайных мер по принуждению крестьян к обязательной сдаче государству по твердым ценам всех т. н. излишков хлеба и других продуктов. Основные положения продовольственной диктатуры были изложены в декрете «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» от 13 мая 1918 года. «Твердые цены» практически были фикцией, поскольку рыночные цены на продовольствие превышали их в десятки, если не в сотни раз, а нужных для деревни промышленных товаров в продаже не было. Практически весь хлеб изымался бесплатно, с выдачей расписок, которые якобы государство потом должно было оплатить.

Укрывательство хлеба влекло за собой арест, а сопротивление изъятию продовольствия каралось на месте расстрелом. Непосредственной заготовкой хлеба занимались продотряды, продовольственные отряды, — вооруженные заготовительные, уборочно-заготовительные и уборочно-реквизиционные отряды из рабочих, создававшиеся органами Наркомпрода, профсоюзами, фабзавкома, местными Советами и подчинявшиеся Военпродбюро. Первые продотряды, выехавшие в хлебные районы из Петрограда и Москвы еще в ноябре 1917 года, имели «самостийный» характер, хотя и были посланы по решениям военно-революционных комитетов. Но уже с мая 1918 года это были официальные отряды при местных органах Наркомпрода. Они опирались на при их же помощи созданные по декрету от 11 июня 1918 года комитеты деревенской бедноты, комбеды, которые должны были выявлять «излишки» хлеба в деревне. Члены комбедов, доносившие о наличии продовольствия и местах его укрытия, получали долю изъятого. Половину изъятого хлеба получала пославшая продотряд организация, другая часть поступала государству.

На основе опыта первых продотрядов в мае 1918 года началось создание целой продовольственно-реквизиционной армии, Продармии. На 15 июня 1918 года в ней числилось 2863 человека, а в ноябре это уже действительно была настоящая армия, насчитывавшая свыше 29 тысяч человек. Первоначально она комплектовалась добровольцами, находившимися на положении красноармейцев. Из них формировались продполки и продбатальоны, они проходили ускоренное военное обучение. С 1919 года Продармия комплектовалась уже по мобилизации, была передана НКВД, и к концу этого года в ней уже было 45,4 тысячи человек, а к 1 сентября 1920 года — 77,5 тысячи. Распущена она была в 1921 году, с переходом к НЭПу.

Казалось бы, при таком количестве вооруженных грабителей как не быть хлебу в городах. Увы...

Экономическим аспектам военного коммунизма, в т. ч. продовольственному вопросу посвящено немало и мемуаров, и публикаций документов, и научных исследований разного качества. Пожалуй, одно из лучших — книга А.А. Ильехова «Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны» (М., 2007). Здесь она будет использована очень широко и без ссылок.

Вот Ильехов приводит сообщение в центр Вышневолоцкого укома (уездного комитета) РСДРП(б) в июле 1918 года: «Продовольствие совсем не поступает. Рабочие живут мешочничеством. Происходят частые волнения». В Гучково-Волоколамском районе Московской губернии рабочие вообще не получали продовольствия уже в январе-марте 1919 года, а на Александровской железной дороге даже в начале 1920 года «были случаи падения в мастерских от недоедания. Рабочие стоят в очередях за продуктами в рабочее время. Цехи не отапливаются».

Вообще-то кулаки с удовольствием везли бы продовольствие в город — на продажу. Но... Большевики — люди принципиальные. И советская пропаганда во всю мочь голосила, что сознательный рабочий ни за что не возьмет куска хлеба из рук кулака: рыночная стихия-де захлестнет революцию. Однако рабочие оказывались не столь принципиальными и даже не слишком сознательными. Только что в сообщении из Тверской губернии прозвучало: «Рабочие живут мешочничеством». Что это такое? А очень просто: горожане, в том числе и рабочие, ехали и шли пешком в деревню и там покупали или выменивали за последнее барахлишко хлеб. А затем несли его на загорбках в мешках и везли по железным дорогам; это и называлось мешочничеством. И — ничего: кулак хлеб от покупателя не прятал, а рабочий кулацким хлебом не давился.

Формально обеспечивать продуктами работающее население было обязано государство: введя продовольственную диктатуру, оно взяло на себя обязательства по продовольственному обеспечению населения. Но, оказывается, продорганы обеспечивали меньшую часть съедаемого хлеба. В среднем за год, с июля 1918 года по июль 1919 года, продорганы обеспечили лишь 37,7% потребности хлеба. В Москве с января по май 1918 года 80% опрошенных жителей покупали хлеб на «вольном» рынке. Хлебная монополия работала плохо. Руководящий работник ВСНХ Ю. Ларин утверждал, что горожане производящих

губерний до войны потребляли в среднем в год 500 фунтов хлеба на душу. В 1918–1919 годах они получили только 412 фунтов, в т. ч. от Компрода 216 фунтов, и приобрели сами 196 фунтов. В потребляющих губерниях до войны ели также по 500 фунтов, но в 1918–1919 годах получили по 296 фунтов, в т. ч. от Компрода 132 фунта и добыли сами 164, что составило в целом 56 % потребления.

Но этого мало. Компрод кормил людей еще и выборочно. Так, в Костромской губернии из населения в 1078840 человек в начале 1918 года кормились только 326668 человек. В ноябре 1917 году еще через старые, созданные Временным правительством продорганы, они получили в среднем по 13,7 фунта хлеба в месяц (187 граммов в день), в декабре — по 10 фунтов (133 грамма), в январе 1918 года — 9 фунтов (120 граммов), в феврале — 8,4 фунта (113 граммов), т. е. шло постоянное падение выдач. При этом, чем глуше местность, тем ниже выдачи: жители самой Костромы с ноября 1917 года по февраль 1918 года получили в среднем по 19,8 фунта в месяц, в Костромском уезде уже по 16,3 фунта, в Нерехтском — по 10,3 фунта, в Солигаличском — по 10,1 фунта, в Чухломском — по 8,7, в Буйском — 4,4, в Кологривском — 2,1, в Галичском — 1,9, в Ветлужском — 1,8 фунта, в Варнавинском — ничего. Старая система снабжения была разрушена, а на смену приходили хаос и тощие пайки.

А чтобы несознательные голодные рабочие идеалов социализма не предавали и кулацким хлебом не соблазнялись, на железнодорожных станциях, пристанях и шоссе при въездах в города устанавливали вооруженные заградительные отряды. Еще 14 января 1918 года было принято написанное Лениным постановление «О мерах по улучшению продовольственного положения», в котором предлагалось создавать вооруженные отряды для «самых революционных мер продвижения грузов, сбора и ссыпки хлеба и т. д., а также для беспощадной борьбы со спекулянтами». Но особенное развитие заградотряды получили с мая 1918 года — как раз когда вышневолоцкие рабочие не получали продовольствия и жили мешочничеством. В августе было даже утверждено особое положение «О заградительных реквизиционных продовольственных отрядах». Осмотру подлежали все пассажирские и служебные вагоны, все грузы и ручной багаж. Разрешалось даже задерживать поезда и пароходы. Заградотряды производили конфискацию продовольствия, превышавшего разрешенные к провозу 20 фунтов (8 килограмм) и непременно должны были выдавать на конфискованное квитанции для оплаты по твердым ценам. Но где же и когда власти, особенно вооруженные, занимались такими пустяками, как взвешива-

ние провозимого продовольствия или выдача квитанций? Ну и понятно, что сопротивление конфискации каралось расстрелом на месте.

Несознательные рабочие не только мешочничали. Они покушались на святая святых — хлебную монополию государства и даже ратовали за свободную торговлю. В Костроме 23 мая 1918 года «в 2 часа дня прекратили работу 3 здешние фабрики. Рабочие всех этих фабрик собрались на общее собрание по поводу осложнившегося продовольственного положения. На собрании поднимался вопрос о свободной хлебной торговле, о созыве Учредительного собрания и о создании новой власти. Это дневное собрание не кончилось ничем, и вечером в обширном дворе Дворянского собрания состоялось новое собрание всех рабочих с участием горожан. Присутствовало около 4 или 5 тысяч чел. Большевистским ораторам не давали говорить. После продолжительных и бурных прений, затянувшихся до ночи, была принята резолюция о том, чтобы немедленно возбудить ходатайство перед Совнаркомом о разрешении свободной торговли хлебом по всей России под контролем общенациональной власти. Предложенная резолюция о разрешении свободной хлебной торговли без контроля отклонена. Кроме того, собрание постановило ходатайствовать о немедленной отмене по всей стране хлебной монополии». Аналогичным было положение повсюду: шли собрания, демонстрации, иногда выливавшиеся в избиения советских работников и погромы, подавлявшиеся, как в Новгороде, вооруженной силой.

Для пролетариев и непролетариев, разбитых сначала на 3, затем на 4 категории, приказом № 79 Наркомпрода (октябрь 1918 года) месячные нормы потребления устанавливались в 36, 25, 18 и 12 фунтов, т. е. 14,7, 10,2, 7,4 и 4,9 килограмма. Уже эти нормы выдач нельзя было назвать даже прожиточным минимумом, т. к. 1-й категории было обещано (только обещано!) 490 граммов в день, а 4-й — 160 граммов. Официально с 20 марта 1919 года в стране вводился «трудовой паек», по которому полагалась выдача 94 фунтов печеного хлеба в год; выше его были пайки 1-й, 2-й, 3-й и детских А и Б категорий. По высшей, 1-й категории полагалось в год 110,2 фунта печеного хлеба и 5,5 фунта овса. Окончательный переход к «классовому пайку» совершен был декретом СНК от 30 апреля 1920 года «О введении трудового продовольственного пайка». Он исключал из круга снабжаемых «нетрудовые элементы». Норм снабжения он при этом не устанавливал, и это вполне понятно. Летом 1920 года карточки получало 35 миллионов человек. Даже если выдавать им по фунту хлеба в день, то и тогда ежедневно требовалось выдавать 14 325 тонн, или 5 228 625 тонн хлеба в год. Заго-

тавливалось государством в это время всего 1,3 миллиона тонн, т. е. вчетверо меньше. Значит, и выдать по карточкам при уравнительном порядке обеспечения можно было около 100 граммов в день (в блокадном Ленинграде в самые тяжелые месяцы нормы выдачи для иждивенцев и служащих были снижены до 125 граммов, и это привело к массовому вымиранию города). Поэтому и вводился классовый паек, по которому к высшим категориям принадлежали в 1920 году 6,5 миллиона фабрично-заводских рабочих (вместе с семьями), 4767 тысяч транспортных, 2020 тысяч кустарей, да еще 21 861 тысяча человек пользовалась общественным питанием. Эти категории и получали полуголодную норму хлеба, а остальным было предоставлено право свободно умирать или самостоятельно изыскивать пропитание. Конечно, «буржуи», например, ученые, писатели, художники и пр., могли пойти работать на заводы, но, во-первых, у них не было рабочей квалификации, а во-вторых, и главное — заводы стояли и даже квалифицированные рабочие бежали в деревни или стояли в очереди на биржах труда.

Паек даже 1-й категории не обеспечивал прожиточного минимума, и предприятия стали приплачивать своим рабочим предметами собственного производства, подразумевая их обмен на продовольствие или продажу на рынке. Так, на текстильных фабриках Твери с конца 1918 года выдавался мануфактурный паек: на мужчину — 10 аршин, на женщину 7,5 аршина полотна; в начале 1919 года рабочие выступили с требованием выдавать мануфактурный паек и на членов семьи, профсоюзы и руководители фабрик их поддержали, но воспротивился ВСНХ. Обуховский завод в Петрограде летом 1918 года предлагал для немедленного обмена на продукты 1000 пудов латунного лома, 300 пудов шинного железа, напильники и всевозможные земледельческие орудия. Рабочие резиновой фабрики «Треугольник» попытались обменять на продовольствие 65 тысяч пар галош, но продовольственные органы разрешили обмен только 25 тысяч пар. Все эти выдачи были запрещены декретом СНК от 5 октября 1920 года.

Разумеется, ели не только хлеб: продорганы должны были обеспечивать потребление также мяса, жиров, сахара и пр. Весной 1918 года частного торговца мясом убрали с рынка, и сразу стало уменьшаться количество и падать качество. Мясо стало деликатесом. В столицах в 1918–1919 годах было съедено 3 549 000 пудов мяса, в том числе 1 775 000 пудов конины, т. е. чуть больше половины. Конечно, свободная торговля мясом все равно имела место, например, в виде пирожков на железнодорожных станциях. Но мясо было очень сомнительного происхождения: использовалась и падаль, и мясо собак, кошек, раз-

личных птиц. Еще хуже было положение с жирами. В 1919 году в Новгороде потребление сливочного масла с марта по декабрь колебалось от 0,020 до 0,008 фунта в день, а растительного масла — от 0,021 до 0,017 фунта. Напомню, что торговый фунт равен 409,5 гр.

Картина фактического дневного потребления в Москве была такова. Если в 1917 году печеного хлеба на душу населения потреблялось 2,55 фунта, то в 1918 году — 1,19 фунта; крупы потреблялось соответственно 1,48 фунта и 0,033 фунта, мяса 0,60 и 0,40 фунта, жиров 0,15 и 0,04 фунта, сахара 0,16 и 0,036 фунта. Само по себе качество хлеба было крайне низким. Даже жители столицы ели суррогатный хлеб: примеси составляли до 25 % массы.

Усредненные данные отражают лишь общую картину. Качество питания зависело и от случайных факторов, в том числе от расторопности тех, кто сам добывал себе пищу. Так что малоквалифицированный рабочий, набивший себе руку на поездках за хлебом (мешочник), был намного лучше обеспечен, чем постоянно работавший на предприятии высококвалифицированный рабочий или интеллигент.

Нехватка, а фактически — отсутствие продовольствия, усугублялась неимоверным обесцениванием денег, о чем речь уже шла в соответствующей главе.

Стремление людей выжить привело и к небывалому развитию огородничества. Практически все пригородные имения были разобраны рабочими и служащими, в основном через профсоюзы и кооперативы. Горожане настолько активно включились в огородничество, что составили конкуренцию продовольственным органам. А это вредно для власти — если человек не зависит от нее. Ленин на заседании Московского Совета 6 марта 1920 года потребовал ввести «контроль рабочих масс... относительно тех огородников, которые расселены вокруг Москвы и которые, пользуясь тем, что вокруг живет голодный брат, кладут себе в карманы миллионы. Благодаря тому, что всякий богатый огородник может наживать на своем бедном соседе невероятные деньги, получается безобразная несправедливость, допустить которую мы не можем». Так ужасные огородники подрывали советскую власть тем, что давали возможность кормиться горожанам.

Один из руководителей Наркомпрода Н. Орлов заявлял: «Рассматривая явление объективно, мы принуждены исходить из того положения, что аппарат государственной хлебной монополии не удовлетворяет запросов населения, не доставляет продовольствия в том количестве, какое требуется — потому ли, что плох этот аппарат, потому ли, что нет в стране достаточного количества запасов, потому ли, что

заготовленные запасы нельзя вывезти на места потребления. Население начинает искать пути удовлетворения своих запросов... все внимание приковывается к индивидуальной самопомощи, а не к улучшению общественной взаимопомощи». Известный экономист Н. Кондратьев позже так оценивал продовольственное дело: «Под видом монополии хлеба у нас фактически осуществлялась монополия хлебной торговли. Но она осуществлялась в том смысле, что вытеснялся и разрушался частноторговый специализированный в хлебном деле аппарат. Таким образом, все больше создавалось положение, когда государственный аппарат не имел сил удовлетворить в более или менее достаточном объеме потребность населения, а частноторговый аппарат лишен был права и возможности вести свою более или менее интенсивную работу по снабжению, и был разрушен. Это положение вещей и породило, а затем расширило и гипертрофировало новый вид вольного рынка».

Мешочничество появилось еще до октябрьского переворота, но тогда оно носило частный характер. С 1918 года мешочничество приобрело профессиональный характер: мешочники-профессионалы закупали в Москве и Петрограде промышленные товары, обменивали их в южных хлебопроизводящих губерниях на продукты и поставляли их на рынки Москвы и Петрограда. Член коллегии НКП Брюханов на заседании ВЦИК 1 апреля 1918 года заявил: «Мешочничество стало получать организованные несколько формы, стало превращаться в явление группового мешочничества, стало явлением, которое наблюдается в виде стремления отдельных групп населения, отдельных мелких городских ячеек». Постоянные, профессиональные мешочники снабжали продовольствием не только свои семьи. Большая часть продуктов продавалась или выменивалась на рынке, спасая от голодной смерти тех, кто сам был неспособен отправиться в неизвестность. Смоленский журнал «Экономическая жизнь» весной 1919 года писал: «Одним из наиболее существенных способов добывания городским населением продуктов является мешочничество во всех его видах и формах: поездки в Могилевскую, Минскую, Курскую, Саратовскую губернии и на Украину за всевозможными продуктами сплошь и рядом практиковались городским населением нашей губернии в марте месяце сего года. Покупка различных продовольственных продуктов на местах у спекулянтов, привозящих из других мест различные предметы продовольствия и продающих населению по спекулятивным (высоким) ценам. Эти покупки также довольно часто имели место в марте месяце сего года».

Здесь уместно остановиться на понятии «спекуляция», так активно употреблявшемся в СССР, как видим, еще до его возникновения.

Итак, некто на собственные или взятые в долг деньги покупал товары, преодолевал при тогдашних транспортных условиях сотни километров, на месте продавал товары и покупал хлеб, вез его, надрываясь под тяжестью и рискуя попасть в руки заградотрядов и расстаться с покупкой, свободой, а то и жизнью. Так «спекулятивная» цена, которую он назначал за свой продукт, была платой за труд, платой за страх, платой за предприимчивость. Или он должен был продавать по тем же ценам, по которым покупал?

А риск был немалым, и столь же значителен — труд. По данным А. Ильюхова, в 1918 году Калужский компрод провел анкетный опрос по проблемам мешочничества. Из 187 436 мешочников, ответивших на анкету, только 97 727 человек, т. е. половина, вернулись из поездки с хлебом! При этом на одного привезшего хлеб мешочника приходилось в среднем 9,9 пуда, т. е. почти 160 килограммов. Пусть нынешний читатель представит, что он везет (в тогдашних условиях!) два мешка-пятерика, т. е. по 80 килограммов. Остальные калужские мешочники из числа опрошенных или ничего не привезли, или привезли сущие пустяки. Таков результат деятельности железнодорожников, везших мешочников, бандитов, «пасших» их, и реквизиционных отрядов.

Мешочник стал характерной фигурой. Считается, что в Петрограде их было 30 тысяч, в Курской губернии — 150 тысяч, а в Калужской — 300 тысяч человек! Более 600 тысяч калужан, сообщает А. Ильюхов, т. е. 40% от общего числа жителей, время от времени или регулярно ездили за продовольствием. Курская и Калужская губернии находились рядом с производящими продовольствие местностями, и их население фактически самоснабжалось. Интересно было бы сопоставление данных по смертности населения в Петрограде и Калуге: наверняка в последней смертность была ближе к нормальной.

Роль мешочника в прокормлении населения была колоссальной. По данным Наркомпрода, в середине 1918 года население крупных городов приобретало у мешочников до 70% потребляемого продовольствия, а в крупных городах с вольного рынка получали до 90% потребления. За 1918–1919 хозяйственный год мешочники привезли в города примерно 55,9 миллиона пудов хлеба. В 1919–1920 годах мешочники доставляли не менее 30 миллионов пудов хлеба в год, что составляло 64,4% всего потребляемого хлеба. Продорганы обеспечивали подвоз всего 18,1 миллиона пудов, или 35,6% потребления.

Любопытно, что для отвратительно работавших продорганов мешочничество стало средством хотя бы частичного выполнения обязанностей. Значительная часть хлеба, якобы вывезенного продорганами,

была реквизирована у мешочников заградотрядами. В Курской губернии, через которую пролегли транзитные пути мешочников, большая часть заготовок осуществлялась через мешочников. В 1919 году здесь у них было отнято 400 тысяч пудов хлеба. За полтора летних месяца 1918 года у мешочников было реквизировано 2 миллиона пудов муки.

8 августа 1918 года было опубликовано обращение СНК ко всем трудящимся «На борьбу за хлеб», направленное «против мешочничества, расстраивающего твердые продовольственные порядки в хлебных губерниях и разрушающего железнодорожное и паровое движение». По мнению вождя мирового пролетариата, русский городской пролетариат должен был медленно вымирать от голода в твердом порядке. По этому «обращению», получившему силу закона, подлежали конфискации продовольствие и оружие, провозимое без соответствующих удостоверений: хлеб мешочников приравнивался к оружию контрреволюции. В случае сопротивления мешочники арестовывались и передавались в суд, а при сопротивлении с оружием в руках — расстреливались на месте.

Но чем суровее закон, тем более он удобен для тех, кто им пользуется. На дорогах в южные губернии царил взяточничество. Кое-где красноармейско-чекистские заградительные отряды даже установили таксу. Так, в Пермском уезде в 1918 году с одиночного мешочника каждый отряд брал по 100 рублей, а с целого обоза — по 1500.

Новый аппарат власти был крайне несовершенен, и повсюду царил сумбур, прикрываемый громкой революционной фразой. Это создавало колоссальные возможности для воровства и иных злоупотреблений и приводило к гибели массы национализированного товара. В марте 1918 года в Москве реквизировали у «буржуев» такое количество продовольствия, которого хватило бы для снабжения населения столицы в течение полугода. Но оно куда-то исчезло, очевидно, большей частью попав на вольный рынок. В Петрограде были национализированы склады сельдей, где из-за бесхозяйственности рыба протухла и была уничтожена.

Все это показывает крах продовольственной диктатуры. Цена ее была огромна и в экономическом плане (разрушение крестьянского хозяйства реквизициями), и в политическом: нелюбовь, по меньшей мере, к неспособной власти со стороны голодающих рабочих, и ненависть со стороны ограбленных крестьян, и с моральной точки зрения: деградация морали от самоснабжения городского населения. Не государство кормило население, а оно кормилось любыми путями через «самоснабжение».

Ситуация была не столь проста и не столь безобидна, как кажется. В нее необходимо вдуматься. Нехилый интеллигентный горожанин отправлялся пешком в деревню выменять последнюю шубу на пудик ржи. Мешочник привозил в среднем из одной поездки до 10 пудов продовольствия. Естественно, что доставить бесценное продовольствие за сотни километров при том состоянии транспорта через заградительные отряды красноармейцев, чекистов и бандитов мог только относительно молодой, очень сильный, крепкий, упорный и изворотливый, беззастенчивый, даже наглый человек, обладающий безграничным терпением, находчивый, смелый и решительный, умеющий обращаться с оружием и при необходимости пускающий его в ход. Они и выживали в тех условиях, представляя собой тот генетический материал, который лег в дальнейшем в основу советского народа. А робкие, стеснительные, совестливые, законопослушные — вымирали.

Для спасения добытого продовольствия от заградотрядов мешочники сами объединялись в большие, решительно настроенные группы, и даже нанимали для защиты вооруженные шайки бандитов, имевших пулеметы. Известны случаи ожесточенных перестрелок с заградотрядами, в которых с обеих сторон бывали убитые. Так что «крышевание» «братков» — изобретение не периода «прихватизации» и демократии: оно было порождено самой советской властью еще на заре ее существования.

С другой стороны, члены заградотрядов, отнимающие то, что добыто такими трудами с целью спасения от голода, а при малейшем сопротивлении прибегающие к расстрелам, превращались в такой же, лишенный общечеловеческой морали элемент. Вслед за А. Ильюховым советую читателю внимательно прочесть рассказ И. Бабеля «Соль», где молодая женщина, чтобы провезти полпуда соли, прикинулась кормящей матерью с младенцем; разоблаченная везущими ее в воинском эшелоне, она была безжалостно выброшена на ходу из поезда.

Мораль стала такова, что знаменитый нарком продовольствия Цюрюпа, выступая на сессии ВЦИК 9 мая 1918 года, вынудил его принять резолюцию, по которой как мешочники, так и крестьяне, продающие им хлеб, были объявлены врагами народа, которых следовало приговаривать к длительным срокам тюремного заключения. Однако такой «обыватель», как писатель А.И. Куприн, патетически восклицал: «Памятник Мешочнику, спасшему в Гражданскую войну многие тысячи жителей городского и сельского населения. Памятник ему!».

Но не только мешочники и огородники, спасая города от вымирания, подрывали мощь советской власти и ее главного оружия — продо-

вольственной монополии. Руку к этому приложили буржуазные недобитки и американские империалисты. Своего пика голод достиг в 1921–1922 годах, охватив от 15 до 22 миллионов человек. Теперь он начался в деревне. Особенно жестоким голод был в Поволжье и других степных районах, где имел место неурожай. Он дошел до того, что стали появляться многочисленные случаи людоедства и на рынках обнаруживались торговцы человечиной. Времена были еще «вегетарианские», и правительство предпринимало некоторые меры для борьбы с голодом, вплоть до сокращения экспорта хлеба за границу. 18 июля 1921 года при ВЦИК была создана Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол), объединявшая деятельность всех советских и общественных, в т. ч. заграничных учреждений по борьбе с голодом. Председателем ее стал М.И. Калинин. На местах были созданы комиссии Помгола при исполкомах Советов. Помгол занимался выяснением размеров голода, рассматривал ходатайства о признании голодающими отдельных местностей, изысканием средств борьбы с голодом, изъятием церковных ценностей и переселением крестьян из голодавших губерний. Упразднен Помгол был 7 сентября 1922 года. Параллельно ему пытался действовать Общественный комитет содействия голодающим — общественная организация, созданная в том же 1921 году видными дореволюционными политическими деятелями либеральной ориентации, преимущественно бывшими меньшевиками и кадетами (Кускова, Прокопович, Кишкин, Пешехонов и др.). Председателем его был избран известный русский писатель, в ту пору всеми, даже частью большевиков признаваемый «совестью России», В.Г. Короленко. Ведь у русской либеральной интеллигенции была и традиция помощи народу, и опыт борьбы с голодом, охватившим страну в 90-х годах XIX века. Комитет занимался сбором, в т. ч. из-за границы, и распределением средств среди голодающих, организацией столовых, больниц и пр. Ясное дело, что вся эта меньшевистовавшая и кадетствовавшая интеллигенция, все эти недобитки созданием комитета пытались опорочить советскую власть и выразить недоверие Помголу. Вскоре комитет был ликвидирован, а большинство его членов арестовано.

Как всем известно, США, разжиревшие на Первой мировой войне, после ее окончания продолжили свою экспансию в Европе новыми способами. Одним из способов этой «империалистической экспансии» стал АРА — «Американская администрация помощи», работавшая в 1919–1923 годах под руководством Г. Гувера для оказания материальной помощи европейским странам, пострадавшим в Первой миро-

вой войне. В 1921 году в связи с голодом в Поволжье ее деятельность была распространена на советскую страну. Здесь в помощь 300 уполномоченным АРА было привлечено свыше 10 тысяч человек советских граждан, преимущественно из знавшей иностранные языки старой интеллигенции. Сначала АРА обеспечивала только детей (к концу 1921 года — 58 тысяч человек, в 1922 году число детских пайков доведено до 5 миллионов), с 1922 года — и взрослых (также 5 миллионов человек), так что в период максимального развития деятельности дополнительное питание получали до 10 миллионов человек. Советское правительство выплачивало жалованье советским гражданам — работникам АРА, предоставляло склады, помещения и горючее для привезенных из Америки многочисленных автомобилей. Всего за время деятельности было выдано более миллиарда детских порционных и около 800 миллионов взрослых. Работала АРА в 37 губерниях, израсходовав почти 137 миллионов золотых рублей. Наряду с продовольствием нуждающимся выдавалась обувь (более 600 тысяч пар), одежда, мануфактура, чулки, нитки и пр., всего почти на полтора миллиона долларов. Кроме того, снабжалось медикаментами до 14 тысяч различных учреждений (детских домов, больниц, школ), обслуживавших до миллиона больных. Также стали поступать коммерческие продовольственные посылки, обувь и одежда; через АРА эмигранты получили возможность оказывать помощь оставшимся на родине родственникам и друзьям. Часть посылок выдавалась бесплатно, главным образом нуждающейся интеллигенции. Стоимость продовольственных посылок составила 11,6 миллиона долларов, вещевых — 838 тысяч. Власти в РСФСР, а особенно карательные органы, с большим подозрением относились к деятельности АРА и ее советских представителей. Через некоторое время многие из них были арестованы по обвинению в шпионаже, а деятельность АРА прекращена в 1923 году: имевшие право запретов и арестов от голода не страдали.

Прошло три года с момента отказа от рыночных принципов, и пришлось срочно вводить НЭП с его частным предпринимательством, в том числе и торговлей. Именно она-то в первую очередь и возродилась: с производством была заминка, хотя мелкие частные предприятия были денационализированы. Тот же Окунев записывает уже 2 мая 1921 года: «Сухаревка все-таки не возродилась, но зато теперь завелся громадный торг на Трубе, на Земляном рынке, на Зацепе и в разных других местах. Сухаревка по своему центральному месту и по величине площади, была, конечно, удобнее всяких других мест для “свободного товарообмена”, и если ее не возобновили, то только по капризу

властей, по капризу простительному для женщин, утопающих, но не со знающихся в том, что не стрижено, а брито. Как же! Постановили Сухаревку закрыть навсегда, а вместо нее мы заводим десяток “сухарево-чек”. Те, у кого была высокооплачиваемая работа или служба, либо деньги, полученные каким-либо иным путем, могли без проблем купить все, что угодно, остальные же, по крайней мере, могли не бояться умереть с голоду. Современники пишут о стихии торговли, захлестнувшей крупные города, прежде всего Москву. 12 июля 1921 года Окунев записывает: «...маленькие лавочки растут по Москве как грибы, в особенности по гастрономической и по зеленой части. Пройдешь по улице и невольно остановишься: видишь “давно забытые мечты и прелесть прежних далей”, балык, семгу, икру, ветчину, лимоны, ягоды, орехи, сласти, но наряду с этими прелестями вывесочки “новых дней”, гласящие, что балык стоит 35 000 р. ф., малина 3500 р. ф., орехи 10 000 р. ф., молодой картофель 1600 р., рис 10 000 р. ф. и т. д. Ну и плюнешь на эту прелесть и поспешишь домой, где тебя ждет старая картошка и каравай черного хлеба». Красочную картину торговли в первый период НЭПа изобразил «бывший князь» С. Голицын в своих «Записках уцелевшего»: и переговаривавшихся между собой по-французски продавцов барахла, от жемчуга до старинных кринолинов, залежавшегося в сундуках, и мелкого покупателя, желавшего одеться и обуться хотя бы в заваль, и крупных дельцов, скупавших драгоценности, и бывших офицеров — посредников между продавцами и скупщиками.

Но какой же социализм при разгуле частника-предпринимателя? И во второй половине 20-х годов началось наступление на частника, вытеснение нэпмана с рынка. Велось оно разными способами, из которых самым цивилизованным было перераспределение сырья. Весьма популярным стало неоднократное обложение нэпмана налогами: заплатил раз, заплатил другой, а там и обанкротился, да еще и попал в тюрьму за злостную неуплату налогов. Но подлинные неприятности нэпману сулила «золотая лихорадка», выкачивание из него золота. Самым популярным средством стала «парилка для нэпмана»: ироническое название специального помещения, где для достижения результатов, т. е. выдачи арестантом золота и валюты, поддерживалась высокая температура, а арестованным выдавали соленую пищу и не давали пить. Не с тех ли пор пошло жаргонное выражение «париться на нарах»?

А 10 октября 1931 года появилось постановление о полной ликвидации частной торговли.

Нэпман «скукожился», и в городах наступил продовольственный и товарный кризис. Чтобы хоть как-то справиться с ним, введена была

карточная система и началась организация так называемой закрытой торговли — прикрепления определенных групп населения к тем или иным магазинам-«распределителям». В августе 1930 года «Правда» опубликовала статью «Закрытая торговля — основа классового снабжения». Оно и было классовым. Так, в «закрытом» (для посторонних) магазине Дома Правительства на Болотной площади в Москве в 1932 году его клиенты могли получить 8 килограммов рыбы, 4 килограмма масла, 4 килограмма колбасы, 3 килограмма сахара, 1 килограмм кетовой икры; птица, молочные продукты, овощи и фрукты продавались без ограничений. В это время в Ивановской области рабочие, имевшие карточки высшей категории, могли купить в месяц 1 килограмм круп, 0,5 килограмма масла, 1,5 килограмма рыбы, 0,8 килограмма сахара. К 17 октября 1930 года, по сообщению «Известий», в Москве было организовано 139 закрытых распределителей, которые обслуживали 700 тысяч человек. Из них 45 % рабочих, 28 % детей, 27 % других членов семей. Распределители были организованы по производственному признаку. Прикрепление к определенному магазину всех трудящихся Москвы должно было закончиться к 1 декабря.

Страна нуждалась в валюте, и одной из форм закрытой торговли стали торгсины, один из которых так красочно описан М. Булгаковым в «Мастере и Маргарите». Первые торгсины для торговли предметами антиквариата были открыты в Москве в июле 1930 года. С осени 1931 года они стали доступны и советским гражданам, сдающим драгоценности и валюту. Дело в том, что во время голода 1921–1922 годов и в период НЭПа можно было вполне легально, через финансовые органы, получать валюту от проживавших за границей родственников. А чтобы избежать огромных отчислений государством в свою пользу, многие просто посылали валюту в обычных письмах. Вообще-то это было запрещено, но власти, брав таких людей на заметку, пока что закрывали глаза на эти нарушения: все равно валюта оставалась в стране. С 1 февраля 1935 года сеть торгсинов была закрыта, а граждане, у которых так неосторожно проявились родственники за границей, стали отправляться в лагеря по так называемым литерным статьям ПШ («подозрение в шпионаже») и СВПШ («связи, ведущие к подозрению в шпионаже»).

Особенное развитие закрытая торговля получила в 1939–1940 годах в связи с очередным обострением продовольственного дефицита. Помимо существовавших закрытых магазинов для партийно-советской номенклатуры и иностранцев (так называемый Инснаб, с 1929 года снабжавший «инспектов» продуктами питания и товарами широкого потреб-

ления, и открывавший в промышленных центрах и вновь строящихся промышленных городах специальные лавки с широким набором товаров). Вход туда был только по именным заборным книжкам, выдававшимся иностранцам, а чтобы не вызывать возмущения простых советских людей (у «непростых» были свои закрытые учреждения снабжения), окна густо забеливались, стали открываться такие же магазины, столовые и буфеты для некоторых других категорий населения: чинов НКВД, военных, служащих, ученых. Закрытая торговля получала львиную долю продуктов и товаров, ввозившихся в города. Так, в Сызрани она обслуживала 20 % населения, получая 90 % ввозимых товаров. В Молотовской (ныне — Пермская) области открытой торговлей пользовалось 65 % населения, но она получала лишь 2–3 % ввозимых товаров. В Тамбовской области руководящие работники обкома и облисполкома могли купить продуктов в месяц на сумму от 250 до 1000 рублей. В Сталинабаде (ныне Душанбе) в закрытом магазине покупатель мог купить шерстяной ткани на 342 рубля, а в открытой торговле — на 1 рубль.

Еще большее развитие система закрытой торговли получила в годы войны. Тот же современник вспоминает московскую торговлю в конце войны, вернувшись домой из эвакуации: «Продукты мы получали в одном из военоторговских магазинов на Сивцевом Вражке. Лучше бы в Центральном Военторге на ул. Коминтерна...

Но там место было литературным людям. Тыловые офицеры и их семьи имели туда доступ, семьи фронтовиков нет. Магазин наш на Сивцевом Вражке ничем не отличался от остальных захудалых магазинов для непривилегированной публики. То, что в нашем «Горте» — магазине при Доме правительства, закрытом распределителе, доставалось без очереди, у нас было редкостью — какая-нибудь крупа, к примеру, пшено! — за которой надо было стоять часы в битком набитом магазине». Это 16 марта 1944 года СНК СССР принял постановление «Об организации магазинов и ресторанов в г. Москве для обслуживания работников науки, техники, искусства и литературы, а также высшего офицерского состава Красной армии».

Эта система «закрытой торговли» сохранялась до конца советской истории. Наиболее известным ее проявлением стали специализированные магазины для иностранцев — «Березка».

К концу 1933 года голод понемногу стих и продовольственный кризис «рассосался». Появилась возможность расстаться с карточками. 7 декабря 1934 года было объявлено об отмене с 1 января карточек на хлеб, муку и крупы с 1 января. 1 октября 1935 года отменены карточки на мясо, рыбу, сахар и картофель. 26 сентября 1935 года в газетах было

опубликовано сообщение об отмене карточной системы в продовольственной торговле, а 1 января 1936 года отменены карточки на промышленные товары. Наркомат внутренней торговли отдал распоряжение о снижении цен на все блюда и напитки в ресторанах страны. Наступление всеобщего благоденствия (только в Москве — все же витрина социализма) получило даже внешнее воплощение. 4 октября 1934 года на улице Горького (ныне — снова Тверская) в помещении бывшего магазина Елисеева открылся образцовый гастрономический магазин, а 15 февраля 1934 года всех продавцов в Москве одели в белую хлопчатобумажную одежду!

Но на всех не угодишь. 16 апреля 1936 года москвич Е. Николаев записывает в дневнике: «Прошел весь район — нигде нет папирос за 35 копеек, исчезли, оказывается. Зашел к одному знакомому торговцу. Он мне сообщил, что у него стоит громадный ящик этих папирос, но запрещено до 1 мая продавать. Это очередная гнусная большевистская подлость. Например, к Св. Пасхе все молочное и яйца исчезли из продажи, даже деревенских притеснили на рынках эти продукты продавать, в особенности яйца, творог, сметану. Ну, времена!» (Сохраним в памяти Москву).

Война положила предел даже тому уровню торговли, какой существовал в 30-е годы после искоренения НЭПа и нэпманов. То есть, конечно, какая-то торговля была. Кроме государственных торговых заведений, «отоваривавших» карточки, а также тех, которые вели коммерческую торговлю по вздутым ценам, существовали многочисленные обычные рынки, где можно было купить почти все, начиная от хлеба, за огромные деньги. Был также «черный» рынок, на котором можно было приобрести по еще более сумасшедшим ценам действительно все, включая американский сульфидин и пенициллин и немецкий пистолет «Вальтер».

18 июля 1941 года постановлением СНК СССР были введены карточки на продовольственные и промышленные товары в Москве, Ленинграде и некоторых городах Московской и Ленинградской областей. Работающие получали карточки на предприятиях, иждивенцы — в домоуправлениях. Рестораны, кафе, шашлычные, закусочные продолжали торговать свободно, но с 200 % надбавкой. Одновременно открылась коммерческая торговля в 97 магазинах. Ученый секретарь Комиссии по изучению истории Москвы П. Миллера пишет в дневнике уже в июле: «На утреннем дежурстве (3 часа 30 минут — 6 часов утра) наблюдал дикую сцену очереди у продовольственной лавки и неоднократно ее разгона». То есть люди стояли в очередях и ночами, задол-

го до открытия магазинов. 8 декабря 1941 года по решению исполкома Моссовета была установлена норма выдачи на одного человека в месяц: соли — 400 грамм, спичек — 3 коробки. Зато 17 декабря 1941 года журналист Н. Вержбицкий отмечает в дневнике: «У Елисеева открылась коммерческая продажа. Кило мяса — 80 руб., кило сахара — 50 руб. Кило масла — 120 руб.».

Некоторое оживление торговли, но рассчитанное на имущих, началось в конце войны. В январе 1944 года в Москве открылись коммерческие рестораны «Астория», «Аврора» и др., а в апреле появилось даже 20 ночных ресторанов. Они работали до 5 часов утра, в них играли оркестры и выступали артисты. С 15 апреля 1944 года в Москве начали работать 8 гастрономов, в которых торговали продовольственными товарами, винами, напитками и табачными изделиями, два рыбных магазина, два мясных, два молочных, два овощных, один кондитерский, один чайный, один табачный и один винный. Торговля велась без карточек, для всего населения, но по специальным ценам. Для некоторых категорий граждан были установлены скидки.

Но зато 27 сентября 1946 года Постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба» было предусмотрено сокращение контингента населения, находящегося на нормированном снабжении. С 12 октября 27 миллионов человек лишились продуктовых карточек. В качестве анекдота можно привести воспоминание жены партийного деятеля Айно Куусинен о знаменитой А. Коллонтай: «Был канун Первомая, вся Москва готовилась к празднику. Водки хватало с избытком, а хлеб был по карточкам. Почему-то в неограниченном выборе в магазинах лежали кремы и духи, но мыла было не достать. Александра Михайловна пожаловалась, что чиновники обошлись с ней несправедливо, когда она попыталась получить карточки, чтобы купить продукты к праздничному столу». Это был апрель 1947 года. А 14 декабря 1947 года в связи с Постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» появилось другое постановление «О нормах продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки». Предельные нормы были таковы: хлеб печеный — 2 кг, крупа, макароны — 1 кг, мясо и мясопродукты — 1 кг, колбасные изделия и копчености — 0,5 кг, сметана — 0,5 кг, молоко — 1 л, сахар — 0,5 кг, нитки — 1 катушка, хлопчатобумажные ткани — 5 метров, чулки-носки — 2 пары, обувь кожаная, текстильная, резиновая — по 1 паре каждой, мыло хозяйственное и туалетное — 1 кусок, спички — 2 коробки, керосин — 2 литра. Но потрясением для

трудящихся такое ограничением не стало: предельные нормы отпуска товаров были введены еще в 1939 году в связи с очередным продовольственным кризисом и советско-финской войной.

Одной из самых характерных черт, а лучше сказать — родовым признаком так называемой социалистической системы, были очереди. Достаточно напомнить, что при всех негативных чертах дореволюционной жизни в России достаточно было в феврале 1917 года появиться в Петрограде «хвостам» в хлебные лавки, как в столице империи начались бунты, закончившиеся падением монархии. Конечно, можно было бы сказать, что очереди — признак только российского (советского) варианта социализма. Но «впрыгнувшая» в социализм Куба тут же была опутана очередями, попытавшаяся построить это же самое переловое общество Эфиопия познала голод, далее — везде, где только ни воздвигся серп и молот: хочешь, — жни, а хочешь, — куй: все равно получишь... очереди.

Свидетельства современников об очередях проходят сквозь все 70 лет коммунистического режима. 6 марта 1922 года москвич Окунев записывал в дневнике: «...около “казенных” магазинов — длиннейшие хвосты “живых!” очередей. Около “Проводника” (на Мясницкой) — небывалая очередь за калошами. Даже не одна, а целых три, — одна сплошь состоит из калек, другая из женщин с грудными младенцами (тем и другим “внеочередность”), но их так много, что все таки “промеж себя” и они не могут обойтись без хвостов. И третья — для всех иных. Последняя состоит — говорю без преувеличения — из доброй тысячи людей. Нет еще десяти часов, а около магазина три таких толпы!.. Около самых дверей магазина очереди путаются, вступают в ругань, иногда в свалку. Около самой гущи топчется 2–3 конных милиционера... Говорят, что в такой очереди нужно пробыть трое суток, чтобы наконец попасть в магазин и получить там за 1 300 000 р. пару калош. Значит, граждане в своей семье образуют караульную службу и по такому великому стоянию. Отстоит один человек часа три, а потом покушать захочет, или чего другого, чего при людях не станешь делать, ну вот тогда-то и приходит кто-нибудь ему на смену».

Другой москвич, Шитц, также ведший дневник, но десятилетием позже, записывает 7 сентября 1929 года: «Утром в 10 ч. длиннейшая очередь перед госиздатовской книжной лавкой: школьники дежурят, дожидаясь открытия магазина, нацеливаясь на тетради. В газетах на днях сообщалось, что по разверстке приходится по одной тетради в месяц на школьника в Московской губернии... Это в области. Ну, а дальше?»

Проходит еще 7 лет. В стране построен социализм и, в сравнении с предыдущими десятилетиями, наступило некоторое благополучие. Но посетивший Москву французский писатель Андре Жид пишет в июне 1936 года: «Что делают эти люди перед магазином? Они стоят в очереди. В очереди, которая протянулась до ближайшей улицы. Стоят человек двести или триста, спокойно, терпеливо — ждут. Еще рано, и магазин закрыт».

Не следует думать, что власти были равнодушны к этому, позорящему социализм, явлению. Когда в конце 30-х годов, после краткого периода благоденствия (исключительно городского) вновь возникли серьезные перебои с продовольствием (а с промышленными товарами они и не проходили), в Москве, которая снабжалась все же получше других городов и весей, очереди перед магазинами в 1939 году были запрещены и разгонялись милицией. Но жить-то, хотя бы и худо, хочется, а без хлеба и других продуктов питания какая же жизнь. Голь на выдумки хитра, и вот появились «гуляющие» очереди: люди не спеша как бы прогуливались по тротуару мимо магазина, правда, вереницей, к которой пристраивались все новые фланеры, а голова этой вереницы гуляющих время от времени исчезала за дверями магазина. Формально у дверей магазинов никаких очередей не было (очереди внутри магазинов милицию не интересовали), и никакого ущерба социализму не наносилось. А что человек гуляет на коротком отрезке улицы, так какие к нему могут быть претензии: может, он любимую ждет. Еще лучше было, если магазин располагался напротив городского сквера: люди гуляли и даже нагло стояли кучками в аллеях.

Кроме того, чтобы не создавать ажиотажа, в том же 1939 году было введено патрулирование вокзалов и поездов для предотвращения наплыва покупателей в Москву и Ленинград: ведь и до войны, как и после нее, значительную часть очередников составляли приезжие из близлежащих деревень и маленьких городов. Мало того. Железнодорожники укоротили маршруты поездов. Допустим, пригородный поезд Москва–Можайск доходил только до станции перед Можайском и оттуда отправлялся обратно. Потенциальные покупатели, ехавшие из провинции в Москву, от Можайска один перегон шли до поезда пешком. Конечно, 3–4 километра человека не остановят, но ведь можно и опоздать на поезд, а тогда какой смысл ждать следующего поезда, если, пока доедешь, московские магазины закроются. Современник вспоминал об очередях 1939 года: «Зимой началась финская война... Снова прокатилась волна паники. С продуктами стало похуже, хотя карточек, которых все боялись, не ввели. Но очереди были, их занима-

ли задолго до открытия магазинов. Рассказывали, что люди замерзали на порогах магазинов. Зима была невероятно суровой» (*Русский Г. Ребенек в войне*).

Многолетний опыт стояния в очередях выработал и свои правила поведения в них, и свою лексику. Подойдя к очереди, спрашивали: «Кто последний?». Иногда какой-нибудь остряк, имея в виду советскую пропаганду (после революции «последних» не стало) отвечал: «У нас нет последних, у нас все первые». Тогда перепрашивали (или спрашивали сразу): «Кто крайний?», хотя и тут другой остряк мог спросить: «С какого края?» Поскольку люди из очереди могли отлучаться для того, чтобы занять новую очередь, или просто уйти, то обычно допытывались, за кем стоит «последний», а наиболее настырные вообще замечали трех-четыре впереди стоящих. Если очередь по каким-либо причинам теряла строгий порядок, это позволяло разобратся: «Я стояла за этим красным пальто, а вы стояли за той синей шапкой, а за мной была вот эта женщина в клетчатом платке» и т. п. При большом скоплении народа очередь иногда превращалась в беспорядочную толпу: вновь пришедшие проталкивались ближе к прилавку, норовя взять товар без очереди. Тогда наиболее инициативные женщины просили какого-нибудь мужчину покрепче встать возле прилавка и не пускать нахалов, лезущих без очереди; в чрезвычайных случаях у прилавка могли встать и два-три мужчины из числа очередников, чтобы силой отбрасывать остервенелых наглецов.

При очень больших очередях иногда на случайном листе бумаги кто-нибудь вел карандашом запись очередников, указывая индивидуальный номер каждого. Но запись могла потеряться, а если милиция преследовала очереди, то бумажку могли и отобрать. Так что если очередь была слишком уж длинной, порядка в ней было мало, а ожидаемый товар еще не появился на прилавке, иной раз чернильным карандашом (химическим; были когда-то такие) на руках писали номер.

Очереди, иногда многочасовые, превращались в некий сплоченный социальный организм. В очередях знакомились, рассказывали о перипетиях своей жизни (все равно после покупки расстанемся, так что не страшно, что кто-то будет знать о твоих несчастьях), делились кулинарными рецептами и способами лечения болезней. Очередь спланивалась не только общим и довольно тесным стоянием, но и противодействием тем, кто пытался пролезть вперед без очереди или просил пропустить вперед, ссылаясь на оставленного дома ребенка или на болезнь, плохое самочувствие... «Ну и что, у всех маленькие дети...», «Ну и что, я сама вся больная, а стою...» — такие

реплики в ответ на просьбы были обычными. Но одновременно в очереди существовал и с трудом подавляемый раскол, неприязнь и даже ненависть задних к передним. Одни, опасаясь, что на всех может не хватить вожделенного товара или продукта, требовали «давать» по килограмму продуктов или по одной штуке товара, негодовали на продавцов, работавших неспоро или отлучавшихся в «подсобку», а стоявшие близко к прилавку старались продавцов не раздражать, даже поддерживали их и льстили им, а от задних отругивались. Вечные и бесконечные очереди раздражали людей, озлобляли их, выжигая человеческие чувства. В 70–80-х годах, когда продовольственный кризис в стране достиг высокого уровня, в Москву, все же бывшую витриной социалистического образа жизни и снабжавшуюся лучше, хлынули за продуктами питания массы приезжих. В ту пору из Рязани, Твери, Ярославля, Калуги и других близлежащих городов в Москву по выходным дням организовывались многочисленные автобусные туристические маршруты. Но автобусы останавливались где-нибудь в районе Сокола и подобных районах, чтобы не в самом центре, где в магазинах толчея, и не на окраинах, где магазины были пустоваты, а там, где и очереди поменьше, и продуктов побольше. А «туристы» дружно наполняли магазины, набирая вареную колбасу по 2.20 охапками, сосиски целыми гирляндами и скороспелый крошащийся сыр килограммами. Тогда каждый секретарь обкома считал делом чести организовать на выходные дни дополнительные электропоезда в Москву, так что даже появилась саркастическая загадка: «Что такое: длинное, зеленое, быстро бежит и пахнет колбасой?». Ответ: «Рязанская (Калужская, Тульская, Тверская — далее везде) электричка». Такие электрички иронически даже назывались «колбасными»: набегавшись в поисках продуктов по Москве и настоявшись в очередях, пассажиры уже в поезде начинали лакомиться вареной колбасой, отчего вагон наполнялся специфическим запахом. И чтобы предотвратить это, в общем то, справедливое перераспределение продуктов, московские власти пошли на крайние меры: москвичам и жителям ближнего Подмосковья, например, Химок, где жил я тогда, по предъявлении паспорта с пропиской в ЖЭКах стали выдавать «Визитные карточки москвича» с фотографией; не имевшим такой карточки продукты в Москве продавать перестали. Вот тут в полной мере проявлялся антагонизм нищей провинции и «сытой» (по провинциальным меркам) Москвы: «Понаехали тут! Нам самим не хватает!» — неслось с одной стороны. «А мы что, не люди? Вас вся страна кормит, бездельников!» — отгрызались с другой.

И все же люди оставались людьми. Женщине, маявшейся в очереди с маленьким капризничавшим ребенком, могли предложить временно отойти и даже погулять на улице, обещая позвать ее, когда подойдет черед, и даже иногда могли предложить пройти вперед и взять товар без очереди. Почти всегда находилась такая добрая душа, и остальные молча воспринимали такое предложение или, хотя и недовольно бурчали себе под нос, но открыто протестовать не решались. Нередко, заняв очередь, бежали за соседями или знакомыми, или, при возможности, брали какие-нибудь сосиски, яйца или огурцы в расчете на этих знакомых. В общем, люди все же оставались людьми, и суровая советская повседневность не могла до конца вытравить из них человеческие черты.

Естественно, что с началом войны система очередей получила новую жизнь. Журналист Н. Вержбицкий записывает в дневнике 22 октября 1941 года: «У меня цифры, сделанные чернильным карандашом на ладонях, на запястье, на тыловой стороне ладони: 31, 62, 341, 5004... Это места, которые я занимал в разных очередях. Посмотришь, и у всех такие же “знаки антихриста”». А вот фрагмент агентурной сводки НКВД по Москве за 24 апреля 1942 года: «Количество людей в очередях и степень их нервозности зависит от того, какой товар отпускают. Большие очереди за керосином, и ведут себя люди в этой очереди очень нервно. Много людей стоит за мылом, но здесь многие стоят только потому, что боятся, “а вдруг после не будет мыла”. Стоят в очереди и за неизвестным продуктом — что привезут».

Были очереди в несколько часов. Были в несколько дней, когда инициативными общественниками велись списки очередников. Были очереди в годы и годы: на получение жилья, на приобретение автомашины, на покупку резины к ней (я в Челябинске год стоял в очереди на резину, отмечаясь еженедельно).

Но лучше поделиться с неискушенным читателем опытом стояния в очередях за хлебом. На склоне лет кажется, что в этих очередях за простым хлебом прошла добрая половина детства, лет с 8 до 14; но это, конечно, преувеличение, пороки памяти. Поскольку отец был занят на заводе, а мать — по хозяйству (готовка, стирка, корова, свинья, гуси, куры, огород — иначе не выжить), то ежедневное снабжение семейства хлебом лежало именно на мне. Отец в шутку даже называл меня «снабженцем».

Зимой очереди, конечно, теснились в магазине: жарко, душно, тесно и полная неразбериха. Летом, чтобы не создавать толчеи, хлеб обычно продавали со двора, в небольшое окошко с выдвижным ящи-

ком, с весами и хлебобрезкой за ним. Кстати, сегодня, в эпоху стандартизации и механизации хлебопечения мало кто знает, что такое хлебобрезка. Поскольку буханки, которые должны были весить 1 килограмм, бывали чуть тяжелее или чуть легче (тесто в формы в пекарне закладывалось вручную), каждый килограмм приходилось взвешивать, отрезая уголок или, напротив, добавляя довесок. Поскольку, как будет видно ниже, хлеб по некоторым причинам всегда был свежайший, еще теплый, то этот, отрезанный с нижнего угла довесок с хрустящей корочкой представлял известное лакомство, и в награду за муки тут же отправлялся в рот: это было справедливо и нареканий не вызывало. Эти довески вспоминают многие современники. («Но я съедала довески хлеба. Они, наверно, хорошо питались, потому что Заре было лень ходить за хлебом, и она посылала меня. Булочная была близко, днем там никого не было, и я съедала довески. Я чувствовала свое унижение, но не могла удержаться и врал (каждый раз!), что довесков не было...» (*Шор Е.Н.* Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей).

Так вот, очередь, исключительно из старух и детей, реже из женщин рабочего возраста, располагалась на обширном дворе магазина. Старухи небольшими кучками сидели на ящиках и судачили, дети бегали по двору, отыскивая развлечения. Например, со скуки можно было босой ногой размазывать зеленоватую застоявшуюся грязь от никогда не просыхавших луж. Время тянулось медленно, и вот какая-нибудь старуха подзывает мальчишку пошустрее: беги, мол, на хлебозавод, узнай, как там дела. Через некоторое время он возвращается и докладывает: начинают грузить в фургон. Спустя, может быть, полчаса, а может и ранее (часов ни у кого нет) новый гонец летит на не столь уж близкий хлебозавод. Ага, уже накладные подписывают. Старухи с ящиками начинают перемещаться ближе к окну. Наконец, запряженный лошадей, въезжает голубой дощатый фургон. Очередь начинает выстраиваться в строгий порядок вдоль стены; разбираются, кто за кем стоял, кто ушел, кого сменил другой домочадец. Иногда вскипают незначительные скандалы. Но больше криков вызывают небольшие хитрости. Поскольку у нас по нормам (в магазинах на видном месте рядом с «Прейскурантом розничных цен», чтобы продавцы не обсчитывали, висел типографский листок с «Предельными нормами отпуска товаров в одни руки») хлеб продавался по одному килограмму в руки, какая-нибудь старуха кивком подзывала праздного мальчишку и шептала: «Встань со мною, я тебе 15 копеек дам». Ради этого нешуточного заработка во дворе всегда болталось несколько пацанов с предпри-

мательской жилкой. Но такой маневр сразу же замечался бдительными очередниками и вызывал крики: «Это не ее мальчишка, я его знаю, это Марьин мальчишка, а у нее и мальчишек в доме нет, все взрослые», и т. п. (Здесь придется сделать небольшое отступление: и по опубликованным документам, и по воспоминаниям современников, во всяком случае, москвичей, норма отпуска хлеба была 2 килограмма в руки. Но у нас, я точно помню это, продавали в одни руки только килограмм хлеба. Ржаной хлеб в нашем, 2-м поясе стоил 3 рубля за килограмм, и мне обычно выдавалась зелененькая трешка. Возможно, снижение нормы отпуска у нас было местной инициативой.) Ну а затем, после выгрузки хлеба (возчик в грязной спецовке подавал хлеб в окошко по несколько буханок, разумеется, грязными руками, но это было нормой и возражений не вызывало: хлеб грязный не бывает) и оформления документов первые счастливицы отходили с долгожданной добычей.

Поскольку килограмм хлеба едва-едва хватало семье на день, а уж полакомиться краюшкой с маргарином и сахарным песком или с подсолнечным маслом и солью — извини, брат: нужно немного и на утро оставить, — постольку нарастало внутреннее волнение. Шея вытягивалась, а голова в тревоге автоматически обращалась к воротам: не идет ли мать, чтобы «взять» хлеб «на двоих».

Но это, в общем-то, пустяки, а если мать подходила в очередь вовремя, то даже и почти счастье. Гораздо хуже в наших местах в те же 40–50-е годы обстояло с мукой. Правда, за мукой меня уже не посылали, да и вообще дети за ней не стояли: слишком опасно было.

Муку в городе «давали» три раза в год: на Первое мая, на Октябрьскую и на Новый год. Магазины к продаже муки готовились, как к войне: стеклянные витрины зашивались досками и фанерой, снимались ручки с дверей, а то и сами двери, чтобы о них не поломали ребра. Очередь занималась накануне, с вечера, и, посменно, стояла всю ночь. С утра начиналась продажа, и каждый раз рассказов хватало на несколько дней, общий же рефрен был: «По головам шли». Это не была спокойная, упорядоченная очередь за хлебом: дикая толпа напирала сзади, надеясь прорваться в промежутки между телами, пуговицы вырывались с мясом, и потом ходили фантастические слухи о придавленных, о сломанных ребрах и руках и т. д. Но был и действительный трагический случай. Уже получив свои 3 килограмма муки в шитом пакете из оберточной бумаги (мука заранее расфасовывалась), вылезал из давки задом шкипер заводского буксира, между прочим, воевавший на нем в Гражданскую войну в Волжской флотилии, и заслуживший ор-

ден Красного Знамени (!). Счастье уже было так близко, но тут толпа сзади надавила в очередной раз, и пакет лопнул прямо в руках, как бомба, осыпав людей облаком муки. Вылезший, наконец, на волю, пожилой уже мужик, потрясая обрывками бумаги, закричал: «Так вот за это мы воевали в Гражданскую?!» Ночью его «взяли».

Но мука — баловство. Подумаешь, пироги или пельмени на праздник. Хлеб — основа жизни, и к середине 50-х годов в городе с ним стало лучше. Но мы в 1954–1956 годах жили в огромном селе, в 25 километрах от города: отца перевели на работу в МТС. Здесь все население было расписано по магазинам (их было 3) и хлеб получали с фиксацией факта покупки в большой «амбарной» книге. Но уже не по килограмму. Точно не помню норму, но, кажется, на работающего давали 500 грамм, и на иждивенца — 400. Так что нам на троих приходилось кило триста. Когда летом на каникулы приезжала сестра, на четверых хлеба уже не хватало. К тому же хлеб был очень сырой, плохо пропеченный и тяжелый.

Чтобы покончить и с хлебом, и с воспоминаниями, завершу рассказ яркой картиной. Когда весной 1956 года отменили указ 26 июля 1940 года о запрещении рабочим и служащим самовольно покидать место работы, отец рассчитался из МТС и получил в министерстве назначение в Челябинск. Каждая табуретка наживалась трудом, так что переезжали товарным вагоном, со всем нажитым за 10 послевоенных лет барахлом (контейнеров тогда еще не было). Товарные поезда идут медленно, и тянулись мы до Челябинска несколько дней. Разумеется, все запасенное в дорогу было съедено. Прибыли в Челябинск ночью, и рано утром мать побежала на привокзальную площадь в надежде купить что-либо из еды. Возвращается раскрасневшаяся, платок сбился на сторону, волосы растрепались, и в руках целая охапка хлеба: и черный, и батоны, и большая круглая паляница. «Примите хлеб, — кричит, — я еще раз побегу, может, еще немного достану». — «Что ты, дура, — отвечает отец, — я же тебе говорил, что хлеб здесь свободно продают». А она не может успокоиться, на паляницу нажимает рукой, а она тут же распрямляется, пышная: «Какой хлеб, какой хлеб! Представляете, никакой очереди нет, передо мной один мужчина брал, так он только половинку буханки взял!»

Бедная женщина не видела «вольного» хлеба с 1939 года...

Были у советской государственной торговли некоторые специфические особенности, ныне уже прочно забытые. Например, «продовольственные заказы» — полузакрытая торговля в учреждениях и на предприятиях разного качества продуктовыми наборами, где «дефи-

цит» (иногда самый простейший) сочетался с теми продуктами, которые, иной раз из-за полной несъедобности, никто не брал. Еще более откровенным вымогательством была торговля «с нагрузкой», правда, признававшаяся незаконной. Например, «ухватив» в книжном магазине роман А. Дюма, человек вместе с ним был вынужден покупать брошюру об очередном историческом (они все были «исторические») пленуме ЦК КПСС. Такие «наборы» книг или предметов широкого потребления иной раз даже красочно оформлялись, заключаясь в какую-нибудь яркую обертку. Так сказать, «сервис».

Вообще особенности советской повседневной жизни породили множество новых явлений или дали новое содержание старым словам. Особенно это относится к торговле — важнейшей сфере жизнеобеспечения человека, особенно с учетом того, что почти вся она была монополизирована государством, а почти все товары народного потребления и большая или значительная часть продовольствия поступала с государственных предприятий все в ту же госторговлю. Новые поколения жителей России, а тем более иностранцы могут просто не понять, о чем с жаром говорили советские люди.

Родовым признаком советской государственной торговли был тотальный дефицит: это быстро укоренившееся иностранное слово в СССР приобрело новое содержание. Вообще-то «дефицит» — отсутствие или нехватка, недостача чего-либо. В СССР «дефицит» стал обозначать сам товар, отсутствующий в торговле. «Он сидит на дефиците» — говорили о каком-нибудь заведующем складом, директоре горторга и т. д., имевшем возможность распоряжаться товарами. А дефицитом стало все. Побывавший в Москве в 30-х годах в качестве почетного гостя исландский писатель Лакснесс записал: «В Москве я потерял свои маленькие ножнички и очутился в незавидном положении: я не мог остричь ногти. В Берлине, Стокгольме, даже в Рейкьявике вы могли зайти в любой магазин и приобрести ножницы. В Москве мне пришлось проделать любопытный опыт: обойти множество магазинов центра в тщетной попытке купить этот пустячный предмет. Мне оставалось только предаться размышлениям о том, как советские люди стригут ногти».

Поскольку большая часть необходимых продуктов питания или промышленных товаров в торговле постоянно отсутствовала, о ее появлении на прилавках говорили — «выбросили» или даже «выкинули». Так и говорилось: «В гастрономе выкинули масло», «В промтоварном выбросили женские блузки». По этому поводу, с учетом низкого качества товаров (а высокое и не требовалось: все возьмут),

бытовал даже анекдот: советский гражданин показывает знакомому иностранцу новые туфли и говорит: «Вот, вчера выбросили»; тот посмотрел и отвечает: «Да, у нас тоже такие выбрасывают». Советский человек не покупал, а «брал» товар; это выражение было отголоском тех десятилетий, когда в стране существовала карточная система и сами по себе деньги решающей роли не играли: без карточек или «заборной книжки» (для непонятливых: от слова «брать», а вовсе не от слова «забор») все равно ничего не купишь. И в магазине не продавали, а «давали»: «В бакалейном подсолнечное масло дают». Правда, параллельно существовала коммерческая торговля, но она требовала таких денег, которых у обычного, рядового гражданина все равно не было. Существовала и спецторговля, но в ней «отоваривались» (тоже специфическое советское словцо, идущее от карточной системы) далеко не все граждане.

Едва ли не вершиной такого словотворчества стала «авоська». Когда-то покойный полководец А.В. Суворов сетовал на «авоську» да «небоську», а русский народ заявил: «Держался авоська за небоську, да оба и упали»; впрочем, и других поговорок про «авоську» и «небоську» было много. Это было выражение некоторых черт национального характера: склонность действовать «на авось», т. е. на счастье, на удачу, и оценивать ситуацию словом «небось» (т. е. «не бойся» — как-нибудь). В советских словарях, например у С.В. Ожегова, «авоська» — сетка. Так называлась компактная, но очень вместительная, сильно растягивавшаяся сетчатая сумка, которую на всякий случай клали в карман или в дамскую сумочку: авось повезет, и какой-нибудь товар (свежие огурцы, апельсины, сливочное масло и т. д.) выбросят. Правда, нашлись в стране остряки, которые авоську переименовали в «напраску»: напрасно советский человек носил авоську в кармане.

Появились в СССР и другие специфические выражения. Например, «из-под полы» и «из-под прилавка»; синонимом последнего было — «с черного хода», «со двора», «по знакомству», «по блату». Залогом успешного «шопинга» был «блат» — знакомство с человеком, «сидевшим на дефиците»: лучше всего с директором торговой базы или магазина, неплохо — с продавцом, а на самый худой конец — с грузчиком или уборщицей магазина. Часть поступавшего в торговлю товара оседала в кабинетах, у кого они были, часть оказывалась скрытой под прилавками, а часть выбрасывалась на прилавок. Знакомые с продавцами приобретали товар из-под прилавка, а те, у кого знакомство было посolidнее, — выносили с черного, т. е. служебного входа или со двора базы или магазина. С таким способом покупки была свя-

зана и торговля из-под полы, т. е. перепродажа товара по повышенной цене. Те, у кого был блат, покупали товар из-под прилавка и тут же, только зайдя за угол, в укромный уголок, перепродавали его. Прятаться приходилось от милиции: такая перепродажа расценивалась как получение нетрудового дохода (одно из серьезнейших преступления советской эпохи), называлась спекуляцией и каралась в уголовном порядке тюремным заключением.

Хороший блат должен был быть обоюдным. Простое знакомство, без взаимной выгоды, было ненадежным. Ну, что мог дать мяснику заводской инженер? Один мой знакомый, доктор геолого-минералогических наук, специалист по обогащению урана, лауреат Сталинской премии, однажды через своих знакомых попал к хорошему закройщику. Получив хорошо сшитое пальто и расплатившись (с изрядной добавкой), он предложил закройщику, в надежде на дальнейшее полезное знакомство, номер своего телефона: «Может быть, и я вам когда-нибудь пригожусь». — «А вы кто?» — «Доктор наук, старший научный сотрудник НИИ». — «А, нет, не нужно... Ну, чем вы можете быть мне полезны...». А вот врач, сотрудник прокуратуры или ГАИ, парикмахерша из дамского салона, даже водопроводчик, а лучше всего — продавец из другого магазина — это да, это очень полезные связи. В таких случаях могли позвонить в учреждение и сообщить о появлении нужного или дефицитного товара или даже забежать накануне, или оставить товар как бы для себя. Одним словом, ты — мне, я — тебе.

Разумеется, для перепродажи товара из-под полы были и другие способы, без блата. Однако для этого требовалось выстоять огромную очередь, а точнее — несколько очередей, поскольку при постоянном дефиците покупка всего и вся ограничивалась. Поэтому для получения товара в большем количестве (совсем не обязательно для перепродажи) приходилось или брать «на двоих», «на троих», или вставать в очередь несколько раз. Так нередко и делали: человек занимал очередь, затем, дождавшись, когда за ним становилось несколько человек, предупреждал, что отойдет ненадолго, и занимал очередь снова; если одинаковый товар продавался с нескольких точек, у разных продавцов, занимали место в разных очередях.

Торговлей из-под полы подрабатывали обычно те, у кого было свободное время. Например, в больших городах этот род занятий был характерен для дворников, уборщиц. Поскольку дворники обычно работали рано утром, пока на улицах почти не было людей, ко времени открытия магазинов они были свободны и могли стоять в очередях хоть весь день. Напротив, уборщицы в учреждениях работали вечером,

после ухода служащих, и были свободны с утра. Эти магазинные заведования обладали широким кругом знакомств и заранее знали, где и когда выбросят какой-нибудь дефицит. Они занимали очереди еще до открытия магазинов, в числе первых, а потому у них всегда можно было приобрести что-то дефицитное, пусть и с небольшой переплатой.

Государственная торговля крайне плохо обеспечивала население. Кооперативная торговля (потребительская кооперация) была чуть богаче, но требовала членства в ней при условии сдачи продуктов со своего личного хозяйства. Так что те, кто мог себе это позволить и не имел личного подсобного хозяйства, должны были пользоваться рынком, в просторечии — базаром. Долгие годы он был важнейшим источником приобретения продуктов питания, а отчасти и предметов широкого потребления для одних, и источником доходов для приобретения продуктов питания и, отчасти, предметов широкого потребления — для других.

В последние десятилетия во многих городах стали появляться огромные здания крытых рынков — просторные, светлые и теплые. И понемногу стали забываться старые базары. Официально они назывались колхозными рынками: предполагалось, что колхозники, получившие богатые трудовые, будут продавать здесь свои «излишки», а колхозы начнут торговать той частью сельскохозяйственной продукции, которая останется после сдачи плановой продукции государству. В общем, те, кто проектировал советское государство, думали, что уподобятся самому Богу после сотворения мира: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма».

Но, как мы можем судить на основе собственного опыта, даже Бог создал далеко не все «хорошо весьма» и даже все нехорошо весьма. А наши проектировщики далеко не были богами. Так получилось и с «колхозными рынками». У колхозов никаких излишков после сдачи плановой и сверхплановой продукции не оказывалось, а колхозники если и продавали, то в небольшом объеме не излишки, а, скорее, необходимое, чтобы купить простого хлеба. Так что рынки были не слишком изобильны: летом зелень, редиска, огурцы, осенью картошка, капуста, морковь, свекла, а зимой и весной... трудно сказать, чем же колхозные рынки торговали зимой и весной, кроме квашеной капусты, южных сухофруктов и семечек... Разумеется, на юге, на Украине, Кубани рынки были много богаче.

Скудости прилавков соответствовали и сами прилавки. Базар долгие десятилетия представлял собой довольно обширную, обнесенную забором немощеную площадь, в сушь покрытую пылью, в ненастье —

липкой грязью; и то, и другое обильно уснащалось подсолнечной шелухой и всяким мусором. В заборе были ворота, возле которых с торговцев взимался небольшой денежный сбор за право торговли. Учтывая, что товар был копеечный и сбор мог поглотить львиную долю выручки, некоторые торговки устраивались за воротами, перед рынком, откуда периодически изгонялись милицией. Вдоль забора располагались небольшие деревянные ларьки потребкооперации, государственной торговли, сбора утильсырья и пр., а посередине тянулись дощатые прилавки, иногда даже с крышей над ними. Бывал и более благоустроенный рынок, где под прилавками тянулись неглубокие узкие, облицованные досками канавы, в которые стекала вода из луж и сгребалась жидкая грязь. Поскольку многие товары продавались вразвес, в рыночной конторе продавцам выдавались весы с гирями.

Своеобразным достоинством тогдашней рыночной торговли была возможность торговаться с продавцом. Цены обычно назначались с небольшим «запросом», и, поторговавшись, можно было немного, а иной раз и значительно, если товар у продавца заканчивался, сбить цены. Ведь подавляющее большинство продавцов торговало собственным товаром, а не от «хозяина». Более того, продавцы иной раз обижались, если покупатель, спросив о цене, отходил, не поторговавшись. И товар нередко отпускался «с походом»: сверх взвешенного продавец мог немного прибавить пару картофелин или яблок, пригоршню вишен и пр. Овощи и фрукты нередко продавались не на вес, а ведрами, и не нынешними крохотными восьмилитровыми, а старыми, нормальными, двенадцатилитровыми. И в этом случае товар насыпался сверху ведра «горкой». И, разумеется, съедобные, без предварительной подготовки, продукты предлагали попробовать.

Помимо съестного, на рынках понемногу торговали и разными товарами кустарного производства: корзинами, коромыслами, деревянными лопатами для уборки снега, глиняными горшками, кринками и корчагами, бумажными цветами, безделушками и игрушками из цветной папиросной бумаги, дранок и дощечек, глиняными свистульками и пр. С оглядкой и чаще на подступах к рынку, продавали и какие-либо носильные вещи, в основном старье.

Воскресные рынки с их толчеей были полем деятельности не только продавцов и покупателей, но и карманников. Кроме того, в послевоенные годы у ворот располагались нищие, инвалиды, игравшие на баянах или трофейных аккордеонах, исполнявшие жалостливые песни или предлагавшие клиентам узнать судьбу. Впрочем, эта публика едва ли не в больших количествах собиралась на барахолках.

Как представляется, это, когда-то в высшей степени популярное слово в недалеком будущем исчезнет из разговорного языка или получит какое-нибудь новое и неожиданное значение. Во всяком случае, современная молодежь уже затрудняется идентифицировать его. И это понятно: барахолке нет места в обстановке достаточно высокого уровня материального благосостояния, когда только бомжи и самые нищие пенсионеры готовы носить чужое «барахло».

Правда, относительно широкое распространение получило понятие «блошинный рынок», но это совсем уже не то...

Представьте себе огромный пустырь где-либо на окраине города, а то и за городом, обнесенный высоким дощатым забором, абсолютно вытоптанный, пыльный в сухую погоду и покрытый хотя и не глубокой (земля плотно утоптана), но липкой грязью в дожди, битком набитый людьми. Одни, выстроившись неровными шеренгами, держат на руках, обычно слегка потряхивая, какой-либо товар: поношенные штаны и пиджаки, рубашки, плащи, чулки и носки, платки и шапки, кепки, картузы, шляпки, мотки и катушки ниток, пачки иголок, бритвенные лезвия, скатерти, отрезки тканей, тюль, кружева — в общем, все, что помещается на ладони или висит на руке. Другие, в таких же неровных шеренгах, разложили прямо на земле, на подстеленной газете или даже на ломаном ящике сапоги, галоши, боты и ботики, валенки, старые замки без ключей и связки ключей без замков, дверные ручки, сточенные напильники, старые мясорубки и утюги, граммофонные пластинки и т. д. и т. п. А между шеренгами медленно ползет густая толпа присматривающихся, приценивающихся, торгующихся потенциальных покупателей. В толпе тут и там крутятся «неорганизованные» продавцы, предлагающие более портативный товар — часы, ломаные или краденые, махорку, папиросы в пачках или россыпью, леденцовые ярко-красные (при наличии краски) или желтые петушки (а были и другие формы — коровки, лошадки, куколки и т. д.), перочинные ножи, открытки — да все не перечислить. Все это — кустарного или фабричного производства, отечественное или заграничное, больше немецкое или прибалтийское (Прибалтика — пока еще «заграница»), чешское, польское, американское (довольно часто), даже английское (все же во время войны и из Англии кое-что поступало, не только из США по ленд-лизу) и французское (кое-кому поневоле и во Франции удалось побывать), новое и целое или старое перешитое, штопаное. Конечно — это после войны.

На краю пустыря, под заборами устроились продавцы граммофонов и патефонов, а с 50-х годов — электропроигрывателей и радиол,

для чего от ближайшего столба стали подводить электророзетки. Здесь поспокойнее и толпа пореже — товар дорогой. На заборах же развешивают ковры и коврики — старые, потертые, еще ручной выделки, трофейные немецкие гобелены с оленями и охотниками, самодельные клеенчатые, с ядовито-синими озерами и такой же ядовито-зеленой пышной растительностью, белыми лебедями, замками либо с пышнотелыми полуобнаженными красавицами в соблазнительных позах.

И над всем этим царит устойчивый густой гул, сливающийся из мата, клятвенных уверений в высоком качестве товара, самодеятельной рекламы, ожесточенного торга. Изредка он прорывается вскриком и плачем жертвы юркого карманника, если ему удалось улизнуть, или бурей возмущения, если он оказался нерасторопным: пощады озверевшие от нищеты люди не давали и старались воспользоваться отсутствием милиционера.

Забор воздвигался из следующих соображений. Во-первых, за право торговли под открытым небом с рук или с земли государство неукоснительно взыскивало с владельцев товара плату, хотя и небольшую, но, согласитесь, обидную; поэтому кто мог, проносил свой товар нелегально, в кармане или под одеждой. Во-вторых, жуликам-мазурикам бежать было некуда. А за порядком на барахолке следил всем знакомый пожилой милиционер, известный как «дядя Вася» или «дядя Коля», либо под прозвищем («Копченный», «Меченый» и т. п.). Всех постоянных торговцев, а более того — столь же постоянных карманников он знал в лицо, слегка попугивал, но был снисходителен и пользовался незначительными доброхотными даяниями: зарплата его была символической. Но все же некоторый порядок соблюдался.

Здесь вообще действовало два основных правила: «На рынке два дурака: один хочет продать подороже, другой — купить подешевле» и «На то и щука в море, чтобы карась не дремал». Поэтому товар требовалось тщательно осматривать, чтобы не «купиться» на «липу», деньги хорошо пересчитывать и прятать подальше. Могли вместо пачки купюр ловко подsunуть «куклу» из нарезанной цветной бумаги, могли и подsunуть под видом пользующего спросом товара какую-либо подделку.

Барахолки порождены были бедностью народа и безысходностью. Одному, положим, просто есть нечего, или выпить позарез нужно, и он идет продать какое-либо ненужное старье, а то и вещь необходимую, даже почти новую. Другому надеть или обуть нечего, а в государственной торговле ничего не купишь (а до декабря 1947 года и по кар-

точкам не получишь). Третий просто перепродает чужой товар или новые вещи, из-под прилавка купленные в той же госторговле. В общем, спасение утопающих — дело рук самих утопающих: хочешь жить — умей вертеться на барахолке. «Наш “черный рынок” в сравнении с немецким “Шварце марктом” был рынком нищеты. Самым ходким товаром, как на всех “черных рынках”, были папиросы. Но у нас их не было. Но “голь на выдумки хитра”... В школе нам выдавали тетрадки. Я отдал их матери, она продала их на рынке. За две тетрадки можно было купить килограмм картошки. Это дало толчок выдумкам голи. У нас дома сохранилось много старых общих тетрадей с той поры, когда мать начинала учиться в институте, но бросила из-за нас, детей. Иные тетради были только начаты, в других оставалось по несколько чистых листов. Я расширял старые тетради, вынимал чистые листы, скреплял их, находил обложку, и готовые тетрадки в десять листов несli на рынок. На таких же самодельных тетрадях писал я сам, а получаемые в школе продавались: фабричные тетради ценились выше».

Вот как вспоминал этот мемуарист о рыночной торговле во время войны в тыловом, наполненном эвакуированными Саратове. «Над всей нашей тыловой военной жизнью безраздельно царил рынок. Государство обеспечивало лишь мизерный карточный паек. Все остальное, от гвоздя до поношенных ботинок, мы покупали, перекупали, меняли друг у друга на рынке. Еще в прошлом году рынки не были столь многотолковыми, а с этой зимы начали разбухать и далеко выплескиваться за ограды.

Базар окончательно приобрел гипертрофированные формы. Хотя официально допускалась лишь торговля сельхозпродуктами, а торговля с рук пайковым хлебом, магазинными продуктами, табаком была запрещена и при случае милиция хватала, но случалось это редко. Базар был почти официально признан...

Летом базары еще более распухли, вылились не только за ограды, но и растеклись по ближним улицам и переулкам... В будние дни процветал Верхний базар. Жизнь там не прекращалась, а вернее, только начиналась после закрытия в семь вечера, торговля шла и на улице, и на площади позади кино “Ударник”. Дотемна там толпились инвалиды, темные личности, бабы с осипшими голосами, шпанята. На руках никто ничего не держал, и чем там торговали, было непонятно, но говорили — всем, вплоть до оружия.

В воскресные дни “весь город” шел на Нижний, или Сенной базар... Нижний был городской барахолкой, толкучкой, “блошиным рынком”... На пустыре колыхалась многотысячная толпа. Когда-то здесь

был оптовый базар, где приезжавшие крестьяне торговали с телег; продавали скот, птицу и фураж... И теперь стояли крестьянские телеги, с которых чем-то торговали; нарядно смотрелись зеленные ряды и недоступной роскошью мясной ряд.

Но продуктовый рынок был всего лишь приложением, вкраплением в наш общий универмаг нищеты. Свобода торговли реализовалась тут абсолютно: каждый торговал тем, чем хотел. Солидные продавцы ходили или стояли, перекинув через руку пальто или костюм, платье или отрез — это был серьезный товар, здесь пахло тысячами. Прочие продавцы сидели рядами на земле у своих развалов: антикварная лавочка соседствовала здесь с захудалым шурум-бурумом. Внушительно зияли граммофонные трубы, на патефонах крутились заезженные диски, оглушая толпу бравурной музыкой, тут же продавался музыкальный ящичек, заряжавшийся медными дисками с дырочками — заведенный, он приятно вызванивал, как колокольчиками, разные мелодии. Продавались вазочки и фарфоровые чашечки, статуэтки и подсвечники, старинные альбомы с открытками, альбомы с марками, стопки всяких книг. Торговали и вовсе хламом: запыленными бутылками и пожелтевшими газетами, скобяной россыпью — ржавыми петлями, гнутыми гвоздями, ключами без замков и замками без ключей — все шло в дело.

Толпа шумела, гудела, кричала, ругалась, толкалась, ни минуты не оставаясь спокойной. По рядам, засунув руки в карманы, вызываясь улыбаясь, прохаживали личности, базарные “челкаши”... Сновали бродяги и нищие, пели слепцы, сидя перед шапкой с насыпанной мелочью, гадатели зазывали погадать по руке или потянуть билетик “на счастье”. Ловкие гавроши сновали с бидонами или большими чайниками, выкликая: “Кому воды?! Кому морса?!” стакан воды стоил двугривенный, а напиться “досыта” рубль. Рынок жил бойко, весело, на сегодняшний взгляд он представлял бы затейливую картину, если бы... не осознание, что не от хорошей это жизни. Вот эта бабка, что вынесла скобяной хлам, ведь это значит, что у нее и продать нечего... А все это невероятное скопление нищих-попрошак... И вокруг злые, хищные рожи...»

Барахолки просуществовали до середины или до конца 60-х годов. Даже в Подмоскovie было такое заведение — рынок в Малаховке, по Казанской железной дороге, куда съезжалось множество москвичей. Но, разумеется, этот вертеп спекуляции и антисанитарии страшно позорил советскую страну, уже построившую социализм и приступившую к строительству коммунизма, в котором должно было уже жить

«нынешнее поколение советских людей». Их понемногу теснили, ограничивали, а потом как-то втихомолку закрыли.

Правда, на так называемых колхозных рынках немногочисленные продавцы, главным образом пожилые, продолжали продавать ненужное старье, и в Москве этим даже славился Тишинский рынок. Но десяток таких продавцов — это уже не барахолка, мир праху ее. А прежнюю торговлю с ее специфическим словарем, начиная от «дефицита» и «блата», помянем недобрым словом.

Кухня и питание

В заголовке этой главы недаром стоят два таких близких слова — кухня и питание. Кому-то может показаться, что это синонимы. Но это не так, равно как не являются синонимами костюм и одежда. Кухня — это определенный набор блюд, имеющий некоторые определенные черты. Питание, пища — это то, что человек ест. Кусок хлеба с колбасой — пища, питание, но отнюдь не кухня. А харчо, сациви и лобио, запиваемые хванчкарой, — это уже кухня.

Есть явления, которые могут быть описаны и даже просто сформулированы только в сравнении с чем-то противоположным: Бог с дьяволом, свет с тьмой, добро со злом и пр. Например, хорошо мы (я имею в виду большинство нынешних россиян) живем или плохо? А это — с чем сравнивать. Если, допустим, сравнивать с большинством ленинградцев в период блокады 1941–1943 годов — живем мы прекрасно. А вот если сравнивать с жизнью в этот же период той верхушки, которая заседала в Смольном, — очень неважно. И так далее. Думается, это должно быть свойственно и описанию повседневности.

Еще в античности было сказано: человек есть то, что он ест. Если исходить из этого неоспоримого положения, то советские люди были никем в смысле национальности. Поскольку была утрачена национальная кухня. Советский человек на протяжении своей истории ел то, что было. Несколько иначе было в дореволюционную эпоху, в ту, когда существовала национальная русская кухня. В свое время мне приходилось описывать ее в других книгах. Думаю, для ясности имеет смысл частично повториться.

Русскую национальную кухню составляли, во-первых, щи: постные, скоромные, зеленые, черные, из свежей или квашеной капусты, ленивые — около десятка разновидностей, но только не кислые, поскольку «кислые щи» — разновидность кваса, щи же, как таковые, собственно щи, и должны быть с кислинкой. Далее в число жидких блюд входили похлебки, ботвинья, рассольник, селянка (но не солянка, поскольку она была «сельское» блюдо, не солонее других), уха, или щерба, кавардак. В число вторых блюд входили каши: зеленая, черная, русская, со сметками и без, гурьевская и т. д., а также толокно, саламата, кулага, кваша, пироги примерно полутора десятков разновидностей, блины — в таком же количестве, пшенники, лапшенники, каймак,

кисель гороховый, а далее — уже изыски: бараний бок с кашей, поросенок с кашей же или без нее, утка с яблоками и пр., либо же напротив — рубец и щековина. Как видите, во-первых, добрая половина этих блюд, если не большая часть, нуждается в объяснении, поскольку они прочно забыты, а во-вторых — преобладали мучные, точнее, растительные блюда. Из напитков фигурировали квасы, брага, меды, водки разных сортов, водички (помните, Евгений Онегин беспокоился, чтоб не наделала вреда ему брусничная вода?), чай, простокваша.

Однако в России, во всяком случае, среди более или менее имущих групп населения хорошо известна была и французская кухня: супы, пастеты, паштеты (это совершенно разные блюда), соусы (это блюдо, а не приправа), сыры, артишоки, спаржа, виноградные вина, коньяк и арманьяк, называвшийся «французской водкой», и пр. Различие было настолько разительным, что в русских трактирах подавали только блюда русской кухни, а в ресторанах только французской, с добавкой лишь блинов, которые были пищей ритуальной, и чая, который, однако, подавался не «парой», как в трактире, а в стакане. Имело место даже разделение производителей этих блюд: блюда русской кухни обычно готовила кухарка по навыку, а французской — повар, прошедший специальное обучение.

Различали русскую и малороссийскую, украинскую кухню (борщ, вареники, галушки), кавказскую (без разделения на национальную принадлежность), знали, что колбаса — немецкая (немцев даже дразнили колбасниками), сосиски — австрийские, сердельки (не сардельки!) — польские, бифштекс — английский, макароны — итальянские, бессарабские голубцы, еврейские форшмак, струдель и халу, а также пельмени, а точнее, пельняни — изобретение уральских финно-угров.

Это строгое разделение на разные кухни могло иметь место только в том случае, когда у человека был выбор — что есть. Как только выбор, обусловленный изобилием, исчезает — исчезает кухня, а остается только пища. Приходится есть не то, что хочется, а то, что удалось достать. И кухня превратилась в питание.

Теперь понятно, что описывать придется не советскую кухню, а именно пищу, характер питания. Он стал у нас настолько интернациональным, что сегодня можно увидеть в продаже не только пельмени «Русские», но и, кажется, «Русскую» колбасу. А не так давно я с ужасом прочел рекламу: открывается мини-пекарня, где будет выпекаться «русская хала»! О «русских» бубликах я не говорю. Кстати, все блюда с маком принадлежат еврейской кухне, но были усвоены украинцами, веками жившими бок о бок с евреями, а затем перешли и к великорос-

сам. Я сам люблю пить чай с халой, но когда еврейская хала стала «русской» — ума не приложу. Очевидно, тогда, когда русские стали быстро утрачивать свою национальную идентичность, самосознание, превращаясь в какое-то подобие недопеченных и недоваренных американцев, так что скоро мы будем есть «русскую» пиццу, и «русские» шашлык и плов.

Собственно говоря, о питании советских людей в разные периоды нашей истории читатель мог составить представление уже по предыдущим главам, где рассказывалось о пайках и карточках, о зарплате и ценах. Можно добавить к этому лишь большой фрагмент из детских воспоминаний Геннадия Русского о питании во время войны.

«Честно было не прожить, но это не значит, что никто не жил честно, но кто жил так — голодал. Но и те, кто честно голодал, не жили на одни карточки, потому что на карточные нормы было не прожить. Надо было что-то добавить к пайку, а для этого либо купить, либо выменять на рынке. Цена на хлеб в отношении к магазинным ценам повысилась в пятьдесят раз, цена картофеля — в тридцать раз. Честному интеллигентному человеку волей-неволей приходилось вступать на незнакомое поприще: идти на рынок и там не просто покупать, как прежде, а самому продавать, менять и прочее, учиться ловчить, потому что без этого рынка не бывает. <...>

Нас было четверо... четыре рта, мать и трое детей — 13 лет, 11 лет и 4 года. Отец на фронте и, наше счастье, что жив, что не простой солдат, а офицер, майор. Семьи офицеров получали аттестат, т. е. фронтное жалованье. Мы получали тысячу рублей. Сейчас, когда пишутся эти строки, в семидесятые годы, всеми признается, что жить на сто рублей (тысяча старых) семье в четыре человека невозможно (при том, что ржаной хлеб — 14 коп. за кг, а картошка — 10 коп. за кг). Но применительно к рыночным ценам тогдашняя тысяча вряд ли равнялась сегодняшней десятке. И даже эту тысячу мы получали не целиком, а за вычетом обязательного налога и займа, так что на руки приходилось рублей девятьсот. Кг картошки стоил тридцать рублей. Кг хлеба — сто (а в 42 г. доходило до 200). Когда открылись коммерческие магазины, кг самой дешевой колбасы стоил там 350 рублей. Рыночных цен на мясо и масло не помню — они были недоступны.

Но и девятьсот военных рублей нельзя было целиком потратить на продукты, ведь надо платить за жилье, освещение (правда, были какие-то льготы для семей фронтовиков), за поездки на транспорте. Надо было выкупать продукты по карточкам. Хлеба мы получали 1 кг 600 г на день, сахара — 1,5 кг на месяц. Масла сливочного не выдава-

лось, вместо него «отоваривали» подсолнечным маслом, либо странным продуктом под названием «комбигир» или еще более странным — «маргоуселин»! Натурального мяса мы также не получали, его заменяли селедкой либо американским яичным порошком (брать его было невыгодно).

У меня случайно сохранился корешок детской карточки от мая 1946 года. Но карточные нормы никогда не повышались, а только понижались. Так, в 43 году иждивенцам, в том числе нашей матери, понизили хлебную норму с 400 до 300 г, а в 46-м иждивенцам и вовсе отменили хлебный и продуктовый паек, оставив только соль и спички: что им было солить и что варить, кроме соленой воды?

Вот этот документ эпохи:

Май. Москва 1946 г. Карточка на продукты О-Д.

(что значит Особая Детская — хорошая карточка)

Норма на месяц:

Сахар и кондит. изделия 400 г

Жиры 200 г

Крупа и макароны 1000 г

Соль и спички

Мясо-рыбопродукты 600 г.

Такой паек полагался ребенку, независимо от возраста, до 13 лет, когда он переставал считаться ребенком и становился иждивенцем, но в отличие от взрослых иждивенцев. Ему как школьнику выдавались школьные карточки с нормой хлеба в 400 г (плюс пятьдесят граммов хлебных изделий в школе).

Как же мы жили? Это трудно объяснить даже тем, кто сами не перенесли военный быт. Это и мне сейчас непонятно: сытым ты не разумеешь себя голодного. Сытому не представить постоянное, сосущее, ноющее ощущение голода, которое не отпускает ни днем, ни ночью — и во сне хочется есть. Сидишь ли на уроках, дома ли за книгой, стоишь ли в очереди — думы только о еде. Не о конкретной еде — о сковородке жареной картошки или о миске каши — вообще о еде, вообще поесть и избавиться от страшного ощущения голода. Но и скудная еда не утоляет, а только еще больше хочется есть, еще есть и есть, а есть нечего и оттого еще больше хочется...

Нет, мы с братом не ныли, даже маленький понимал — взять еды нигде. В школе нам выдавали дополнительные 50 г хлеба. В Саратове это был кусок сайки, в Москве, столице, выдавался отменный бублик с маком и к нему соевая конфетка — сейчас ее не взяла бы домашняя собачка. Деньги на эти «завтраки» собирали заранее со всего класса,

то ли по двадцать копеек, то ли немного больше. Во время большой перемены мы строем шли в школьный буфет, где получали свои порции. Разумеется, никто не отказывался, даже сытые дети из Дома правительства, и бубликами никто из них не делился с голодными одноклассниками. И вот этот прекрасный, дразнящий своим запахом бублик с румяной хрустящей корочкой, который хотелось поскорее проглотить, мы с братом не съедали, а прятали в карман. Съедали мы только по конфете, а бублики несли домой. Дома бублики разрезались на мелкие кусочки и вместе с несколькими подмороженными картофелинами варились — это был наш обед. В «суп из бубликов» добавлялась капля подсолнечного масла, если оно было...» (*Русский Г. Ребенок в войне*).

Да, это постоянное чувство голода мемуарист испытывал во время войны, когда «вся страна напрягала силы...» и т. д. Впрочем, нет не вся. Моя покойная теща как-то неосмотрительно пожаловалась, что в войну испортила себе желудок... черной икрой. Оно и понятно: муж был вторым секретарем Куйбышевского обкома, второй столицы СССР, и на его паек содержали двух домработниц — постоянную и приходящую (когда затевалась стирка или купание двух детей). Даже в блокадном Ленинграде не все испытывали это чувство голода. Ленинградка Л. Шапорина, получавшая в блокаду «служашую» карточку, вспоминала в мемуарах, как с нею делились продуктами ее подруги, известная художница Остроумова-Лебедева и жена советского писателя А.Н. Толстого. Значит, им было чем поделиться (вплоть до виноградного вина), хотя уж к партийно-административной верхушке Ленинграда они не принадлежали.

Надо полагать, что у большинства населения страны после окончания войны это сосущее чувство голода исчезло. Я, например, его не помню. Но вот «чего-нибудь такого» ребенку на фоне постоянных вареного картофеля, соленой кильки, макарон и черного хлеба хотелось. Так что запустить за спиной зазевавшейся матери ложку в коробку с американским ленд-лизомским яичным порошком или грызнуть брикет «фруктового чая» было обычным делом.

В первом классе (1947 год) у меня был дружок, Петька, из ссыльного интеллигентного семейства (отец-офицер попал в плен и теперь отбывал срок за измену Родине). Я один раз зашел к нему домой, в жалкую хибарку в овраге на краю города и, привыкнув к северным избам, был удивлен. Как Петька питался, я не знаю, но думаю, что намного хуже другого Петьки, с которым я сидел за одной партой во втором-пятом классе. Мы ходили к нему делать уроки. Придя домой, он доста-

вал из стоявшего в печи чугунок три картофелины в мундирах и съедал их с солью и оставленным ему ломтем черного хлеба, а затем запивал это кружкой налитого из другого чугунка фруктового «чая» с особо завернутыми в газетный «фунтик» тремя ложечками сахарного песка (остальной сахар мать тщательно прятала). Это был обед.

Конечно, в 50–60-х годах многое было по-другому. И питание тоже.

По данным статистического сборника «Основные показатели социального развития и повышения уровня жизни населения СССР», выпущенного в 1976 году, физиологические нормы потребления мяса и мясопродуктов на душу населения должны были составлять 82 килограмма в год; фактически же в 1960 году было потреблено 49 % этой нормы, в 1965 году — 50 %, в 1970 году — 59 % и в 1975 году — 71 %, то есть, хотя шел постоянный рост потребления, население явно недоедало. Да еще и верны ли эти опубликованные данные? По молоку, соответственно, норма была 405 литров, а потребление составляло от 59 % в 1960 году до 78 % в 1975 году, по яйцам — норма — 292 штуки в год, а потребление — от 40 до 74 %, по рыбе при норме в 18,2 килограмма потребление — от 54 до 92 %, по овощам и бахчевым норма была 146 килограммов, а потребление составило от 48 до 60 %, а по фруктам и ягодам, т. е. жизненно необходимым витаминам, норма была 113 килограммов, а потребление (внимание!): в 1960 году — 20 %, в 1965 году — 25 %, в 1970 году — 31 % и в 1975 году — 33 %! Ну, не любил советский человек ягоды и фрукты, и все тут! Не понимал значения витаминов!

Сахарком тоже не очень баловали советского человека. При норме в 40 килограммов в год, в 1960 году потреблено было 70 % ее, в 1965 году — 86 %, в 1970 году — 97 % и только в 1975 году целых 102 % от нормы. Но сахар, как известно, вреден. Его даже «белой смертью» называли в те годы. Впрочем, медики говорили, что мясо и яйца тоже вредны: в них холестерин. Наша медицина, как чего-нибудь не хватало в продаже, так это сразу вредным признавала. Заботливая наша!..

Зато советский человек помногу ел картошки и хлеба да макарон. По картофелю физиологической нормой считалось 97 килограммов в год на душу, а ели в 1960 году 147 % от этой нормы, в 1965 году — 146 %, в 1970 году — 134 % и в 1975 году — 124 %. Потому с холестерином там все в порядке. И в макаронах тоже: при норме по хлебу и хлебоброductам в 110 килограммов (меньше, чем по фруктам и ягодам!) съедали хлеба с макаронами в 1960 году 149 % нормы, в 1965 году — 142 %, в 1965 году — 136 % и в 1975 году — 129 %. Как видно, все же по

картошке и макаронам все же шло снижение потребления, хотя до нормы было — снижать да снижать...

У нас иногда иронически отзываются о тучности советских женщин, особенно низкооплачиваемых. Ужас, какие толстые! Совсем о здоровье не думают! Диеты нужно придерживаться: утром грейпфрут, да вечером грейпфрут, вот и похудела в объеме на фут. А она наворочается за день на ферме или в цеху, да просто в бухгалтерии насидится за 70 рублей в месяц, вот ее и тянет на макароны с хлебом, а не на грейпфруты, которых в советской провинции и не видывали. И так одно поколение за другим.

Но уж наверняка советские люди питались (в среднем, конечно) гораздо лучше, чем питался среднестатистический русский человек при царизме. И в количественном отношении лучше, и в качественном. Да вот хотя бы посмотрим данные **совершенно секретной** докладной записки начальника ЦСУ СССР В. Старовского заместителю председателя Совмина СССР А.И. Микояну.

В 1913 году на душу муки, круп и макаронных изделий приходилось 200 килограммов в год, в 1923/24 году — 223 килограмма, в 1928 году — 214 килограммов, в 1930 году — 208 килограммов, в 1940 году — 195 килограммов, а в 1952 году — 190 килограммов. Я уж и не знаю, хорошо это или плохо, есть больше или меньше муки, т. е. хлеба, круп и макаронных изделий. Если больше, так фигура портится. А если меньше — есть хочется. Обратим внимание на то, что годы сильнейших продовольственных кризисов (1932–1933) и войны здесь не указаны: всем есть хотелось.

Потребление картофеля возросло резко: если в 1913 году его съедали по 75 килограммов в год, то в 1923/24 году — 149, в 1928 году — 130, в 1930 году — 147, в 1940 году — 112 и в 1952 году — 190 килограммов. Точно так же резко возросло потребление овощей и бахчевых (все же, думается, скорее, овощей): в 1913 году их съедали по 40 килограммов, в 1928 году — 72, в 1930 году — 93, в 1940 году — 64 и в 1952 году — 61 килограмм на душу.

Молока и молочных продуктов (в переводе на молоко) ели примерно одинаково за весь период: в 1913 году — 154 литра, в 1952 году — 159 литров; максимум потребления пришелся на 1928 год — 182 литра. А вот с мясом и салом получилось не совсем красиво. В 1913 году их съедали по 27 килограммов, в 1923/24 годах — 19, в 1928 году (расцвет НЭПа!) потребление возросло до 32 килограммов, и даже в 1930 году (колхозы еще не успели расцвести) потреблялось по 28 килограммов, почти как до революции, зато в 1940 году на едока пришлось по 21 ки-

лограмму в год, да и в 1952 году до дореволюционных цифр не дотянули: 24 килограмма. Впрочем, мясо, а особенно сало очень вредны для здоровья: те, кто их по многу ели, обнаружили в них холестерин. Правда, что-то вредное обнаруживали и в яйцах (когда их народу не хватало), но потребление их все же возросло. В 1913 году в год среднестатистический российский житель съедал их 48 штук, а в 1952 году — 69 — почти по 6 штук в месяц, по яичнице в декаду. Но здесь были колебания: в 1923/24 году на душу в год приходилось по 33 яйца, в 1930 году — по 60, в 1940 году — опять по 49, а в 1950 году — по 59. Колебания были и в потреблении рыбы и рыбопродуктов: в 1913 году на жителя приходилось по 6 килограммов в год, зато в 1923/24 году всего по 3,2 килограмма, в 1928 году — 3,5, в 1930 году — 5,4, в 1940 году — 4,9 и только в 1952 году — по 7,3 килограмма. Я их хорошо помню: селедку, соленую треску, а особенно кильку и хамсу. Помню даже осетрину и белужатину, а также черную икру и крабов, но только не на вкус, а на вид; большинство моих друзей и сверстников на вкус их тоже не знало. Гадость, наверное, была. То ли дело — соленая треска. Ею даже тогдашних эзков кормили.

Вот в чем мы отказу почти не знали, так это в сахаре. В 1913 году его потребляли в России по 8,1 килограмма в год, а в 1952 году — аж по 16,2 килограмма — по 1 килограмму 350 граммов в месяц, по 45 граммов в день. Отыщешь запрятанный матерью мешочек с колотым рафинадом, украдешь кусок, грызешь, бывало, и сосешь его, так что весь рот расцарапаешь в кровь, и кусок становится розоватым. И — дневную норму потребил. Впрочем, все же это было неплохо, если учесть, что в 1923/24 году на душу приходилось лишь по 3 килограмма сахара в год, в 1928 году — 7,5, в 1930 году — 7,8 и только в 1940 году подобралось к дореволюционной норме, потребив по 8,7 килограмма.

В общем, что касается питания советских людей, то завоевания социализма плохо просматриваются. Особенно если учесть, что после 1913 года страна и без революции на месте не стояла бы.

Одной из характерных особенностей советской повседневной жизни было изобилие разнообразных анекдотов, в том числе и политических. Этой теме можно посвятить целую главу, даже целую книгу (впрочем, опубликованные научные исследования этого феномена уже имеются). Мы же здесь, применительно к теме, припомним только один, но, так сказать, всеобъемлющий анекдот 60-х годов. Будто бы советская страна напоминает стоящий железнодорожный вагон с занавешенными окнами. Одни пассажиры ногами топают, отчего вагон покачивается, руками двигают наподобие паровозных шату-

нов, и дружно пыхтят: «Чу-чу-х, ччу-х, ччу-х, чу-чу-х... Ту-ту-у-у...». А другие поют: «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка...».

Нечто подобное этому анекдоту было сделано на самом деле. В начале 50-х годов, поскольку с продовольствием был полный швах, решили заменить его фундаментальной «Книгой о вкусной и здоровой пище». Так сказать, занавесить окна и сделать «Ням-ням-ням-ням...».

Издание было роскошное: более 1000 страниц большого формата, в яркой глянцевой суперобложке, на прекрасной мелованной бумаге, со множеством цветных вклеек, изображавших разнообразнейшие продукты, невиданные фрукты и изящно гарнированные сложные блюда. Стоила эта роскошь, если мне не изменяет память, 75 рублей на те старые, дохрущевские деньги. Это о советских людях позаботился министр пищевой промышленности Анастас Иванович Микоян. Придет советский рабочий или служащий где-нибудь в Кемерово или в Ухте с работы домой, в столовой за накрытым накрахмаленной скатертью столом из фарфорового сервиза щец пустых похлебают, отварных серых макарон поест, фруктово-ягодным чаем запьет, перейдет в гостиную, сядет в уютное кресло, развернет на коленях «Книгу о вкусной и здоровой пище» и представит себе, что ел он ботвиню с севрюгой, куропатку с трюфелями, а на десерт у него были ананасы и фейхоа, и сразу у него тепло на сердце станет...

Но шутки шутками, а что-то делать нужно было. И в 60-х годах были придуманы продовольственные заказы. Опять же партия заговорила о необходимости развития бытового обслуживания населения, и даже слово «сервис» появилось. Вот и соединили приятное с полезным: сервис с продовольствием.

Наши нынешние молодые люди, наверное, думают, что тогдашний «продовольственный заказ» — это нечто чрезвычайное. Ну, например, чтобы не ходить по рынку, просто выбирает человек к юбилею или к свадьбе по списку говяжью вырезку, осетрину, икру, несколько сортов колбас, окорок, фрукты, вина, ему все это доставляют на дом, без хлопот, и остается только приготовить, нарезать и накрыть на стол. На то он и сервис...

Нет. Разумеется, на юбилейном и свадебном столе у советского человека стояли и вина, и рыба, и фрукты: из вин была водка, из рыбы селедка, а из фруктов — картошка. Но заказы — это нечто иное.

Просто раз или два в месяц в учреждении или на предприятииazole профкома вывешивался список продуктов из «продовольственного заказа». Ну, допустим, курица, пачка сливочного масла и килограмм

макарон, пачка индийского чая «со слоном» и пачка соли, банка консервов «Сайра, бланшированная в масле» или даже «Горбуша в собственном соку» и банка консервов «Завтрак туриста», полкило варено-копечной «Краковской» колбасы и килограмм сахарного песка, банка тушенки, банка растворимого кофе (советского производства, разумеется), бутылка растительного масла и т. д. В общем, «дефицит» с «нагрузкой»: из дефицита курица, масло, колбаса, чай, кофе, а все остальное — в нагрузку. Но все вещи полезные, кроме, разве что, несъедобного «Завтрака туриста», представлявшего паштет из перемолотых отходов рыбной промышленности, а именно кильки, или таких же фрикаделек в томатном соусе.

И не думайте, что все это — всем и сколько влезет. Нет, количество заказов ограниченное, так что кто опоздал, тот не успел...

Это я поделился своим опытом начала 70-х годов, когда работал в НИИ художественной промышленности Министерства местной промышленности РСФСР. И министерство так себе, и НИИ третьей категории. А вот вспоминает представитель элиты советской научно-технической интеллигенции О. Куратов: «Например, на новосибирских предприятиях Минсредмаша СССР для всех работающих действовала система продзаказов, по которой мясные продукты (колбаса 0,5 кг или тушенка 2 банки) и овощные консервы отпускались по государственным ценам примерно 1–2 раза в месяц на человека. После назначения заместителем главного конструктора я получил право на приобретение более частых и весомых продзаказов, соответствующих этому рангу, а со временем, получив повышение до должности главного инженера завода, автоматически обрел доступ к продзаказам более высокого уровня... Продзаказы, представленные в разделах А, Б, получали по праздникам всего 5–6 человек из числа руководителей многотысячного коллектива.

Понятие “продовольственный заказ”... было использовано для организации процесса распределения продуктов в связи с их хроническим дефицитом. Оно содержало в себе заметную долю лукавства, так как состав и количество входящих в продзаказ продуктов никто не записывал, давалось то, что имелось...

В Москве занимаемая мною должность (главный инженер — заместитель начальника главка) была низшей в негласной «табели о рангах», на которую распространялись те или иные привилегии. Например, продзаказы в специальных магазинах УРСа (управления рабочего снабжения. — А. Б.) Минсредмаша (т. е. магазинах, занимавшихся в основном комплектованием и доставкой заказов), я мог получить

только в исключительных случаях, по поводу которых мне необходимо было лично обратиться к начальнику УРСа или его заместителю. Если он признавал то или иное событие заслуживающим продзаказа, он давал команду в магазин, а я должен был прибыть туда в назначенное время и выкупить заказ... Разумеется, существовал круг лиц, которые обеспечивались продзаказами из спецмагазинов УРСа регулярно и в более широком ассортименте, но я к нему не принадлежал».

Здесь прерву цитирование, чтобы отметить, что приставка «спец» в СССР, стране подлинной демократии, была необычайно распространена, приставляясь к чему угодно: спецмагазины, спецбуфеты, спецстоловые, спецбазы, спецсанатории, спецшколы, спецбольницы, спецтранспорт из спецгаража, спецобслуга (слово «прислуга» была напрочь вычеркнуто из советского словаря).

Но продолжим. «Кроме того, для всех начальников главков и их заместителей в Минсредмаше была обеспечена регулярная возможность получать продукты первой необходимости по госценам через так называемые спецбуфеты. Согласно опять-таки неписаному правилу, все начальники главков и их заместители обедали отдельно от прочего персонала в этих спецбуфетах, которые были просто небольшими, человек на 20, столовыми... В этих же спецбуфетах все допущенные к этой разновидности привилегий могли два-три раза в месяц купить по госценам небольшие наборы продуктов, а по праздникам — расширенные продзаказы (раздел Г).

Наконец, все без исключения работники центрального аппарата Минсредмаша ежемесячно и на праздники имели возможность “получить”, т. е. купить по госценам продзаказы, примеры которых даны в разделе Д».

Мемуарист приводит варианты этих заказов. Воспользуемся этим.

«А. Продзаказы ОРСа (отдел рабочего снабжения. — А. Б.) Новосибирского Речного Порта...

А 1. Продзаказ на майские праздники 1976 года.

Говядина 4,1 кг, свинина 3,0 кг, язык говяжий 2,1 кг, куры 3,4 кг, консервы (лосось, шпроты, сардины, всего 3 банки), кофе растворимый 1 банка, горбуша соленая 0,85 кг, колбаса варено-копченая 0,5 кг, сельдь баночная (банка), икра красная (банка 140 г), огурцы маринованные (2 банки), масло кукурузное (2 бут), масло оливковое (2 бут), водка «Посольская», коньяк армянский (3 зв.), рислинг (1 бут). К оплате 70 руб. 94 коп.

.....

Б. Продзаказы ОРСа Новосибирского куста предприятий Минсредмаша СССР.

Б1. Продзаказ на октябрьские праздники 1976 года.

Говядина 4,5 кг, свинина 3 кг, телятина 2,3 кг, язык говяжий 1,8 кг, куры 3,8 кг, гусь 2,5 кг, балык осетровый 0,58 кг, пелядь малосольная 1 кг, рыба свежемороженая (севрюга 1 кг, язь 1,1 кг), икра красная 140 г, икра осетровая 200 г, масло кукурузное и оливковое по 2 бут, консервы (шпроты, сайра, сардины, печень трески, всего 8 банок), огурцы маринованные 3 банки, помидоры свежие 1,2 кг, яблоки 3,8 кг, водка «Русская», водка «Посольская», водка вьетнамская особая, коньяк армянский 3 зв., коньяк болгарский «Плиска», вино «Айгешат», вино сухое, конфеты «Белочка». К оплате 127 руб. 88 коп. (120–130 рублей в месяц получал молодой инженер. — Л. Б.).

.....

В. Пример разового продзаказа, подготовленного магазином заказов по указанию руководства УРСа Минсредмаша СССР.

Москва... 24.04.1987 г.

Вырезка говяжья 3,45 кг, язык говяжий 1,76 кг, лососина малосольная 0,757 кг, судак свежий 3,94 кг, кофе растворимый 2 банки, консервы (икра красная, икра осетровая, крабы, шпроты, лосось, томаты, всего 10 банок), конфеты «Ассорти». К оплате 64 руб. 83 коп.

Г. Примеры праздничных заказов для посетителей спецбуфета здания № 2 Минсредмаша СССР (Старомонетный переулок, 26).

Г1. Продзаказ на майские праздники 1982 г.

Вырезка говяжья 0,88 кг, ножки свиные 0,8 кг, колбаса сырокопченая 0,65 кг, спинка осетра холодного копчения 0,25 кг, консервы (икра красная, икра осетровая, шпроты, печень трески, тушенка говяжья отечественная, тушенка импортная, лосось, огурцы, помидоры, всего 10 банок), чай «Индийский», конфеты 1 коробка. К оплате 29 руб. 09 коп.

.....

Д. Примеры праздничных продзаказов для всех работников центрального аппарата Минсредмаша СССР.

Д1. Продзаказ на октябрьские праздники 1981 г.

Куры 1,5 кг, колбаса варено-копченая 0,6 кг, сельдь соленая 1,1 кг, рыба свежемороженая (лещ, щука) 2 кг, горбуша соленая 1,5 кг, икра осетровая (112 г), консервы (молоко сгущенное, лосось, шпроты, тушенка, горошек зеленый, икра кабачковая, джем абрикосовый, компот вишневый, огурцы, томаты, всего 20 банок), чай цейлонский 1 пачка, конфеты финские 1 коробка, яблоки 2 кг. К оплате 40 руб. 80 коп. ».

Если сравнить продзаказы, описанные О. Куратовым (М., 2004), и те, которые получал я, будучи кандидатом наук, старшим научным сотрудником НИИ художественной промышленности Минместврома РСФСР, и моя жена, окончившая МГУ и работавшая в те годы старшим методистом, а затем зав. фольклорным отделом Центрального дома народного творчества, то будет — небо и земля. Оно и понятно: чем богаче организация, чем она весомее в жизни государства, чем выше должность потребителя, тем солиднее заказы.

И тогда всем понятно, что самым разнообразным и качественным было питание работников партийных органов, а особенно центральных, а особенно верхушки партийно-советской номенклатуры.

Однако люди, в том числе и советские, питались (и выпивали) не только дома или в гостях. Уже в XIX веке существовала, пользуясь советским слэнгом, развитая сеть предприятий общественного питания. Если ты «простец», допустим, крючник (грузчик) на пристани — вот тебе поблизости харчевня: жирные щи, мелко накрошенная в чашке солонина и ржаной хлеб ломтями от пуза. А ежели студент, мелкий чиновник, офицер малого чина — пожалуйста в кухмистерскую: опять же щи или похлебка с потрошками, рубленные котлеты или бифштекс, в прочности соперничающий с подошвой и т. п. Хочешь напиться чаю с баранками или калачом — иди в чайную. Желаете угостить даму чашкой горячего шоколада с пирожным — пожалуйста в кофейню. Вашей милости угодно пообедать — на выбор трактиры, вплоть до извозчичьих, где и лошадку угостят на дворе овсом и ведром воды, студенческих, где можно послушать умных разговоров, артистических, охотничьих и т. д.; тут вам и холодный поросенок под хреном, и селяночка с севрюжкой, и померанцевой графинчик — все 33 удовольствия, вплоть до «машины», исполняющей «Лучинушку» и «Шумел-горел пожар Московский». Хочется утолить жажду кружкой легкого пива — зайти в полпивную без риска получить по морде. Угодно крепкого пива кружку-другую-третью — на пути стоит портерная. Ну, а с приличной дамой или, наоборот, с дорогой кокоткой — извольте-с в ресторацию с французской кухней, заграничными винами, румынским оркестром или немками-арфистками и хористками и уже не с половыми в русском платье, а с официантами во фраках.

Разумеется, после революции вся эта роскошь, порожденная социальным неравенством и эксплуатацией трудящихся, исчезла. Да и просто есть было нечего. Робко она стала возрождаться в период НЭПа: и продовольствие в городах появилось, и деньги стали твердыми, и денежный клиент появился. Но все же возрождение было ущербным.

Как насчет полпивных и портерных — не знаю, но пивных открылось множество. В частушке того времени пелось: «Ленинград теперь другой: / В каждом доме по пивной». Различались пивные попроще, и пивные «культурные»: в этих по стенам висели плакатики «Просят не выражаться», а с эстрады исполнялись куплеты или играл небольшой оркестрик; помните, незабвенный Шариков играл в такой пивной на балалайке, а в бреду, после пересадки сердца, кричал: «Не выражаться!». Правда, в 1930 году культурные пивные были закрыты. Зато в 1934 году, после голодного начала 30-х и отмены карточек, были открыты рестораны: хочешь культурно отдохнуть под оркестр и пение второсортных певиц (впрочем, в тогдашних ресторанах начинали и те, кто потом стал звездами советской эстрады) — иди в ресторан, только деньжатами запасись. Однако Н.М. Любимов в книге «Неувядаемый цвет» пишет: «[33-м году] Какой-то безвестный поэт скупыми, но характерными мазками написал картину тогдашней столовой: “Столовая. Припасов нет. Последний съеден винограет. Пустой буфет. В почетной раме Лишь непитательный портрет: Тупой, откормленный брюнет С несимпатичными усами”. Страна со сказочной быстротой обнищала вновь».

Естественно, самыми распространенными предприятиями общественного питания были рабочие и студенческие столовые и фабрики-кухни. Что такое фабрика-кухня, нынешнему читателю не мешает объяснить. В 20-х годах, когда еще грезился вот-вот наступающий социализм, бывшую угнетенную женщину старательно стали освобождать от семейного рабства. К тому же была острая нужда и в рабочих руках, пусть и не очень квалифицированных, женских. Вообще идеалом стал огромный дом-коммуна с крохотными квартирками-пенальчиками для семейной пары, но зато с общественным воспитанием детей в детских яслях и садом, с клубом, читальней, спортивным залом, прачечной. В том числе и с фабрикой-кухней, где можно было купить готовые полуфабрикаты, а можно было и просто поесть.

Ну, а рабочая столовая — это рабочая столовая. Это понятно.

Начнем с незнаемого сегодня заведения — сельской чайной. Это она так только называлась — чайная. Чай там не пили, а пили водку и, если было, — пиво. А еще лучше — водку с пивом («сто грамм с прицепом»). Так что по вечерам там обычно стоял гул голосов, мат и столбы табачного дыма. Но днем туда заходили просто пообедать, нередко с теми же ста граммами и кружкой пива. Щи с переваренной капустой, сомнительный гуляш с серыми макаронами и мутный компот с сухофруктами проезжие шофера и эмтээсовские механизаторы ели в этих

чайных без жалоб. Мне в детстве приходилось несколько раз обедать в таких чайных, и гуляш этот я хорошо помню.

Мое знакомство с городскими (и заводской) столовыми приходится на самый конец 50-х — 60-е годы. О заводской столовой (Челябинский трубопрокатный завод) говорить не буду: сам я там не ел, а питался всухомятку в цеху, но дежурить туда нас по очереди посылали, чтобы обедающие соблюдали порядок и в промасленных ватниках за стол не садились. Запах переваренной капусты в щах, полухлебные котлеты с макаронами, липкие ложки и вилки с прилипшими кусочками капустных листьев, купающиеся в мойке... В городских столовых все попроще: суп-лапша с кусочком куриного ребра и обрывком курятины, те же полухлебные котлеты или кусочек жареной камбалы с картофельным пюре... Недаром в 60-х годах по всей стране был введен еженедельный «рыбный день», а самая в то время распространенная рыба камбала получила иронические прозвище «гидрокурица». Впрочем, в 1959 году, окончив школу, я поехал в город Николаев поступать в тамошний кораблестроительный институт. И в день экзаменов я ходил обедать в кафе (собственно, обычная столовая). До сих пор вспоминаю тамошний рубленный шницель, который и ел-то впервые. Стоил мне полный обед 5 рублей — на те, старые, «дохрущевские» деньги.

С 1963 года я питался только в московских и ленинградских столовых и кафе, изредка, в командировках в областные архивы, посещая «обкомовские» столовые. Плохого ничего сказать не могу.

Говоря об общественном питании, стоит еще упомянуть привокзальные и речные буфеты и рестораны: МПС снабжало их по особым нормативам, так что местные жители ходили в них просто поесть или купить что-либо домой. Что касается ресторанов, то я был столь редкий их посетитель, что и говорить нечего. Но в общем, учреждения общественного питания были в 60–70-х годах едва ли не на порядок выше торговли продовольствием в обычных магазинах.

Одной из самых примечательных черт советской повседневной жизни был голод. Конечно, это явление не исключительно советское. В Китае и Индии голодная смерть была «нормальным» явлением если не веками, то долгими десятилетиями. В разоренной Первой мировой войной и ограбленной победителями Германии 20-х годах от недоедания у женщин рождались дети без ногтей. В дореволюционной России голодовки периодически посещали ту или иную местность, а небывалый голод 90-х годов XIX века вызвал озабоченность не только обществу, но и царского правительства. Но все же таких масштабов,

как в советское время, голод до революции Россию не постигал, пожалуй, с начала XVII века, когда началась известная Смута. В XX веке голодная смерть не сотен, не тысяч, даже не сотен тысяч, а миллионов людей — это нечто выходящее из ряда вон.

Наиболее известен у нас в стране, как «голод в Поволжье», голод 1921–1922 годов. Если ранее, в период военного коммунизма, голод охватил только города, а умирали от него снабжавшиеся пайками по остаточному принципу четвертушками и «осьмушками» фунта хлеба или совсем не снабжавшийся «бывшие эксплуататорские классы», «нетрудовой элемент», т. е. интеллигенция, то теперь он посетил деревню. И не только в Поволжье: эта ограниченная территория называлась из идеологических соображений, чтобы преуменьшить масштабы катастрофы. На самом деле голод охватил не только степное Поволжье, но и районы Кубани, Дона, южных губерний Великороссии, часть Украины. Ввиду насильственного изъятия властями хлеба в виде продразверстки крестьянство сильно сократило посевные площади, чтобы хлеба хватало только на собственное потребление. Сильнейшая засуха, охватившая хлебопроизводящие степные районы, вызвала катастрофу. Своей известностью этот голод обязан тому, что под его предлогом ленинское правительство поспешило обрушиться на церковь, чтобы изъять у нее ценности, а также активно стало распродавать художественные ценности из музеев. Средства эти преимущественно шли на разжигание мировой революции и помощь пролетариату то красной Баварии, то бастующим английским рабочим. Вот секретное письмо Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года: «...именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы имеем 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...

Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому закону расстрелять, тем лучше: надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать...

Мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых мона-

стырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе совершенно немыслимы...

Подпись: Ульянов (Ленин)».

Но часть средств все же пошла и на закупку продовольствия для голодающего населения. Дело доходило до людоедства, причем были случаи торговли человечиной на базарах. Количество жертв неизвестно, поскольку статистики не существовало, а если бы она и была, такие цифры правительством не разглашались, но предполагается, что их было несколько миллионов: общая убыль населения за 1918–1922 годы составила 29,5 миллиона человек (19,9%) с учетом естественной смертности, потерь от боевых действий, погромов и расстрелов по всей стране, а также эмиграции. Отмена продразверстки и проведение мероприятий, известных как новая экономическая политика (НЭП), просто спасли страну от вымирания. Дело пошло на поправку настолько, что появилась возможность отменить и систему пайковых выдач, и карточную систему. Но... НЭП был только временным отступлением. Началась новая эпопея — коллективизация и раскулачивание. И вновь дело закончилось голодом.

В декабре 1927 года связи с недородом выявились трудности с закупками хлеба, т. е. с продналогом. 13 февраля 1928 года И. Сталин выступил с обращением «ко всем организациям ВКП(б)» под названием «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии». Главной причиной было сочтено отсутствие потребного деревне количества промышленных товаров, почему крестьяне и не были заинтересованы в продаже своей продукции. Сталин заявил, что «разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т. д. являются контрреволюционной болтовней». А уже 28 мая в докладе «На хлебном фронте» он утверждал, что хлебозаготовительные трудности вызваны «изменением строения нашего сельского хозяйства в результате Октябрьской революции, переходом от крупного помещичьего и крупного кулацкого хозяйства, дававшего наибольшее количество хлеба, к мелкому и среднему крестьянскому хозяйству, дающему наименьшее количество хлеба». При этом он опирался на записку экономиста В. Немчинова. После революции количество крестьянских хозяйств выросло на 809 миллионов. К 1928 году крестьянское хозяйство производило на 40% хлеба больше, чем до революции, а на продажу шло только 11,2% крестьянского хлеба. В урожайном 1926 году крестьяне произвели более 4 миллиардов пудов хлеба, т. е. 65,5 миллиона тонн — почти на 25 миллионов тонн больше, чем дорево-

люционное крестьянство, а продали всего 466 миллионов пудов, т. е. 7,4 миллиона тонн. Количество товарного хлеба в 1927 году было вдвое меньше, чем в 1913 году, хотя валовой сбор был примерно таким же. А летом 1928 года главные житницы СССР — Украину и Северный Кавказ — постиг большой недород: особенно пострадала Украина, где весной 1929 года было сдано государству всего 27 миллионов пудов хлеба против 200 миллионов в предыдущем году. Глава правительства А. Рыков поставил на Политбюро ЦК ВКП(б) вопрос о закупке за границей до 100 миллионов пудов хлеба для голодающих, но не получил согласия. Тогда он снизил предлагаемый размер закупки до 50 миллионов пудов, и вновь получил отказ: валюта требовалась на индустриализацию. Наконец, Рыков договорился с США, Францией и Чехословакией о закупке хлеба в кредит на льготных условиях, но И. Сталин заявил о необходимости «стойкости и выдержки» и потребовал показать капиталистическому миру, что «мы обойдемся и без ввоза хлеба». В этих условиях, учитывая небывалый рост городского населения, в 1928 году для его обеспечения пришлось ввести карточки. Но и они не спасали положения горожан.

Московский историк Шитц записывал в дневнике 1 апреля 1928 года. «С мест определенно жалуются на погром крестьянства, припоминают 1919–1920 годы и т. д. С рынка многие продукты прямо исчезли. Масла, напр., говорят, даже и в Вологде на рынке не найдешь, т. к. цены установлены ниже себестоимости. Мужики и артели стараются продавать с рук. Многие привозят в Москву и здесь продают по квартирам. То же самое с яйцами... Сейчас идет “мучное стояние”: народ массами дежурит ежедневно у лавок за “полукрупкой”, “крупкой” и т. д.

С урожаем ничего не поймешь. На Волге, как будто, хлебов много, но “заготовка” идет очень слабо. А на Украине — совсем нехорошо. Сегодня в газетах уже речь идет о помощи Украине ввиду “недорода”».

16 сентября 1928 года. «Нынче воскресенье, с хлебом — заминки. Утром очереди у немногих торгующих булочных; публика зла, ругается, время пропадает. В провинции хлеб все дорожает. Из Рязанской губ. вест, что едят “травку”, посыпая ее мукой для сытности».

30 января 1929 года. «Экономика — плохо. Газеты тревожно говорят о грозящем из-за недостатка семян и орудий недосеве. Вывозим за границу все — до рубца, кишок и рогов включительно. Приехавший из Зарайского у. середняк, крестьянин 42–45 лет от роду, сильно припух с лица. Объяснение: едят *вику*, $\frac{1}{4}$ муки, $\frac{3}{4}$ вики. Действие — все пухнут. А вику едят все потому, что урожай был в Рязанской губ. неважный, а хлеб все же отобрали. Ездили было покупать в Зарайске, теперь запретили продавать в городе хлеб крестьянам».

9 октября 1929 года. «Продовольствие ухудшается. Нет яиц, нет масла, нехватка в мясе; в помине нет муки нового размола (это в октябре-то!!)».

20 ноября 1929 года. «А продуктов все меньше. Недостаток мяса пополняют так: под Москвой на каждую голову (корову) наложено по 1 п. мяса и по 2 курицы. Где хочешь бери, хоть покупай. Результат: куры, стоившие недавно до 3-х рублей, продаются в казенных лавках по 1 р. 60 к. Зато это *последние* куры, а яиц весной уже совсем не будет... Хлеб продолжает быть скверным, в нем все — ячмень, овес, кукуруза — только не пшеничная мука. Власти уверяют, что они запасают “фонд”; иные уверяют, что хлеб увозят за границу... По слухам, в Рязанской губ. голод и сыпняк. То же в Астраханском районе... Месячную выдачу масла детям начали с 10-го февр., вм. 1-го, растит. масло *обещано* к 20-му. Мяса часто не дают вовсе. Пошла уже конина. Яиц давно нет. Детям выдаются, но тухлые часто. Молоко исчезло».

Положение в городах было близко к ситуации периода военного коммунизма. С февраля 1930 года был прекращен отпуск обедов и завтраков и продуктов нетрудовому населению Москвы. Отпускались они только по предъявлении профсоюзного билета, расчетной книжки или командировочного удостоверения. А 18 ноября 1931 года служащий МГК ВКП(б) А.Г. Соловьев записал: «Большие трудности с продовольствием. В магазинах ничего нет. Продкарточки и промкарточки не отовариваются. Колоссальные очереди в ожидании, что-нибудь появится... Население настроено мрачно».

Выход был один: создавать новые крупные хозяйства, в которых крестьянин был бы на том же положении, как и в помещичьем имении — на положении батрака. А хлеб можно было забирать без усилий из общественного амбара. И в 1930 году на Украине государство забрало у колхозов 30 % зерна, на Северном Кавказе — 38 %. В 1931 году соответственно 42 и 47 %. План 1932 года превышал показатели предыдущего года на 32 %. Планирование велось весной, до высева яровых, когда озимые имели вид невысокой зеленой травки. Однако урожайность 1932 года оказалась ниже запланированной, хотя и не слишком низкой: чуть ниже средней. Тем не менее только на Украине за счет государственных хлебозаготовок было собрано 36,5 миллиона центнеров зерна. Но завышенный план не удалось выполнить даже за счет семенных фондов. Несмотря на все усилия, к концу 1932 года было поставлено 4,7 миллиона тонн зерна, т. е. только 71,8 % от плана.

Разъяренные вожди потребовали конфисковать у не выполнивших план колхозов даже «незерновые»: сало, картошку, свеклу, лук. По

воспоминаниям выживших, вооруженные уполномоченные осенью обходили дворы и вытряхивали даже кашу из горшков. 20 ноября 1932 года постановлением Совнаркома Украины была приостановлена оплата зерном трудодней колхозникам до выполнения ими норм госпоставки. 6 декабря 1932 года вышло еще одно постановление Укрсовнаркома и ЦК Компартии Украины, в котором шесть сел (по два в каждой из трех областей: Днепропетровской, Харьковской и Одесской) были объявлены «саботирующими поставки зерна». По отношению к ним предписывалось:

«Приостановить немедленно поставку продуктов, прекратить местную кооперативную и государственную торговлю. Изъять все имеющиеся товары из государственных и кооперативных магазинов.

Запретить продажу сельхозпродуктов всем колхозам, их членам и единоличникам.

Прекратить выплату авансов, наложить запрет на все кредиты и иные финансовые обязательства.

Проверить и вычистить все иностранные и враждебные элементы из аппарата кооперативов и государственных предприятий...

Проверить и провести чистку в поименованных выше селах всех контрреволюционных элементов...»

15 декабря 1932 года был опубликован список районов, в которых поставка коммерческих продуктов запрещалась до тех пор, «пока они не достигнут решительного улучшения в выполнении коллективных планов по зерну». Таких районов насчитывалось 88 (из 358 во всей Украине) — в Днепропетровской, Донецкой, Черниговской, Одесской и Харьковской областях. Жителей этих «блокированных» районов массами депортировали на Север как кулаков.

Но при этом огромная масса свезенного в города хлеба почернела и сгнила в открытых буртах: это же было социалистическое хозяйство! Американский исследователь Роберт Конквест, основательно занимавшийся историей СССР и хорошо информированный, писал: «Далеко не все зерно экспортировалось или отправлялось в города и армию. Местные амбары были полны “государственными резервами”. Так, зернохранилище Полтавской области, по имеющимся сведениям, “почти трещало” от зерна. Это зерно хранили “на всякий пожарный случай”, такой, как война, например. Голод же не был достаточно веским поводом для использования этих ресурсов.

Молоко, отобранное у крестьян, тоже часто перерабатывалось на масло на заводах, расположенных неподалеку от голодающих дере-

вень. Туда допускались только партработники и представители власти. Очевидец рассказывает, что хмурый завхоз завода показал ему нарезанное на бруски масло. Бруски были завернуты в бумагу с надписью на английском: «СССР. МАСЛО НА ЭКСПОРТ».

Нередко зерно хранилось открытым способом и гнило. Груды зерна лежали на станции Решетилровка Полтавской области. Зерно гнило, но охранялось сотрудниками ОГПУ. Американский корреспондент видел из окна поезда «огромные пирамиды зерна, которые курились от гниения».

Картофель также был свален в кучи и гнил. Как свидетельствуют очевидцы, несколько тысяч тонн картофеля было собрано в поле возле Люботина и окружено колючей проволокой. Он уже начал портиться, тогда его передали из картофельно-овощного треста в трест спиртоводочных изделий, но там его держали в поле до тех пор, пока он стал непригоден даже для производства алкоголя».

Чтобы предотвратить попытки «расхищения» зерна, в спешном порядке был опубликован Указ (от 7 августа 1932 года) «Об усилении ответственности за кражу и расхищение колхозной собственности». В народе его называли «Указ о трех колосках»: за подобранные на жнитве утерянные колосья можно сильно поплатиться. Дела по нему рассматривались в 10-дневный срок, без адвокатов и права обжалования. Обычным наказанием был расстрел, при смягчающих обстоятельствах заменявшийся 10 годами (максимальный в то время срок) заключения. По нему за один только месяц только в харьковском городском суде было вынесено 1500 смертных приговоров. Всего же с августа 1932 года по декабрь 1933 года арестовано и осуждено 125 тысяч человек, из них 5400 расстреляны.

В официальном «Списке крестьян с высоким установленным налогом в натуре и выполнением зернопоставок на 1 января 1933 года» в Криницком районе значилось 11 сел и 70 имен проживавших в них крестьян. Из них лишь 9 выполнили установленную норму. Большинство же сумело поставить только половину или четверть обязательных поставок. Единственный случай перевыполнения ее единоличником объяснили тем, что «все поставленное зерно было выкопано им из ям. Приговорен». Кроме него, «приговорили» еще шестерых (в их числе жену и сына двух отсутствующих «виновных» крестьян); у 39 конфисковали и распродали имущество, 21 человек «исчез из деревни». Так было по всей Украине.

А в начале 1933 года была объявлена третья принудительная поставка зерна...

На совместном заседании Политбюро и Центрального Исполнительного Комитета в Москве 27 ноября 1932 года Сталин сказал, что прошлогодние трудности в поставке хлеба объясняются, во-первых, «проникновением в колхозы антисоветских элементов, которые организовали саботаж и срывы», и, во-вторых, «неверным, антимарксистским подходом значительной массы сельских коммунистов к проблеме колхозов и совхозов».

«Правда» 4 и 8 декабря 1932 года призвала к решительной борьбе с кулаками, особенно на Украине.

На Пленуме ЦК и ЦИК в январе 1933 года Сталин сказал, что причины трудностей, связанных со сбором зерна, следует искать в самой партии. Первый секретарь Харьковского горкома Терехов заявил прямо, что на Украине свирепствует голод. Сталин усмехнулся и назвал его фантазером. Все дальнейшие попытки обсудить вопрос прерывались его взмахом руки.

24 января 1933 года ЦК принял специальную резолюцию относительно парторганизации Украины. Пленум постановил назначить секретаря ЦК ВКП(б) П. Постышева вторым секретарем ЦК Украины и первым секретарем Харьковского обкома. Отставание в сельском хозяйстве, как потом объявил Постышев, в значительной степени объясняется «притуплением большевистской бдительности». Постышев стал полномочным представителем Сталина в деле изъятия зерна у голодающих крестьян. Прибыв на Украину, он немедленно отказал в отправке продуктов в села, одновременно объявив, что не может быть и речи о государственной помощи посевным зерном: крестьяне должны изыскать его сами. Правда, в решении «О помощи в севе колхозам Украины и Северного Кавказа» от 25 февраля 1933 года говорилось о выделении 325 тысяч тонн посевного зерна Украине и 230 тысяч — Северному Кавказу.

Первый секретарь ЦК КПУ С. Косиор сказал на февральском пленуме: «Сейчас мы столкнулись с новой формой классовой борьбы, связанной с поставками зерна. Когда приезжаешь в район говорить о поставках зерна, то партработники показывают тебе статистику и таблицы низкого урожая, которые везде состояются враждебными элементами: в колхозах, сельскохозяйственных отделах и МТС». Постышев с новым начальником ОГПУ Украины Балицким вскоре сместил 237 секретарей райкомов и 249 председателей райисполкомов. ОГПУ занималось также жесткой чисткой среди ветеринаров, обвиняемых в падеже скота. Только в одной Винницкой области из-за грибка, обнаруженного в кормовом ячмене, было расстреляно 100 ветерина-

ров. Козлом отпущения стало также метеорологическое управление, весь штат которого был арестован по обвинению в фальсификации прогнозов погоды с целью нанести ущерб урожаю. В марте 1933 года были расстреляны 35 служащих двух наркоматов — земледелия и совхозов — за различные виды саботажа, такие, например, как порча тракторов, намеренное допущением сорняков и поджоги. Как было сообщено, они пользовались своим положением для «организации голода в стране» — редкий случай признания, что голод вообще имел место.

Одновременно в деревню было послано 10 тысяч новых активистов, включая 3 тысячи назначенных председателей колхозов, партсекретарей или организаторов. 17 тысяч рабочих были посланы в политотделы МТС и 8 тысяч — в политотделы совхозов. В целом от 40 до 50 тысяч человек было послано для укрепления партии в селе. В один только Павлоградский район Днепропетровской области, насчитывавший 37 сел и 87 колхозов, в 1933 году было послано 200 специальных сборщиков из обкома партии и столько же из обкома комсомола. Это — вместо хлеба.

На Украине, на Дону и Северном Кавказе, а затем в Поволжье и Казахстане начался массовый голод. В окрестностях украинских сел собрали все желуди, ободрали кору с деревьев, выловили и съели сусликов, а в самих селах не осталось собак и кошек. Голодающие крестьяне потянулись в города. Власть отреагировала с большевистской прямоотой: 22 января 1933 года Сталин и Молотов подписали правительственное постановление: «...Центральный комитет и Правительство имеют доказательства того, что массовый исход крестьян организован **врагами советской власти, контрреволюционерами и польскими агентами...** запретить всеми возможными средствами массовое продвижение крестьянства Украины и Северного Кавказа в города...». Города были окружены армейскими кордонами, станции патрулировались войсками. За первый же месяц, по рапортам ОГПУ, было задержано 219 460 человек. «ГПУ пыталось не пускать голодающих в зоны, пограничные с Польшей и Румынией, — писал Конквест, — есть сведения, что сотни крестьян из пограничных районов были убиты при попытке перебраться через Днестр, чтобы попасть в Румынию...».

По некоторым подсчетам, к середине 1932 года три миллиона крестьян покинули деревню и толпились на станциях, устремляясь в более благополучные районы. Один из иностранных коммунистов вспоминает такую сцену: «Грязные толпы заполняют станции; толпы мужчин,

женщин и детей дождаются бог знает каких поездов. Их разгоняют, но они возвращаются уже без денег или билетов. Садятся в любой поезд, если им это удастся, и едут, пока их не высаживают. Они молчаливы и пассивны. Куда они едут? Просто ищут хлеб, картофель, работу на заводах, где рабочих кормят чуть получше. Хлеб — великий двигатель этих толп».

Голодающие крестьяне не только попрошайничали. Они пытались и бороться. Наиболее характерны были «бабьи бунты»: толпы разъяренных женщин, у которых голодали дети, пытались вернуть себе отнятое зерно. Шолохов в «Поднятой целине» показал такой «бабий бунт», но, разумеется, в очень облегченной форме и без объяснения его причин. На деле выступления голодающих были нередко очень решительными. Как решительными были и расправы с ними. В деревне Пустоваровка на Украине восставшие убили секретаря партячейки и забрали картофель, после чего было расстреляно 100 крестьян. В Хмелеве участницы «бабьего бунта» атаковали зернохранилище, три из них были осуждены. К концу апреля 1933 года крестьяне Ново-Вознесенска Николаевской области пытались силой взять зерно из кучи (оно уже начало гнить на открытом воздухе) и были расстреляны охранниками ОГПУ из пулеметов. В мае 1933 года голодные сельчане захватили склад зерна в Сагайдаке Полтавской области, но многие умерли от истощения, так и не донеся его домой; остальных на следующий день арестовали — многих расстреляли, другим же дали от пяти до десяти лет.

Массовые масштабы голодная смерть приняла в начале марта 1933 года. Писатель В. Гроссман вспоминал: «Когда снег стаял, начался настоящий голод. Люди ходили с отеками, лицами, ногами и вздутыми животами. Им нечем было мочиться... Теперь они ели все подряд. Они ловили мышей, крыс, воробьев, муравьев, земляных червей. Они перемалывали в муку кости, а также кожу и подметки; они нарезали старую кожу и мех и делали из них макароны, варили клей. Когда выросла трава, они стали выкапывать корни, если листья и почки. В ход шло все, что можно: одуванчики, лопухи, колокольчики, ивняк, крапива...».

Липа, акация, щавель и крапива, которые теперь составляли основу питания, не содержали протеина. В тех районах, где водились улитки, их варили и пили отвар, а ракушки перемалывали, смешивали с листьями и съедали, или, скорее, заглатывали. Это помогало от отеков и продлевало жизнь. В южных районах Украины и на Кубани иногда можно было спастись от голода ловлей сурков и других мелких живот-

ных. В других районах можно было ловить рыбу, хотя за ловлю рыбы в реке, прилежащей к деревне, можно было получить срок. В Мельниках отбросы с местного спирто-водочного завода, признанные непригодными для корма скоту, были съедены окрестными крестьянами.

15 марта на Северодонецкой железной дороге было строго запрещено пропускать крестьян без командировочных удостоверений от председателей колхозов. Запрет принимать крестьян на работу на промышленные предприятия в равной мере относился и к сельской промышленности. Иногда можно было получить работу на строительстве железной дороги, где люди, не видевшие хлеба уже 6 месяцев, получали 500 граммов в день плюс 30 граммов сахара. Но чтобы получить паек, нужно было выполнить норму: выкопать 8 кубометров земли в день, что было не под силу голодным; к тому же паек выдавался на следующий день после выполнения нормы.

Многие из тех, кто был еще в силах передвигаться, покидали села. Если им не удавалось добраться до города, они слонялись вокруг железнодорожных станций. К этим маленьким станциям обычно прилежали небольшие садики. Туда железнодорожники стаскивали трупы. В окрестностях Полтавы трупы, найденные вдоль путей, сваливали в глубокие рвы. Когда крестьяне не могли добраться до станций или их не пускала туда милиция, они стояли вдоль путей и просили хлеба у пассажиров проходивших поездов. Крестьяне попрошайничали целыми семьями. Весной число нищих возросло неимоверно, они жили и умирали на улицах и площадях.

Однако некому было подать им милостыню: горожане тоже снабжались хлебом ограниченно, по карточкам, причем снабжение было плохим и хлеб не всегда доставался. Только для привилегированных слоев хватало товаров в закрытых спецраспределителях: ими пользовались высшие государственные служащие, члены крупных парткомов, сотрудники ОГПУ, высшие армейские командиры, директора заводов, часть инженеров и т. п. Учитель получал половину зарплаты рядового сотрудника ОГПУ, но особая карточная система получения товаров в спецраспределителях делала реальный доход сотрудника ОГПУ в 12 раз выше дохода учителя. Даже квалифицированный рабочий получал 250–300 рублей и жил на черном хлебе, картошке и солевой рыбе. В начале лета 1932 года в Киеве пайки для служащих были урезаны в два, а для рабочих в полтора раза. Студенты Киевского института животноводства получали 200 граммов эрзац-хлеба, тарелку рыбного супа, немного каши, капусты и 50 граммов конины в день. У магазинов стояли полукилометровые очереди, чтобы получить

по 200–400 граммов хлеба, но многим вместо него доставался только талончик с номером очереди назавтра. Естественно, что подать голодающим крестьянам, пробравшимся в города, минуя заслоны на дорогах, лесами, болотами и бурьянами, было нечего. Люди, как обычно, спешили по делам, а между ними ползали на четвереньках или неподвижно лежали опухшие, подтекавшие вонючей жидкостью из трещин на теле, сипящие умирающие. В Харькове, Днепропетровске, Одессе, других городах стало обычным собирать трупы на улицах по утрам. В 1933 году в Полтаве ежедневно подбирали до 150 трупов. «Утром лошади тащили по городу повозки, в которые собирали трупы умерших за ночь, — вспоминал В. Гроссман. — Я видел одну такую повозку с детьми... Некоторые из них все еще бормотали что-то и вертели головами. Я спросил о них возницу, но он только развел руками и сказал: “Пока доедем до места, и эти замолчат...”».

Живых же беженцев вылавливали время от времени и вывозили из городов. В Харькове еженедельно проводились спецоперации по сгону голодных крестьян, которые осуществлялись милицией и специально мобилизованными для этого отрядами коммунистов. Один из очевидцев описывает, как 27 мая 1933 года «пойманных крестьян посадили в вагоны, свезли в ров около станции Лизово и бросили умирать голодной смертью». Итальянский консул в Харькове (тогдашней столице Украины) докладывал в Рим: «...За неделю была создана служба по поимке брошенных детей... В полночь их увозили на грузовиках к товарному вокзалу на Северском Донце... здесь находился медицинский персонал, который проводил сортировку. Те, кто еще не опух от голода и мог выжить, отправляли в бараки на Голодной Горе или в амбары, где на соломе умирали еще 8000 душ, в основном — дети. Слабых отправляли в товарных вагонах за город и оставляли умирать вдали от людей. По прибытии вагонов всех покойников выгружали в заранее выкопанные большие рвы...

...Каждую ночь в Харькове собирают по 250 трупов умерших от голода или тифа. Замечено, что большое число из них не имеет печени... из которой готовят пирожки и торгуют ими на рынке».

Врачам строжайше запрещалось оказывать медицинскую помощь крестьянам, нелегально находящимся в городе. Врачи фиксировали смерть от разных заболеваний, например, «внезапная болезнь». В селе Романково, расположенном в шести километрах от города Каменска, где на заводах работали многие селяне, за 5 месяцев 1933 года из 4–5 тысяч населения умерло 588 человек: сохранились свидетельства о смерти за август, сентябрь и половину октября. Почти во всех свиде-

тельствах в графе «причина смерти» значится: «истощение», «дизентерия» или «старческая слабость». Начиная с зимы 1932/1933 года свидетельства о смерти выдавать перестали.

Наибольших показателей смертность достигла в зерновых областях: Полтавской, Днепропетровской, Кировоградской и Одесской — в среднем 20–25 % от общей численности населения, хотя во многих селах этот уровень был намного выше. В Каменец-Подольской, Винницкой, Житомирской, Донецкой, Харьковской и Киевской областях показатель смертности был пониже: 15–20 %. В северных областях, где выращивали сахарную свеклу, процент смертности был самым низким — отчасти еще и потому, что в этих богатых водами и лесами областях водилась живность и были растения, которые можно использовать в пищу.

Было много деревень, где не оставалось живых совсем, или было так мало, что некому было хоронить умерших, и трупы лежали по хатам или громоздились грудками на замерзшей зимой земле за околицей. Из коммунистов и комсомольцев составлялись отряды, которые окружали такие вымершие деревни плакатами «вход запрещен» и устанавливали санитарные кордоны, чтобы создать видимость гибели людей от эпидемий. А весной по опустевшим украинским селам, донским и кубанским станицам и хуторам пошли войска — выгребать из хат трупы и закапывать их, как пададь, где-нибудь в балках... А опустевшие селения заселили демобилизованными красноармейцами и полешуками из Белорусского Полесья.

На почве голода было множество самоубийств и убийств даже ближайших родственников. Иногда матери убивали детей, чтобы избавиться от мук. Но самым страшным явлением был каннибализм. Закона против каннибализма не существовало, да, наверное, его нет нигде на Земле. Секретная инструкция от 22 мая 1932 года, подписанная заместителем начальника ГПУ Украины К. Карлсоном и спущенная всем ГПУ и главным прокурорам областей Украины, гласит: «Поскольку в Уголовном кодексе нет статьи о каннибализме, все обвиняемые в этом должны быть немедленно доставлены в местные отделения ГПУ». Если людоедству предшествовало убийство, наказуемое по статье 142-й УК, то эти случаи требовалось передавать также в ведение ГПУ. А там людоедов без долгих проволочек просто расстреливали.

«Многие сходили с ума... Были люди, которые разрезали и варили трупы, убивали своих детей и съедали их... Это людоеды, их надо расстреливать, говорили о них. Но доведшие матерей до такого сумасшествия, что они поедали своих детей, — эти, по-видимому, не виноваты

ни в чем! Пойдите, спросите у них, и они ответят вам, что делали это во имя добра, во имя всеобщего блага. Вот, оказывается, во имя чего они доводили матерей до людоедства», — писал свидетель.

Клиническая картина голода хорошо известна. Он разрушает ресурсы организма, создающие энергию, и разрушение прогрессирует по мере исчезновения из организма необходимых жиров и сахара. Кожа приобретает пыльно-серый оттенок и сморщивается. Человек заметно старится. Даже дети и младенцы выглядят стариками. Глаза их становятся огромными, выпученными и неподвижными. Процесс дистрофии иногда захватывает все ткани, и голодающий напоминает скелет, обтянутый тонкой кожей. Но чаще имеет место отек тканей, особенно рук, ног и лица. Кожа лопается, и появляются гноящиеся болячки. Утрачивается двигательная сила, и малейшее движение вызывает сильную усталость. Жизненно важные функции, такие как дыхание и кровообращение, поглощают саму ткань и альбумин (белковое вещество), т. е. организм съедает сам себя. Ухудшаются дыхание и сердцебиение. Зрачки расширяются. Начинается голодный понос. Положение становится уже опасным, поскольку малейшее физическое напряжение может привести к остановке сердца. Часто это и происходит на ходу, во время подъема по лестнице или при попытке побегать. Появляется общая слабость. Теперь человек уже не может встать, вернуться на кровати. В таком полубессознательном состоянии голодающий может протянуть почти неделю, пока не остановится сердце. Кроме того, прогрессируют цинга и фурункулез.

Это клиническое описание. А вот описание, данное очевидцем: «Под глазами у него были два вздутых мешка, обтянутых странного оттенка блестящей кожей. Руки тоже вспухли. На пальцах кожа провалилась, и из ран сочилась прозрачная жидкость с каким-то резким отвратительным запахом».

Что отворачиваетесь? Читайте, читайте! А то у нас много еще бродит по стране поклонников усатого вурдалака и его партии убийц!

Впрочем, голод был не только на Украине или в Поволжье. Среди миллионов раскулаченных и брошенных в тайгу, в тундру, в голую степь крестьян, немалая доля также умерла от голода. Да только ли крестьян, виноват, кулаков? На произвол судьбы на окраины страны выбрасывались и горожане. Вот что доносил инструктор Нарымского горкома партии в Западно-Сибирский крайком ВКП(б): «...20 и 30 апреля 1932 года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированных элементов, всего 6144 человека... Прибывши в Томск, этот контингент был пересажен на баржи

и доставлен на остров Назино... На острове не оказалось никаких инструментов, никаких построек, ни семян, ни крошки продовольствия... 19 мая выпал снег, поднялся ветер, а затем и мороз... Люди начали умирать. В первые сутки бригада могильщиков смогла закопать 295 трупов. Только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука, которую и начали раздавать по несколько сот грамм. Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедала муку, падала и задыхалась, умирая от удущья... Вскоре началось в угрожающих размерах людоедство... В результате всего из 6100 чел., прибывших из Томска (и плюс к ним 500–700 чел., переброшенных из других комендатур), к 20 августа осталось в живых 2200 человек...». В 1932 году при перерегистрации «спецпоселенцев» обнаружилась убыль в 500 тысяч человек. Куда они делись?

Однако же нуждавшаяся в тяжелой промышленности для производства танков и самолетов страна вывезла на экспорт в 1932 году 17,3 миллиона центнеров зерна, а в 1933 году — 16,8 миллиона центнеров — по 2–2,5 центнера на каждого из умерших с голоду. На экспорт было также отправлено 47 тысяч тонн мясомолочных продуктов, 54 тысячи тонн рыбы, сахар, подсолнечник...

И у благополучных европейцев, жравших русский хлеб с русским маслом, вырванный изо рта умирающих от голода детей, кусок поперек горла не встал...

Окончательные цифры умерших от голода 1932–1933 годов никогда не будут приведены в известность. О них можно только приблизительно судить по расчетам демографов. Считается, что только на Украине в 1933 году от голода умерло 3–3,5 миллиона людей, но говорят и о 6–7 миллионах. С 6 до 3 миллионов человек сократилось население Казахстана. В Поволжье умерло от голода «всего-то» около 400 тысяч человек...

Психопатия сталинизма проявилась в том, что ни прессе, ни обычным людям не позволялось даже упоминать о голоде. Люди, неосторожно обмолвившиеся о нем хотя бы словом, арестовывались по обвинению в антисоветской пропаганде, получая от пяти лет исправительно-трудовых лагерей и выше. На всем протяжении советской истории это составляло страшную тайну государства рабочих и крестьян. Только в 60-х годах изредка появлялись намеки на него, например, повесть М. Алексеева «Хлеб — имя существительное». Уже в период перестройки, в конце 80-х годов мне довелось рассказывать об этом голоде близким знакомым: пожилому мужчине 1930 года рождения, дет-

ство и отрочество проведенному в Баку, и молодому мужчине лет 27–28, сыну учителя истории, приехавшему... с Дона (!). Рассказ вызвал активное противодействие: «Такого быть не могло! Никогда не слышал!.. Мы в Баку нормально питались...», а потом, после моего ухода, состоялся такой разговор: «Он, конечно, много знает, но верить ему во всем нельзя...». А буквально через несколько дней в прессе во весь голос заявили об этом голодоморе. Одна из особенностей советского человека — ультракороткая память. Даром ли О. Мандельштам писал: «Мы живем, под собою не чуя страны»?

Голодовки 1921–1922 и 1932–1933 годов приводили к людоедству. Склонность к людоедству — это черта советского человека? Или это людоедской была власть Ленина–Сталина? Недаром верный ленинец Серго Орджоникидзе писал другому верному ленинцу Сергею Кирову в 1934 году: «...кадры, прошедшие через ситуацию 1932–1933 годов и выдержавшие ее, закалились как сталь. Я думаю, что с ними можно будет построить Государство, которого история еще не знала».

Если голод 1921–1922 и 1932–1933 годов довольно хорошо изучен, то ситуации 1936–1937 и 1938–1939 годов практически неизвестны. Да они и не имели такого ужасающего характера: так себе, голодовки. 1936 год выдался неурожайным. Многочисленные сообщения из разных регионов свидетельствовали о распространении голода и голодных смертей осенью 1936 — весной 1937 года. Резко обострилась обстановка в городах, куда, несмотря на многочисленные препятствия, ринулись голодные крестьяне в поисках хлеба. В марте 1937 года прокурор СССР А. Вышинский сообщал Сталину о похищении крестьянами в Куйбышевской области трупов павших животных, в апреле — о случаях убийства детей и людоедства в Челябинской области. В голодные годы социальная напряженность всегда усиливалась. Органы НКВД регулярно докладывали Сталину о распространении антиправительственных высказываний, об отказах работать в колхозах, о массовом бегстве в города, о забое скота в связи с бескормцей.

И в 1938–1939 годах в ряде городов, например, в Шуге, на несколько дней полностью прекращалась выдача хлеба даже детям, что в провинции имели место хлебные бунты и разгромы хлебных лавок, причем милиция, которая ведь тоже голодала, занимала нейтрально-сочувствующую позицию. 11 января 1940 года писатель М. Пришвин записывает в дневнике: «Катастрофа с продовольствием в Москве очень напоминает 1917 год. Но тогда хотелось бунта, а теперь это, как смерть личная: теперь не пережить».

Последствием именно голодовки 1938–1939 годов стало введение в стране «Предельных норм отпуска продовольственных товаров в одни руки». Руководство с мест обращалось в правительство с просьбой о введении карточек или самовольно вводило их подобия. Но самовольство пресекалось, а на просьбы следовал отказ: ведь на весь мир было только что объявлено о построении в СССР «в основном» социализма, и вдруг — карточки! Неловко! Поэтому и ограничились введением «Предельных норм», которые формально действовали еще в 50-х годах, хотя фактически уже не соблюдались.

Естественно, что голодными оказались 1941–1945 годы: страшная война! 8 октября 1941 года. Ученый секретарь Комиссии по изучению истории Москвы П. Миллер записывает 8 октября 1941 года: «В Москве какое-то сугубо катастрофическое, “безразличное” настроение. Магазины пусты: исчезло даже кофе, которого никто не покупал, ибо нет молока; в сырном магазине продают кумыс (!); жиров — никаких». 11 октября 1941 года он же отметил: «Продукты в Москве исчезают. Очереди колоссальные. Подвоз явно прекратился». Московский журналист Н. Вержбицкий 17 октября 1941 года записал в дневнике: «В овощных магазинах только картошка (очереди) и салат (без очереди). Есть еще уксусная эссенция. А в газетах сообщения о богатом завозе овощей в Москву». Но тут все понятно: самые страшные дни, немцы прорвали фронт. Какой уж тут подвоз продуктов! Людям бы выбраться из Москвы (Сохраним в памяти Москву).

Однако окончание войны не слишком сильно изменило положение простых москвичей. Некто С. Федотов пишет 5 декабря 1946 года: «Сейчас люди тощие, совсем жиров не употребляем, а питание совсем скверное. Все время варят капусту да турнепс, который готовили для скота. Спасибо тому, что получаем хлеба 650 г на день, только этим и живем, т. е. существуем. На одном хлебе тоже долго не будешь существовать, когда-то должен прийти конец, а он недалеко». Ему вторит 13 декабря корреспондент «Правды» А. Бронтман: «Все дико жалуются на безденежье. Цены на рынке резко полезли вверх. Мясо — 100 рублей кг. Хлеб не продают почти совсем». А 20 декабря 1946 года школьник А. Катулин пишет в письме: «Живем мы очень плохо, хуже быть не может. Все так стало дорого, просто ужас. Совершенно нам нечего кушать. Маме теперь не стали давать рабочую карточку, она стала получать служащую. В общем, мы на двух карточках живем вчетвером... Идем в школу голодные, приходим из школы — есть нечего, ложимся голодные. Что делать? Ведь нельзя же быть совершенно голодным».

Голод вообще был спутником советского человека. В 1946 году Молдавию, Украину и южные российские области, Белгородскую, Сталинградскую, Курскую, Воронежскую, постигла засуха. Местные органы МГБ и МВД слали в центр тревожные донесения. Министр госбезопасности Молдавской ССР 2 декабря 1946 года «совершенно секретно» сообщал в докладной записке министру госбезопасности СССР, что «в результате тяжелого продовольственного затруднения в селах Кагульского, Бендерского и Кишиневского уездов, на почве недоедания отмечено 10 834 случая заболевания дистрофией, атрофией и безбелковыми отеками». Докладная пестрит цифрами. Например, «в числе больных значительный процент составляют дети дошкольного и школьного возраста, например: в Комратском районе из 3445 чел. больных, детей — 2018, в Кайнарском районе из 748 чел., детей — 423 чел.

Следует отметить, что число больных дистрофией с каждым месяцем возрастает», — писал министр. И был совершенно прав: голод только начинался.

«В силу такого заболевания значительно возросла смертность населения в этих районах, — продолжал министр. — Так: в Комратском районе в октябре мес. с. г. умерло 260 чел., в том числе 115 детей; в Чишишлийском районе умерло 70 человек в месяц...

Имеют место случаи обнаружения трупов на улицах, дорогах и в поле. Например: с 25 октября по 5 ноября с. г. на улицах и дорогах Комратского района было обнаружено и подобрано 6 трупов; 2 ноября с. г. на улице в г. Комрат обнаружен и подобран труп Маврикий Ивана 52 лет, умершего от истощения. 30 ноября с. г. подобран труп на дороге между селами Волонтировка и Степановка Паран Прасковьи 32 лет. Вскрытием трупа установлено, что Паран умерла от истощения. 9 ноября с. г. на окраине с. Слободзея подобран труп Манкуш Терентия 1910 г. рождения, жителя с. Степановка и т. д. ».

Молдавия не была чем-то исключительным. Аналогичным была и докладная записка министра госбезопасности Украинской ССР от 29 ноября 1946 г.: «По данным министерства госбезопасности Измаильской области, в последнее время в ряде сел и совхозов Тарутинского и Бородинского районов в результате неурожая и ухудшения продовольственного снабжения зафиксированы случаи опухания и смертности на почве недоедания.

В Тарутинском районе зафиксированы 4 случая смертности от недоедания... Труп Чабана был обнаружен через два дня после его смерти в поле, где он собирал колосья. Медосвидетельствованием установлено, что смерть последовала на почве голода.

В октябре с. г. районной поликлиникой зафиксировано 16 случаев обращения больных, страдающих голодными отеками...

В Бородинском районе в октябре с. г. на почве недоедания зафиксировано 8 случаев смертности».

А это была только осень. За нею последовали голодные зима и весна.

Чтобы какой-нибудь патриот не сказал: «Так им, молдаванам и хохлам и надо: они нас не любят», можно привести выдержки из перлюстрированных госбезопасностью писем жителей Воронежской и Сталинградской областей. Вот 24 ноября 1946 года пишет В.В. Ершов: «...Дома дела очень плохие, все начинают пухнуть от голода: хлеба нет совсем, питаемся только желудями». В этот же день пишет А.И. Ендовицкая: «...Жить нам нечем: нет ни хлеба, ни картошки, мы начинаем отекать от голода и погибаем». Бобровский А.С.: «...Мы погибаем от голода. Хлеба нет, ничего нет, есть нечего. Жить осталось считанные дни, ведь питаюсь водой, можно прожить только неделю». Велоржева: «...Жизнь становится тяжелой, хлеба людям не дают, а кто получает, то не больше 250 г. Люди умирают, не болея. Смертность очень велика. Страшит весна: уже сейчас цены на продукты ужасно поднялись, что же будет весной». Н. Попова: «...Жизнь наша плохая, продукты все дороже и дороже. Когда придешь на базар, то становится жутко. К продуктам, особенно с нашими деньгами, не подойдешь. Не знаю, как дальше будем жить. Очереди за хлебом стоят с вечера, но мы почти не ходим, потому что бесполезно». Это были все жители Воронежской области и г. Воронеж. А вот и сталинградцы: «...Хлеба нет и не знаем, как пережить голод. Хлеба никому не дают. Народ начинает опухать. В нашем колхозе и в соседнем хлеба совсем не дали — дело плохо». «...Питаемся свиным кормом, едим желуды. На днях от них чуть-чуть не умерли — очень болит желудок, а кроме есть нечего. Теперь бы хоть крошечку чистого хлеба. Придется умирать от этих желудей». «...Я ем сейчас желуды, хоть и запрещают их есть, так как от них погибло много людей, но больше есть нечего...». «...Жить так дальше невозможно. Плановый хлеб задерживают по три дня, коммерческий совсем не дают. Мы еле-еле таскаем ноги. Народ ходит голодный, некоторые пухнут». «...Мать от голода распухла, поддержать ее нечем. Два месяца не кушали хлеба, питаемся только свеклой, но она тоже кончается. Дети в школу не ходят, нет хлеба. Я кончу жизнь самоубийством, чтобы не видеть этих мук». «Хлеба по карточкам стали давать меньше: дети получают по 150 грамм, а мама с бабушкой по 100 грамм». Полагаю, следует напомнить, что в блокадном Ленинграде

дети получали именно по 150 грамм в самые страшные месяцы, до открытия дороги через Ладогу. В этом обвиняют немцев. Кого обвинить в том, что в Сталинграде в ноябре 1946 года дети получали тоже по 150 грамм?

Считается, что на сей раз умерло около 1 миллиона человек. Об этом советские люди тоже ничего не слышали. Так немцы, жившие рядом с лагерями уничтожения и наблюдавшие жирный дым из труб крематориев, «ничего не знали».

Говоря о питании, стоит коснуться и изредка сочетающегося с ним пьянства. Как известно, царизм на протяжении веков старательно спаивал народ. С началом Первой мировой войны был введен «сухой закон», что немедленно привело к появлению самогонварения: а как проводить мужика на фронт, может быть, на смерть? Думается, не лишне будет отметить, что до того такого явления страна не знала: в знаменитом «Толковом словаре» В. Даля слово «самогон» трактуется исключительно как способ охоты без собаки, когда охотник сам гонит зверя.

После революции советская власть продолжила действие «сухого закона». Естественно, что самым вожделенным трофеем для красных, белых, зеленых, «жовто-блакитных» и иных стали спиртзаводы и цистерны и бочки со спиртом, а самогонварение стало бытовым явлением. В первые дни революции винные склады и спиртзаводы старательно уничтожались красногвардейцами, в основном после того, как их громили любители выпивки, а некоторая толика хороших вин перевозилась к тем, кто, занятый революционной работой, не поддавался политике спаивания. Современники оставили впечатляющие строки о разгроме винных складов: люди тонули в вине из разбитых бочек, пили из винных луж, валились в них вниз лицом и захлебывались, и т. д.

Все знают о системе экономических мероприятий, именуемых НЭПом. Однако наши учебники и научные монографии умалчивают еще об одном, и очень важном финансовом мероприятии советской власти: в декабре 1924 года произошел отказ от «сухого закона», принятого еще в 1914 году, и началась продажа 30-градусной водки («Русской горькой»; стоила 1 рубль 75 копеек за 0,5 литра). Более она известна под именем «рыковки», по имени тогдашнего председателя СНК А. Рыкова, сменившего на этом посту Ленина. Одновременно в продаже появился коньяк «Армения» крепостью 31° по 3 рубля 50 копеек. А там наступил черед и сорокаградусной. Водкой в разной расфасовке, вплоть до 100-граммовых «мерзавчиков» (бывшие «шкалики») торговали на вынос и распивочно в небольших «забегаловках»

и в разлив в рюмочных, вплоть до уличных киосков. Естественно, до войны я по рюмочным не ходил, а послевоенные хорошо помню. В них (после войны — это точно) к 100 граммам было необходимо взять закуску: две соленые кильки на ломтике черного хлеба, или хотя бы конфету. Конфетами обычно и обходились, естественно, бросая «фантики» тут же под ноги. А поскольку для увеличения выручки продавщицы продавали только дорогие конфеты в «золотых» (станиоловых) бумажках, постольку мелкие коллекционеры фантиков, не имевшие средств на покупку такой заманчивой конфеты, шныряли под ногами, охотясь за свежими, не затоптанными бумажками. Я тоже там пополнял свое собрание, почему и помню это как сейчас. Сто граммов водки тогда стоили 4 рубля, кружка пива — 50 копеек. В некотором роде, это было благодеяние для семей: по дороге с работы домой мужики брал кружку пива и 100 граммов водки, сливали их вместе, и начиналась беседа о минувшей войне, которую редко кто не прошел. Надо сказать, что нас, малышню, выпивавшие мужики тогда из-под ног гоняли и при нас старались не материться.

Одновременно с разрешением свободной торговли спиртными напитками началась и борьба с пьянством и алкоголизмом. Осенью 1926 года был издан декрет СНК, предусматривавший меры по принудительному лечению алкоголиков в специальных диспансерах, открывавшихся с осени 1928 года. В 1928 году было также создано Общество по борьбе с алкоголизмом, активно занимавшееся пропагандистской работой. Но в 1932 году оно было закрыто, поскольку торговля водкой была важным средством перекачивания денег в промышленность. Однако периодически проводились пропагандистские антиалкогольные кампании. В декабре 1958 года было принято новое правительственное постановление о борьбе с пьянством, во исполнение которого прекратилась торговля водкой в разлив, закрывались различные распивочные, разрешена была торговля спиртным только с 10 часов утра, в ресторанах была установлена очень высокая наценка на напитки, повысились цены. В 50-х годах было два сорта водки: «красная головка» и «белая головка». «Белая головка» — водка из картофельного спирта, запечатывавшаяся белым сургучом. Стоила она (в старых ценах) 21 рубль 20 копеек, из коих 1 рубль 20 копеек приходилось на саму бутылку. «Красная головка», т. е. запечатанная красным сургучом, стоила 19 рублей 70 копеек. Дешевизна ее объясняется тем, что она готовилась из очищенного древесного спирта, отчего имела еще прозвание «сучок»: в конце 40-х годов на Глазовском спиртоводочном заводе Кировской области был разработан способ очистки ядовитого

древесного спирта, удостоенный даже Сталинской премии; поначалу на обороте этикетки указывался производитель, так что знатоки и без сургуча, через стекло и водку могли узнать, из чего сделан напиток.

Сразу после денежной реформы 1961 года цена на водку подросла: «поллитра» стала стоить 2 рубля 87 копеек. При этом исчезли различия между сортами водки: цена была единая, а вместо сургуча горлышко стали запечатывать «бескозыркой» — металлическим колпачком с хвостиком. Поскольку торговля в разлив была прекращена, желавшие выпить не целую бутылку, а немного (например, возвращаясь с работы домой) или не имевшие денег на целую бутылку, стали «скидываться» по рублю. Это называлось — «взять на троих», или «строить», и у любого продовольственного магазина можно было услышать саkraментальное: «Третьим будешь?». Так что раньше человек мог ограничиться 100 граммами, теперь же на его долю приходилось 166 граммов: троившие «специалисты» ухитрялись разливать водку с изумительной точностью, даже не глядя, где-нибудь под столом в пельменной, считая по «буль-булям». От трех рублей при новой цене водки оставалось 13 копеек — точно на плавленый сырок «Волна» на закуску.

Однако процесс роста цен уже не прекращался: вскоре водка стала стоить 3 рубля 12 копеек за полулитровую бутылку. Теперь уже не только не оставалось от трех рублей денег на закуску, но нужно было найти и пустую бутылку, чтобы получить в обмен полную. Поскольку резко усилилось самогонование, в 1960 и 1961 годах были приняты указы, предусматривавшие уголовное наказание за злостное производство самогона и торговлю им (до трех лет лишения свободы).

Отстранение Н.С. Хрущева от власти привело к снижению накала антиалкогольной борьбы в соответствии с чаяниями народа, сложившего стихок: «Товарищ, верь, придет она — на водку старая цена, и на закуску будет скидка: ушел на пенсию Никитка». Но в мае 1972 года появилось новое постановление о борьбе против пьянства и алкоголизма, предусматривавшее создание системы лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП) и принудительное помещение в них на срок до двух лет лиц, «злоупотреблявших» алкоголем. Опять поползли вверх цены на винно-водочную продукцию, на что народ заявил: «Было пять (рублей. — Л. Б.), а стало восемь: / Все равно мы пить не бросим. / Передайте Ильичу (Леониду Ильичу Брежневу. — Л. Б.) — нам и десять по плечу». Но временами цены на водку даже снижались. Так, одно время большой успех имела «андроповка» — обиходное название водки «Московская», на которую была снижена цена в период пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС в ноябре 1982 — феврале 1984 года Ю.В. Анд-

ропова: подорожавшая было до 5 рублей «бутылка» снова стала стоить 4 рубля 12 копеек. Вообще самый популярный в народе напиток дал начало многим шуткам. Например, одно время продавалась водка, прозванная «коленвал»: в надписи на этикетке чередовались повышенные и пониженные литеры, примерно так: «ВоДкА», напоминая коленчатый вал в автомобильном моторе; шутники расшифровывали это так: «Вам, Друзья Алкоголики, От Косыгина»: Председателем Совета Министров был Н.А. Косыгин, которого за его вечно печальный вид подозревали в скрытом алкоголизме. Одновременно в прессе велась пропаганда «культурного» употребления вина. Была регламентирована продажа спиртных напитков: с 11 часов утра до 7 вечера, в ответ на что появилось народное разъяснение: «Антисемиты — это те, кто против прекращения продажи водки в 7 часов».

Шутки шутками, но рост потребления алкогольной продукции был непомерным. Когда-то, в 90-х годах XIX века, перед введением государственной монополии винной торговли, среднее потребление спирта в 50-градусном измерении в России составляло 6,1 литра на душу в год: из 14 «передовых» стран Европы и Америки Россия находилась на восьмом месте, деля его со Швейцарией. В 1964–1982 годах в СССР потребление алкоголя составило в расчете на душу населения 10 литров абсолютного алкоголя. В Москве потреблении алкоголя в литрах на душу населения имело следующий вид.

Возраст, лет	Уровень злоупотребления алкоголем на 1000 человек		Удельный вес (%)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
15–19	89,4	5,0	4,9	4,2
20–29	133,1	6,3	18,7	14,4
30–39	195,4	8,4	19,1	21,6
40–49	268,5	13,7	31,6	36,5
50–59	131,6	6,6	10,6	15,4
60 и старше	59,4	2,5	5,1	7,9
Всего	159,2	7,3	100,0	100,0

Среди них больных алкоголизмом, стоящих на диспансерном учете, было 14,1%, лиц, зарегистрированных в медвытрезвителях — 66,1%, обслуженных станцией скорой помощи в состоянии алкогольного опьянения — 19,8%.

Пили не только водку, самогон разного качества, но и спирт, если его удавалось достать: это было большой удачей. Называли спирт «шилом», а пить его требовалось умеючи, чтобы не обжечь дыхательные пути: сначала требовалось вдохнуть, затем, не дыша, выпить, а потом резко выдохнуть. Некоторые разводили спирт водой, что делало его неудобопотребимым, иные запивали спирт водой, а изыском была «Кровавая Мэри»: сначала в стакан наливали томатный сок, затем, осторожно, по лезвию ножа, сверху наливали спирт, и все это, не перемешивая, пили. Некоторые делали «Кровавую Мэри» из водки и томатного сока, но это было глупостью: водка и без того хорошо идет. Однако медицинский спирт был напитком изысканным. Намного страшнее был спирт-сырец, сравнительно слабый (градусов 70), буро-желтого цвета, напоминавшего о содержимом выгребных уборных, и неприятного запаха. Зато его кое-где продавали в разлив, и невзыскательный потребитель покупал его бидончиками. Все же это был напиток более приемлемый, нежели продававшийся в хозяйственных магазинах недорогой денатурат, предназначенный в основном для разжигания примусов. Собственно, это был спирт, но с добавками, придававшими ему светло-синий ядовитый цвет и запах жженой резины. Однако среди узкого круга любителей популярность денатурата из-за его низкой цены была высока, и он постоянно был в дефиците. Наравне с денатуратом котиrowался любой одеколон, но предпочтительнее был «Тройной»: и крепче, и запах мужественнее. Мне довелось видеть на целине, как дама средних лет взяла в магазине-вагончике упаковку «Тройного», в тамбуре ловко отбила горлышко пузырька о решетку окна и столь же ловко опрокинула флакон в рот. Имевшие доступ к техническим средствам пили шеллак, политуру, т. е. спиртовые лаки. Однако это требовало некоего предварительного знания: в банку бросали обычную поваренную соль (абсорбент), вставляли сверло электродрели и включали ее; через некоторое время на дне оказывался ком сгустившегося наполнителя и почти очищенный спирт.

Последней вспышкой борьбы с алкоголизмом стало постановление ЦК КПСС 7 мая 1985 года «О мерах по предотвращению пьянства и алкоголизма», вводившее драконовские меры, вплоть до увольнения с работы тех, кто устраивал или допускал выпивку в учреждениях и на производстве (даже после работы); произошло резкое сокращение производства и продажи не только водки, но и виноградных вин и пива, вводились талоны на покупку спиртных напитков, а торговля разрешалась с 14 часов, и т. д. Итогом стали продажа непьющи-

ми своих талонов, непомерные даже по советским масштабам очереди с мордобоем в винно-водочные магазины, колоссальное развитие самогонварения, употребление суррогатов, вроде лака для ногтей и сапожной ваксы, появление токсикомании и необычайное распространение наркомании. Весьма красноречивое завершение советской истории.

Образование

Школа в России появилась в конце XVII века, преимущественно церковная, а с начала XVIII столетия стала преобладать светская школа. Развитие ее шло стихийно, и только в конце XVIII века была разработана школьная реформа, реализованная в начале XIX столетия. К началу XX века имелись школы государственные, ведомственные и частные, светские общеобразовательные, начальные и средние, а также специальные духовные, технические и коммерческие: классические гимназии, реальные училища, прогимназии, церковно-приходские одно- и двухклассные, городские и уездные начальные училища, сельские земские, государственные и частные школы, духовные, ремесленные, технические и промышленные училища, коммерческие академии и т. д.

Пропагандисты долгие десятилетия ставили в заслугу советской власти высокие темпы развития образования в стране. Царизм-де сотни лет держал народ в темноте и неграмотности, чтобы помещикам и капиталистам легче было эксплуатировать его. Оно и верно, уровень даже элементарного образования был очень невысок. Но вина ли в том царизма? Вот Петр I очень радел об образовании: заставлял монастыри открывать школы, устраивал солдатские, цифирные начальные школы, открыл Навигацкую и другие специальные школы, и что же? Школы эти пустовали за неимением учителей и учеников. Учить было некому, да и некого: даже дворянские дети бежали из школы, хотя их буквально принуждали к учебе под угрозой «шельмования». И так продолжалось еще долго.

А что касается более поздних времен, то вот интересный факт: когда в 1874 году была введена всеобщая воинская повинность, учителя народных школ призыву на военную службу не подлежали: слишком большая была в них потребность, несмотря на существование многочисленных университетов, Педагогического института и прочих аналогичных заведений, вплоть до учительских семинарий. При этом начальное образование и в народных училищах Министерства народного просвещения, и в земских и городских начальных школах, и в церковно-приходских (все они имели четырехлетний курс обучения, хотя в них и считалось 2 класса) было бесплатным. Платным оно было в средних и высших учебных заведениях, но существовала практика освобождения от платы за учебу по свидетельствам о бедности, полу-

чаемым в церковном приходе, а в высших учебных заведениях можно было учиться и на казенный кошт, но при условии последующей службы «по направлению» в течение четырех лет. Широко практиковалась благотворительная материальная помощь учащимся средних и высших учебных заведений: от частных сборов, пожертвований и стипендий до концертов и спектаклей в пользу малоимущих, причем люди брали билеты не по фиксированной цене, а кто сколько даст — хоть 100 рублей за билет.

И, наконец, накануне Первой мировой войны было принято правительственное решение о введении с 1922 года всеобщего обязательного начального образования. Естественно, бесплатного. Для этого нужны были кадры учителей, которых не хватало, нужны были и школьные здания.

Конституция 1918 года декларировала получение «рабочими и беднейшими крестьянами полного, всестороннего и бесплатного образования», т. е. его обязательность и всеобщность не закреплялись специальным законом. Была создана единая трудовая школа двух ступеней: 4-классная начальная школа I ступени и 7-летняя школа II ступени. Однако на деле всеобщее начальное образование как в городе, так и в деревне, четырехлетнее, стало обязательным только с 1930/31 учебного года. Например, моя мать, родившаяся в 1911 году и в 1917 году оставшаяся круглой сиротой, ни одного дня не училась в школе, хотя ее «школьные годы» пришлись уже на советское время. Не учились и ее три сестры. Но в целом круг учащихся значительно расширился. Во всяком случае, имела место катастрофическая нехватка школьных помещений: в 1920 году на ученика в классе приходился 1 квадратный метр площади, а в коридоре — 13 квадратных сантиметров. Чтобы как-то решить проблему, вводились перемены между уроками в разных классах в разное время, вторые, а кое-где и третьи смены, ученики сидели за партами по 3–4 человека; в Москве третьи смены были изжиты только в 1933 году. Поскольку просто не существовало новых, советских программ и учебников, а старые были признаны идеологически вредными, пришлось разрабатывать новые методы обучения, сочетающие начальное образование с приготовлением ребенка к реальной жизни: «метод проектов», «свободное расписание», «школа — цех завода» и пр. Наиболее популярным, и не только в начальной или средней школе, но и в вузе, стал «бригадный метод»: один из учеников отвечал за целую группу («бригаду»), а оценку за ответ получали все; это должно было прививать навыки коллективизма и ответственности за товарищей. На Всесоюзной конференции «шкрабов»,

школьных работников (слово «учитель» считалось реакционным), в 1930 году принцип стабильности учебников был даже признан косным и вредным. С самого начала реакционными, свойственными царской школе с ее подавлением ребенка, были признаны и оценки; теперь в большинстве случаев за ответ выставлялось, «удовлетворительно», «посредственно» и «плохо», а кое-где ставились ноли, плюсы, минусы (за 75 % усвоения) и т. д. В 1925 году Наркомпрос признал вредными домашние задания. Отменены были экзамены как мера реакционная, унижающая ребенка. Зато широко вводилось «детское самоуправление», причем ученики могли обсуждать на собраниях работу своих учителей, включая их идейный облик. Во главу угла было поставлено идеологическое воспитание учащихся, в т. ч. на уроках литературы проводились «литературные суды» над персонажами произведений, а в классах проходили товарищеские суды над проступками учеников, которых могли даже «вычистить» из пионеров.

Все эти поиски новых методик — и «метод проектов», и «школа — цех завода» — были призваны усилить трудовое начало. Ведь школа и называлась «единой трудовой». Но получалось это плохо. Москвич И. Шитц, историк, бывший преподаватель гимназии, в дневнике записывает 1 сентября 1928 года: «И смех и горе. МОНО (Московский отдел народного образования) наконец решил, что надо провести “трудовые процессы” в школе, которая “называлась трудовой, но в которой до сих пор трудом и не пахло”. Дальнейший план: “оработить” школу, вводя насильственно туда рабочих, а *потом* можно устроить *обязательный* прием в вузы *без экзаменов*, но со строгим социальным отбором. Можно ли циничнее? Дураков — но своих». В результате с переходом к индустриализации страны выяснилось, что выпускаемая школой продукция годится только в чернорабочие.

5 сентября 1931 года постановление ЦК ВКП(б) нанесло удар по «антиленинской теории отмирания школы и снижению роли учителя». Подверглась погрому педология — изучение психики ученика. Постепенно в школе начали восстанавливаться дореволюционные принципы образования. В 1932 году были восстановлены экзамены, переименованные, однако, в «испытания»; первоначально они проводились в присутствии родителей и представителей шефствующих рабочих коллективов. Впервые экзамены проводились в 4-м классе — выпускном для школ I ступени, а затем они шли в каждом классе. В 1935 году было запрещено экспериментаторство в деле оценки знаний и установлены более твердые принципы, а в 1944 году были восстановлены прежние цифровые баллы: «пятерки», «четверки», «тройки», «двойки» и «колы».

В 30-х годах восстановлена была также старая каллиграфия, названная «чистописанием», стали издаваться прописи, повысились требования не только к грамотности, но и к почерку, так что некоторые типы писчих перьев рекомендовались ученикам, а другие запрещались. В 1935 году были введены «красные» аттестаты зрелости для выпускников-отличников, а для учащихся младших классов, учившихся только на «отлично» и «хорошо», — похвальные грамоты. После войны выпускники, оканчивавшие среднюю школу только на «пятерки», получали золотую медаль, а те, у кого в аттестате была одна «четверка» — серебряную. «Золотые медалисты» поступали в вузы без экзаменов, обладатели серебряной медали должны были сдавать профильные экзамены. Разумеется, медали эти не делались из подлинных драгоценных металлов, а были покрыты ими; выдавалось также специальное удостоверение, и делалась отметка в аттестате зрелости.

За неуспеваемость стали оставлять на второй и даже третий год в одном классе, за хулиганство — исключать из школы, и были созданы спецшколы для детей, исключенных за хулиганство из обычных массовых школ, школы переростков. По закону в 1937/38 учебном году в сельских школах вводился обязательный 5-й класс, со следующего года — 6-й класс, и с 1939/40 года — 7-й класс. Во всяком случае, так гласил закон. Но в 1953 году я заканчивал 4-й класс, и не сельской, а городской школы. Из моих одноклассников ушли из школы трое: девочка пошла в няньки, а двое ребят — конюхами в леспромхозы, где работали их родители. Один из них, правда, был уже великовозрастный, «сидевший» по два года чуть ли не в каждом классе. Среди мужчин, работавших со мной на заводе, в нашем цехе были и такие, что окончили 5 классов, были с 6-классным образованием, а женщина-токарь окончила после войны лишь 4 класса и в 1962 году вместе с сыном пошла учиться в 5-й класс. Или закон соблюдался плохо, или на городские школы он не распространялся.

Наконец, было введено 10-летнее образование: первый выпуск десятиклассников состоялся в 1935 году. Школа теперь делилась на 4-классную начальную (обязательную для всех), 7-классную неполную среднюю и 10-летнюю среднюю, дававшую законченное образование. В 1939 году был введен и аттестат зрелости в виде листа бумаги с гербом и печатью, где был список изученных предметов и проставлены итоговые оценки. Современный вид книжечки в коленкоре аттестат зрелости приобрел только в 70-х годах.

Начальная и средняя школы существовали для детей школьного возраста. Но страна, создававшая новую современную промышлен-

ность, остро нуждалась в образованных людях, способных в полной мере освоить новую технику. Поэтому с конца 20-х годов началось создание вечерних (сменных: работавшие во вторую и третью смены учились днем) школ для взрослых, позже получивших название школ рабочей молодежи (ШРМ). Здесь получали незаконченное или полное среднее образование работавшие на предприятиях люди, ввиду материальных трудностей вынужденные уйти из обычной общеобразовательной школы. Хотя преимущественно училась здесь молодежь, среди учащихся попадались и ученики в почтенном возрасте, например, занимавшие, в силу большого опыта, руководящие должности (мастер цеха и пр.), но не имевшие нужного образовательного ценза. Для имевших начальное образование срок обучения был 3 года, для не имевших его обучение начиналось с 3-го класса.

Всеобщее обязательное начальное образование было введено в 1930 году. Можно полагать, что примерно за 10 лет страна должна была далеко двинуться вперед на этом поприще. Тем не менее в 1939 году 90 % городского населения имело образование не выше начального, то есть дети, получив его, в основном уходили работать. А $\frac{2}{3}$ сельского населения на конец 30-х годов вообще было неграмотным. А что же ликбезы, борьба с безграмотностью в 20-х годах, о которой так много говорилось в наших школьных и вузовских учебниках и пропагандистской исторической литературе? А ничего... Все как-то затухло само собой. Правда, моя мать в 20-х годах, работая на шахтах в Донбассе, как раз там выучилась читать и писать: к ним приходила «красная косынка», т. е. комсомолка-активистка, и учила начальной грамоте. Представляется, что слухи о культурной революции, совершенной большевиками, были сильно преувеличены. В 1937 году при переписи населения выяснилось, что даже среди молодежи 18–19 лет было 8,5 % неграмотных, а среди тридцатилетних неграмотным был каждый четвертый. В 1939 году образование в 7 классов и выше имели лишь 8,2 % рабочих и только 1,8 % колхозников. В 1936 году командующий Белорусским военным округом заявил: «...каждый призыв бойцов из деревни приносит к нам в казармы 35 малограмотных на сотню. Но эти “малограмотные”, по сути дела, люди совершенно безграмотные: еле пишут фамилию и в час прочтут две страницы. Это люди, которые не знают, кто такой Сталин, кто такой Гитлер, где запад, где восток, что такое социализм...». Так что солдат Иван Чонкин, изображенный писателем В. Войновичем, — отнюдь не карикатура.

Появление платной школы в последние десятилетия вызывает возмущение. Уже почти никто не помнит, а из более молодых и не знает,

что в 1940 году в СССР была введена плата за учебу в старших классах. Семилетка оставалась бесплатной, а с 8-го по 10-й классы требовалось платить в Москве и Ленинграде по 200 рублей в год, в остальных городах — по 150. Введена была и плата за обучение в вузах: по 400 и по 300 рублей. Если учесть, что чернорабочий на заводе получал менее 300 рублей в месяц, т. е., без учета налогов, около трех с половиной тысяч в год, а колхозник не получал и этого, а иногда и вовсе ничего, то плата эта была немаленькой. Я помню, как моя мать сокрушалась, когда старшая сестра пошла в 8-й класс.

Плата за обучение была введена преимущественно в связи с политикой широкой подготовки «трудовых резервов» в канун грядущей войны. 2 октября 1940 года вышел Указ Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР». Создавались ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения. Набор учащихся велся по мобилизации; так, колхозы были обязаны ежегодно «поставить» в ремесленные училища как минимум по одному человеку. Самовольный уход из училища карался заключением на 1 год. Обучение велось 2 года, учащиеся находились на полном государственном содержании. Окончившие училища были обязаны проработать 4 года на предприятиях по распределению с выплатой зарплаты на общих основаниях. В результате части молодых людей попросту был закрыт путь к законченному среднему и высшему образованию: хочешь не хочешь — иди на завод либо в ремесленное училище. Отменена была плата за обучение только в 1956 году.

Впрочем, плата за обучение в СССР не была каким-то новшеством. Только в октябре 1921 года Президиум ВЦИК постановил «воспретить обязательное взимание платы в какой бы то ни было форме во всех советских учебных заведениях», однако это оказалось лишь пожеланием на перспективу: в 1922 году была введена дифференцированная плата за обучение, в зависимости от социального положения семьи ребенка, так что дети «бывших», если их и принимали в школу, оказались в невыгодном положении. Конституция 1924 года закрепляла положение о бесплатном обучении «трудящихся». Окончательно бесплатным обучение стало с ноября 1925 года в школе I ступени и с 1927 года в школе II ступени. При этом с 1925 года был введен классовый подход к приему детей в школу, сначала по 3-м категориям, с 1927 года — по 4-м. Только 14 августа 1930 года появилось постановление ЦИК и СНК «О всеобщем обязательном начальном обучении и о бесплатном обучении детей от 8 до 15 лет».

Тяжело отразилась на жизни школы война. В Москве, к которой приближались немцы, 1 сентября 1941 года учебный год в школах вообще отменили. Были организованы консультативные пункты, куда школьники должны были ходить на два часа три раза в неделю, слушать объяснения учителей и получать домашние задания. Множество школ было превращено в госпитали, в некоторых происходило формирование маршевых частей, а оставшиеся работали в три смены. Холод (остро не хватало топлива) и темнота (не хватало электроэнергии) плохо влияли на полуголодных учеников и полуголодных учителей: народная мудрость гласит, что «голодное брюхо к учению глухо». Вот как вспоминал о своей учебе в саратовской школе во время войны Геннадий Русский: «Школа помещалась в старом гимназическом здании... Были поблизости и другие школы, но теперь их здания были заняты под госпитали, и ветхое двухэтажное здание тридцатой школы одно вмещало учеников трех школ. Школа работала в три смены, с невероятной перегрузкой. Где только можно в коридорах и залах были выгорожены дощатыми перегородками добавочные классы, в самих классах зачастую сидели по трое за партой, на переменах в коридорах было не протолкнуться среди шумящей, гудящей, орущей, спящей оравы. А вскоре наша школьная жизнь стала еще более мрачной, не только в переносном смысле, но и в прямом — не было электричества, как и во всем городе. Некоторое время первый урок занимались в полутьме, потом и первый урок нельзя стало проводить. Пытались заниматься при керосиновых лампах, но и их хватило ненадолго. Мы приходили в школу только затем, чтобы получить пятидесятиграммовый кусочек белого хлеба, полагавшийся всем школьникам в дополнение к четырехсотграммовой пайке». Положение было таково, что 26 февраля 1942 года появилось Постановление ЦК ВКП(б) «О сохранении контингента учащихся старших классов средней школы». Было запрещено производить мобилизацию учащихся 8-х, 9-х и 10-х классов для работы на предприятиях, а также отрывать их во время учебных занятий на другие временные работы. А 30 июля 1942 года вышло распоряжение СНК СССР «О вовлечении в школы всех детей школьного возраста и использовании школьных зданий по прямому назначению». Исполком Моссовета даже издал 30 ноября 1942 года постановление «Об усилении питания детей слабого здоровья в возрасте от 3 до 13 лет». Детям дополнительно к хлебному пайку выдавался кусок булки или бублик.

Правда, как бы в протривоположность постановлению ЦК о запрещении мобилизации школьников для работы на предприятия,

1 февраля 1943 года в Москве открылись средние школы для рабочей молодежи. Около 5 тысяч подростков, работавших на московских предприятиях, приступили к учебе в 5–10-х классах. Значит, все-таки школьники привлекались к работе на предприятиях, и постановление ЦК было лишь благим пожеланием. Да и верно: если, допустим, мать, имевшая еще и малолетних детей, получала хлеб по жалкой иждивенческой карточке, старшему волей-неволей приходилось идти на завод, чтобы получить рабочую карточку.

Но любопытно, что при этом оказалось невозможным забыть о, так сказать, внешнем антураже. 17 июля 1943 года на заседании Политбюро ВКП(б) (!) было утверждено предложение отдела вузов и школ о введении раздельного обучения мальчиков и девочек в начальных и средних школах. Для девочек ввели обязательную школьную форму, копировавшую дореволюционную гимназическую. Очевидно, других проблем у школы и забот у Политбюро не было.

За годы Великой Отечественной войны с ее эвакуацией и массовыми переменами места жительства, длительными перерывами в учебе, тяжелым материальным положением, гибелью отцов в школе сильно упала дисциплина. Иногда классы были просто неуправляемыми, находясь под влиянием великовозрастных учеников с уголовными замашками. Потребовались суровые меры для борьбы за повышение дисциплины учащихся. В 1943 году были введены «Ученические билеты», которые школьники должны были носить с собой, и довольно строгие, правда, плохо соблюдавшиеся «Правила для учащихся». Стали выставяться оценки за поведение и прилежание. В 1943 году было введено обучение детей с 7 лет (ранее принимали с 8 лет), а также раздельное обучение мальчиков и девочек в мужских и женских школах, правда, далеко не повсеместное: в провинции его не было; а в 1945 году в программы женских школ вошло рукоделие. Введено было ношение школьной формы. Мальчикам полагались серые брюки, тужурка или гимнастерка и форменная серая фуражка, девочкам — коричневое платье с белыми воротничком и манжетами, с черным, а в торжественной обстановке — белым фартуком. В основном форму носили в крупных городах, и то не повсеместно, и преимущественно девочки: в провинции на мальчиках увидеть форму было невозможно, тем более что уровень материального благосостояния большинства населения не позволял приобрести ее, а когда он стал выше — форма была отменена. Я, например, формы никогда не носил, да и все мои одноклассники — тоже.

Тяжелое материальное положение сказывалось и на детях, и родительские комитеты (туда старались вводить родителей из наиболее

обеспеченных семей) собирали деньги, на которые необеспеченным детям приобретались обувь или одежда. Поскольку в связи с войной и тотальной мобилизацией мужчин огромное количество подростков пошли работать, в 1943 году массово стали создаваться вечерние школы рабочей молодежи в городах, а в 1944 году — вечерние школы для сельской молодежи. В послевоенный период учащиеся таких школ получали на работе ряд льгот: рабочая неделя сокращалась на один день или на соответствующее количество часов сокращался рабочий день, причем за время освобождения от работы выплачивалась зарплата в размере 50% оклада, учащиеся освобождались от сверхурочных работ в дни занятий, их не посылали в командировки, отпуска предоставлялись летом, во время учебных каникул, в выпускных классах на время экзаменов предоставлялся дополнительный отпуск с сохранением заработной платы: для учащихся 7-х или 8-х классов — восьмидневный, для учащихся 10–11-х классов — двадцатидневный. Вечернее образование охватывало огромные массы людей: так, в 1963 году в вечерних школах обучалось около 4,1 миллиона человек. Это позволяло резко повысить уровень образования рабочих и служащих без ущерба для народного хозяйства и облегчить малоимущим получение образования.

Тяжелое материальное положение большинства населения вело к огромному отсеву учащихся: уже после 4-го класса многие, особенно в деревне, а также засидевшиеся в школе второгодники уходили работать, а после 5-го класса шли в ремесленные училища, где было государственное содержание. Так, в 1945 году в Москве из трех 5-х классов едва удавалось сформировать два 6-х, а из двух 6-х — едва один 7-й. Для получения одного 8-го приходилось соединять учеников из трех-четырех школ.

В послевоенный период некоторое распространение получили школы-интернаты, при которых находилось общежитие для учащихся с коллективом воспитателей, иногда с предоставлением питания, либо при обычных школах имелись интернаты. Например, такие интернаты для детей из окрестных деревень были в больших селах со школами-десятилетками; так, когда я в 1954–1956 годах учился в сельской школе, среди моих одноклассников многие жили в интернате и по субботам после уроков расходились в свои деревни за 4–7 километров. В Москве, Ленинграде и других крупных городах имелись специальные школы-интернаты, например, музыкальные, для одаренных детей.

От 20-х годов сохранилось усиленное идейное воспитание учащихся, дополненное в 30-х годах борьбой с врагами народа: изымались учебники с портретами Троцкого, Зиновьева и т. д. или они заклеива-

лись бумагой, сплошь замазывались чернилами, вычеркивались их имена и высказывания и пр.; учеников, родители которых были арестованы как враги народа, прорабатывали на классных и комсомольских собраниях, пионерских сборах, требуя отречения от отцов и матерей. На уроках пения и собраниях разучивались патриотические песни. Тщательно контролировались классные и школьные стенгазеты. Все это продолжалось и в 40–50-х годах.

Во второй половине 50-х годов руководство страны вновь взялось за укрепление связи школы с жизнью: были введены уроки труда, ученики занимались столярным и слесарным делом (в школах были устроены мастерские с кое-каким оборудованием и наборами инструмента), а затем проходили практику на шефствующих предприятиях. В принципе это было полезным делом, хотя практика на предприятиях была исключительно формальной: иначе кто бы нес ответственность за травмы детей, формально не являвшихся рабочими, не прошедших инструктажа по технике безопасности и не расписавшихся в журнале по технике безопасности? Я сам, обучаясь в 9-м классе, раз в неделю с одноклассниками приходил после уроков на завод металлоконструкций, посетив по несколько раз все цехи и даже немного (по 15–20 минут) поработав в метизном на резьбонарезных станках; итогом должна была стать месячная практика в одном из подразделений (я избрал конструкторское бюро), но и она осталась чистой формальностью. В начале 60-х годов поступление в вуз было обусловлено наличием двухлетнего трудового стажа, а в 1962–1964 годах для «стажников» отводилось 80% студенческих мест, и для них даже вводился отдельный конкурс. Со смещением Хрущева трудовой стаж стал играть незначительную роль, хотя отчасти и учитывался. По примеру 20-х годов при вузах были открыты «рабфаки», фактически — подготовительные курсы для абитуриентов; формально на них должны были принимать работающую молодежь, фактически же принимали всех.

В 1958 году было введено обязательное 8-летнее образование, а с 1972 года — всеобщее 11-летнее среднее. В то же время жесткие идеологические требования к школе постепенно сошли на нет: школьников огульно принимали целыми классами в октябрюта, пионеры и комсомол, ослаб идеологический контроль. Второгодничество исчезло ввиду «перетаскивания» двоечников из класса в класс до выпуска из 8-го класса. Школа вместе со всей страной начала переживать застой.

Во время Великой Отечественной войны в зоне немецко-румынской оккупации политика властей в отношении школы была крайне противоречивой и во многом зависела от местной инициативы бурго-

мистров и пр. С одной стороны, А. Гитлер считал бесполезным и даже вредным школьное образование для коренного населения, которое должно было лишь уметь читать, писать и считать до 1000. С другой — оккупационные власти ставили задачу дебольшевизации населения, прежде всего молодежи. В крупных городах вводилась должность «представителя Министерства пропаганды по школам», контролировавшего отделы просвещения городских управ. Брались на учет все преподаватели вузов, средних школ, работники дошкольных учреждений и дети школьного возраста. В школах сразу же прошли «чистки» от «нежелательных элементов» среди учителей. Введена была зарплата учителей по 6 разрядам, при нагрузке в 30 уроков в неделю, с системой надбавок за стаж и владение немецким языком. В сельской местности открывались 4-летние школы, в городах — 7-летки. Обучение было бесплатным, только со сборами на труд уборщиц; на Северном Кавказе была введена плата за обучение, но малоимущие и круглые отличники освобождались от нее. В отдельных районах руководители местного самоуправления даже жестко требовали от старост введения обязательного 7-летнего образования, хотя официально оно ограничивалось четырьмя классами. Разрешено было временно пользоваться советскими учебниками, но с устранением из них упоминаний о Коммунистической партии, высказываний ее вождей и их портретов. В начальной школе рекомендовались к обучению немецкий и русский языки, арифметика, краеведение, естествознание, гимнастика и пение, причем основной упор делался на языки и арифметику. Вводилось чтение молитв перед началом уроков и по их окончании и по-немецки строгая дисциплина учеников и учителей. Были созданы методические комиссии по коррективке программ и пересмотру учебников. Издавался методический журнал «Школа и воспитание», были открыты курсы переподготовки учителей (в Смоленске, Орле и т. д.), созданы новые учебники для начальной школы, в Смоленске открыта учительская семинария. Разумеется, после освобождения советских территорий от оккупантов директора школ и учителя были наказаны, как предатели Родины.

Высшее образование в советское время стало привилегией трудящихся. В августе 1918 года декретом СНК РСФСР «О правилах приема в вузы» отменялись вступительные экзамены, не требовалось предоставления документа о среднем образовании, предпочтение при зачислении отдавалось рабочим и беднейшему крестьянству. Поскольку низкий уровень подготовки нового студенчества вел к низкой успеваемости и большому отсеву, для первичной подготовки рабочих стали

создаваться рабфаки. «Бывших» в вузы не принимали, а если они каким-то образом туда попадали, то долго не удерживались. В 1922 году по предложению заместителя председателя ГПУ И. Уншлихта Политбюро приняло постановление о строго ограниченном приеме студентов непролетарского происхождения и установлении свидетельств политической благонадежности, а затем все студенты, кроме членов партии и комсомола, к началу учебного года должны были представлять отзывы ГПУ о лояльном отношении к советской власти. Такое положение стало меняться с 1935 года, когда исчезла категория «лишенцев». По окончании семестра и учебного года устраивались заседания кафедр с участием студентов — «академуполномоченных», следивших за успеваемостью товарищей, «профуполномоченных», следивших за общественным лицом курса, комсorghов и парторгов. На этих заседаниях студенты оценивали работу преподавателей, указывая, кем и почему недовольны. По итогам таких оценок преподавателей могли перевести на другой факультет или курс, а могли и уволить. В 1930 году постановлением Главпрофобра было отменено обязательное посещение студентами лекций. Но в 1932 году вышло правительственное постановление о высшей школе: был «реабилитирован» ранее признававшийся «реакционным» лекционный метод преподавания, повышена роль преподавателей, упорядочена практика студентов, закончились студенческие суды над преподавателями. Были введены дипломные работы и государственные экзамены. С 1936 года поступающие в вузы стали подвергаться экзаменам по русскому языку, математике, физике, химии и политграмоте. Без испытаний принимались лишь лица с аттестатом об отличном окончании средней школы.

Студенчество сразу же было политизировано: в учебных заведениях появились комсомольские и партийные организации. Исключение за что-либо из комсомола или из партии автоматически влекло за собой отчисление из учебного заведения. В учебных программах заметное место заняли политические дисциплины. Сложился слой студентов-активистов, занимавшихся не столько учебой, сколько общественной, комсомольской или профсоюзной работой, и в силу этого пользовавшихся благосклонностью администрации и части преподавателей; приветствовалось также активное занятие спортом, защита на соревнованиях «чести вуза». Но, как и в дореволюционное время, материальное положение студенчества было плохим: стипендии были маленькие и давались только в случае хорошей учебы, так что при отсутствии поддержки из дома значительная часть студентов должна была прирабатывать; с конца 50-х годов распространенным явлением

стали летние поездки студотрядов на «халтуру». В начале осени с 60-х годов большинство учебных заведений на месяц, а то и на полтора отправляло студентов на картошку, убирать урожай. Общежитий для иногородних студентов также было недостаточно, и до 60–70-х годов они были неблагоустроенными, с большими комнатами на 10 и более человек, где, разумеется, полноценно заниматься было невозможно. На время учебы студенты пользовались отсрочкой от службы в армии, а после окончания учебного заведения для них существовал сокращенный срок службы, 1 год; до Великой Отечественной войны выпускники средних специальных и высших учебных заведений нередко направлялись в школы курсантов-одногодичников, получая затем офицерское звание, а затем во многих вузах были созданы военные кафедры, так что выпускник получал офицерское звание. В целом студенчество отражало характер всего общества, его более образованной части. Так, в 20–30-х годах в вузах появлялись ячейки троцкистов и бухаринцев, началась политическая борьба и прошли репрессии, с начала 60-х годов получило широкое распространение размножение и чтение самиздата, рост оппозиционных настроений, а в ряде случаев и создание небольших политических групп, подвергавшихся репрессиям; но одновременно возрастало и пьянство, а также скептицизм и нигилизм, характерные для периода «застоя».

Досуг

Поскольку у нас речь идет о «массовом» советском человеке, то говорить здесь придется о столь же массовых формах досуга. Действительно, положи руку на сердце, скажите, какой процент жителей Москвы и Ленинграда даже сейчас, когда у нас «всеобщее» и т. д., достаточно регулярно посещают театры, консерваторию или музеи... Что же говорить о великом множестве небольших городов и десятках тысяч сел и деревень, где ни театров, ни музеев вообще отродясь не бывало и не будет никогда? Городов, вроде Омутнинска, где прошло мое детство и где культурными центрами был сараеобразный бревенчатый неотапливаемый кинотеатр с громким названием «Спартак» и Дом металлургов, вполне достойный даже большого областного центра, но... все же обычный клуб.

А раз так, то речь сначала должна зайти о самом массовом из видов «культурного» досуга — о кино.

Еще на заре советской власти вождь коммунистической партии заявил, что кино является важнейшим из искусств. И, со своей точки зрения, он был глубоко прав. Много ли людей посещают картинные галереи и выставки? Кто из трудящихся смотрит балеты и слушает оперу или симфоническую музыку? Правда, искусство валяния тоже приближалось к числу важнейших: гипсовые пионер с горном и девушка с веслом стояли не только в каждом парке культуры и отдыха, но и в каждом привокзальном сквере. Но идеологический заряд они несли небольшой, а девушка с веслом даже могла отвлекать трудящихся от выполнения и перевыполнения промфинплана. Книги... Но книги тоже читают далеко не все, даже если они наполнены глубоким содержанием.

А вот кино смотрят все: коммунисты и аполитичные беспартийные, гнилая интеллигенция, рабочие и колхозники, грамотные, малограмотные и совсем безграмотные, трезвые и пьяные, хулиганы и милиционеры... Отсюда и характер советских кинофильмов, жизнеутверждающий и зовущий по «Светлому пути» (был такой фильм), и огромное внимание Политбюро к фильмам и их создателям.

Надобно сказать, что создатели удачных, по мнению партии и ее вождя, кинофильмов хорошо поощрялись. Так, Постановлением Политбюро от 23 марта 1939 года за фильм «Ленин в 1918 году» режиссер М.М. Ромм получил 100 тысяч рублей, а оператор Б.И. Волчек —

30 тысяч; за ленту «Щорс» режиссеру А.П. Довженко пожаловали 100 тысяч, а оператору Ю.И. Ехельчик — 30 тысяч; а вот режиссер С.И. Юткевич за «Человека с ружьем» получил всего 75 тысяч, оператор Ж.К. Мартов — 25 тысяч, а актер Щукин за роль Ленина премирован лишь 20 тысячами рублей.

При этом отдельные удачи не гарантировали режиссерам дальнейшего благополучия. Того же Довженко после войны за фильмы «Земля» и «Украина в огне» не пинал только ленивый — естественно, с молчаливого согласия вождя. Юткевич тоже слегка пострадал, правда, не за ошибки, а за национальность, неотъемлемым признаком которой в конце 40-х годов было преклонение перед иностранщиной, например, перед западной кинотехникой. А уж что сделали с создателем лучшего советского кинофильма всех времен и народов «Броненосец «Потемкин»» Эйзенштейном за вторую серию «Ивана Грозного» — помнят до сих пор. Ведь он осмелился показать прогрессивное опричное войско как разнузданную банду!

Чтобы такого безобразия больше не было, сам вождь предварительно, вместе с соратниками, ночами просматривал все новые фильмы. А Политбюро ЦК ВКП(б) после войны регулярно принимало специальные постановления «О плане производства и выпуска в ... году художественных и документальных фильмов». Вольнодумцы, конечно, решат, что правдивые фильмы, адекватно отображающие тогдашнюю нелегкую жизнь, запрещались, а лживые — поощрялись. Нет. Вот постановление о запрете к выпуску на экран киноочерка «Рыбаки Каспия» (решено было даже опубликовать его в «Правде», «Культуре и жизни» и «Советском искусстве»): «Режиссер Блиох к порученной ему работе отнесся безответственно и недобросовестно, допустил грубые инсценировки в фильме, нарушив имевшиеся на этот счет неоднократные указания Министерства кинематографии СССР о недопустимости инсценировок в документальной кинематографии, исказив тем самым реальную жизнь показом фальшивых эпизодов. Так, например, при показе лова осетров и белуги режиссер Блиох использовал ранее выловленную рыбу и искусственно пытался создать впечатление настоящего лова, вводя своей инсценировкой в заблуждение советского зрителя, который должен в документальной кинематографии видеть жизнь в ее документальной точности». Вот одевать доярок в грязном коровнике в белейшие халаты было можно, а бросить в невод ранее пойманную рыбу — нельзя.

Так что когда в тогдашнем «культовом» фильме «Падение Берлина» прилетевшего в поверженную Германию Сталина на аэродроме окружают выпущенные из фашистских концлагерей люди в полосатых

каторжных робах и героиня, тоже в такой робе, целует его — это вовсе не было инсценировкой, а проявлением всенародной любви к вождю. И неважно, что бывшие узники нацистских концлагерей мгновенно оказались в советских фильтрационных лагерях. Главное было — точность.

Впрочем, документальное кино документальному кино — рознь. Вот гвардии полковник Храбровицкий взял и написал в 1962 году в ЦК КПСС о «неоправданном вмешательстве» в хроникально-документальные фильмы: он при просмотре кинохроники в прежние годы видел, что акт о капитуляции Германии подписывал Г.К. Жуков, а тут, 9 мая посмотрел фильм «Великая победа советского народа» — а Жукова-то и нет, а только одни англо-американские представители. То же самое — ленты о параде 1 ноября 1941 года на Красной площади и Параде Победы 1945 года: исчез куда-то Мавзолей с советскими руководителями. Ну, вообще-то товарищ гвардии полковник проявил неосознанность. На что ему был сообщен Отделом культуры ЦК ответ: «В хроникально-документальном кинофильме “Великая победа советского народа” отделом по контролю за кинорепертуаром проведены необходимые вырезки двух кинокадров». Вырезки в советском документальном кино необходимы, а некоторые это недопонимают.

«Культовым» (в современных традициях) фильм «Падение Берлина» назван потому, что каждый советский человек должен был посмотреть его. Я, например, смотрел его вместе с родителями: на заводе, где работал отец, директор на ежедневном совещании приказал всем ИТР непременно посмотреть этот фильм, пригрозив, что лично будет опрашивать каждого. А мои одноклассники ходили смотреть его строем, вместе со всей школой. Такое в дальнейшем произошло еще только раз: нас всех водили смотреть документальные фильмы о квадратно-гнездовом методе посадки кукурузы и торфо-перегнойных горшочках. Отличные были фильмы! Недаром министр культуры СССР Н. Михайлов в докладной записке Н.С. Хрущеву от 2 октября 1955 года прямо докладывал: «Некоторые сельскохозяйственные фильмы получили большое одобрение зрителей. К таким фильмам прежде всего относятся фильм “Рассказы о зеленых квадратах”, а также фильм, посвященный выращиванию кукурузы». Да ведь и сама массовость их посещения о чем-то говорила: это же сколько школьников посмотрело их по всей стране, включая Чукотку и Таймыр.

Для поощрения писателей, художников и прочих деятелей культуры и искусства, а также ученых и пр., была создана Сталинская премия. Раздавал премию специальный комитет. Примечательно, что Ста-

лин не только читал книги и просматривал новые фильмы, но и лично участвовал в работе комитетов по премиям своего имени, предлагая кандидатов на премию, решая вопрос о том, премии какой степени кто достоин. Об этом красочно и подробно рассказал участник заседаний комитета по литературе, писатель и поэт Константин Симонов в своих воспоминаниях «Глазами человека моего поколения». Следовательно, Сталин не только смотрел кино, но и много читал. Но, разумеется, в заседании всех комитетов он принять участия не мог, так что иногда это дело пускалось на самотек. Комитет по кинематографии, как это водится, в своих решениях нередко руководствовался личными вкусами и симпатиями, за что и получил в 1952 году серьезный выговор «за субъективную оценку произведения и протаскивание на Сталинские премии посредственных работ», «за местнические тенденции, отстаивание слабых кандидатур, выдвинутых своей союзной республикой», «за беспринципное отношение к оценке произведений», «за пассивность и бездеятельность». За все это состав комитетов был радикально пересмотрен. В то же время грузинский фильм-концерт «Щит Джургая» был неожиданно и вне очереди премирован, что можно было объяснить только тем, что через год после его выхода на экраны Сталин обнаружил в нем несколько популярных песен и отрывок из классической грузинской оперы «Абесалом и Этери» и поинтересовался, получила ли картина Сталинскую премию.

Вообще роль августейшего кинозрителя была ведущей. Так, 11 июня 1948 года при рассмотрении плана производства кинофильмов Сталин заявил: «Вот я смотрю на план производства фильмов. Сколько тут чепухи всякой намечено! <...> Вот намечено — “Ночь полководца” Зачем? Зря. Чепуха какая-нибудь выйдет. Или “Спутники”. Зря. Или “Сказка о царе Салтане”. Зачем это нужно? О Матросове фильм плохой получился. Надо не давать воли республикам, очень много денег на кино тратят. А что выпускают? Вот хотят делать “Рейд на Карпаты”. Зачем? Вершигора будет врать. Или “Заслонов”. Что это? — воспевание партизанщины. Или фильм о нахимовцах. Ну что можно сказать о нахимовцах?» Он же распределял фильмы и по режиссерам, или режиссеров по фильмам: «Фильм “Великая сила” — нужен. Только режиссер мне не нравится. Хорошо, если бы за него взялся Пырьев <...> По документальным фильмам: картина о Ленине нужна. Только нужно дать ее Роому. А тут стоит Беляев. Я не знаю Беляева».

Не знаю, кому уж приписать эту заслугу, но многие из отвергнутых фильмов все же вышли на экраны: и хороший фильм «Спутники» по одноименной повести В. Пановой, и «Константин Заслонов», и кино

о нахимовцах с звонкоголосой песенкой «Солнышко светит ясное, / Здравствуй, страна прекрасная...».

История советского кино — как зеркало, в котором отражается история советской страны. Думается, уместно было бы привести слова киноведа В.И. Фомина, составителя сборника документов «Кинематограф оттепели» (М., 1998): «Советское кино, так ярко и вдохновенно воспевавшее труд и образы чекистов, как известно, не испытало на себе счастья и радости ответной любви со стороны сурового ведомства, основанного Дзержинским. Знаменитые ленинские слова про “наиважнейшее из всех искусств”, столь лестно и приятно звучавшие для самих кинематографистов, на Лубянке, по-видимому, воспринимались в несколько ином ключе. Ведь, если кино и в самом деле “наиважнейшее”, то, ясное дело, что заклятые враги Советской власти туда первым делом и полезут. Как в ту же шахту или на военный завод. И недаром еще до пика массовых репрессий 1937 года доблестные чекисты уже обнаружили, что советское кино прямо-таки кишит “врагами народа”. И не какими-то там злосчастливыми “отщепенцами”, “идейными двурушниками”, “попутчиками”, а самой что ни на есть злостной “контрой” — “вредителями” и “диверсантами”. Особенно засорено советское кино оказалось “шпионами” всех мастей. То и дело под личиной прославленного артиста или знаменитого сценариста, а то даже и оператора вдруг обнаруживался то германский, то польский, то японский “шпион”. Удалось даже отловить “шпиона” шведского». Был уличен во «вредительстве» и даже расстрелян директор «Мосфильма» Б.Я. Бабицкий. Арестован и сослан «за переход государственной границы», а затем повторно арестован и расстрелян за «шпионаж в пользу Германии» и «подготовку террористического акта против членов правительства СССР во время парада 1 мая на Красной площади» оператор В.С. Нильсен («Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Октябрь»). Еще в 1933 году был арестован во время съемок фильма «Веселые ребята» и сослан «за распространение антисоветских басен» киносценарист Н.Р. Эрдман (фильмы «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Смелые люди»). Репрессированы кинодраматурги С.А. Ермолинский и А.Я. Каплер. Впервые арестована еще в 1927 году, а повторно — в 1946 году и осуждена на 25 лет лагерей известная киноактриса З.А. Федорова. Арестован в 1934 году и освобожден только в 1957 году режиссер А.О. Гавронский. Обвинен в шпионаже в пользу Японии и подготовке диверсионно-террористических актов и расстрелян драматург С.М. Третьяков. Этот мартиролог советской кинематографии можно продолжать и продолжать, но стоит ли?

Но... зато те, кто уцелел, были верными сынами партии и Лучшего Друга всех кинематографистов. Прославленный А.П. Довженко, подвергавшийся очень жесткой критике и гонениям, 8 марта 1953 года в своем дневнике записывал: «Умер Великий наш вождь... Уже мы без Сталина родного. Лежал в гробу, сложив богатырские руки творца... Лицо мыслителя и труженика великого было живым, усталым и чем-то нами недовольным. Сколько грусти и печали. Как тяжело на сердце. Уже шестой день не нахожу себе места, не знаю, за что взяться, что думать, что делать. Как жаль, что нельзя отдать свою жизнь за него, лишь бы только прожил он еще хоть десять лет. Осиротела наша отчизна-земля. Сколько слез и вздохов, сколько глубокой скорби и большой печали: уже не увидим Сталина. Долгие годы мы были спокойны с ним, ибо всякий чувствовал в работе, в творчестве, в исканиях, в войне, что есть у нас Сталин, и потому, как бы ни было где-то там тяжело или трудно, или опасно, — все закончится хорошо, ибо всегда и во всем решительно он был на высоте».

Да, большой мастер слова был Довженко. А главное — как хорошо понимал он, что его личный дневник в любой момент может быть прочитан суровыми товарищами с Лубянки.

Ввиду важности кино эта практика вмешательства высшего руководителя государства в творчество кинематографистов продолжилась и при Хрущеве, который, как известно, подверг строгой, но дружеской критике кинофильм «Застава Ильича». Новое, теперь коллективное руководство продолжало уделять большое внимание кино. Так, в 1963–1964 годах писатель В. Каверин не раз выражал свое недоумение сначала А.Ф. Ильичеву, а затем и самому секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову по поводу странной волокиты с экранизацией его повести «Семь пар нечистых». Вопрос то поднимался, то падал, обессиленный, то опять вставал перед Кавериним. В конце концов, Каверин был принят в Идеологическом отделе ЦК КПСС, где ему разъяснили, что «рекомендации не форсировать работу над сценарием» объясняется не «страхом перед социальной остротой темы», а очевидной нецелесообразностью получить еще один фильм на тюремно-лагерную тему в канун 50-летия Октябрьской революции. Оно и верно: достаточно было того, что перед этим «проскочили» «Живые и мертвые» Столпера и «Чистое небо» Чухрая. Не хватало, чтобы еще и Мотыль вылез с зэками, останавливающими немецких горных егерей на Кольском полуострове.

Советские идеологические работники заботились даже о нравственном климате на американском экране. Министр культуры Е.А. Фурцева в 1963 году в докладной записке в ЦК КПСС сообщила, что неко-

торые американские кинокомпании собираются экранизировать повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Фурцева заявила, что «Министерство культуры СССР считало бы целесообразным дать указание советскому посольству (в США. — А. Б.) о принятии всех возможных мер для предотвращения экранизации повести Солженицына... Можно было бы подчеркнуть, что советская сторона не заинтересована в создании такого фильма на какой бы то ни было совместной основе, объяснив при этом, что повесть имеет сугубо специфический характер и ярко выраженные национальные особенности, что любая экранизация повести вне пределов Советского Союза не может объективно и достоверно воспроизвести содержание повести».

Но при всей строгости присмотра за кино, радио и телевидением случались все же досадное головотяпство и даже прямые идеологические диверсии. Так, 13 июня в передаче Ашхабадской студии телевидения были использованы кадры довоенного кинофильма «Советские патриоты», связанные с культом личности. По этому поводу Идеологический отдел ЦК принял специальное решение, во исполнение которого допустившие использование политически вредных материалов были строго наказаны, а Госкомитет по радио и телевидению «отдал распоряжение местным комитетам... изъять со складов и фонотек устаревшие магнитофонные записи и киноленты».

Нет, конечно, строгий присмотр за кинематографистами был жизненно необходим. 13 апреля 1955 года министр культуры СССР Н. Михайлов даже послал в ЦК КПСС докладную записку об отрыве кинематографистов от партийных задач. Ведь «за последние несколько лет советское киноискусство не выдвигает темы борьбы коммунистической партии и советского народа за подъем тяжелой индустрии, за дальнейшее развитие сельского хозяйства. Некоторые работники кино оторвались от жизни, стоят в стороне от больших задач, предпочитая важным и злободневным темам лишь темы прошлого или темы отвлеченные».

В кино не находят показа темы из жизни рабочего класса, борьбы коллективов за дальнейший рост производства, подъем производительности труда... Зритель *истосковался* (курсив мой. — А. Б.) по фильмам, воспевающим рабочий класс, его героический труд.

Отрыв некоторых работников кино от жизни наглядно виден на примерах их отношения к проблемам сельского хозяйства. Пленумы ЦК нашей партии по вопросам сельского хозяйства всколыхнули всю страну. Но эти Пленумы не нашли почти никакого отражения в творчестве работников кино».

Видно, что в советской культуре все обстояло настолько хорошо, что министру культуры было больше нечем озаботиться, как только подъемом производительности труда и развитием сельского хозяйства. А кинематографисты действительно уделяли этим вопросам незначительное внимание. Если с 1945 по 1953 год, за 8 лет, было выпущено 156 художественных фильмов, то жизни рабочего класса из них было посвящено всего 4, и жизни колхозной деревни — 11 фильмов. А остальные? Однако положение улучшалось: в 1954 году было выпущено 38 фильмов, из них жизни рабочего класса посвящены 3, и жизни колхозной деревни — 5. Все же процент выше, чем за предыдущие годы. В 1954 году вышло 82 сельскохозяйственных фильма и 12 номеров киножурнала «Новости сельского хозяйства», а на 1955 год было намечено выпустить уже 93 сельскохозяйственных фильма и опять же 12 номеров киножурнала «Новости сельского хозяйства».

Но вот с прокатом этих фильмов дело обстояло хуже: народ требовал сельскохозяйственные фильмы, а прокатчики пренебрегали и саботировали. Михайлов докладывал Хрущеву, что «во многих республиках, краях и областях по вине органов Министерства культуры СССР, а также и по вине партийных организаций большое количество сельскохозяйственных фильмов используется плохо. Из районов Сибири, из Казахстана, из Татарии сообщают о том, что многие фильмы по сельскому хозяйству лежат без движения».

Было бы целесообразно обратить на это дело внимание партийных организаций, поручив им принять необходимые меры к улучшению проката сельскохозяйственных фильмов».

А вот при Леониде Ильиче, т. е. преемнике Хрущева, судьбу кинолент решали уже чиновники Государственного комитета по кинематографии: может быть, Ильич кино не смотрел, а может быть, правильно решил, что чиновники будут следить за идейным содержанием кинофильмов строже, чем он сам: известно ведь, что «милует царь, да не милует псарь». Так что немало кинолент 60–80-х годов было разрешено только для узкого проката, отправилось «на полку» или даже было смыто.

Между тем, если говорить честно, то и прокатывать эти фильмы в конце 40 — начале 50-х годов было негде. Даже в крупнейших городах было недостаточно кинотеатров. По справке все того же Михайлова, в Москве было всего 49 кинотеатров, причем в Первомайском, Молотовском и Калининском районах Москвы их вообще не было. В Минске же был... всего один кинотеатр. Между тем, в Париже, где вовсе и не собирались прокатывать сельскохозяйственные фильмы,

был 351 кинотеатр, в Лондоне — 327, в Нью-Йорке — 624 и даже в Риме — 231. Киносеть Нью-Йорка имела 80 мест на 1000 зрителей, Лондона — 100 мест, а в СССР в среднем на 1000 городских жителей приходилось 13,9 места, причем в кинотеатрах Москвы — 5 мест, Ленинграда — 9, Молотова — 7, Алма-Аты — 3. В итоге средняя посещаемость на одного городского зрителя в 1954 году составила 16, а в сельской местности — лишь 5,3 раза. Вот тут и пропагандируй подъем тяжелой индустрии и развитие сельского хозяйства!

Действительно, в г. Омутнинске Кировской области с его 18 тысячами жителей был один, условно говоря, кинотеатр в старом бревенчатом сарае, примерно на 400 мест, да в Доме (т. е. клубе) металлургов примерно такой же зал. В с. Залазна, где я жил в 1954–1956 годах, был старый бревенчатый клуб с залом мест на 160–200; киноустановка была стационарная, но кино из города привозили не раз ли в 2 недели? Между городом и Залазной было 25 километров, где располагалось 5 деревень (из них Ежово — довольно большая), и здесь вообще не было ничего, пригодного для демонстрации кинофильмов. Это кто же отправится из Ежова вечером пешком (попутка то ли будет, то ли нет, а, скорее всего, не будет) в Омутнинск или Залазну за 12 километров смотреть кино? Явно, в этих деревнях жило множество людей, особенно пожилых и малолетних, которые вообще кино никогда не видели. Вот тут и пропагандируй применение квадратно-гнездового метода посадки кукурузы в торфо-перегнойных горшочках!

Но должен сказать, что именно в селе я увидел фильм-балет «Ромео и Джульетта» и фильм-спектакль «Слуга двух господ», из которых узнал имена Шекспира и Гольдони. Там же я видел один из шедевров тогдашнего зарубежного кино — «Газовый свет», некоторые другие аналогичные кинофильмы.

Разумеется, положение и с созданием кинофильмов, и с их прокатом медленно, но улучшалось. В 1966 году в СССР было 42 киностудии, из которых 20 выпускали в год свыше 120 полнометражных художественных фильмов и 22 — до 800 короткометражных документальных, научно-популярных и учебных фильмов. В стране действовало 145 тысяч киноустановок, среди них 4 тысячи современных стационарных кинотеатров, так что на 1000 жителей в городах уже имелось 18 мест в постоянно действующих кинотеатрах, и в Москве уже было 105 кинотеатров. Фильмоснабжением занималось 500 контор и отделений кинопроката. В течение года фильмы смотрели свыше 4 миллиардов зрителей, и валовой сбор от кино составлял около миллиарда рублей.

Данные о доходах приведены недаром. Как и все в стране, кинопрокат был плановым. И стремление выполнять и перевыполнять планы, по официальной справке, вынуждало «максимально увеличивать количество сеансов, резко сокращать сеансы для детей и демонстрацию научно-популярных и хроникально-документальных фильмов, для которых установлена плата за билет в размере 10 копеек». Тем не менее приносившее огромный доход государству, кино плохо кормило тех, кто занимался его прокатом: около 80 % работников кинопроката имели ставки зарплаты до 65 рублей в месяц.

Но все это — приводящие обстоятельства, которые были существенны для повседневной жизни создателей кино и были известны в очень узких кругах преимущественно столичной интеллигенции. А широкие массы всех этих перипетий не знали, а просто наслаждались кинофильмами.

Может быть, это старческое брюзжание («Раньше небо было голубее, солнце ярче и вода светлее»), но те кинофильмы, за малым исключением, при всей их прямолинейности и наивности, все же были лучше нынешних мутных сериалов про «братков» и «ментов». Во всяком случае, тогда в кинозале можно было услышать даже не хохот, а животное ржание, и увидеть слезы. А кто сейчас будет плакать над «Улицей разбитых фонарей»? Возможно, это было заслугой тогдашних актеров, которые тогда **играли**, и каждый из которых был неповторим и узнаваем. Нынешние же актеры, кажется, уже не играют, а **служат**, как канцелярские чиновники, равнодушно повторяя текст роли. Актеры того поколения (или тех поколений) Андреев, Баталов, Кадочников, Кузнецов, Столяров, Орлова, Раневская, Серова, Смирнова были объектами поклонения. Их фотопортреты издавались огромными тиражами и мгновенно раскупались тысячами поклонниц, составлявших большие альбомы с этими фотографиями. Что-то не видно нынче в киосках портретов нынешних киноактеров. Да и те, кто пришел на смену перечисленным — Басов, Жженов, Леонов, Никулин, Ахеджакова — всех не упомнишь и не перечислишь — были дарованиями не меньшего масштаба. Вообще, можно сказать, что в СССР был культ киноактеров и культ кино.

Недаром когда-то попасть на первые сеансы нового кинофильма было весьма и весьма затруднительно. Конечно, и кинозалы были поменьше, и телевидения не было или оно только стало входить в быт, но все же... Очереди в кассу за билетами были умопомрачительными, хотя уж очередями-то советского человека удивить было трудно. Это были даже не очереди — это была давка — вплоть до вырванных «с мя-

сом» пуговиц и легкого членовредительства. Не знаю, сколько стоили билеты в кино в довоенный период, но после войны, да хрущевской денонсации, билет на детский сеанс стоил 1 рубль, а на вечерние сеансы цена доходила, во всяком случае, в провинции, до 3 рублей 50 копеек, а для многих это были уже серьезные деньги. Да даже и рубль был уже некоей суммой, так что дети из малообеспеченных семей ходили в кино не так уж часто. Кинотеатры той поры, особенно в провинции, были довольно несерьезными на вид — нередко деревянные, со щелястыми полами, в которых доски иногда ходили ходуном. В нашем «кинотеатре» пол, как и положено, шел уклоном к экрану. Пацаны в задней части устроили подкоп и, подлезши под пол, смотрели кино сквозь щели пола в проходе между рядами. Сам я туда не лазил, зато нередко стоял, прислонившись к выходным дверям, и слушал кино в толпе таких же несчастливцев. Учитывая, что кинофильмов выпускалось не так уж много и они время от времени повторялись, а значит, нередко и были уже увидены, это позволяло «виртуально» посмотреть фильм заново. Многочисленными были и попытки (иногда удачные) проскочить в зал «на протырку», воспользовавшись толпой у дверей или спрятавшись за спиной взрослых.

Кинотеатры, даже самые захудалые, особенно в дни премьер новых фильмов, превращались, в некотором роде, в центры общественной жизни. Точнее, не столько сами кинотеатры, сколько улицы возле них. Вот как вспоминал это Геннадий Русский: «Кинотеатров в Москве, не в пример Саратову, было много, но выбор также был невелик: один и тот же фильм демонстрировался во всех кинотеатрах недели по две и больше. Возле “киношек” всегда былолюдно — здесь было нечто среднее между рынком и клубом московских низов. Днем здесь толпились пацаны, лезли в кассу за билетами, лезли в карманы, спекулировали билетами, торговали папиросами. Вечерами у освещенных дверей киношек стояла публика постарше, всякие “короли”, накрашенные девахи, военные». Так было не только в военные годы, о которых вспоминает мемуарист, но довольно долго и после войны. Я подтверждаю это.

История советского кино сама по себе представляет интерес, относительно к повседневности. В 1919 году кинопроизводство и кинопрокат были национализированы. Создаются кинофабрики (студии) — «Межрабпом-Русь», «Севзапкино», затем «Мосфильм», «Ленфильм» и др. В 20-х годах в прокате преобладали коммерческие отечественные и зарубежные фильмы, комические, с Б. Китонем и Ч. Чаплином, приключенческие («Знак Зорро» с Д. Фербенксом,

«Багдадский вор» с К. Фейдтом), мелодраматические с захватывающими названиями, но снимались и политические хроникальные фильмы, а также короткометражные агитки. В 20–30-х годах появляются советские фильмы с острым политическим и социальным содержанием («Дворец и крепость», «Степан Халтурин», «Декабристы», «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», затем «Стачка», «Броненосец “Потемкин”», «Октябрь», «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Путевка в жизнь» (первый звуковой), «Сельская учительница», «Красные дьяволята», «Чапаев», «Ленин в Октябре», «Мы из Кронштадта», «Юность Максима» и др.), экранизации произведений русской и зарубежной классики («Иудушка Головлева», «Поручик Киже», «Гроза», «Петербургская ночь», «Пышка» и др.), а также эксцентрические комедийные ленты («Закройщик из Торжка», «Веселые ребята»). Выдвигается ряд режиссеров (А. Кулешов, Д. Вертов, С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, А. Довженко, Г. Козинцев, Ф. Эрмлер и др.) и киноактеров (В. Марецкая, Н. Баталов, Б. Бабочкин, В. Орлова, Б. Чирков и др.). В начале 30-х годов происходит переход от «великого немого» кино, сопровождавшегося игрой таперов, к звуковому (т. н. «тонфильму»; до его появления слово «фильм» употреблялся в женском роде: «фильма»). Однако в идейном отношении кино отстает от задач политического просвещения трудящихся, что было отмечено на I-м Всесоюзном партийном совещании по кино в 1928 году и в ряде последующих постановлений и передовиц «Правды». Даже советская кинокомедия приобретает умеренную политическую заостренность («Волга-Волга», «Цирк» и др.). Идейное звучание получает и появившееся детское кино («Тимур и его команда», «Красный галстук», «Дети капитана Гранта», «Остров сокровищ», «Приключения Гулливера», «Золотой ключик» и др.). Среди персонажей заметное место начинают занимать кулаки, вредители, шпионы и прочие враги народа. В условиях подготовки к войне все большее место занимают фильмы, прославлявшие Красную армию («Тринадцать», «Трактористы», «Истребители»), «вершиной» которых стала лента «Если завтра война».

Фильмы той поры строго делились на «до 16 лет» и для взрослых, и билетерши довольно бдительно следили за соблюдением этого правила, так что те, кому минуло 16, особенно выглядевшие слишком юными, брали с собой паспорта. Впрочем, нужно подчеркнуть, что и фильмы для взрослых были столь невинного содержания, что сегодня их можно было бы показывать даже грудным младенцам.

Довоенные кинофильмы, особенно вызывавшие повышенный интерес кинокомедии, были наперечет. Удивительно, что во время войны

в зоне оккупации немцы, использовавшие кино в целях «дебольшевизации» населения (они же полагали, что пришли «всерьез и надолго»), допускали прокат этих советских фильмов. Может быть, они подвергали их «вживисекции», вырезая наиболее яркие агитационные кадры? «Крутили» они и немецкие кинофильмы, опять же мюзиклы и комедии. Поговаривают, что немецкая кинематография вообще не выпускала агитационно-пропагандистских фильмов о войне, предпочитая отвлекать людей от вызванных войной жизненных проблем, дать им отдохнуть. Единственным исключением был показ перед каждым сеансом пропагандистского киножурнала «Фёлькишер беобахтер», демонстрировавшего блестящие успехи вермахта.

Что касается советского кино, то, конечно, даже в музыкальные комедии требовалось вносить идеологическое содержание. В этом смысле показательна история кинокомедии «Сердца четырех»: снятая перед войной, она была запрещена к показу именно в связи с отсутствием идейности. Хотя в качестве героев там выступают военные, но... все сводится лишь к влюбленностям, ревности и комической путанице. А вот во время войны фильм вдруг вышел на экраны: вероятно, советское руководство посчитало, что нужно дать людям все же хоть на час забыть о войне, либо же полагало, что изображение беззаботной счастливой довоенной жизни еще более вдохновит советских людей на подвиги. В первые два года войны создание кинофильмов в основном ограничивалось выпуском небольших «Боевых киносборников». Современник вспоминал: «...В кино война не представляла такой страшной, как выглядела она даже по недоговоренным военным сообщениям. В саратовских кинотеатрах конца 41-го, помимо редких довоенных фильмов, демонстрировались наспех составленные “Боевые киносборники”. Всего их вышло двенадцать номеров, после чего эвакуированная в Среднюю Азию кинопромышленность стала снабжать нас полнометражными военно-патриотическими фильмами.

“Боевые киносборники” очень нравились детворе и вполне отвечали ее уровню. Обычно киносборник состоял из двух-трех сюжетов, изредка подключалась военная кинохроника... В основном в этих киносборниках наши партизаны всюду молотили немцев. Немцы изображались как звери и дураки. Немецкий офицер говорил жителям ломаным языком: “Я буду вас немножко вешать!”, но тут из засады начинали палить партизаны и фашисты удирали под восторженное улюлюканье зрительного зала и топот ног. Снимались в киносборниках известные актеры, вроде Л. Орловой. Она ехала на велосипеде, как в “Волге-Волге”, а потом стала бить немцев. Ожил на экране вечный

бравый солдат Швейк. Он всячески дурачил немцев, а в конце уходил в партизаны. Возник и свой лубочный герой, собрат Василия Теркина (изобретенного в финскую войну) — веселый повар Антоша Рыбкин. Он лихо управлялся с походной кухней, а в нужную минуту крошил фрицев...» (*Русский Г. Ребенок в войне*).

К концу войны советские киностудии уже прочно обосновались в Ташкенте или Алма-Ате и приступили к созданию более солидной и более качественной продукции, преимущественно по военной тематике («Парень из нашего города», «Жди меня» и др.), внося в нее сильную лирическую струю. Большое внимание уделялось историческому кино («Александр Невский» и др.) с национально-патриотическим, а не советско-патриотическим и классовым содержанием. В принципе, это было неплохое кино, которое можно смотреть и сегодня. Например, «Два бойца» с Марком Бернесом и Борисом Андреевым оказались вполне приличным фильмом, а песенки из него, «Шаланды, полные кефали...» и «Темная ночь», до сих пор помнятся многими. Большим успехом, особенно у мальчишек, пользовался «Секретарь райкома» о советских подпольщиках в тылу врага. Фразочки и из него повторялись на каждом шагу. Вообще удачные фильмы тогдашним неизбалованным зрителем «разбирались на фразы».

После окончания войны о ней как бы старались забыть: фильмов о войне снималось мало. Исключение составили «Молодая гвардия» по роману Фадеева, подвергнутого довольно строгой критике (фильм, кажется, не критиковали), «Сталинград» (быстро сошедший с экранов), «Падение Берлина». Чуть позже вышли на экраны «Встреча на Эльбе» и вполне неплохой фильм «Звезда». Послевоенный период отмечен повышением качества игрового кино, переходом к созданию цветных лент, а также дальнейшим подъемом идейно-политического содержания. Борьба с «безродным космополитизмом, антипатриотизмом и преклонением перед Западом» привела к созданию серии фильмов о русских композиторах, писателях, ученых, военачальниках, построенных по примитивному клише («Тарас Шевченко», «Пржевальский», «Глинка», «Корабли штурмуют бастионы» (двухсерийный цветной фильм об адмирале Ушакове), «Ян Райнис», «Александр Попов», «Академик Иван Павлов», «Мусоргский», «Белинский», «Иван Поддубный», «Богдан Хмельницкий» и др.). Создается своеобразный советский киномиф, апогеем которого стали монументальное «Падение Берлина» и музыкальная комедия «Кубанские казаки», воспевавшая счастливую и богатую послевоенную колхозную жизнь, полную радостного труда и любви. Продолжается создание лент про погра-

ничников, чекистов, их самоотверженную борьбу с предателями и шпионами («Смелые люди», «Застава в горах» «Секретная миссия» и др.).

Продукция советской кинопромышленности, особенно с середины 50-х годов, довольно интенсивно дополнялась зарубежными фильмами, созданными как в странах «народной демократии», так и в капиталистических странах. Страна Советов долгие десятилетия была запоедной зоной, обитатели которой были абсолютно изолированы от тлетворного влияния разлагавшегося буржуазного искусства. Видимо, руководители страны были неуверенны в подлинной цене социалистических ценностей и действенности идеологии, плохо стыковавшейся с действительностью. Изоляция была настолько прочной, что для человека, выросшего в 40–50-х годах, странно читать о том, что тот или иной деятель культуры выехал за границу на жительство в 20-х годах или о том, что М. Булгаков просился за границу у самого Сталина в 30-х годах.

Естественно, что изоляция распространялась на столь важное средство идейного воспитания советского человека, как кино. Поэтому контроль за допуском зарубежного кино на советские экраны был особенно строгим. Появлялись специальные постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О выпуске на экран заграничных кинофильмов из трофейного фонда». Так, 31 августа 1948 года было разрешено выпустить 50 фильмов, в т. ч. на широкий экран «Бессмертный вальс» («Большой вальс?»), две серии «Индийской гробницы», а на закрытый экран: «Собор Парижской богородицы», «Отверженные», «Еврей Зюсс», «Принц и нищий», «Гроздь гнева», «Граф Монте-Кристо», «Капитан Ярость», «Президент Хуарец», «Приключения Марко Поло», «Почтовый дилижанс», «Али-Баба и сорок разбойников», «Да здравствует Вилла!» и др. При этом требовалось при участии Отдела пропаганды и агитации ЦК «произвести в фильмах необходимые редакционные исправления, снабдив каждый фильм вступительным текстом и тщательно отредактированными субтитровыми надписями». 9 июня 1949 года принято решение еще по 18 фильмам, в т. ч. «Невидимый идет по городу», а для закрытого экрана — «Мятеж на Баунти» и «Таинственный знак».

Такие же постановления принимались и по трофейным кинофильмам: 14 июня 1948 года — «Богема», «Летучая мышь», «Тоска», «Риголетто», «Андалузские ночи» и «Оперетта», 7 мая 1949 года — «Титаник», «Моя жизнь за Ирландию», «Цыганский барон», «Лиса из Гленарвона», «Вода из Канитоги», «Тибет», а для закрытого экрана — «Робин Гуд из Эдбордо».

Наконец, 22 августа 1949 года вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об образовании комиссии по предварительному просмотру и выпуску на экраны новых кинофильмов». В комиссию вошли А.А. Андреев, Г.М. Маленков, А.Я. Вышинский.

Должен сказать, что у меня эти постановления вызывают некоторое недоумение. Не самим фактом своего появления, нет. А тем, что, во-первых, в них вошли фильмы, шедшие в СССР еще в 30-х годах, а во-вторых, тем, что я в детстве видел многие из фильмов, допущенных на закрытый экран. Современники вспоминают, что «Индийскую гробницу» они смотрели еще до войны. Тогда на советских экранах оказывались кино как российского дореволюционного производства с Мозжухиным и Верой Холодной, изображавшими сногосшибательные страсти, так и заграничные фильмы «Знак Зорро» с Бестером Киттоном в главной роли, и тому подобное. Это были типичные голливудские поделки с тайнами, предательскими убийствами, жаркими схватками, бешеными погонями и неземной любовью. Большим успехом у зрителей довоенной поры, а значит, и кинопрокатчиков, пользовалась плутовская комедия «Багдадский вор». Ее популярность нашла отражение даже в «городском романсе» тех времен: «Я Колю встретила на клубной вечеринке: картину ставили “Багдадский вор”...». В 20–30-х годах демонстрировались также американские комедии с Монти Бенксом и Чарли Чаплином. В конце 40-х и в начале 50-х годов я смотрел все ту же «Индийскую гробницу», «Знак Зорро», который, правда, уже назывался «Таинственным знаком», и «Багдадского вора». Хорошо помню, что в заводском Доме металлургов видел предназначенные для закрытого экрана «Приключения Марко Поло», «Али-Баба и сорок разбойников», «Почтовый дилижанс», который у нас шел как «Путешествие будет опасным», «Невидимый идет по городу», «Граф Монте-Кристо» и «Мятеж на Баунти», вышедший на советский экран под названием «Мятежный корабль». Какой же закрытый экран в заводском клубе маленького городка? А вот комедии с Чарли Чаплином я впервые увидел в 1958 году в Челябинске. Прославленный актер и режиссер, очевидно, чем-то огорчил советское руководство: то ли лицом «еврейской национальности», то ли фильмом «Диктатор», где, конечно, высмеивался Гитлер, но в котором какие-нибудь вольнодумцы могли узнать Сталина.

Список перечисленных в постановлениях Политбюро кинофильмов можно легко дополнить. В титрах при начале ленты писалось, что они «взяты в качестве трофеев» и действительно имелась краткая аннотация: иначе массовый советский человек, пожалуй, и не понял бы,

о чем идет речь в фильме. В основном это были американские (или английские?) приключенческие фильмы «Робин Гуд», «Остров страданий» (по роману Р. Саббатини «Одиссея капитана Блада»), «Королевские пираты» (о Фрэнсисе Дрейке), «Охотники за каучуком», «Кардинал Ришелье», «Под кардинальской мантией», «Побег из неволи» и т. д., вплоть до совершенно безыдейных, но пользовавшихся колоссальной популярностью легких комедий «Петер», «Большой вальс», «Серенада Солнечной долины», «Девушка моей мечты».

Но «забойным» стал все же «Тарзан». Пять его показанных серий (на самом деле их больше) буквально потрясли советского человека: ведь он впервые увидел здесь широкомасштабные панорамные съемки африканской природы! А какие приключения! Залы были набиты битком, а битвы перед кассами за билеты были немногим менее жесткими, чем за мукой: вплоть до придавленных людей и сломанных ребер. И потом долгие годы мальчишки оглашали улицы «тарзаньим» криком «Уа-уа-уа-уа...», прихлопывая ладонью раскрытый рот, и, раскачавшись, прыгали с «тарзанок» — длинных веревок, привязанных к дереву. Немало мелких и серьезных травм, вплоть до переломов позвоночника, стало результатом подражания Тарзану. Но были и более серьезные, уже идеологические последствия: некоторые морально неустойчивые молодые люди стали отпускать длинные волосы, зачесывая их назад, как у самого Тарзана! Очень характерной формой ребячьего времяпрепровождения был пересказ увиденного фильма товарищам. Не на уровне «Бу-ум! Вжыщ-щ... Въэ-к!», а очень подробный, по кадрам. В компаниях были признанные мастера пересказа. Перед уроками и на переменах вокруг рассказчика, или двух, дополнявших друг друга, всегда стояли плотные кучки слушателей.

Должен сказать, что я не разделяю оценки Геннадием Русским фильмов, «взятых в качестве трофея», а особенно «Тарзана» («Зато после известных ждановских постановлений, когда советское кино было раздавлено, экран заполнился т. н. “трофейными” фильмами, в большинстве низкопробными немецкими или изделиями, вроде “Тарзана”»). Ведь для нас, особенно живших в глухой провинции и обделенных «культурным обслуживанием», это было окно в мир.

Если не считать нескольких, упомянутых выше зарубежных приключенческих фильмов, прокатывавшихся на советском киноэкране в 20–30-х годах, проникновение зарубежного кино в СССР началось во время войны благодаря союзническим отношениям с Англией и США. И нужно сказать, это было отрадное явление. Вот что вспоминал неоднократно цитировавшийся Геннадий Русский, находившийся с матерью

и братьями в эвакуации в Саратове. «Культурный обмен (с союзниками. — Л. Б.) докатился и до нашего голодного и оборванного Саратова в виде американского фильма “Три мушкетера”. Американскими фильмами нас никогда не баловали, а тут на фоне наспех состряпанных фильмов про партизан с непрерывной пальбой и криками “ура”, такая светлая отдушина. Возле кинотеатров было столпотворение, особенно много лезло нас, мальчишек — еще бы, фильм про мушкетеров. Правда, с романом Дюма фильм имел мало общего. Это был хороший комический мюзикл с хорошей музыкой, запоминающимися мелодиями. Весь мальчишеский Саратов тех дней распевал песенку Д’Артаньяна «Вар-вар-вар-вар-вара»... В фильме все было шиворот навыворот: настоящим кавалером был один Д’Артаньян, вместо трех мушкетеров действовали три забавных поваренка, на шпагах дрались мало, но смеху было много. Спасибо культурному обмену, а то мы и смеяться разучились». Я тоже видел этот фильм, уже после войны, и должен подтвердить воспоминания Геннадия Русского: фильм не имел ничего общего с романом Дюма, смех в зале стоял непрерывный, и все мы, включая меня, распевали «Вар-вар-вар-вары, шагай мой конь Малыш...».

Если каждый новый советский кинофильм, особенно цветной, становился событием, и не только для пацанвы, но и для более старшего поколения, то что же говорить о зарубежных, да еще и приключенческих, да еще и цветных кинолентах. Они вызывали небывалый ажиотаж. «Событием в московской киножизни того года, — вспоминает Геннадий Русский, — была демонстрация английского цветного фильма “Багдадский вор”. Что творилась возле “Ударника”! Очередь в кассу в иные дни тянулась едва не от Москвы-реки. Вокруг киношки с утра до вечера мостовая была запружена народом, пробиться было невозможно, лишние билеты спрашивали чуть не за версту и платили за билет по тридцать рублей.

Ах, какой был фильм на взгляд мальчишки военных лет! Прежде всего цветной. А что такое был цветной фильм в эпоху черно-белого кино? До войны мы видели только цветное американский короткометражный фильм “Кукарача” и цветной диснеевский мультфильм “Три поросенка” со смешной песенкой. Был и первый советский цветной фильм “Груня Корнакова”, но я его не видел. И вот теперь на экране появилось цветное изображение Биг Бена и раздался бой его курантов... И во всем красочном, солнечном изобилии началась восточная сказка...».

В своем месте я говорил, что детская политика была светлым пятном на фоне довольно мрачной советской повседневности. Не забыты

были дети и нашей кинематографией. Появилось специально-детское кино. Конечно, оно имело воспитательный, прежде всего идеологический характер, но все же... Это были как игровые, так и мультипликационные ленты. Успешно не сходили с экранов «Золотой ключик», «Приключения Гулливера», где, разумеется, герои успешно боролись с эксплуататорами-капиталистами, но и «Морозко», и «Кощей Бессмертный» — просто захватывавшие детское сознание фильмы. Экранизировалась зарубежная детская литература, например, «Остров сокровищ», который, правда, был сильно политизирован, и один из шедевров советского детского кино — «Дети капитана Гранта» с удачной музыкой И. Дунаевского и понравившимися зрителю песнями.

В период «оттепели» появляются кинофильмы с более глубоким общественным, и в то же время лирическим содержанием: «Судьба Марины», «Дело было в Пенькове», «Дорогой мой человек», «Высота», «Добровольцы», «Весна на Заречной улице», «Девять дней одного года» и др.). Огромным событием стали музыкальные комедии «Карнавальная ночь» и «Гусарская баллада» и приключенческий фильм «Человек-амфибия», песни из которых распевали повсюду. Появились новые фильмы «про войну», посвященные углубленному изображению внутреннего мира человека и проецировавшиеся на жизнь страны в целом («Судьба человека», «Свет далекой звезды», «Солдаты» и др.). По-прежнему пристальное внимание кинематографистов привлекала русская и советская литературная классика («Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Война и мир» и др.). Более «мягким» по содержанию стало детское кино («Алеша Птицын вырабатывает характер», «Старик Хоттабыч», «Васек Трубачев и его товарищи» и др.). Эта линия психологического кино продолжалась и в последующие годы даже в фильмах на производственную и военно-революционную тематику, так что многие фильмы 60–70-х годов сохранили свою художественную и общественную значимость, став подлинными бестселлерами советской кинематографии («Белое солнце пустыни», «Щит и меч», «Семнадцать мгновений весны»), не говоря уже о популярнейших лирических комедиях вроде «Служебного романа», «Джентльменов удачи» и «Иронии судьбы, или С легким паром».

В 50-х годах началось знакомство советского кинозрителя и с более серьезными зарубежными кинофильмами. Наиболее невинными с идеологической точки зрения были мексиканские ленты, посвященные Мексиканской революции 1910-х годов и ее вождям Эмилиано Сапате и Панчо Вилье. По стилю это было подобие голливудских вестернов. Сразу же завоевали прочные симпатии массового зрителя индий-

ские фильмы, серия которых открылась «культовым», как сказали бы сейчас, «Бродягой» с Раджем Капуром. Его огромная популярность сразу же отразилась в уличной песенке: «Радж Капур, Радж Капур, посмотри на этих дур: все московские стилиаги помешались на “Бродяге”, даже бабушка моя все поет “Абара-я”». Нашему избалованному молодому современнику трудно, даже невозможно понять все это. Открытием стал французский кинематограф «неореализма», либо историко-приключенческие ленты, вроде популярнейшего среди советского зрителя «Фанфан-Тюльпана» с Жерар Филиппом, или «Пармской обители» с ним же. Удалось познакомиться даже с образчиками голливудской продукции («Великолепная семерка», «Семь невест для семи братьев»). Помню сильное впечатление, которое произвела трагическая «Плата за страх» с Ив Монтаном. Прошли и английские ленты — «Капабланка», «Мост Ватерлоо», и вальс из последнего фильма постоянно транслировался по радио и даже попал на грампластинку. С конца 50-х же годов на советские киноэкраны стали попадать и фильмы классиков итальянского неореализма, а также франко-итальянские кинокомедии с Тото и Фернанделем. Главным для советского зрителя было открытие, что за границей живут такие же люди, с такими же проблемами и чувствами.

Огромным событием для советских людей 50–60-х годов стало появление на экранах современного зарубежного психологического кино, французского («Тереза Ракэн», «Плата за страх», «Газовый свет», «Под крышами Парижа», «Набережная туманов» и др.), английского («Путь в высшее общество») и итальянского («Похитители велосипедов», «Ночи Кабирии», «Дорога» и др.); Жерар Филипп, Ив Монтан, Жан Габен, Брижит Бардо, Джинна Лоллобриджида и особенно Джульетта Мазина стали кумирами многих советских людей; даже легкие комедии вроде «Фанфана-Тюльпана» или «Бабетта идет на войну» влияли на прически, одежду, манеру поведения. Более серьезное влияние на общество оказали польские фильмы Анджея Вайды со Сбигневом Цыбульским («Канал», «Пепел и алмаз» и др.): уже привыкшее к осуждению «культа личности Сталина» и репрессий внутри страны, оно увидело другую сторону «освобождения народов Европы от нацистского гнета». Советские фильмы предыдущего периода были довольно примитивны, прямолинейны, а здесь зритель ощутил сложные и противоречивые психологические переживания. Знакомству с европейским искусством способствовали проводившиеся с 1955 года «недели» зарубежного кино, а также Московские международные кинофестивали. Новым явлением стали и документальные

короткометражные, преимущественно зарубежные фильмы, в какой-то степени компенсировавшие советскому человеку малодоступные туристические поездки за границу. В крупных городах появились специальные кинотеатры для показа документальных фильмов, повествующих об экспедициях Ж. Кусто, Т. Хейердала и др., позволявшие увидеть природу джунглей и подводный мир. Все это вместе взятое изменило мировоззрение советского человека, увидевшего, что за границей существует не только «непримиримый конфликт труда и капитала» и «звериный оскал капитализма», но и обычная человеческая жизнь.

Следует сказать несколько слов и о киножурналах, которые показывались в начале киносеансов перед основным кинофильмом. В СССР производились киножурналы с идеологическим содержанием «Советский Союз № ...», «Новости дня № ...», в 1960-х годах появился сатирический киножурнал «Фитиль», а затем — детский сатирическо-юмористический киножурнал «Ералаш».

Другим массовым видом искусства была песня. Иностранцы, во множестве перебывавшие в России, начиная с XVII века, оставили немало записок, раскрывавших их соотечественникам «тайны загадочной русской души». И очень многие из них останавливались на поражающей их музыкальности русского народа, его «певучести», любви, даже страсти к песне. Отто Бисмарк, несколько лет бывший в России прусским послом, даже написал, что русский ямщик запекает, сев на облучок, и замолкает, только соскочив с него.

Это любовь к мелодичной песне сохранялась долгие десятилетия и после революции. Что же пели в Советской России?

Поскольку «песня нам строить и жить помогает», постольку, разумеется, она не могла выпасть из поля зрения идеологических органов, интенсивно воспитывавших советского человека «в духе преданности». Поначалу это была чисто политическая песня, начиная с «Интернационала», гимна Коммунистической партии, до 1944 года бывшего также и Гимном Советского Союза. Но «Интернационал», очевидно, смущал союзников СССР по антигитлеровской борьбе; недаром в 1943 году был распущен и сам Коммунистический Интернационал (Коминтерн). К тому же «Интернационал» непозволительно обходил мировую роль вождя советского народа. А в новом гимне во всю мощь звучали слова: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил». Правда, через десяток лет оказалось, что это была неправда, и текст гимна пришлось менять, что с большим тактом и проделал автор текста, С. Михалков. Новый гимн воспевал уже «Партию Ленина, силу народную». Потом оказалось,

что и это тоже не так, и Михалков с присущим ему талантом еще раз переделал текст гимна все на ту же мелодию.

Одновременно с «Интернационалом» на партийных собраниях и в подобной иной обстановке пелись «Варшавянка», а также «Рабочая Марсельеза», появившиеся еще до революции. А вот с новыми советскими песнями в первые годы были сложности: буржуазные композиторы идеями коммунистической партии не вдохновлялись, а своих партия еще не вырастила. И в первые годы советской истории в ход пошли разные переделки. Например, появившаяся в начале Первой мировой войны песня «Слушай, крестьянин, война началась. Бросай свое поле, в поход собирайся. Смело мы в бой пойдем за Русь Святую и, как один, прольем, кровь дорогую. Вот и окопы, трещат пулеметы, но их не боятся царские роты...» стала петься по иному: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов и, как один, умрем, в борьбе за это». А знаменитая в свое время «Партизанская песня», более известная как «По долинам и по взгорьям», несмотря на то, что, как гласит «Энциклопедический музыкальный словарь» (М., 1966), «ее мелодия была записана в конце 1920-х гг. А.В. Александровым; слова П. Парфенова», на самом деле была переделкой «Марша дроздовцев», белогвардейского офицерского полка Дроздовского. Впрочем, дурного тут ничего нет: такие переделки, преимущественно самодеятельные, существовали всегда; ниже об этом еще пойдет речь. Но в дальнейшем, как это часто бывает, подлинная история песни забылась, и ее стали считать народной песней времен Гражданской войны, как и созданную в 1935 году песню «Каховка» и многие другие; так они и попали в позднейших песенниках в рубрику «Песни Гражданской войны», хотя на деле это были песни о Гражданской войне.

Рассадником политических, революционных песен стали периодически издававшиеся песенники, небольшого формата толстенькие книжечки. Впрочем, в них печатались и строго отобранные, апробированные русские народные, либо авторские, но ставшие народными песни. Однако политическое пение преобладало. 16 февраля 1934 года газета «Вечерняя Москва» писала: «Октябрьский комитет комсомола начал “поход песни”. 50 тысяч молодых рабочих района будут разучивать семь революционных песен. Выпускается 50 тысяч песенников. 1 апреля состоится проверка. Участники похода соберутся на стадионе имени Дзержинского на “митинг песен”. Финиш похода — 1 мая на улицах Москвы». Политическая песня была делом общегосударственной важности. 23 марта 1936 года начался первый всесоюзный радиотрибунальный фестиваль. Он открылся исполнением «Интернационала» четыр-

надцатью городами страны. Первый куплет спел объединенный хор четырех городов: сопрано пели в Москве, альты — в Ленинграде, тенора — в Киеве, а басы — в Минске. Затем Петрозаводск, Тбилиси, Баку, Ереван, Минск, Киев, Чебоксары, Энгельс, Ташкент, Казань, Симферополь и Казань исполнили по одному куплету на своих национальных языках, а заключительный куплет исполнил снова хор четырех городов.

Появление подлинной, идеологически выдержанной советской песни относится преимущественно к 30-м годам. Едва ли не самыми продуктивными творцами новой песни стали композитор И. Дунаевский и поэт В. Лебедев-Кумач. Пожалуй, вершиной их творчества стала «Песня о Родине», написанная в 1936 году: ее слова «...Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек. От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей человек проходит как хозяин необъятной Родины своей» оказались необыкновенно созвучными событиям 30-х годов — от коллективизации и раскулачивания до Большого террора конца 30-х. Песня эта была создана ими для кинофильма «Цирк». А вообще-то большая часть таких песен как раз и была написана к кинофильмам, и уже с экрана перенималась народом, хотя бы та же «Каховка» Дунаевского (кинофильм «Три товарища» 1935 года).

Но источником знания этих песен были не только кинофильмы: я заучивал «Песню о Родине», а также «На просторах Родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили радостную песню о Великом друге и вожде» во 2-м классе со страницы «Родной речи», а позже, в 1953–1954 годах, на пионерских сборах разучивал с одноклассниками «Гимн демократической молодежи», «Вновь богачи разжигают пожар» и даже оказавшуюся позже вредной песню «Москва–Пекин» со словами «Сталин и Мао слушают нас». Вообще едва ли не самым популярными среди советских композиторов-песенников оказались гимны и марши, а также кантаты, воспевавшие Вождя, Партию и Советскую Родину («Милый край, Советская Россия, ты морскому сердцу дорога...»).

Думается, кстати будет отметить, что в собственно народе многих из этих песен воспринимались, по меньшей мере, скептически и иногда переделывались в издевательском духе: это было реакцией на идеологический нажим. Так, я с такими же мелкими хулиганами слова «Москва–Пекин, Москва–Пекин./ Идут, идут вперед народы/ За прочный мир, за крепкий мир/ Под знаменем свободы...» пел, разумеется, там, где этого никто не мог услышать, так: «Москва–Пекин, мы с...ть хо-

тим. / Идут, идут, идут народы. / И тут сортир, и там сортир / Под знаменем свободы...». А «Марш артиллеристов» («Артиллеристы, Сталин дал приказ...») искажалось так: «Артиллеристы, Сталин дал приказ: / Поймать училку и выбить правый глаз / За наши двойки и колы, напрасно прожитые дни...». Впрочем, переделывались и более невинные песни, так что известное утесовское «Легко на сердце от песни веселой...» пелось как «Легко на сердце от гречневой каши. / Она скучать не дает никогда. / И любит кашу директор столовой, / И любят кашу обжоры-повара».

Такой же реакцией идеологически незрелых подростков было культивирование блатной и романтической песенной лирики 20–30-х годов. Достаточно было восстановить первый (1931 года) советский звуковой фильм «Путевка в жизнь», как на улицах мальчишки запели «Жили-были два громилы, / Одни я, другой Гаврила...» и «Ты не стой на льду, лед провалится, / Не люби вора — вор завалится...». На все лады переделывалась (в основном в нецензурных вариантах) и распевалась блатная песенка 20-х годов «Гоп со смыком». Откуда-то всплыла романтическая песенка 30-х годов «В Кейптаунском порту...».

Впрочем, кроме бравурных песен советские композиторы в тех же 30–40-х годах создали немало и очень мелодичных лирических песен, где идеологически выдержанное содержание текста отступало на задний план («За дальнею околицей, под молодыми ивами / Два друга расставались, клялись в любви своей, / И было три свидетеля: река голубоглазая, березонька кудрявая да звонкий соловей...»).

Помимо кинофильмов и обязательного разучивания в школе советская песня, как средство воспитания трудящихся, с утра (с 6 часов) до ночи (до 24 часов) звучала из репродукторов радиовещания. Ведь наряду с кино радио стало «важнейшим из искусств». На улицах городов устанавливались мощные громкоговорители и в центре какого-нибудь крохотного городка с 12–15 тысячами жителей оглушающие звуки метались по улицам и переулкам. Радиофицированы были и жилища, черные бумажные тарелки репродукторов вполголоса бормотали практически в каждом доме. Радиофицированы были и многие села — те, куда протянулись провода электропередачи. В одной из популярных песенок 30-х годов так и пелось: «Загудели, заиграли провода: мы такого не слышали никогда». Вероятно, в годы войны выработалась привычка никогда не выключать «радио». К тому же часовая промышленность не справлялась с обеспечением населения часами, да и не всем они были по карману, так что еще в 50-х годах во многих сельских домах и городских бараках на стенах тикали не слишком надежные

«ходики» с гирями, а по радио регулярно пищали «сигналы точного времени». Радиоприемники же долго были еще большей редкостью, нежели наручные часы.

Поэтому и отбор музыкальных передач «Радиостанции имени Коминтерна» был очень строгим. Классическая музыка плохо котиновалась, современная зарубежная музыка... ну, о ней еще пойдет речь. Так что доминировала советская жизнеутверждающая песня, в небольшой степени одобренная «русской народной песней». К таковой относился репертуар хора имени Пятницкого и несколько дореволюционных авторских баллад, получивших статус народных: «Когда я на почте служил ямщиком», «По диким степям Забайкалья», «Степь да степь кругом», «Что стоишь, качаясь», «Раскинулось море широко», «Варяг» и... едва ли не все. Всего 12–15 песен.

Что касается зарубежной музыки, то в конце 40 — начале 50-х годов ее, даже ограниченная трансляция, например, в пределах клуба или танцплощадки, могла завести радиста далеко: ведь шла ожесточенная борьба с безродным космополитизмом и преклонением перед Западом. Во всяком случае, у нас в Омутнинске радист Дома металлургов летом 1953 года за слишком вольное обращение с репертуаром уехал из города не по своей воле, и туда, куда не хотел, и можно только надеяться, что не надолго. Так что из зарубежной песни звучала в эти годы только «Голубка».

Однако с середины 50-х годов положение с зарубежной музыкой стало быстро изменяться. Во-первых, по-видимому, отчасти изменилась политика радиовещания, и веселая оперетта, в т. ч. европейская, хотя бы чуть-чуть потеснила мрачные кантаты о партии. Во-вторых, на советский экран стали выходить зарубежные кинофильмы, а кино, как уже говорилось, было для народа источником песни. В-третьих, появились неплохие, лишенные навязшей в зубах идеологической остроты советские кинофильмы, и мои одноклассники распевали «Пять минут» и «Ах, Таня, Таня, Танечка, с ней случай был такой» из «Карнавальной ночи», а мальчишки «урчали» «Эй, моряк, ты слишком долго плавал...» из «Человека-амфибии». Наконец, довольно редкий патефон сменился сравнительно доступным электропроигрывателем и резко расширился репертуар грампластинок. Я в те годы был однажды поражен возбужденной толпой возле отдела грампластинок в челябинском универсаме: «давали» пластинку с известной песней «Ах, мороз, мороз...». А чуть позже одна за другой вышли несколько долгоиграющих пластинок с песенками А. Вертинского, интерес к которым никогда не исчезал.

Хотя репрессий против авторов и исполнителей, а также тех, кто так или иначе транслировал эти песни, уже не было, они рассматривались идеологами как вредное буржуазное поветрие, разлагающее трудящихся, особенно незрелую молодежь и внедряющие в сознание людей пошлость. Скрепя сердце, терпели и «шлягеры» конца 50 — начала 60-х годов типа чрезвычайно популярных «Ландышей», «Черного кота» и т. п. Их транслировали по телевидению и радио, тиражировали на грампластинках, но официальная критика все же слегка поругивала эти действительно лишенные всякого идейного содержания песенки. Но особенно доставалось джазу. Еще в 1966 году «Энциклопедический музыкальный словарь» отмечал, что джаз «приобрел характер коммерческого бизнеса, породил огромное количество ремесленных песенок и танц. номеров упадочного, порой циничного содержания». Намного раньше Максим Горький назвал джаз «музыкой толстых». Появившийся в СССР в конце 20-х годов, джаз переживал периоды гонения, и в ходу была шутливая поговорка: «Сегодня парень любит джаз, а завтра Родину продаст» (вариант: «Сегодня он играет джаз...»).

Подлинный идеологический обвал в области песни произошел в начале 60-х годов. Неожиданно возродилась и стала буквально гимном студенчества сочиненная еще в 30-х годах «Бригантина». Пленяло в ней все, начиная от такого «зарубежного» и р-р-романтичного слова «бригантина». Но главное: на улицы с тогдашних, еще дорогих и громоздких магнитофонов вылились песни В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Ю. Кима и других «бардов». Так было в буквальном смысле слова: магнитофоны выставлялись на подоконники открытых окон, чтобы всем было слышно; проходя мимо студенческого общежития, можно было услышать сразу нескольких «бардов», как чуть позже стали называть этих авторов, писавших тексты, подбиравших к ним мелодию и исполнявших под гитару «на трех аккордах». Вообще появление и распространение в быту магнитофона сыграло фатальную роль в идеологии в области музыки. Официальная пропаганда со всей мощью обрушилась на эти песни и их авторов, обвиняя в пошлости, аполитичности и других грехах; письма «ветеранов» с обличением «бардов» и тех, кто их слушает, регулярно появлялись в советских газетах. Но, вопреки этому, они пользовались широкой популярностью. В бытность мою в археологической экспедиции, а затем в стройотряде мы практически каждый вечер у костра хором распевали эти песни. Началось и активное возрождение «городского», или «жестокého» романа дореволюционного и 20-х годов, а также активное проникновение в широкие массы блатной песни.

Говоря о музыке, необходимо упомянуть о таком оригинальном, чисто советском явлении, как «музыка на костях» — в переносном, конечно, смысле. Это были кустарные записи джаза, буги-вуги, рок-н-ролла (о них еще пойдет речь) и прочего заокеанского тлетворного влияния, сделанные подпольно на рентгеновских пленках. Имеют место смутные слухи о появлении таких записей еще перед войной, но, во всяком случае, с конца 40-х годов они понемногу стали входить в быт, а в 50–60-х годах стали повседневным явлением. Дело в том, что в это время, сначала в Москве, Ленинграде, южных городах стали появляться общедоступные и недорогие студии звукозаписи, где можно было записать «говорящее письмо» на пленке и послать родным и близким такой оригинальный подарок. Вот на этих студиях, а затем и по домам умельцами, «доставшими» или сделавшими звукозаписывающую аппаратуру, и создавались в огромном количестве грамзаписи на рентгеновской пленке, благо, снимки кое у кого были дома, а больницы в конце года их должны были уничтожать по требованию пожарной охраны. Продавались они, разумеется, из-под полы, с оглядкой на прохожих, из которых ведь любой мог оказаться оперработником милиции и даже страшных «органов». За торговлю ими, а особенно за производство могли «припаять» вполне нешуточный срок если не за идеологическую диверсию, то за спекуляцию. И «припайвали»: инициаторы «теневого» производства успели отсидеть кто по разу, а кто и не единожды. Качество записей зачастую было ниже всякой критики, но иногда и вполне приличное.

Музыка неразрывно связана с танцами (точнее, наоборот: танец невозможен без музыки, но это неважно). Читатель уже настолько проник в сущность советской эпохи, что понимает: кино, песни могли стать средством протаскивания в советское общество чуждой, даже враждебной идеологии или, в лучшем случае, отвлечь людей от решения поставленных партией задач. Но танцы, наверное, были вне идеологического влияния, поскольку они не имеют вербального, как говорят ученые, выражения? Танец — он же бессодержательный, правда?

Да, именно так. И именно поэтому танцы сразу оказались под пристальным вниманием партии и ее верного помощника — комсомола. Именно вследствие своей идеологической нейтральности и бессодержательности в суровую пору военного коммунизма танцы были признаны крайне вредным занятием, отвлекающим молодежь от борьбы за построение социализма. И тех неустойчивых молодых людей, которые не понимали этого и все-таки предавались этому пустому заня-

тию, сурово прорабатывали их более идейные товарищи. Танец был объявлен буржуазным упадочническим развлечением.

Но этого мало. Люди ведь танцуют не по одиночке. Танцуют на семейных или иных вечеринках, в коллективе. А любой коллектив — это скопище, собрание. А любое собрание, особенно если это собрание пустых молодых людей, зараженных буржуазным поветрием — рассадник антисоветских идей. Так что танцевать на семейных вечеринках было делом не только пустым, но и опасным: уже не суровое осуждение старших товарищей могло ожидать собравшихся на танцульки, но карающий меч революции. Например, в 20-х годах «органами» было проведено «дело фокстротистов». Собиралась буржуазная молодежь из «бывших», танцевала под заезженные грампластинки только что вошедший в моду фокстрот, а потом их всех «взяли» и, снабдив приличными сроками, разослали по разным более или менее отдаленным местам. Во-первых, фокстрот сам по себе отвратительный танец, пробуждающий в молодом человеке низменные инстинкты, а во-вторых — собирались же...

Правда, с началом НЭПа мелкобуржуазная стихия все же начала брать верх. И на вечеринках стали танцевать не только растленный фокстрот, но и еще более растленное танго. Растлевающая мелкобуржуазная стихия проникала в глубь народа, и даже в годы войны оказавшиеся тылу командиры Красной армии (!) танцевали с девушками под крутившиеся на патефоне «Брызги шампанского», «Утомленное солнце нежно с морем прощалось» и «В парке Чаир распускаются розы». Ну, разумеется, танцевали и более невинные танцы: вальс (помните «В лесу неслышен, невесом слетает желтый лист. Старинный вальс “Осенний сон” играет гармонист...?»), а также краковяк, па-дэспань, падекатр, падепатинер и польку. Эти довольно сложные танцы продержались до 50-х годов. А фокстрот и танго еще и в начале этого десятилетия встречались с неодобрением.

В борьбе с растлевающим влиянием буржуазных танцев на переднем крае стояли массовики-затейники. Была такая штатная должность в домах отдыха и санаториях, где особенно много танцевали. Они-то и пытались обучать отдыхающих краковяку, польке и падекатру. Правда, получалось это плохо: они и сами-то, кажется, не умели их хорошо танцевать. Но все же обучали. И все бы ничего, но тут в стране началась хрущевская «оттепель» вместе с идеологической почти вседозволенностью.

И на советскую молодежь обрушилась идеологическая диверсия в виде забытых нынче ритмических танцев буги-вуги и рок-н-ролл. На

какой-то момент, может быть, как противовес им, возродился чарльстон и появились липси, финская летка-енка, как более невинные танцы. Даже по телевизору показывали песенку-танец чарльстон («Бабушка, отложи ты вязанье, заведи старый свой патефон...»). В Германской Демократической Республике был даже разработан новый, идеологически выдержанный танец «Дружба», слегка напоминавший летку-енку. Но «золотая» молодежь упрямо танцевала буги-вуги, подпевая: «Не ходите, дети, в школу, пейте, дети, кока-колу, и танцую буги-вуги, жмите груди у подруги...». Рок-н-ролл продержался недолго: этот, очень бурный парный танец, в котором парень крутил девушку вокруг себя, требовал большой свободной площади, а в квартирах очень-то не растанцуешься: как раз ударишь партнершу головой или ногами о пианино или буфет, что изредка и случалось.

А в начале 60-х годов, вытесняя и буги-вуги, и рок-н-ролл, и так и не привившиеся чарльстон, липси и летку-енку, начал свое победное шествие твист. Он даже попал в кинокомедию «Кавказская пленница». Но ведь недаром же именно отрицательные персонажи внедряют его в этом фильме: твист почти на всем протяжении целого десятилетия подвергался критике в комсомольской печати, как еще одна идеологическая диверсия...

Но на этом все и кончилось. Власти просто устали воспитывать людей и обучать их приличным и идеологически выдержанным танцам. Уже в 70-х годах молодые и не слишком молодые прыгали, крутились и раскачивались на танцевальных площадках, как кому в голову взбредет и насколько хватит энергии и гибкости...

В более благоприятном положении были народные танцы. В деревне и даже в маленьких провинциальных городах, мало отличавшихся от деревни, их танцевали еще в начале 50-х годов. Только писатель Ефим Дорош однажды обругал «Елецкого», отметив, что его танцуют «с тупыми лицами». Оно, пожалуй, и верно: танец вообще требует напряжения. Однако за «Елецкого» вступился другой писатель, Владимир Солоухин, и на этом дело кончилось. Да и вообще народный танец угасал собственно в народе, быстро узурпируясь сценической хореографией. В открывавшихся с 50-х годов институтах культуры были кафедры хореографии, готовившие для художественной самодеятельности руководителей ансамблей народного танца. А профессиональные хореографы, вышедшие из лона классического балета, создавали на его базе некое подобие народных танцев, усложненного рисунка симбиоз классического балета и народного танца. В балете для этого существует понятие «характерного танца» (ударение на втором «а»).

Ну, а если говорить без обиняков и экивоков, то это было ублюдочное зрелище, подававшееся со сцены и воспринимавшееся неискушенным городским зрителем, а особенно иностранцем, как «зажигательный русский танец». На этом поприще даже сформировались прославленные ансамбли Моисеева и «Березка», а также ряд «народных хоров»: Северный, Уральский, Воронежский и др. Особенно характерными для этого вида зрелищного искусства были т. н. «хореографические картинки» — небольшие, идейно выдержанные сценки в соответствующих костюмах. Помнится, в конце 60 — начале 70-х годов Северный народный хор ставил хореографическую картинку «На полевом стане», где исполнители были в комбинезонах механизаторов (подлинными механизаторами никогда не носившихся), а примерно через полтора-два года буквально этот же балет-пантомима в этих же костюмах назывался «Рыбаки», «На рыбацкой тоне» или что-то в этом роде.

Необходимо отметить, что наряду с этим идейным псевдофольклором существовал и подлинный фольклор. Фольклорная комиссия Дома композиторов и отдел фольклора Российского дома народного творчества выискивали в сельской местности небольшие самодеятельные фольклорные группы из местных жителей (и не только пожилых: среди стариков и людей среднего возраста была вкраплена и молодежь), вывозили их в города, в том числе и в столицу, где дважды в год устраивались своеобразные фольклорные фестивали-концерты. Правда, работа эта шла с переменным успехом: после появления эпохального труда Л.И. Брежнева «Целина», где один из составителей с пренебрежением высказался об «архайке», министерские и партийные чиновники, бдившие за фольклором, резко урезали деньги на поиск коллективов и их вывоз в города, и потребовали «создать и внедрить новый фольклор» (!!!). В их партийные головы не могло и мысли прийти, что фольклор потому так и называется, что создается самим народом, а искусственно создать (но не внедрить!) можно только псевдофольклор, которым они так наслаждались на партийных «форумах» в залах Кремлевского дворца съездов.

Говоря о музыке и о песне, нельзя умолчать о важнейшем средстве их трансляции — о радио. Разумеется, еще с дореволюционных времен музыка и песни записывались на грампластинки. Однако средства воспроизведения записей — граммофон, а затем патефон, были все же дороги и не особенно доступны. Только с появлением в середине 50-х годов электропроигрывателей, а затем, с 60-х годов — магнитофонов, записи начинают вытеснять радио.

Это изобретение конца XIX века уже в конце 20-х годов стало доступным даже в деревне — в виде простейшего и дешевого детекторного приемника, который под силу было собрать даже не особенно подготовленному радиолюбителю. Правда, слушать можно было только одну радиостанцию — «Имени Коминтерна».

Довольно подробно и красочно описал появление и внедрение детекторных приемников в родном селе и свое участие в их распространении писатель В. Солоухин. Ведь первым радиолюбителем здесь оказался его старший брат Николай, позже ставший профессиональным специалистом в области радио. «Радиоприемники, установленные Николаем, просуществовали во всех деревнях довольно долго, пока после войны их не вытеснили батарейные ламповые приемники «Родина», которые (не скажу про другие деревни) в нашем селе стоят в каждом доме.

Но жизнь продолжает свое движение. Батарейные приемники, просуществовавшие более короткое время, скоро тоже уйдут из деревенских домов, уступив место обыкновенным приемникам, действующим от обыкновенного электричества» (*Солоухин В. Владимирские проселки*).

В общем и целом Солоухин был прав. Проблема была лишь в том, что до второй половины 50-х годов, до создания Единой энергосети, большинство деревень не было электрифицировано, а батареи к приемникам, как и все в СССР, купить было не так просто. Но помимо линий электропередач по городам и весям страны тянулись линии радиовещания, а почти в каждом доме и в каждой городской квартире на стене висела черная «тарелка» радиорепродуктора, почти никогда не включавшегося. На эту тему даже была песенка: «Загудели, заиграли провода, мы такого не слышали никогда...».

Помимо более распространенных политико-информационных радиопередач («Последние известия», «Вести с полей» и т. д.) советское радио стало источником заучивания песен. Моя сестра, обладавшая хорошим голосом и слухом, прочти профессионально участвовала в художественной самодеятельности, так что все музыкальные передачи звучали у нас в доме из динамика радиоприемника (репродуктор я помню только во время войны, в эвакуации). Но, кроме того, тогдашнее радио оказалось для многих и источником познания классической литературы и драматургии. Была прекрасная передача «Театр у микрофона», были и литературные передачи. Я, например, с «Мертвыми душами» Гоголя и рассказами О. Генри впервые познакомился в детстве по радио. Были и прекрасные детские передачи — не «Пионер-

ская зорька», конечно, а «Клуб знаменитых капитанов». В общем и целом радио, как и кино и книги, становились окном в мир.

Важная воспитательная роль радио потребовала донесения его передач до всех слушателей. В городах на уличных столбах, а в маленьких городках — на крыше радиоузла устанавливались огромные радиорепродукторы, громко вещавшие на все окружающее пространство. Вот как, с большой долей негодования, описал это В. Солоухин в «Владимирских проселках»:

«Впрочем, я совсем забыл, что в центре Юрьева-Польского жить практически невозможно. Мы столкнулись с этим прискорбным обстоятельством в первый вечер.

Чудо современной техники, огромный, окрашенный в серебристую краску, поднятый высоко над самыми высокими зданиями, вещал репродуктор. Трансляция велась на таком усилении, что никакие стены не в силах были остановить напор, лавину, стихию звуков. Каждое словечко, каждый оттенок в интонациях диктора различался в помещении так же четко, как если бы репродуктор висел рядом в комнате...

Сначала мы думали, что радио будет орать часов до восьми. Потом скрепя сердце перенесли этот срок на десять, но оно орало ровно до полночи, заставив нас слушать и передачу для работников сельского хозяйства, и передачу для шахтеров (то-то их много в Юрьеве-Польском!), и письма родных на Северный полюс, и хор Пятницкого, и оперетту.

Наконец наступила тишина. Было ощущение, будто вас несколько часов трясли, кидали то вверх, то об землю, мяли, тискали, а теперь вот оставили в покое.

Блаженство продолжалось недолго. В шесть часов утра юрьевчанам предложили бодро вставать и заниматься зарядкой. Я даже посмотрел из окна на площадь, может, и правда бежит народ, выстраиваясь в ровные ряды для выполнения положенных гимнастических упражнений.

Потом всех взрослых горожан (какая нелепость!) заставили слушать “Пионерскую зорьку” — и пошло, пошло до новой полночи...

Мы вышли на улицу под звуки марша, метавшиеся по городу со скоростью трехсот тридцати метров в секунду. Звуки наталкивались на дома, меняли направление, дробились, терялись в зеленых просторах колокшанской поймы...».

В нашем городке точно так же целый день работал серебристый репродуктор. Правда, я сейчас не разделяю негодования Солоухина: мне кажется, что громкость передач была вполне приемлема. Во вся-

ком случае, когда я неподалеку целый день пас корову на пустыре, мне приходилось вслушиваться в слова песен. А прочие передачи просто пропускались мимо ушей.

Но радио, точнее, хороший радиоприемник таил в себе и опасность. Среди несознательных граждан примерно с 60-х годов ходила поговорка: «Есть обычай на Руси: ночью слушать “Би-би-си”». И действительно очень многие советские люди, убавив громкость и посмотрев в окошко, нет ли там соглядаятая (сослушателя?) приникали ухом к радиоприемнику, пытаясь расслышать какую-нибудь клевету. Конечно, вовсе не обязательно это было «Би-би-си». Это мог быть и «Голос Америки», а позже и «Немецкая волна» или «Свобода». Просто «Би-би-си» ложится в рифму. А началось вещание на Советский Союз радиостанции «Голос Америки» на русском языке 17 февраля 1947 года.

А пытались граждане расслышать передачи потому, что все они старательно забивались «глушилками». Читатель, возможно, видел на ближних подступах к Москве «радиополя», огромные, обычно поросшие леском площади, сплошь перекрытые радиоантеннами на мачтах; среди них возвышались одна-три более высоких мачты. Вот отсюда и поступал в радиоприемники несознательных граждан вой, треск, писк морзянки, обрывки каких-то передач и прочий эфирный «мусор». Приходилось постоянно «подстраиваться», слегка шевеля верньер, чтобы уйти от глушилки. Но иногда она так устойчиво «садилась» на волну, что, плюнув и высказав несколько нелестных пожеланий «Софье Власьевне», т. е. советской власти, и ее вождям всем в совокупности и каждому отдельно, а особенно их мамашам, приходилось быстро искать другую волну, набредая на другую передачу уже другой станции. Так что за вечер всех по кусочку переслушаешь.

Недавно у какого-то чудака в воспоминаниях я прочел, что глушилки в полную силу работали только на Москву и Ленинград, а в провинции-де все вражеские передачи слышны были очень хорошо. А я заявляю, что даже в северо-восточную часть Кировской области, в таежно-лагерную глухомань доходила сначала работа глушилок, а потом уже, на ее фоне — вражеские волны. Сам слышал, поскольку родители тоже были не прочь послушать врагов: что они там клеветают.

Это своеобразное соревнование между народной властью и народом преимущественно развернулось в 60-х годах. До того радиоприемники были в домах советских людей сравнительной редкостью. В довоенный период, они, надо полагать, были просто диковинкой.

С началом войны вышел приказ: все радиоприемники сдать в милицию. Правда, обещали после войны их вернуть владельцам, но мало ли

что нам обещали... И не сдать было нельзя, поскольку с 1933 года радиоприемники при покупке непременно регистрировались. Кажется, за них даже платили небольшой налог; во всяком случае, смутно припоминается что-то такое. Изъятие приемников, разумеется, было необходимо: вдруг бы немецкий шпион услышал адресованную ему шифровку. Правда, шпионы имели не только приемники, но и передатчики, но зато советские органы поставили галочку: меры против шпионажа приняты!

В послевоенный период по части глушения были определенные трудности. Дело в том, что в стране оказалось много радиоприемников иностранного производства, привезенных домой победителями из поверженных Германии и ее сателлитов. Мои родители в 1947 или 1948 году купили довольно громоздкий немецкий «Телефункен». Правда, кажется, он не столько работал, сколько занимал место на столе. И вскоре его сменила симпатичная «Балтика» рижского радиозавода ВЭФ. А сложности с глушением заключались в том, что и у зарубежных приемников, и у той же «Балтики» короткие волны начинались с 12 метров. И чем короче волны, тем сложнее их нащупать и заглушить. Так что мои детские впечатления от вечеров, особенно зимних, связаны с приглушенным рокотом глушилок и пробивающимся среди них каким-то квакающим голосом дикторов, да со своеобразными позывными «Би-би-си»: бом-бом-бом-бом... бом-бом-бом-бом...

Не следует полагать, что только мои родители были такими завзятыми антисоветчиками. Несмотря на все усилия Агитпропа и всей ВКП(б) во главе с ее сталинским ЦК, многие советские люди совершенно несознательно слушали враждебные передачи зарубежного радио. Чтобы помочь им освободиться от этой пагубной привычки, 28 июня 1949 года Агитпроп подал секретарю ЦК Г.М. Маленкову докладную записку с указанием на «необходимость ускорения выпуска дешевых радиоприемников без коротковолнового диапазона как одного из средств борьбы с антисоветской пропагандой по радио». Указывалось, что Совет министров уже принял 10 июня постановление «Об организации производства двух и трех ламповых радиоприемников “Москвич” и “Салют” без коротковолнового диапазона». По этому постановлению в 1949 году должно было появиться 110 тысяч этих приемников, и в 1950 году — 400 тысяч штук. А так называемые приемники 1-го класса, более дорогие и выпускавшиеся в сравнительно небольшом количестве, получили коротковолновую шкалу с 16 метров. Правда, в нашей стране всегда кто-нибудь да найдется, чтобы изгадить добрые начинания народной власти: множество любителей делали к сво-

им приемникам какие-то хитрые приставки, чем и портили их, без помех принимая «мутные волны».

Не нужно думать, что в ЦК и Совмине сидели какие-то злодеи, решившие ликвидировать конституционное право советских людей на свободу информации. Нет, все, что делалось в стране, делалось по просьбе самих трудящихся. Так, еще 1 марта 1949 года в ЦК пришло письмо корреспондента газеты «Социалистическое земледелие» по Калининской области П. Дудочкина, где он писал: «При посещении колхозов бросается в глаза неправильное, а порой вовсе антипатриотическое поведение некоторых владельцев приемников. Они слушают заграничные радиостанции и без зазрения совести говорят о том, что передают фашистские станции “Голос Америки” и “Би-би-си”. Таким образом, вражеская агитация против коммунизма распространяется самими же нашими людьми, строящими коммунизм... Конечно, надо разжечь огонь нашей агитации. Но это еще не все. Я пришел к такому выводу: может быть, неудобно изъять все радиоприемники у крестьян, но по одному в каждой деревне изъять надо обязательно. И дать понять, кому следует, что изъятые они за неправильное пользование ими».

Не знаю, не знаю... Может быть, товарищ Дудочкин слегка преувеличил. Что-то я и в более позднее время, в 50-х годах в крестьянских избах радиоприемников не видел. Радиорепродукторы — да, это было. Конечно, в тех деревнях, через которые шла линия электропередачи. Но приемники... И насчет разговоров «без зазрения совести» тоже что-то... Такие разговоры в 1949 году и без товарища Дудочкина решительно пресекались более компетентными товарищами. Да и не было в стране таких дураков, чтобы болтать невесть что. Но вот уже с конца 50-х годов, в 60-е и далее, действительно знакомые нередко делились впечатлениями от услышанного по «забугорному радио».

Между прочим, радиолюбители-коротковолновики были под строжайшим контролем: они-то как раз и могли оказаться первыми объектами враждебной пропаганды. В ноябре 1949 года Агитпроп ЦК с согласия т. Суслова отклонил приглашение Чехословацкого союза радиолюбителей-коротковолновиков принять участие в 3-м Всеевропейском соревновании радиолюбителей-коротковолновиков, поскольку это «может быть расценено как акт признания реакционной международной организации радиолюбителей. Кроме того, при тех условиях, на которых проводится соревнование, имеется полная возможность установить количество советских коротковолновиков и их дислокацию».

Вот такие неприятные последствия имело изобретение Александра Попова.

Еще одним «окном в мир» и средством проведения досуга на долгие десятилетия стала книга. Ведь телевизор в квартирах стал массовым явлением лишь в 60-х годах, а новые кинофильмы появлялись на экранах нечасто, да в кино каждый день и не находишься. В 70–80-х годах в советской прессе общим местом стало заявление о том, что советская страна — самая читающая в мире. В журналах и газетах, особенно выходивших в Москве и Ленинграде, появлялись данные о числе библиотек и объемах библиотечных фондов, о тиражах книг, журналов и газет на душу населения, о росте этих цифр, особенно в сравнении с 1913 годом, рассказы о том, как в метро, электричках и даже в автобусах пассажиры не отрываются от книг...

Следует признать, что в предыдущие десятилетия, во всяком случае, в послевоенный период, о котором я могу сказать, как очевидец, действительно, читали довольно много. В том числе читала и молодежь, начиная с младшего школьного возраста. И дети, и взрослые шли в библиотеки, менялись книгами из собственных библиотечек, а в конце 50-х годов в стране даже начался «книжный бум», и знакомство с продавцом книжного магазина стало столь же вожделенным, как знакомство с мясником. Я сам в детстве ходил в школьную, детскую и районную библиотеки, заведующая которой была приятельницей моей матери и могла придержать что-нибудь интересное. Ходил я и в заводскую библиотеку в Доме металлургов: хотя там преобладала техническая литература, можно было получить у библиотекаря (нашей соседки) и интересную книгу, если тебе по плечу были взрослые книги вроде «Фрегата “Паллада”» Гончарова или книг В. Арсеньева. А в конце 50-х годов в каникулы я рано утром, до открытия, отправлялся в ближайшие книжные магазины к «привозу» в надежде, что достанется что-то интересное. Именно «достанется», поскольку мне как-то не удавалось пристроиться на крыльце магазина первым: всегда несколько взрослых книголюбцев уже торчали там. Среди знакомых, с которыми я там постоянно встречался, был даже бывший алкоголик, «заболевший» книгой и бросивший пить!

Надо сказать, что книга в ту пору была относительно доступна и по цене, и вследствие больших тиражей. Сейчас уже 5 тысяч экземпляров считается большим тиражом, а тогда 100 тысяч никого не удивляли. Так что даже в глухом вятском селе, куда на улицы осенью и зимой забегали волки (!), я в Сельмаге купил «Приключения Перегрин Пикля» Т. Смоллета, «Цусиму» А. Новикова-Прибоя, «Порт-Артур»

Степанова, «Путешествия по Памиру» П. Лукницкого, «Путешествия по Замбези» Ливингстон и «Занимательную минералогию» Ферсмана. И позже, в 60–70-х годах, проезжая по дороге на рыбалку или охоту, я непременно останавливался в большом уральском селе Бродокалмак, чтобы заглянуть в книжный (именно в отдельный большой книжный магазин!), и там удавалось купить что-нибудь, вроде сборников стихов Пастернака и Андрея Белого в «Библиотеке поэта».

Большой ажиотаж вызывала подписка на многотомные собрания сочинений. Мои родители подписывались на журнал «Огонек» с его интересными многотомными приложениями, а также выписывали бюллетень «Книга — почтой» и выписывали все, что появлялось интересного.

Издавались и целые серии книг, и многие «книголюбы» специально собирали «Библиотеку поэта», «Жизнь замечательных людей» и «Военные мемуары». А для детей специально выходили серийные «Моя первая книжка» и «Книга за книгой».

Ну, а у кого не было специальных интересов и желания идти в книжный магазин задолго до его открытия и стоять в очереди, те все же читали унылые производственные романы Гладкова, Шагинян, Панферова или Кочетова. Но все равно — читали!

Сами по себе тиражи, особенно газет и журналов, которыми гордилась советская пропаганда, ни о чем не говорят. Начнем с того, что орган ЦК Коммунистической партии, газета «Правда», была просто обязательной для всех многочисленных библиотек страны, разного рода кабинетов политпросвещения и партийных комитетов всех уровней и даже для рядовых членов партии: хочешь не хочешь, а подписывайся. Правда, с небольшим скандалом, но рядовые «партийцы» могли от подписки отказаться. Мало того, уполномоченные по подписке на предприятиях и в учреждениях совершенно незаконно, но очень характерно для СССР навязывали подписку на «Правду» в «нагрузку»: хочешь подписаться на дефицитные «Литературную газету», «Неделю» или журналы «Здоровье», «Наука и жизнь» — подпишись на «Правду» или, на худой конец, на «Известия». Столь же обязательной была подписка на журнал «Коммунист». Комсомольцам навязывали «Комсомольскую правду», пионерам (но не столь настойчиво — все же дети, своих денег не имеют) — «Пионерскую правду». И, разумеется, на местах столь же активно и навязчиво распространяли местные партийно-советские газеты — разные «Кировскую правду», «Челябинский рабочий», «Голос рабочего» и пр. Впрочем, население обычно без особого ропота подписывалось на недорогую местную газету:

во-первых, с появлением в домах телевизоров потребовалось иметь к нему и телепрограмму; во-вторых, нужно же во что-то заворачивать селедку, хлеб и прочие продукты; в-третьих, туалетная бумага в СССР появилась довольно поздно, в 70-х годах, и то сначала в столице, а оправлялись люди с момента своего существования.

Одной «Правдой» принудительно распространявшаяся партийная печать не ограничивалась. Выходили в разное время «Блокнот агитатора» (именно в форме блокнота), «Политическое просвещение» и т. д., ведомственные газеты, вроде «Гудка» железнодорожников, «Водника», «Красной звезды», «Советского воина» или «Пограничника» военного ведомства и «Труда» профсоюзов, и т. д. Уже в 1929 году в СССР выходило 611 газет, в т. ч. на национальных языках. И все они находили более или менее внимательных читателей, хотя бы тех, кто ограничивался фельетонами и сообщениями о разводах. В общем-то, тиражи расходились, так что появился даже анекдот: киоскер говорит покупателю: «Правды» нет, «Известия» кончились, остался один «Труд». Многочисленными были молодежные и детские издания: «Мурзилка» и «Чиж и еж», «Костер», «Пионер», «Вожатый», «Юность».

Нельзя сказать, что все они были одинаково безлики и скучно-«партийны». Рассчитанной на интеллигенцию «Литературной газете» в 60–80-х годах позволялось немного больше, чем другим: не исключено, что она служила в качестве «клапана» для выпуска «пара» негодования на гримасы советской повседневной жизни. Во всяком случае, регулярно помещавшиеся в ней критические очерки Анатолия Рубинова на бытовые темы вызвали огромный интерес. Впрочем, это уже «Литературная газета» периода «застоя»: ранее эта газета имела более «боевой» характер.

Но, так или иначе, это действительно была «читающая страна».

Заключение

Таким образом, за 70–75 лет советской истории вся повседневная жизнь людей изменилась самым радикальным образом. Связано это не только с обычным техническим прогрессом, все ускоряющемся и характерным для всего мира, но и с еще более радикальными политическими, экономическими и социальными переменами в жизни бывшей Российской империи. Быстрое социальное перемешивание разных слоев, после кратковременного «ренессанса» буржуазности в период НЭПа, привело к нивелированию внешнего и внутреннего облика советских людей. «Раскрестьянивание» русской деревни сначала в конце 20 — начале 30-х годов, а потом со второй половины 50-х годов, имевшая взрывной характер урбанизация и индустриализация привели к огромным переменам в облике поселений, в характере жилища, его интерьерах, всей обстановке повседневной жизни советских людей, в их психологии, в социальном пространстве их исторического бытия.

Возможно, у молодого читателя, одолевшего эту книгу, сложилось впечатление, что повседневная жизнь советского человека была экстремальной жизнью. Действительно — безработица, голод, аресты, расстрелы, очереди, тяжелая подневольная работа, бедность... Как это не похоже на нашу современную повседневность, которую ведь тоже не все могут назвать счастливой.

И тем не менее можно проследить, как менялась эта жизнь, особенно с середины 50-х годов. Именно этот период и вспоминают наши пожилые современники, как время спокойной, стабильной и сравнительно обеспеченной жизни. Так что повседневная жизнь советского человека и ее пространство не были сплошным «экстримом», который нынче ищет молодое поколение, не знающее тех, бывших, и, надеюсь, канувших в вечность черт нашей жизни. Это была самая что ни на есть «повседневная повседневность». А о действительно экстремальной повседневности с ее Гражданской и Великой Отечественной войнами, террором, беженством и эвакуацией, пленом и угонем на работы в Германию, оккупацией и лагерями немецкими и советскими мы, может быть, еще поговорим.

Библиография

Анвьер С. Кровоточит моя жизнь. Из записок студентки-медички. М., 2005.

Андреева И. Частная жизнь при социализме: Отчет советского обывателя. М., 2009.

Андреевский Г. Москва. 20–30-е годы. М., 1998.

Андреевский Г. Москва. Сороковые годы. М., 2001.

Антипина В. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М., 2005.

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992.

Апель Ю. Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 — февраль 1945). М., 2009.

Арманд Д. Путь теософа в стране Советов: Воспоминания. М., 2009.

Астахов П. Зигзаг судьбы. Из жизни советского военнопленного и советского зэка. М., 2005.

Беловинский А.В. Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. М., 2015.

Беловинский А.В. История советской материальной культуры. М., 2014.

Бердинских В. История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001.

Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005.

Буковский В.К. И возвращается ветер. М., 2007.

Веселая З. 7–35. Воспоминания. М., 1990.

Веселая Г. По бездорожью XX века: Семейные истории. М., 2017.

Веселовский С.Б. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М., 2010.

Владимиров Ю.В. Как я был в немецком плену. М., 2008.

Военная одежда вооруженных сил СССР и России (1917–1990-е годы) / Авт. колл.: М.М. Хренов, И.Ф. Коновалов, Н.В. Дементюк, М.А. Теровкин. М., 1999.

Волков О. Век надежд и крушений. М., 1990.

Волконская С.А. Горе побежденным. Vae victis: Воспоминания. М., 2017.

Восленский М. Номенклатура. М., 2005.

«Вспоминай меня, глядя на небо...». «Кремлевское дело» и процессы 1930-х годов в судьбе семьи Урусовых-Раевских. Письма. Дневники. Документы. М., 2016.

Вульфов А. Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007.

Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. Советские записки. М., 1991.

Гиндилис В. Эпизоды из советской жизни: Воспоминания. М., 2008.

Глотов И. На разломе жизни: дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. М., 1997.

Голицын С. Записки уцелевшего. М., 1990.

Городцов В. А. Дневники. 1928–1944: В двух книгах. М., 2015.

Гофман И. Сталинская война на уничтожение: Планирование, осуществление, документы. М., 2006.

Гранин Д. Ленинградский каталог. Л., 1986.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.

Григоренко П. В подполье встретишь только крыс. М., 2014.

Давыдов А. В. Записки о том немногом, что осталось у меня в памяти о нашей жизни в Кулеватове после октября 1917 года. М., 2013.

Доманк А. С. Знаки воинской доблести. М., 1990.

Ельницкий Л. Три круга воспоминаний. Война и плен. М., 2012.

Ельницкий Л. Три круга воспоминаний. Лагерный дневник. М., 2013.

Ельницкий Л. Три круга воспоминаний. На паперти храма науки. М., 2014.

Зайцев Б. Улица святого Николая: Повести и рассказы. М., 1989.

Замараев А. А. Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922 годы. М., 1995.

Илюхов А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007.

Календарова В. Формируя память: блокада в ленинградских газетах и документальном кино в послевоенные десятилетия / Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. СПб., 2005.

Каргин Д. И. Великое и трагическое. Ленинград, 1941–1942. СПб., 2000.

Карпов Н. Маленький ostarbeiter. М., 2008.

Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004.

Кожин В. Россия. Век XX (1901–1939). М., 2002.

Копелев А. Хранить вечно: В двух книгах. М., 2004.

Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953 — начало 1980-х гг. М., 2010.

Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

Костяшов Ю. Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015.

Кремль за решеткой: Подпольная Россия. М., 2017.

Кулакова И. История московского жилья. М., 2006.

Куратов О. Хроники русского быта 1950–1990 гг. М., 2004.

Куреньшиев А.А. Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918–1922 гг. М., 2010.

Лебедев Ю. Блокадный пасьянс. М., 2014.

Лебина Н. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006.

Лебина Н.Б., Чистяков А.Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб., 2008.

Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель. М., 2014.

Левинский Д. Мы из сорок первого... Воспоминания. М., 2004.

Левинтов А. Выпивка и пьянка. М., 2005.

Левинтов А. Жратва. М., 2005.

Лишенков А. Столыпинский вагон. СПб., 2003.

Малинина Т.Г. Природа в автобиографическом ракурсе: Из заметок москвички // Сад: символы, метафоры, аллегории. Сб. статей. М., 2010.

Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990.

Мы все с одной деревни... М., 2006.

Мюллер Р. Д. На стороне Вермахта. Иностранные пособники Гитлера во время «Крестового похода против большевизма». 1941–1945 гг. М., 2012.

Нацкий Д.И. Мой жизненный путь. М., 2004.

Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944. М., 2013.

Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917–1920. Т. 1–2. М., 1997.

Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: В двух книгах. М., 2010–2011.

Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. М., 2008.

Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования / Под ред. М.В. Лоскутовой. М., 2006.

Пичурин А.Ф. Опечатка. Невыдуманная повесть. Томск, 1997.

Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы / Сост. К.М. Александров. СПб., 2011.

Полякова М.А. Усадьба и ее владельцы после 1917 года: документы и воспоминания // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 22 (38). СПб., 2017.

Полянская Т. «Социально опасные дети»: террор против семей «изменников Родины» // Живая история. 2017. № 2.

Рассыхаев И.С. «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева. 1902–1953 годы. М., 1997.

Рачков Д. Минует печальное время. Записки шестидесятника. М., 1991.

Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян. Взгляд из эмиграции. М., 2009.

Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001.

Рубинов А. Интимная жизнь Москвы. М., 1991.

Рубинов А. История трех московских магазинов. М., 2007.

Русские / Под ред. В.В. Александрова и др. М., 1999.

Русский Г. Ребенок в войне. М., 2002.

Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 1–2. М., 1996.

Сальникова А. История елочной игрушки. М., 2012.

«Свершилось. Пришли немцы!» Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012.

Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и остовцев. М., 2007.

Современный городской фольклор. М., 2003.

Сидоров А. Жиганы, уркаганы, блатари. Подлинная история воровского братства. 1917–1940 гг. М., 2005.

Солоухин В.А. Владимирские проселки // Владимир Солоухин. Лирические повести. Рассказы. М., 1964.

Солоухина-Заседателева Р. На задворках победы. М., 2008.

Сохраним в памяти Москву. XX век. Тридцатые / Сост. Н.И. Дубровина, М.В. Радзишевская, Д.Б. Споров, С.Ю. Шокарев. М., 2015.

Сохраним в памяти Москву. XX век. Сороковые / Сост. Д.Б. Споров, Е.Л. Лаврентьева, С.Ю. Шокарев. М., 2013.

Суворов В. Против всех. Кризис в СССР и борьба за власть в руководстве страны в первое послевоенное десятилетие. М., 2013.

Троцкий А. Моя жизнь. М., 1991.

Усов А. Записки рядового адмирала. М., 2005.

Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2004.

Федосюк Ю.А. Утро красит нежным светом... Воспоминания о Москве 1920–1930-х годов. М., 2004.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

Хлевнюк О. Большой террор: Сталин, Ежов и массовые операции НКВД // Живая история. 2017. № 2.

Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989.

Цизер Бенно. Дорога на Сталинград: Воспоминания немецкого пехотинца. 1941–1943. М., 2007.

Чирков Ю.И. А было все так... М., 1991.

Чиров Д. Средь без вести пропавших. Воспоминания советского военнопленного. М., 2010.

ЧК: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. М., 2017.

Чуковский К. Дневник. 1922–1935. М., 2011.

Шаламов В. Воспоминания. М., 2003.

Шапорина А. Дневники. М., 2011.

Шефнер В. Имя для птицы. Л., 1984.

Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 — август 1931). Париж, 1991.

Шор Е.Н. Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей. М., 2006.

Юров И. История моей жизни. Рыбинск, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Часть 1. Предметный мир советского человека	9
Поселения	15
Транспорт	19
Жилище	48
Интерьеры.....	64
Внешний облик советского человека.....	148
Пища, напитки, табак.....	255
Часть 2. Социальное пространство советской эпохи.....	271
Советское общество	273
Семья, женщина, дети	282
Номенклатура.....	305
Рабочие	322
Крестьянство	333
Интеллигенция	372
Армия.....	434
Маргиналы	445
Труд в СССР	459
Зарплата и халтура	479
Социальное обеспечение	493
Деньги и денежные реформы.....	501
Пайки, карточки и талоны	514
Цены.....	521
Торговля.....	530
Кухня и питание	569
Образование	608
Досуг	621
Заключение	659
Библиография	660

Научное издание

Беловинский Леонид Васильевич
Повседневная жизнь человека советской эпохи
Предметный мир и социальное пространство

Корректор: Башлай И.М.
Компьютерная верстка: Исакова Т.В.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Коновалова Т.Ю.
Крылов К.А.

Подписано в печать 06.10.2017. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 41,6. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

ООО «Трикта»,
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3.

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 495 221 8980

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.

Материальный мир советской эпохи

Телефоны

Автобусы

Грузовые

автомобили

Железнодорожный

транспорт

Легковые

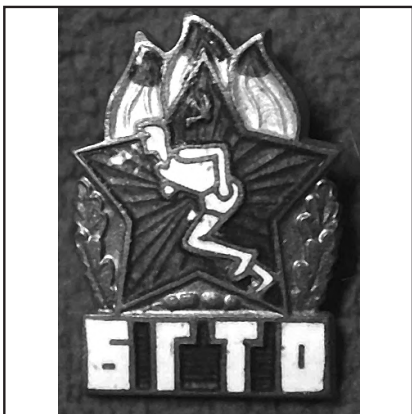

автомобили

Знаки

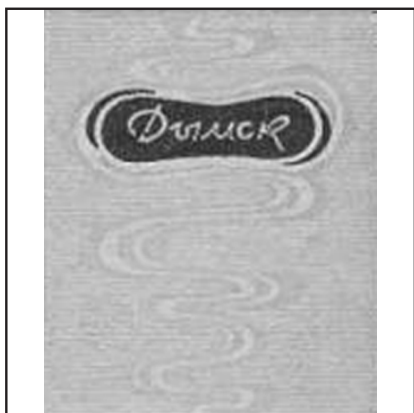

Табачные

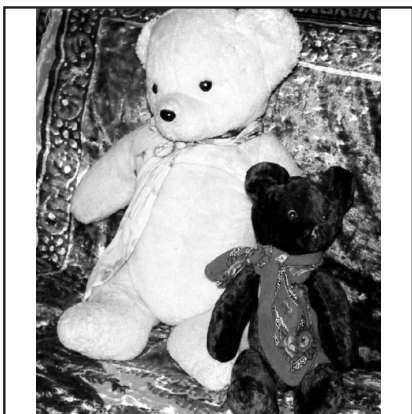

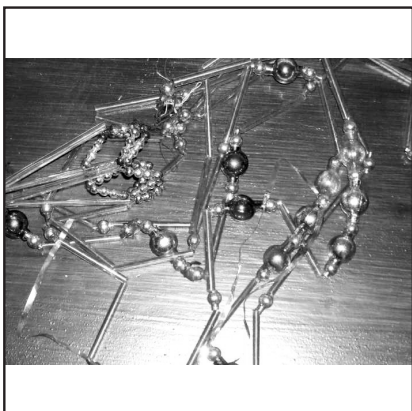
изделия

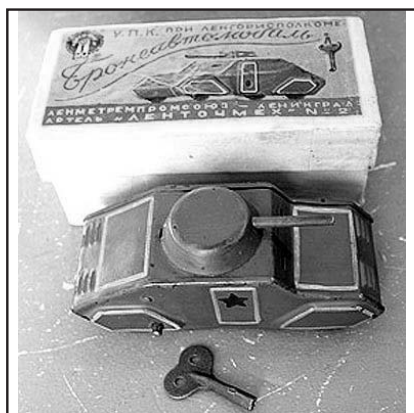
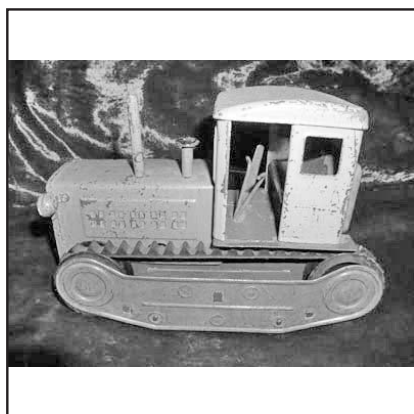
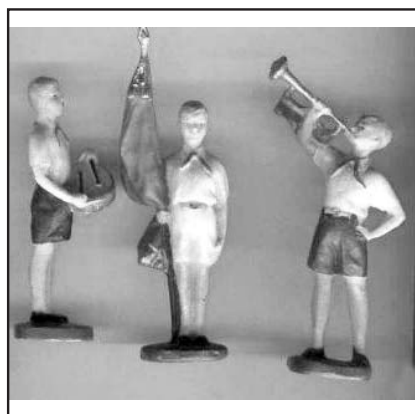

Игрушки

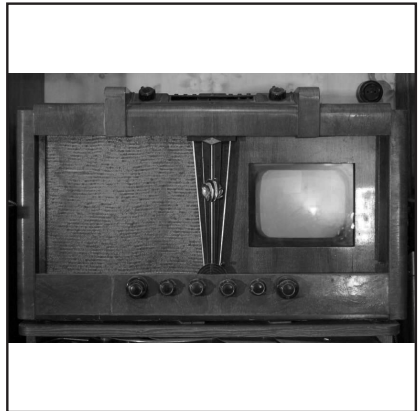
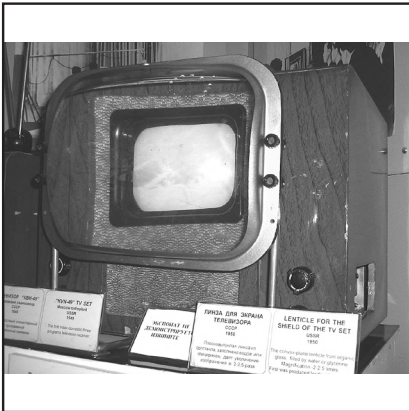
Фотоаппараты

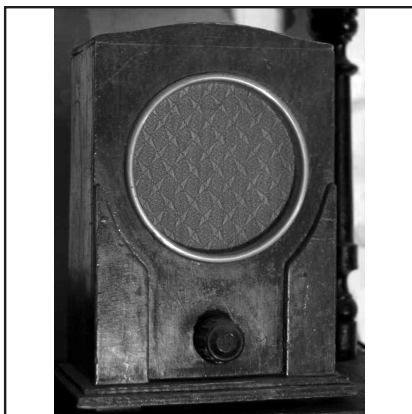
Телевизоры

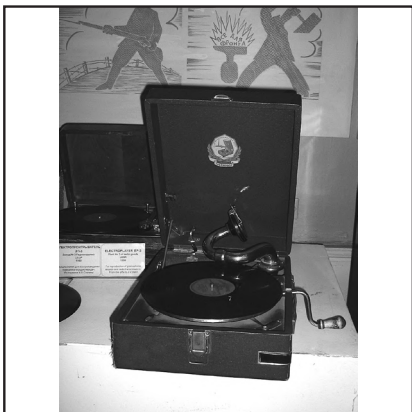
Радиоприемники

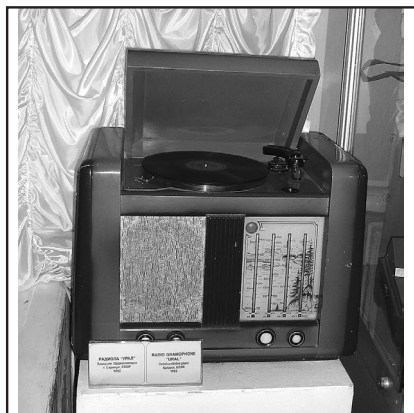

Проигрыватели

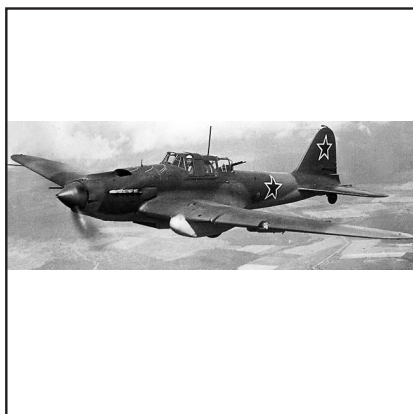

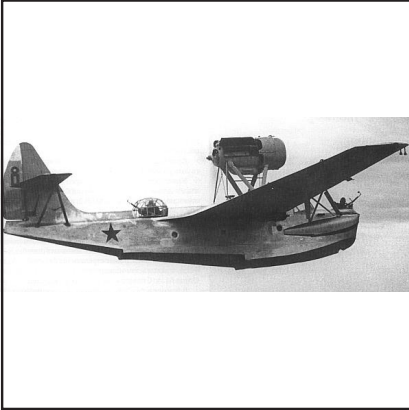
и магнитофоны

Самолеты

Трамваи

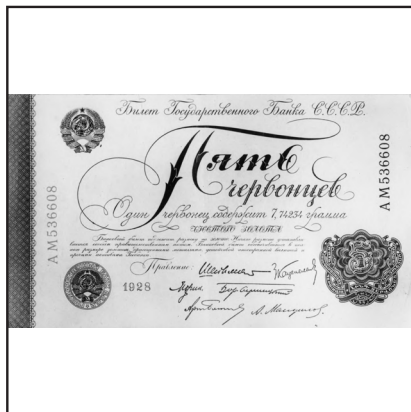

и троллейбусы

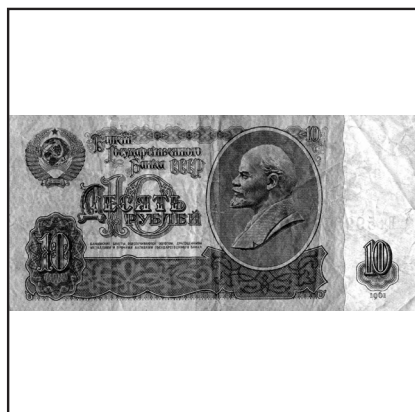
Денежные

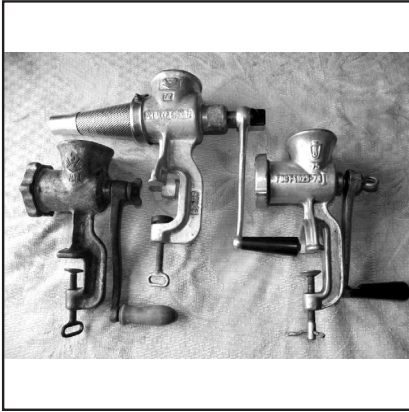
знаки

Предметы

быта

Ордена

Медали

